РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТЫЙ.

32611

1870

ДЕКАБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОЧЕРКИ ТОРГОВЛИ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ 1868—1869. А. Г. Ротчева.

II. БѢЛАЯ-КРИНИЦА ДО ПРІѢЗДА АМВРОСІЯ. Гл. IV—V. Н. И. Субботина.

III. ГРАФИНЯ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Генриха Крузе. Переводъ съ нѣмецкаго. Окончаніе. Ѳ. Б. Миллера.

IV. СЫЩИКИ. Историческая повѣсть изъ бироновскаго времени. Окончаніе. Булкина.

V. НА НОЖАХЪ. Романъ. Часть вторая. Гл. I—IV. Н. С. Лѣскова. (Стебницкаго.)

VI. УЧЕНІЕ КАКЪ ОНО У НАСЪ ЕСТЬ И КАКЪ ДОЛЖНО БЫТЬ. А. Н. Рубера.

VII. РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. *Археологическая топографія Таманскаго полуострова.* Изслѣдованіе К. Гёрца. Изданіе Московскаго Археологическаго Общества. М. С. Куторги.

VIII. НАША АРМІЯ. Формы и духъ. Н. В. Волоцкаго.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ГАРРИ РИЧМОНДА. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Гл. IV—IX.

О ПОДПИСКѢ

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1871 году будетъ стоить въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ доставки, ТРИНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП., съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки, 3 р. 40 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 4 р.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ; въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Иногородные адресуются ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ. Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, либо Петербургъ, по слѣдующему разчету:

	Р.	К.
Въ государства Германскаго Почтоваго Союза	16	—
Въ Бельгію, Нидерланды и Швейцарію . . .	17	—
Въ Данію	18	50

Въ Англію, Францію, Испанію, Португалію и Швецію . . . . . 20 —
Въ Италію . . . . . 24 —

Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Желающіе пріобрѣсти *Русскій Вѣстникъ*, за прежніе годы, могутъ покупать его въ конторѣ Университетской типографіи по слѣдующимъ уменьшеннымъ цѣнамъ:

Отдѣльно за каждый годъ.

		Съ пер.	Безъ пер.
За второе полугодіе 1857 года	12 книгъ	5 руб.	4 р. 25 коп.
„ 1858 годъ	24 книги	10 „	8 „ 50 „
„ 1859 „	24 „	10 „	8 „ 50 „
„ 1860 „	24 „	10 „	8 „ 50 „
„ 1861 „	12 книгъ	8 „	6 „ 50 „
„ 1862 „	12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1863 „	12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1864 „	12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1865 „	12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1866 „	12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1867 „	12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1868 „	12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1869 „	12 „	8 „	6 „ 50 „

За нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ.

	Съ пер.	Безъ пер.
За два года, какіе угодно	15 р.	12 р. — к.
„ три года	22 „	17 „ 50 „
„ четыре года	28 „	22 „ — „
„ пять лѣтъ	33 „	25 „ 50 „
„ шесть лѣтъ	37 „	28 „ — „
„ семь „	40 „	29 „ 50 „
„ восемь „	43 „	31 „ — „
„ девять „	46 „	32 „ 50 „
„ десять „	49 „	34 „ — „
„ одиннадцать лѣтъ	52 „	35 „ 50 „
„ двѣнадцать „	55 „	37 „ — „
„ двѣнадцать съ половиною лѣтъ . .	56 „ 50 к.	37 „ 75 „

Иногородные адресуютъ свои требованія въ редакцію *Русскаго Вѣстника*. Гг. книгопродавцамъ дѣлается уступка: съ пересылкой 5%, безъ пересылки 10%.

Тутъ же отпускаются и отдѣльныя книжки *Русскаго Вѣстника*, для пополненія разрозненныхъ годовыхъ экземпляровъ, за 1858, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67 и 68 годы по 50 коп. за книжку безъ пересылки, а съ пересылкою по 70 коп. За 1869 и текущій 1870 годъ отдѣльныя книжки отпускаются по 1 руб. 50 коп. за книжку.

Р. В. 1870. т. 90
Декабрь.
32611

ОЧЕРКИ ТОРГОВЛИ

СЕМИРѢЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

1868—1869.

I.

Въ послѣдніе годы русская печать довольно дѣятельно занималась вопросомъ: какіе пути могутъ быть самыми удобными для соединенія средне-азіятскихъ рынковъ съ рынками Россіи? Выработалось убѣжденіе что жизненная артерія средне-азіятской торговли должна непремѣнно идти путемъ Каспійскаго моря, къ одному изъ заливовъ его и оттуда на Бухару, на Самаркандъ, Ташкентъ и развѣтвляться такимъ образомъ по раздольямъ Киргизской степи и ея возникающимъ городамъ. Дѣло покажетъ насколько практична эта мысль, но нельзя не согласиться что не слѣдуетъ откладывать въ дальній ящикъ практическое разрѣшеніе этого важнаго вопроса. Сила обстоятельствъ, *fatum* древнихъ—непреодолимая судьба—поставила насъ въ Средней Азіи въ такое положеніе что вопросъ о торговыхъ путяхъ въ Среднюю Азію долженъ быть порѣшенъ *теперь* же или *никогда*. Даже враждебная ко всякимъ успѣхамъ Россіи на Востокѣ англійская печать признаетъ нынѣ что одно изъ призваній Россіи—„перенести европейскую культуру въ Азію и открыть европейской торговлѣ

доступъ въ населенныя страны Востока" и что „Европа должна желать чтобы Россіи удалось всесторонне выполнить задачу ею на себя взятую." Благосклонное пожеланіе сопровождается впрочемъ увѣренностію что Россія какъ нельзя болѣе далека еще отъ разрѣшенія своей задачи. Увѣренность эта основывается на аргументахъ не лишенныхъ интереса и которые не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію. „Простыя завоеванія, говорятъ Англичане, населенныхъ, но не развитыхъ въ промышленномъ отношеніи странъ, никакъ не могутъ способствовать замысламъ Россіи на будущее время. Пока Россіи не удастся ввести и привить европейскую культуру въ завоеванныхъ странахъ, какъ это сдѣлала Англія въ Остъ-Индіи, — русскія владѣнія въ Азіи не могутъ грозить опасностью Англіи. Объ устраненіи всякой опасности въ близкомъ будущемъ хлопотали сами русскіе генералы, отличнѣйшіе рубаки, но плохіе проводники культуры. Опасность приблизится и приметъ осязательныя для Англіи формы только тогда когда центральная Россія соединится съ Туркестаномъ желѣзною дорогой, когда въ этой области видимо скажется вліяніе европейской культуры, когда русская торговля найдетъ себѣ тамъ точку опоры для дальнѣйшаго распространенія въ сосѣднихъ ханствахъ. При такомъ положеніи дѣлъ, Россіи не трудно будетъ вывести на поле битвы силы равныя силамъ Англіи. Но все это предположенія, и Англичане могутъ спокойно пользоваться своими остъ-индскими сокровищами. Россія, которая еще не успѣла привить европейскую культуру въ восточныхъ провинціяхъ своихъ европейскихъ владѣній, тѣмъ менѣе поспѣшитъ распространить эту культуру на далекія провинціи Азіи, несмотря на ихъ *важное политическое значеніе*. Еслибъ она этого и пожелала, то у ней не хватило бы силъ. Еслибъ ей удалось устранить всѣ препятствія, то она наткнулась бы на границы Афганистана, какъ нѣкогда Англія наткнулась на Афганистанъ съ противоположной стороны, а Афганцы, ревниво охраняющіе свою самостоятельность, дали бы Россіи такой же энергическій отпоръ какой давали они до сихъ поръ Англичанамъ."

Если мы не хотимъ оправдать аргументы враждебной печати, то должны немедля приступить къ энергическому разрѣшенію вопроса о среднеазіятской торговлѣ. Повторяю: дѣло должно быть рѣшено *теперь* или *никогда*. Желалъ бы чтобы слова эти, къ которымъ привелъ меня опытъ, которые исто-

рическіе факты заставили меня подчеркнуть, не мимо шли, хотя и знаю какъ мало у насъ горячихъ поборниковъ, готовыхъ ломать копья за успѣхи русской колонизаціи. Стóитъ посмотрѣть что на этомъ полрищѣ сдѣлано нами въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Въ 1812 году мы заняли Сандвичевы острова. Въ то время на всей этой грушѣ не было ни слуха ни духа о миссіонерахъ-протестантахъ или миссіонерахъ-католикахъ. Мы первые съ береговъ сѣверо-западной Америки пришли въ этотъ земной рай, поставили тамъ править доктора Шефера съ русскими выходцами, а чрезъ два года откланялись этому краю въ пользу католическихъ и протестантскихъ поповъ. Въ 1817 году мы заняли заливъ Бодего на берегахъ Калифорніи, и вслѣдствіе нехозяйственныхъ, не раціональныхъ распоряженій представителей нынѣ сошедшей въ могилу Російско-Американской Компаніи, мы вынуждены были бросить за *блюдо чечевицы* это богатое наслѣдіе, эту житницу владѣній нашихъ на сѣверо-западныхъ берегахъ Америки. За симъ въ недавнее время мы за другое блюдо чечевицы, то-есть за семь милліоновъ долларовъ, отказались отъ другаго наслѣдія, то-есть отъ всѣхъ нашихъ колоній въ Америкѣ. А для колонизаціи береговъ Амура развѣ не были высланы нами лодонки русской арміи, то-есть слишкомъ 20.000 штрафныхъ солдатъ, которые завезли на Амуръ не силы торговой дѣятельности, не энергію цивилизаціи, а сифилисъ да цынгу, и сами пали костьми на берегахъ Амура.

Въ настоящей статьѣ я имѣю въ виду привести нѣсколько фактовъ относительно торговли въ Семирѣченской области въ послѣдніе два года. Но прежде чѣмъ перейду къ исполненію задачи, скажу нѣсколько словъ о томъ какое вліяніе на торговлю въ краѣ можетъ и должна имѣть мѣстная администрація. „Разрѣшеніе вопроса о томъ въ какой степени мѣстная администрація можетъ и должна вліять на нашу заграничную, въ Средней Азіи, торговлю во всякомъ случаѣ составляетъ одну изъ самыхъ безотлагательныхъ потребностей Туркестанскаго края.“ Таковъ взглядъ главноначальствующаго Туркестанскимъ краемъ. И дѣйствительно нельзя отрицать важности этого вопроса. Отвѣтъ на него прямо опредѣляется тою цѣлью какую имѣетъ правительство по отношенію къ азіятской торговлѣ. Цѣль эта, очевидно, заключается въ томъ

чтобъ обороты нашего купечества пріобрѣтали наибольшее развитіе, и чтобы русскіе товары проникали на азіятскомъ материкѣ какъ можно южнѣе и восточнѣе.

Борьба мусульманства съ будуизмомъ и конфуціанизмомъ, конецъ и исходъ которой еще и теперь никто не въ состояніи предсказать, даетъ въ настоящее время средство выполнить съ большимъ успѣхомъ эту важную задачу. Опустошительная религіозная борьба между Дунганами и Китайцами продолжается въ Среднемъ Китаѣ, отрѣзывая многіе милліоны бывшихъ подданныхъ Манджурской династіи отъ китайскихъ мануфактуръ. Эти инсургенты, составившіе нынѣ независимыя мусульманскія владѣнія, нуждаются въ мануфактурныхъ произведеніяхъ. Тѣ фабрики и тѣ купцы которые какъ застрѣльщики первые откроютъ Джунгарію и Восточный Туркестанъ, какъ рынокъ для сбыта своихъ товаровъ, станутъ владыками этого рынка.

Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ изъ современныхъ государственныхъ людей Англіи: „Отъ Яксарта и Кокана произошелъ большой наплывъ народа, выгнаннаго оттуда наступленіемъ Русскихъ. Эти изгнанники столпились къ востоку и заняли Кашгаръ и Яркендъ;недавно они пытались завладѣть и Хотаномъ. Вслѣдствіе того вся страна находилась въ положеніи полнѣйшей анархіи и безпорядка, и невозможно было предсказать ея судьбу. Такое положеніе дѣлъ было благопріятно для открытія съ туркестанскими племенами коммерческихъ отношеній. Предметы которые они прежде получали изъ Китая теперь къ нимъ нейдутъ, такъ какъ сообщеніе съ послѣднимъ отрѣзано, а ханъ Хотанскій (?) (вѣроятно „Коканскій“), который прежде ѣздилъ въ Индію, сдѣлался почитателемъ англійскаго правленія и высказываетъ большое желаніе открыть торговлю съ нами. Очевидно что положеніе въ которомъ въ настоящее время находится Средняя Азія благопріятно для открытія коммерческихъ сношеній съ самыми отдаленными племенами, и этимъ-то положеніемъ покуда могутъ съ успѣхомъ воспользоваться только русскіе купцы.“

Наше купечество живущее въ Ташкентѣ сознаетъ это и начинаетъ дѣлать попытки къ открытію новыхъ рынковъ и овладѣнію потребностями Средне-Азіятцевъ.

По особеннымъ условіямъ, въ которыхъ находились и находятся средне-азіятскіе народы, подобныя попытки не могутъ увѣнчаться успѣхомъ безъ болѣе или менѣе значи-

тельнаго риска. Очень можетъ быть что при энергическихъ попыткахъ распространить нашу торговлю, отдѣльныя личности потеряютъ свои капиталы и подвергнутся разнымъ опасностямъ. Но когда рядомъ усилій будутъ открыты новые рынки для сбыта нашихъ произведеній, то частныя потери загладятся и вознаградятся увеличеніемъ общей цифры русскаго народнаго богатства.

Если администрація, желая обезпечить русскіе капиталы, станетъ указывать купцу мѣста гдѣ онъ можетъ торговать безопасно и не допускать караваны въ страны гдѣ они могутъ подвергнуться опасностямъ, то это стѣснитъ кругъ нашей коммерческой дѣятельности до торговли съ пограничными пунктами сосѣднихъ ханствъ и поставитъ русскую торговлю въ пассивныя, то-есть въ самыя невыгодныя для насъ условія.

Помимо того, административная опека, при лучшемъ даже желаніи, невольно переходитъ въ тяжкую для купечества регламентацію, парализующую обыкновенно ту энергію и самостоятельность которыя такъ необходимы для коммерческихъ предпріятій. Съ другой стороны, администрація можетъ весьма легко ошибаться въ сужденіи о заграничной торговлѣ, потому что она по преимуществу смотритъ на нее съ политической точки зрѣнія. Такимъ образомъ, въ 1866 году купцу Хлудову было запрещено отправить караванъ въ Бухару, потому что мы находились тогда въ войнѣ съ эмиромъ. Несмотря на это запрещеніе, г. Хлудовъ отправилъ свой товаръ въ Бухару, частію скрытно, а частію завѣдомо, чрезъ Хиву и, не подвергая прикащиковъ ни малѣйшей опасности, расторговался съ значительными барышами.

Главному начальнику края принадлежитъ право направлять внѣшнюю дипломатическую и военную дѣятельность къ обезпеченію русской торговли въ Средней Азіи и согласовать интересы нашего купечества съ высшими политическими соображеніями. Областныя начальства должны только помогать коммерческимъ предпріятіямъ. Проникнувшись важностію такого дѣла какъ развитіе русской торговли въ Средней Азіи, они должны содѣйствовать купцамъ, ободрять наиболѣе энергическихъ представителей русскаго купечества, быстро и безъ всякихъ проволочекъ исполнять все въ чемъ купечество можетъ нуждаться отъ властей, однимъ словомъ,

добросовѣстно и отъ души содѣйствовать развитію нашей торговли.

Въ этомъ отношеніи главно-начальствующимъ краемъ уже приняты слѣдующія мѣры:

1) Изложена военнымъ губернаторамъ точка зрѣнія которою администрація должна руководствоваться по отношенію къ заграничной торговлѣ.

2) Предложено военнымъ губернаторамъ объявить купцамъ, какъ Русскимъ собственно, такъ и Сартамъ, и довѣреннымъ купеческихъ домовъ имѣющихъ конторы въ Туркестанскомъ краѣ что они могутъ отправлять свои караваны куда хотятъ, безъ всякой помѣхи со стороны администраціи. При этомъ объявлено имъ что правительство слагаетъ съ себя отвѣтственность за могущія случиться съ ними, или ихъ караванами, несчастія, хотя, на сколько это будетъ возможно, оно будетъ принимать всякія мѣры къ обезпеченію жизни и имущества русскихъ подданныхъ, даже въ предѣлахъ независимыхъ владѣній.

3) Предъ отправленіемъ каравана за границу, купецъ или его довѣренный долженъ подать въ областное правленіе объявленіе о томъ куда отправляется караванъ, съ обозначеніемъ съ какимъ онъ товаромъ, въ какомъ количествѣ и на какую сумму.

4) Купецъ или главный прикащикъ состоящій при караванѣ долженъ получить законный заграничный паспортъ.

5) По рекомендаціи военныхъ губернаторовъ, купцы могутъ получать письма или открытые листы на имя второстепенныхъ властей тѣхъ странъ куда направляется караванъ, и

6) Съ разрѣшенія военныхъ губернаторовъ, наиболѣе предпріимчивые изъ купцовъ, предъ отправленіемъ карановъ за границу, могутъ получать изъ областнаго правленія необходимыя разъясненія о политическомъ положеніи страны въ которую направляется товаръ и всѣ нужныя для предпріятія свѣдѣнія.

Что касается до правилъ которыя приняты для руководства въ Семирѣченской области при выдачѣ торговыхъ свидѣтельствъ, но они состоятъ въ слѣдующемъ.

Въ § 65 положенія объ управленіи Семирѣченской области сказано: причисленіе желающихъ въ купцы и мѣщане, и выдача мѣстнымъ купцамъ и мѣщанамъ изъ Русскихъ торговыхъ свидѣтельствъ и другихъ торговыхъ до-

кументовъ возлагается на уѣздныхъ начальниковъ; въ §§ 310 и 312: мусульмане торговцы изъ туземцевъ приписавшіеся къ обществамъ городовъ подчиняются относительно платежа торговыхъ сборовъ торговому уставу, безъ предоставленія имъ льготъ установленныхъ для Русскихъ; въ § 311—правила по торговлѣ и взиманія торговыхъ сборовъ тѣ же какъ и въ другихъ частяхъ Имперіи; существующія льготы для русскихъ подданныхъ остаются въ своей силѣ; въ § 315—иностранные азіятскіе купцы привозящіе товары въ область, обязаны брать торговыя свидѣтельства, на основаніи положенія о таковыхъ для русскихъ купцовъ и платить всѣ прочіе сборы и повинности которые въ тѣхъ мѣстностяхъ несутъ русскіе купцы, кромѣ выборовъ въ городскія службы. Примѣняясь къ этой статьѣ: 1) всѣ права и преимущества по торговлѣ предоставленныя Азіятцамъ существующими узаконеніями въ настоящемъ положеніи не упомянутыя отмѣняются и 2) льготы по торговлѣ дарованныя русскимъ подданнымъ въ степныхъ городахъ не распространяются на иностранныхъ азіятскихъ купцовъ.

Правила эти объявлены по уѣздамъ и приняты къ руководству съ 1го января 1868 года; затѣмъ при выдачѣ свидѣтельствъ и прочихъ торговыхъ документовъ постановлено въ обязанность руководствоваться какъ приведенными статьями положенія, такъ и торговымъ уставомъ, изложеннымъ въ приложеніи къ 275 ст. т. XI зак. гражд.; то-есть со всѣхъ приписанныхъ и временно пребывающихъ азіятскихъ купцовъ взыскиваются установленныя пошлины и повинности въ установленномъ размѣрѣ. Кромѣ того взимается, на основаніи циркулярнаго предписанія министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 8го февраля 1865 года, въ городской доходъ съ купцовъ, какъ Азіятцевъ, такъ и Русскихъ, состоящихъ на льготѣ и не пользующихся льготой, 1й гильдіи по 37 р. 50 к., 2й гильдіи по 15 р. и съ мелочныхъ торговцевъ по 2 рубля.

II.

Въ уѣздахъ Семирѣченской области, какъ въ осѣдлыхъ мѣстностяхъ, такъ и въ степи, существуетъ торговля двухъ родовъ: одна русскими мануфактурными и колоніальными товарами, какъ-то: матеріями, суконами, ситцами, чаемъ, саха-

ромъ и прочими предметами роскоши, а другая азіятскими издѣліями, преимущественно: дабами, выбойками, коврами, шелковыми матеріями и халатами, какъ бумажными, такъ и шелковыми, конскою сбруей для верховой ѣзды и пр.

Осѣдлое русское населеніе преимущественно покупаетъ предметы перваго рода, а кочевое, Киргизы,—втораго, за исключеніемъ небольшаго количества ситцевъ, сукна и чая; но эти предметы покупаютъ только тѣ Киргизы которые имѣютъ свои кочевья близь осѣдлыхъ населеній, дальнихъ же снабжаютъ торговцы разъѣзжающіе въ степи и кочующіе вмѣстѣ съ Киргизами въ ихъ волостяхъ.

Самихъ же торговцевъ также можно раздѣлить на два разряда: къ первому принадлежатъ исключительно Русскіе, производящіе торговлю только въ городахъ и станицахъ: они никогда сами въ степь не ѣздятъ; ко второму разряду принадлежатъ Татары и Сарты, въ рукахъ которыхъ находится въ степи положительно вся торговля. Торговцы Сарты преимущественно Ташкентцы, Бухарцы, Кашгарцы и Номонганцы.

Изъ Татаръ производящихъ торговлю въ степи, есть часть мѣстныхъ купцовъ и мѣщанъ Семирѣченской области, но по большей части это Петропавловцы и семипалатинскіе купцы. Какъ Сарты, такъ и Татары мало торгуютъ съ Киргизами на наличныя деньги; большею частію они вымѣниваютъ на свои товары барановъ, которые гуртами идутъ въ Ташкентъ, и въ Петропавловскъ. О размѣрѣ торговли этой свѣдѣній почерпнуть негдѣ; но объ обширности ея можно судить по даннымъ полученнымъ частію отъ содержателя перевоза на рѣкѣ Или, изъ которыхъ видно что въ 1869 году переплавлено для отправки изъ Сергіопольскаго и Копальскаго уѣздовъ въ Ташкентъ гуртовъ разнаго скота до 100.000 головъ. Обмѣнъ этотъ производится слѣдующимъ образомъ: въ нынѣшнемъ году купецъ даетъ Киргизу товаръ въ долгъ съ тѣмъ чтобы весной въ слѣдующемъ году онъ уплатилъ ему долгъ баранами, такимъ образомъ баранъ обходится торговцу не болѣе 80 к. до 1 р., рѣдко 1 р. 25 к. или 1 р. 50 к., да сверхъ того торговецъ пользуется и шерстью съ барана. Эта дача товаровъ въ долгъ производится большею частію безъ всякихъ законныхъ условій, а просто на слово, ибо торговецъ знаетъ почти каждаго Киргиза. Эксплуатируя такимъ образомъ своихъ потребителей, торговцы наживаютъ значительные барыши; цифры лучше всего докажутъ наши слова; 2хъ годовой баранъ стóитъ

отъ 2 до 2½ и до 3 р., если продать его осѣдлому населенію. Киргизъ, не имѣя денегъ на покупку товаровъ, отдаетъ барана торговцу за 1 р. или 1 р. 50 к. Не сбывать же барановъ этимъ торговцамъ Киргизы не могутъ, потому что потребность въ нихъ для пищи мѣстнаго осѣдлаго населенія слишкомъ незначительна. Устранить вредное вліяніе эксплуатаціи Киргизовъ торговцами нѣтъ возможности потому что она вызывается исключительнымъ положеніемъ Киргизовъ, въ особенности въ волостяхъ кочующихъ на значительномъ разстояніи отъ осѣдлыхъ населеній. Не имѣя денегъ и нуждаясь въ необходимыхъ предметахъ, Киргизъ невольно становится орудіемъ обогащенія торговца; Киргизъ радъ пріѣзду такого благопріятеля, у купца есть все необходимое для Киргиза, а поѣздка за 200 и 300 верстъ ему дѣло не легкое.

Не только съ начала образованія Семирѣченской области, но, если не ошибаюсь, съ основанія городовъ въ степи не было ни разу до настоящаго времени производимо въ здѣшнемъ краѣ повѣрки торговли и не было даже поверхностнаго надзора за правильностью торговли, въ особенности въ степи, вдали отъ населенныхъ пунктовъ. Правда, въ городахъ Копалѣ и Сергіополѣ, по распоряженію семипалатинскаго областнаго правленія, поручалось иногда производить эту повѣрку бывшимъ членамъ приказовъ тѣхъ городовъ, но это едва ли исполнялось, такъ какъ не сохранилось оба этомъ никакихъ данныхъ въ дѣлахъ тѣхъ приказовъ, или же если и дѣлались повѣрки, то большею частію по пословицѣ „спустя рукава“, такъ какъ не было никому нужды принимать-ся за это дѣло серіозно, въ виду того что не обращалось на это вниманія, и кромѣ того каждый членъ бывшихъ приказовъ имѣлъ на своей отвѣтственности и безъ того кучу дѣла. Само собою разумѣется что при такомъ слабомъ надзорѣ за торговцами со стороны мѣстной администраціи никто не заботился брать установленные торговые документы. При такомъ положеніи дѣла ежегодная командировка чиновниковъ для наблюденія за производствомъ торговли можетъ принести, для соблюденія казеннаго интереса, несомнѣнную пользу, по крайней мѣрѣ въ населенныхъ пунктахъ. Что касается до повѣрки тѣми же лицами правильности производства торговли въ степи, то эта мѣра неудобоисполнима, потому что трудное дѣло одному лицу объѣзжать всѣ волости, уѣзды и слѣдить за кочевою жизнью, за передвиже-

ніемъ этихъ волостей, дающимъ торговцамъ возможность ускользать отъ всякаго надзора. Неудобство это въ нѣкоторой степени можно устранить, если въ дѣлѣ надзора примутъ участіе волостные управители и ауыльные старшины Киргизовъ. Полезно было бы еслибъ эти лица по крайней мѣрѣ хоть разъ въ годъ къ извѣстному времени доставляли въ областное правленіе чрезъ уѣздныхъ начальниковъ, по разосланнымъ заранѣе формамъ, вѣдомости, съ обозначеніемъ въ нихъ имени и фамиліи торговца, размѣра и качества производимой ими торговли и, наконецъ, по какому документу такую торговлю онъ производитъ. Вѣдомости эти дадутъ возможность контролировать торговца, и порядокъ этотъ представитъ хотя нѣкоторую гарантію къ прекращенію безпошлинной торговли. Кромѣ этого слѣдовало бы обязать волостныхъ управителей не дозволять въ завѣдываемыхъ ими волостяхъ никому производить торговлю безъ разрѣшенія уѣзднаго начальства, для чего каждаго торговца не лишнимъ было бы снабжать особаго рода свидѣтельствами отъ уѣздныхъ начальниковъ, сверхъ торговыхъ документовъ, въ томъ что лицо это имѣетъ право торговать въ степи какъ оплатившій всѣ государственныя пошлины. Эти несложныя свидѣтельства послужили бы къ тому что волостные управители, не имѣя понятія о различныхъ видахъ и цѣнахъ торговыхъ документовъ, убѣждались бы что личность эта, предъявившая свидѣтельство, была у уѣзднаго начальника и слѣдовательно уже имѣетъ документы на право торговли.

Правительство, въ видахъ развитія торговли въ степи, давало разныя преимущества торговцамъ и привилегіи городамъ. Напримѣръ, на основаніи существующаго законоположенія, семипалатинскимъ и петропавловскимъ купцамъ дозволялась безпошлинная торговля во всей Киргизской степи. Будетъ ли законъ этотъ имѣть силу и въ настоящее время съ образованіемъ Семирѣченской области, такъ какъ проектомъ положенія объ управленіи въ областяхъ Туркестанскаго военнаго округа всякія льготы для торговцевъ отмѣняются, мы не знаемъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ уже возбужденъ въ Семирѣченскомъ областномъ правленіи, которымъ, вѣроятно, и будетъ разрѣшенъ.

Въ настоящее время взносъ пошлинъ торговцами производится также неравномѣрно. Напримѣръ, два лица торгуютъ на одну и ту же сумму и однимъ родомъ товаровъ, но одинъ

изъ нихъ, посмышленѣе или плутоватѣе, взялъ свидѣтельство на разносный торгъ, съ платой въ годъ 6 руб.; другой же на развозный, и заплатитъ 15 руб. Разница большая; права этихъ торговцевъ не должны быть одинаковы. Но въ степи Киргизу-потребителю какое до того дѣло? Было бы кажется полезнымъ не выдавать вовсе свидѣтельствъ на разносный торгъ лицамъ торгующимъ въ степи, такъ какъ свидѣтельства эти установлены преимущественно для извѣстнаго рода торговцевъ въ Россіи, такъ-называемыхъ *ходебщиковъ* или *офеней* коробщиковъ. Но вѣдь въ степи ни одинъ торговецъ не ходитъ пѣшкомъ, да и товары имѣетъ не того разбора какіе продаютъ коробщики. Сверхъ того, уѣздные начальники неправильно взыскиваютъ пошлины съ нѣкоторыхъ торговцевъ въ городской доходъ, а именно, иногородные торговцы производящіе постоянную торговлю въ станицахъ Урджарской, Сергіопольской и Лепсинской должны вносить только пошлины по положенію въ войсковой и станичный доходы, и взявъ въ томъ удостовѣреніе отъ станицъ, получать свидѣтельство уже безъ взноса пошлинъ въ городской доходъ.

III.

Генеральная повѣрка торговли и промышленныхъ заведеній, произведенная впервые въ прошломъ 1869 году въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ области, привела къ слѣдующимъ результатамъ:

	Разныхъ заведеній.	Лавокъ.	Питейн. домовъ.
1. *Въ городѣ Вѣрномъ.*			
Лавокъ торгующихъ мануфактурными и колоніальными товарами, краснымъ товаромъ, азіятскими бумажными товарами и пр.	—	17	—
Балагановъ и лавочекъ производящихъ мелочную торговлю азіятскими товарами, колоніальными и разными мелочными издѣліями	—	142	—
Чайныхъ лавокъ	—	2	—
Биржевые вѣсы	1	—	—
Станціонныхъ заведеній	2	—	—
Биржевыхъ заведеній	3	—	—
Фотографическое заведеніе	1	—	—
Часовыхъ дѣлъ мастеръ	1	—	

	Разныхъ заведеній.	Лавокъ.	Питейн. домовъ.
Купеческая контора В. И. Кузнецова	1	—	—
Питейныхъ домовъ	—	—	38
Ларей торгующихи сушеными фруктами, мыломъ, табакомъ и прочею мелочью	55	—	—
Винокуренный заводъ	1	—	—
2. Въ ст. Мало-Алматинской.			
Питейныхъ домовъ	—	—	9
Лавокъ	—	2	—
Баня торговая	1	—	—
3. Въ выселкѣ Надеждинскомъ.			
Мелочныхъ лавокъ торгующихъ азіятскими товарами, мясомъ, мыломъ, табакомъ и пр.	—	4	—
Питейныхъ заведеній	—	—	3
4. Въ выселкѣ Любовномъ.			
Лавка	—	1	—
Питейныхъ домовъ	—	—	2
5. Въ станицѣ Софійской.			
Лавокъ торгующихъ мануфактурными и колоніальными товарами, азіятскими мерлушками и разною мелочью	—	2	—
Лавочекъ	—	9	—
Питейныхъ домовъ	—	—	6
Винокуренный заводъ	1	—	—
6. Въ городѣ Сергіополѣ.			
Лавокъ производящихъ торгъ мелочными товарами, мануфактурными, мясомъ, солью, свѣчами и д. п.	—	18	—
Питейныхъ заведеній	—	—	9
7. Въ станицѣ Урджарской.			
Лавокъ торгующихъ разными статьями на киргизскую руку, мануфактурными товарами, сукнами, ситцами, колоніальными товарами и пр.	—	10	—
Питейныхъ домовъ	—	—	8
8. Стан. Лепсинская, въ Сергіопольскомъ уѣздѣ.			
Лавокъ торгующихъ мануфактурными и колоніальными товарами, конскими кольцами, мыломъ, табакомъ, разными мелочными товарами, спичками, солью, мясомъ, свѣчами, варомъ, квасцами и пр.	—	21	—
Питейныхъ домовъ	—	—	10
Винокуренный заводъ Кузнецова	1	—	—
Кожевенный	1	—	—
Мельницъ, каждая объ одномъ поставѣ	6	—	

	Разныхъ заведеній.	Лавокъ.	Питейн. домовъ.
9. Въ Токмакѣ.			
Лавокъ торгующихъ мануфактурными товарами, фруктами, чаемъ, азіятскими товарами, мелочными предметами, колоніальными и др.	—	51	—
Питейное заведеніе	—	—	1
10. На выселкахъ Саркандскомъ и Арасанскомъ.			
Лавокъ торгующихъ мануфактурными и колоніальными товарами	—	2	—
Питейныхъ домовъ	—	—	2
11. Въ выселкѣ Карабулакскомъ.			
Питейныхъ домовъ	—	—	2
12. Въ городѣ Копалѣ.			
Лавокъ и лавочекъ торгующихъ мануфактурными и колоніальными товарами, дабой, халатами, попонами, шелками, мѣдными вещами, бязью, желѣзными издѣліями, посудой и разными мелочными статьями	—	59	—
Питейныхъ домовъ	—	—	34
Оптовыхъ складовъ вина	2	—	—
Харчевень	4	—	—
Баня	1	—	—
Угловъ и будокъ торгующихъ мыломъ	11	—	—
Фотографическое заведеніе	1	—	—
Мельница объ одномъ поставѣ	1	—	—
13. Въ волостяхъ Копальскаго уѣзда.			
Питейныхъ домовъ близъ пикета Царицынскаго и въ выселкѣ Илійскомъ	—	—	3
Азіятскихъ торговцевъ торгующихъ на киргизскую руку разными мелочами три человѣка.			
14. На Караколѣ (бывшее укр. Аксу) Иссыкъ-Кульскаго уѣзда.			
Мелочныхъ лавокъ производящихъ торгъ бумажными русскими и азіятскими товарами, сушеными фруктами, чаемъ, табакомъ, мѣхами, коврами	—	18	—
Питейное заведеніе	—	—	1

Прибавимъ свѣдѣніе о размѣрахъ производства на кожевенномъ заводѣ купца Лисина въ городѣ Вѣрномъ. Изъ вѣдомости доставленной въ Вѣрненское полицейское управленіе оказывается что заводъ Лисина купилъ сырыхъ кожъ на 4.148 р. 60 к., обработка которыхъ стоила заводу 5.177 р. 50 к., а продалъ на 14.129 р. 14 к., слѣдовательно пріобрѣлъ

чистаго барыша 4.803 р. 3 к., то-есть слишкомъ 50 проц. на затраченный капиталъ.

Должно замѣтить что заводъ существуетъ только два года, и что въ первый годъ выдѣлано въ видѣ опыта не болѣе 300 кожъ. На выдѣлку кожъ онъ употребляетъ корень *кермесъ* какъ дубильное вещество.

Подобные результаты и даже можетъ-быть и болѣе значительные дали бы здѣсь заводы сахарные, при блистательныхъ сборахъ свекловицы, которая родится здѣсь превосходно, — стеариновые, а также и табачныя плантаціи.

IV.

Въ 1867 году генераломъ Колпаковскимъ была подана туркестанскому генералъ-губернатору записка о необходимости обезпеченія сбыта произведеній Заилійскаго края и объ устройствѣ пароходства по рѣкѣ Или и озеру Балхашу. Исходъ этого представленія мнѣ не извѣстенъ, но приводимыя въ запискѣ свѣдѣнія на столько интересны что считаю не лишнимъ привести ихъ словами подлинника.

„Въ настоящее время въ Заилійскомъ краѣ хлѣбъ продается по 20 коп. за пудъ, покупая же его четвертями, можно пріобрѣсти четверть хлѣба за 1 рубль 20 копѣекъ и даже за 1 рубль. Трудъ хлѣбопашца не окупается, сбыта нѣтъ и, неуспѣвъ продать жатвы прошлаго года, многіе изъ казаковъ намѣрены въ настоящемъ году не пахать. Въ то же время въ Семипалатинскѣ хлѣбъ продается по 2 рубля за пудъ, въ области Сибирскихъ Киргизъ пудъ хлѣба доходитъ до трехъ рублей. До настоящаго времени въ области Сибирскихъ Киргизъ хлѣбъ доставляется съ Иртыша, но неурожаи послѣднихъ трехъ лѣтъ уничтожили запасы Семипалатинской области, которая сама теперь добываетъ хлѣбъ извнѣ, изъ Каинскаго уѣзда Томской губерніи и изъ области Семирѣчинской.

„Изъ послѣдней хлѣбъ перевозится большею частію, за неимѣніемъ телѣгъ, на верблюдахъ, что чрезвычайно увеличиваетъ его цѣнность. Къ тому же верблюдовъ не всегда можно найти подъ рукой въ достаточномъ количествѣ.

„Все вышесказанное заставляетъ серіозно подумать объ изы-

сканіи для Семирѣченскаго края болѣе удобнаго способа сбыта его произведеній, тѣмъ болѣе что въ случаѣ уничтоженія хлѣба саранчей, какъ то было въ лѣто 1865 года, самому Семирѣчію неоткуда ждать подвоза хлѣба. Нужно, слѣдовательно, развить хлѣбопашество до того чтобы неурожай одного года могъ пополняться изъ запасовъ прежнихъ лѣтъ безъ помощи извнѣ, которая не мыслима. Такого результата можно достигнуть только помощію постояннаго обезпеченнаго сбыта, требующаго въ свою очередь удобнаго способа сообщенія. Лучшее, если не единственное средство для устройства постояннаго сообщенія между Заилійскимъ краемъ, нуждающимся въ сбытѣ, и областію Сибирскихъ Киргизъ, нуждающеюся въ хлѣбѣ, есть устройство парохода, который сплавлялъ бы баржи съ хлѣбомъ и другими произведеніями отъ Илійскаго пикета внизъ по теченію рѣки Или и выгружалъ бы его на сѣверномъ берегу Балхаша, гдѣ то окажется болѣе удобнымъ.

„Мысль о необходимости учрежденія пароходства по рѣкѣ Или и озеру Балхашъ не нова: еще въ 1856 году была снаряжена генералъ-губернаторомъ Западной Сибири экспедиція для изслѣдованія возможности плаванія по означеннымъ водамъ. Но въ то время все вниманіе начальника края было обращено на внѣшнюю торговлю Россіи съ Китаемъ—Ирбита съ Кульджей, такъ что съ началомъ волненій въ Илійской провинціи, съ уничтоженіемъ сказанной торговли, устройство пароходства на рѣкѣ Или было отложено. Къ тому же въ то время, то-есть въ 1856 году, Заилійскій край, можно сказать, еще не существовалъ для Россіи, а слѣдовательно не было и вопроса о потребностяхъ этого края, какъ не было и самыхъ потребностей.

„Въ настоящее время явственно выступаетъ главная потребность края. Одно осѣдлое казачье населеніе Заилійскаго края, силой всего въ 7.520 душъ обоего пола, дало въ прошедшемъ году, при слабо развитомъ хлѣбопашествѣ, 119.180 четвертей хлѣба. Вычтя $^1/_{10}$ означеннаго количества на сѣмена и по двѣ четверти на душу, для пропитанія, убѣдимся что двѣ заилійскія станицы съ своими выселками снабдили здѣшній рынокъ 92.222 четвертями пшеницы. При усиленіи же и развитіи хлѣбопашества, количество это будетъ значительнѣе. О посѣвахъ Киргизовъ данныхъ не имѣется, но принимая въ разчетъ большое количество ихъ полей и

то что они не стѣснены условіями близости осѣдлостей, а потому выбираютъ для своихъ пашенъ самыя удобныя мѣста, причемъ получаютъ не самъ-10 или 12, а самъ-20 съ зерна, должно предположить что они собираютъ хлѣба по крайней мѣрѣ вдвое противъ казаковъ.

„При такой массѣ произведеній, въ краѣ имѣется только два потребителя: войско и винокуренный заводъ купца Кузнецова. Остальное народонаселеніе не занимающееся хлѣбопашествомъ, по своей относительной малочисленности, не можетъ имѣть вліянія на цѣны. Нужно слѣдовательно искать потребителя внѣ страны, и по крайней мѣрѣ для хлѣба, этотъ потребитель найденъ: почти весь край лежащій на сѣверъ отъ Балхаша своего хлѣба не производитъ. Съ другой стороны, отсутствіе сбыта по необходимости останавливаетъ въ зародышѣ развитіе края, который при другой обстановкѣ, можетъ стать житницей всего сѣвера и вернуть сторицей суммы, которыя затратило бы на него правительство.

„Рѣка Или вскрывается около половины марта и становится въ ноябрѣ и декабрѣ. Средняя скорость ея теченія $4^1/_2$ версты въ часъ. На всемъ теченіи своемъ въ нашихъ предѣлахъ она судоходна. Самыя мелкія мѣста въ низкую воду, въ ноябрѣ, песчаный перекатъ у устья рѣки, на которомъ вода опускается до $1^1/_2$ аршина, и каменный порогъ въ 40 верстахъ ниже Илійскаго пикета, надъ которымъ воды, въ то же время года, бываетъ отъ $1^3/_4$ до 2 аршинъ. Съ марта мѣсяца, отъ таянія снѣговъ, вода въ Или повышается на 1 аршинъ. Въ іюнѣ и іюлѣ она достигаетъ наибольшей высоты, прибываетъ еще на аршинъ. Въ августѣ, когда горы начинаютъ покрываться снѣгомъ, вода начинаетъ убывать и достигаетъ наименьшей высоты къ ноябрю.

„Озеро Балхашъ не представляетъ препятствій для плаванія все время когда оно не покрыто льдомъ, то-есть съ апрѣля по ноябрь.

„Такимъ образомъ, на всемъ протяженіи разсматриваемаго водная пути, плаваніе можетъ производиться безпрепятственно бо́льшую часть года. Берега Балхаша покрыты саксауломъ, дающимъ жару въ количествѣ большемъ чѣмъ всѣ остальныя древесныя породы. По притокамъ Или имѣется каменный уголь, но настоящее его мѣсторожденіе не изслѣдовано.

„Таковы данныя представляемыя страной и ея жителями“.

Чтобъ осуществить свой планъ генералъ Колпаковскій обратился къ единственному денежному и предпріимчивому человѣку въ области, купцу Кузнецову, съ предложеніемъ устроить пароходъ.

Но Кузнецовъ, занятый винокуреніемъ, пивовареніемъ, выдѣлкой кожъ и золотыми пріисками, отозвался что не имѣетъ въ наличности свободныхъ капиталовъ для устройства парохода, баржъ и пристаней, и потому можетъ взяться за дѣло только если найдется возможность исходатайствовать ему ссуду отъ правительства въ 60.000 рублей.

Препровождая проектъ условій на которыхъ г. Кузнецовъ брался за дѣло, генералъ Колпаковскій присовокупляетъ что „почитая вопросъ объ учрежденіи пароходства на рѣкѣ Или и озерѣ Балхашѣ жизненнымъ вопросомъ для края, онъ предполагалъ бы, чтобъ облегчить существованіе означеннаго предпріятія, въ счетъ вышесказанной ссуды употребить 17.000 рублей киргизскаго капитала и часть войсковаго капитала, если таковой будетъ удѣленъ изъ Сибирскаго казачьяго войска.“

V.

Вслѣдствіе климатическихъ условій, чай составляетъ одну изъ насущныхъ потребностей осѣдлыхъ среднеазіятскихъ жителей; но такъ какъ они употребляютъ весьма жирную пищу, то предпочитаютъ тѣ сорты чаевъ которые производятъ чистительное дѣйствіе. Потому-то на плантаціяхъ гдѣ приготовляется чай на среднеазіятскую руку его поджариваютъ на мѣдныхъ листахъ, отчего онъ окрашивается окисью мѣди и пріобрѣтаетъ слабительное свойство. Кромѣ разныхъ сортовъ зеленыхъ чаевъ, въ Среднюю Азію идутъ кирпичные чаи, въ четыреугольныхъ плиткахъ (вѣсомъ въ 7½ фунтовъ), заклеенныхъ наглухо въ лапку, и большими кусками, баузами, въ 1—2 пуда каждый. Байховаго чая въ Среднюю Азію идетъ весьма мало, такъ какъ онъ почти не потребляется туземными жителями.

Россія получаетъ чаи чрезъ Кяхту изъ плантацій Фу-Дзянъ и Ханькоу, лежащихъ западнѣе мѣстъ гдѣ воздѣлываются чаи на среднеазіятскую руку. Къ намъ идутъ почти исключитель-

по только байховые чаи, въ небольшомъ количествѣ обыкновенный кирпичный чай (въ $2^1/_2$ фунта кирпичъ) и такъ-называемый калмыцкій (въ $3^1/_2$ фунта кирпичъ). Затѣмъ до сихъ поръ въ Кяхту не выписывались сорты чая которые потребляются въ Средней Азіи.

Событія послѣднихъ лѣтъ въ Китаѣ отозвался на чайной торговлѣ въ здѣшнемъ краѣ и въ будущемъ должны, повидимому, во многомъ измѣнить ея характеръ.

Въ 1862 году въ предѣлахъ западнаго Китая вспыхнуло возстаніе Дунгановъ, народности тюркскаго происхожденія, живущей по всему пространству имперіи Китая, особенно же въ западной ея части. Такъ какъ Дунганы жаркіе поклонники ислама, то ихъ возстаніе получило характеръ борьбы мусульманства противъ послѣдователей буддизма и конфуціанизма. Въ теченіе протекшихъ пяти лѣтъ Дунганы успѣли уничтожить власть Манджуровъ на огромномъ пространствѣ отъ истоковъ Желтой Рѣки до границъ Семипалатинской области.

Кромѣ политическаго значенія, возстаніе Дунгановъ имѣетъ и другія не менѣе важныя стороны. Между прочимъ оно остановило весьма дѣятельное въ прежнее время торговое движеніе между Китаемъ, съ одной стороны, и Коканомъ, Бухарой, Хивой и другими сосѣдними государствами — съ другой. Это особенно отразилось на чайной торговлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ огромные склады чая бывшіе въ городѣ Урумчи (до 32.000 мѣстъ одного байховаго чая) сожжены инсургентами въ 1864 году. Той же участи подверглись запасы чая въ другихъ городахъ западнаго Китая попавшихся въ руки Дунгановъ. Сообщеніе западныхъ губерній съ плантаціями прервано и вѣроятно долго еще не возстановится.

Если возстаніе въ западномъ Китаѣ кончится, какъ нужно ожидать, образованіемъ независимаго мусульманскаго государства, или нѣсколькихъ отдѣльныхъ владѣній, то чайная торговля Китая съ Средней Азіей подвергнется еще большимъ затрудненіямъ, благодаря ненависти существующей между Дунганами и Китайцами не мусульманами. Можетъ-быть даже пройдетъ очень много времени прежде чѣмъ Кульджа, Кашгаръ и Урумчи, станутъ опять чайными рынками. Если же, что едва ли можно предположить, возстаніе Дунгановъ будетъ подавлено, то для сбора пошлинъ, сбиравшихся внутри Китая съ чая идущаго въ Среднюю Азію, необходимо чтобы сотни

городовъ разрушенныхъ и разграбленныхъ Дунганами возникли изъ пепла, а это потребуетъ очень много времени.

Возстанія мусульманъ въ западномъ Китаѣ начались уже съ давнихъ поръ, но, за исключеніемъ послѣдняго, они обыкновенно кончались тѣмъ что манджурское правительство возстановляло въ своихъ владѣніяхъ порядокъ силой оружія. Въ этихъ періодически повторявшихся возстаніяхъ принимали дѣятельное участіе всѣ среднеазіятскія государства, особенно Коканское ханство, становившееся иногда къ Манджурамъ въ открытыя враждебныя отношенія. По усмиреніи каждаго изъ подобныхъ возстаній, китайское правительство наказывало и своихъ бунтовавшихся подданныхъ и среднеазіятскія государства тѣмъ что оно облагало чай идущій чрезъ западную границу имперіи высокими пошлинами. Такимъ образомъ предъ возстаніемъ Дунгановъ на пути отъ плантацій гдѣ приготовлялся чай на среднеазіятскую руку къ западнымъ границамъ Китая существовали уже три группы внутреннихъ заставъ (въ губерніяхъ Шанъ-си, Ганъ-су и Сичуанъ), находившіяся въ рукахъ откупщиковъ, которые сбирали съ привозимаго чая весьма тяжелыя пошлины. Этимъ объясняется почему цѣны на чаи въ Кульджѣ и Кашгарѣ были весьма высоки еще раньше дунганскаго возстанія. Въ 1862 году, зеленый чистый чай стоилъ въ Кульджѣ ящикъ въ 160 русскихъ фунтовъ отъ 60 до 70 ланъ серебра (ланъ равняется 2 р. 50 к. сер.). Низшіе сорты того же чая стоили за ящикъ не менѣе 45 ланъ. Незначительное число байховаго чая продавалось въ томъ же году въ Кульджѣ по 20—22 ланъ за ящикъ въ 80 фунтовъ вѣсомъ. Этотъ ящикъ покупался на плантаціяхъ за 5—7 ланъ. Въ 1858 году, ящикъ зеленаго чая въ 160 фунтовъ стоилъ въ Кашгарѣ отъ 40 до 90 ланъ, смотря по достоинству.

Весь чай потребляемый Средней Азіей складывался первоначально въ городѣ Урумчи и оттуда направлялся двумя путями: 1) чрезъ Кульджу, Вѣрный, Ауліэ-ата и Чемкентъ и 2) чрезъ Кашгаръ, Кашгаръ-Давапскій проходъ, городъ Омъ и далѣе либо на Ходжентъ, Самаркандъ и Бухару, либо на Коканъ, Наманганъ и Ташкентъ.

По свѣдѣніямъ имѣющимся у начальника упраздненнаго Алатавскаго округа, въ 1862 году прошло изъ Кульджи чрезъ укрѣпленіе Вѣрное 2.044 верблюда съ чаемъ (до 30.000 пудовъ). По оцѣнкѣ самихъ торговцевъ, этотъ товаръ стоилъ до 600.000 руб.

Обороты Кашгара были еще значительнѣе. Хотя нѣтъ данныхъ для точнаго опредѣленія этихъ оборотовъ, тѣмъ не менѣе можно составить себѣ нѣкоторое понятіе объ ихъ размѣрѣ по разказамъ Азіятцевъ, увѣряющихъ будто чрезъ Омскую таможню по пути изъ Кашгара въ Коканъ проходило прежде ежегодно отъ 60 до 80 тысячъ лошадиныхъ вьюковъ чая, то-есть отъ 300 до 500 тысячъ пудовъ. Кромѣ того въ Среднюю Азію шли партіи чая посылаемыя Англичанами изъ Индіи. Чаи индійскаго привоза были тоже большею частію зеленыхъ сортовъ, но по своему достоинству они гораздо ниже чаевъ привозимыхъ чрезъ Кульджу и Кашгаръ.

По пути отъ Ханькоу и Фу-Дзяна до Кяхты весьма мало внутреннихъ заставъ, и пошлины на нихъ сбираются съ проходящихъ чаевъ въ гораздо низшихъ размѣрахъ сравнительному съ тѣми которыми оплачиваются чаи на среднеазіятскую руку. На этомъ основаніи кяхтинскіе чаи сравнительно дешевле кашгарскихъ и кульджинскихъ. По разчету покупки чая въ Кяхтѣ въ 1863 году, оказывается что 80 фунтовъ чая, стоившаго на мѣстѣ, въ Ханькоу, 6 ланъ серебра, обходились кяхтинскимъ купцамъ около 17 ланъ, между тѣмъ, какъ сказано выше, за то же количество байховаго чая въ 1862 году въ Кульджѣ платили 20—22 лана.

Если допустить что перевозка чая отъ Кяхты чрезъ Томакъ въ Семипалатинскъ должна стоить не дороже доставки въ Ирбить, то-есть по 4 руб. съ луда, выйдетъ что въ Семипалатинскѣ кяхтинскій чай обойдется въ $20^{1}/_{3}$ ланъ или не болѣе 21 лана за ящикъ; слѣдовательно цѣна чая въ Вѣрномъ могла бы быть, и безъ возстанія Дунгановъ, не болѣе какъ въ Кульджѣ, еслибы чай не обкладывался въ Кяхтѣ пошлиной.

Въ 1862 году, зеленый чай стоившій въ Кульджѣ 48 ланъ продавался въ Ташкентѣ бухарскимъ купцамъ за 50 тилля. Разчитывая ланъ въ 2 р. 50 к., а тилля въ 3 р. 75 к. и полагая провозную плату отъ Кульджи до Ташкента за ящикъ въ 180 фунтовъ въ $1^{1}/_{4}$ тилля, выйдетъ что прибыль, за исключеніемъ расхода по перевозкѣ, составитъ 67 р. 70 к. за ящикъ, или $53^{0}/_{0}$ на затраченный капиталъ. Приведенныя цифры доказываютъ неоспоримо что торговля чаемъ въ Средней Азіи приносила вѣрные барыши даже раньше чѣмъ началось возстаніе Дунгановъ. Тѣмъ болѣе выгодна должна она быть въ настоящее время.

Нынѣ, послѣ того какъ прямое сообщеніе съ плантаціями прервано, Средняя Азія получаетъ чай: 1) изъ Индіи и 2) изъ Россіи.

По неопредѣленнымъ извѣстіямъ полученнымъ изъ упраздненной Туркестанской области, можно думать что количество чая привозимаго изъ Остъ-Индіи въ Среднюю Азію стало увеличиваться въ прямой пропорціи съ развитіемъ и успѣхами возстанія Дунгановъ. Согласно словесныхъ показаній ташкентскихъ жителей, можно полагать что въ 1868 году вывезено изъ Пешавера на 10.000 верблюдахъ (до 160.900 пуд.) чая на всю Среднюю Азію.

Сорты этого чая совершенно подходятъ подъ среднеазіятскіе вкусы, то-есть байховаго чая изъ Остъ-Индіи почти не привозится. Зеленый же и кирличный чаи пришедшіе изъ Пешавара совершенно тѣхъ сортовъ которые до возстанія Дунгановъ получались Среднею Азіей изъ Кульджи и Кашгара. Всѣ сорты остъ-индскихъ чаевъ везутся изъ Кантона моремъ до Калькутты, Бомбая и другихъ портовъ Индіи. Партіи предназначенныя къ отправкѣ въ Среднюю Азію поднимаются вверхъ по Инду до Аттока, а отсюда прибываютъ въ Пешаверъ. Здѣсь чаи упаковываются въ мѣшки и на верблюдахъ, или другихъ вьючныхъ животныхъ, идутъ чрезъ Кабулъ въ Бухару и Самаркандъ. Наемная цѣна верблюда отъ Пешавера до Бухары $8\frac{1}{2}$ тилля, то-есть до 2 р. 25 к. за пудъ клади. Караваны во время слѣдованія уплачиваютъ законной пошлины до $22\frac{1}{2}$ % со стоимости товара въ городахъ: Кабулѣ, Саргосимѣ, Баміалѣ и Хулумѣ по 5% и въ бухарскомъ городѣ Каркы $2\frac{1}{2}$ %.

Во время слѣдованія чай подмачивается и проникается запахомъ лота вьючныхъ животныхъ, отчего онъ теряетъ всякій ароматъ. Наконецъ караваны отъ Пешавера до Бухары рискуютъ быть разграбленными Трухменами и другими дикарями населяющими попутныя страны. Все это вмѣстѣ не можетъ способствовать развитію чайной торговли въ Средней Азіи чрезъ Остъ-Индскія владѣнія. Если зеленые и кирличные чаи и покупаются въ Ташкентѣ, слѣдовательно еще въ большей степени въ Бухарѣ и другихъ не русскихъ частяхъ Средней Азіи, то это зависитъ отъ того что наши купцы не привозили до сихъ поръ тѣ сорты чаевъ къ которымъ привыкли Средне-Азіятцы; байховые же чаи идущіе изъ

Нижняго и изъ Ирбити не удовлетворяютъ средне-азіятскіе вкусы.

Имѣя въ виду все вышеизложенное и вѣроятную долговременность безпорядковъ произведенныхъ въ западномъ Китаѣ возстаніемъ Дунгановъ, правительство справедливо находитъ крайне выгоднымъ чтобы наше купечество взяло бы въ свои руки чайную торговлю въ Средней Азіи. По иниціативѣ военнаго министерства, кяхтинское купечество послало въ городъ Ташкентъ для изслѣдованія вопроса о чайной торговлѣ купца Трубчанинова, и въ то же время двинуло въ Среднюю Азію значительные караваны байховаго чая. Между тѣмъ этимъ же купечествомъ принимаются мѣры къ полученію чрезъ сансійскихъ купцовъ чаевъ тѣхъ сортовъ которые потреблялись въ Средней Азіи.

Обстоятельства несомнѣнно благопріятны. Отъ насъ зависитъ ими воспользоваться.

А. Г. РОТЧЕВЪ.

БѢЛАЯ-КРИНИЦА

ДО ПРІѢЗДА АМВРОСІЯ*

(ИЗЪ ИСТОРІИ БѢЛОКРИНИЦКОЙ ІЕРАРХІИ.)

IV.

Черновицкій крайзамтъ не нашелъ съ своей стороны никакихъ препятствій дать надлежащее движеніе просьбѣ бѣлокриницкихъ иноковъ объ учрежденіи самостоятельной липованской іерархіи съ епископомъ во главѣ. Напротивъ, черновицкія власти нашли что примѣръ прочихъ существующихъ иновѣрцевъ и представленная въ копіи грамота Іосифа II составляютъ вполнѣ достаточное основаніе для такой просьбы; а заявленіе Павла что липованы, съ учрежденіемъ у нихъ правильной іерархіи, не замедлятъ ввести въ употребленіе и метрическія записи, они приняли съ такимъ довѣріемъ что въ виду столь важнаго результата признали нужнымъ поддержать бѣлокриницкую просьбу и своимъ собственнымъ ходатайствомъ предъ высшимъ правительствомъ. Въ такомъ смыслѣ рѣшено было крайзамтомъ сдѣлать представленіе въ Лембергъ, губернскому начальству, на разсмотрѣніе котораго над-

* См. № 10 *Русск. Вѣстн.*

лежало препроводить и самую просьбу. Но въ просьбѣ этой имѣлись пункты относительно которыхъ крайзамту необходимо было сдѣлать официальное дознаніе, чтобъ имѣть возможность, при представленіи дѣла въ губернію, дать нужныя по оному объясненія: 1) Желаніе имѣть своего епископа выражено въ прошеніи отъ имени всѣхъ липованъ: нужно было удостовѣриться дѣйствительно ли общества липованскія имѣютъ такое желаніе; 2) для жительства будущему епископу предназначенъ липованскій монастырь находящійся при селеніи Бѣлая-Криница: нужно было собрать точныя свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ, когда онъ устроился и на какихъ основаніяхъ существуетъ теперь; 3) содержаніе будущему епископу монастырь обязуется доставлять изъ собственныхъ средствъ: нужно было удостовѣриться дѣйствительно ли имѣетъ монастырь достаточныя средства чтобы могъ прилично содержать епископа; наконецъ 4) необходимо было развѣдать и о томъ можно ли въ самомъ дѣлѣ положиться на обѣщаніе Павла что метрики безпрепятственно будутъ приняты липованами, когда они получатъ правильно устроенную іерархію. Для собранія точныхъ свѣдѣній по всѣмъ этимъ пунктамъ, крайзамтъ, въ исходѣ апрѣля 1840 года, нарочно отправилъ въ Бѣлую-Криницу коммиссара Шаловскаго.

Эта первая „коммиссія“ по дѣлу объ учрежденіи архіерейской каѳедры произвела очень непріятное впечатлѣніе на бѣлокриницкихъ липованъ: ихъ опасеніе что начнутся разные хлопоты, спросы и переспросы, начало сбываться такъ скоро! Могло случиться что, въ ожиданіи новыхъ подобныхъ непріятностей, они теперь и вовсе откажутся отъ участія въ затѣяхъ „калугеровъ“. Для Павла съ Геронтіемъ это было очень тревожное время; требовалось все ихъ искусство чтобъ успокоить липованъ. И сами, не мало озабоченные пріѣздомъ коммиссара, они увѣряли ихъ что эта „коммиссія“ есть обыкновенная формальность, безъ которой невозможно обойтись, и что затѣмъ уже липованскому обществу нечего опасаться какихъ-либо новыхъ безпокойствъ. Между тѣмъ они вошли въ ближайшія сношенія съ самимъ черновицкимъ коммиссаромъ. Панъ Шаловскій оказался человѣкомъ весьма доступнымъ, и на свое порученіе, дѣйствительно, смотрѣлъ какъ на дѣло простой формальности. Можно было надѣяться поэтому что всѣ показанія какія будутъ ему сдѣланы онъ примутъ, не подвергая строгой повѣркѣ. По вопросу о желаніи обществъ

липованскихъ имѣть своего епископа, Шаловскій ограничился показаніемъ однихъ старшинъ, которые, по убѣжденію Павла, не отказались подтвердить предъ коммиссаромъ что просьба о епископѣ подана съ согласія всей липованской громады, и что епископа имъ желательно пріобрѣсти. Относительно средствъ на содержаніе будущаго епископа настоятель, инокъ Іоиль, представилъ коммиссару составленное инокомъ Павломъ исчисленіе разныхъ „грунтовъ“ и угодій якобы принадлежащихъ монастырю и дающихъ не малый доходъ, также сдѣланныхъ якобы монастырю нѣкоторыми лицами денежныхъ вкладовъ: этимъ показаніемъ коммиссаръ удовлетворился вполнѣ и наводить справки не счелъ нужнымъ. Гораздо труднѣе было дать объясненія по двумъ остальнымъ пунктамъ. Вопросъ о монастырѣ имѣлъ ту весьма щекотливую сторону что долженъ былъ вызвать изъ забвенія прежнія дѣла, въ силу которыхъ монастырь подвергнутъ двукратному запрещенію отъ правительства. Нѣтъ сомнѣнія что инокъ Павелъ, проживъ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ около года, успѣлъ хорошо познакомиться съ его исторіей и понималъ какою опасностію грозили нынѣшнему существованію монастыря, а вмѣстѣ и самому дѣлу объ учрежденіи въ немъ архіерейской каѳедры, эти состоявшіяся въ прежнее время правительственныя рѣшенія. Устранить столь опасное по своимъ послѣдствіямъ затрудненіе, достигнуть того чтобы прежнія правительственныя распоряженія относительно липованскаго монастыря оставались, какъ было доселѣ, въ забвеніи, или въ противномъ случаѣ были признаны не основательными и не дѣйствительными—это сдѣлалось теперь одною изъ главныхъ заботъ инока Павла. Въ показаніи лану Шаловскому онъ старался по возможности избѣжать всего что̀ могло бы вести къ напоминанію о прежней исторіи монастыря и ограничился общимъ отвѣтомъ что монастырь съ давнихъ поръ существуетъ на грунтѣ отданномъ и завѣщанномъ въ его владѣніе старовѣромъ Иларіономъ Петровичемъ Коровьи-ножки, и что въ настоящее время имѣетъ столько-то иноковъ и находится въ положеніи благоустроенномъ. Что же касается вопроса о метрикахъ, то бѣлокриницкіе старшины и теперь, въ показаніи Шаловскому, не отступили отъ своего прежняго рѣшенія, то-есть показали что распоряженіе правительства о веденіи метрическихъ записей считаютъ нарушеніемъ предоставленной имъ грамотой Іосифа II религіозной

свободы. Павелъ, напротивъ, далъ показаніе что веденіе метрикъ не противно ни религіи липованъ, ни „привилегіи“ Іосифа II, что одно только неимѣніе правильно устроенной іерархіи было причиной почему доселѣ употребленіе метрикъ не принято у липованъ, и что съ учрежденіемъ архіерейской каѳедры, очевидно, устранится главное и единственное къ тому препятствіе. Это формально данное показаніе Павелъ, однакоже, просилъ коммиссара, въ видахъ успокоенія липованъ, сохранить въ тайнѣ. Протоколъ этой первой слѣдственной коммиссіи по дѣлу объ учрежденіи бѣлокриницкой іерархіи подписанъ былъ 30го апрѣля 1840 года.*

Заботясь главнымъ образомъ о соблюденіи формальной правильности въ дѣлопроизводствѣ, крайзамтъ нашелъ собранныя Шаловскимъ показанія достаточными, по крайней мѣрѣ на первый разъ, чтобы сдѣлать о поданной липованскими иноками просьбѣ представленіе губернскому начальству въ смыслѣ благопріятномъ для просителей. Это представленіе, вмѣстѣ съ подлиннымъ прошеніемъ иноковъ Бѣлокриницкаго монастыря и протоколами Шаловскаго, было отправлено въ Лембергъ 29го іюня. Но крайзамтъ не могъ не примѣтить что въ его представленіи, а также и въ протоколахъ коммиссара есть пунктъ весьма слабо разъясненный,—именно пунктъ о самомъ Бѣлокриницкомъ монастырѣ. Не было сомнѣнія что изъ губерніи потребуютъ гораздо болѣе полныхъ и точныхъ свѣдѣній, что̀ это за монастырь, давно ли и на какихъ основаніяхъ существуетъ, и потому представлялось необходимымъ заблаговременно позаботиться о собраніи этихъ свѣдѣній и приведеніи ихъ въ надлежащій порядокъ. Вообще, для успѣшнаго веденія начатаго липованскими иноками дѣла о епископѣ, въ интересѣ самихъ просителей, крайзамтъ находилъ нужнымъ потребовать отъ нихъ подробнаго изложенія исторіи монастыря, его назначенія, принятыхъ въ немъ правилъ общежитія,—всѣхъ вообще свѣдѣній о внѣшнемъ и внутреннемъ его устройствѣ. Посредствомъ такого изложенія, особенно если будетъ искусно составлено, крайзамтъ надѣялся расположить высшее правительство въ пользу монастыря, тѣмъ больше что и въ прежнее время, какъ было ему извѣстно, главнымъ поводомъ къ закрытію монастыря послужило не-

* Это число указано въ губернскомъ рѣшеніи по настоящему дѣлу, отъ 16го октября 1842 года.

имѣніе точныхъ о немъ свѣдѣній, подозрѣніе что это есть какой-то „странный духовный институтъ". Наконецъ, въ видахъ же содѣйствія успѣшному окончанію дѣла о епископѣ, крайзамтъ находилъ полезнымъ чтобы сдѣлано было точное изложеніе самаго вѣроученія липованъ, такъ какъ правительство, не имѣя надлежащихъ о немъ свѣдѣній, не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи строгаго различія между липованами и прочими австрійскими подданными православной грековосточной религіи, а потому и учрежденіе особой липованской іерархіи можетъ признать ненужнымъ при существованіи въ австрійскихъ предѣлахъ іерархіи православной, какъ и было однажды, когда липованскихъ поповъ хотѣли подчинить вѣдѣнію буковинскаго епископа и карловицкаго митрополита. Вслѣдствіе такихъ соображеній, изъ крайзамта послѣдовало, отъ 20го іюня, * предписаніе въ Бѣлокриницкій монастырь—сдѣлать и представить полное изложеніе монастырскаго устава „съ подробнымъ описаніемъ иноческаго житія и всѣхъ догматовъ вѣры старовѣрческой религіи." **

Указанныя сейчасъ соображенія „благодѣтельнаго" для липованъ черновицкаго начальства, безъ сомнѣнія, были извѣстны иноку Павлу, и онъ умѣлъ оцѣнить ихъ по достоинству. Но тѣмъ не менѣе это распоряженіе правительства о составленіи монастырскаго устава было новою непріятностію и для него, и для всего монастырскаго братства, ибо ощутительнымъ образомъ давало знать что дѣло о епископѣ вовсе не такъ легко и, главное, не такъ скоро можетъ быть кончено какъ они предполагали. Во всякомъ случаѣ предписаніе начальства необходимо было исполнить. Само собою разумѣется что всѣ труды по составленію устава возложены были на инока Павла, какъ единственнаго человѣка который могъ исполнить это дѣло. Составленіе монастырскаго устава само по себѣ не представляло особенной трудности для Павла: онъ достаточно знакомъ былъ съ аскетическими тво-

---

* Такъ сказано въ *Рекурсѣ*.

** Предисл. къ *Уставу*. Алимпій въ письмѣ къ роднымъ въ Крылово: „Правительство напередъ желаетъ узнать порядки нашего жительства и требуетъ отъ насъ устава, како имѣемъ жительство и состояніе монастыря. и о службѣ церковной, и о чиноположеніяхъ монастыря, даже и о пищѣ." Геронтій на допросѣ: „Мѣстное начальство, принявъ наше прошеніе, потребовало отъ насъ показать имъ нашу религію."

реніями святыхъ отцевъ, раскрывающими духъ православнаго иночества, а внѣшнія правила монашеской жизни, вообще довольно строго соблюдаемыя въ раскольническихъ монастыряхъ, были извѣстны ему изъ опыта и вполнѣ имъ усвоены. Но уставъ который надлежало ему составить имѣлъ назначеніе не только служить руководствомъ для монастырскихъ властей и монастырскаго братства, быть изложеніемъ правилъ обязательныхъ для непремѣннаго исполненія всѣми живущими въ монастырѣ; важнѣйшимъ его назначеніемъ, по требованію обстоятельствъ, было то чтобы служить предъ правительствомъ: 1) своего рода апологіей липованскаго монастыря, оправданіемъ его существованія и 2) документальнымъ основаніемъ для разъясненія и желаемаго рѣшенія вопроса объ учрежденіи въ монастырѣ архіерейской старообрядческой каѳедры. Имѣя въ виду именно такое назначеніе устава, инокъ Павелъ считалъ необходимымъ 1) и въ самомъ изложеніи правилъ иноческаго общежитія заботиться не столько объ ихъ удобоприложимости, сколько о томъ чтобъ они въ своей совокупности могли дать самое выгодное понятіе о томъ учрежденіи которое считалось у правительства какимъ-то страннымъ, непозволительнымъ духовнымъ институтомъ; 2) тщательно собрать историческія свѣдѣнія о Бѣлокриницкомъ монастырѣ и изложить ихъ въ такомъ видѣ чтобы законное существованіе монастыря представлялось не подлежащимъ сомнѣнію; 3) обстоятельно изложить всѣ основанія на которыхъ должно утверждаться желаемое учрежденіе архіерейской каѳедры въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ,—исчислить всѣ права и обязанности будущаго епископа и его преемниковъ. Все это дѣлало трудъ составленія устава весьма не легкимъ; требовалось и терпѣніе и искусство чтобы составить его какъ слѣдуетъ. Павелъ доказалъ что въ достаточной степени обладалъ и тѣмъ и другимъ. Со всѣмъ усердіемъ занялся онъ собираніемъ матеріаловъ для устава, — дѣлалъ выписки изъ отеческихъ писаній, пользуясь довольно богатымъ собраніемъ старопечатныхъ книгъ, доставшихся монастырю еще отъ перваго настоятеля Симеона,* расспрашивалъ старожиловъ, современниковъ Иларіона Коровьи-ножки о заселеніи Бѣлой-Кри-

* Игуменъ Парѳеній свидѣтельствуетъ что въ его время у бѣлокриницкихъ монаховъ была такая „библіотека книгъ, какая едва ли гдѣ и въ монастырѣ есть.“ *Кн. о пром.*, стр. 200.

ницы, объ основаніи монастыря и постигшихъ его злоключеніяхъ, дѣлалъ справки въ присутственныхъ мѣстахъ и выписки изъ дѣлъ и правительственныхъ рѣшеній относительно монастыря въ Бѣлой-Криницѣ, совѣщался со своими ближайшими совѣтниками, читалъ имъ написанныя части устава и по ихъ указаніямъ дѣлалъ поправки, въ чемъ однакоже рѣдко представлялась надобность, такъ какъ все что̀ выходило изъ-подъ пера инока Павла для его почитателей было образцомъ совершенства. Работа шла успѣшно и быстро приведена къ концу.

Но когда былъ уставъ написанъ, встрѣтилось новое затрудненіе: нужно было перевести его на нѣмецкій языкъ и найти такого переводчика который могъ бы вѣрно передать смыслъ подлинника. Панъ Атанасевичъ для этого дѣла не годился: здѣсь нуженъ былъ человѣкъ который, при совершенномъ знаніи славянскаго языка, не только вполнѣ владѣлъ бы языкомъ нѣмецкимъ, но имѣлъ бы также и близкое знакомство съ духовною литературой, съ языкомъ собственно богословскимъ. такъ какъ уставъ изобиловалъ текстами Священнаго Писанія и выписками изъ отеческихъ твореній, вообще по своему содержанію и изложенію имѣлъ характеръ церковно-богословскаго сочиненія. На пріисканіе такого переводчика потрачено было много времени и хлопотъ; наконецъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, найденъ былъ человѣкъ на котораго можно было вполнѣ положиться, именно г. Тарновецкій,* со-

* По словамъ Надеждина, уставъ будто бы не только переводилъ, но даже и сочинялъ нѣкто іеродіаконъ Викторъ Кокорякъ. Вотъ что именно писалъ онъ объ этой личности: „Чтобы соблюсти порядокъ, правительство потребовало отъ раскольниковъ подробнаго изложенія ихъ вѣроученія. Подобное изложеніе написалъ для нихъ въ Буковинѣ одинъ изъ тамошняго православнаго духовенства, іеродіаконъ Викторъ Кокорякъ. Этотъ іеродіаконъ родомъ Волохъ, одаренный большими способностями и получившій основательное классическое образованіе, началъ было прекрасную карьеру, былъ отличнымъ профессоромъ въ Черновицкомъ теологическомъ институтѣ и готовился занять тамъ мѣсто ректора, но по несчастію свихнулся въ поведеніи, ударился въ пьянство и другіе пороки и теперь, отрѣшенный отъ всѣхъ должностей, живетъ на смиреніи, въ монастырѣ Драгомирнѣ. Тутъ сыскали его раскольники и, пользуясь его страстью, обратили его въ свое орудіе. Владѣя въ совершенствѣ языками нѣмецкимъ и латинскимъ, зная мѣстные законы и формы дѣлопроизводства, онъ служитъ имъ секретаремъ по всѣмъ офиціальнымъ

стоявшій въ званіи секретаря при буковинскомъ православномъ епископѣ Евгеніи Гакманѣ. Тарновецкій успѣшно повелъ дѣло,—не затруднялся ни славянскимъ, ни нѣмецкимъ текстомъ. Впрочемъ для необходимыхъ объясненій въ томъ случаѣ еслибы славянскій текстъ показался ему неудобовразумительнымъ, инокъ Павелъ самъ переѣхалъ въ Черновцы и поселился у него въ домѣ.

Здѣсь однакоже Павелъ занятъ былъ и другимъ, болѣе серіознымъ дѣломъ. По зрѣломъ размышленіи онъ убѣдился что, согласно предписанію крайзамта, необходимо еще составить

дѣламъ, пишетъ для нихъ всякую всячину за рюмку водки, за бутылку вина, за кружку пива. Такъ настрочилъ (!) онъ и требовавшееся отъ нихъ изложеніе вѣроученія, въ которомъ, по собственному его сознанію, высказанному мнѣ съ циническою откровенностію, самъ ничего порядочно не понимаетъ". (Кельс. *Сборн.*, ч. I, стр. 204). Еслибы Надеждинъ имѣлъ возможность видѣть составленный по требованію правительства уставъ Бѣлокриницкаго монастыря, онъ не могъ бы не понять что это есть оригинальное произведеніе многоначитаннаго и искушеннаго въ сочинительствѣ старообрядца, какимъ былъ именно инокъ Павелъ, и что такого сочиненія не въ состояніи былъ составить никакой іеродіаконъ изъ православныхъ, хотя бы и классически образованный, и хотя бы даже былъ человѣкъ не пьяный, понимающій что̀ пишетъ. Надеждина, какъ видно, ввелъ въ ошибку самъ Кокорякъ, разказами котораго между прочимъ пользовался онъ для своей записки о заграничныхъ раскольникахъ: „съ нимъ, замѣчаетъ Надеждинъ, я такъ успѣлъ сойтись что онъ готовъ былъ отдать мнѣ всѣ черновыя бумаги писанныя имъ для липованъ; только у этого пьяницы, къ сожалѣнію, не оказалось ни одного лоскутка." (Тамъ же, стр. 105, прим.). Никакихъ бумагъ у него конечно и не бывало; по всей вѣроятности, онъ желалъ только порисоваться предъ Надеждинымъ, собиравшимъ извѣстія о липованахъ, своею вымышленною близостью къ этимъ послѣднимъ. А въ Бѣлой-Криницѣ не знали даже и имени Виктора Кокоряка,—по крайней мѣрѣ инокъ Онуфрій, который хорошо знаетъ всю исторію составленія устава, ничего не слыхалъ о немъ. Было извѣстно только что Павелъ, когда искалъ способнаго переводчика, обращался между прочимъ къ кому-то въ монастырѣ Драгомирскомъ, и что этотъ драгомирскій переводчикъ скоро оказался непригоднымъ для дѣла, почему и были прекращены съ нимъ всякія сношенія. Не мудрено что это былъ именно Викторъ Кокорякъ, и этимъ-то обстоятельствомъ онъ могъ воспользоваться чтобы выдать себя предъ Надеждинымъ за автора бѣлокриницкаго устава и секретаря липованъ по всѣмъ офиціальнымъ дѣламъ.

изложеніе самаго вѣроученія липованъ, такъ какъ изложеніе это дѣйствительно могло способствовать успѣшному окончанію дѣла объ іерархіи устраненіемъ неправильныхъ понятій о религіи липованъ.* Этимъ дѣломъ и занялся инокъ Павелъ, живя у Тарновецкаго въ Черновцахъ. Книги нужныя для справокъ онъ получалъ изъ Бѣлой-Криницы; тамъ же дѣлались по его указанію разныя справки и выписки изъ книгъ которыхъ не имѣлъ онъ подъ руками: эти порученія обыкновенно исполнялъ инокъ Онуфрій, которому приходилось такимъ образомъ нѣсколько разъ путешествовать къ Павлу въ Черновцы. Составивъ изложеніе старообрядскаго вѣроученія, или такъ-называемую богословію липованъ, инокъ Павелъ присоединилъ ее къ уставу, какъ особую его часть.

Лѣтомъ 1841 года все дѣло приведено было къ концу, уставъ съ богословіей и другими прибавочными статьями, переведенный по-нѣмецки и вновь пересмотрѣнный, былъ тщательно переписанъ на листахъ большаго формата, въ два столбца (на одномъ славянскій текстъ, на другомъ нѣмецкій), и составилъ цѣлую довольно объемистую книгу.**

Такъ какъ для исторіи бѣлокриницкой іерархіи это замѣчательное произведеніе инока Павла имѣетъ особенную важность, то здѣсь необходимо указать, хотя въ общихъ чертахъ, его содержаніе и отличительный характеръ.

„Уставъ Бѣлокриницкаго старовѣрскаго общежительнаго монастыря“ раздѣляется на семь главъ, или частей.

Въ *первой главѣ* говорится: „1) о первоначальномъ монастырскомъ общежительствѣ; 2) о истинномъ богопознаніи; 3) о богоразсужденіи; 4) о догматѣ вѣры и 5) о догматѣ церкви“. Статья „о монастырскомъ общежительствѣ“ кратко объясняетъ происхожденіе и назначеніе монашества; остальныя же четыре статьи посвящены собственно изложенію догматическаго ученія старообрядцевъ, или старообрядческой богословіи.

Первая изъ этихъ четырехъ статей излагаетъ ученіе о Богѣ. Его свойствахъ и дѣйствіяхъ,—ученіе, въ которомъ старообрядцы не разнятся отъ православныхъ. Инокъ Павелъ, какъ

* Въ предисловіи къ уставу самъ онъ, между прочимъ, цѣлію этого изложенія поставляетъ то чтобы „внѣшнихъ народовъ неправедное о древле-христіанской (липованской) религіи мнѣніе письменнымъ открытіемъ совершенно отклонить.“

** Этимъ самымъ подлиннымъ экземпляромъ устава мы и пользуемся.

и слѣдовало ожидать, въ своемъ изложеніи основался преимущественно на уважаемыхъ старообрядцами древлепечатныхъ книгахъ; но увлекаемый тою наклонностью къ любомудрствованію, которая составляла отличительную принадлежность его ума, онъ и здѣсь высказалъ нѣкоторыя неосторожныя сужденія, „не согласующіяся православному ученію“ и въ послѣдствіи самими старообрядцами, нѣсколько отрезвившимися отъ поклоненія его авторитету, признанныя за ересь. Такъ напримѣръ, въ самыхъ первыхъ словахъ которыми начинается статья *о истинномъ богопознаніи*: „Богъ есть существо неповинно, яко ни отъ кого же, *ни самъ отъ себѣ*“, разсудительнѣйшіе изъ старообрядцевъ справедливо находили выраженіе слишкомъ неосмотрительное, противное свидѣтельству Спасителя, яко *Отецъ имать живота въ себѣ* (Іоан. гл. 5 ст. 26). Особенно же въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія какъ любомудрствовалъ Павелъ о первомъ днѣ сотворенія міра. „Первѣе, писалъ онъ, простре Богъ небо, яко кожу, еже именуетъ Писаніе „небо небесъ“, сущее беззвѣздное, безчисленною добротой отъ божественныхъ лучей сіяюще; а земля, и воды, и прочія вещи всего зданія, тогда были не ино что̀ какъ вещество смѣшанное и погруженное въ ужасной тьмѣ и мрачномъ хаосѣ, и Духъ Божій носился надъ симъ влажнымъ и неустроеннымъ веществомъ. *Не о Святѣмъ убо Дусѣ здѣ Писаніе глаголетъ*: ибо не счетается съ тварію несозданное; но Духъ той бяше, по глаголу святаго Андрея Цареградскаго, *иже прежде всего отъ Бога сотворенъ бысть, существо вѣчнаго состава, еже есть вѣцы.*“ Такимъ образомъ Павелъ допустилъ бытіе какого-то существа, хотя и созданнаго, но имѣющаго вѣчное существованіе и участвовавшаго въ міротвореніи, которому имя „вѣкъ“ или „вѣцы“: мысль совершенно противная ученію православной вѣры. „Потомъ, продолжаетъ Павелъ, сотворилъ Богъ свѣтъ.... Обаче за сотвореніе свѣта да не возмнимъ первобытную тьму быти искони присносущну, да не тѣмъ отъ нужды послѣдуетъ и Бога глаголати тьмою изъ начала бывша. Но убо достоитъ разумѣвати, яко Богъ, сый свѣтъ истинный, искони совершенъ и непремѣненъ есть; *точію до сотворенія дѣлъ своихъ бѣ въ молчаніи, имѣя единосущное во умѣ Слово, Сына Своего, Его же*, по глаголу блаженнаго Андрея Цареградскаго *въ первомъ изреченіи: „да будутъ вѣцы“ нетлѣнно родилъ*, сирѣчь во исхожденіи со присносущнымъ Духомъ Своимъ Святымъ, отъ сердца отрыгнулъ.“

Здѣсь, очевидно, инокъ Павелъ выразилъ мысли еретическія рожденіе Сына и исхожденіе Духа признали подвременными, совершившимися якобы тогда когда Богъ Отецъ разрѣшилъ молчаніе въ которомъ пребывалъ до сотворенія дѣлъ Своихъ. Изъ этихъ примѣровъ можно видѣть до чего довели Павла, въ статьѣ „о истинномъ боголознаніи“ его учительская самоувѣренность и излишнее стремленіе къ любомудрію о предметахъ неудоборазумѣваемыхъ. *

Статья „о богоразсужденіи“ посвящена рѣшенію нѣкоторыхъ возраженій, или недоумѣній относительно изложеннаго въ предыдущей статьѣ ученія о божескихъ свойствахъ и дѣйствіяхъ. Такого рода возраженія обыкновенно предлагались въ схоластическихъ богословіяхъ, и потому въ старообрядческомъ сочиненіи они представляютъ явленіе довольно неожиданное. Повидимому инокъ Павелъ имѣлъ здѣсь цѣлію коснуться нѣкоторыхъ мнѣній принятыхъ римско-католическими и протестантскими богословами, какъ напримѣръ о чистилищѣ, о предопредѣленіи людей ко спасенію, объ оправданіи одною вѣрой и др.

Особенную важность въ первой главѣ устава имѣютъ двѣ послѣднія статьи: „о догматѣ вѣры“ и „о догматѣ церкви“, такъ какъ здѣсь содержится изложеніе и собственно старообрядческаго ученія. Что̀ такое *догматъ вѣры*, и что̀ такое *догматъ церкви?* Какое между ними различіе? и почему напримѣръ ученіе о призываніи святыхъ, о почитаніи мощей и иконъ принадлежитъ къ числу догматовъ вѣры, а ученіе о семи таинствахъ къ догматамъ церкви? На все это инокъ Павелъ не даетъ объясненія; но цѣль представленнаго имъ раздѣленія догматовъ очевидна: ему желательно было усвоить догматическое значеніе тѣмъ обрядовымъ разностямъ изъ-за которыхъ расколъ отдѣлился отъ церкви и тѣмъ самымъ оправдать это отдѣленіе, такъ какъ обрядовыя дѣйствія, каковы напримѣръ употребленіе семи просфоръ на проскомидіи, исключительное почитаніе восьмиконечнаго креста, двуперстіе

* Андрей Цареградскій, на котораго ссылался Павелъ, есть Андрей Христа ради юродивый. Павелъ имѣетъ въ виду помѣщенныя въ рукописномъ житіи Андрея отвѣты его на вопросы ученика Епифанія,—сочиненіе апокрифическаго происхожденія,—отвергнутое еще Максимомъ-Грекомъ, авторитетъ котораго долженъ имѣть для старообрядцевъ полную силу.

и пр. отнесъ онъ именно къ числу церковныхъ догматовъ, за невозможностью причислить ихъ къ догматамъ вѣры.

Изложеніе „догматовъ вѣры“ начинается символомъ, который приведенъ, разумѣется, по старообрядческому чтенію, и затѣмъ кратко излагается ученіе а) о Святой Троицѣ и воплощеніи Сына Божія, б) о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, в) о призываніи святыхъ, г) о почитаніи мощей и д) о чествованіи святыхъ иконъ. Достойно замѣчанія что говоря о Богородицѣ инокъ Павелъ повторилъ еще въ челобитной Никиты высказанное мнѣніе о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи, и такимъ образомъ гораздо ранѣе Пія IX внесъ это мнѣніе въ число „догматовъ вѣры“. Вотъ подлинныя слова его: „На земли предуготова Богъ на вселеніе Единородному Сыну Своему Слову одушевленное небо чисто и никоеяже скверны причастно, еже есть сію Преблагословенную Владычицу нашу Богородицу и Приснодѣву Марію, отъ сѣмене чистаго и еще прежде зачатія ея предочищеннаго и освященнаго. Тѣмъ убо только сія едина, отъ родовъ предызбранная и отъ пророкъ пропареченная, Содѣтеля всего міра мати, не только отнюдь первородныя скверны бысть непричастна, но даже вся яко небо чиста и добра зѣло пребысть.“

Наконецъ Павелъ исчисляетъ слѣдующіе „въ неизмѣнномъ исполненіи соблюдаемые“ у старообрядцевъ „догматы древле-восточныя соборныя апостольскія церкви“:

а) „Седмь изящныхъ святыхъ таинъ церковныхъ“. Здѣсь, говоря о таинствѣ *крещенія*, довольно обстоятельно излагаетъ онъ доказательства почему крещеніе непремѣнно должно быть совершаемо въ три погруженія; но прямыхъ замѣчаній противъ крещенія чрезъ обливаніе онъ почему-то не нашелъ нужнымъ приводить здѣсь и ограничился только слѣдующими словами: „кромѣ сего единаго трехпогружательнаго крещенія никакія инообразныя крещенія у насъ подъ строгимъ запрещеніемъ отнюдь не пріемлются: яко дерзати смѣющихъ святое крещеніе инако дѣйствовати или пріимати церковныя правила изъ священнаго сана изверженіемъ осуждаютъ“. Говоря о таинствѣ *муропомазанія*, онъ приводитъ вполнѣ всѣ тѣ приглашенія которыя по Іосифовскому требнику положено читать при помазаніи святымъ муромъ различныхъ частей тѣла и отмѣненіе которыхъ, какъ извѣстно, признано было еще первыми расколоучителями за великую погрѣшность въ ново-

исправленныхъ книгахъ *: употребленію этихъ приглашеній въ таинствѣ муропомазанія и Павелъ такимъ образомъ усвоялъ догматическую важность. Относительно таинства *евхаристіи* онъ сдѣлалъ замѣчаніе, направленное противъ римскихъ католиковъ, что „обое непремѣнно (и тѣло и кровь Христовы) каждому православному христіанину подается во оставленіе грѣховъ и жизнь вѣчную: самъ бо Христосъ Спаситель нашъ всѣмъ повелѣ плоть Его ясти и кровь Его пити". Остальныя четыре таинства инокъ Павелъ только перечислилъ.

б) „Древней церкви богослѣтный чинъ божественной литургіи, устроенной Василіемъ Великимъ, и Іоанномъ Златоустомъ, и святымъ Григоріемъ папою римскимъ." Здѣсь инокъ Павелъ догматическую важность приписалъ между прочимъ тому „чтобы на святой проскомидіи *непремѣнно* имѣть седмь просфоръ, именуемыя великія и имѣющія печать кругымъ обведеніемъ, съ трисоставнымъ крестомъ Христовымъ": онъ изложилъ подробно за кого каждая просфора приносится и какое знаменованіе имѣетъ „круглое обведеніе" съ трисоставнымъ крестомъ. Потомъ онъ представилъ доказательства что въ таинствѣ евхаристіи, вопреки ученію западныхъ, долженъ быть употребляемъ хлѣбъ квасный, доказательства изъ которыхъ видно достаточное знакомство Павла съ вопросомъ объ опрѣснокахъ.

в) „Непремѣнное содержаніе креста Христова тричастнаго или трисоставнаго, именуемаго также и четверочастнымъ." Объяснивъ значеніе каждаго изъ этихъ наименованій, но не обративъ вниманія на ихъ очевидное противорѣчіе, инокъ Павелъ такъ излагаетъ далѣе самую сущность „церковнаго догмата" о трисоставномъ крестѣ, и отношеніе креста тричастнаго къ двучастному (четырехконечному): „Сей трисоставный крестъ Христовъ, какъ въ древлегреческой церкви, равно и у насъ, яко самосовершитель, присно во всѣхъ священнодѣйствіяхъ употребляется (?) и паче всѣхъ священныхъ вещей предпочитается, тѣмъ и на верхъ самыя главы церкви Христовой поставляется: понеже осѣненіемъ благословлять его кромѣ Бога никто не можетъ (?), но самъ той божественный крестъ вся осѣняетъ и вся освящаетъ. Двучастнаго же кре-

* Никита писалъ въ челобитной: „И та, государь, вся божественная приглашенія нарушили, послѣдуя отпаденія вѣрѣ римскія неправославному крещенію." *Жезлъ прав.*, л. 21.

ста знаменіе еже изъ двухъ частей составленнаго, имѣетъ отъ тричастнаго веліе различіе, тако, яко образъ отъ истины, или паче отъ образа сѣнь. Понеже двучастный крестъ есть сѣновнаго закона начертаніе: якоже древле Моисей крестообразно руцѣ распростре и на мори жезломъ образъ креста начерта. Тогда бо и силы дѣяшася отъ него; нынѣ же отъ Христова новоблагодатнаго закона вся та упразднишася: прейде бо сѣнь законная благодати пришедши. Обаче, яко же сѣнь въ лицѣ солнца неотлучна есть отъ сущаго: тако и двучастный отъ тричастнаго неотлученъ есть; но только сей двучастный крестъ у насъ пріемлется въ употребленіи на священныхъ одеждахъ, его же священникъ первѣе осѣняетъ и потомъ цѣлуетъ."

г) „Двуперстное сложеніе руки, непремѣнно употребляемое священниками на благословеніе и христіанами на крестное огражденіе." Сначала инокъ Павелъ со всею обстоятельностью описалъ какъ именно надлежитъ слагать персты для крестнаго знаменія; потомъ, какъ и слѣдовало ожидать, съ особеннымъ тщаніемъ изложилъ доказательства въ защиту этого, можно сказать, основнаго „догмата старообрядческой церкви". Свидѣтельства *Стоглава*, Максима-Грека, мнимаго Ѳеодорита, Милетія Антіохійскаго, святыхъ чудотворныхъ иконъ—все это приведено Павломъ съ разными замѣчаніями и объясненіями. Вотъ какъ, напримѣръ, изложилъ онъ доказательство отъ святыхъ чудотворныхъ иконъ: „Христова благословенія видъ воистину былъ образъ вселенскому содержанію. Святый убо Лука евангелистъ во Евангеліи благовѣствуетъ что Христосъ Спаситель, при вознесеніи на небо, апостоловъ своими пречистыми руками благословилъ. И хотя сей евангелистъ прочее тамо не упоминаетъ, какъ персты рукъ своихъ Христосъ слагалъ; обаче сей евангелистъ будучи изуграфъ, благословящую десницу у Христа Спасителя, на первой имъ написанной богородичной иконѣ, двуперстнымъ сложеніемъ ясно изобразилъ. Таковой образъ Христова благословенія приняли первѣе святіи апостоли, а отъ нихъ другопріимательнѣ древлегреческіе и прочіе первосвятители. И такъ были по оному святымъ Лукою написанному образу и множайшіи въ древлегреческой церкви иконы точно изобразуемы." Разумѣется, все изложеніе „догмата о перстосложеніи" направлено противъ троеперстія и именословнаго сложенія руки. „Литеросложное благословеніе", по словамъ Павла, неудобно къ пріятію потому что

не можетъ дѣйствоваться во вселенскомъ употребленіи, идѣже литеры другихъ языкъ не согласуютъ съ сложеніемъ перстовъ.“ „А тремя первыми вкупѣ сложенными персты, образующими только едино таинство Святыя Троицы, крестное знаменіе на себѣ изображати (якобы) сходственно есть ереси Аврировой и прочихъ, которые божество на крестѣ страдавше злѣ мудрствоваху“; „оба же таинства (Св. Троицы и воплощенія Бога-Слова) изобразити тремя персты неправедно, да не подражаніе будетъ нѣкое ереси Евтихіевой и Діоскоровой, которыя двѣма естествома, Божеству и человѣчеству, въ совокупленіи смѣситися и во едино естество сотворитися злѣ проловѣдаша.“ Это были два любимыя доказательства которыя обыкновенно приводилъ Павелъ противъ православнаго перстосложенія и въ первый разъ теперь изложилъ письменно. * Въ послѣдствіи даже сами старообрядческія власти признали эти доказательства не только неосновательными, но и „злочестивыми“.

д) „Истовое на себѣ знаменованіе честнаго креста“, то-есть посредствомъ возложенія двухъ перстовъ десныя руки на чело, на чрево и на оба рама. Объяснивъ таинственное значеніе усвояемое старообрядцами каждому изъ этихъ дѣйствій, Павелъ говоритъ въ заключеніе: „Сицевымъ чиномъ крестное знаменованіе истово совершающихъ ангелы Божіи свыше зрятъ и веселятся, понеже сила сего велика есть.... Въ отеческихъ же книгахъ писано, яко ниже аще не по подобно лице свое знаменаетъ, сирѣчь не истово креститъ, гордости ради или лѣности, и махаетъ сѣмо и овамо, и тому маханію бѣси радуются.“

е) Такое же истовое и тѣми же двумя перстами изображеніе крестнаго знаменія въ священническомъ благословеніи. Здѣсь изложенъ весь существующій у старообрядцевъ чинъ благословенія.

ж) „Непарушимое соблюденіе четырехъ въ году соборныхъ постовъ, составляющихъ всего до двадцати одной седмицы.“

Изложивъ всѣ эти „церковные догматы“, инокъ Павелъ заключаетъ свою богословію, или первую главу устава, слѣдующими словами: „Совокупно рещи, сохраняется у насъ неизмѣнно то самое вѣрѣ догматствованіе и все церковное чино-

* Доказательства эти онъ заимствовалъ изъ *Поморскихъ отвѣтовъ*.

положеніе и богослуженіе, еже, прежде нежели западная церковь отъ восточной раздѣлилася, вселенскими соборами утвержденное, Святымъ же и равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ Кіевскимъ въ 6496 году отъ Грекъ во всей цѣлости принятое, и которое существовало въ Россіи всеобдержно и неизмѣнно даже до перемѣнъ церковныхъ книгъ бывшимъ Московскимъ патріархомъ Никономъ 7163 года."

Вторая глава содержитъ статьи: 1) „о первоначальномъ расположеніи и перенесеніи монастыря, и судебномъ рѣшеніи на его наслѣдственное имущество; 2) о количествѣ и плодоношеніи монастырскихъ грунтовъ и о прочихъ пріобрѣтаемыхъ доходахъ; 3) о содержаніи монастырскихъ жителей."

Первая изъ этихъ статей есть не что иное какъ основанная на собранныхъ инокомъ Павломъ разказахъ старожиловъ исторія первоначальнаго водворенія липованъ въ Бѣлой-Криницѣ (здѣсь, разумѣется, самое видное мѣсто занимаетъ приведенная вполнѣ пресловутая привилегія Іосифа II), и затѣмъ краткая исторія самаго монастыря, существующаго въ Бѣлой-Криницѣ. Соотвѣтственно цѣли какая имѣлась въ виду при составленіи этой исторіи и вообще при составленіи устава, инокъ Павелъ и здѣсь, какъ на допросахъ коммиссара Шаловскаго, весьма тщательно и искусно обошелъ всѣ тѣ обстоятельства которыми совершенно ясно обличалось противозаконное существованіе Бѣлокриницкаго монастыря. Основаніе монастыря на урочищѣ Тарновкѣ и потомъ перенесеніе его въ Бѣлую-Криницу онъ изложилъ весьма кратко, и притомъ какъ событія безпрепятственно и законно совершившіяся; о правительственныхъ распоряженіяхъ 1784 и 1791 годовъ нѣтъ и помину; за то съ канцелярскою аккуратностью указаны декреты двухъ низшихъ судебныхъ инстанцій объ утвержденіи завѣщанія составленнаго Иларіономъ Коровьи-ножки въ пользу монастыря: эти два документа, указанные съ точнымъ обозначеніемъ нумеровъ, очевидно, должны были служить доказательствомъ что само правительство признало монастырь законно существующимъ, когда составленное въ его пользу завѣщаніе не усомнилось утвердить въ полной силѣ. Здѣсь инокъ Павелъ употребилъ и еще хитрость, сказавъ что Иларіоново завѣщаніе сдѣлано въ пользу монастыря, тогда какъ оно сдѣлано было на имя „калугеровъ", съ дозволенія правительства живщихъ въ Бѣлой-Криницѣ, въ Иларіоновомъ

домѣ, а не на имя монастыря, который, какъ „институтъ“, рѣшительно запрещенъ былъ правительствомъ.

Статья „о монастырскихъ грунтахъ и доходахъ“ есть также не что иное какъ болѣе обстоятельное изложеніе сдѣланнаго инокомъ Павломъ на этотъ счетъ показанія коммиссару Шаловскому, и подобно предыдущей отличается тою же ловкостью или, вѣрнѣе сказать, недобросовѣстностью, употребленіе которой инокъ Павелъ считалъ совершенно позволительнымъ дѣломъ, вѣроятно даже богоугоднымъ, когда рѣчь шла о предметѣ такой чрезвычайной важности для старообрядства какъ учрежденіе „древлеправославной іерархіи“. Въ поданномъ кайзаму прошеніи монастырь обязывался содержать будущаго епископа „собственнымъ коштомъ“: надлежало теперь показать что монастырь дѣйствительно имѣетъ нужныя для того средства отъ своихъ недвижимыхъ имуществъ. И вотъ инокъ Павелъ дѣлаетъ исчисленіе „монастырскихъ грунтовъ“ и доходовъ, выдумывая совсѣмъ не существующіе и безъ зазрѣнія совѣсти преувеличивая то что монастырь дѣйствительно имѣлъ:

„Первый монастырскій грунтъ, что съ самаго начала обсѣданности, расчищенный собственно иноческими трудами, количествомъ 40 іоховъ 589 саж., отдаемый на хлѣбопашество своимъ старовѣрамъ, съ котораго и получаетъ монастырь отъ хлѣбопашцевъ въ продовольствіе свое разный хлѣбъ чистымъ зерномъ.

„Другой грунтъ количествомъ 5 іоховъ 467 саж., занятый растущими разными фруктовыми древами, а въ срединѣ его между древъ расположенъ самый монастырь: сей грунтъ достался въ вѣчность монастырю отъ покойнаго старовѣра Ларіона Петровича на поминокъ души его.

„Третій грунтъ, количествомъ 4 іох. 43 саж., весь занятъ также растущими разными фруктовыми древами, дарованный въ вѣчность монастырю сему по духовному завѣщанію учиненному, въ 3й день августа 1840 года, дѣвицею Евдокіею Еѳимовою, по заповѣди покойнаго родителя ея, старовѣра Еѳима Павлова, на поминокъ души его ровно и ея.

„Прудовъ рыбныхъ два: одинъ на рѣчкѣ Тарновкѣ, издавна устроенный собственно иноками, а другой по духовному завѣщанію дарованный вышереченною дѣвицею Еѳимовой въ вѣчное монастырю владѣніе.“

Грунты доставшіеся по завѣщаніямъ дѣйствительно нахо-

дились во владѣніи монастыря; * что же касается до земли въ 40 іоховъ, „разчищеной иноческими трудами“ на урочищѣ Тарновка, то монастырь этою землей не пользовался и не пользуется, хлѣба съ нея не получалъ и не получаетъ, да и сами липованы посѣвовъ на ней не производятъ; точно также и „два рыбные пруда“, по словамъ хорошо знающихъ Бѣлую-Криницу, имѣютъ только подобіе прудовъ и изобилуютъ вовсе не рыбой. А между тѣмъ вотъ какъ Павелъ описываетъ дальше „пріобрѣтаемую отъ сихъ грунтовъ пользу“:

„Пріобрѣтаемый на продовольствіе монастырскихъ жителей доходъ составляется изъ нижеслѣдующаго:

„а) Съ собственнаго монастырскаго грунта получаемый монастыремъ разный хлѣбъ чистымъ зерномъ и конопляное сѣмя, на продовольствіе монастырскихъ жителей *достаетъ въ годовую пропорцію съ излишкомъ.*

„б) Съ монастырскихъ значительныхъ фруктовыхъ садовъ ежегодно за продаваемые фрукты получаемая сумма опредѣляется на покупку одежды, дровъ и на прочія монастырскія потребности.

„в) Съ рыбныхъ двухъ прудовъ удовлетворяется монастырь рыбой *во всякое время сколько потребно.*

„г) Съ огородовъ собирается разная зелень приготовляемая монастырскимъ жителямъ на брашна на цѣлый годъ, а изъ садовой суши навсегда дѣлается для питія квасъ.

„Итакъ, весь таковый доходъ можетъ ежегодно продовольствовать монастырскихъ жителей своимъ иждивеніемъ на *двадцать пять* человѣкъ.“

Чтобы видѣть, много ли правды въ этомъ описаніи изобилія господствующаго въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, достаточно приломнить что въ то время когда пріѣхалъ сюда инокъ Павелъ, бѣлокриницкое братство, состоявшее не изъ 25, а всего изъ 10 человѣкъ, принуждено было для своего пропитанія каждую субботу ходить по слободѣ за сборомъ милостыни.

Что указанныхъ средствъ монастыря съ избыткомъ достаточно для продовольствія братій, подтвержденіемъ этого на-

* Въ 1840 году, въ то самое время когда составляли уставъ, дѣвица Евдокія Евимова дѣйствительно передала во владѣніе монастырю принадлежавшую ей землю съ садомъ: этотъ такъ-называемый „Дунинъ садъ“ находится противъ самаго монастыря, отъ котораго отдѣленъ только шириной улицы.

значена служить и слѣдующая затѣмъ статья: „о содержаніи монастырскихъ жителей“. Здѣсь со всѣмъ тщаніемъ изображены умѣренность и простота соблюдаемыя бѣлокриницкими иноками относительно пищи и одежды, — въ точности обозначено какая именно пища и въ какое время поставляется на братской трапезѣ, какое платье и въ какомъ количествѣ выдается каждому брату, равно какъ подробно описаны всѣ усвоенныя инокамъ особыя одежды. * Вообще относительно платья замѣчено: „Одежды пышныя, какъ-то шелковыя цвѣтныхъ матерій, и прочихъ мягкихъ одѣяній, соболь-ихъ, или волчьихъ тулуловъ и тѣмъ подобныхъ соблазнительныхъ, подъ строгимъ запрещеніемъ не смѣютъ не только изъ братіи кто, но и самъ настоятель носить, хотя бы кто и собственно свой избытокъ на то имѣлъ: да не подручницы бѣсовомъ будемъ излишней пышности ради и тщеславія. Обаче и въ гнусныхъ одеждахъ инокомъ не только на сторону, но и на монастырѣ ходить не попускается, а наипаче на соборную молитву въ церковь Божію долженъ всякъ входить во всякой чистотѣ и опрятности, въ кротости и со всякимъ благоговѣніемъ.

Съ *третьей главы* начинается изложеніе собственно монастырскаго устава, къ которому слѣдуетъ впрочемъ присовокупить и разсмотрѣнную сейчасъ статью „о содержаніи монастырскихъ жителей“. Въ главѣ этой говорится 1) „о времени божественнаго послѣдованія службы“, то-есть когда начинается и сколько продолжается каждая изъ службъ, составляющихъ кругъ суточнаго богослуженія, также великопостна-

* Вотъ напримѣръ описаніе старообрядческой камилавки и каптыря, форма которыхъ нѣсколько отлична отъ употребляемыхъ православными: „Камилавка должна быть не высокая, *круглою скуфьей*, верхъ изъ черной матеріи; къ ней снизу пришитъ *обручикъ круглый* изъ чернаго агнчаго смушка (еже есть смиреніе), во образъ терноваго вѣнца Христова, которую инокъ не долженъ снимать съ главы никогда и ни предъ какимъ лицомъ, а только снимаетъ въ причащеніи св. таинъ и на прочихъ мѣстахъ Божіей службы. А каптырь, имѣющій два крыла, сшитый изъ черной матеріи, тонкой волны, покрываетъ сверху камилавку, власы, рамена и руки, во образъ пуколи младенческаго незлобія.“ Въ подлинномъ уставѣ, на поляхъ, помѣщены довольно искусно сдѣланные рисунки каптыря, камилавки, парамана, мантіи и прочихъ употребляемыхъ старообрядческими инками одеждъ.

го и праздничнаго, и 2) о монастырскомъ управленіи. Эта послѣдняя, весьма важная статья составлена съ большимъ искусствомъ. Въ видахъ сохраненія на будущее время строгаго порядка въ монастырѣ, предназначенномъ быть митрополіей старообрядчества, инокъ Павелъ со всею точностію опредѣлилъ составъ монастырскаго управленія и частныя обязанности каждаго изъ должностныхъ лицъ. Главное управленіе по монастырскимъ дѣламъ сосредоточено въ „духовномъ совѣтѣ“, который подъ предсѣдательствомъ настоятеля состоитъ „изъ достойнѣйшихъ четырехъ иноковъ“, по соборному избранію въ сію должность; „а по усмотрѣнію настоятеля и важности дѣла случаемъ приглашаются и болѣе, изъ числа достойныхъ иноковъ, по потребѣ же бываетъ и письмоводитель.“ Высшія же распоряженія по дѣламъ особенной важности производитъ „общебратскій соборъ“, гдѣ „имѣетъ волю подавать голосъ всякій, отъ перваго и до послѣдняго“. „На семъ соборѣ разсматриваютъ всѣ дѣла, какъ объ учрежденіи монастырскомъ, такъ и о томъ аще окажется кто неспособенъ въ своей должности, казначей, или экономъ, или въ прочихъ которыхъ должностяхъ, даже хотя бы и самъ настоятель: и того соборомъ смѣняютъ и изъ среды себя достойнаго на ту должность паки избираютъ, сами въ томъ и утверждаютъ. Также разсуждаютъ братію, мірянъ, и наказаніе имъ полагаютъ.“ Затѣмъ исчисляются слѣдующія права и обязанности настоятеля:

а) „Настоятель, неусыпнымъ окомъ взирая на весь монастырь, долженъ братію понуждати (подая собою примѣръ) къ молитвѣ, трудамъ и прочимъ благочестивымъ дѣломъ, и утѣшати, братію, елика есть сила, богодухновенными словесы.

б) „Яко истинный монастыря хозяинъ, повелѣваетъ вообще всѣми по закону свободно, и въ случаѣ какого-либо подозрительнаго за братіею замѣчанія, но и ради сбереженія, можетъ съ обычною молитвой входить во всякое время въ братскія келіи и досматривать нѣтъ ли чего тамо иноку неприличнаго; буде же что обрящетъ у него неприличное иноку, да сотворитъ ему исправленіе духомъ кротости; аще ли, по второмъ и третьемъ исправленіи, братъ не уцѣломудрится, да изведенъ будетъ на соборное сужденіе.

в) „Отлучаться изъ монастыря, аки кокошъ съ гнѣзда своего, отнюдь не можетъ, развѣ самой нужной вины, егда потребовано будетъ въ случаѣ какой надобности, касающейся до него именно къ высшему начальству, или по значительно-

му какому дѣлу упрошенъ будетъ братіею на соборѣ куда ѣхать.... Но дабы монастырь никогда безъ управленія и надзиранія настоятельскаго не оставался, долженъ есть настоятель свое, хотя и на нѣсколько минутъ, за ограду монастыря бываемое отсутствіе непремѣнно намѣстнику возвѣстить и до своего возвращенія управленіе и надзираніе монастыря ему поручить. *

г) „Долженъ не только одно правило своей обязанности но и прочихъ должностныхъ старцевъ правила, и даже весь монастырскій уставъ твердо знать, а для нужнаго и яснаго освѣдомленія, при выборѣ въ какую кого-либо должность правило его обязанности вычитать и тѣмъ его снабдить.

д) „Настоятель надзираетъ, яко полный хозяинъ монастыря, и казначея, и егда восхощетъ повѣряетъ все казначейство, и припасы, и архивъ, и всю братію долженъ видѣть вечеръ и заутра, и благословить."

Дальше со всею подробностью опредѣляются обязанности каждаго изъ монастырскихъ должностныхъ старцевъ и всѣхъ лицъ составляющихъ братство монастыря,—именно: казначея, священноинока, іеродіакона, уставщика церковнаго, головщика, ризничаго, соборнаго старца надзирательнаго за благочиніемъ, письмоводителя, эконома, келаря, инока совершенно постриженнаго и схимника, наконецъ трудниковъ и послушниковъ. Здѣсь же, въ третьей главѣ, помѣщены статья о „призрѣніи больныхъ" и статья „о корреспонденціи". Послѣдняя особенно любопытна: „Въ нашемъ монастырскомъ общежительствѣ непремѣнно наблюдается что братія безъ позволенія настоятеля, а настоятель безъ вѣдома намѣстника никакихъ писемъ не пишутъ и никуда не посылаютъ, но всѣ, какъ на почту посылаемыя, равно и почтой присылаемыя письма завсегда записываются въ почтовую книжку; всѣ же съ почты и оказіями получаемыя письма и повѣстки прежде доставляются самому настоятелю, который всякое распечатываетъ и прочитываетъ, однакожь особобратскія непремѣнно при хозяинѣ, кому письмо принадлежитъ, а монастырскія и собственно настоятельскія при намѣстникѣ, и тогда же особобратскія письма отдаются по принадлежности хозяину."

---

* Упоминаемый здѣсь и въ другихъ мѣстахъ устава „намѣстникъ настоятеля", къ удивленію, не значится въ числѣ должностныхъ лицъ, обязанности которыхъ далѣе подробно описаны.

Четвертая глава устава имѣетъ надписаніе: „о запрещеніяхъ“ и содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) о присягѣ, какъ дѣйствіи воспрещенномъ; 2) о томъ чтобы „никому безъ благословенія ничего не работать и изъ монастыря не выдавать“; 3) „за ограду монастыря безъ благословенія настоятеля не выходить“; 4) „запрещеніе входа въ монастырь отрокамъ и женскому полу“; 5) „чрезъ-естественные преступленіи“, къ которымъ отнесены между прочимъ „брадобритіе, какъ искони Богомъ запрещенное и древле-греческимъ христіанскимъ закономъ (?) вельми возбраненное“, также „нюханіе и куреніе табаки“; 6) злословіе.

Глава пятая, „о учрежденіи къ соблюденію особобратскихъ капиталовъ“, содержитъ нѣсколько правилъ относительно частной собственности живущихъ въ монастырѣ. Все что̀ иноки, живя въ монастырѣ, пріобрѣтаютъ своимъ трудомъ, поступаетъ въ общую монастырскую казну; „только собственный, не въ монастырѣ пріобрѣтенный, но отъ отечества принесенный, или послѣ присланный капиталъ, какъ настоятель, такъ и вся братія, всякій при своей запискѣ, сверхъ общемонастырской казны, въ особомъ щетѣ въ казнохранилище подъ сохраненіе полагаютъ. Буде же кто пожелаетъ на положенный капиталъ имѣть себѣ росписку, то таковая дается безпрелятственно“. „Безъ воли и позволенія положителя собственности ни на какія общія потребы изъ тѣхъ особыхъ капиталовъ ни малѣйшей части ни подъ какимъ предлогомъ не должно употреблять; аще ли кто изъ положителей позволитъ что̀ взять, о томъ на той же своей запискѣ самъ да означитъ. Прочее же всякому, свой капиталъ если кто восхощетъ въ подобно время осмотрѣть, свободно есть. А когда кто-либо отъ сихъ положителей собственности волею Божіею отъ житія сего преставится, тогда все то его имущество и капиталъ, хотя бы онъ и во иноки не былъ постриженъ, въ общебратскую казну совершенно причитается и о души его соборное и достодолжное поминовеніе сотворяется.“

Глава шестая: „о принятіи приходящихъ въ монастырское общежительство и о обѣтѣ иноческомъ“. Изложенныя здѣсь правила относительно приходящихъ въ монастырь отличаются строгостью. Такъ первое изъ этихъ правилъ гласитъ: „аще желающій поступить въ наше монастырское общежительство будетъ человѣкъ незнаемый и на распросѣ настоятелемъ *не будетъ имѣть надлежащаго письменнаго вида*, тогда дается

ему въ путь укрой хлѣба и отпускается изъ монастыря съ миромъ.“ Но правило это назначалось единственно для отклоненія всякихъ подозрѣній со стороны правительства насчетъ бѣлокриницкой братіи, а вовсе не для практическаго употребленія, и въ дѣйствительности никогда примѣняемо не было. Въ другой статьѣ этой главы — „о иноческихъ обѣтахъ“, подробно изложенъ чинъ постриженія въ иночество и великую схиму.

Наконецъ въ послѣдней, *седьмой главѣ*, говорится „о странноприимствѣ и гостепріимствѣ“. Она составлена также съ очевиднымъ намѣреніемъ оградить монастырь отъ подозрѣнія въ укрывательствѣ приходящихъ изъ-за границы бѣглыхъ раскольниковъ и вмѣстѣ обезпечить ему возможность оправданія на тотъ случай еслибы открылось что кто-нибудь изъ такихъ бѣглецовъ дѣйствительно скрывается въ монастырѣ. Таково именно назначеніе перваго правила „о странноприимствѣ“: „по долгу христіанскому и обычаю монастырскому, всякъ изъ числа нашихъ старовѣровъ *путешествующій, или по случаю въ монастырь приходящій*, инокъ или мірянинъ, удовлетворяется вопервыхъ пищею, а потомъ, аще кто пожелаетъ, *упокоевается и ночлегомъ* во общепріемницѣ, и воставши заутра отходитъ куда намѣренъ.“ Понятно что монастырь, принимая каждаго приходящаго раскольника, по силѣ этого правила, въ нужномъ случаѣ всегда могъ сказать въ свое оправданіе что странникъ „обнощевалъ“ только въ обители и „отошелъ“, или „отходитъ куда намѣренъ“. Что же касается „инославной религіи“ странниковъ, то уставъ предписываетъ удовлетворять ихъ только пищею, но отнюдь не позволять таковымъ „ночевать внутри монастыря“. Подобныя же правила положены и относительно гостепріимства. Но здѣсь, по требованію обстоятельствъ, сдѣланы слѣдующія исключенія для знатныхъ посѣтителей: а) „если кто случаемъ отъ знаменитыхъ лицъ прибудетъ, таковый пріемлется особо въ настоятельскую келію и чѣмъ Богъ послалъ гостепріимственнѣ привѣтствуется“; б) „аще ли пожелаетъ взойти въ нашу церковь, то съ вѣдома настоятеля, кромѣ службы, позволяется ему; аще ли же пожелаетъ смотрѣть нашего церковнаго обряда, и во время богослуженія послушать чтенія и пѣнія, то довлѣло бы таковому, съ позволенія настоятеля, на особь для сего случая возвышенно устроенномъ мѣстѣ стоять, яко же бѣ древле Владиміровымъ посламъ въ Царѣ-градѣ; а по неустроенію таковаго особаго мѣ-

ста, позволяется случайности ради желающему стать внутри церкви созади крылоса, откуда бы онъ могъ точію смотрѣть и слушать, а не молиться вкупѣ". Затѣмъ излагаются правила которымъ вообще должны слѣдовать бѣлокриницкіе иноки „относительно случающагося съ людьми инославныхъ религій обхожденія",—правила строго воспрещающія имъ сообщаться съ инославными въ яденіи и питіи, паипаче же въ моленіи. Впрочемъ и изъ этихъ строгихъ правилъ, на всякій случай, и именно для тѣхъ кому ради пользы „христіянства" придется жить внѣ монастыря, сдѣланы изъятія: „аще кто сообщится съ иновѣрными только въ яденіи и питіи, а не склоненіемъ къ чужой вѣрѣ согласовательными словами, то таковому за ересь не вмѣнятся, но за грѣхъ небреженія причитается. Для того, возвратясь таковый въ обитель, да не замедлитъ по долгу очистить совѣсть свою христіанскимъ смиреніемъ и испрошеніемъ прощенія отъ Бога и отъ настоятеля по обычаю."

Здѣсь и кончается собственно такъ-называемый „уставъ Бѣлокриницкаго монастыря". Но къ нему инокъ Павелъ присоединилъ, какъ необходимое его заключеніе, хотя внѣ счета главъ, особую статью, подъ заглавіемъ: „предметъ о водвореніи у насъ своего епископа для необходимо нужнаго устроенія церковныхъ порядковъ". Статья эта, очевидно, имѣетъ особенную важность. Приводимъ ее съ нѣкоторыми сокращеніями.

Здѣсь, вопервыхъ, изложены, указанныя и въ поданной крайзамту просьбѣ, основанія почему буковинскимъ старообрядцамъ необходимо имѣть своего епископа и почему ходатайство объ этомъ приняли на себя иноки Бѣлокриницкаго монастыря:

„Необходимо нужно намъ присно имѣть издавна желаемаго нами святителя, который бы, согласно правиламъ св. апостолъ и св. отецъ, у насъ священнодѣйствовалъ и намъ, изъ числа нашихъ старовѣровъ, достойныхъ пресвитеровъ законно посвящалъ. Поелику нынѣ обдержитъ насъ не одна скудость что безъ священства невозможно быть производству иноческаго чина и совершенію божественной литургіи; но еще и другая предстоящая крайность побуждаетъ насъ душевными чувствами безпокоиться и до зѣла болѣзновать—что наши въ цѣлыхъ четырехъ селеніяхъ многочисленные старовѣры находятся за скудостію священства въ крайне бѣдственномъ положеніи: ибо они для совершенія случающихся крещеній, бракосочета-

ній и прочихъ духовныхъ требъ часто вынуждены бываютъ ѣздить даже въ иныя владѣнія, за границу; не имущіе же на таковое иждивеніе достатка терпятъ великую духовную нужду, такъ что у нихъ многажды случается: новорожденные младенцы надолго остаются некрещенными, овы же, не дождавъ священническаго совершенія, печати дара Духа Святаго, то-есть безъ муроломазанія, умираютъ, а пришедшіе въ совершенный возрастъ остаются чрезъ своевременность безбрачны и нерѣдко, повреждая совѣсть, теряютъ естественныя чистоты непорочность, умирающіе же, старые и младые, лишаются, при смерти своей, личнаго священническаго присутствія и разрѣшенія грѣховъ, и погребаются тѣла ихъ въ землю отъ братій своихъ, сущихъ простолюдиновъ. Нѣсть ли это крайняго сожалѣнія достойно? А хотя наши священники, которыхъ въ Россіи отъ единовѣрныхъ нашихъ обществъ съ немалыми издержками достаемъ, здѣсь у насъ и бываютъ, однакожь, какъ мы своего святителя, кому бы они подчинены были, здѣсь не имѣемъ, уѣзжаютъ чрезъ короткое время за границу къ нашимъ старовѣрскимъ въ Молдавіи и за Дунаемъ живущимъ обществамъ: ибо и тамъ крайняя нужда въ духовенствѣ существуетъ.... Нынѣ же занятіе священниковъ изъ Россіи сдѣлалось весьма строже, такъ что уже старовѣры приходятъ въ отчаяніе. Сіе, по истинѣ слезамъ достойное, присно предъ очима нашима предстоящее зрѣлище напоминаетъ совѣсти нашей яко къ тому и намъ однимъ неправедно покоиться безмолвіемъ (?); а какъ мы, общіе богомольцы, наипаче должны есмы, по заповѣди святаго апостола Павла, другъ друга тяготы носити и тѣмъ исполнять законъ Христовъ: того ради единственно осмѣлились мы, по силѣ всевысочайшей привилегіи, еще въ мартѣ 1840 года, подать къ гражданскому правительству на предметъ сей наипокорнѣйшее прошеніе,—и твердо надѣемся что сіе наше теплѣйшее желаніе безъ препятствія исполнится: понеже всемилостивѣйшее правительство Австрійской имперіи, не только всѣмъ христіанскимъ религіямъ таковыя прошенія исполняетъ, но даже и Евреямъ свободное содержаніе ихъ раввиновъ не возбраняетъ."

Не безъ намѣренія поставлено здѣсь на видъ больше всего крайнее затрудненіе претерпѣваемое липованами, отъ скудости священства, въ отправленіи христіанскихъ требъ—крещенія, вѣнчанія и погребенія: хотя Павелъ и указываетъ соб-

ственно происходящій отсюда „душевный вредъ“, но въ то же время очевидна невысказанная имъ цѣль, объяснить правительству что при настоящемъ положеніи дѣла отъ липованъ никакъ нельзя требовать аккуратнаго веденія записей о родившихся, сочетавшихся бракомъ и умершихъ, и что оно возможно только съ учрежденіемъ у липованъ правильной іерархіи. Затѣмъ права и обязанности будущаго липованскаго епископа опредѣляются слѣдующими правилами:

а) „Святителю священнодѣйствовать во всемъ неизмѣнно по нашему старогреческому закону и наблюдать вточности весь обычай древняго христіанскаго благочинія, *якоже въ монастырскомъ уставѣ изъяснено.*

б) „Онъ долженъ для всякаго нечаяннаго случая, какъ-то: скорой своей смерти, или чего иного непредвидимаго, одного изъ *нашихъ достойнѣйшихъ духовныхъ лицъ*, съ согласія общаго собора, въ наслѣдство своего святительскаго престола неотлагательно посвятить, дабы, *по дальнему за границей существованію согласнаго съ нашей религіей святителя*, * въ нашемъ мѣстѣ древлехристіанскаго исповѣданія святительскій престолъ многолѣтно не вдовствовалъ и дабы тѣмъ старовѣрскія наши общества толикою, якоже до нынѣ, обдержащею духовною нуждою паки до зѣла не бѣдствовали. Однакожъ доколѣ дѣйствительный святитель въ жизни существовать будетъ до того времени въ наслѣдство его посвященный святитель, да не дерзнетъ, по 8 правилу Іго вселенскаго собора, безъ благословенія дѣйствительнаго, ничего святительскаго совершать.

в) „Долженъ составить свой духовный судъ изъ пяти членовъ, какъ-то: изъ своего наслѣдника, двухъ священниковъ и двухъ мірскихъ священниковъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, имѣя себѣ и письмоводителя.

г) „Долженъ изъ числа достойныхъ и божественное Писаніе добрѣ знающихъ мірскихъ старовѣровъ каждому ихъ обществу потребное число священниковъ на неотлучное при ихъ

---

* Инокъ Павелъ либо разумѣлъ здѣсь тѣхъ „древлеправославныхъ епископовъ“, якобы сокровенно существующихъ гдѣ-то, о которыхъ ходили у старообрядцевъ темные слухи, либо хотѣлъ только дать знать правительству что епископъ котораго просили липованы не единственный въ своемъ родѣ, но что будто бы такіе уже существуютъ безпрепятственно „за границей.“

церквахъ пребываніе поставлять. * Такѣе и монастырю нашему священниковъ и іеродіаконовъ къ очередному седмицами служенію слѣдующее число поставлять.

д) „Егда же, паче чаянія, за нашимъ дѣйствительнымъ святителемъ послѣдуетъ какой-либо нетерпимый соблазнъ (чего Боже сохрани!), или начнетъ вводить что̀ противное нашей религіи закону: тогда наслѣдникъ его и прочіе духовные члены должны будутъ вступиться и отнюдь не допускать распространиться церковному раздору. Собравшись же *въ совѣтъ*, да разсмотрятъ дѣло, какъ предъ престоломъ Божія правосудія и безпристрастно. И ежели свидѣтельствованіе на святителя истиною окажется, тогда должно будетъ изъ совѣта *единому, или двумъ* членамъ къ нему келейно дойти и о тихомъ прекращеніи соблазна сыполѣпно и убѣдительно ему доложить. Аще ли тѣмъ не исправится, то надлежитъ изъ совѣта вторично послать къ нему нарочитыхъ *двухъ*, *или трехъ* членовъ *съ писаніемъ*. Аще ли же и то безуспѣшно явится, тогда будетъ *общій соборъ*, который бы ему о томъ рѣшительное предложеніе учинилъ. И если онъ къ исправленію своему согласится, то да пріимется терпѣніе; буде же и собору противнымъ отзовется, тогда да учинится соборный приговоръ съ достовѣрнымъ доказательствомъ. Обаче, какъ всѣ члены „святительскаго суда“ и „монастырскаго духовнаго совѣта“ сами совершенно святителя изъ сана его извергать не могутъ: ** то должны они будутъ таковаго святителя, по силѣ учиненнаго приговора, въ присутствіи приглашенныхъ изъ всѣхъ здѣшнихъ старовѣрческихъ обществъ духовныхъ и мірскихъ первостатейныхъ лицъ, то-есть *полнымъ соборомъ* отъ всего завѣдыванія и совокупнаго съ нами богомоленія навсегда

---

* Здѣсь умышленно, или не умышлено допущена неопредѣленность,—говорится вообще о *старовѣрахъ* и ихъ *обществахъ*, такъ что можно разумѣть не однихъ липованъ, а всѣхъ вообще, въ томъ числѣ и русскихъ старообрядцевъ.

** Противъ этого сдѣлано въ уставѣ замѣчаніе что судимаго епископа можно будетъ подвергнуть и извержению, если для суда надъ нимъ „собраны будутъ *отовсюду* духовные, хоть бы и поставленія всѣ его были.“ Къ удивленію, Павелъ основалъ это правило на отвѣтахъ вселенскихъ патріарховъ по дѣлу патріарха Никона: „ о семъ пространо на Никона, 1677 года, въ соборныхъ отвѣтахъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ, зри въ книгѣ 4 части государственныхъ грамотъ, печатной, на лист. 111 и 112.“

Т. хс.

устранить, однакожь да будетъ на томъ же нашемъ пропитаніи. Если же, паче чаянія, подладетъ святитель въ преступленіе гражданскаго суда закона, о томъ вѣдаютъ сами руководящіися закономъ что̀ и како въ таковыхъ случаяхъ поступать съ нимъ подобаетъ.

с) „По смерти же дѣйствительнаго святителя, или въ случаѣ совершеннаго удаленія его отъ престола, наслѣдникъ его имѣетъ право вступить въ полное онаго дѣйствіе, съ донесеніемъ его императорскому величеству, съ тѣмъ обаче, да и сей въ наслѣдство свое прежде всего произведетъ чинно другаго, соборнѣ избраннаго, во святителя, по тому же образу какъ выше означено.“

Въ обязанность будущему епископу поставлено между прочимъ заведеніе при монастырѣ училища „для обученія старовѣрскаго юношества“. Здѣсь инокъ Павелъ высказалъ свои мысли о потребномъ для старообрядцевъ образованіи. Юношество старовѣрское, писалъ онъ,—должно обучаться

„не внутрь монастыря и не иновѣрными, но нашей религіи учителями, не по инымъ какимъ, но только по старопечатнымъ нашего закона книгамъ, или точно съ нихъ списаннымъ, читать, и обыкновенно писать, и упражняться въ истинномъ боголознаніи, а не въ звѣздочетствѣ, которое оставляемъ постигать астрономомъ: ибо старовѣры всегда спокойно наслаждаются дарами природы по чувствамъ своимъ и разсудку, не входя ни въ какія дальнѣйшія умствованія; довлѣетъ же имъ навыкать истиннаго христіанства и благочестиваго жительства, согласно завѣщанію апостола Павла, рекшаго: *да вѣра ваша не въ мудрости человѣческой, но въ силѣ Божіей будетъ; въ ученія же странна и различна не прилагайтеся.* Итакъ, дабы всѣ старовѣрскія дѣти воспитываемы были по образу древнихъ христіанъ въ строгихъ правилахъ страха Божія, сирѣчь: не только законовъ и наказаній бояться, отъ коихъ иногда могутъ укрываться самые злѣйшіе преступники, но страшиться всякихъ преступленій и самыхъ даже сокровеннѣйшихъ, по одному только знаку совѣсти своей, твердо зная что всевышній Богъ вся сокровенная, даже какъ и самыя мысли зарождаются, въ каждомъ человѣкѣ видитъ. Того ради непремѣнно требуютъ юноши, дабы съ самыхъ младыхъ лѣтъ первѣе всего вкоренять въ сердца ихъ таковые добрые нравы, и притомъ были бы они справедливѣйшими въ исполненіи христіанскихъ обязанностей, какъ-то: въ вѣрности и

приверженности къ своему государю, въ повиновеніи судебнымъ, законамъ и властямъ, * въ душевномъ расположеніи къ духовнымъ отцамъ, въ совершенномъ послушаніи къ своимъ родителямъ“ и пр.

Этотъ параграфъ объ училищѣ внесенъ былъ въ уставъ вовсе не потому чтобы дѣйствительно предполагалось устроить школу при Бѣлокриницкомъ монастырѣ, а единственно затѣмъ чтобы мнимою заботливостью о воспитаніи вѣрныхъ и преданныхъ правительству гражданъ заслужить его благосклонность, нужную для главной цѣли. Въ тѣхъ же видахъ инокъ Павелъ написалъ слѣдующее вѣрноподданническое заключеніе устава:

„И тако да пребудемъ въ мирѣ и тишинѣ, благодарствуя всемогущему Богу и вѣнценосному нашему Австрійскому государю царю, успокоивающему наше смиреніе своимъ покровительствомъ, аки орелъ птенцы, подъ державныма крылома, и ограждающему нашу религію отъ всякихъ опасностей всемилостивѣйшею привилегіею, за что̀ и наша нелѣстная любовь и преданность къ своему предобрѣйшему царю доказывается и тѣмъ что сверхъ исполненія каждодневныхъ нашихъ къ Богу молитвъ, по апостольскому и святыхъ отецъ заповѣданію, при совершеніи божественной литургіи приносится у насъ, въ числѣ седми, именуемыхъ великими, особая просфира о здравіи его величества, всепресвѣтлѣйшаго, самодержавнѣйшаго нашего государя царя, да преблагій Искупитель рода человѣческаго соблюдетъ всемилостивѣйшаго нашего царя въ вожделѣнномъ здравіи на многая лѣта, яко да и мы подъ державою величества его прочее въ мирѣ и тишинѣ поживемъ...“

Кромѣ статьи „о водвореніи епископа“ приложена была къ уставу и еще статья „о родословныхъ книгахъ,“ или „родословіяхъ“. Этимъ библейскимъ названіемъ инокъ Павелъ хотѣлъ замѣнить ненавистное для липованскаго уха слово „метрики“, питая надежду, не удастся ли провести ихъ къ липованамъ подъ прикрытіемъ новаго имени. А въ самой статьѣ „о родословныхъ книгахъ“ онъ доказывалъ что употребленіе оныхъ не противно ни религіи, ни церковнымъ уставамъ, и даже освящено примѣромъ самого Спасителя. Но и подъ этимъ прикровеннымъ заглавіемъ статья о метрикахъ не удержалась въ

* Любопытно что все это писалъ человѣкъ ни мало не затруднившійся измѣнить своему государю.

уставѣ. Когда совсѣмъ уже переписанный уставъ былъ прочитанъ бѣлокриницкому братству и предложенъ для подписанія, настоятель инокъ Іоиль, совершенно усвоившій себѣ духъ липованъ, рѣшительно возсталъ противъ статьи „о родословныхъ книгахъ“, и тогда только соглашался подписать уставъ когда будетъ исключена изъ него эта блазнительная статья. Его голосъ былъ тѣмъ важнѣе что находилъ себѣ поддержку во мнѣніи всего липованскаго общества: приходилось поневолѣ подчиниться ему. Итакъ злополучная статья была исключена, и затѣмъ, 6го іюня 1841 года, „уставъ Бѣлокриницкаго общежительнаго монастыря“ подписанъ былъ настоятелемъ и прочими иноками. Между этими послѣдними тогда уже были распредѣлены разныя монастырскія должности, исчисленныя въ третьей главѣ устава: въ званіи должностныхъ лицъ они и подписались. Такъ инокъ Геронтій подписался уставщикомъ, Онуфрій ризничимъ, а самъ Павелъ письмоводителемъ; въ числѣ подписавшихся обрѣтается уже и „головщикъ крылоса инокъ Алимпій“.

Алимпій, послѣ долгаго отсутствія, возвратился въ Бѣлую-Криницу въ маѣ 1840 года. Онъ пріѣхалъ изъ Россіи, гдѣ занимался между прочимъ сборомъ подаяній для убогой Бѣлокриницкой обители, и дѣйствительно привезъ немалое количество пожертвованныхъ русскими старообрядцами церковныхъ вещей: иконъ, лампадъ, подсвѣчниковъ. На границѣ, со всѣми этими вещами, онъ попался было въ руки дозорщиковъ, но благодаря своей безграничной отважности успѣлъ выпутаться изъ бѣды и явился въ монастырь, ни одной вещицы не оставивъ во вражескихъ рукахъ. Павелъ и Геронтій не очень обрадовались пріѣзду этого воителя, который вообще не пользовался хорошею репутаціей между старообрядцами. Тогда дѣло объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ, какъ мы видѣли, было уже въ ходу, и Павелъ съ Геронтіемъ опасались именно какъ бы Алимпій, по своему задорному и запальчивому характеру, не сталъ ему противодѣйствовать. Но оказалось что ихъ замыслы о пріобрѣтеніи древлеправославнаго епископа, о снабженіи священствомъ всего старообрядческаго міра, несмотря на всѣ стѣсненія употребляемыя россійскимъ правительствомъ, принадлежали именно къ числу тѣхъ которыми всего скорѣе способно было увлечься кипучее сердце инока Алимпія: ему нравились именно грандіозность и смѣлость предпріятія; труды и

опасности, которые, какъ онъ ожидалъ, придется перенести ради любезнаго ему старообрядчества въ столкновеніи съ разными, можетъ-быть высокопоставленными лицами, въ странствіи по разнымъ мѣстамъ и краямъ свѣта, какъ нельзя больше соотвѣтствовали его характеру и только способствовали тому чтобъ онъ отдался всею душой замысламъ батюшки отца Павла въ которые постепенно и осторожно посвятилъ его Павелъ. Нѣтъ сомнѣнія что и здѣсь много значила самая личность инока Павла, вліянію котораго не могъ не подчиниться даже и Алимпій, вообще мало способный подчиняться чьему бы то ни было вліянію. Итакъ Павелъ и Геронтій пріобрѣли въ Алимпіи новаго сотрудника для осуществленія своихъ плановъ объ учрежденіи самостоятельной старообрядческой іерархіи, сотрудника который отдался этому дѣлу всею душой, для него готовъ былъ на самые отважные подвиги, и подъ руководствомъ такого разсудительнаго и осторожнаго человѣка какъ инокъ Павелъ, могъ дѣйствительно принести ему большую пользу.

Въ то время когда шли хлопоты по составленію устава, Алимпій еще не имѣлъ случая показать самымъ дѣломъ свою готовность — подвизаться ради спасенія древлеправославныхъ епископовъ. Но одинъ поступокъ, изъ самыхъ обыкновенныхъ, учиненный имъ въ это время, и притомъ вовсе не въ видахъ служенія великому дѣлу о епископствѣ, по случайному сцѣпленію обстоятельствъ, имѣлъ послѣдствія немаловажныя для этого именно дѣла. Въ качествѣ благотворителя Бѣлокриницкой обители, обязанной ему отчасти и первоначальнымъ своимъ устройствомъ и недавнимъ пріобрѣтеніемъ разныхъ церковныхъ вещей, инокъ Алимпій не слишкомъ почтительно относился къ настоятелю, иноку Іоилю. Іоиль, какъ нерѣдко бываетъ у старообрядцевъ, имѣлъ жену и дѣтей, съ которыми при постриженіи въ иночество долженъ былъ навсегда разлучиться, но съ которыми однакоже не прерывалъ сношеній. Случилось что жена его пріѣхала въ Бѣлую-Криницу; Алимпій, какъ всему старообрядческому міру извѣстно, не великій блюститель цѣломудрія, воспылалъ однакоже ревностію по поводу такого нарушенія иноческихъ правилъ, публично предъ всѣмъ бѣлокриницкимъ братствомъ явился обличителемъ Іоиля и требовалъ чтобы соблазнъ немедленно былъ устраненъ. Іоиль долженъ былъ покориться, отослалъ жену обратно въ Молдавію; но обиды нанесенной Алимпіемъ онъ не забылъ; да и вообще власть которую пріи-

обрѣли въ монастырѣ пришлые искатели архіерейства начала его тревожить: онъ задумалъ выпроводить изъ Бѣлой-Криницы и Алимпія и Павла съ братіей. Удобный поводъ къ этому онъ нашелъ въ извѣстныхъ ему секретныхъ дѣйствіяхъ Павла относительно вопроса о метрикахъ: обнаруженіемъ этихъ дѣйствій предъ липованами весьма удобно было вооружить противъ Павла и его сообщниковъ всю липованскую громаду. У него имѣлись очевидныя доказательства: во-первыхъ, статья о родословныхъ книгахъ которую Павелъ внесъ было въ уставъ и уничтожилъ только по его настоянію, во-вторыхъ, показаніе данное Павломъ коммиссару Шаловскому, равносильное формальному обязательству предъ правительствомъ непремѣнно достигнуть чтобы метрики введены были въ употребленіе у липованъ. Іоиль дѣйствительно разказалъ все это липованской громадѣ, объяснивъ притомъ что пришлецы помышляютъ ни больше ни меньше какъ о томъ чтобы съ помощію правительства захватить въ свои руки и монастырь и липованское общество, что за такія козни подобаетъ липованамъ учинить надъ ними судъ и расправу. И вотъ спустя немного времени послѣ того какъ подписанъ былъ уставъ, въ одинъ праздничный день, послѣ вечерни, Павелъ съ братіей видитъ огромную толпу липованъ, со всего почти селенія, вооруженныхъ дреколіемъ и направляющихъ свое шествіе прямо къ монастырскимъ воротамъ. Понявъ въ чемъ дѣло, Павелъ прежде всего позаботился о томъ чтобы защитить отъ нападенія монастырскую часовню: ключи отъ нея онъ отдалъ одному изъ иноковъ и велѣлъ ему поскорѣе скрыться въ безопасное мѣсто. Между тѣмъ толпа вошла въ монастырь и вызвала Павла, Геронтія и прочихъ на судъ „за предательство“: потрѣбовали ключей отъ монастырской часовни, а виновныхъ приговорили къ изгнанію. Но ключей не оказалось; а приговоренные къ изгнанію не хотѣли подчиниться рѣшенію толпы, не имѣвшей никакого права распоряжаться въ монастырѣ. Встрѣтивъ такой неожиданный отпоръ, липованы не знали что имъ дѣлать: прибѣгнуть къ насилію они опасались, а уйти ни съ чѣмъ — не хотѣлось. Такъ какъ начало уже смеркаться, то рѣшили отложить судъ до утра, а ночью держать монастырь въ осадномъ положеніи: на Павла, Геронтія и Алимпія надѣли кандалы; вокругъ часовни вооруженные дубинами липованы составили цѣпь, въ средину которой помѣстили и колодниковъ. Положеніе сихъ послѣднихъ могло бы

кончиться весьма непріятно, могли разлетѣться въ прахъ и всѣ замыслы „о древлеправославномъ епископствѣ“, еслибы задремавшіе липованскіе ратники не дали возможности Павлу съ Алимпіемъ пробраться за составленную ими цѣль. Снявъ кандалы и съ величайшей осторожностью выйдя за монастырь, они побѣжали въ Гадикъ-фальву, къ мандатору, объявить о случившемся въ Бѣлой-Криницѣ возмущеніи. Само собою разумѣется что они указали и главнаго виновника и причину всей смуты: какъ ревнители интересовъ правительства, страждущіе за дѣло о метрикахъ, они просили у мандатора законной защиты, обѣщавъ ему и вознагражденіе за желаемое возстановленіе тишины и порядка въ обители. Мандаторъ немедленно собрался ѣхать въ Бѣлую-Криницу. Здѣсь между тѣмъ проснувшіеся стражи и всѣ липованы до крайности изумлены были, увидѣвъ одного только Геронтія, спокойно сидѣвшаго во узахъ: на вопросы о сотоварищахъ по узничеству онъ отвѣчалъ молчаніемъ. Исчезновеніе Павла съ Алимпіемъ и подозрительное спокойствіе Геронтія не обѣщали ничего хорошаго. Липованы начали трусить; а когда завидѣли экипажъ пана мандатора, то и окончательно растерялись. Панъ мандаторъ, видя ихъ раскаяніе, простилъ ихъ; главный же виновникъ возмущенія, инокъ Іоиль, поплатился липеніемъ настоятельства и долженъ былъ уѣхать въ Молдавію. На его мѣсто мандаторъ предложилъ бѣлокриницкому братству немедленно избрать новаго настоятеля. При этомъ случаѣ въ первый разъ принятъ былъ къ руководству новый монастырскій уставъ, хотя не утвержденный еще правительствомъ, но по тому самому что былъ уже подписанъ бѣлокриницкими старцами, имѣвшій для этихъ послѣднихъ обязательную силу. На основаніи той статьи что „общебратскій соборъ“ имѣетъ право смѣнять настоятеля и „изъ среды себя достойнѣйшаго на ту должность паки избирать“, тогдашній „общебратскій соборъ“, по указанію Павла, единогласно избралъ въ настоятели инока Геронтія.* Эта перемѣна, случившаяся такъ не-

* Геронтій на допросѣ показалъ что избраніе его въ настоятели случилось именно вслѣдъ за подачей устава: „Съ Божіею помощію доставленъ отъ насъ правительству уставъ нашего монастыря, и часть отъ богословіи исповѣданія вѣры и догматъ, и предметъ о святителѣ и учрежденіи школы. И въ 1841 году доставлено сіе. *Тогда* братія избрали меня въ настоятели и мѣстное начальство утвердило.“ Изложеніе обстоятельствъ сопровождавшихъ его избраніе осно-

ожиданію, хотя и давно желаемая, имѣла большую важность для учредителей бѣлокриницкой іерархіи: теперь они сдѣлались по праву главными роспорядителями въ монастырѣ, назначенномъ въ мѣстопребываніе будущему епископу, и здѣсь никто уже не могъ препятствовать осуществленію ихъ плановъ.

V.

Въ хлопотахъ за монастырскимъ уставомъ прошелъ цѣлый годъ. Между тѣмъ въ это время крайзамтъ успѣлъ обмѣняться съ губерніей офиціальными объясненіями по поводу представленнаго имъ въ іюнѣ 1840 года прошенія бѣлокриницкихъ иноковъ объ учрежденіи архіерейской каѳедры у липованъ. Въ губерніи весьма недовѣрчиво и неблагосклонно взглянули на это дѣло. Кажется, тамъ уже получены были косвеннымъ путемъ свѣдѣнія объяснившія дѣйствительное значеніе затѣяннаго бѣлокриницкими иноками предпріятія, а также извѣстія и о самыхъ затѣйщикахъ, какъ лицахъ подозрительныхъ, бѣжавшихъ изъ Россіи. Предписаніемъ отъ 28го сентября 1840 года губернское начальство потребовало отъ крайзамта, какъ онъ и опасался, болѣе полныхъ объясненій о Бѣлокриницкомъ монастырѣ и о томъ на какихъ основаніяхъ крайзамтъ допустилъ существованіе этого духовнаго института въ Бѣлой-Криницѣ; о привилегіи Іосифа II замѣчено что она не даетъ липованамъ никакого права на устроеніе монастыря; веденіе метрическихъ записей, какъ ожидаемое послѣдствіе учрежденія правильной іерархіи у липованъ, при-

---

вано на разказѣ о. Онуфрія. Что мандатору за прекращеніе мятежа и содѣйствіе избранію новаго настоятеля была обѣщана и вручена награда, на это есть указаніе въ одномъ весьма куріозномъ сочиненіи Геронтія, изъ написанныхъ имъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Сочиненіе называется: „Предсмертная грамота превѣчному Божеству“. Здѣсь Геронтій представляетъ себя на страшномъ судѣ бесѣдующимъ съ Судіею, и вотъ что между прочимъ слышитъ отъ Судіи: „Не лучше еси предателя моего.... Оный убо за тридесять сребреникъ мене богоубійцамъ преда; ты же предмѣстника своего, который любезно въ сожительство къ себѣ пріятъ тя, *не за четыре ли десять гульденовъ нѣмецкаго сребра свергнулъ съ престола игуменства*, и онаго изъ общежительнаго монастыря изгналъ.“ (принад. мнѣ рукопись.)

знано также недостаточнымъ основаніемъ для просьбы о липованскомъ епископѣ, такъ какъ веденіе метрикъ есть дѣло гражданское, никакой связи съ религіей не имѣющее; наконецъ предписано находящихся въ монастырѣ „тайно пришедшихъ изъ-за границы липованскихъ калугеровъ", которымъ собственно и принадлежитъ затѣя объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ, выслать изъ Буковины обратно за границу. Въ отвѣтъ на это предписаніе губернскаго начальства, крайзамтъ, новыми представленіями, отъ 5го и 19го декабря, старался отстоять свое мнѣніе относительно метрикъ, доказывалъ что въ липованскихъ селеніяхъ дѣйствительно придаютъ имъ значеніе религіозное и что только съ учрежденіемъ у липованъ правильной іерархіи можно ожидать въ ихъ обществахъ и правильнаго веденія метрическихъ записей. Вліянію монастыря на ожидаемый счастливый исходъ дѣла о метрикахъ и вообще на смягченіе липованскихъ нравовъ крайзамтъ усвоялъ также большое значеніе; а для нужныхъ объясненій о самомъ монастырѣ, его исторіи и учрежденіяхъ, обѣщалъ представить полный монастырскій уставъ, приготовляемый по его порученію. Наконецъ, предписаніе о высылкѣ за границу пришлыхъ калугеровъ крайзамтъ оставилъ вовсе безъ отвѣта, потому что не находилъ удобнымъ приводить его въ исполненіе, или дѣлать по поводу его какія-либо распоряженія. О Павлѣ съ Геронтіемъ, какъ сказано было выше, крайзамтъ имѣлъ отъ самихъ липованъ точныя свѣдѣнія что они дѣйствительно „пришли тайно изъ-за границы" и назвались чужими именами; но принявъ отъ нихъ прошеніе какъ отъ туземныхъ жителей, состоящихъ подъ австрійскимъ подданствомъ, онъ долженъ былъ бы теперь дѣйствовать противъ самого себя, еслибы согласно губернскому предписанію распорядился о высылкѣ ихъ, какъ бѣглыхъ иностранцевъ, изъ Буковины. Вообще, своими первоначальными распоряженіями по поводу просьбы бѣлокриницкихъ иноковъ объ учрежденіи епископской каѳедры у липованъ крайзамтъ такъ тѣсно связалъ себя съ этимъ дѣломъ что поставлялъ уже своимъ долгомъ во что бы ни стало защищать его: замѣчанія губернскаго начальства, чувствительныя для самолюбія черновицкихъ властей, только еще болѣе подстрекали ихъ дѣйствовать въ принятомъ направленіи.

Живя въ Черновцахъ у пана Тарновецкаго, инокъ Павелъ имѣлъ возможность скоро узнать какъ непріязненно отнес-

лись въ губерніи къ поданной имъ просьбѣ о епископѣ, и какіе даже, по поводу этой просьбы, возбуждаются опасные для монастыря и для него лично вопросы. Это было новымъ огорченіемъ для Павла: его замысламъ угрожала серіозная опасность, и съ такой стороны откуда, повидимому, онъ совсѣмъ не ожидалъ ея. За то онъ вполнѣ убѣдился теперь что его не выдастъ „благодѣтельное“ черновицкое начальство, что отселѣ оно будетъ его вѣрнымъ союзникомъ и покровителемъ достаточно сильнымъ чтобы защитить его дѣло предъ губерніей: доказательство этого онъ могъ уже и видѣть въ представленіяхъ крайзамта отъ 5го и 19го декабря. Его личныя отношенія къ крайзамту съ этого времени, дѣйствительно, становятся такъ близки что онъ получаетъ свободный доступъ въ его канцеляріи и архивы. На составленіе монастырскаго устава, которымъ онъ тогда занимался, предписаніе полученное изъ губерніи, также не осталось безъ вліянія: уставъ получалъ теперь еще больше значенія, такъ какъ и самъ крайзамтъ между прочимъ ссылался на него, обѣщая доставить въ губернію объясненіе на нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ тамъ замѣчаній. Нужно было поэтому усугубить тщаніе, съ какимъ вообще составлялся уставъ, пересмотрѣть со вниманіемъ особенно тѣ его статьи которыя должны были служить какъ бы отвѣтомъ на сдѣланныя въ губерніи возраженія по поводу бѣлокриницкой просьбы. И мы видѣли что эти статьи изложены дѣйствительно съ особеннымъ тщаніемъ и осторожностію,—таковы именно статьи объ основаніи монастыря, о принятіи иноковъ, о строгомъ за ними наблюденіи, о странноприимствѣ, объ основаніяхъ почему липованамъ необходимо имѣть своего епископа, объ училищѣ, и другія, въ которыхъ составитель заботился не о томъ чтобы передать истину, а чтобы только умолчаніемъ, или искаженіемъ истины расположить правительство въ пользу монастыря и въ пользу дѣла о липованскомъ епископѣ. Въ іюнѣ 1841 года уставъ, подписанный должностными монастырскими лицами, представленъ былъ въ крайзамтъ. Примѣнительно къ его содержанію здѣсь приготовили новое представленіе, и 9го августа вмѣстѣ съ уставомъ отправили въ Лембергъ. Въ этомъ представленіи крайзамтъ не преминулъ повторить что по его убѣжденію „единственное средство привести въ порядокъ отправленіе духовныхъ требъ у липованъ и воспитаніе липованскихъ юношей, вообще сколько-нибудь исправить совершенно потерян-

ную въ настоящее время нравственность липованъ, заключается въ томъ чтобъ оставить у нихъ неприкосновеннымъ то духовенство (то-есть иноковъ Бѣлокриницкаго монастыря), которое у нихъ существуетъ съ самаго ихъ водворенія въ Буковинѣ и теперь чрезъ совершеніе Божіихъ службъ нѣсколько еще поддерживаетъ порядокъ въ липованскихъ громадахъ, и чтобы дать этому духовенству законныя установленія, съ возложеніемъ на него обязанности исполнять предписанія правительства относительно провожденія метрикъ и обученія липованскихъ юношей". *

Новое представленіе крайзамта не поколебало прежняго мнѣнія губернскихъ властей по дѣлу о липованскомъ монастырѣ и епископѣ; относительно же присланнаго крайзамтомъ бѣлокриницкаго монастырскаго устава они нашли необходимымъ узнать предварительно мнѣніе православнаго буковинскаго епископа Евгенія, какъ главнаго въ области начальника по дѣламъ православной церкви, къ которой липованы считались имѣющими болѣе близкое отношеніе нежели ко всѣмъ другимъ существующимъ въ имперіи исповѣданіямъ. Преосвященный Евгеній Гакманъ; Русинъ по происхожденію **, человѣкъ высокообразованный и глубоко преданный православію, всегда интересовался судьбой липованъ, какъ людей славянскаго племени и бывшихъ нѣкогда православными: онъ старался поддерживать сношенія съ ними, бывалъ даже въ монастырѣ Бѣлокриницкомъ,—и липованы вообще относились къ нему съ уваженіемъ ***. Зная упорство ихъ въ такъ-называемой старой вѣрѣ, онъ, конечно, не разчитывалъ въ близкомъ будущемъ возвратить липованъ къ православію; но тѣмъ не менѣе считалъ ихъ не совсѣмъ чужими для православной церкви и не терялъ надежды на возвращеніе ихъ къ православію при благопріятныхъ условіяхъ, къ числу которыхъ относилъ и самое оскудѣніе священства у липованъ, такъ какъ полагалъ что рано или поздно оно можетъ расположить ихъ къ принятію мѣстныхъ православныхъ священниковъ. Но эту

* Содержаніе этого представленія изложено въ другомъ представленіи крайзамта отъ 3го іюня 1842 года, № 6.457 (*Бѣлокр. арх.*).

** Настоящая фамилія Евгенія *Хибайло*. См. о немъ у Надеждина стр. 103.

*** Такъ наприм. онъ заѣзжалъ въ монастырь Бѣлокриницкій въ 1841 году, и здѣсь его принимали съ почетомъ; къ о. Онуфрію, отъ котораго мы слышали это, онъ заходилъ въ келью.

надежду должны были совершенно разрушить замыслы бѣлокриницкихъ калугеровъ объ учрежденіи у липованъ самостоятельной архіерейской каѳедры, грозившіе притомъ, что было гораздо важнѣе, и всему православію не малымъ вредомъ,— замыслы о которыхъ епископу Евгенію, жившему постоянно въ Черновцахъ, не трудно было получить точныя извѣстія и къ которымъ по этому самому не могъ онъ относиться равнодушно, тѣмъ болѣе что видѣлъ полное сочувствіе имъ со стороны черновицкаго гражданскаго начальства, совершенно чуждаго интересамъ православной церкви, если только не враждебно къ ней расположеннаго. Можно догадываться что въ видахъ противодѣйствія замышленному въ Бѣлой-Криницѣ неправому дѣлу онъ первый сообщилъ въ губернію тѣ свѣденія о „тайно пришедшихъ изъ-за границы калугерахъ“ и объ ихъ замыслахъ которыми, какъ выше замѣчено, губернское начальство руководилось между прочимъ въ своемъ предписаніи крайзамту отъ 28го сентября 1840 года. Теперь, получивъ на разсмотрѣніе монастырскій уставъ, епископъ Евгеній считалъ своимъ долгомъ войти въ подробное обсужденіе не только изложенныхъ въ немъ религіозныхъ мнѣній и правилъ иноческаго общежитія, но и самаго вопроса объ учрежденіи особой архіерейской каѳедры у липованъ. Что касается этого послѣдняго вопроса, то домогательства липованъ нашелъ онъ противными каноническимъ правиламъ православной восточной церкви *, и съ тѣмъ вмѣстѣ объяснилъ что домогательства эти принадлежатъ собственно нѣсколькимъ монахамъ, прибывшимъ изъ-за границы, и не находятъ себѣ сочувствія даже въ большинствѣ липованъ, между которыми имѣется притомъ не малое количество и такихъ которые совсѣмъ не принимаютъ священства, и потому учрежденіе архіерейской каѳедры считаютъ совершенно излишнимъ. Относительно же вѣроученія липованъ и правилъ

* Надеждинъ, который лично знакомъ былъ и бесѣдовалъ съ Евгеніемъ о липованскихъ дѣлахъ, говоритъ что „онъ входилъ съ формальнымъ протестомъ къ мѣстному начальству въ которомъ на основаніи каноническихъ правилъ церкви вообще и православной восточной церкви въ особенности, разъяснилъ и доказалъ всю нелѣпость и беззаконность раскольническихъ домогательствъ“ (стр. 103). Вѣроятно здѣсь разумѣется именно представленный Евгеніемъ отзывъ о бѣлокриницкомъ уставѣ, или же первое его донесеніе о „раскольническихъ домогательствахъ“.

ническаго общежитія отозвался что они въ существенномъ своемъ содержаніи ничѣмъ почти не разнятся отъ принимаемыхъ православною церковію; все различіе состоитъ только въ обрядовыхъ дѣйствіяхъ, которыя не даютъ липованамъ никакого основанія отдѣляться отъ православной церкви, тѣмъ паче искать учрежденія особой, самостоятельной іерархіи, и которымъ только по крайнему своему невѣжеству придаютъ они чрезвычайную догматическую важность. Вотъ что въ послѣдствіи писалъ объ этомъ самъ инокъ Павелъ, какъ видно, имѣвшій возможность прочесть отзывъ Евгенія о бѣлокриницкомъ уставѣ: „Губернія вздумала вопросить мнѣнія о нашемъ монастырѣ черновицкаго волохской религіи епископа, вовсе для насъ недоброжелательствующаго, который донесъ губерніи весьма для насъ вредную аттестацію. Онъ увѣрилъ губернію что внедавнѣ собравшіеся липованскіе монахи сами о себѣ затѣваютъ такое дѣло, но что даже и обществы ихъ изволенія совсѣмъ не имѣютъ: поелику (говоритъ) въ липованскихъ обществахъ, кои коренные и достаточные люди суть, всѣ какія-то чуждые христіанства, вовсе не требующіе священства и святыхъ таинъ никогда не причащаются *, а впрочемъ (говоритъ) хотя нѣкоторые и придерживаются священства, и тѣ суть пришедшіе изъ-за границы—изъ Россіи, изъ Молдавіи—разная сволочь, и они временемъ принимаютъ бѣжавшихъ изъ Россіи раслупыхъ поповъ, или разстриженыхъ, или вовсе несвященныхъ, а только ложно называющихся; а потому (заключаетъ онъ въ клеветѣ (?) своей) эти липоване, кои придерживаются священства, могутъ перейти подъ его пастырство, поелику и россійская религія одного съ нимъ восточнаго греческаго закона и по всему одна другой согласуетъ — въ церковныхъ обрядахъ, въ крещеніи и въ самомъ символѣ вѣры. И такъ вовсе непотребно для липовановъ нетолько особаго своего епископа, но даже и монастырь съ монахами: ибо когда коренные жители не пріемлютъ священства, кольми паче для чего имъ потребны пустые монахи, развѣ для одного попрошайства; собственнаго же достатку они вовсе ничего не имѣютъ, кромѣ подаемой имъ милостыни“ **.

* Это онъ говоритъ о безпоповцахъ; хотя и много клевещетъ, но лишь отчасти правда, ибо въ одномъ селѣ Климоуцахъ есть нѣсколько безпоповцевъ, и мужики заживные.“ (Прим. Павла.)

** Письмо къ благотворителямъ отъ 16го окт. 1843. (Сборникъ

Получивъ отъ епископа Евгенія отзывъ о бѣлокриницкомъ уставѣ, губернское начальство удовлетворилось имъ вполнѣ и вовсе не признало за уставомъ того значенія какое усвояли ему въ Черновцахъ; а на представленіе крайзамта отъ 9го января 1841 отвѣчало новымъ строгимъ подтвержденіемъ своихъ прежнихъ распоряженій по дѣлу о липованахъ. На сношенія между губерніей и буковинскимъ епископомъ потребовалось довольно времени, такъ что этотъ новый губернскій декретъ состоялся уже 21го марта 1842 года. Опредѣливъ со всею точностью что дѣло касается главнымъ образомъ двухъ вопросовъ: 1) о правильномъ веденіи метрическихъ книгъ въ липованскихъ селеніяхъ, и 2) о дальнѣйшемъ существованіи монастыря въ Бѣлой-Криницѣ, съ предоставленіемъ права на учрежденіе въ оном архіерейской каѳедры, губернское начальство относительно того и другаго постановило: 1) грамота Іосифа II, предоставляющая липованамъ свободу религіи, не освобождаетъ ихъ отъ веденія метрикъ, ничего общаго съ религіей не имѣющихъ, и потому относительно метрикъ крайзамтъ непремѣнно долженъ исполнить состоявшееся 14го августа опредѣленіе; 2) та же грамота,

---

о. Онуфрія). Въ „Рекурсѣ" Павелъ и Алимпій также жаловались что епископъ Евгеній очень неблагосклонно отозвался „объ особенностяхъ, образованіи и способностяхъ липованъ" (über unsere Individualität, unsere Kenntnisse, und unsere Fähigkeiten). Геронтій же въ своемъ *Памятникѣ* пишетъ слѣдующее: „Славный кесарекоролевскій губерніалъ сосѣдственному и не менѣе завистію намъ враждебному нынѣшняго грековостока исповѣданія вологскому епископу поручилъ нашъ уставъ въ разсмотрѣніе, иже неутомимою жаждою томимъ бѣ. еже бы насъ подъ свою паству подчинити. Не имѣя же религіознаго средства въ нашемъ показаніи опровергати, сей убо витиранъ (sic), или паче рещи волагской діалектики царской фамиліи учитель (?), премудрый софистіанъ (sic), по зависти своея слѣпоты ощупавъ стезю, между нашего населенія нѣсколько непріемлющихъ священства, онъ отнесся губерніалу тако, ако въ показаніи ихъ исповѣданія вѣры нѣсть противнаго грековостоку, развѣ мало нѣчто разнствуетъ въ церемоніалахъ церковнаго обряда, и та не суть подъ каноном церковныхъ правилъ; но при всемъ томъ первобытные липованы (тако они насъ называютъ), иже по силѣ высочайшей привилегіи въ австрійской провинціи поселившіеся, они священства ни подъ какимъ предлогомъ не пріемлютъ; но это ристорація (sic) отъ новопришельцевъ иноческаго скопища зависитъ быти, между коими незначи-

хотя и предоставляетъ липованамъ свободу въ содержаніи своего собственнаго духовенства, но тѣмъ не менѣе не даетъ имъ права имѣть въ Бѣлой-Криницѣ особаго рода духовный институтъ, именуемый у нихъ монастыремъ, тѣмъ болѣе что „въ самопервомъ началѣ ихъ поселенія здѣсь они просили уже о дозволеніи устроить таковый монастырь, но рѣшеніемъ надворнаго военнаго суда, 9го іюня и 10го іюля 1884, имъ это не дозволено, каковыя рѣшенія они должны были получить чрезъ военную мѣстную администрацію.“ Эти постановленія свои, въ сущности совершенно согласныя съ изданными прежде, губернія предписывала крайзамту „объявить старшинамъ липованской вѣры и старательно наблюдать чтобъ оныя, равно какъ всѣ прочіе общіе законы и правила, были ими въ точности исполняемы.“ Наконецъ губернское начальство выражаетъ увѣренность что, согласно прежнему его распоряженію, отъ 28го сентября 1840 года, крайзамтъ распорядился уже высылкой за границу пришлыхъ калугеровъ, замыслившихъ дѣло о липованскомъ епископѣ. *

Итакъ, весь трудъ и все дипломатическое искусство, потраченные Павломъ на составленіе устава, для губерніи пропали даромъ; надежда какую возлагали на этотъ пресловутый уставъ и въ Бѣлой-Криницѣ, и въ Черновцахъ не оправдалась: благодаря указаніямъ епископа Евгенія и той добросовѣстности съ какою вообще дѣйствовало губернское начальство по вопросу о липованахъ, ему не трудно было усмотрѣть фальшь и обманъ, какъ ни искусно они были прикрыты, въ тѣхъ самыхъ статьяхъ на которыя всего болѣе разчитывали и Павелъ и черновицкіе чиновники: губернія осталась при своемъ прежнемъ рѣшеніи по поводу просьбы бѣлокриницкихъ иноковъ, и только на этотъ разъ выразила его опредѣленнѣе и тверже. Для Павла опять наступило тяжелое время, грозившее ниспроверженіемъ всѣхъ его плановъ и замысловъ; но и теперь къ нему явились на помощь черновицкіе союзники и „благодѣтели,“ не менѣе какъ и онъ самъ недовольные рас-

тельное число суть и міряне, которые не возгнушались бы и нами“ (принад. мнѣ рукоп.).

* „Губернія полагаетъ что крайзамтъ уже сдѣлалъ, что касается тайно изъ-за границы пришедшихъ липованскихъ калугеровъ, по губернскому приказанію отъ 28го сентября 1840 зависящее распоряженіе.“ Губ. предп. отъ 21го марта 1841 года, № 11.613 (*Бѣлокр. арх.*)

поряженіями губернскаго начальства. Хотя распоряженія эти были выражены такъ твердо что, повидимому, не допускали никакихъ возраженій, крайзамтъ все-таки не намѣренъ былъ исполнять ихъ и составилъ планъ какъ достигнуть того чтобъ они были отмѣнены окончательно.

Въ новомъ представленіи, отъ 3го іюня 1842 года, крайзамтъ старался доказать губернскому начальству что постановленное симъ послѣднимъ, въ 21 день марта, рѣшеніе по дѣлу о липованахъ „почти невозможно“ исполнить, такъ какъ имѣются къ тому опытомъ дознанныя „чрезвычайныя препятствія,“ и потому просилъ объясненія подлежитъ ли указанное рѣшеніе непремѣнному исполненію, или губернія благоволитъ сдѣлать въ ономъ по требованію обстоятельствъ какія-либо измѣненія, и какія именно. Въ изложеніи „чрезвычайныхъ препятствій,“ дѣлающихъ невозможнымъ исполненіе губернскаго рѣшенія, крайзамтъ не сказалъ ничего новаго противъ прежнихъ своихъ представленій въ губернію, только постарался описать несчастныхъ липованъ самыми мрачными красками, чтобы показать такимъ образомъ крайнюю необходимость для липованскихъ обществъ законно поставляемаго духовенства, которое одно будто бы только и можетъ завести въ этихъ обществахъ порядокъ и исправить липованскіе нравы. „И въ прежнее время, когда въ липованскихъ громадахъ находились старшіе чрезвычайно хорошаго поведенія и достоинства люди, которые старались склонить жителей, даже угрозами, къ веденію метрикъ, и тогда всѣ эти убѣжденія оставались безъ дѣйствія, ибо всегда имѣло силу то препятствіе что по фанатическому понятію липованъ метрики не суть только политическая мѣра, но противны ихъ религіи. Въ настоящее же время липованы, что касается благочестивой, вѣрной и справедливой жизни, стали гораздо хуже, нежели какъ были прежде, такъ что нѣтъ у нихъ ни одного человѣка который бы могъ имѣть здравое понятіе о распоряженіяхъ правительства; притомъ же всѣ они впали въ слѣпой религіозный фанатизмъ: ибо много лѣтъ не имѣютъ порядочнаго духовенства и хорошаго воспитанія юношей. И потому склонить этихъ людей убѣжденіями, или наказаніями къ исполненію всѣхъ законныхъ требованій, указанныхъ въ губернскомъ рѣшеніи, представляется почти невозможнымъ; крайзамтъ же съ своей стороны предлагаетъ къ тому вѣрное средство: до тѣхъ поръ порядокъ у липованъ не будетъ возста-

новленъ, пока не будутъ они имѣть своего законнаго духовенства, которое бы наблюдало за ними въ исполненіи религіозныхъ требованій, обученія юношей и провожденія метрикъ, подобно тому какъ дѣлается въ иныхъ религіяхъ. Липованскіе калугеры берутъ на свою обязанность исполненіе указанныхъ въ губернскомъ высочайшемъ рѣшеніи требованій и просятъ только чтобъ ихъ монастырскія учрежденія утвердить законнымъ порядкомъ.“ Представленіе свое крайзамтъ заключилъ слѣдующими словами: *„Теперь дѣло не въ томъ какъ поступить съ липованами и ихъ калугерами,* а въ томъ какъ уничтожить происходящій у нихъ безпорядокъ и довести ихъ до надлежащаго исполненія религіозныхъ требованій, воспитанія юношей и веденія метрическихъ книгъ. Въ уваженіе этихъ обстоятельствъ, крайзамтъ проситъ дать ему объясненіе должно ли высочайшія рѣшенія 21го марта 1842 года необходимо исполнить, или позволено будетъ на всѣ вышеупомянутыя обстоятельства имѣть уваженіе, и какого рода уваженіе.“ *

Нѣтъ сомнѣнія что никакого „уваженія“ изъ губерніи крайзамтъ не ожидалъ и ожидать не могъ; равно какъ состоявшееся теперь губернское рѣшеніе вовсе не намѣренъ былъ исполнить и послѣ новаго подтвержденія, о которомъ спрашивалъ и которое непремѣнно должно было послѣдовать. Изъ всего содержанія и по самому тону донесенія видно что оно писано подъ вліяніемъ уже принятаго плана, посредствомъ котораго крайзамтъ надѣялся достигнуть отмѣны губернскихъ распоряженій по дѣлу о липованахъ: планъ состоялъ въ томъ чтобы перенести это дѣло на рѣшеніе высшихъ инстанцій. Въ исполненіи этого плана крайзамтъ, конечно, не могъ принимать непосредственнаго участія: аппеллировать, какъ недовольные рѣшеніемъ губерніи, должны были сами просители, уполномоченные на то отъ Бѣлокриницкаго монастыря. Убѣдить же Павла перенести дѣло о епископѣ въ столицу не предстояло никакого труда, такъ какъ онъ и самъ видѣлъ что въ губерніи это дѣло совсѣмъ испорчено, и другаго средства поправить его не остается какъ только искать защиты и суда у верховной власти. Притомъ же были основанія разчитывать что въ столицѣ примутъ его дѣло совсѣмъ иначе нежели какъ оно принято въ губерніи. Губернское началь-

* Донес. крайз. отъ 3го іюня 1842, № 6.457 (*Бѣлокр. арх.*).

ство (въ этомъ были увѣрены и въ Бѣлой-Криницѣ и въ Черновцахъ) * дѣйствовало относительно просьбы старообрядческихъ иноковъ подъ вліяніемъ православнаго буковинскаго епископа и, быть-можетъ, своего собственнаго сочувствія интересамъ православія: въ Вѣнѣ же подобныхъ вліяній никакъ не предполагалось, напротивъ, думали, если разъяснить тамъ настоящую причину неблагопріятнаго отношенія губернскихъ властей къ дѣлу о старообрядческой архіерейской каѳедрѣ, и если только примутъ тамъ во вниманіе что учрежденіемъ этой каѳедры можетъ быть причиненъ значительный ущербъ интересамъ православія, имѣющаго такое существенное значеніе для сосѣдней великой имперіи, то на успѣхъ просьбы у австрійскаго императорскаго правительства можно смѣло разчитывать.

Руководясь такими соображеніями и во всякомъ случаѣ не видя другаго выхода изъ затрудненія въ какое поставленъ былъ „рѣшеніемъ губерніи", Павелъ согласился послѣдовать совѣту „благодѣтельнаго" черновицкаго начальства—перенести свое дѣло въ столицу. И вотъ изъ крайзамта препровождается въ губернію изложенное выше представленіе, съ котораго Павлу дана была точная копія; а вслѣдъ затѣмъ отправляются во Львовъ и Павелъ съ Геронтіемъ для подачи губернскому начальству отъ себя лично прошенія, съ тою единственно цѣлію чтобы получить на него офиціальный отвѣтъ, который могъ бы послужить основаніемъ для составленія „рекурса" на императорское имя. Прошеніе это они подали „президенту всей Буковины, Галиціи и Лодомеріи" 27го іюня 1842 года. „Будучи извѣщены отъ кесарокоролевскаго крайзамта,—писали они,—что уставъ нашъ представленъ губерніи на разсмотрѣніе и утвержденіе, мы прибыли сюда для успѣшности нашего дѣла и въ случаѣ какой надобности что-

* Въ „Рекурсѣ" Павелъ и Алимпій писали что кесарокоролевская губернія дѣйствовала именно „по нѣкоторому, враждебному для ихъ обряда вліянію;" и въ другомъ мѣстѣ: „мы съ глубочайшею скорбію узнали что къ изданію тягостнаго высокою губерніею рѣшенія содѣйствовало много мнѣніе поданное отъ его преосвященства господина буковинскаго грекоуніатскаго (griechisch nicht unirten) епископа; о томъ же говорится у Геронтія въ его *Памятникѣ*, и на допросѣ онъ показалъ: „губернія учинила по желанію волохскаго епископа, всѣ наши предпріятія и труды уничтожила своимъ рѣшеніемъ."

бы могли подать наше еще потребное дополненіе. А какъ мы *здѣсь освѣдомились* что по нашему дѣлу резолюція покончена и что крайзамтъ самъ неоднократно просилъ губернію насъ удовлетворить: отъ чего мы, соболѣзнуя дабы наша религія и вся свободность не уничтожилась, покорнѣйше просимъ милостиво и внимательно наше дѣло разсмотрѣть и насъ беззащитныхъ, согласно 1го пункта всевысочайшей привилегіи, удовлетворить, дабы нашъ монастырь для вѣчнаго существованія утвердить и намъ здѣсь на оное милостивую резолюцію выдать. Для того мы, нижеподписавшіеся, *доносимъ* что черновицкій неуніатскій епископъ, которому нашъ устав изъ губерніи на разсмотрѣніе былъ врученъ, намъ есть всегдашній недоброжелатель, *и нетолько для насъ, но и для здѣшняго государственнаго порядка не доброжелательствуетъ*; насъ же желательно ему подъ свое завѣдываніе подвести, и въ противномъ случаѣ настоять тщится совершенно даже изъ здѣшняго края за границу выслать. Но покорнѣйше просимъ внимательно вникнуть кесарокоролевскаго крайзамта во вторительное доношеніе, который въ виду имѣетъ всѣ наши обстоятельства.“ Такимъ образомъ цѣль прошенія поданнаго Павломъ и Геронтіемъ была, повидимому, та чтобы достигнуть отмѣненія состоявшейся по ихъ дѣлу „резолюціи“, о которой, равно какъ и о дѣйствіяхъ крайзамта въ ихъ пользу, они будто бы узнали только по пріѣздѣ во Львовъ, куда де прибыли единственно „ради успѣшности“ своего дѣла и чтобы „въ случаѣ какой надобности“ дать потребныя объясненія и дополненія. Вообще, нельзя не замѣтить что они всячески старались выгородить крайзамтъ отъ подозрѣнія въ какой-либо солидарности съ ними, въ сочувствіи и покровительствѣ ихъ затѣямъ, и только выдали себя нѣсколько въ этомъ отношеніи, рѣшившись обратить особенное вниманіе губернскаго начальства на безпристрастное яко бы и съ знаніемъ липованскихъ обстоятельствъ составленное „вторительное донесеніе крайзамта“, причемъ однако же не объяснили гдѣ они такъ близко познакомились съ этимъ донесеніемъ. За то Павелъ и Геронтій совсѣмъ иначе отнеслись въ своемъ прошеніи къ черновицкому епископу Евгенію, не посовѣстились написать на него чистый доносъ, обвинить, какъ православнаго и Русина по происхожденію, въ недоброжелательствѣ даже австрійскимъ государственнымъ порядкамъ, до которыхъ имъ, казалось бы, не было никакого дѣла. Но

измѣненіе состаявшейся 21го марта губернской „резолюціи“ было только благовиднымъ предлогомъ къ подачѣ прошенія, такъ какъ Павелъ и Геронтій были, конечно, вполнѣ увѣрены что даже и доносомъ на черновицкаго православнаго епископа, достигнуть этого измѣненія не могутъ; дѣйствительная цѣль какою они въ настоящемъ случаѣ руководились ясно высказана въ заключеніи ихъ просьбы: „А притомъ мы просимъ намъ объяснить съ какого поводу шестидесятилѣтнее существованіе монастыря нашего опредѣлено уничтожить. И ежели сіе наше прошеніе губернія не можетъ удовлетворить, то просимъ со всѣми нашими актами и уставомъ, яко рекурсъ, въ высочайшій департаментъ доставить и намъ милостивую резолюцію здѣсь ожидающимъ вручить.“ *

Но „милостивой резолюціи“ Павлу съ Геронтіемъ дождаться во Львовѣ не пришлось. Она послѣдовала уже три мѣсяца спустя послѣ того какъ было подано ими прошеніе, именно 16го октября 1842 года, одновременно съ отвѣтомъ на послѣднее представленіе крайзамта, и только въ январѣ слѣдующаго 1843 года доставлена чрезъ посредство крайкоммиссара и мандатора въ Бѣлокриницкій монастырь на имя настоятеля (Klostersvorsteher) Геронтія Левонова. Оба эти документа Павелъ справедливо назвалъ „послѣдними губернскими резолюціями о неутвержденіи монастыря.“ **

На представленіе крайзамта, какъ здѣсь и ожидали, послѣдовалъ отвѣтъ что губернское начальство не находитъ никакихъ основаній къ отмѣнѣ своего прежняго постановленія, отъ 20го марта 1842 года, въ силу котораго липованы обязуются къ непремѣнному веденію метрикъ, а устроенный ими монастырь подлежитъ уничтоженію, что же касается тѣхъ аргументовъ которыми крайзамтъ старался доказать неудобоисполнительность этого опредѣленія, то губернское начальство не признаетъ ихъ уважительными. Разбирая эти аргументы подробно, губерніумъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, ясно обличающихъ недобросовѣстность черновицкихъ властей въ веденіи настоящаго дѣла о липованахъ. Такъ противъ постоянныхъ увѣреній крайзамта что метрикамъ липованы усвояютъ исключительно религіозное значеніе и обязатель-

* Черновой экземпляръ прошенія, писанный Павломъ (*Бѣлокр. арх.*)

** Заглавія собственноручно сдѣланныя Павломъ на копіяхъ того и другаго документа находящихся въ *Бѣлокр. архивѣ.*

ство къ непремѣнному употребленію оныхъ считаютъ нарушеніемъ предоставленной имъ привилегіей Іосифа II религіозной свободы, замѣчено что сами иноки Бѣлокриницкаго монастыря признали веденіе метрикъ не противнымъ ни религіи липованъ ни данной имъ привилегіи, какъ видно изъ протокола составленнаго крайкоммиссаромъ Шаловскимъ 30го апрѣля 1840 года. Другое подобнаго рода замѣчаніе сдѣлано противъ представленій крайзамта объ утвержденіи законнымъ порядкомъ издавна существующаго въ Бѣлой-Криницѣ монастыря: вина за то что монастырь, устроенный вопреки распоряженіямъ высшаго правительства, послѣдовавшимъ въ 1784 и 1791 годахъ, столько времени существовалъ секретно, подаетъ главнымъ образомъ на крайзамтъ, „который въ отношеніи своемъ отъ 29го іюня 1840 года и самъ признался что только въ послѣднее время его примѣтилъ." * Такимъ образомъ изъ документовъ представленныхъ самимъ крайзамтомъ губернское начальство доказало ему неосновательность приводимыхъ имъ доводовъ въ защиту дѣла о липованскомъ монастырѣ и епископѣ. Но теперь, когда это дѣло должно было перейти на разсмотрѣніе столичныхъ властей, крайзамтъ еще менѣе чѣмъ прежде могъ тревожиться губернскими предписаніями и замѣчаніями, несмотря на всю ихъ справедливость и даже не находилъ нужнымъ давать на нихъ объясненіе.

„Послѣдняя губернская резолюція", полученная самими бѣлокриницкими просителями, оставивъ безъ вниманія ихъ жалобы и доносы, касалась только того что̀, какъ мы замѣтили выше, составляло сущность ихъ прошенія. Они просили „объяснить съ какого повода шестидесятилѣтнее существованіе ихъ монастыря опредѣлено уничтожить:" губернское начальство теперь и объясняло что „существованіе монастыря въ Бѣлой-Криницѣ признается непозволительнымъ, незаконнымъ и нетерпимымъ" (unzulässig, gesetzwidrig und könne nicht geduldet werden) по слѣдующимъ причинамъ: „а) хотя по высочайшей привилегіи и предоставлено поселившимся въ Буковинѣ липованамъ безпрепятственное отправленіе богослуженія и духовныхъ требъ, также принятіе изъ-за границы попа ихъ націи, но никакого не дано имъ права на заведеніе чуждаго пастырскимъ обязанностямъ, посвященнаго только уеди-

* Предпис. крайзамту отъ 16го октября 1842, № 39.976. (*Бѣлокр. архив.*)

нению и созерцанію монастырскаго института“ (Errichtung eines dem seelsorgerlichen Berufe fremden, nur der Abgeschiedenheit und Contemplation gewidmeten klösterlichen Instituts); б) „по поводу подобнаго же прошенія, учрежденіе такого монастыря было уже воспрещено рескриптомъ придворнаго военнаго совѣта (hofkriegsräthlichen Rescripte), отъ 1784 года, и декретомъ высокой губерніи (hohen Landstelle) отъ 24го августа 1791 года;“ в) „липованы сами обязаны вести метрическія записи, такъ какъ онѣ составляютъ чисто политическую и административную мѣру, никакой связи съ религіей и богослуженіемъ не имѣющую“ (mit der Religion und dem Gottesdienste in keiner Verbindung stehende); г) „монастырь состоитъ изъ непостриженныхъ бѣльцовъ (Laienbruder) и большею частію изъ иностранцевъ.“ * Вмѣстѣ съ этою „резолюціей изъ губерніи присланъ, какъ не нужный болѣе, и монастырскій уставъ (Klosterstatutenbuch).

Итакъ съ губерніей были покончены всѣ сношенія по дѣлу о признаніи Бѣлокриницкаго монастыря и объ учрежденіи въ ономъ архіерейской каѳедры. Теперь уже Павлу ничего болѣе не оставалось дѣлать какъ позаботиться о составленіи „рекурса“ противъ изданнаго губерніей рѣшенія и затѣмъ ѣхать въ Вѣну—искать покровительства и защиты угнетенному старообрядству предъ императорскимъ апостолическимъ престоломъ. Но составить „рекурсъ“ было не легкое дѣло. За совѣтомъ и помощію Павелъ отправился прежде всего въ Черновцы, къ своимъ „благодѣтелямъ“, которые дѣйствительно принялись весьма усердно помогать ему совѣтами и разнаго рода услугами. Всего труднѣе было опровергнуть второй пунктъ губернскаго рѣшенія, гдѣ приведены указанія состоявшихся прежде правительственныхъ распоряженій о воспрещеніи и закрытіи Бѣлокриницкаго монастыря. Чтобъ уничтожить силу этого пункта, нужно было, также на основаніи какихъ-нибудь документовъ, доказать что существованіе монастыря было, напротивъ, допущено правительствомъ, или по крайней мѣрѣ терпѣлось снисходительно. И вотъ начались опять розыски въ архивахъ Черновицкаго крайзамта,—выпуты и пересмотрѣны всѣ дѣла о водвореніи первыхъ липованъ въ Буковинѣ, о приходѣ липованскихъ калугеровъ, о заведеніи монастыря

* Подлинная копія губернскаго рѣшенія, выданная изъ мандаторіата Гадикъ-Фальвы (*Бѣлокр. арх.*).

при селеніи Бѣлая-Криница. Павлу дозволено было сдѣлать точныя копіи съ важнѣйшихъ документовъ и нужныя ему выписки изъ всѣхъ этихъ дѣлъ. * Оказалось что нѣкоторые документы, если умѣючи воспользоваться ими, могутъ быть обращены противъ сдѣланнаго губерніей заключенія; но оказалось также что роковые для монастыря декреты 1784 и 1791 годовъ дѣйствительно существуютъ и опровергнуть ихъ фактическую важность не представлялось никакой возможности. Тогда крайзамтъ рѣшился на поступокъ не извинительный даже для мелкаго чиновничьяго люда. И самъ онъ, въ своихъ донесеніяхъ въ губернію, постоянно проходилъ молчаніемъ декреты 1784 и 1791 годовъ, на которые указывало ему губернское начальство; а Павлу далъ теперь согласіе чтобы въ рекурсѣ было сказано, за ручательствомъ крайтамта, будто этихъ декретовъ въ архивѣ не оказалось, и потому де подлежитъ сомнѣнію, даже существовали ли они когда-нибудь. ** Значительное затрудненіе, повидимому, долженъ былъ бы представить еще четвертый пунктъ губернской резолюціи, гдѣ такъ справедливо было указано что Бѣлокриницкій монастырь состоитъ преимущественно изъ бѣглыхъ иностранцевъ; но издавна принятый у липованъ способъ зачисленія бѣглыхъ раскольниковъ въ разрядъ коренныхъ буковинскихъ жителей давалъ полную возможность доказать противное, тѣмъ болѣе что и самъ крайзамтъ, три года тому назадъ отказавшій Павлу и Геронтію въ выдачѣ паспорта, какъ пришлымъ изъ-за границы, давно уже призналъ за ними всѣ права туземныхъ липованъ. Итакъ, нуженъ былъ только опытный юристъ, который, искусно воспользовавшись собранными матеріалами и

* Сдѣланныя тогда копіи и выписки сохранились въ находящемся у насъ *Бѣлокриницкомъ архивѣ* и послужили главнымъ матеріаломъ для изложенной въ двухъ первыхъ главахъ первоначальной исторіи буковицкихъ липованъ.

** Недобросовѣстность этого, дозволеннаго крайзамтомъ и дѣйствительно приводимаго въ рекурсѣ, показанія будто декретовъ 1784 и 1791 не нашлось въ архивѣ, тѣмъ очевиднѣе и непростительнѣе что Павлу не только показаны были всѣ документы 1791. по дѣлу объ уничтоженіи открытаго въ Тарновицкомъ лѣсу липованскаго монастыря, но и дозволено снять съ нихъ копіи. Эти копіи, сохранившіяся въ *Бѣлокриницкомъ архивѣ*, и дали намъ возможность довольно подробно изложить указанное дѣло объ уничтоженіи монастыря въ 1791 году.

всѣми аргументами какіе только можно было сказать противъ губернской „резолюціи“, привелъ бы ихъ въ надлежащій порядокъ и изложилъ въ формѣ „рекурса“. Въ Черновцахъ нашелся и такой человѣкъ. Впрочемъ, составленный здѣсь рекурсъ, ради особенной важности этого документа для всей послѣдующей судьбы дѣла о липованскомъ монастырѣ и епископѣ, Павлу посовѣтывали показать въ Вѣнѣ болѣе опытнымъ юристамъ, для чего и дали ему рекомендательныя письма. Такимъ образомъ все нужное для подачи рекурса было заранѣе приготовлено еще въ Черновцахъ, по указанію и при содѣйствіи здѣшняго „благодѣтельнаго“ чиновничества. Эти хлопоты по собиранію матеріаловъ для рекурса, эти совѣщанія съ черновицкими „благодѣтелями“, вообще всѣ эти приготовленія къ поѣздкѣ въ Вѣну, предъ императорскій судъ, были однакоже весьма нелегкимъ дѣломъ для Павла, который не могъ притомъ не чувствовать что рѣшился на смѣлый и опасный шагъ. Въ послѣдствіи, вспоминая это трудное время, онъ писалъ въ Москву своимъ благотворителямъ: „По причинѣ испорченнаго нашего дѣла губерніею, съ повода буковинскаго молдаванскаго епископа, тяжко было намъ поправиться во изысканіи долговременныхъ справокъ отъ самой обсѣдлапности здѣсь нашихъ обществъ, и трудное было достиженіе—стать на высшую позицію и снова сражаться со всеоружными вовсе неоружнымъ, и со славными земли сущимъ безгласнымъ. Итакъ много прошло время и много труднаго дѣла...“ *

Вопросъ кому отправляться въ Вѣну для подачи рекурса былъ рѣшенъ въ Бѣлой-Криницѣ на общебратскомъ совѣтѣ еще до поѣздки Павла въ Черновцы. Само собою разумѣется что безъ Павла этого дѣла не находили возможнымъ сдѣлать; требовалось только выбрать кого-нибудь ему въ спутники и помощники. Геронтій, ближайшій другъ и сотрудникъ Павла, долженъ былъ, какъ настоятель, остаться дома, тѣмъ больше что занятъ былъ дѣлами по устройству монастыря; затѣмъ сопутствовать Павлу въ странствіи по европейскимъ градамъ не нашли никого способнѣе инока Алимпія, который уже принялъ тогда фамилію Милорадова. Съ этого времени инокъ Алимпій вступаетъ на то поприще хлопотливой дѣя-

* Посланіе изъ Вѣны къ благотворителямъ, отъ 14го іюля 1843. (*Сборн. о. Онуфрія*).

тельности по общественнымъ и церковно-іерархическимъ дѣламъ старообрядцевъ на которомъ ему суждено было совершить не мало смѣлыхъ, хоть и не всегда удачныхъ подвиговъ. Чтобы въ Вѣнѣ Павелъ и Алимпій могли безпрепятственно дѣйствовать какъ уполномоченные отъ монастыря депутаты нужно было снабдить ихъ формальною довѣренностью отъ всего монастырскаго братства: 3го марта 1843 года такая довѣренность „двумъ избраннымъ честнымъ инокамъ Алимпію Милорадову и Павлу Васильеву“ была подписана всѣми монастырскими должностными лицами и за всю прочую братію (не умѣющую грамотѣ) временнымъ монастырскимъ письмоводителемъ, а также и самими депутатами, которые посредствомъ подписи удостовѣряли что „по просьбѣ настоятеля съ братіей добровольно пріемлютъ на себя порученіе сей довѣренности“. Изложенное въ довѣренности порученіе касалось двухъ пунктовъ: а) ходатайства объ утвержденіи монастыря и о дозволеніи учредить въ оном архіерейскую каѳедру, б) „покупки въ вѣчное владѣніе, за цѣну какая отъ правительства назначена будетъ“, объявленныхъ въ аукціонную продажу грунтовъ на которыхъ стоятъ селенія Бѣлая-Криница и Климоуцы. Пріобрѣтеніе въ монастырскую собственность части этихъ земель было въ послѣдствіи постоянною заботой Павла и настоятелей Бѣлокриницкаго монастыря; но теперь статья о покупкѣ грунтовъ внесена въ довѣренность, какъ надобно полагать, только для того чтобы показать будто монастырь располагаетъ значительными денежными средствами (что̀ нужно было въ интересахъ дѣла о епископской каѳедрѣ); помышлять же серіозно о пріобрѣтеніи грунтовъ Бѣлокриницкій монастырь въ то время еще никакъ не могъ, по скудости своихъ средствъ. Существенное значеніе имѣлъ собственно первый пунктъ довѣренности, изложенный въ слѣдующихъ словахъ: „мы нижеподписавшіеся монастырскіе члены, настоятель со всею общежительствующею братіей, поручаемъ совершенное полномочіе двумъ избраннымъ нашимъ честнымъ инокамъ Алимпію Милорадову и Павлу Васильеву, противу объявленныхъ намъ кесарокоролевскимъ мандаторіатомъ губернскихъ рѣшеній, отъ 21го марта и 16го октября 1842 года, которыми прочее существованіе нашего здѣсь въ Бѣлой-Криницѣ до шестидесяти лѣтъ состоящаго монастыря запрещается, куда слѣдуетъ къ надлежащимъ мѣстамъ и даже къ самому его всевысочайшему кесарокоро-

левскому величеству рекурсовать и всеподданнѣйше просить *какъ существованіе нашего монастыря, въ его преимуществахъ, такъ равно и монастырскій нашъ уставъ на дальнѣйшее къ благочинію руководство наше надлежащимъ порядкомъ подтвердить*; а притомъ, согласно перваго нашего прошенія, поданнаго въ 1840 году, первоначально въ кесарокоролевскій крайзамтъ, ходатайствовать къ прежней, имѣющейся у насъ привилегіи, съ яснымъ словомъ *позволеніе на водвореніе нашему сословію особаго своего святителя, на правилахъ въ монастырскомъ нашемъ уставѣ изображенныхъ*". Затѣмъ довѣрители предоставляютъ своимъ выборнымъ слѣдующее полномочіе: „имѣютъ они, Милорадовъ и Васильевъ, вмѣсто цѣлаго монастыря, полное право, какія надлежать будутъ прошенія, по собственному ихъ усмотрѣнію и разсудку сочинять и за подписомъ ихъ къ надлежащимъ мѣстамъ подавать предъ всякое высокое правительство, и, если надобность укажетъ, даже и предъ самый высокій тронъ его императорскаго кесарокоролевскаго величества челобитно доступать; и что они въ предломянутыхъ дѣлахъ распорядятъ и учинятъ, всегда за благо признавать и никогда не отвергать, но паче подкрѣплять будемъ". *

Облеченные такимъ полномочнымъ довѣріемъ отъ монастырскаго братства, снабженные совѣтами, письмами и готовыми документами отъ своихъ черновицкихъ друзей, Павелъ и Алимпій, въ первыхъ числахъ іюня 1843 года, отправились въ „славную столицу" Вѣну, гдѣ должны были рѣшиться вопросы отъ которыхъ зависѣла вся дальнѣйшая судьба Павловыхъ замысловъ объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ.

Н. СУББОТИНЪ.

(*Продолженіе будетъ.*)

---

* *Сбор. о. Онуфрія.*

ГРАФИНЯ

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ. *

ГЕПРИХА КРУЗЕ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Графскій за́мокъ въ Аурихѣ.

(Въ глубинѣ сцены слуги и воины.)

ГРАФИНЯ. ЭНГЕЛЬМАНЪ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Истреблены корсары! Самъ Помпей
Ужъ вѣрно не поспѣшилъ чѣмъ я
Сумѣлъ очистить море отъ пиратовъ.

ГРАФИНЯ.

Ну, ну, мы здѣсь живемъ не такъ широко!
Но радуетъ меня твоя побѣда:
Ты выборъ мой достойно оправдалъ
И щедро будешь награжденъ.

* *Окончаніе.* См. *Русскій Вѣстникъ* № 11.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Графиня....

ГРАФИНЯ.

Кто благодарно платитъ за услугу
Тотъ сѣетъ на испытанной землѣ;
Кто жъ не умѣетъ благодарнымъ быть
Тотъ лучшее свое бросаетъ поле.
Я дамъ тебѣ и домъ, и дворъ, и земли,
Я такъ тебя устрою что предъ всѣми
Ты голову поднимешь высоко.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Вы награждаете меня, не зная
Всего что̀ сдѣлалъ я.

ГРАФИНЯ.

Ну, что̀ жъ ты сдѣлалъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я не однихъ корсаровъ истребилъ;
Но отыскалъ вертелъ ихъ и на сушѣ.

ГРАФИНЯ.

Гдѣ жъ былъ онъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Въ за́мкѣ Эзенсѣ.

ГРАФИНЯ.

Эге!
Знать кошка про мышей не позабыла.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

И какъ владѣтель за́мка ни сердился,
Я у него добро чужое отнялъ.

ГРАФИНЯ.

Ну, это, другъ, и хорошо, и нѣтъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но почему же нѣтъ? Вѣдь вы же сами
Мнѣ это̀ поручили.

ГРАФИНЯ.

Это правда;
Но я боюсь не вышло бы чего:
Ужъ Ольденбургъ готовится....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Опять?

ГРАФИНЯ.

Злой Герхардъ умеръ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ольденбургскій графъ?

ГРАФИНЯ.

Да, умеръ онъ, и вся вражда межъ нами
Покончилась давно, и мнѣ не слѣдъ бы
Зломъ поминать его: вѣдь человѣка
Бранятъ, пока онъ живъ, а какъ умретъ,
Тогда свою ошибку замѣчаютъ.
Для Герхарда наскучила война,
На старости покой ему былъ дорогъ;
Но сыновья его, Іоганнъ и Адольфъ,
Которые теперь владѣютъ графствомъ,
Наслѣдовали бранный духъ отца.
Готовятся къ войнѣ они; но съ кѣмъ,
Не говорятъ; но предъявить хотятъ
Свои права на пограничный край.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но ихъ права утрачены давно.

ГРАФИНЯ.

Права имѣютъ цѣну у того
Кто силою поддерживать ихъ можетъ.
Но что бы тамъ ни вышло, я боюсь
Что скоро вѣсть придетъ изъ Ольденбурга;
А между тѣмъ дворяне недовольны.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Они на васъ издавна негодуютъ
И тайныя собранья составляютъ:
Я всю ихъ шайку въ Эзенсѣ засталъ.

ГРАФИНЯ.

Ну, кто жъ тамъ былъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Волервыхъ Геро Омкенъ,
Хвастунъ, что корчитъ князя изъ себя,
Потомъ—Фолефъ, двойникъ его во всемъ,
Іевера владѣтель—Эдо Вимкенъ,
Отростокъ слабый славнаго ствола,
Суровый Ико и еще другіе

Прибрежные вожди. А Гердъ фонъ-Гейде
По всей странѣ неутомимо рыщетъ
И что-то затѣваетъ.

ГРАФИНЯ.

Гердъ фонъ-Гейде?
Что̀ затѣваетъ онъ, то не добро,
Безпутный человѣкъ, игрокъ, пьяница
И въ злобѣ на меня.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

За что̀ же это?

(*Графиня молчитъ.*)

За дѣвушку?

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, это было прежде.

(*Тихо.*)

Во всемъ вѣрь человѣку иль ни въ чемъ.
Представь себѣ: онъ разъ ко мнѣ явился
И сталъ просить, какъ думаешь, чего?
Руки Альмуты, дочери моей!
Не смѣхъ ли это? Что̀ жь ты не смѣешься?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Онъ слишкомъ смѣлъ.

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, ты скажи: безстыденъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ (*про себя*).

Въ ея глазахъ онъ выше былъ меня!

ГРАФИНЯ.

Ну, ужь и я отрѣзала ему!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Какъ принялъ онъ отказъ?

ГРАФИНЯ.

О, очень скромно!
Просилъ меня простить такую дерзость
И униженно вышелъ отъ меня.
Нѣтъ, ненавижу я такихъ людей
Которые готовы изгибаться,
Когда на нихъ наступишь: это змѣи,
Способныя изъ-подтишка ужалить.
Навѣрно Гердъ—глава всѣхъ недовольныхъ,
Которые за эзенское дѣло
Теперь идти готовы на измѣну.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Измѣну?

ГРАФИНЯ.

Да, боюсь что это такъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но почему жь?

ГРАФИНЯ.

Ты развѣ не слыхалъ
Что̀ безъ тебя у насъ тутъ было?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нѣтъ;
Съ тѣхъ поръ какъ я оставилъ за́мокъ Эзенсъ,
Я съ корабля на берегъ не сходилъ.

ГРАФИНЯ.

Вожди созвали безъ меня народъ
На земское собранье.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Что̀ за дерзость!
И въ Упегальсбомѣ.

ГРАФИНЯ.

Тамъ они толкуютъ.
И вотъ, когда враги ежеминутно
Границы наши могутъ перейти,
Боюсь я что народъ поднимет мечъ
Не на врага отчизны, а на власть.

Входитъ ГЕРО МАУРИЦЪ.

ГРАФИНЯ.

Вы ль это, дядя, или духъ вашъ только?
Вы такъ давно мой избѣгали домъ.
За что̀?

ГЕРО МАУРИЦЪ.

То вамъ извѣстно.

ГРАФИНЯ.

Что̀ жь такое!
Подчасъ сорвется съ языка словечко.
Зачѣмъ такъ принимать?

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Оставимъ это.

ГРАФИНЯ.

Что̀ привело васъ къ намъ? Я всѣ желанья....

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Я слишкомъ старъ чтобъ для себя желать:
Отчизнѣ лишь и вамъ мои желанья.
Какъ добрый дома другъ, являюсь я,
Когда опасность дому угрожаетъ,
Изъ захолустья моего сюда.
На совѣщаньѣ былъ я въ Упстальсбомѣ.

ГРАФИНЯ.

Противъ меня народъ вы возмущали?

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Вожди старались возмутить; но тщетно!
Не такъ еще народъ неблагодаренъ
Чтобъ не сознать чѣмъ онъ обязанъ вамъ.
Но вы вождей, графиня, берегитесь!
Когда на васъ возстанетъ непріятель,
Они ему кровь Фризовъ предадутъ.

ГРАФИНЯ.

Вотъ дождались какого мы позора!

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Вы слишкомъ оскорбили ихъ, графиня.
Вѣдь человѣкъ—все будетъ человѣкъ
И любитъ мстить. Вы слишкомъ свысока
Обходитеся съ тѣми кто недавно
Былъ равенъ вамъ.

ГРАФИНЯ.

Да, вы всегда стояли
На сторонѣ противниковъ моихъ.

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Намъ врагъ тотъ другъ который намъ не льститъ.

ГРАФИНЯ.

Я вышла ужь изъ лѣтъ для наставленій!

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Ну, не пришлось бы пожалѣть. Прощайте!
Иду людей моихъ вооружать.

(*Уходитъ.*)

ГРАФИНЯ (*ходитъ въ волненіи*).

Онъ хочетъ быть отцомъ моимъ. Посмотримъ!
Что нѣтъ еще вѣстей съ границы?

СЛУГА.

Нѣтъ.

ГРАФИНЯ.

Грозятъ враги извнѣ и изнутри,
И нѣтъ при мнѣ защитниковъ надежныхъ!

ЭДЗАРДЪ (*стремительно вбѣгаетъ*).

О, матушка!

ГРАФИНЯ.

Что? Что съ тобою, сынъ мой?

ЭДЗАРДЪ.

Графъ Ольденбургскій вторгнулся въ страну,
И всѣ вожди соединились съ нимъ!

ГРАФИНЯ.

Къ врагу передались?

ЭДЗАРДЪ.

Да, это вѣрно!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Такъ вотъ оно, дворянство родовое,
Что такъ своимъ достоинствомъ кичится!

(*Входятъ Альмута, Гела, придворные и слуги.*)

ГРАФИНЯ.

О, разступись, священная земля
Фрисландіи! и поглоти безбожныхъ
Предателей своихъ! Пускай трясина
Затянетъ ихъ въ безславную могилу,
Чтобы чрезъ сотни лѣтъ, съ гильемъ и тиной,
Отрыли ихъ невѣдомые трупы,
Покрытые желѣзною броней!

ЭДЗАРДЪ.

Кто за свою отчизну не стоитъ
Тотъ ей не сынъ достойный, а подкидышъ!

ГРАФИНЯ.

Насъ небо защититъ, я призову
Къ себѣ на помощь воды: я открою
Всѣ шлюзы и плотины. Погодите!
Я Аурихъ весь водою затоплю.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Вокругъ тебя весь твой народъ сберется.
Защитниковъ довольно; площади
Прелестныя поля.

ГРАФИНЯ.

Гдѣ сынъ мой Энно?
Зачѣмъ его теперь со мною нѣтъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но я съ тобой.

ГРАФИНЯ.

Ты замѣнишь его!
Вѣдь мой Эдзардъ почти еще ребенокъ,
Которому доспѣхи не подъ силу.

ЭДЗАРДЪ.

Но я готовъ сражаться!

ГРАФИНЯ.

Энгельманъ!
Возьми надъ всѣми Фризами начальство!
И каждый пусть надѣнетъ саванъ свой;
Но весело идите какъ на свадьбу;
Стяжай себѣ прелестную невѣсту:

(Энгельманъ хватаетъ руку Альмуты.)

Побѣду!

(Всѣ уходятъ кромѣ Альмуты и Энгельмана.)

ЭНГЕЛЬМАНЪ *(оставляя руку Альмуты).*

Ахъ! я думалъ о другой.

АЛЬМУТА.

Ея словамъ ты придаешь значенье,
Котораго нѣтъ и въ ея умѣ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нѣтъ и въ умѣ! Какъ странно! Но она
Вѣдь видѣла жъ какъ мы вдвоемъ играли,
Какъ мы росли, какъ были неразлучны,
И видитъ насъ теперь ужъ не дѣтьми,
Какъ ты со мной довѣрчиво стоишь
Рука съ рукой, какъ будто самъ Господь
Другъ другу насъ заранѣ предназначилъ,
Какъ первую чету земнаго рая,
И все-таки ей не приходитъ въ умъ
Что любимъ мы другъ друга! Или это
Высокомѣріе?

АЛЬМУТА.

Оно и есть!
Ты не хотѣлъ мнѣ вѣрить.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Могъ ли я?
Она сама его вѣдь осуждала.
Я видѣлъ самъ какъ съ каждой поселянкой
Довѣрчиво бесѣдуетъ она,
И даже помогла одной изъ нихъ
Котомку приподнять.

АЛЬМУТА.

Любезный другъ!
Мы съ тѣми лишь высокомѣрны кто
Равняться съ нами можетъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Это правда.

АЛЬМУТА.

Ты мать мою узнаешь поемногу.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Бодрѣй, моя невѣста! Этотъ сватъ.
(*Ударяетъ по мечу.*)
Хорошій сватъ; онъ острое словечко
За насъ съ тобой замолвитъ! До свиданья!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Лѣсъ. Чрезъ него пролегаетъ дорога.

ГРАФЪ ОЛЬДЕНБУРГСКІЙ и ГЕРДЪ ФОНЪ-ГЕЙДЕ (въ бѣгствѣ).

ГРАФЪ.

Вы убивали и своихъ людей.

ГЕРДЪ.

Рубилъ съ плеча направо и налѣво,
Напрасно! Всѣ какъ зайцы разбѣжались!
Чортъ ихъ возьми, проклятыхъ этихъ трусовъ!

ГРАФЪ.

Не чортъ, а Энгельманъ—онъ имъ страшнѣй.

ГЕРДЪ.

Молокососъ!

ГРАФЪ (*смѣясь*).

Въ васъ сердце расходилось.

ГЕРДЪ.

Они бѣжать готовы отъ трещетки,
Которою старуха на обѣдъ

Сзываетъ ребятишекъ! Есть чему
Смѣяться тутъ!

ГРАФЪ.

Я, Гердъ, смѣюсь надъ вами:
Ну, стóитъ ли вся эта кутерьма,
Комедія при лунномъ освѣщеньи,
Чтобъ на нее сердиться такъ серьезно?

ГЕРДЪ.

А бой при Аперморѣ развѣ шутка?

ГРАФЪ.

Да, много тамъ народа полегло!

ГЕРДЪ.

Что̀ мнѣ народъ! Вѣдь онъ ростетъ какъ лѣсъ.
Но лучшія кобылы тамъ погибли,
И диво, какъ я самъ не утонулъ!

ГРАФЪ.

Нѣтъ, какъ меня съ коня они тащили,
А онъ упалъ и задрягалъ ногами,
И кувыркомъ попадали они,
Ну, просто смѣхъ!

ГЕРДЪ.

Да сохранитъ Господь
Веселость вашу, графъ!

ГРАФЪ.

Аминь!

ГЕРДЪ.

Но вы
Хромаете?

ГРАФЪ.

Да, ногу при паденьѣ
Я повихнулъ иль вытянулъ, не знаю:
Ужь лѣкарь тамъ названье подберетъ,
Вѣдь въ этомъ все искусство ихъ и знанье.

ГЕРДЪ.

Такъ сядьте здѣсь, ходить вамъ тяжело.

ГРАФЪ.

А между тѣмъ враги ужь за рѣкою.

ГЕРДЪ.

А вотъ я ихъ у моста задержу,
А вы пока успѣете укрыться.

Уходитъ.)

ГРАФЪ.

Останьтесь, Гердъ! Не слышитъ! Онъ отваженъ,
Но онъ напрасно будетъ состязаться
Съ тѣмъ демономъ который гонитъ насъ.
О-охъ, нога! Деретъ-таки исправно.
Но что жъ это стою я какъ журавль,
Поджавши ногу! Лучше ужъ прилягу.

(*Ложится на траву у опушки лѣса.*)

Но битвы шумъ все ближе....

(*Прислушивается. Шумъ приближается.*)

Вотъ и Гердъ!

Глаза у васъ такъ и бросаютъ искры.
Что было тамъ?

ГЕРДЪ.

Ужъ мостъ у нихъ въ рукахъ!
И десять Коклесовъ тутъ не могли бы
Напоръ толпы свирѣпой задержать.
Бѣжимъ, бѣжимъ!

ГРАФЪ.

Но я же не могу....
Моя нога.....

ГЕРДЪ.

Такъ убирайтесь къ чорту!

(*Убѣгаетъ.*)

ГРАФЪ.

Вотъ славное желанье на прощанье!
Такимъ какъ я теперь, съ такою рожей,
Отъ боли и досады искаженной.
Упалъ съ небесъ на землю Люциферъ.
Да, это намъ чувствительный ударъ!
Въ одинъ лишь мигъ отъ быстраго напора,
Безумствомъ стало все что такъ умно
Придумали мы съ Гердомъ. Да, война—
Игра въ лото. И Александръ, и Цезарь
Смотрѣли только въ оба, вотъ и все.
Будь только счастливъ, будешь и великъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Слышенъ барабанный бой и военная музыка.)

ВОИНЫ ГРАФИНИ (*входятъ*).

Здѣсь Гердъ фонъ-Гейде? Онъ сюда бѣжалъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ВОИНОВЪ (*увидя графа*).

Да вотъ онъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ (*подходя*).

Вы мой плѣнникъ, Гердъ фонъ-Гейде!

ГРАФЪ.

Мнѣ очень жаль что я не Гердъ фонъ-Гейде.
Желалъ бы я чтобъ здѣсь онъ отдыхалъ,
А я какъ онъ гулялъ бы на свободѣ.
Вы видите: мой носъ не изъ большихъ
Какъ у него, глаза огнемъ не блещутъ,
Такъ стало-быть и я не Гердъ фонъ-Гейде.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ахъ, Боже мой! Такъ это вы....

ГРАФЪ.

Ну да,
Я Ольденбургскій графъ, къ услугамъ вашимъ;
Я очень, очень радъ, любезный рыцарь,
Возобновить мое знакомство съ вами,
Пріятное знакомство прежнихъ лѣтъ.
Но вы простите мнѣ великодушно,
Что вѣжливость нарушить я дерзнулъ
И, сидя, васъ какъ папа принимаю;
А коль угодно къ туфлѣ приложиться,
То я сейчасъ надѣну, да къ тому же
Сапогъ ужасно жметъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Когда бы я
Васъ не узналъ, мой благородный графъ,
По вашему лицу, то ужь навѣрно
Узналъ бы васъ по шуткамъ. Только въ битвѣ
Сражаться вы привыкли не шутя.

ГРАФЪ.

Жаль что теперь не въ шутку я попался.
Семь лѣтъ сидѣлъ въ плѣну, и вотъ опять

Попался въ плѣнъ! Когда меня графиня
Еще семь лѣтъ заставитъ отсидѣть,
То буду я какъ разъ второй Іаковъ
Который отслужилъ семь лѣтъ за Лію,
Да столько же потомъ и за Рахиль.
Но патріархи были долговѣчнѣй,
Ихъ не стѣсняла времени потеря.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Васъ не потопитъ и самый Океанъ,
Вы, кажется, изъ пробки. Но скажите,
Вы ногу повредили?

ГРАФЪ.

Да, свихнулъ;
Мой конь ее за лукъ соломы принялъ
И легъ. Теперь ходить я не могу.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Носилки дайте!

ГРАФЪ.

Нести меня хотите?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да уложите графа поспокойнѣй.

ГРАФЪ.

Да, сдѣлайте какъ въ сказкахъ говорится:
Къ доскѣ пришпильте перышко гвоздкомъ,
Тогда мнѣ будетъ мягче. Ну, тащите,
Ребятушки! Тащите на здоровье!

(*Воины уносятъ его смѣясь.*)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Графскій замокъ въ Аурихѣ.

ГРАФИНЯ СЪ ДОЧЕРЬМИ.

ГРАФИНЯ.

Что за нахалъ безсовѣстный! Представьте.

ГЕЛА.

О комъ вы говорите?

ГРАФИНЯ.

Да объ Гердѣ.
Сегодня въ ночь тайкомъ гонецъ явился
И подалъ мнѣ такое вотъ письмо: (*Читаетъ:*)
„Высокородная графиня! вамъ

Не устоять теперь предъ большей силой.
Васъ только я одинъ могу спасти,
И я спасу:"—Смотри, какая милость!
„Когда принять рѣшитесь предложенье
Съ которымъ я дерзнулъ явиться къ вамъ."

ГЕЛА.

Чего же онъ хотѣлъ?

ГРАФИНЯ.

Что̀ вамъ за дѣло?
А впрочемъ я скажу: руки Альмуты.

АЛЬМУТА.

О, никогда!

ГРАФИНЯ.

Похвально! Кровь Цирксена
Вскипаетъ при союзѣ недостойномъ,
Но тутъ еще не честь одна страдаетъ:
Вѣдь онъ живетъ какъ будто у него
Неистощимый кошелекъ, а я
Не мало свѣтлыхъ талеровъ скопила.
Вотъ мой отвѣтъ тебѣ, двойной предатель!

(*Разрываетъ письмо.*)

АЛЬМУТА.

Онъ хуже чѣмъ предатель—гнусный лгунъ!
Лгуномъ же вѣдь и дьявола зовутъ.
Изъ всѣхъ его пороковъ это главный.

ГЕЛА.

Но, матушка, враговъ не страшно ль вамъ?

ГРАФИНЯ.

Мнѣ страхъ знакомъ лишь потому что вижу
Его въ другихъ. Ужь приняты всѣ мѣры.
Я на ногахъ была всю ночь.

ГЕЛА.

Ужели?...

ГРАФИНЯ.

Покинетъ счастье насъ, бѣжимъ мы въ Грэтсиль,
И тамъ въ его развалинахъ погибну,
Пусть дома колыбель мнѣ будетъ гробомъ!

(*Слышенъ шумъ который все усиливается.*)

НѢКОТОРЫЕ ГОЛОСА (*вдали*).

Побѣда-а!

ДРУГІЕ ГОЛОСА (*ближе*).

Побѣда!

ГРАФИНЯ (*воздѣвая руки*)

Слава Богу!

ЭДЗАРДЪ (*входя*).

Они меня впередъ сюда послали
Тебѣ побѣду возвѣстить.

ГРАФИНЯ.

Мой сынъ,
Мнѣ эту вѣсть примчалъ скорѣе вѣтеръ.
Гдѣ вы нашли врага?

ЭДЗАРДЪ.

У Алермора.

ГРАФИНЯ.

Тамъ побѣдилъ и Фоко Укенà.

ЭДЗАРДЪ.

Тамъ длинная и узкая плотина
Идетъ черезъ болото, а кругомъ
Со всѣхъ сторонъ бездонная трясина.

ГРАФИНЯ.

Вы гдѣ стояли?

ЭДЗАРДЪ.

У конца плотины,
Сокрытые кустами и холмомъ.
Враги ступили смѣло на плотину
И весело пошли какъ на пирушку;
Адольфъ, графъ Ольденбургскій, впереди,
Онъ былъ одѣтъ въ серебряныя латы,
И былъ подъ нимъ чудесный конь....

ГРАФИНЯ.

Дитя,
Тебѣ все это важно,—продолжай!

ЭДЗАРДЪ.

Съ нимъ были Гердъ и многіе изъ Фризовъ,
И графъ Гойя, Дингольцъ, Текленбургъ,
И рыцари, и ихъ оруженосцы;
За ними шла пѣхота безъ числа.
Такъ на разсвѣтѣ съ музыкой они

Тянулись по плотинѣ и въ мечтахъ
Считали всю Фрисландію своею.
Всѣ рыцари смѣялись и шутили.
Но, прежде чѣмъ земли они достигли,
Мы бросились впередъ и въ перегонку
Къ плотинѣ побѣжали. Тутъ они,
Пришпоривши коней, на насъ пустились;
Но не могли пробить сомкнутый строй.
Вздымались кони ихъ, а какъ впередъ
Имъ не было дороги, то они
Бросались дико въ сторону, въ трясину,
Которая разверзлась передъ ними
И медленно засасывать ихъ стала;
И тутъ, и тамъ порою изъ нея
Выглядывали шлемы ихъ и руки,
Просящія какъ будто о спасеньѣ.
Такъ конница, смѣшавшись, увлекла
Все остальное войско за собою.

ГРАФИНЯ.

Мольба моя услышана: земля
Разверзлась передъ ними! Такъ сама
Фрисландія себя оборонила!

(*Слышенъ побѣдный маршъ. Энгельманъ входитъ съ воинами которые несутъ завоеванныя знамена, съ нимъ канцлеръ и придворные.*)

ГРАФИНЯ (*обнимая Энгельмана*).

Мой сынъ! тебя благодаритъ отчизна
Въ моемъ лицѣ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нѣтъ, эту благодарность
Воздать должно всему народу: каждый
Схватилъ свой мечъ съ готовностью примѣрной
И на врага пошелъ съ негодованьемъ.
Я только велъ ихъ, больше ничего.

ГРАФИНЯ.

Краса заслуги—скромность; но она
Переступать границы не должна.
Враговъ погибло много?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Тысячи.

ГРАФИНЯ.

Вы гнали ихъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

На милю за границу.

ГРАФИНЯ.

А гдѣ же Гердъ фонъ-Гейде?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Убѣжалъ.
Но тамъ, у моста, гдѣ въ послѣдній разъ
Сражался съ нами онъ, въ кустахъ лежалъ,
Представьте, кто? Адольфъ графъ Ольденбургскій.

ГРАФИНЯ.

Возможно ли? Графъ Ольденбургскій?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Онъ!

ГРАФИНЯ.

Вотъ славная добыча! Но зачѣмъ же
Его здѣсь нѣтъ? Ахъ да, вѣдь онъ лежалъ,
Ты говоришь....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Его сюда несутъ.

ГЕЛА *(вскрикиваетъ).*

Онъ умеръ? (*Тихо.*) Умеръ онъ!
(*Падаетъ. Энгельманъ и Альмута поддерживаютъ ее.*)

АЛЬМУТА.

Воды скорѣе!
Виски, виски ей трите! ахъ! Скорѣй!

ГРАФИНЯ.

Что съ нею тамъ? Опять ея припадокъ!
Съ ней судорга, смотрите какъ она
Прижала къ сердцу руку. Все пройдетъ
Такъ скоро жъ какъ пришло. Ну, вотъ она
Въ себя уже приходитъ. Я сказала.

ГЕЛА.

Ахъ! долго это длилось?

АЛЬМУТА.

Нѣтъ не долго.

ГЕЛА.

О, это ничего! Лишь на минуту
Остановился пульсъ и сжало горло....

АЛЬМУТА.

А какъ теперь?

ГЕЛА.

Слаба еще немного.

ГРАФИНЯ.

Ей нужно успокоиться. Ступай!
Ты что-то хочешь мнѣ сказать?

ГЕЛА *(запинаясь).*

Адольфъ?...

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Онъ живъ. Лишь ногу повредилъ немного.
Но скоро все пройдетъ; онъ и теперь
Попрежнему и веселъ, и шутливъ.

(Гелу уводятъ.)

ГРАФИНЯ.

Графъ точно не опасенъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нѣтъ, нисколько!

ГРАФИНЯ.

А что Эдзардъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Сражался какъ герой.

(Графиня обнимаетъ сына.)

ГРАФЪ АДОЛЬФЪ ОЛЬДЕНБУРГСКІЙ входитъ какъ плѣнникъ. Онъ нѣсколько прихрамываетъ и вѣжливо со всѣми раскланивается. Онъ дѣлаетъ усиліе чтобы не смѣяться, но вскорѣ веселость имъ овладѣваетъ.

ГРАФЪ.

Ну, вотъ и я.

ГРАФИНЯ.

Какъ? Вы еще смѣетесь?
А тысячи убитыми лежатъ!

ГРАФЪ.

Да, еслибъ слезы воскресить могли ихъ,
То я бы рѣки пролилъ ихъ охотно.

ГРАФИНЯ.

Вамъ это только новая картина:
Вся жизнь для васъ лишь смѣна декорацій!

КАНЦЛЕРЪ.

Homo levissimus—ему названье!

ГРАФЪ.

Я думать не охотникъ: вѣдь отъ думы
Худѣетъ только человѣкъ.

ГРАФИНЯ.

Вотъ что?

ГРАФЪ.

Вотъ, посмотрите, канцлеръ вашъ отъ думъ
Какимъ плюгавымъ сталъ!

(*Кладетъ руку на плечо канцлера такъ что тотъ приседаетъ.*)

Онъ отъ науки
Еще глупѣе сдѣлался!

КАНЦЛЕРЪ.

Что? что?

ГРАФЪ.

Кто мудростью чужою только занятъ
Тотъ про свою давно забылъ.

КАНЦЛЕРЪ.

Но, графъ!

ГРАФЪ.

А наконецъ языкъ свой забываетъ
И только все болтаетъ по-латыни.

ГРАФИНЯ (*канцлеру*).

Оставьте, другъ: вы знаете его.

(*Къ графу.*)

Не нужно ль вамъ чего? Скажите прямо.

ГРАФЪ.

Да, нужно бы....

ГРАФИНЯ (*предупредительно*).

Что жь нужно? говорите.

ГРАФЪ (*отирая лобъ*).

Имѣть хвостъ бѣлки.

ГРАФИНЯ.

Вы съума сошли?

ГРАФЪ.

О, нѣтъ, нисколько! Видите, мнѣ жарко;

Вы знаете какъ солнце припекаетъ;
А бѣлка, хвостъ раскинувши, сидитъ
Въ своей тѣни и горюшка ей мало.

ГРАФИНЯ.

У насъ теперь не масляница, графъ;
Вы, кажется, могли бы быть серьезнѣй.

ГРАФЪ.

Попробуемъ.

ГРАФИНЯ.

Я васъ хочу спросить:
Что побудило васъ поднять оружіе
На мирнаго сосѣда?

ГРАФЪ.

Братъ мой Гансъ
Такъ много мнѣ разказывалъ о разныхъ
Несправедливостяхъ, какія намъ
Въ теченьи сотенъ лѣтъ творили Фризы:
Объ отнятыхъ у насъ безправно земляхъ;
Показывалъ мнѣ столько актовъ, грамотъ....

ГРАФИНЯ.

Которыхъ вы навѣрно не читали?

ГРАФЪ.

Еще бъ читать! Крючки-то эти? Нѣтъ!
Да и къ чему жь бы это послужило?
Въ свои права заранѣ вѣритъ каждый;
Но тотъ читаетъ документы справа,
Другой же слѣва. Сердце закипѣло;
Всю эту дрянь я бросилъ отъ себя
И мечъ схватилъ. Вотъ дѣло все и ясно.

ГРАФИНЯ.

Вы, графъ, неисправимы.

ГРАФЪ.

Это правда!
Я то же думаю. Неисправимъ!
Такимъ ужь уродился. Что тутъ дѣлать?
Мнѣ минуло ужь тридцать два, а все
Нѣтъ мудрости зубовъ: вотъ, посмотрите.
Вотъ въ томъ-то и бѣда.

ГРАФИНЯ.

Господь васъ знаетъ.

ГРАФЪ (*посвистывая подходитъ къ окну.*)

А что у васъ тотъ дѣлаетъ медвѣдь
Съ которымъ вы въ ворчаньѣ состязались?

ГРАФИНЯ (*встальчиво*).

Графъ!

ГРАФЪ.

Ахъ, я и забылъ что я въ плѣну!

ГРАФИНЯ.

Я плоскихъ шутокъ не терплю!

ГРАФЪ.

Я то же:
Люблю одинѣ лишь острыя.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Вотъ мечъ
Которымъ графъ такъ рыцарски владѣлъ;
Опасностямъ онъ больше подвергался
Чѣмъ слѣдуетъ начальнику.

ГРАФИНЯ.

Возьмите
Его назадъ: мечъ—храбрыхъ принадлежность;
Но обнажайте только впредь его
За правое лишь дѣло. Отдохните
Здѣсь у меня, покуда больше гостемъ,
Чѣмъ плѣнникомъ. Когда же захотите
Оставить ваши шалости и шутки,
Мы о серьезномъ дѣлѣ потолкуемъ:
Тогда, быть-можетъ, къ прекращенью спора
И безпрерывныхъ стычекъ за границы
Найдется способъ мирный и пріятный.

(*Вдали слышна выстрѣлы.*)

Чу! тамъ стрѣляютъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Съ радости, графиня.

ГРАФИНЯ.

Пойдемъ, мой другъ, благодарить народъ.

(*Всѣ уходятъ, кромѣ графа Ольденбургскаго и Альмуты.*)

ГРАФЪ.

„Найдется способъ мирный и пріятный!“
Ужь не о свадьбѣ ль думаетъ она?

АЛЬМУТА.

Дивитесь вы? Вѣдь вы обручены!

ГРАФЪ.

Я обученъ? Вотъ этого не зналъ я.

АЛЬМУТА.

Какъ, графъ? Ужель надежды и любви
Вы въ сердцѣ молодомъ не пробуждали?

ГРАФЪ.

Все можетъ быть: дѣвицъ я всѣхъ люблю,
И всѣ меня любили. Вѣдь любовь
Есть лучшая забава на досугѣ.

АЛЬМУТА.

А вы забыли въ чемъ клялись сестрѣ?

ГРАФЪ.

Я ей ни въ чемъ не клялся. Никогда!
И передъ нею клятвы не нарушилъ.
Я все вамъ разкажу: я былъ въ тюрьмѣ,
А вѣдь тюрьма—могила для живаго.
Вотъ я сидѣлъ, сидѣлъ въ ней столько лѣтъ
И мраченъ сдѣлался.

АЛЬМУТА (*съ насмѣшкой*).

Вы?

ГРАФЪ.

Кромѣ шутокъ!
О, вы себѣ не можете представить
Что̀ дѣлаетъ тюрьма изъ человѣка:
Она вѣдь вовсе измѣнитъ инаго.
Мнѣ пища опротивѣла совсѣмъ!
Сама графиня стала обо мнѣ
Тревожиться и дочери своей
Позволила меня поразвлекать.
Она была ребенокъ нѣжный, милый,
Носила мнѣ букеты и плоды,
Болтала такъ невинно, и всегда
Я оживалъ, когда она являлась.
Лучъ солнечный въ мой склепъ не проникалъ,
Но златокудрая ея головка
Мнѣ солнышкомъ казалась восходящимъ.
Моя веселость нравилась и ей,
И чувство въ ней усилилось съ лѣтами.

АЛЬМУТА.

И вы его тогда не оттолкнули?

ГРАФЪ.

Да что же я за варваръ? Нѣтъ, я только
Не придавалъ значенія ему.
Я съ ней шутилъ попрежнему, и мы
Съ ней были очень дружны.

АЛЬМУТА.

Вы любили
Ее тогда! Не правда ли?

ГРАФЪ.

Ну.... да!
Вѣдь узникъ любитъ даже паука,
Что съ потолка спускается къ нему;
Такъ любитъ онъ и всякое созданье
Которое бываетъ у него.

АЛЬМУТА.

Да, мудрость къ намъ холодная приходитъ
Въ послѣдствіи. Но при разлукѣ...

ГРАФЪ.

Я
Ей выражалъ признательность мою,
Пожалуй и любовь,—но ужь о бракѣ
Не говорилъ ни слова.

АЛЬМУТА.

Въ самомъ дѣлѣ?
А поцѣлуи что же говорили?

ГРАФЪ *(подумавъ)*.

Да, сознаюсь, я виноватъ предъ нею.

АЛЬМУТА.

Исправьте же вину.

ГРАФЪ.

Любимъ я Гелой?

АЛЬМУТА.

Узнавъ, что васъ несутъ сюда въ носилкахъ,
Она, бѣдняжка, въ обморокъ упала.
Вамъ слѣдуетъ поднять ее теперь.

(Графъ молчитъ.)

Не знаю я что̀ можетъ быть грустнѣе,
Когда мущина любящее сердце,
Когда-то имъ любимое, сразитъ.

ГРАФЪ.

Ужели это такъ?

АЛЬМУТА.

Тутъ нѣтъ сомнѣнья.

ГРАФЪ.

Ну, если такъ,—располагайте мною.

АЛЬМУТА.

Иду—сестрѣ блаженство подарить.

(*Уходитъ.*)

ГРАФЪ (*одинъ*).

Она меня своимъ смутила видомъ,
Которому противиться нельзя.
Она страшна, какъ демонъ, но прекрасна!

ГРАФИНЯ (*возвращается съ Энгельманомъ*).

Большое знамя графа Ольденбурга
Поставьте въ Норденѣ, надъ гробомъ мужа:
Пріятнѣе покоиться вождю
Подъ сѣнію побѣды.

(*Энгельманъ уходитъ.*)

Вы въ раздумьѣ
Любезный графъ? Вы были здѣсь одни
Съ Альмутой?

ГРАФЪ.

Да, я съ нею былъ одинъ.

ГРАФИНЯ.

Ну, мой намекъ обдумали ли вы?
Вѣдь вы теперь не рыцарь безземельный,
У васъ земля и подданные есть;
Такъ можно бы теперь остепениться,
И—мой намекъ обдумали ли вы?

ГРАФЪ.

Я понялъ васъ, достойная графиня,
И то чего желали вы исполнилъ.

ГРАФИНЯ (*съ живостію*).

Такъ съ дочерью моей вы сговорились?
Ну, скоро же! Тѣмъ лучше! Очень рада!

Я угадала это по волненью
Съ какимъ сейчасъ Альмута пробѣжала.

ГРАФЪ.

А я у васъ прошу благословенья.

ГРАФИНЯ.

Даю его и пограничный округъ.
Теперь пойду и соберу совѣтъ.

ГРАФЪ.

Къ чему же такъ спѣшить?

ГРАФИНЯ.

Я не люблю
На половинѣ дѣла оставаться.

(*Уходитъ.*)

ГРАФЪ.

„Не рыцарь безземельный“! Вотъ причина
Что приняли такъ ласково меня.
Вотъ матерямъ чѣмъ можно угодить!

(*Входитъ Альмута, ведя за руку Гелу.*)

ГРАФЪ *(про себя).*

Ужель она? Бѣдняжка! (*Громко.*) Другъ мой, Гела!
Какъ ты блѣдна!

АЛЬМУТА.

Она вѣдь не успѣла
Оправиться отъ давившей тревоги.

ГРАФЪ.

О, милая моя!

ГЕЛА.

Ахъ, повтори!

ГРАФЪ.

О, милая!

ГЕЛА.

Теперь я умерла бы!

ГРАФЪ.

О, нѣтъ, мой другъ! Къ чему такія мысли!

ГЕЛА.

Да, прочь ихъ, прочь! Я жить хочу, любить
И счастьемъ наслаждаться, какъ теперь!

ГРАФЪ.

Я огорчилъ тебя....

ГЕЛА.

Оставимъ это!

ГРАФЪ.

Но я....

ГЕЛА.

Ни слова больше о быломъ!

(*Ласкаетъ его.*)

Ахъ, еслибъ я могла разгладить такъ
Рубцы твои, мой милый, чтобъ и слѣда
Ихъ на лицѣ твоемъ не оставалось,
Какъ нѣтъ слѣда во мнѣ былыхъ страданій!

ГРАФЪ.

Я по свѣту скитался, увлекаясь,
Какъ вѣтреникъ....

ГЕЛА.

О, мнѣ твоя веселость
Тѣмъ болѣе мила что я сама
Серіозна и тиха: такіе браки
Счастливѣе другихъ, мнѣ говорили.

ГРАФЪ.

Да, мать твоя....

ГЕЛА.

Ты съ нею говорилъ?
А я о томъ забыла и боюсь....

ГРАФЪ.

Она желаетъ этого союза
И мнѣ о немъ сказала.

ГЕЛА.

Слава Богу!
О, какъ теперь все чудно хорошо!
Я, кажется, весь свѣтъ бы одарила!
Вѣдь онъ теперь весь мой—въ тебѣ одномъ.
Ты мой, ты мой! И трелью соловьиной
Звучитъ теперь вокругъ меня: ты мой!

АЛЬМУТА.

О, какъ ты разцвѣла, похорошѣла!

(*Она обнимаетъ Гелу.*)

ГРАФИНЯ (*входитъ съ Энгельманомъ*).

Желайте счастья, дѣти, для себя!
Вы можете желать его по праву.
Вотъ будетъ мнѣ желанная чета!
Въ совѣтѣ пишутъ брачный договоръ.

Вы отъ меня не будете въ обидѣ;
Въ приданое даю—весь спорный край,
Какъ я ужъ говорила. И я рада
Что на щитѣ одномъ соединятся
Гербы Фрисландіи и Ольденбурга.
И роста вы почти что одного....

АЛЬМУТА.

Нѣтъ, Гела только по плечо ему!

ГРАФИНЯ.

Я не о ней сказала, о тебѣ,
У васъ одни есть склонности въ обоихъ.
(*Къ графу.*)
Когда скакать ты будешь на охотѣ
По вѣковымъ лѣсамъ своимъ, она
Всегда съ тобою будетъ и пожалуй
Опередитъ тебя: она лихал
Наѣздница, и сердце въ ней играетъ,
Когда она услышитъ звукъ роговъ.

ГЕЛА (*къ графу*).

Она все шутитъ: я вѣдь не умѣю
И поводовъ держать, не только ѣздить.

ГРАФИНЯ (*съ удивленіемъ*).

Кто о тебѣ тутъ говоритъ?

ГЕЛА.

Да вы же,—
Вы говорите о его невѣстѣ.

ГРАФИНЯ (*сурово показывая на Альмуту*)

Она невѣста! Съ нею онъ помолвленъ.

ГЕЛА.

О, Боже мой!

АЛЬМУТА.

Какъ? Я его невѣста?

ГРАФЪ.

Ошибка тутъ!

ГРАФИНЯ.

Ошибка, графъ? Напрасно!
Въ моемъ рѣшеньѣ не было ошибки.
Я иначе не понимаю. Васъ
Женить на ней? Не будьте жъ безразсудны!
На этомъ слабомъ, блѣдномъ существѣ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но вѣдь сейчасъ она цвѣла румянцемъ
И взоръ блисталъ....

ГРАФИНЯ.

Поставьте вы цвѣтокъ,
Почти увядшій, въ кипятокъ, и снова
Онъ разцвѣтетъ; но этотъ цвѣтъ испроченъ.

ГРАФЪ.

О, пощадите бѣдную!

ГЕЛА.

О, мать!

ГРАФИНЯ.

Я не хотѣла огорчить тебя,
Мое дитя. О благѣ лишь твоемъ
Забочусь я. Простое увлеченье,
Которое онъ за любовь считаетъ,
Есть только состраданье. Такъ *теперь*,
Что жь будетъ дальше? Или ты мечтаешь,
Съ своей почти увядшей красотой,
Что вѣтренаго мужа ты привяжешь?
Нѣтъ, ты себя лишь этимъ истомишь.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но, можетъ-быть, веселый нравъ супруга,
Который ею такъ любимъ, разсѣетъ....

ГРАФИНЯ.

Довольно словъ! Кто здѣсь глава семейства?
Кто можетъ знать дѣтей своихъ, какъ мать?
Одна—крѣпка, отважна и пылка,
Ей, полной жизни, суждено судьбою
Высокій домъ достойно предстоять
И цѣлою страной повелѣвать.
Другая—Гела, доброе созданье:
Все молится да шьетъ, не разгибаясь,
Для дѣлъ благихъ трудится, въ церковь ходитъ.
Бездѣлицу за смертный грѣхъ считаетъ
И кается; все существо ея
Проникнуто духовнымъ, потому
Она должна въ монахини идти.

АЛЬМУТА.

Въ монахини?

ГЕЛА.

Въ монахини! О Боже!

ГРАФЪ.

Мы избираемъ небо лишь тогда
Когда земное покидаетъ насъ,
Но я вѣдь здѣсь: отдайте мнѣ ее!

ГЕЛА.

Умилосердись, мать!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

О, согласитесь!

ГРАФИНЯ.

Вы знаете меня; коль я сказала:
Такъ быть должно! То это рѣшено.
Я ужь о томъ къ игуменьѣ писала
Въ Маріенталь, гдѣ постригались всѣ
Дѣвицы дома нашего издавна.
Земля бѣдна, и мы не такъ богаты
Чтобъ больше чѣмъ одну устроить дочь.
(*Показывая на Альмуту.*)
А эту вотъ не спрячешь въ монастырь.

АЛЬМУТА.

Святошею мнѣ быть?

ГРАФИНЯ.

Не горячись!
Не будешь ею ты, а выйдешь замужъ.
На Гелу ужь надѣто покрывало,
И все найдетъ она чего желаетъ.
Въ монастырѣ.

АЛЬМУТА (*вспыльчиво*).

Вы лучше, чѣмъ она,
Хотите знать чего она желаетъ?

ГРАФИНЯ.

Смотрите какъ она заговорила!
А вѣдь всегда въ присутствіи моемъ
Молчала ты.

АЛЬМУТА (*про себя*).

Что пользы говорить?

ГРАФИНЯ.

Ну, вотъ опять молчитъ! Тебя я знаю,
Твое упрямство мнѣ давно извѣстно.

АЛЬМУТА.

Но я всегда, хоть молча, повинуюсь.

ГРАФИНЯ.

Ты и молчаньемъ много говоришь.
Ты укорить меня имъ хочешь. Да!
Казаться хочешь жертвою тиранства!
Но я одна всегда о васъ забочусь.
Вы молоды, неопытны еще,
Чтобъ сознавать самимъ что̀ вамъ полезно.
Она должна идти въ Маріенталь!

ГЕЛА.

Да будетъ Божья воля! Я пойду....

ГРАФИНЯ.

Ты можешь и поплакать если хочешь,
Мое дитя; а послѣ будетъ легче.

ГЕЛА (*въ сильномъ волненіи*).

Когда бы, мать, о васъ не говорилось
Въ заповѣдяхъ, то.... (*сдерживаясь.*)
О, простите мнѣ! (*Уходитъ.*)

АЛЬМУТА.

Вотъ палача несправедливый судъ!
И *онъ* ее не любитъ такъ какъ должно,
А то бы....

ГРАФИНЯ.

Замолчи!

АЛЬМУТА.

Я вижъ себя!

ГРАФИНЯ.

Да, разумъ твой далеко отлетѣлъ.

АЛЬМУТА.

Кто разумъ далъ тебѣ одной за всѣхъ?
Чурбаны что ли мы? Душа ль ты наша?

ГРАФИНЯ.

Ужъ на мои-то о тебѣ заботы
Не можешь ты негодовать. Одинъ
Изъ графовъ Ольденбургскихъ возсѣдаетъ
На тронѣ Даніи. Такъ съ королями
Въ родство ты вступишь черезъ этотъ бракъ.

АЛЬМУТА.

Я думаю лишь о сестрѣ несчастной,
Не о себѣ. Иль ты воображаешь
Своею жертвой сдѣлать и меня.
Какъ будто нѣтъ во мнѣ свободной воли?
Остерегись! Меня ты не принудишь:
Во мнѣ течетъ кровь Фоко Укена,
Кровь льва!

ГРАФИНЯ.

Взбѣсилась что ли ты? Не я ли
Здѣсь властвую и домомъ управляю?
Невѣста ты....

АЛЬМУТА (*громко и рѣшительно*).

Женихъ мой—Энгельманъ фонъ Горстъ!

(*Общее смущеніе.*)

ГРАФИНЯ (*пришедъ въ себя*).

Ты графа Ольденбургскаго невѣста!

АЛЬМУТА:

Неправда! Я невѣста Энгельмана!

ГРАФИНЯ.

Она въ бреду! Не слушайте ея!

ГРАФЪ.

Я Гелѣ слово далъ, графиня!

ГРАФИНЯ.

Вотъ что!
Я васъ хотѣла наградить рукою
Графини Остфрисландской; вотъ она:
Скажите жь мнѣ теперь, хотите ль вы
Ее принять?... Молчите вы? Эй, стража!
Сюда! (*Входитъ стража.*) Возьмите графа! Онъ мой
плѣнникъ!
До завтра сроку вамъ даю подумать.

(*Графа уводятъ.*)

ГРАФИНЯ (*къ Альмутѣ*).

Иль думаешь кто спрашивалъ меня
Когда въ союзъ съ Цирксенами вступали?
Мой Ульрихъ былъ ужь сѣдъ тогда, и я
Могла бы предпочесть ему другаго.

АЛЬМУТА.

Да, вамъ угодно сдѣлать человѣка

Холоднымъ, безсердечнымъ, — такъ заставьте
Его жениться.

ГРАФИНЯ.

Или ты мечтаешь
Меня заставить дать свое согласье
На недостойный бракъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но я ни въ чемъ
Не показалъ себя васъ недостойнымъ!
Я честно вамъ рукой моей служилъ.

ГРАФИНЯ.

Уйдите всѣ! теперь хочу я съ нимъ
Поговорить.

(Она показываетъ на Энгельмана. Всѣ уходятъ.)

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Графиня...

ГРАФИНЯ.

Не тебѣ
Здѣсь говорить, а мнѣ; тебѣ же—слушать.
Ты побѣдилъ врага, и я хочу
Тебя за то достойно наградить:
Ты—воевода.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Какъ? я воевода?
Вы мнѣ даете самый высшій санъ!

ГРАФИНЯ.

А сообразно съ саномъ, ты получишь
И за́мокъ отъ меня.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Вы мнѣ даете
И болѣе, и меньше чѣмъ желаю.

ГРАФИНЯ.

Мой за́мокъ Фридсбургъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ахъ, лучшій за́мокъ!
Гдѣ нѣкогда мой дядя жилъ со мной,
Гдѣ я игралъ ребенкомъ! Милый за́мокъ,
Гдѣ каждый кустъ родитъ воспоминанье!

ГРАФИНЯ.

Доволенъ ли моею ты наградой?

(Энгельманъ безмолвно преклоняется.)

Но только не забудь кто ты такой.
Скажи мнѣ кто ты?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Какъ это понять?

ГРАФИНЯ.

Ну, кто же ты?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я—вѣрный вашъ слуга.

ГРАФИНЯ.

Ты мой слуга, прекрасно: такъ и помни;
А то ты, другъ, едва не позабылъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но чѣмъ же я свой долгъ нарушить могъ?

ГРАФИНЯ

Ты взоръ возвелъ на дочь своихъ господъ.
Не правда ли?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Не буду отрицать.
Но я вѣдь выросъ съ вашими дѣтьми,
И разницы межъ нами не видалъ.

ГРАФИНЯ.

И многіе живутъ средь высшихъ, другъ мой,
Живутъ и съ ними; но принадлежать
Не могутъ къ нимъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Графиня, я не знаю
Принадлежите ль сердцемъ вы ко мнѣ,
Но я весь вашъ: любовь и благодарность
Меня къ вамъ привязали навсегда!

ГРАФИНЯ.

Ты вѣчно все кипишь, мой юный другъ!
Я знаю, ты мнѣ преданъ, и охотно
Прощу тебѣ безумство юныхъ лѣтъ.
Тебя я наградила по заслугамъ, —
Иные думаютъ что сверхъ заслугъ; —
Но ты и тѣмъ, какъ видно, не доволенъ,
И бо́льшаго желаешь. Берегись!
Чтобъ не было съ тобой какъ съ рыбакомъ
Въ извѣстной сказкѣ. Берегись тщеславья!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я лишь любовью увлеченъ.

ГРАФИНЯ.

Едва ли.
Когда бъ тебѣ дѣвица повстрѣчалась
Подобная Альмутѣ гдѣ-нибудь
На улицѣ, въ лохмотьяхъ и босая,
Ты, можетъ-быть, сказалъ бы: какъ прекрасна!
И вмѣсто мѣди далъ бы ей червонецъ
И ускакалъ бы прочь. Лишь честолюбье....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

О, нѣтъ!

ГРАФИНЯ.

Оно одно тебя смутило.
Господъ отъ слугъ лучина раздѣляетъ,
Которой никакое честолюбье
Перешагнуть не можетъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

О, графиня!

ГРАФИНЯ.

Иль мало такъ ты знаешь, другъ, меня
Что охами и ахами своими
Надѣешься смягчить меня? Напрасно!
На вещи я смотрю какъ есть онѣ.
Меня не тронутъ ни потоки словъ
И ни порывъ движеній. Я съ тобою
Здѣсь милостиво, другъ мой, говорила.
Подумай обо всемъ и образумься.
Ты завтра утромъ ѣдешь въ Фридсбургъ;
Но я съ тобой увижусь.

ЭНГЕЛЬМАНЪ *(печально)*.

Повинуюсь. *(Графиня уходитъ.)*
Надменная жена! Она не хочетъ
И выслушать меня, и даже чувства
Не признаетъ которымъ я дышу!

АЛЬМУТА *(быстро входитъ)*.

Гдѣ Энгельманъ? Его хочу я видѣть.
Ты здѣсь? Ну, слава Богу! Но, мой милый,
Что сдѣлалось съ тобой? Ты такъ убитъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ахъ, еслибъ ты пастушкой родилась!

АЛЬМУТА.

Спаси меня отъ ненавистныхъ узъ!
Оставь теперь всѣ эти воздыханья!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

А развѣ я на дѣло не рѣшаюсь?
Ты осуждаешь мать, но и въ тебѣ
Прабабушка твоя не умирала.

АЛЬМУТА.

Прости мнѣ, милый! Но спаси, спаси!

(Входитъ графъ Ольденбургскій со стражей.)

ГРАФЪ ОЛЬДЕНБУРГСКІЙ.

Такъ въ эту башню?

СТРАЖЪ.

Тамъ еще сегодня
На этотъ разъ вы проведете ночь;
Но вы тюрьму вѣдь видѣли свою?

ГРАФЪ.

Да, видѣлъ я: проклятая дыра!
Для крысъ и змѣй отличное жилище!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Что жь думаете дѣлать, графъ?

ГРАФЪ.

Что дѣлать?
Тамъ вѣчная тюрьма мнѣ угрожаетъ.
А тутъ — женитьба; этотъ плѣнъ полегче,
Пришлось избрать его.

АЛЬМУТА.

И вы рѣшились
Исполнить волю матери моей?

ГРАФЪ.

А что же дѣлать мнѣ?

АЛЬМУТА.

И вы хотите
Вторично слово данное нарушить?

ГРАФЪ.

Нѣтъ, я его сдержалъ; я Гелы руку

У матери просилъ, — мнѣ отказали.
Я сдѣлалъ все что̀ долгъ повелѣвалъ.

(*Съ поклономъ.*)

Теперь осталось намъ уладить дѣло.

АЛЬМУТА.

И вамъ не стыдно быть клятвопреступнымъ?

ГРАФЪ.

Ну право жь, я не клялся ей ни въ чемъ!
А вамъ я уступилъ лишь потому
Что вы меня такъ сильно осадили,
Да и хотѣлось мнѣ вамъ угодить:
Вы были такъ прелестны въ вашемъ гнѣвѣ.

АЛЬМУТА.

Языкъ къ которому вы такъ привыкли
Тутъ не идетъ.

ГРАФЪ.

Прелестная графиня!
Иль вамъ не нравлюсь я?

(*Альмута не отвѣчаетъ.*)

Но почему же?

АЛЬМУТА.

Знать потому что нравитесь другимъ.

ГРАФЪ.

Меня зовутъ „неотразимымъ“ дамы.

АЛЬМУТА.

Такъ вы хотите это доказать?

ГРАФЪ (*опускаетъ въ смущеніи голову потомъ снова поднимаетъ ее*).

Но какъ тутъ быть? Скажите! Ну, положимъ,
Мы женимся, — какая жь тутъ бѣда?

АЛЬМУТА.

Я.... въ первую же ночь васъ удавила бъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Такъ сдѣлала прабабушка ея.

АЛЬМУТА.

Ступай!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но не одинъ, — съ тобою только.
Пойдемъ, пойдемъ!

(*Онъ уводитъ ее.*)

ГРАФЪ.

Начало хоть куда!
Вотъ этотъ бракъ мнѣ счастіе сулитъ!
Ну, ужь сторонка здѣсь — на удивленье;
Тутъ мнѣ грозитъ тюрьма, тамъ — удушенье!
(Пожимаетъ плечами, потомъ разглаживаетъ бороду и продолжаетъ весело:)
Э, пустяки! Мой выплыветъ челнокъ!
(Онъ подаетъ знакъ стражѣ приблизиться и уходитъ, весело напѣвая пѣсню.)

(Занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Графскій замокъ въ Аурихѣ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ, АЛЬМУТА.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Графъ право лучше чѣмъ его слова,
А можетъ-быть и совѣсти упреки....

АЛЬМУТА.

Для этого онъ слишкомъ легкомысленъ.
Но онъ отыщетъ средство чтобъ спастись.

КАНЦЛЕРЪ *(входитъ)*.

Раненько жь вы, графиня! Съ добрымъ утромъ!

АЛЬМУТА.

И вы ужь на ногахъ.

КАНЦЛЕРЪ.

Я по дѣламъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Что это съ вами?

КАНЦЛЕРЪ.

Брачный договоръ,
In duplo приготовленный, — одинъ *(кланяясь)*
Для молодой графини, а другой
Для графа Ольденбургскаго.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но онъ
Вѣдь, кажется, отдумалъ?

КАНЦЛЕРЪ.

Я не знаю.
За мной графиня дважды присылала.
Periculum in mora! Извините!

(*Уходитъ.*)

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Глупецъ, надутый спѣсью и латынью!

АЛЬМУТА.

Вотъ видишь ли, ужь свадьба рѣшена.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

На графа, знать, надѣется она,
Какъ иногда на слабаго сильнѣйшій.

АЛЬМУТА.

Я не могу женою быть того,
Кто ни любви моей, ни уваженья
Не пріобрѣлъ, — и для меня теперь
Спасенья нѣтъ другаго, кромѣ бѣгства.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но знаешь ли что̀ ты терлешь? — Все!

АЛЬМУТА.

Да, все!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Подумай.

АЛЬМУТА.

Думала я много.
Я не смыкала глазъ. О, эта ночь!
Пощупай лобъ мой.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Онъ огнемъ пылаетъ.

АЛЬМУТА.

Бѣжать должны мы! Близится минута
Которой мать, какъ я, должна бояться.
Такъ на морѣ двѣ глыбы ледяныя
Отъ разныхъ странъ плывутъ себѣ спокойно,
Но измѣнить свой бѣгъ не въ силахъ обѣ,
И, налетѣвъ, столкнутся вдругъ онѣ
И съ грохотомъ въ осколки разобьются....
Ты хочешь ли спасти меня?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Охотно!
Когда я принялъ рыцарскій ударъ,
Я клятву далъ охраной быть гонимыхъ
Дѣвицъ и женъ. И клятву я сдержу.
Куда бѣжать желаешь ты?

АЛЬМУТА.

Туда
Гдѣ матери тиранство не опасно.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

О, бѣгство — это слово не по мнѣ!
Мой добрый мечъ намъ всюду дастъ свободу.
На слугъ моихъ могу я положиться —
Бѣжимъ во Фридебургъ: тамъ безопасно;
Мой замокъ неприступенъ; онъ намъ дастъ
Пріютъ до той поры пока смягчится
Упорный духъ графини.

АЛЬМУТА.

Такъ бѣжимъ же!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Со мной она хотѣла говорить.
Моя отлучка можетъ только раньше
Въ ней подозрѣнье возбудить.

АЛЬМУТА.

Свобода!
Здѣсь оставаться долѣ не могу.
Прочь улечу, какъ птица изъ гнѣзда,
Когда надъ ней рука ея убійцы.
Но какъ же мнѣ идти?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Держи на Эзенсъ,
А тамъ сверни къ востоку, все къ востоку...

АЛЬМУТА.

На встрѣчу солнцу и любви. Прекрасно!
Я выйду изъ воротъ съ одной служанкой,
Какъ будто на прогулку я иду.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я за тобой отправлюсь на коняхъ;
На моего коня тебя возьму я,
А конюхъ мой возьметъ твою служанку,

И мы помчимся быстро, какъ стрѣла,
Какъ осьминогій черный конь Одена,
И приметъ насъ мой милый Фридебургъ!

(*Альмута уходитъ.*)

ЭНГЕЛЬМАНЪ (*одинъ*).

Пусть свѣтъ зоветъ меня неблагодарнымъ!
Мнѣ все равно! Что̀ значитъ благодарность?
Что̀ преданность? Любовь? Сама графиня
Надъ чувствами сердечными смѣется:
И расточитель неразумный тотъ,
Кто расточаетъ чувства передъ тѣми
Кто̀ ихъ лишенъ. Тогда пришлось бы намъ
Стыдиться лучшаго что̀ мы имѣемъ.

(*Слышны шумъ и радостные крики.*)

Но чу! Что̀ тамъ за шумъ? Восторга крики?
Кого это ведутъ?

(*Входятъ воины и тащатъ связаннаго Герда.*)

ПЕРВЫЙ ВОИНЪ.

Ага! Попался!
Ну, легче было бъ намъ поймать ехидну!

ВТОРОЙ ВОИНЪ.

Вотъ страшный Гердъ; его мы привели.

ТРЕТІЙ ВОИНЪ.

Графиня будетъ рада.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Весь онъ въ сажѣ,
Какъ будто бы въ аду ужъ побывалъ.

ПЕРВЫЙ ВОИНЪ

Его нашли въ лачугѣ у болота,
Онъ въ торфѣ тамъ зарылся.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Гердъ фонъ-Гейле!
Передо мной вы много погрѣшили.

(*Молчаніе.*)

ПЕРВЫЙ ВОИНЪ.

Отъ злобы онъ не хочетъ говорить.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но еще больше, Гердъ, передъ отчизной.
Вы впереди враговъ неслись, а насъ
И взглядомъ удостоить не хотѣли.

ГЕРДЪ (*въ полголоса*).

Но я гляжу же на тебя, глупецъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ (*отворачиваясь отъ него*).

Онъ связанъ, но не духъ его строптивый.

(*Между тѣмъ сбѣгаются слуги; потомъ приходитъ графиня.*)

ГРАФИНЯ.

Долой съ него веревки. Гердъ фонъ-Гейде!
Ужель тебя Фрисландка родила?

ГЕРДЪ (*освобожденный, къ воинамъ*)

Мерзавцы! Развѣ воръ я придорожный,
Что до крови скрутили вы меня?

ВОИНЫ.

Графиня! Онъ опасенъ.

ГРАФИНЯ.

Гердъ, ты самъ
Виной всего несчастья.

ГЕРДЪ.

Нѣтъ, не я,
А вы! Я предлагалъ вамъ избавленье.
А вы мнѣ отказали.

ГРАФИНЯ.

Слава Богу,
Мнѣ удалось самой себя спасти.
Но ты былъ такъ безстыденъ что посмѣлъ
Свои глаза на дочь мою поднять.

ГЕРДЪ.

Но смѣетъ же то дѣлать, что̀ и я,
Какой-нибудь Вестфалецъ забѣжавшій.

ГРАФИНЯ.

Какъ? Кто тебѣ сказалъ?

ГЕРДЪ.

Сказалъ? Никто!
Вѣдь люди говорятъ лишь то что̀ знаютъ;
А я читалъ.

ГРАФИНЯ.

Не въ книгѣ ли читалъ?

ГЕРДЪ.

Я это прочиталъ въ ея глазахъ,
Какъ про него мы съ нею говорили.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

И потому меня ты очернилъ?
Такъ отплатилъ ты мнѣ за тѣ услуги
Какія я оказывалъ тебѣ
Въ Италіи?

ГЕРДЪ.

Чѣмъ я тебѣ обязанъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

О, лучше ужь молчи!

ГЕРДЪ.

Нѣтъ, ты скажи.
Я былъ оправданъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нѣтъ, ты былъ прощенъ,
И только мнѣ обязанъ тѣмъ прощеньемъ.

ГРАФИНЯ.

Прощеньемъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да, онъ въ ссорѣ за игрою
Тамъ капитана одного убилъ.

ГЕРДЪ.

Убилъ? Мы оба развѣ не дрались?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Онъ не успѣлъ и обнажить меча
Какъ ты его сразилъ во время ссоры.

ГЕРДЪ.

Но какъ же смѣлъ онъ раздражать меня?

ГРАФИНЯ.

А чѣмъ же это?

ГЕРДЪ.

Я теперь не помню,
Какъ онъ тогда, на проигрышъ въ досадѣ,
Меня ругалъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Онъ только говорилъ
Что ты игралъ фальшивыми костями.

ГЕРДЪ *(въ сильномъ негодованіи).*

Ты думаешь что я игрокъ фальшивый?
Что я затѣмъ убилъ и капитана
Чтобъ онъ потомъ меня не обличилъ?

ГРАФИНЯ.

Ты самъ себя невольно обличаешь:
Твои глаза все это говорятъ

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Твой лобъ отмѣченъ Каина печатью:
„Вотъ, вотъ убійца!“ говоритъ она.

ГЕРДЪ (*сквозь зубы*).

Убійца я? Такъ буду жь имъ теперь!

(*Онъ выхватываетъ кинжалъ, скрытый за пазухой, и бросается на Энгельмана. Тотъ отклоняется, такъ что кинжалъ касается только его руки*).

ЭНГЕЛЬМАНЪ (*быстро обнажаетъ мечъ*).

А! ты съ кинжаломъ! Сущій Итальянецъ!

(*Оба враждебно смотрятъ другъ на друга. Гердъ снова бросается на Энгельмана, но тотъ, защищаясь, пронзаетъ его.*)

Молись теперь! Тебѣ не долго жить!

ГЕРДЪ (*упадая*).

Проклятіе! Теперь рѣшитъ судьба,
Найду ли я другой у Стикса берегъ.

ГРАФИНЯ.

Язычникъ ты безпутный!

ГЕРДЪ (*корчась на полу*).

Охъ, мнѣ тяжко!...

(*Умираетъ.*)

ГРАФИНЯ.

Вотъ вся его молитва передъ Богомъ!
Прости ему Господь!... Возьмите трупъ!

(*Герда уносятъ.*)

Едва ль о немъ кто будетъ сожалѣть.

(*Въ глубинѣ сцены Армгарда бросается на тѣло Гердa.*)

АРМГАРДА.

О, Боже! Бѣдный Гердъ! Мой милый Гердъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Кто эта дѣвушка?

ГРАФИНЯ.

Его невѣста,
Покинутая имъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да подкрѣпитъ
Ее Господь, несчастную, въ печали!

ГРАФИНЯ.

Ты раненъ, другъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Царапина пустая!

ГРАФИНЯ.

Господь тебя чудесно сохранилъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но для чего мнѣ жить?

ГРАФИНЯ.

Какъ для чего?

(Поняв его мысли, говоритъ скоро и сурово:)

Тебѣ пора! Отправься въ Фридебургъ
И сдѣлай тамъ всѣ нужные запасы.
Онъ ими слишкомъ бѣденъ и притомъ
Къ границѣ очень близокъ; если врагъ
Захочетъ мстить, онъ весь ему открытъ.
Ступай!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Позвольте мнѣ еще сказать
Два слова объ Альмутѣ.

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, не надо!
Ты для меня не больше чѣмъ слуга
Который кормитъ моего коня.

ЭНГЕЛЬМАНЪ *(бросаясь къ двери).*

А! вотъ что!

ГРАФИНЯ.

Тише, тише, другъ любезный!

ЭНГЕЛЬМАНЪ *(возвращаясь).*

Лишь у лягушки можно вырвать сердце,
И, говорятъ, она все будетъ прыгать.
Вы и съ людьми такъ поступать хотите!

ГРАФИНЯ.

Къ такимъ рѣчамъ я не привыкла.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Жаль!
Вы лишь однихъ рабовъ привыкли слушать,
А не людей свободныхъ!

ГРАФИНЯ.

Хладнокровнѣй!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Готовьтесь же и вы быть хладнокровнѣй.

(*Быстро уходитъ.*)

ГРАФИНЯ (*звонитъ*).

Ну, молодежь совсѣмъ съ ума свихнула,
Ей хочется на головѣ ходить.
На старыхъ я ногахъ своихъ останусь
И посмотрю, кто лучше устоитъ.

(*Входитъ слуга.*)

Гдѣ Ольденбургскій графъ? (*Слуга уходитъ.*)
Я побожусь
Что въ эту ночь одумался мой плѣшникъ.
Труда большаго нѣтъ его настроить.

СЛУГА (*возвращается*).

Графъ спитъ еще.

ГРАФИНЯ.

Такъ разбудить его!

(*Слуга уходитъ.*)

Вѣдь солнце ужь высоко. Впрочемъ, что жь?
Быть-можетъ, онъ усталъ.

СЛУГА (*возвращается*).

Графиня!

ГРАФИНЯ.

Ну?

СЛУГА.

Дверь заперта его, и графъ отвѣта
На стукъ нашъ не дастъ.

ГРАФИНЯ.

Что это значитъ?

Сломайте дверь! Или шутку шутитъ онъ?
Но я шутить сегодня не желаю

(*Входятъ слуги и стража.*)

СЛУГА.

Графъ убѣжалъ!

ПЕРВЫЙ СТРАЖЪ.

Мы тутъ не виноваты!

ВТОРОЙ СТРАЖЪ.

Мы у дверей его какъ псы лежали.

ТРЕТІЙ СТРАЖЪ.

И кто бы могъ подумать, чтобъ изъ башни....

ГРАФИНЯ.

Вы помогли ему бѣжать?

ПЕРВЫЙ СТРАЖЪ.

Нѣтъ! Нѣтъ!

ГРАФИНЯ.

Подкуплены вы были?

ВТОРОЙ СТРАЖЪ.

Нѣтъ, графиня!
Тамъ изъ его окна виситъ веревка:
Такъ онъ по ней....

ЭДЗАРДЪ (*входитъ*).

Веревка вся въ крови:
Должно-быть онъ себѣ поранилъ руку;
А до земли далеко не доходитъ
Ея конецъ. Ужасный былъ скачокъ!

ГРАФИНЯ.

Вся жизнь его слита изъ приключеній.

ПЕРВЫЙ СТРАЖЪ.

Записку онъ оставилъ....

ГРАФИНЯ

Что онъ пишетъ?

ПЕРВЫЙ СТРАЖЪ.

Вотъ, посмотрите, я читать не мастеръ.

ЭДЗАРДЪ (*беретъ записку и читаетъ*).

„Скачокъ хоть съ башни и высокъ,
Но что жъ тутъ за бѣда?
Мнѣ въ ложе брачное скачокъ
Страшнѣе, господа!“

СЛУГА.

Веселый господинъ!

СТРАЖЪ.

Шутникъ большой!

ЭДЗАРДЪ.

Да, еслибъ жизнь всегда была одна
Комедія, то онъ актеръ хорошій.

ГРАФИНЯ.

Вотъ какъ судьба играетъ человѣкомъ!
При самой ясной утренней зарѣ
Не можетъ онъ за ясность дня ручаться:
Днемъ радости я этотъ день считала,—
Пріѣдетъ Эдно....

ЭДЗАРДЪ.

Братъ мой, Эдно?

ГРАФИНЯ.

Да.
Онъ нынче долженъ быть изъ Палестины,
Я это знала, но отъ васъ таила.
Чтобъ удивить нечаянностью васъ:
Но вотъ теперь все здѣсь перевернулось.
Кто знаетъ что̀ случится!

(Къ одной изъ служанокъ которая идетъ черезъ сцену.)

Гдѣ Альмута?
Ну, отвѣчай же. Или ты не слышишь?

СЛУЖАНКА.

Графиня....

ГРАФИНЯ

Я спросила объ Альмутѣ.
Что̀ жъ ты молчишь? Глуха ты иль нѣма?

СЛУЖАНКА.

Она изволила пойти гулять.

ГРАФИНЯ

Одна?

СЛУЖАНКА.

Нѣтъ, съ нею дѣвушка пошла.

ГРАФИНЯ.

И рано такъ! Куда же?

СЛУЖАНКА.

Я.... не знаю....

ГРАФИНЯ.

Что жь ты лицо воротишь отъ меня?
И видно что недавно изъ деревни;
Ну, такъ и есть,—третъ фартукомъ глаза!
Что тамъ такое? Тайна?

СЛУЖАНКА.

Ахъ, графиня!

ГРАФИНЯ.

Что у тебя? Что хочешь ты припрятать?
Подай сюда!

(*Вырываетъ у нея футляръ.*)

Футляръ! Браслетъ Альмуты!
Ея брильянты! серьги! Ты навѣрно
Хотѣла ихъ украсть?

СЛУЖАНКА.

Ахъ, нѣтъ, графиня!
Я къ барышнѣ спѣшила ихъ отнесть,—
Я думала, она ихъ позабыла;
Но барышня сказала мнѣ: „все это
Отъ матери моей, а отъ нея
Мнѣ всякіе брильянты потемнѣютъ.
Беру лишь то что мнѣ принадлежитъ.“

ГРАФИНЯ.

Взяла она уборъ свой?

СЛУЖАНКА.

Да, графиня.

ГРАФИНЯ.

Ты, глупая, все врешь! Но говори,—
Неужели она....

СЛУЖАНКА (*рыдая*).

Она бѣжала!

ГРАФИНЯ.

Бѣжала? Какъ? Давно ли?

СЛУЖАНКА.

Нѣтъ, недавно.

ГРАФИНЯ.

О, дерзкая! Бѣжала! Но постой,
Я догоню тебя!

(*Быстро уходитъ съ Эдзардомъ.*)

СЛУЖАНКА.

Ахъ, Боже мой!
Что̀ я надѣлала! Я измѣнила
Моей любезной, доброй госпожѣ,—
Сама не знаю какъ! Меня ужь вѣрно
Изъ службы выгонятъ.

ТЮРЕМЩИКЪ (*входитъ*).

На то похоже!

(*Выбираетъ ключи.*)

Пойдемъ со мной!

СЛУЖАНКА.

Куда?

ТЮРЕМЩИКЪ.

Куда идутъ
Всѣ тѣ кто былъ участникомъ побѣга.

СЛУЖАНКА.

Но я вѣдь ей добра всегда желала.

ТЮРЕМЩИКЪ (*гремя ключами*).

Ну-ну! тамъ это разберутъ добро-то.

(*Уходитъ съ плачущею служанкой.*)

ПЕРВЫЙ СТРАЖЪ.

Вотъ что̀ подчасъ отъ дѣтокъ наживешь!

ВТОРОЙ СТРАЖЪ.

Все оттого что слишкомъ ужь крута.

ТРЕТІЙ СТРАЖЪ.

Натянешь туго лукъ,—какъ разъ и лопнетъ.

(*Отворяетъ дверь.*)

Ахъ! это кто?

ВТОРОЙ СТРАЖЪ.

Да это графъ нашъ Энно!

ТРЕТІЙ СТРАЖЪ.

Привѣтъ вамъ, графъ! Да здравствуетъ графъ Энно!

ВХОДИТЪ ЭННО (въ богатомъ испанскомъ платьѣ и въ большой шляпѣ украшенной медальйонами; за нимъ толпа народа). ЭДЗАРДЪ.

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ, да здравствуетъ графъ Энно!

ЭННО.

Ну, ну, довольно, милые, ступайте!
(*Многіе порываются пожать ему руку.*)
Довольно же!
(*Народъ удаляется.*)
Ручищами своими
Они мнѣ чуть не раздавили рукъ.

ЭДЗАРДЪ.

Они тебѣ ихъ жали отъ души.

ЭННО.

Все это такъ; но все-таки имъ должно
Различье знать. Здѣсь всѣ у васъ на *ты*:
Какая грубость нравовъ! Мы далеко
Отстали отъ другихъ.

ЭДЗАРДЪ (*разсматриваетъ медальйоны*).

Что́ это тутъ?

ЭННО (*кладетъ на столъ шляпу*).

Да, эту шляпу подарилъ мнѣ другъ,
Савойскій герцогъ. Я ему въ подарокъ
Хочу послать двухъ лучшихъ жеребцовъ.
Породу нашу хвалятъ. Только этимъ
Фрисландія похвастаться и можетъ.

ЭДЗАРДЪ.

А древняя свобода?

ЭННО.

Да, пожалуй,—
Я опытомъ ея не очарованъ.
Ты мнѣ поможешь подобрать коней:
Съ богатыми скупиться не прилично.
(*Эдзардъ смотритъ на его цѣпь.*)
Руно Златое! Римскій императоръ,
Эрцгерцогъ Максъ, мнѣ самъ его повѣсилъ,
Въ тотъ самый день какъ въ Ахенѣ онъ принялъ
Имперскую корону. Этотъ орденъ
Дается лишь князьямъ и королямъ,—
Онъ первый орденъ въ христіанскомъ мірѣ!
Въ тотъ день на каменномъ престолѣ Карла
Великаго сидѣлъ онъ и возвелъ
Въ санъ рыцаря двѣ сотни знатныхъ лицъ:
Твой бѣдный братъ былъ также въ ихъ числѣ.

Въ Ерусалимѣ жь рыцаремъ я сталъ
Святаго Гроба.

ЭДЗАРДЪ.

Почестей такихъ
Имѣть я не желалъ бы безъ заслуги.
Ты говорилъ ужь съ матерью?

ЭННО.

Немного,
Лишь мимоходомъ: некогда ей было.
Что тутъ у васъ? Всѣ шепчутся, снуютъ
Туда-сюда,—ну точно муравьи,
Когда отнимешь яица у нихъ.
Вездѣ такое странное движенье.
Что это значитъ?

(*Входитъ графиня.*)

ЭДЗАРДЪ.

Мать тебѣ разкажетъ.

ГРАФИНЯ.

Ну, какъ нашелъ Фрисландію, мой сынъ?

ЭННО.

Такъ, ничего; немного тѣсно здѣсь,
Сказать по правдѣ,—даже очень тѣсно,—
Особенно понятія здѣсь узки:
Деревней такъ и пахнетъ.

ГРАФИНЯ.

Милый сынъ,
Ты насмотрѣлся на обширный свѣтъ,—
И Македонія тебѣ мала.
Желала бы владѣть я рудниками,
Вотъ какъ король Филиппъ. Но, къ сожалѣнью,
Фрисландія металлами бѣдна.

ЭННО.

Да, матушка, хоть странствовать пріятно,
Но дорого обходится, и если
Вы упрекнуть меня хотите въ томъ,
Что много я истратилъ....

ГРАФИНЯ.

Да, мой сынъ,
Ты дорого мнѣ стоилъ за границей.

ЭННО.

Но эта трата въ пользу намъ пойдетъ.

ГРАФИНЯ.

Какъ такъ?

ЭННО.

Я много пріобрѣлъ друзей
И такъ вездѣ Фрисландію представилъ
Что всюду къ ней питаютъ уваженье.

ГРАФИНЯ.

То блескъ минутный! Талеры мои
Надежнѣе блестятъ.

ЭННО.

„Вотъ юный князь!
Вотъ князь Фрисландіи!“ всѣ говорили,
И при дворѣ мнѣ много обѣщаній....

ГРАФИНЯ.

Всѣ обѣщанья—вымыслъ придворный!

ЭННО.

Самъ императоръ мнѣ сказалъ однажды
О княжеской коронѣ.

ГРАФИНЯ.

Ну, вотъ это
Послушать можно. Очень бы желала
Увидѣть васъ подъ княжеской короной,
Хотя расходъ тутъ будетъ и не малъ.
Но точно ли что императоръ самъ....

ЭННО.

Онъ издали мнѣ показалъ корону:
Онъ намекнулъ что мы должны стараться
Войти въ союзъ съ высокими домами,
Ну, и тогда за нами будетъ право.
И, кажется, мнѣ удалось привлечь
Къ себѣ вниманье не одной принцессы.

ГРАФИНЯ.

Такъ императоръ думаетъ! А здѣсь
(*Съ горькою улыбкой.*)
Творится что! Гдѣ брачные союзы
Съ высокими домами? Нашъ союзъ
Не принесетъ намъ чести.

ЭННО.

Что̀ такое?

ГРАФИНЯ.

Ты этого не зналъ. Я не хотѣла
Принять тебя съ нерадостною вѣстью.
Твои сестра Альмута убѣжала,—
Похищена!

ЭННО.

Возможно ль? Кѣмъ же, кѣмъ?

ГРАФИНЯ.

Бродягою нѣмецкимъ—Энгельманомъ!

ЭННО.

Какъ? Энгельманомъ? О, какой позоръ!

ГРАФИНЯ.

Ужь послано въ погоню: если только
Летать они не могутъ,—ихъ догонятъ.

(*Входитъ капитанъ.*)

Изъ Фридебурга?

КАПИТАНЪ.

Точно такъ, графиня.

ГРАФИНЯ.

Ну, что̀ жь, привезъ ихъ? Гдѣ они?

КАПИТАНЪ.

Графиня!
Имъ удалось уйти. Подъемный мостъ
За ними былъ ужь поднятъ.

ГРАФИНЯ.

Дочь моя
Пошла пѣшкомъ, а ты и на конѣ
Догнать ея не могъ!

КАПИТАНЪ.

Графиня! я старался....

ГРАФИНЯ.

Улитки вы безногія! Но ты
Имъ развѣ не сказалъ что я велѣла
Чтобъ тотчасъ же они вернулись въ Аурихъ,
Подъ страхомъ смертной казни?

КАПИТАНЪ.

Я сказалъ;
Но наотрѣзъ они мнѣ отказали.

ГРАФИНЯ.

Какъ? отказали? Это невозможно!

КАПИТАНЪ.

Я затрубить велѣлъ; на этотъ зовъ
Самъ Энгельманъ въ воротахъ показался
И объявилъ что ваша дочь ему
Обѣщана въ невѣсты графомъ....

ГРАФИНЯ.

Кѣмъ?

КАПИТАНЪ.

Фрисландскимъ графомъ.

ГРАФИНЯ.

Это кто жь такое?

КАПИТАНЪ.

Подъ нимъ онъ разумѣетъ графа Энно
И все стоитъ на томъ что имъ самимъ
Рука сестры обѣщана ему.

ЭННО.

Ахъ онъ подлецъ! Онъ смѣетъ....

ГРАФИНЯ.

Правда это?

ЭННО.

И смѣетъ онъ ссылаться на меня?

ГРАФИНЯ.

Но правда ль это?

ЭННО.

Дерзкій чужеземецъ!
Посмѣлъ мечтать быть шуриномъ моимъ!
Вотъ будетъ славный родственникъ принцессѣ
Екатеринѣ Шведской, у которой
Всегда лицо зардѣется румянцемъ,
Когда ей скажутъ обо мнѣ. Бродяга....

ГРАФИНЯ.

Но ты сперва скажи мнѣ, правда ль это?
Ты обѣщалъ ему свою сестру?

ЭННО.

Ну, если я и говорилъ когда,
Такъ развѣ только въ шутку. Но теперь
Я докажу ему....

(*Уходитъ.*)

ГРАФИНЯ (*капитану*).

Ступай за нимъ!
Она была вѣдь гордостью моею.
Когда ее подъ сердцемъ я носила,
Не знала я той боли какъ теперь!...
Скорѣй! скорѣй все войско въ Фридебургъ!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Зимняя картина. Влѣво, въ глубинѣ сцены, замокъ Фридебургъ съ опущеннымъ подъемнымъ мостомъ. Посреди сцены ровъ замка съ довольно крутыми берегами.

ЭНГЕЛЬМАНЪ и ДВОЕ СЛУГЪ (*на лѣвомъ берегу*).

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Вы ото льда очистили весь ровъ?

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Все сдѣлано какъ вы намъ приказали.

ВТОРОЙ СЛУГА.

На серединѣ сняли мы весь ледъ;
Но въ ночь опять морозило, и снова
Его позатянуло свѣжимъ слоемъ.

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Поосторожнѣй, рыцарь: старый ледъ
До тростника лишь достаетъ, а дальше
Идти нельзя, проломится какъ разъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Не отличить никакъ его по цвѣту,
И вся вода какъ чистое стекло:
При свѣтѣ солнца можно даже видѣть
Почти до дна болотную траву.

ВТОРОЙ СЛУГА.

Ну, вотъ опять нашъ ровъ, какъ есть, въ порядкѣ,
И намъ теперь не страшно нападенье.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ахъ, еслибы все кончилось скорѣй!
Всѣ приступы отбили мы удачно;
Теперь графъ Эппо убѣдился самъ,
Что ничего не сдѣлаетъ онъ силой,
И вмѣсто бури хочетъ испытать

Лучъ солнечный: вступить въ переговоры
Желаетъ онъ со мной. Я жду его.
Онъ будетъ тамъ стоять на берегу,
А я вотъ здѣсь, и ровъ раздѣлитъ насъ.
Съ нимъ будутъ двое слугъ, какъ и со мною:
Такъ рѣшено межъ нами.

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Вотъ и онъ!

ВТОРОЙ СЛУГА.

Съ нимъ идутъ двое.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Что̀ же это значитъ,
Что всѣ они съ оружіемъ пришли?

(Энно съ двумя воинами входитъ справа.)

А, здравствуй, Энно! Но зачѣмъ же ты
Съ оружіемъ идешь на дѣло мира?
Вѣдь мы съ тобою будемъ состязаться
Лишь на словахъ, и лучше, если можно,
Когда вражду покончимъ навсегда.

ЭННО.

Съ тобою надо быть поосторожнѣй.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ты ль это говоришь? Ужель тебѣ
Такъ мало образъ мыслей мой извѣстенъ?
Но къ дѣлу, Энно.

ЭННО.

Энгельманъ фонъ-Горстъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ты звалъ меня всегда лишь Энгельманомъ;
Къ чему жъ теперь формальности такія?

ЭННО.

Ты въ заблужденьи, если полагаешь
Что въ за́мкѣ ты своемъ непобѣдимъ.
Повѣрь, хотя и толсты эти стѣны,
Но римскій императоръ ихъ пробьетъ;
И сто́итъ мнѣ сказать ему лишь слово,
Какъ онъ сюда изъ Люттиха пришлетъ
Такой обозъ орудій для осады,
Что передъ нимъ твои присядутъ стѣны
До самыхъ рвовъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Твои слова, другъ Энно,
Потолще будутъ стѣнъ моихъ: вѣдь Люттихъ
Отсюда далеко.

ЭННО.

Но я желаю
Сперва съ тобой разумно объясниться.
Мою сестру похитилъ тайно ты....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Она пришла ко мнѣ искать защиты.

ЭННО.

Ну, это правда: вмѣстѣ вы росли,
И въ томъ тебя никто не обвиняетъ
Что ты любовью къ ней воспламенился.
Любовь—что плющъ: онъ вьется по природѣ
Вокругъ всего что̀ близь него стоитъ.
Не разбирая вещества предмета.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Не о плющѣ жъ мы будемъ толковать?

ЭННО.

Княжна играетъ съ нищимъ сиротою;
Какъ въ вѣкъ златой—они тогда равны;
Кто разобьетъ минутный дѣтства сонъ?
Но рай невинности проходитъ скоро,
И кто, вкусивъ отъ дерева познанья,
Все думаетъ по-прежнему, въ томъ хитрость
Надъ честью верхъ беретъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да говори же,
Чтобъ могъ тебя я слушать!

ЭННО.

Не сердись,
А постарайся вникнуть въ это дѣло.
Тогда и пынче—разница большая!
Представь ее себѣ сосной высокой:
Вы были вмѣстѣ молоды и малы
Ты могъ легко играть ея вершиной;
Но вотъ она высоко вознеслась
И только вѣтру легкому доступна.....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Какая тутъ вершина и сосна?
Что ты присталъ съ надутой болтовнею?
Ты мнѣ скажи, не обѣщалъ ты мнѣ
Ея руки?

ЭННО.

Но мать моя, графиня....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но развѣ самъ ты мнѣ не обѣщалъ?

ЭННО.

Нѣтъ! Никогда!... Не помню.... Я забылъ....
Все это было въ шутку.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Сколько словъ
И сколько въ нихъ противорѣчій! Ты же
Насъ женихомъ съ невѣстой называлъ.

ЭННО.

Ты окруженъ; тебѣ спастись нельзя.
Но выдай мнѣ сестру мою, и все
Тебѣ тогда простится.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но скажи же,
Не обѣщалъ ты мнѣ ея руки?

ЭННО.

Что жъ, если такъ? Я былъ еще тогда
Несовершеннолѣтній, внѣ закона.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Законъ! Законъ! Ты самъ себѣ судья.
„Несовершеннолѣтній!“ Такъ не станетъ
Отказываться честный человѣкъ
Отъ двадцати имъ занятыхъ копѣекъ!

ЭННО.

Ты не забудь, рожденный въ униженьи,
Чѣмъ ты обязанъ высшимъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Кто же ты,
Считающій себѣ за униженье
Чтобы съ моей смѣшалась ваша кровь?

ЭННО.

Я графъ имперіи!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Вновь испеченный!
Сейчасъ изъ печки, потому горячъ.
Твой родъ отъ поселянъ.

ЭННО.

О, рабъ презрѣнный!

(Онъ спрыгиваетъ на ледъ и съ обнаженнымъ мечемъ бросается на Энгельмана.)

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Мы безоружны. Поскорѣе въ за́мокъ!

(Энгельманъ и слуги скрываются въ за́мокъ; за ними поднимается подъемный мостъ.)

ЭННО.

Ахъ! Что̀ это?

(Ледъ проломился подъ нимъ; онъ скрывается въ водѣ и снова всплываетъ.)

Спасите! помогите!

(Исчезаетъ подъ водой.)

ПЕРВЫЙ ИЗЪ ВОИНОВЪ *(прыгая на ледъ).*

Графъ! графъ!

ВТОРОЙ ИЗЪ ВОИНОВЪ.

Бѣда! Спасите! Графъ нашъ тонетъ!

(Бросается въ воду; занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Зала въ за́мкѣ Фридебургѣ.

ДВА ЛАНДСКНЕХТА.

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

Вотъ, говорятъ, ландскнехтъ безъ кошки можетъ
Ловить мышей; но здѣсь у насъ не только
И мышки не найдешь, но даже нѣтъ
И зернушка чтобъ мышкѣ поживиться.

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЪ *(садясь въ кресло)*

Какъ съ голоду животъ мнѣ подведетъ,
То я всегда себѣ припоминаю
Обѣдъ которымъ разъ меня лѣсничій
На славу угостилъ. Все было тамъ:
И жареный олень, и перепелки,
И пуддинги различные, и сласти,
И вволю тѣмъ обѣдомъ наслаждаюсь,
А все-таки никакъ не наѣдаюсь.

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЪ *(ложась на скамью).*

Вѣдь цѣлыя мы сутки на ногахъ;
Какъ песъ усталъ я. Прикорнемъ маленько.

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

Нѣтъ, голодъ мнѣ покоя не даетъ:
Все грезятся жаркія да пастеты.
Да, служба тяжела, силъ не хватаетъ;
Насъ горсть всего, а за́мокъ такъ великъ.
Вотъ мѣсяцы осада наша длится,—
И съ каждымъ днемъ все меньше ѣсть даютъ.

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЪ *(впросонкахъ).*

Да полно, чортъ, языкъ себѣ мозолить!
Ложись да спи!

(Засыпаетъ.)

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

Онъ спитъ ужь, какъ убитый,
А у меня съ ума не сходитъ пуддингъ.

(Усаживается на креслѣ. Слышенъ звукъ трубы.)

Ну, тамъ трубятъ! Не приступъ ли опять?
Эй ты, вставай! Пойдемъ-ка на часы.
Тамъ люди всѣ наперечетъ. Вставай же!

(Тщетно старается разбудить его и кричитъ ему въ ухо:)

Трубятъ! Трубятъ!

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

Пускай трубятъ!

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

Вставай!

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

Пусть тамъ трубятъ всѣ трубы Ерихона,

И рушатся всѣ стѣны на меня,—
Я спать хочу,—ты слышишь,—спать хочу!

АЛЬМУТА *(входитъ)*.

Вы ужь и такъ, друзья мои, устали,
А вотъ опять зовутъ васъ на работу.

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

Что жь дѣлать? Капитанъ шутить не любитъ.

АЛЬМУТА.

А въ эту ночь, подъ кровомъ темноты,
Врагъ подошелъ подъ самыя ворота.

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

А развѣ вы не спали? Гдѣ жь вы были?

АЛЬМУТА.

При капитанѣ, чтобъ ему помочь
При случаѣ.

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЪ *(быстро вскакиваетъ)*.

Товарищъ! стыдно намъ
Предъ женщиной! О, барышня! вы ангелъ!
Пусть не найду себѣ кусочка хлѣба,
Но если только голосъ вашъ услышу,—
Онъ манною небесной будетъ мнѣ!

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

Да, если только смѣлая жена
Опасности мущины раздѣлитъ,
Тогда ужь вѣрно и послѣдній трусъ
Въ героя обратится. Ну, пойдемъ!

(Оба уходятъ.)

ЭНГЕЛЬМАНЪ *(входитъ)*.

АЛЬМУТА *(приближаясь къ нему)*.

Ахъ, Энгельманъ! Мнѣ жаль людей несчастныхъ,
Которые за насъ напрасно гибнутъ.
Мы сдаться, другъ, должны.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нѣтъ, подождемъ:
У нихъ пока отличный духъ у всѣхъ.

АЛЬМУТА.

Да, духъ хорошъ, но тѣло измѣнитъ.
Ахъ, съ роковаго дня какъ братъ мой Эппо
Сталъ жертвою горячности своей,—

Удвоились осада и опасность,
И вся страна возстала на тебя.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Меня одни дворяне ненавидятъ.

АЛЬМУТА.

Нѣтъ, и народъ за Энно противъ насъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но прежде онъ любилъ меня вѣдь больше
Чѣмъ гордеца...

АЛЬМУТА.

Его всѣ недостатки
Слезами смылъ онъ, и тебя винитъ
За смерть его.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Въ которой виноваты
Одна его запальчивость и ледъ.

АЛЬМУТА.

Все это такъ, но онъ тому не вѣритъ:
Онъ видитъ тутъ коварство и засаду.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Когда бы Энно всталъ теперь изъ гроба,
То самъ меня навѣрно бъ оправдалъ.
Тутъ даже случай не виновенъ,—нѣтъ!
Виновны нарушенье договора
И гнѣвъ его,—они его сгубили,
А на меня ложится вся вина.

АЛЬМУТА.

Съ тѣхъ поръ какъ мать преслѣдуетъ тебя,
Дворяне всѣ соединились съ нею
И, обложивъ весь за́мокъ, выжидаютъ,
Какъ свора псовъ, подачки отъ господъ.
Что̀ ждетъ тебя? Подумай! Ахъ, спасайся!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Какъ? Одному спасаться?

АЛЬМУТА.

Да, мой милый!
Запасовъ намъ лишь на день или на два,
А тамъ поднять придется бѣлый флагъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но какъ же мнѣ товарищей покинуть?

Входитъ КАПИТАНЪ.

КАПИТАНЪ (*со стрѣлой, на которой записка*).

Ахъ, подлецы они! Вотъ подлецы-то!

АЛЬМУТА.

Что̀ съ вами, капитанъ?

КАПИТАНЪ.

Ахъ, извините,
Графиня, мнѣ, какъ старому солдату,
Что я въ словахъ не очень осторожень;
Но я такъ возмущенъ...

АЛЬМУТА.

Но что̀ жь такое?

КАПИТАНЪ.

Враги вдругъ отступили,—имъ, какъ видно,
Хотѣлось лишь извѣстье передать,—
И вотъ стрѣла у ногъ моихъ упала.
Смотрите, вотъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Съ запискою стрѣла?

КАПИТАНЪ.

Ну, вотъ, какъ есть: на ней она торчала;
Такъ не угодно ль вамъ ее прочесть?

(*Онъ подаетъ Энгельману стрѣлу съ листкомъ пергамена.*)

ЭНГЕЛЬМАНЪ (*читаетъ*).

„Прощенье всѣмъ и щедрая награда,—
За исключеньемъ“,—

(*Отдаетъ записку капитану, который комкаетъ ее и бросаетъ.*)

Ну, меня, извѣстно!

АЛЬМУТА.

Такъ и меня?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Конечно,—насъ обоихъ;
Для всѣхъ же остальныхъ—свободный выходъ.

АЛЬМУТА.

И щедрая награда сверхъ того.

КАПИТАНЪ.

Такъ подкупить хотятъ они меня?

Ну, нѣтъ, друзья! не на того напали!
Я не поддамся имъ!

АЛЬМУТА.

Нѣтъ, успокойтесь,
Мой другъ,—мы сами просимъ васъ о томъ:
Враги не знаютъ что у насъ тутъ голодъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Графиня полагаетъ что заранѣ
Я въ замкѣ всѣ запасы заготовилъ;
Но я тогда въ заботахъ не успѣлъ,
И слишкомъ скоро началась осада.

АЛЬМУТА.

Врагъ дорогой цѣною покупаетъ
То что задаромъ можетъ получить;
А потому вамъ надо согласиться.

КАПИТАНЪ.

Вѣдь это вашей головы цѣна!
Пусть кто другой польстится на приманку.

АЛЬМУТА.

Но, капитанъ,—скажу вамъ по секрету:
Онъ хочетъ убѣжать.

КАПИТАНЪ

Вамъ убѣжать?
Нѣтъ, воевода! Тутъ стоятъ враги,
А тамъ кругомъ бездонная трясина:
Черезъ нее никто не проберется.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Никто, лишь я одинъ. Вѣдь я здѣсь выросъ;
Я мальчикомъ тропинки всѣ извѣдалъ,
Гдѣ каждый шагъ погибелью грозитъ;
Я знаю каждый стебель, каждый кустикъ,
Который мнѣ служитъ примѣтой можетъ.
О мнѣ не безпокойтесь! Высылайте
Къ нимъ трубача и замокъ сдайте имъ.

КАПИТАНЪ.

Но, рыцарь, вы не шутите?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нисколько!
Но только завтра утромъ, на разсвѣтѣ.

КАПИТАНЪ.

Извольте... но....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Съ разсвѣтомъ я свободенъ.

КАПИТАНЪ.

Да сохранитъ васъ Богъ! Иду къ своимъ.

(*Уходитъ.*)

АЛЬМУТА.

И челядью наемной называютъ
Такихъ людей!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да, службою тебѣ
Они облагородились, мой другъ!
И красота, и бѣдствія твои
Духъ рыцарства пробудятъ и въ сермягѣ.

АЛЬМУТА.

Нѣтъ, мужество и подвиги твои
Одушевляютъ ихъ и заставляютъ,
Не думая о платѣ, намъ служить.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

И мнѣ такихъ товарищей предать!
Благодарю Создателя что онъ
Меня избавилъ отъ такой заботы.

АЛЬМУТА.

Но, милый другъ, теперь ужь ты не медли:
Намъ должно разлучиться.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но не прежде
Какъ назову тебя навѣкъ мосю!
Какъ передъ смертью принимаютъ Тайны,
Такъ мы теперь, предъ этою разлукой,
На долгій срокъ, быть-можетъ навсегда,
Исполнимъ таинство святое брака.

АЛЬМУТА.

О, какъ я благодарна! Это слово
Хотѣлось мнѣ давно произнести;
Но я ждала чтобъ ты его сказалъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я все еще надѣялся что мать....

АЛЬМУТА.

Смягчится? Нѣтъ, изъ этакой скалы
И Моисей воды не источитъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Такъ, безъ привѣта близкихъ намъ людей
Придется намъ подать другъ другу руку.

АЛЬМУТА.

Но знаю есть еще одна душа
Которая намъ шлетъ благословенье.
О, Гела, Гела! милая сестра!
Не смѣла я тогда съ тобой проститься!
Я никому вѣдь не могла промолвить
Словечко сладко-грустное „прощай"!
Ни нѣжный взоръ, ни теплое желанье
Меня не провожали. Лишь собака
Изъ конуры, гремя желѣзной цѣпью,
Съ сердитымъ лаемъ бросилась ко мнѣ
И бѣлые оскаливала зубы.
Такъ я изъ замка предковъ удалилась!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Жалѣешь ты о немъ?

АЛЬМУТА.

О, нѣтъ, не думай!
Все это въ умъ невольно лишь приходитъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

И ни о чемъ ужъ больше не жалѣешь?

АЛЬМУТА.

Ахъ, нѣтъ! жалѣю я, жалѣю очень
Что я лишилась добраго отца.
Желала бъ я чтобъ мать меня любила,
Чтобъ на рукахъ меня носили братья;
Желала бы друзей имѣть, богатство
И въ полномъ жить довольствѣ, какъ богиня,
Чтобъ благосклонности моей искали
Князья и короли....

ЭНГЕЛЬМАНЪ *(мрачно)*.

Такъ вотъ чего
Желала бъ ты?

АЛЬМУТА (*прижимаясь къ нему*).

Чтобъ этимъ всѣмъ тебѣ
Пожертвовать, мой милый!

ЭНГЕЛЬМАНЪ (*страстно обнявъ ее*).

О, Альмута!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Часовня передъ замкомъ Фридебургомъ; изъ освѣщенной часовни слышны звуки органа.

ДВА ЛАНДСКНЕХТА.

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

Все служба тамъ? Какъ поздно!

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

Вотъ недавно
Прошелъ туда священникъ въ облаченьѣ.
Мой постъ у тѣхъ воротъ.

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

А мой на башнѣ.

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

Ну ужъ, морозъ!

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЪ

А печѣмъ и погрѣться!

(*Оба уходятъ.*)

ЭНГЕЛЬМАНЪ и АЛЬМУТА (*рука съ рукой выходятъ изъ часовни*).

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Такъ рѣшено,—я долженъ нынче ночью
Бѣжать отсюда какъ негодный трусъ!

АЛЬМУТА.

Не бѣгство это, а геройскій подвигъ.
Не въ тысячѣ ли образовъ тебѣ
Грозитъ трясина смертью? Если ты
Все побѣдишь, то будешь на свободѣ
И можешь самъ меня освободить.
Вѣдь я твоя жена: ты можешь прямо
Просить и императора, и папу,
И требовать отъ высшихъ судій міра
Чтобъ отдали тебѣ твою жену.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да, я пойду, и если ужь никто
Не будетъ въ силахъ мнѣ помочь, то я
Самъ помогу себѣ; вѣдь, слава Богу,
На свѣтѣ много храбрыхъ; я изъ нихъ
Себѣ составлю войско, и тогда —
Страшись, Фрисландія, коль ты дерзнешь
Мнѣ не отдать Альмуту дорогую!

АЛЬМУТА.

Благодарю тебя, мой храбрый мужъ!
Вотъ видишь ли что всѣ мои надежды
Основаны на бѣгствѣ лишь твоемъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Итакъ, съ тобой я долженъ разлучиться.
О, милая! Кто защититъ тебя
Здѣсь безъ меня?

АЛЬМУТА.

Не нужно мнѣ защиты.
Вотъ видишь ли: здѣсь тысячи враговъ;
Но пусть ихъ всѣ мечи мнѣ угрожаютъ, —
Я глазомъ не моргну: никто изъ нихъ
Меня коснуться не посмѣетъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Что же
Тебя такъ охраняетъ?

АЛЬМУТА.

Кровь Циркссна!
Но ты, мой другъ, оставшись тутъ, погибнешь,
Тебя никто, ничто не защититъ.
Они ворвутся въ замокъ и тебя
Сразятъ въ моихъ глазахъ.... Къ тебѣ я кинусь,
И кровь твоя лицо мнѣ обагритъ!...

(*Закрываетъ руками лицо.*)

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ну, иду.

АЛЬМУТА.

Ночь такъ тиха, и кротко
Серпъ мѣсяца сіяетъ съ вышины;
Все бѣгству твоему благопріятно.
Но чу! что тамъ такое? Голоса!
Ужь не враги ли овладѣли замкомъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

О, нѣтъ, мой другъ! Вѣдь это невозможно.

АЛЬМУТА.

Но слышатся мнѣ ясно чьи-то стоны.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нѣтъ, это крики дикихъ лебедей;
Ихъ слышно далеко ночной порою.

АЛЬМУТА.

О, сколько голосовъ имѣетъ ночь!
Но вотъ опять раздался чей-то вопль.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Не бойся, милый другъ: то голосъ выпи,—
Она всегда кричитъ передъ зарей.

АЛЬМУТА.

Смотри: тамъ точно духи надъ болотомъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ

То въ сумракѣ ночномъ мелькаютъ совы.

АЛЬМУТА.

Не знаю что̀ страшитъ меня. Что̀ если
Собьешься ты съ дороги какъ-нибудь?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я столько лѣтъ ее вѣдь изучалъ,
И не собьюсь навѣрно. Нѣтъ, не бойся.

АЛЬМУТА.

А если мѣсяцъ скроется за тучу?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ну, что̀ жъ? тогда разсвѣта я дождусь.

АЛЬМУТА.

Не перейти тебѣ черезъ трясину,
Гдѣ гибель столько путниковъ нашли,
Гдѣ голосъ ихъ въ пустынѣ замираетъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я знаю всѣ ручьи, всѣ водоемы,—
Ихъ выдастъ мнѣ болотная осока.
Гдѣ жъ мурава сребрится при лунѣ,
И стелется приманчивая клюква,—
Тамъ безопасно я могу ступать.

Пускай уходитъ почва подо мною,
Я отыщу всегда себѣ опору:
Одинъ скачокъ на кочку—и спасенъ.

АЛЬМУТА.

Ахъ! что ни говори, мой милый другъ!
Мнѣ видится, какъ смерть тебѣ зіяетъ
Изъ глубины,—куда бъ ты ни ступилъ.
И я тебя къ тому уговорила,—
На вѣрную послала смерть!

(*Упадаетъ къ нему на грудь.*)

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ты плачешь?
Не трогаютъ насъ слезы слабодушныхъ;
Но если плачетъ сильная душа,
То это насъ глубоко потрясаетъ!
О, дорогая! посмотри туда,
На это чуть замѣтное мерцанье:
Оно зари рожденье предвѣщаетъ.
Безъ трепета пойду къ нему навстрѣчу.
Пусть разсвѣтетъ такъ будущность для насъ.
Прощай!

(*Онъ вырывается изъ ея объятій и быстро удаляется въ глубину сцены, гдѣ садится въ челнокъ и переправляется на другой берегъ рва. Альмута идетъ за нимъ.*)

ЭНГЕЛЬМАНЪ (*на другомъ берегу*).

Мы свидимся опять. Не плачь!

АЛЬМУТА.

Прощай! Прощай! Храни тебя любовь!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Прощай!

(*Удаляется.*)

АЛЬМУТА.

Ушелъ!... Я буду на колѣняхъ
Стоять, пока минуетъ онъ трясину.

(*Уходитъ въ часовню.*)

ДВА ЛАНДСКНЕХТА (*выходятъ изъ замка*).

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

Вотъ, скоро разсвѣтетъ, а капитанъ
Еще не приходилъ съ переговоровъ.

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

Когда они про наше положенье
Провѣдаютъ, то, вмѣсто договора,
Заставятъ насъ сквозь петлю посмотрѣть.

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

Пожалуй что десятаго повѣсятъ.

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

А, вотъ идетъ!

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

Ну, что же, капитанъ,
Какія вѣсти намъ?

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

Даютъ ли выходъ?

КАПИТАНЪ *(входя)*.

Да, дѣтушки, уладилось отлично:
Свободный выходъ намъ!

ЛАНДСКНЕХТЫ.

Ну, слава Богу!

КАПИТАНЪ.

И съ музыкой, и съ нашимъ всѣмъ добромъ.

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

Урра! Теперь не будемъ голодать!

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

Пойдемъ скорѣй товарищамъ сказать.

(Оба уходятъ въ за́мокъ. Вдали слышенъ барабанный бой и приближающаяся военная музыка).

КАПИТАНЪ.

Они идутъ. Когда бъ имъ не хотѣлось
Такъ парочкою этой овладѣть,—
Мы дешево бы такъ не отыгрались.

(Уходитъ въ за́мокъ.)

ВОЖДИ И ВОИНЫ ГРАФИНИ *(входятъ съ правой стороны)*.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Гдѣ негодяй? Сыщите Энгельмана!

ЭДЗАРДЪ.

Такъ этотъ ровъ....

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Да въ немъ, на этомъ мѣстѣ,
Со слугами графъ Эппо утонулъ.

ЭДЗАРДЪ.

О, злополучный ровъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Теперь лишь вы,
Эдзардъ, Фрисландіи надежда.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Въ ночь, когда
Вы родились, къ намъ бурею на берегъ
Былъ выброшенъ огромный китъ: вѣдь это
Предвѣстіемъ великихъ служитъ дѣлъ.

ЭДЗАРДЪ.

Что думать намъ о будущемъ, когда
Печаль насъ окружаетъ? Ахъ, сестра!
Я не могу оправдывать тебя,
Но не могу и обвинять!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Во всемъ
Виновникъ—обольститель—Энгельманъ.

(Изъ замка веселою толпой выходятъ ландскнехты.)

ЛАНДСКНЕХТЫ.

Да здравствуетъ свобода!

КАПИТАНЪ.

Погодите.
Вы мнѣ всегда служили хорошо;
Такъ вотъ, за то что я очистилъ замокъ,
Горсть золота еще я получилъ.

(Вынимаетъ изъ кармана деньги.)

Вотъ, подѣлите межъ собой.

ЛАНДСКНЕХТЫ.

Урра!
Да здравствуетъ нашъ капитанъ! Ура!

КАПИТАНЪ *(къ воеводамъ)*.

Теперь позвольте намъ и удалиться.

(Воины графини даютъ имъ дорогу. Ландскнехты становятся въ строй.)

КАПИТАНЪ.

Эй! Фитили зажечь! Мы отступаемъ
Подъ сѣнію распущенныхъ знаменъ!

ЛАНДСКНЕКТЫ *(маршируютъ и поютъ)*:

Мы объ имперіи святой
Не думаемъ давно:
Сегодня ль, завтра ль ей конецъ—
Намъ право все равно!

(Они удаляются съ барабаннымъ боемъ.)

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Чуть съ голода они не поколѣли.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

А вотъ—трунятъ надъ нами.

ФОЛЕФЪ.

Жаль мнѣ денегъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

За Энгельмана ничего не жаль.
Теперь мерзавецъ этотъ въ нашей власти.
Къ хвосту коня его бы привязать,
И пусть его умчитъ онъ такъ отсюда!
Что жъ Ико нѣтъ межъ нами?

ФОЛЕФЪ.

Онъ придетъ.
Онъ видно за бокаломъ засидѣлся.

(Слышенъ трубный звукъ.)

Что это тамъ?

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Графиня.

ЭДЗАРДЪ.

Это мать.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Что, какъ она снесла потерю сына?

ЭДЗАРДЪ.

Она не плачетъ даже и о немъ.
Она всегда въ дѣлахъ лишь выражаетъ
Свой гнѣвъ и горе.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Слезъ ея никто
Не видывалъ.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Въ народѣ говорятъ
Что у нея глаза сухіе сроду.

ВХОДИТЪ ГРАФИНЯ ТЭДА. *(Она одѣта очень пышно, въ платьѣ изъ золотой ткани. За нею свита.)*

ГРАФИНЯ.

По древнему обычаю страны,
Въ нарядѣ пышномъ я скорблю о сынѣ;
Но, ахъ! на сердцѣ мрачно и уныло!
Картины смерти не видала я,
Но вѣчно мнѣ она являться будетъ.
Отъ Палестины до родной страны
Онъ переплылъ моря благополучно,
Чтобъ здѣсь, во рву ничтожномъ, наконецъ
Найти себѣ погибель! Бѣдный сынъ!
Мнѣ видится какъ ты оттуда руки,
Желѣзомъ отягченныя, вздымаешь!
И жизнь твою, и честь твоей сестры
Укралъ одинъ и тотъ же похититель,
Который кары ждетъ. Гдѣ Энгельманъ?

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Онъ гдѣ-то тамъ запрятался.

ФОЛЕФЪ.

Злодѣй!

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Мы съ горестью, графиня, замѣчали
Какъ этого пришельца вы всегда
Предпочитали намъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Да и не слѣдъ
Своихъ друзей, испытанныхъ, старинныхъ,
Для чуждаго пришельца отстранять.

ГРАФИНЯ.

Вамъ къ жалобамъ ужь повода не будетъ.
Онъ спрятался, вы говорите?

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Да.

ГРАФИНЯ.

Какъ хочетъ уцѣпиться человѣкъ
За свой остатокъ жизни! Палача.
На эшафотѣ стоя, молитъ онъ
О нѣсколькихъ минутахъ! Но теперь
Такъ неизбѣжна смерть для Энгельмана,
Какъ для вола, когда уже мясникъ
Готовъ нанесть ему ударъ смертельный.
Но вотъ и онъ.... нѣтъ, это лишь она.

(Вводятъ Альмуту.)

Нѣтъ выше наказанья намъ, какъ дѣти
Преступныя!

АЛЬМУТА.

Преступниковъ казнятъ:
Но чѣмъ виновны дѣти, если мать
Не любитъ ихъ?

ГРАФИНЯ.

Не любитъ?—Не ласкала.
Не цѣловала я; но я о васъ
Заботилась.

АЛЬМУТА.

И болѣе чѣмъ нужно.

ГРАФИНЯ.

Какъ говоритъ она! Какіе взгляды
Бросаетъ! Ты нашъ домъ собой позоришь!
Не на тебя ли каждая дѣвица
Должна глядѣть съ презрѣніемъ, бѣглянка!
Къ стволу дичка садовникъ прививаетъ
Лишь благородный черенокъ,—а ты—
Отростокъ дикій честнаго ствола:
Вотъ ты молчишь опять въ своемъ упрямствѣ.
Ничто меня не возмутило такъ
Какъ то что ты, какъ безсловесный звѣрь,
Всегда моимъ желаньямъ покорялась,
Внезапно мнѣ пошла наперекоръ,
И, будто звѣрь который получилъ
Даръ слова вдругъ, осмѣлилась возвысить
Свой голосъ предо мною! Вотъ теперь
Опять ты замолчала. Ну, конечно,
Что ты могла бъ теперь мнѣ возразить?

АЛЬМУТА.

Вы не со мной ли говорите?

ГРАФИНЯ.

Съ кѣмъ же?

АЛЬМУТА.

Я думала что тамъ, среди солдатъ,
Стоитъ простая дѣвка, и что къ ней
Вы рѣчь свою относите, графиня,—
Такая дѣвка что привыкла всюду
Таскаться и любовниковъ ловить.
Слова такія только къ ней подходятъ.
Я честная жена, я баронесса
Фонъ-Горстъ, а мужъ мой воевода.

ГРАФИНЯ.

Ты замужемъ? Какой-нибудь Цыганъ
Васъ повѣнчалъ тамъ за угломъ забора!

АЛЬМУТА.

Когда словамъ не вѣрите моимъ,
Спросите у священника. Вотъ онъ!

(*Воины приводятъ капеллана.*)

ОДИНЪ ИЗЪ ВОИНОВЪ.

Онъ спрятался, дрожалъ какъ виноватый,
А потому и взяли мы его.
Но виноватъ ли онъ, про то не знаемъ.

ГРАФИНЯ.

Во имя Бога правды, отвѣчай,
Священникъ, мнѣ: благословилъ ли ты
Союзъ вотъ этой, позабывшей честь,
Съ любовникомъ ея?

КАПЕЛЛАНЪ.

Графиня! Я....

ГРАФИНЯ.

Довольно! Еслибъ ты отречься могъ,
То отвѣчалъ бы „нѣтъ“! Но вѣдь ты зналъ
Что нѣтъ еще ей совершенныхъ лѣтъ,
Ты зналъ что мать свой голосъ тутъ имѣетъ,
Ты знаешь долгъ свой и законъ церковный....

КАПЕЛЛАНЪ.

Все такъ, графиня. Но когда на васъ

Вдругъ сумашедшій нападетъ и станетъ
Вамъ угрожать ножомъ... Что дѣлать тутъ?
Какъ отказать ему въ его желаньѣ?
И я былъ такъ въ рукахъ у Энгельмана;
Что значитъ для него законъ церковный?
Онъ мнѣ грозилъ мечомъ....

ГРАФИНЯ.

Отъ слова къ дѣлу
Еще не такъ-то близко. Еслибъ даже
Онъ поразилъ тебя на мѣстѣ, полъ,
Ты умеръ бы, какъ воинъ въ битвѣ честной,
Свой исполняя долгъ. А вотъ теперь
Тебя пусть судитъ церковь. Взять его!
За все отвѣтитъ мнѣ виновникъ главный.

АЛЬМУТА.

Ему теперь не страшны всѣ угрозы.

ГРАФИНЯ.

Что ты сказала?

АЛЬМУТА.

Мужъ мой убѣжалъ.

ГРАФИНЯ.

Не вѣрьте ей, онъ спрятанъ гдѣ-нибудь.
Вы всѣ углы, всѣ норы обыщите
Отъ погреба до крыши.

АЛЬМУТА.

Трудъ напрасный!
Его вы не найдете: онъ ушелъ.

ГРАФИНЯ.

Такъ не по воздуху жъ онъ улетѣлъ!

АЛЬМУТА.

А можетъ-быть и по водѣ уплылъ.

Входитъ ГЕРО МАУРИЦЪ.

ГЕРО МАУРИЦЪ (*подавая графинѣ руку*).

Вотъ, бѣдная племянница, и я
Къ тебя пришелъ. Военныя тревоги
Для старика ужъ тяжеленьки стали;
Я захворалъ и оттого замедлилъ.

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, дядя, вы еще поспѣли къ казни.

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Кого жь казнить ты хочешь?

ГРАФИНЯ.

Энгельмана.

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Но вспомни что онъ сдѣлалъ для страны,
И вылей гнѣвъ какъ воду изъ сосуда.

ГРАФИНЯ.

Но прежде пусть его прольется кровь!
Вы развѣ тутъ не такъ бы поступили?

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Нѣтъ, я ему бѣжать помогъ бы.

ГРАФИНЯ.

Что?

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Да онъ и убѣжалъ.

ВСѢ.

Какъ? Убѣжалъ?

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Я ѣхалъ недалеко отъ трясины,
Вдругъ вижу, тамъ, въ туманѣ, точно призракъ,
Идетъ ко мнѣ какой-то великанъ.
Не человѣкъ же это, я подумалъ:
Какой смѣльчакъ дерзнетъ поставить ногу
На эту зыбь? И между тѣмъ какъ я,
Дивясь, остановился, изъ болота
Вдругъ кинулся ко мнѣ высокій воинъ
И, угрожая мнѣ мечомъ, вскричалъ:
„Долой съ коня!“

ГРАФИНЯ.

А что же ваши люди?

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Они смутились такъ что не могли
Оломниться: такъ быстро онъ напалъ.

ГРАФИНЯ.

Отчаянный смѣльчакъ!

ГЕРО МАУРИЦЪ.

„Когда тебѣ
Не надоѣла жизнь, отдай коня!“
Вскричалъ онъ мнѣ, и я сначала принялъ

Его за старца: такъ онъ опущенъ
Былъ шнеемъ болотнымъ. Но когда
Вскочилъ онъ на коня и уронилъ
Свой шлемъ, другъ друга тотчасъ мы узнали.
„Простите мнѣ!“ сказалъ онъ, и исчезъ.

АЛЬМУТА.

Спасенъ! Свободенъ! О, какъ рада я!

(*Обнимаетъ одну изъ служанокъ.*)

ГРАФИНЯ.

Негодная! Ты рада что убійца
Успѣлъ спастись! Но въ смерти брата ты
Виновна вмѣстѣ съ нимъ, и потому
Я за него тебя....

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Довольно, Тэда!
Они ему вѣдь не желали смерти:
Богъ судитъ лишь намѣренье въ проступкѣ,
Мы, люди, строже не должны судить.

ГРАФИНЯ.

Ну, пусть живетъ! Позоръ ей будетъ смертью
И вѣчная темница! Взять ее!

АЛЬМУТА.

Мой мужъ меня избавитъ отъ оковъ!

(*Слуги хотятъ подойти къ ней, но она останавливаетъ ихъ взглядомъ.*)

Хочу вздохнуть свободно на минуту
И воздуху завѣтъ мой передать.
Снеси къ нему, о воздухъ, мой привѣтъ
И лучшія желанья, и лобзанья!
Что̀ нужды что въ тюрьмѣ я? Онъ свободенъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Да, будто съ висѣлицы онъ сорвался,
Негодный!...

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Счастье же ему во всемъ:
Его графиня милости лишила,
Такъ у судьбы онъ въ милости остался.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Другой давно бы утонулъ въ трясинѣ;
Знать ждетъ его веревка.

ГЕРО МАУРИЦЪ (*съ гнѣвомъ*).
Геро Омкенъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.
Да, вотъ кого бы вздернуть: онъ меня
Вѣдь обокралъ.

ГРАФИНЯ.
Онъ дочь мою похитилъ!

ГЕРО МАУРИЦЪ.
Мы часто видимъ что не тотъ одинъ
Виновенъ въ томъ что̀ сдѣлалъ...

ГРАФИНЯ.
Не меня ль
Винните вы въ дочернемъ проступкѣ?

ГЕРО МАУРИЦЪ.
Желаніе обѣихъ дочерей
Могла бы ты исполнить.

ГРАФИНЯ.
Какъ? и Гелу
За графа Ольденбургскаго отдать?

ГЕРО МАУРИЦЪ.
Межь ними такъ ужь было рѣшено.

ГРАФИНЯ.
Но вѣдь они другъ другу не подъ пару.

ГЕРО МАУРИЦЪ.
Да, это намъ такъ кажется; но оба...

ГРАФИНЯ.
Ну, что̀ же оба?

ГЕРО МАУРИЦЪ
Совершеннолѣтни;
Мы счастіе навязывать насильно
Не можемъ никому. Пусть будетъ каждый
По своему счастливъ.

ИКО (*въ отдаленіи*).
Ого! ого!

ГЕРО ОМКЕНЪ.
Вѣдь это голосъ Ико.

ИКО (*приближаясь*).
Ого-го!

ЭДО ВИМКЕНЪ.
Онъ вѣрно пьянъ.

ИКО (*входя*).

Не пьянъ, а только веселъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Иль ты поймалъ хорошую добычу?

ИКО.

Такую за которой всѣ гонялись.

ГРАФИНЯ.

Что? Не настигъ ли Энгельмана?

ИКО.

Да.

Скакалъ верхомъ одинъ онъ по полямъ,
Безъ шлема и доспѣховъ, лишь въ рукѣ
Былъ обнаженный мечъ. Его завидѣвъ,
Мы бросились за нимъ съ веселымъ крикомъ,
Копьемъ спесли съ коня, а остальное
Покончили кинжалы и мечи.

АЛЬМУТА (*страшно вскрикиваетъ*).

Ахъ!

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Что за звукъ изъ глубины донесся,
Какъ будто льдина треснула вдали?

СЛУЖАНКИ (*окружая Альмуту*).

Ахъ, барышня! Что съ вами? Ради Бога!

АЛЬМУТА (*какъ бы пробудясь отъ столбняка*).

Кто называетъ барышней меня?
Не барышня я больше; вы ошиблись;
Я — бѣдная вдова, которой мужа
Предательски разбойники убили,
Которой не осталось ничего
(*заливается слезами*)
Какъ плакать лишь о немъ и тосковать,
Какъ бѣдной горлицѣ лишенной друга!
Ахъ! жизнь моя — короткій зимній день,
Въ который солнце рано угасаетъ....
Ты былъ мнѣ солнцемъ жизни, Энгельманъ!
(*Къ вождямъ:*)
Убійцы! Богъ накажетъ васъ!

ГРАФИНЯ.

Ты смѣешь....

(*Она даетъ знакъ чтобъ ее увели.*)

АЛЬМУТА.

Тебя же я отнынѣ никогда
Звать матерью не буду. Для тебя
Я умерла, какъ Эннo. Ахъ, когда бы
Я утонуть могла въ пучинѣ горя!

ГРАФИНЯ.

Отъ горести не умираютъ. Вздоръ!
Въ тюрьму ее!

АЛЬМУТА.

Иду туда охотно.
Весь міръ теперь мнѣ сталъ тюрьмою!
(*Ее уводятъ.*)

ГРАФИНЯ.

Ико!
Сюда!

ИКО.

Графиня! что угодно вамъ?
(*Въ полголоса.*)
„Сюда!“ вѣдь такъ собакъ лишь подзываютъ.

ГРАФИНЯ.

Что ты сказалъ?

ИКО.

Я? Ничего, графиня.

ГРАФИНЯ.

Васъ сколько было?

ИКО.

Двадцать человѣкъ.

ГРАФИНЯ.

Па одного! А кто тебѣ далъ право
Охотиться на подданныхъ моихъ?

ИКО.

Онъ былъ вѣдь внѣ закона; такъ я думалъ.
Я поразилъ его копьемъ въ лицо,
Чтобъ красотой не хвастался и мертвый,
И тамъ оставилъ на полѣ его
Въ добычу хищнымъ птицамъ.

ГРАФИНЯ.

Можетъ быть
Что я, взглянувъ въ его глаза, какими
Дитей глядѣлъ онъ на меня съ любовью,
Смягчилась бы въ послѣднее мгновенье, —

Не говорю чтобъ это было такъ,
Но я могла бъ смягчиться: — ты же, дерзкій,
Осмѣлился мою разрушить милость.
Ступай же ты въ изгнанье! Прочь отсюда!
Прочь съ глазъ моихъ, чудовище!

НКО.

Графиня!
За что же мнѣ скитаться какъ бродягѣ?
Вы сами смерть назначили ему.

ГРАФИНЯ.

Ступай!

ЛАНДСКНЕХТЫ.

Прочь! прочь отсюда!

(Они удаляютъ его. Между тѣмъ приходитъ гонецъ и говоритъ шепотомъ съ Эдзардомъ.)

ГРАФИНЯ.

Такъ свершилась
Судьба, которая чрезъ Энгельмана
Постигла насъ! Все кончено теперь!

ЭДЗАРДЪ.

Кто можетъ знать чтобъ не было еще
Ея ударовъ?

(Продолжаетъ говорить тихо съ гонцомъ.)

ГРАФИНЯ.

Что у васъ за шепотъ?
Шипитъ змѣя, когда ужалить хочетъ.
Что ты за человѣкъ?

ГОНЕЦЪ.

Гонецъ, графиня.

ГРАФИНЯ.

Откуда ты?

ГОНЕЦЪ.

Изъ Аурихa, графиня.

ГРАФИНЯ.

Ты запыхался такъ. Что тамъ случилось?

ГОНЕЦЪ.

Но.... я боюсь....

ГРАФИНЯ.

Да скажешь ли, негодный!

ЭДЗАРДЪ

Вы больше залугаете его!

ГРАФИНЯ.

Не нужно говорить что̀ тамъ случилось,
Я знаю все сама: съ тѣхъ поръ какъ вѣсть
О страшной смерти Энно такъ внезапно
Сразила насъ, у Гелы спазмы сердца
Усилились, и стали повторяться
Ея припадки чаще, и теперь
Она опять слегла. Ну, вотъ и все!

(*Безпокойно ходитъ взадъ и впередъ.*)

И вѣрно ужъ не больше. Вѣдь она
Потерю жениха перенесла
Такъ тихо и покорно. Но зачѣмъ
Такъ убиваться ей о смерти брата?
Къ чему это? Вѣдь это неразумно!

ЭДЗАРДЪ.

Сверхъ силъ никто снести не въ состояніи.

ГРАФИНЯ.

Оправится, я вѣрно это знаю.

ГОНЕЦЪ.

Мы положили на постель ее:
Пришли врачи и все употребили
Чтобъ къ жизни возвратить ее, но тщетно:
Ужъ улетѣла жизнь!... Теперь весь Аурихъ
Къ ея одру стекается, какъ къ гробу
Святой на поклоненье.... Всѣ рыдаютъ,
И нищіе, и сирые....

(*Стараясь пересилить себя.*)

Простите!

(*Всѣ глубоко тронуты, только графиня старается казаться спокойною.*)

ЭДЗАРДЪ.

О, дорогая, добрая сестра!
Пусть изъ твоей могилы вырастаютъ
Всѣ лучшіе, душистые цвѣты,
Какъ изъ могилы непорочной дѣвы!
Блаженны сердцемъ кроткіе, и ты
Блаженна будешь....

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Кроткому созданью
Отверсты двери рая. Ульрихъ, Ульрихъ!
Мнѣ, старику, пришлось увидѣть то,
Чѣмъ лошадилъ Господь тебя при жизни!

ГРАФИНЯ

Да, Гела мнѣ всегда была покорна;
Мнѣ жаль ея.

СЛУЖАНКА (*вбѣгаетъ*).

Ужасно!...

ГРАФИНЯ.

Тише, тише,
Мое дитя! Мнѣ скорбь твоя понятна:
Ты ей была всѣмъ сердцемъ предана.
Но для небесъ она была готова,
И лучше чѣмъ мы всѣ. А потому
Умѣрь свою печаль и позови
Ко мнѣ Альмуту. Ужь довольно горя
Извѣдалъ домъ нашъ. Я прощу ее.
Ступай, зови Альмуту! Не люблю я
Одно и то же повторять. Ступай!

СЛУЖАНКА.

Ужь поздно! Вашей дочери Альмуты
Не возвратитъ никто и самъ Господь!
Она—но тутъ никто не виноватъ—она....

ГРАФИНЯ (*съ крикомъ*).

Но что же съ ней? (*Тихо.*) Несчастье?...

СЛУЖАНКА.

Ахъ! она
Убилась! Да, убилась!... По дорогѣ
Несли на копьяхъ тѣло воеводы,
Она жь тогда стояла у окна.
Узнала ли она его, не знаю;
Но, пристально уставясь на него,
Какъ бы къ нему влекомая, она
Все выдавалась дальше изъ окна,
И прежде чѣмъ успѣли мы въ испугѣ
Воскликнуть „ахъ!“ она исчезла вдругъ,
Внизъ головой упавъ....

ГРАФИНЯ (*вскрикивая*).

О, дочь моя!
Зачѣмъ ты это сдѣлала со мною!

ЭДЗАРДЪ.

Она хотѣла умереть?

СЛУЖАНКА.

Ахъ, нѣтъ!
Несчастная, она сама не знала
Что̀ дѣлаетъ!

ЭДЗАРДЪ.

Любовь ее убила....
Альмута! Энгельманъ! О вашей долѣ,
Пока здѣсь бьются нѣжныя сердца,
Воспоминать всѣ будутъ съ сожалѣньемъ.

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Такъ начатое нами порѣшила
Неумолимо строгая судьба!
Всѣ бѣдствія сколились, и во всемъ....

ГРАФИНЯ.

Не я ли виновата?

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Ты сказала.
Да, то плоды упорства твоего!

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, то плоды того лишь, если дѣти
Возстанутъ противъ материнской воли.

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Ты все стоишь за свой упорный духъ,
Какъ въ битвѣ на-смерть раненый герой
Еще стоитъ при помощи доспѣховъ;
Но.... вѣчно твердый голосъ твой дрожитъ.

ГРАФИНЯ.

Я на своемъ стою....

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Ахъ, Тэда. Тэда!
На трупахъ ты дѣтей своихъ стоишь!...
Не чудо ли свершилось надъ тобою?
Я вижу слезы на твоихъ глазахъ!...
О, не стыдись ихъ, Тэда! Не скрывай,
Что и тебѣ доступна человѣчность!

(*Графиня стоитъ закрывъ лицо.*)

(*Занавѣсъ опускается.*)

Ѳ. МИЛЛЕРЪ.

КОНЕЦЪ.

СЫЩИКИ[1]

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ ИЗЪ БИРОНОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Четвертаго мая 1737 года умеръ въ Данцигѣ послѣдній изъ дома Кетлеровъ, Фердинандъ; Курляндское герцогство осталось вакантнымъ, и при тѣхъ отношеніяхъ въ какихъ находился нашъ дворъ къ Польшѣ, гдѣ царствовалъ посаженный Россіей на престолъ Августъ III, при томъ расположеніи какое показывало теперь курляндское дворянство къ Бирону,—Русская императрица могла съ надеждой на успѣхъ предложить кандидатомъ въ Курляндскіе герцоги своего любимца и оберъ-камергера. Голоса вліятельныхъ лицъ и сеймъ были куплены деньгами; рижскому коменданту Бисмарку, родственнику оберъ-камергера, приказано было двинуть войска къ герцогству. При такихъ сильныхъ аргументахъ въ пользу русскаго кандидата, соперника ему не оказалось. Тринадцатаго іюня набраніе совершилось благополучно и единогласно. Пріѣхавшій съ выборнымъ листомъ въ Петербургъ привезъ эту радостную вѣсть, а двадцать четвертаго іюня, въ день именинъ Бирона, въ освѣщенной блестящею иллюминаціей Митавѣ, палили изъ пушекъ и праздновали дарованіе Богомъ Курляндіи новаго герцога.

Итакъ, русскій оберъ-камергеръ, русскій чиновникъ надѣлъ

[1] См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 10 и 11.

герцогскую мантію, окружилъ себя служителями изъ собственныхъ подданныхъ, своимъ штатомъ чиновниковъ, своими камергерами, камеръ-юнкерами, фрейлинами, и поднялся до высоты недосягаемой. Все склонялось предъ нимъ, все падало ницъ предъ такимъ величіемъ и силой. Трубецкіе, Шаховской, Юсуповъ, Румянцевъ и другіе сановные и титулованные люди спѣшили запастись благоволеніемъ „милостиваго патрона, превосходительнѣйшаго господина и свѣтлѣйшаго герцога," какъ стали титуловать Бирона; кто посылалъ ему хлопцевъ, пѣвчихъ, тенористовъ, кто гайдуковъ громадиѣйшаго роста изъ поповичей или посполитыхъ, подъ стать къ великолѣпнымъ герцогскимъ экипажамъ. кто запорожскихъ коней, кто мальчиковъ бандуристовъ для увеселенія герцогскихъ дѣтей. „Всенижайше и рабственно цѣлую ноги, прославлять высочайшее имя вашей высококняжеской свѣтлости и милость до смерти не престану", писали при этомъ знатные русскіе люди; „вашей высококняжеской свѣтлости дрожайшую герцогскую руку цѣлую и Всемощнаго о неисчисленныхъ лѣтахъ, саможелаемомъ благополучіи и здравіи всей великокняжеской свѣтлости фамиліи молить не престану: и предъ всѣмъ честнымъ прославить имя вашей высокой свѣтлости не умолчу." писали русскіе сановники, а дворъ радовался и гордился такимъ почетомъ. Сама государыня относилась къ Бирону какъ къ принцу крови; иностранные послы ходили къ нему на аудіенціи, какъ къ Елизаветѣ Петровнѣ или принцессѣ Аннѣ; герцогское семейство, оставшееся при Русскомъ дворѣ, считалось нѣкоторымъ образомъ украшеніемъ его, прибавкой къ его блеску.

— Въ цари, слышь, пожаловали! говорили о Биронѣ въ народѣ.

— О! въ цари?

— Природная-то вѣдь одна государыня?

— А то царь Нѣмецкій!

— Нѣмецкій? Ишь ты!

И „Нѣмецкій царь" оказывался страшнѣе и могущественнѣе во сто кратъ государыни природной. Во всѣ концы, во всѣ уголки проникаетъ его нѣмецкое просвѣтительное начало, вооруженное плетью, батогами, смертною казнью и ссылкой, и ничто не проходитъ у него даромъ. Здѣсь пытаютъ и мучатъ въ застѣнкахъ тайной канцеляріи священнослужителей подозрѣваемыхъ въ умышленномъ несовершеніи въ викторіальные дни молебновъ; тамъ ссылаютъ въ Шлюссельбургскую

крѣпость доживавшаго свой вѣкъ на покоѣ, удрученнаго старостію и болѣзнями князя Дмитрія Голицына, за то что онъ „изблевать осмѣлился“ будто „совѣсть подлежитъ до одного суда Божія, а не до человѣческаго“... До всего дѣло, всюду нуженъ глазъ аккуратный, нѣмецкій! Наказываютъ батогами мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ подписывающихъ челобитныя прямо на имя государыни помимо судебныхъ мѣстъ; наблюдаютъ чтобы съѣзжались и разъѣзжались вовремя члены коллегій и судовъ, чтобы просьбы писались чисто и пунктами. И какая дѣятельность! Пріостанавливаютъ академическія изданія за недостаткомъ печатныхъ станковъ для манифестовъ и указовъ, превращаютъ академиковъ въ предсказателей хорошей и дурной погоды, заставляютъ ихъ тащить на плечахъ наградныя деньги, отпущенныя имъ для шутки мѣдью. И съ высока, гордо смотрятъ на все это назначенныя Биромомъ креатуры, его Кейзерлинги и Корфы!...

Дождавшись Осипа Кондратьевича на станціи Солнечная Гора, Миктеровъ съ племянницей и теткой проѣхали до Новгорода, откуда Тишинъ, оставивъ опять всѣхъ, отправился въ Петербургъ для развѣдокъ и приведенія въ исполненіе придуманныхъ имъ соображеній касательно судьбы связаннаго съ нимъ теперь навсегда Миктерова. По этимъ соображеніямъ, Миктеровъ долженъ былъ сказаться русскимъ бѣглецемъ въ Польшу, которымъ, какъ извѣстно, по добровольномъ возвращеніи ихъ въ Россію, обѣщано было всемилостивѣйшимъ манифестомъ не только оставить всѣ вины и причесть ихъ къ прочимъ подданнымъ, но и дать на нѣсколько лѣтъ льготы.

— Пуще всего людямъ себя не кажи, говорилъ онъ Миктерову, прощаясь; а бумагъ спрашивать будутъ, — въ Москвѣ-молъ сгорѣли.

Разразившееся надъ Москвой бѣдствіе пожара посѣтило не одну древнюю столицу, выгорѣлъ до тла Ярославль, начались пожары въ другихъ городахъ, дошла очередь и до Петербурга. Показались наконецъ и признаки поджоговъ. На Адмиралтейской сторонѣ, въ Греческой улицѣ, подлѣ дома цесаревны Елизаветы Петровны, у иноземца купца Линзена, на кровлѣ найдена была смоляная, оклеенная бумагой кубышка, обвязанная мочалкой, и въ кубышкѣ оказалось золотника два пороху. Вслѣдствіе такого открытія велѣно было сдѣлать перепись всѣхъ жителей Петербурга, увеличить караулы на

рогаткахъ, и подозрительныхъ людей не пропускать. Тѣмъ не менѣе скоро случился еще пожаръ, отъ котораго сгорѣли 50 домовъ и церковь; потомъ еще и еще, такъ что сгорѣло наконецъ 800 домовъ, изъ коихъ 30 или 40 самыхъ лучшихъ.

Способы тушить пожары были недостаточны и негодны. Не прибѣгали можетъ-быть къ живымъ гусямъ, которыхъ въ старину опускали въ трубы, если изъ нихъ выкидывало, но и не далеко ушли отъ этого. Приказаніе обывателямъ рыть на дворахъ своихъ колодцы, распоряженіе о запечатываніи печей и о запрещеніи топить ихъ лѣтомъ, объявленіе съ подписками чтобы ни у кого огня въ поварняхъ, а у подлыхъ людей и въ хоромахъ свѣчь позднѣе 9ти часовъ пополудни не было, — производили только ропотъ, а дѣйствительной помощи при тушеніи пожаровъ вовсе не было. Солдаты, напримѣръ, опредѣленные для этой цѣли, должны были предварительно собираться для повѣрки у командировъ и потомъ уже бѣжать на помощь съ топорами, щитами, крючьями и заливными ручными трубами.

Пожары такимъ образомъ продолжались, а между тѣмъ жители, размѣстившись кое-какъ на пустыряхъ подъ открытымъ небомъ, завели на погорѣлыхъ мѣстахъ разбои и драки, вслѣдствіе чего принуждены были разставить вездѣ пикеты. Одна бѣда вызывала другую.

— Все сгоритъ! толковали въ народѣ;—тараканы, слышь, не въ городъ, въ поле ползутъ!

И распространилась паника. По улицамъ учреждены были караулы, высылавшіе безпрестанно патрули. Стали разсуждать что порохъ поджигатели достаютъ отъ солдатъ; въ войскахъ велѣно было сдѣлать внезапный осмотръ патроновъ и освидѣтельствовать количество содержавшагося въ нихъ пороха...

Въ такое-то благословенное для сыщиковъ время явился въ Петербургъ Осипъ Тишинъ. Не теряя времени, онъ сталъ прислушиваться и присматриваться, и подслушавъ гдѣ-то въ палаткѣ за новымъ Морскимъ рынкомъ подходящій къ планамъ его разговоръ, явился теперь съ докладомъ объ немъ въ тайную канцелярію.

— Съ чѣмъ пришелъ? Что объявить имѣешь? Чего явился? а? обратился къ нему Андрей Ивановичъ Ушаковъ, сильно раздраженный неуспѣшностью своихъ поисковъ. — Нашелъ ли поджигателей?

— Поджигателей-то, отвѣчалъ Тишинъ сгорбившись и смотря на генерала подобострастно, — поджигателей не сыскано.... а бѣглеца, если....

— Бѣглеца? Гдѣ бѣглецы?! прервалъ Ушаковъ,—они и есть злодѣи! Давай сюда его, давай!

— Гм! прохрипѣлъ Осипъ Кондратьевичъ, отвернувшись нѣсколько въ сторону и закрывъ ротъ рукой. — Изъ Литвы бѣглецъ-то.... гм! самъ было явиться хотѣлъ.... гм! имени не сказываетъ.... по указу де....

— Слушай ихъ, по указу! Имени вишь не сказываетъ! Розыскать его, злобно кричалъ Ушаковъ.

— Точно; розыскать надлежитъ, послѣшилъ согласиться Тишинъ.—Гм! задержать-то лишь его не осмѣлился.... указъ-отъ преступить... не осмѣлился!...

— Какъ не осмѣлился? А? Поджигателя задержать не осмѣлился? А?

— Смилуйся, государь мой, смилуйся, задрожалъ всѣмъ тѣломъ Осипъ Кондратьевичъ; — самъ явиться хотѣлъ... гм! къ розыску и тогда привести можно будетъ, смилуйся!...

— Теперь къ розыску! загремѣлъ Андрей Ивановичъ громче прежняго. Дожидай ихъ, когда явятся. Теперь къ розыску!

— На службу сюда явиться хотѣлъ.... о поджогахъ вишь самъ провѣдалъ.

— О поджогахъ? о поджогахъ.... ну и о поджогахъ, повторялъ на разные тоны Ушаковъ,—коли знаетъ что, покажетъ на розыскѣ.

— Если знаетъ что, пусть указываетъ,—началъ какъ будто настаивая также и Тишинъ,—коли истинно то сыщется...

— Пусть указываетъ.... пусть указываетъ. Не ко мнѣ бѣглецамъ являться. Мнѣ паче всего давай поджигателей; пусть явится. А не сыщется,—къ розыску!

— И къ розыску, точно, къ розыску! повторялъ Осипъ Кондратьевичъ, между тѣмъ какъ внутри его била лихорадка. И какъ не быть лихорадкѣ! Съ розыску Миктеровъ могъ проговориться и о ревенѣ, и о томъ что Тишинъ зналъ о бывшихъ его сношеніяхъ съ Долгорукими!... Доволенъ или недоволенъ будетъ Миктеровъ ролью которая ему предстояла въ будущемъ, объ этомъ думать теперь было некогда; но какъ бы самому-то не попасть въ передѣлку къ Андрею Ивановичу, вотъ вопросъ? Если о поджигателяхъ провѣдать ему ничего не удастся, придется или каяться во лжи и обманѣ, или

подвести въ самомъ дѣлѣ подъ розыскъ Миктерова. А чѣмъ-то это кончится?

— Эхъ! пропадай моя голова, пропадай! въ какомъ-то отчаяніи твердилъ про себя Тишинъ и прямо изъ тайной канцеляріи летѣлъ на всѣхъ парусахъ къ Морскому рынку, всю надежду свою полагая на вчерашнихъ болтуновъ, которые могли быть для него въ настоящихъ обстоятельствахъ истинными спасителями, но могли также легко и погубить его окончательно.

II.

Все было пусто въ палаткѣ на Морскомъ рынкѣ, когда пришелъ Осипъ Кондратьевичъ. Собравшіеся сюда съ Обжорнаго рынка бурлаки уже поужинали. Прислуга убирала остатки неразобранныхъ щей, калачей, пироговъ, гречневиковъ и ситниковъ. Но на лугу за то, предъ палаткой, густая толпа разнаго званія людей играла въ зерна, и шумомъ и крикомъ своимъ доказывала что закуска была добрая и не безъ вина.

Тишинъ подошелъ къ играющимъ. Вчерашніе знакомые его крестьяне были здѣсь,—оба пьяные и оба разстроенные сильнымъ проигрышемъ.

— Дьяволы! кричалъ и ругался одинъ изъ нихъ:—обобрали, ограбили!

— Мечи знай, мечи! подзадоривала его толпа.

— Ну, послѣдняя пошла! Эй! Водолазъ! обратился онъ къ разговаривавшему въ сторонѣ съ какимъ-то пушкаремъ товарищу.—Послѣдняя!

— Врешь, еще есть.

— Ей Богу послѣдняя! Ну, Зуиха, выручай! Степанида, Степанида Кузминишна, Кузминишна! подплясывалъ и подпѣвалъ на потѣху окружавшей публики распроигравшійся батракъ, ставя противъ метавшаго зерна на чѣтъ, или нѣ четъ свои послѣдніе гроши.

— Экъ его!

— Выручитъ знать Зуиха-то!

— Какъ же?

— Ишь выручитъ!

— Кто такой развеселый? какъ будто ни у кого особенно не

спрашивая, произнесъ сжатый со всѣхъ сторонъ навалившимся народомъ Тишинъ.

— Володька.

— Перфильевъ знать, Муравьевскій, поддержалъ другой.

— Городецкій, а не Муравьевскій, перебилъ первый.

— Муравьевой деревни, Антоньева монастыря, говорятъ.

— Ну и сказалъ бы что монастырскій молъ, а то *Городецкій!*

— Уѣзда Городецкаго, голова!

— Ну да!

— Да такъ.

— Анъ не такъ! заспорили въ толпѣ; но Осипъ Кондратьевичъ отошелъ уже отъ нея прочь и тамъ, въ сторонѣ, не спуская глазъ, внимательно слѣдилъ за другимъ подозрительнымъ для него лицомъ, Водолазомъ, который прогуливался обнявшись съ лушкаремъ. Пріятели остановились наконецъ, и Осипъ Кондратьевичъ видѣлъ какъ Водолазъ, держа на ладонѣ пригоршню денегъ, изъ которой лушкарь бралъ мѣдныя монетки, другою, свободною рукой, спряталъ въ карманъ что-то завернутое въ грязную тряпку и бумагу.

— Гм! коротко откашлянулся только на этотъ разъ Тишинъ, и дѣло было въ шляпѣ.

Узнать теперь гдѣ живутъ пріятели, походить за ними, дождаться ихъ возвращенія домой, помѣститься на другой день рано утромъ на такомъ наблюдательномъ пунктѣ съ котораго можно было бы видѣть когда они совершенно трезвые выйдутъ на улицу, все это уже ничего не стоило.

— Эй! кто тамъ? отворяй! шумѣлъ Осипъ Кондратьевичъ, выждавъ наутро когда новые его знакомцы вышли со двора, и кинувшись къ калиткѣ.

— Володьки нѣтъ? спросилъ онъ точно запыхавшись у показавшейся на стукъ его женщины.

— Ушелъ.

— Эхъ! крякнулъ Осипъ Кондратьевичъ; — ты что ль Степанида?

— Я.

— Зуиха, знать?

— Я.

— Пороху, не вѣдаешь, достали? спросилъ онъ съ озабоченнымъ видомъ, наклонясь къ ней немного на ухо.

Женщина сдѣлала шагъ назадъ, потомъ впередъ, и взглянула на улицу.

— Во-онъ они! сказала она вмѣсто отвѣта, указывая вдаль.

— Гдѣ? это не они. Эхъ! крякнулъ опять Тишинъ, опустивъ голову и стоя какъ бы въ раздумьѣ.—Безъ него сдѣлать ничего не можно, а я принесъ было.... Эхъ, діаволы!

— Чего ты? Есть, шепнула наконецъ недовѣрчивая Зуиха, мотнувъ головой,—вечоръ изъ льна фитиль сдѣлали.

— Есть? обрадовавшись и поднявъ голову переспросилъ Тишинъ.—Куда жь они діаволы пошли? и мнѣ не сказали!

— Въ Большую Морскую, къ Синему мосту, въ кабакъ, отвѣтила Степанида.

— Эхъ! крякнулъ еще послѣдній разъ Осипъ Кондратьевичъ, и, не сказавъ болѣе ни одного слова, скорыми шагами, почти бѣгомъ пустился по направленію къ тайной канцеляріи.

Распоряженія были сдѣланы тотчасъ же, и самыя быстрыя, но не успѣли они однако все-таки предупредить пожара, начавшагося съ того именно кабака у Синяго моста на который указалъ Тишинъ, и истребившаго огромное число строеній.

Солдатка Степанида Зуева, дворцовый крестьянинъ Петръ Петровъ по прозванію Водолазъ и Владиміръ Перфильевъ были схвачены съ воровскими пожитками на самомъ пожарѣ и повинились въ поджогѣ.

Теперь Тишину открывалась возможность еще разъ, и съ надеждой на успѣхъ, напомнить о Миктеровѣ.

— Истинно бѣглецъ-то указалъ, сказалъ онъ Ушакову, когда тотъ сказалъ ему милостивое спасибо:—безъ него виновныхъ не сыскать бы.

— Бѣглецъ указалъ? А? Ну что же? Самъ онъ тѣхъ поджигателей не знаетъ ли, не сообщникъ ли? Розыскать бы его, розыскать! затвердилъ опять Ушаковъ.

— На многихъ они, поджигатели, и невинныхъ, продолжая животъ свой, ложно показывали; однако на бѣглеца того не ссылался, гм! робко замѣтилъ Тишинъ,—а то разыскать....

— Ну?... да.... ну?... произнесъ Ушаковъ, роздумывая, и томительно разстанавливая свои слова, какъ показалось Тишину, на цѣлыя полчаса;—ну? да.... на него не ссылался. Бѣглецу не ко мнѣ бы.... явиться.... по указу вины имъ оставляются!... Пускай явится, вдругъ рѣшительно произнесъ онъ:—на службѣ его попробуемъ.

Того только и хотѣлось Тишину: Миктеровъ становился подъ защиту закона.

Почтовыя сообщенія между Петербургомъ и Москвой хотя въ то время и существовали, но ими не привыкли еще пользоваться частные люди. Обычай почтовыхъ корреспонденцій еще не вошелъ въ нравы. Плата за письма, по деньгѣ съ золотника за каждыя 100 верстъ, была хотя умѣренная, но ямщики жаловались что имъ не выплачивали даже положенныхъ ежегодно за возку почтъ какихъ-нибудь четырехсотъ рублей. Частные люди отправляли письма свои большею частью съ нарочными, а чиновники скрадывали ихъ, кладя въ пакеты вмѣстѣ съ указами. Менѣе чѣмъ кто-нибудь рѣшился бы написать письмо по почтѣ Тишинъ, хотя это было бы и гораздо для него удобнѣе и дешевле, но какъ описать все что̀ нужно было передать Миктерову? Какъ дерзнуть излагать на бумагѣ и письменно о предметахъ касавшихся тайной канцеляріи?

Онъ отправился въ Новгородъ самъ, въ тотъ именно день когда на погорѣломъ мѣстѣ, на Большой Морской, у Синяго моста, совершалось нѣчто ужаснѣе всякаго пожара.

При огромномъ стеченіи народа отсѣкали голову солдаткѣ Зуевой, а на двухъ деревянныхъ, намазанныхъ смолой кострахъ, сжигали привязанныхъ цѣпями къ столбамъ Водолаза и Перфильева.

III.

Сгоряча Миктеровъ не могъ вполнѣ сознать положенія въ какое поставила его судьба. Поспѣшные сборы, переѣздъ, новый городъ, новая жизнь въ одномъ домѣ съ Машей и теткой, валившій изъ Москвы толпами народъ, — все это развлекало его и долго не давало ему времени опомниться. Но вотъ наконецъ все успокоилось, установилось, и отдохнувшая голова получила снова способность разсуждать.

Какое бы ни было у человѣка прошлое, всегда сумѣетъ онъ найти въ немъ что-нибудь такое надъ чѣмъ можно остановиться съ любовью, призадуматься, о чемъ можно, пожалуй, пожалѣть, особенно если настоящее неудовлетворительно.

Очнувшись, Миктеровъ вспоминалъ чѣмъ онъ былъ прежде и представлялъ себѣ что̀ сталось съ нимъ теперь. Какъ разорившемуся баричу, невольно стала являться предъ нимъ вся прежняя обстановка его жизни: и богатыя хоромы и роскошь. А нынѣ и бѣдность, и темнота, глубокая темнота. Какъ ни старался онъ забыть все что̀ возвратиться уже не могло, какъ ни твердилъ себѣ что *не до жиру* ужь теперь, *а быть бы живу*, но удержаться отъ сравненія настоящаго съ прошедшимъ все-таки не могъ. Чувство его къ Машѣ даже стало принимать совершенно другой характеръ вслѣдствіе этихъ неотвязно возвращавшихся сравненій настоящаго съ прошлымъ.

— Прежде воленъ я былъ и знакомство съ нею вести и жизнь свою проводить какъ вздумается, а нынѣ продолжать все сіе по нуждѣ приходится, думалъ онъ.

— Да и что̀ же было такого особеннаго въ Машѣ? И по красотѣ-то до княжны моей далеко ей, а ужь разговору и вовсе нѣтъ! Нищета, голь, да грязь одна! А отецъ-то, Осипъ этотъ Кондратьевичъ!... неужто къ нему и впрямь въ зятья поступать!...

Нарядится Маша въ шубку свою новую, распуститъ лентой перевитыя косы, а Миктеровъ точно ничего этого и не замѣчаетъ, точно и не онъ сто разъ прежде говаривалъ что кось такихъ, да глазъ, да взгляду Машинова искать не сыщешь. Подойдетъ къ нему Маша побесѣдовать, распрашивать станетъ отчего онъ такъ печаленъ, да не веселъ,—а онъ только помалчиваетъ или, чтобы мысли свои сокрыть, на судьбу свою злосчастную начнетъ жаловаться.

— Угождать тебѣ нынѣ трудно стало; все не такъ, да не въ пору сдѣлаешь, ворчитъ бывало тетка, услуживая Миктерову, а онъ смотритъ на нее и говоритъ-то съ ней даже нехотя.

Въ такомъ положеніи засталъ семью свою Тишинъ, явившись въ Новгородъ съ вѣстью о найденномъ имъ спасеніи для своего, какъ онъ называлъ, злодѣя, и съ полною надеждой стать наконецъ вмѣстѣ съ нимъ на законную почву.

Но идти на службу въ сыщики, являться въ тайную канцелярію?.... Да вѣдь отъ одного названія этой службы и мѣста можно съума сойти. Лучше казнь, лучше извести себя! Волосы становились у Миктерова дыбомъ, когда онъ слушалъ

подробнѣйшій разказъ Осипа Кондратьевича о его разговорѣ съ Ушаковымъ, о всѣхъ ухищреніяхъ и опасностяхъ чрезъ которыя проходилъ онъ, и невозможнымъ, невѣроятнымъ казалось ему согласиться на предложеніе Тишина.

— Что онъ? такимъ же плутомъ, какъ самъ есть, меня почитаетъ? думалъ Миктеровъ.

— Что же онъ, гибели моей желаетъ, или себя погубить хочетъ? думалъ въ отчаяніи Тишинъ.

Чѣмъ болѣе Осипъ Кондратьевичъ, напрягая все свое искусство, старался изобразить Миктерову въ самыхъ черныхъ, или скорѣе, кровавыхъ краскахъ весь ужасъ ожидающій его, если не послѣдуетъ онъ по той дорогѣ которая ему такъ де счастливо открывалась, чѣмъ болѣе Миктеровъ изощрялъ свое краснорѣчіе чтобы выразить всю мерзость дѣлаемаго ему предложенія, заставляя краснѣть самого Тишина, не привыкшаго слышать тѣ продерзостныя слова которыя осмѣливался произносить Миктеровъ. Что же было наконецъ дѣлать? Ведя до сихъ поръ всѣ переговоры въ тайнѣ отъ женщинъ, Осипъ Кондратьевичъ рѣшился противъ своего разсудка, характера и привычки, разказать обо всемъ своимъ домашнимъ, думая склонить Миктерова хоть просьбами Маши; но вышло еще хуже. Пошли разговоры вслухъ и цѣлыми днями о самыхъ секретнѣйшихъ предметахъ, разговоры такіе, что Осипу Кондратьевичу и слушать было даже страшно; онъ махалъ только руками, жалобно смотря на всѣхъ, упрашивалъ не кричать или говорить тише, затворялъ двери, оглядывался, дежурилъ у окна; а дѣло не подвигалось ни на шагъ.

— Всѣхъ васъ я брошу, себя не пожалѣю, сказалъ наконецъ разъ Осипъ Кондратьевичъ дочери.—Со мной за прежнюю службу мою, статься-можетъ, милостивѣе будутъ, вамъ же казни не миновать.

Маша испугалась. Отецъ плакалъ; говорилъ что на старости лѣтъ ему въ застѣнокъ идти приходится, что онъ терпитъ не за себя, а за дочь, что онъ ее кормилъ и выростилъ, что она сама отъ своего счастія бѣжитъ.

А Миктерова, что называется, ломало. Съ одной стороны, застѣнокъ, пытки, розыскъ заставляли его дрожать всѣмъ тѣломъ, и онъ съ омерзеніемъ гналъ изъ головы ужасныя картины. Съ другой стороны, разсуждая хладнокровно, нельзя было не согласиться съ Осипомъ Кондратьевичемъ что

представлявшійся случай былъ единственный для того чтобы стать подъ защиту закона. Если,—приходило наконецъ ему и это въ голову, — если Тишинъ отъ меня отступится, одному мнѣ жить опаснѣе прежняго будетъ, а сыщикомъ быть въ моей волѣ: хочу—буду, хочу и нѣтъ; на службѣ только считаться надо. Тишину, казалось ему еще, по силамъ его и дѣла изъ тайной канцеляріи повѣряютъ; а мнѣ, надежда есть, и опричь татиныхъ и разбойныхъ дѣлъ повѣрить можно будетъ; а тогда пользу великую не только для себя, а и для всѣхъ друзей своихъ и для отечествія ожидать можно.

Эхъ! ломало Миктерова, и въ тайной канцеляріи являться худо, да и здѣсь у какого дѣла я состою, и то не лучше. Ну! махалъ онъ наконецъ руками, — была не была! Знать судьбѣ своей конецъ хоть какой-нибудь, а положить надо; положу я ей конецъ, положу! И рѣшился.

IV.

Пушечный сигналъ только что возвѣстилъ о восходѣ солнца, то-есть о времени прихода и отпуска купеческихъ кораблей, когда путешественники наши въѣхали въ Петербургскую заставу.

При самомъ въѣздѣ въ городъ, Миктеровъ принужденъ былъ заткнуть носъ отъ тяжелаго залаха мертвечины, распространявшагося изъ мелко-вырытыхъ, неутолтанныхъ могилъ, отъ сора и нечистотъ, которые валили въ рѣку Мью. На Адмиралтейской, у самой Исакіевской церкви, стояли ветхія, деревянныя прядильня и смольня; отвсюду выказывалась некрасивая картина разрушенныхъ домовъ и пустыя пространства погорѣлыхъ мѣстъ. На мостовой стояли осенняя грязь и лужи. Пьяные ходили по улицамъ и, схватясь рука въ руку, громко затягивали пѣсни, буянили, хотя у рогатокъ и объявленъ былъ приказъ „таковыхъ останавливать и приводить въ полицію.“ На Невскомъ мосту путешественники должны были остановиться. Народу столпилась куча. По ранему часу дня, хотя большихъ экипажей было не много, да и вообще-то въ каретахъ и бывшихъ тогда въ модѣ англійскихъ половинчатыхъ коляскахъ, ѣздили въ то время немногіе, развѣ знатнѣйшіе люди; но пошлину за мостъ приходилось платить всякому, и дожидаясь очереди, народъ кишилъ. Мостов-

щики бѣгали и сновали отъ парныхъ экипажей къ одиночкамъ, отъ телѣгъ къ верховымъ; брали и съ конныхъ, и съ пѣшихъ, съ мущинъ и женщинъ, со всякаго чина и званія людей; только персоны въ каретахъ сидѣли, не трогаясь съ мѣста, да мѣрно выступали и съ нѣкоторою гордостію проходили мимо солдаты и драгуны съ ружьями. Этихъ не смѣли трогать мостовщики. Заплативъ 3 копѣйки пошлины, проѣхали наконецъ и Миктеровъ съ Тишинымъ. День былъ воскресный. Праздного народа таталось по улицамъ много. На всѣхъ перекресткахъ, заскакивая одинъ предъ другимъ, кричали и чуть не сбивали съ ногъ идущихъ въ церковь продавцы церковныхъ свѣчъ, которыми тогда барышничали, покупая ихъ въ лавкахъ по низшей цѣнѣ и продавая по высокой. Всѣ куда-то спѣшили, суетились. Миктеровъ посматривалъ направо и налѣво, пока наконецъ не подъѣхали къ тому одноэтажному деревянному домишку который былъ нанятъ Тишинымъ еще до его поѣздки въ Новгородъ и гдѣ не было возможности помѣститься Миктерову, какъ онъ самъ увидалъ теперь.

Осипъ Кондратьевичъ взялся отвести его на переполненный погорѣльцами постоялый дворъ, съ тѣмъ чтобы на другой день проводить его въ тайную канцелярію и собственными глазами убѣдиться что Миктеровъ тамъ былъ и что разыгрался наконецъ задуманный планъ.

Миктеровъ казался довольно бодрымъ и даже веселымъ, когда на другой день отправился съ Осипомъ Кондратьевичемъ. Воображеніе не могло нарисовать ему того чего онъ никогда не видалъ, а развлеченій на незнакомыхъ улицахъ было столько что они мѣшали ему задумываться надъ предстоящимъ визитомъ. Тамъ проѣхала съ красивой упряжью карета, тутъ савояръ показываетъ ученаго сурка, у дверей губернаторскаго дома, смѣняется караулъ: „мушкетъ подвысь, справа и слѣва стулай въ шеренги!“ Миктеровъ прислушивается къ знакомой командѣ, а идущій рядомъ Тишинъ торопитъ его, повторяетъ ему вслухъ урокъ свой, боясь чтобы не сбиться какъ предъ Андрей Ивановичемъ. Но вотъ наконецъ и двери тайной канцеляріи.

— Сюда? остановился Миктеровъ въ недоумѣніи, глядя на возъ съ капустой, которую выгружали и уносили въ ту самую

дверь на которую указывалъ ему головой Осипъ Кондратьевичъ.

— Это для пытанныхъ, пытаннымъ прикладываютъ, любезно разсѣялъ недоумѣніе Миктерова Тишинъ, и, замѣтивъ какое-то судорожное движеніе въ его лицѣ, первый переступилъ порогъ, какъ бы желая тѣмъ показать что страшнаго пока нѣтъ тутъ ничего.

Комната въ которую они вошли не представляла дѣйствительно ничего страшнаго. На столѣ у окна стояло нѣсколько приготовленныхъ и въ ранжиръ выстроенныхъ подсвѣчниковъ со вставленными въ нихъ сальными и восковыми свѣчами; лежали мѣдныя щипцы; въ углу старый солдатъ, присѣвъ на корточки, дергалъ перья изъ лебяжьихъ и гусиныхъ крыльевъ; на стѣнѣ висѣли нитки и нѣсколько шапокъ. Дверь въ сосѣднюю комнату была отворена. Посреди ея, на столѣ покрытомъ краснымъ сукномъ, стояли жестяная черницьница и песочница, лежалъ красный сургучъ, разложена была уставная и полууставная бумага. Кругомъ стола стояли табуреты и стулья; на самомъ концѣ его, кто-то согнувшись, скрипѣлъ перомъ.

Тишинъ поманилъ къ себѣ поднявшаго голову писца, переговорилъ съ нимъ о чемъ-то шепотомъ и обратившись къ Миктерову, молча повелъ его, взявъ за руку, дальше.

Они очутились въ какомъ-то темномъ проходѣ; имъ не было даже видно другъ друга.

— Здѣсь подождемъ, молчи,—прошепталъ въ самое ухо Миктерову Осипъ Кондратьевичъ.

Окружающій мракъ, томительное ожиданіе, необходимость стоять молча, не высказывая тѣхъ мыслей которыя тѣснились въ головѣ, все это съ каждою минутой возбуждало воображеніе Миктерова. Ему стало казаться что здѣсь, въ этой узкой тюрьмѣ безъ дневнаго свѣта, суждено имъ простоять до конца жизни. Переступая съ ноги на ногу, онъ чувствовалъ какъ тянулъ его къ себѣ за полу кафтана Тишинъ, боявшійся чтобъ онъ не вздумалъ дать тягу. Ему чудились наконецъ какіе-то звуки.

— Да.... точно.... это скрипъ и трескъ какого-то неподмазаннаго бревна! А это что?... человѣческій крикъ, жалобы, стоны.... о ужасъ, ужасъ!

Сердце у Миктерова сжималось. Еще немного, онъ рванется и убѣжитъ изъ этого проклятаго мѣста. Все яснѣе и яснѣе

рисуетъ ему возбужденное воображеніе страшныя картины мученій, пытокъ, истязаній!

Вотъ дыба, ялы, зубчатыя колеса, топоры! Вотъ ломаютъ кому-то руки и ноги бревномъ, на концы котораго становятся по два человѣка. Вотъ подымаютъ другаго веревками на кольца, вбитыя въ потолокъ, даютъ стряски, растягиваютъ члены, вывертываютъ лопатки, гладятъ по спинѣ горячимъ желѣзомъ, колятъ подъ ногти разожженными иглами, бьютъ кнутомъ, батогами, палками, кошками, плетью!... Истерзанные члены, кровь!... О, силъ нѣтъ!... Бѣжать, бѣжать отсюда... Все это вѣдь не воображеніе: все это дѣлается здѣсь,—можетъ-быть тутъ же за стѣной, можетъ-быть въ самую эту минуту!

— Слышь? кричитъ, кричитъ кто-то! воскликнулъ наконецъ Миктеровъ, переставая владѣть собою.

— Тсъ!... Онъ! шепнулъ въ то же время Тишинъ, зажимая ему ротъ.

Гдѣ-то хлопнула дверь и лучъ свѣта упалъ на Осипа Кондратьевича.

— Пойдемъ! сказалъ онъ теперь громче прежняго, быстро двинувшись впередъ.

Ему хотѣлось предстать предъ Ушаковымъ въ тотъ именно моментъ когда послѣдній, выйдя изъ пыточной комнаты, озабоченный, будетъ возвращаться въ канцелярію и можетъ-быть не обратитъ на Миктерова того опаснаго вниманія которое онъ обратилъ бы въ другой разъ.

Рослый, плечистый Ушаковъ, только что переступилъ порогъ комнаты которая предшествовала канцеляріи, когда предъ нимъ, какъ изъ земли, предстали Тишинъ и Миктеровъ.

— Откуда? спросилъ, сурово взглянувъ на нихъ, нѣсколько удивленный Андрей Ивановичъ, сдвинувъ брови.

— Съ того выхода. Гм!... прохрипѣлъ Тишинъ.

— Ну? нетерпѣливо сказалъ Ушаковъ, находясь, повидимому, не въ хорошемъ расположеніи духа и тряся въ рукахъ какіе-то сгибающіеся, крупными буквами исписанные листы бумаги.

— Явиться.... изъ Литвы. Гм!... бѣглецъ!... проговорилъ робко Тишинъ, незамѣтно толкая въ ногу Миктерова.

— Ну? повторилъ опять Ушаковъ, обратившись къ Миктерову.

Но Миктеровъ ничего не чувствовалъ и ничего не слыхалъ

изъ того что происходило вокругъ. Полный еще тѣхъ картинъ которыя такъ вѣрно рисовало ему воображеніе, онъ стоялъ объятый ужасомъ и не могъ оторвать глазъ своихъ отъ тѣхъ листовъ „лыточныхъ рѣчей“ которые держалъ предъ нимъ Андрей Ивановичъ и въ которыхъ онъ усмотрѣлъ дрожащій почеркъ чей-то, вѣроятно исковерканной руки.

— Ну? громко крикнулъ Ушаковъ, опустивъ листы бумаги и заставивъ движеніемъ этимъ опомниться Миктерова.

— Поджигатели.... мною.... сысканы!... Явиться мнѣ на службу.... началъ было онъ ровнымъ голосомъ, какъ заданный урокъ и тупо смотря на Ушакова.

— О! нетерпѣливо прервалъ его Андрей Ивановичъ, какъ бы вспомнивъ въ чемъ дѣло.—Не до поджигателей нынѣ!... не время мнѣ! Да чай и не здѣсь являться: не знаешь что ли? Не время, прибавилъ онъ отвернувшись.

— Показываетъ! вмѣшался вдругъ тоненькимъ голосомъ вбѣжавшій откуда-то подъячій,—показываетъ!

— А-а-а! Показываетъ! протянулъ съ сіяющимъ лицомъ Ушаковъ.—Снять его съ дыбы! Эй! обратился онъ къ одному изъ служителей.—Эй! Закуску мнѣ, слышь? туда!

И обернувшись на каблукахъ, Андрей Ивановичъ направился скорыми шагами опять въ лыточную комнату, а черезъ нѣсколько минутъ, мимо оставшихся въ недоумѣніи Тишина и Миктерова, пронесли на двухъ подносахъ водку, ветчину, разныя колченья и всякую закуску.

На какомъ положеніи долженъ былъ считать себя Миктеровъ? Признанъ или непризнанъ онъ за Русскаго бѣжавшаго въ Литву? Поступилъ онъ на службу или нѣтъ? Можетъ или не можетъ онъ наконецъ смотрѣть всѣмъ прямо въ глаза, не боясь того что у него не было ни вида, ни имени? Въ правѣ ли онъ сказать всякому, кто захотѣлъ бы его попугать, что онъ и самъ въ тайной канцеляріи являлся, по доброй волѣ, къ Ушакову, видѣлъ его, съ нимъ разговаривалъ? Тишинъ находилъ съ своей стороны все дѣло никуда негоднымъ, нечистымъ и опаснымъ. Душевное спокойствіе сыщика могло возвратиться тогда лишь когда нарушитель этого спокойствія или погибъ бы какимъ-нибудь не зависящимъ отъ него, сыщика, способомъ, или вошелъ бы всецѣло въ сословіе шліоновъ,—когда сравнился бы съ нимъ, Тишинымъ. Но этого не было. Что касается Миктерова, то его, и тайная канцелярія, и Ушаковъ, и вся видѣнная имъ обстановка, — точно

пришибли. Съ одной стороны, при всей силѣ того возбудительнаго чувства честолюбія которое руководствовало имъ во всю его жизнь, ему казалось невозможнымъ принятое имъ рѣшеніе: только съ горяча, или правильнѣе, не имѣл понятія о дѣлѣ какъ оно есть, могъ онъ послушаться Осипа Кондратьевича. Но съ другой стороны, пріемъ который получилъ онъ даже и въ тайной канцеляріи, эта недоступность для него даже и такой должности какова должность сыщика, показали ему ясно на какой низкой ступени онъ стоялъ. Что не къ Ушакову слѣдовало являться бѣлымъ изъ Польши, объ этомъ узналъ онъ только теперь отъ него самого, — но къ кому же тутъ еще являться, когда и въ доносчики, въ сыщики, оказывался онъ недостойнымъ?.. Чувство какого-то леденящаго одиночества при этой мысли еще болѣе душило его. Маша представлялась ему соломенкой за которую хоть можно было ухватиться; Осипъ Кондратьевичъ являлся какой-то силой, которая, изъ какого бы она ни была источника, могла все-таки его поддержать.

V.

Надо было любить на столько на сколько любила Маша чтобы не замѣтить перемѣны происшедшей за послѣднее время въ Миктеровѣ.

Видаясь съ нимъ каждый день (такъ какъ ко всѣмъ несчастіямъ Миктерова присоединилось еще и то что онъ, по недостатку денегъ, долженъ былъ ходить обѣдать къ Типпинымъ ежедневно), Маша перестала даже справляться съ тѣмъ: о чемъ задумывается и отчего печаленъ ея милый. Пріученная имъ съ самаго начала къ обхожденію неровному, она довольствовалась и рѣдкою, падавшею на ея долю лаской. Случалось, поплачетъ тайкомъ, а потомъ и опять ничего. Правда, съ прибытія въ Петербургъ, она не могла не замѣтить что̀ Ванюша ея совсѣмъ какъ не свой: но что̀ же дѣлать ей? Онъ ничего не говоритъ, а она спросить не смѣетъ.

И точно Миктеровъ сталъ совсѣмъ какъ не свой послѣ посѣщенія тайной канцеляріи. Цѣлые дни бродилъ онъ по улицамъ незнакомаго города, таскался на рынкахъ, зѣвалъ на проходящихъ и проѣзжающихъ; каждымъ кускомъ хлѣба Типпинскаго онъ давился, и конца не было тѣмъ мыслямъ которыя лѣзли ему въ голову. Хотѣлъ бы онъ хоть въ солдаты

пропасть, въ матросы что ли. А то вдругъ являлось желаніе бѣжать изъ Россіи вонъ, отыскать какъ-нибудь у нищей старухи въ Москвѣ можетъ-быть еще уцѣлѣвшія Долгоруковскіе ложитки, захватить ихъ, да куда-нибудь.....

А Осипъ Кондратьевичъ твердилъ между тѣмъ ежедневно и непрестанно:

— Явись, явись еще разъ. И Машѣ безъ того съ тобою жить не можно, да и насъ ты всѣхъ погубишь. Явись пока время есть. Служу же я до старости лѣтъ: или лучше ты себя чѣмъ мы показываешь?

Разъ, — дѣло было на Святкахъ,—Миктеровъ спѣшилъ изъ дому къ Тишинымъ обѣдать, когда, на Пушкарской улицѣ вдругъ изъ переулка ринулась прямо на встрѣчу ему лихая пара въ саняхъ. Неся высоко дышло, путаясь въ возжахъ, безъ сѣдока и съ однимъ кучеромъ бѣшеные кони, которыхъ не могъ сдержать послѣдній закостенѣлыми отъ холода руками, мчались во весь опоръ и вдругъ остановились.... Что-то перевернулось; поднялся столбъ снѣга, а потомъ все заслонила толпа сбѣжавшагося народа....

Миктеровъ прибавилъ шагу и продравшись сквозь толпу увидѣлъ большіе сани въ которыхъ лежалъ молодой человѣкъ, блѣдный, со страдальческимъ выраженіемъ лица и съ опущенною внизъ головой, а возлѣ горячился и кричалъ военный господинъ. Это былъ, какъ оказалось, самъ генералъ-фельдмаршалъ Минихъ; на его сани налетѣла встрѣтившаяся Миктерову пара и смяла стоявшаго на запяткахъ его адъютанта.

— Зачѣмъ назадъ? зачѣмъ назадъ! кричалъ Минихъ на бросившихся было ловить ускакавшую пару и возвращающихся теперь людей. — За ними впередъ! Иль указа государыни не вѣдаете? Ловите! скоты, плуты! Воспрещено! штрафъ, штрафъ! Кошками нещадно васъ! кричалъ онъ, топая ногами.

Но люди, почтительно снявшіе шапки, разводили руками въ знакъ невозможности исполнить приказаніе Миниха и объявленнаго недавно съ барабаннымъ боемъ государева указа „о поимкѣ тѣхъ кто скоро на лошадяхъ бѣгаетъ,“ — одинъ по одному заходили кругомъ въ задніе ряды, мѣшаясь съ толпой и скрываясь отъ строгихъ взглядовъ фельдмаршала.

— Сыщется, сыщется! грозился Минихъ. — Я васъ, я васъ погоди!

И видя что распоряжаться людьми не одѣтыми въ мунди-

ры не такъ легко какъ солдатами, онъ обратился къ санямъ гдѣ лежалъ адъютантъ.

— До смерти, до смерти! Несите его, ну! снова зашумѣлъ фельдмаршалъ.—Вотъ бѣгуны! Вотъ къ чему привело! Конный заводъ, Волынскій! Этого нельзя, нельзя!... Эй! Чьи кони? Кто наѣхалъ? Сказывайте, бестіи, ну? попытался-было онъ еще спросить, наступая и строго глядя на толпу.

Но никто не отвѣчалъ ни слова. Всѣ попятились, будто не желая быть ни свидѣтелями, ни докащиками.

Минихъ наконецъ успокоился. Онъ распорядился чтобъ адъютанта отнесли на квартиру, сѣлъ въ сани и уѣхалъ.

Долго смотрѣлъ народъ ему вслѣдъ, долго молчалъ. Но вотъ экипажъ его скрылся изъ глазъ, и всѣ оживились.

— Нàра-то знать Еропкинская, замѣтилъ кто-то.

— Ой ли?

— Еропкинская, точно. Вотъ, что̀ въ слободѣ у Невскаго монастыря живетъ, монастырь строитъ.

— Ишь ты!

— А горячій! сказалъ какой-то молодецъ про Миниха:—старый, а горячъ!

— Въ побывку знать сюда прибылъ, съ похода.

— Ишь они всѣхъ россійскихъ дѣлъ управители стали. У Нѣмцевъ, слышно, и мясниковъ немного осталось, всѣ въ офицерахъ, бойко замѣтилъ одинъ парень.

— Ха-ха-ха! раздалось въ толпѣ.

— Купецъ одинъ изъ тамошнихъ намедни сказывалъ: у васъ де бывшихъ при мнѣ аптекарей и разночинцевъ больше дюжины въ офицерахъ нынѣ служатъ,—аль у васъ де россійскихъ дворянъ не стало?

— Ха-ха-ха! опять захохотала толпа.

— Русскимъ только кому голову отсѣчь, а кого въ ссылку сослать. Съ походу-то, солдаты ворочаются только слава что человѣки: лошадиное мясо ѣли, по трои сутки, сказываютъ, чистой воды не видали.

— У Русскій не можности нѣту-ти! Русскій такъ надо! Ага-га-га, батюжга, батюжга! коверкалъ кто-то по-нѣмецки.

Толпа залилась смѣхомъ.

Странное, необыкновенно странное впечатлѣніе произвели на Миктерова и эти разговоры, и все происшествіе. И Минихъ, и какія-то новыя лица которыхъ тутъ называли, а глав-

ное-та свобода съ которою выражали свои мнѣнія простые люди о томъ и о семъ, все поражало и смущало его.

— Не страшно знать имъ, думалъ онъ. Въ толпѣ говоришь, въ толпѣ и скроешься. Толпа своего не похочетъ выдать,—не выдастъ. Съ толпой сладить не можно,—сила!

И подъ такимъ впечатлѣніемъ прійдя къ Тишинымъ, онъ разказалъ за обѣдомъ обо всемъ подробно, и въ лицахъ.

Разказъ всѣмъ понравился. Смѣялись много Маша и тетка тому какъ передразнивали Русскіе Нѣмцевъ. Осипъ Кондратьевичъ, чтобы лучше слышать, рѣже обыкновеннаго хрипѣлъ и откашливался. А самъ Миктеровъ интересовался и разспрашивалъ у него о Волынскомъ, Еропкинѣ и другихъ, имена которыхъ слышалъ онъ въ толпѣ.

Между тѣмъ, Минихъ съ самаго мѣста происшествія отправился во дворецъ и, не заставъ герцога, повернулъ къ манежу. Здѣсь обыкновенно проводилъ бо́льшую часть утра Бирон, обходя конюшни и лаская любимыхъ своихъ лошадей. На этотъ разъ уговорилъ онъ пріѣхать сюда въ видѣ развлеченія, императрицу, огорченную болѣзнью своего любимца, младшаго сына Биронова, Карла.

— Что̀ ты, Минихъ? спросила государыня, увидавъ вошедшаго фельдмаршала и приказавъ остановиться двумъ конюхамъ, державшимъ за поводья лошадь на которой училась она сидѣть бокомъ, по-дамски.—Что̀ ты, зачѣмъ?

Минихъ горячо разказалъ о случившемся съ нимъ происшествіи, описывая мѣстность, подробности, а главное, примѣты наѣхавшихъ на него неизвѣстныхъ лошадей и страшный видъ разбитаго будто бы до смерти и отнесеннаго на рукахъ домой адъютанта.

— Ай, ай, ай! Ай, ай, ай! замахала вдругъ головой государыня.—Опять! Давно ли ребенка задавили! Герцога, герцога позвать!

И вся въ слезахъ, она сошла съ лошади и уѣхала во дворецъ.

Въ то же́ время, пробравшійся въ тайную канцелярію Тишинъ докладывалъ Андрею Ивановичу о нѣкоторыхъ, при случаѣ съ фельдмаршаломъ, непристойныхъ словахъ произнесенныхъ неизвѣстными людьми въ народѣ и, смотря въ лицо внимательно слушавшему Ушакову, думалъ про Миктерова: Самъ не хочешь явиться, силой вовлеченъ будешь. До спроса дѣло коснется—назову.

VI.

Во флигелѣ Зимняго дворца, въ комедіантскомъ домѣ, то-есть въ овальномъ деревянномъ зданіи съ двумя ярусами ложъ, отдѣланныхъ красивыми рисунками и богатою рѣзьбой, назначены были: опера *Абіазаче* и комедія *Напасти Панталоновы*.

Хотя къ зрѣлищамъ подобнаго рода Русскіе еще несовсѣмъ привыкли, тѣмъ не менѣе выписанные изъ Италіи и другихъ странъ музыканты, танцмейстеры, комедіанты и интермедіанты, всего человѣкъ тридцать, разыгрывали и *Семирамиду*, и *Перелазы черезъ заборъ*, и *Переодѣвки арлекиновы*, и правительство съ удовольствіемъ платило тысячъ двадцать слишкомъ на жалованье персоналу изъ иностранцевъ, а единственный литературный органъ тогдашняго времени, *Академическія Вѣдомости*, изо всѣхъ силъ старался убѣдить въ томъ что комедіи „къ умѣренности и воздержанію страстей способны“.

Своихъ доморощенныхъ артистовъ пока еще не отыскивалось. Учрежденная въ Малороссіи майоромъ Шиловымъ небольшая школа, въ которую набирали самые лучшіе голоса со всей Россіи для обученія кіевскому партесному пѣнію, а также струнной музыкѣ, „на скрипицѣ, гусляхъ и бандорѣ“, доставила только десять учениковъ, изъ которыхъ разумѣется нельзя было сформировать оперы.

Государыня особенно любила комедіи нѣмецкія и италіянскія, и теперь, сидя въ свѣтлой залѣ, окруженная своимъ блестящимъ дворомъ, вполнѣ наслаждалась представленіемъ.

Спектакль былъ особенно удаченъ, а къ концу его, когда въ послѣдней сценѣ явились наконецъ предъ публикой всѣ актеры съ палками въ рукахъ, и развязку комедіи разыграли громкими и усердными палочными ударами, общій хохотъ покрылъ ихъ голоса.

— Знатно! Bravo! bravo! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— А ты что жь? обратилась въ то же время еще съ улыбкой на лицѣ государыня къ только-что вошедшему Ушакову.— Вотъ, запоздалъ и не видалъ!

— Дѣла, ваше величество, дѣла позадержали.

— Ну что дѣла твои, что за дѣла! какія? насмѣшливо спро-

сила государыня, милостиво улыбаясь и ища глазами какого-нибудь другаго собесѣдника, повеселѣе Андрея Ивановича.

— И подлинно, что̀ за дѣла мои, матушка! какія! смѣялся Ушаковъ, не безъ горечи отходя въ сторону и уступая мѣсто придворнымъ. — Что̀ за дѣла мои, какія! повторялъ Андрей Ивановичъ, отыскивая между зрителями герцога, который конечно одинъ только могъ бы понять важность его дѣлъ и выслушалъ бы его вездѣ, хотя бъ и здѣсь, среди смѣха и веселья.

Но герцогъ также находился близь императрицы; тревожить его было неумѣстно. Что̀ дѣлать! Заработался Андрей Ивановичъ, запоздалъ.

— Ну завтра, разсуждалъ онъ, — все едино, завтра доложу.

А на другой день вышла опять неудача!

На другой день пріемная Бирона была полна разными дожидавшимися его выхода чинами. Всѣ стояли съ почтеніемъ, на вытяжкѣ. Не было ни шуму, ни разговоровъ. Изъ отдаленной галлереи слышались только глухіе винтовочные выстрѣлы, радостные взрывы хохота и восклицаній, да герцогскія дѣти, вбѣгая то и дѣло, и снова исчезая изъ пріемной, развлекали присутствующихъ.

Возвратившійся отъ государыни, герцогъ еще не выходилъ; шагая по роскошному своему кабинету, онъ сердился и гнѣвался. Пуще всего раздражительно дѣйствовали на него эти, долетавшіе до слуха его, выстрѣлы. Какъ же! Онъ сейчасъ только говорилъ государынѣ что ему надо бы съѣздить въ Варшаву для торжественнаго полученія отъ короля Польскаго Курляндскаго лена, — и что̀ же! Она чуть не расплакалась!... Приходится отказаться отъ своего намѣренія и послать въ Варшаву кого-нибудь вмѣсто себя.

— А ей ничего! Упражняется себѣ въ стрѣльбѣ, какъ ни въ чемъ не бывало! думалъ Биронъ и продолжалъ шагать по своей комнатѣ.

А придворные и другіе чины между тѣмъ все дожидались, стояли, скучали. Одинъ изъ нихъ, какой-то, вздумавъ было полюбезничать съ однимъ изъ маленькихъ Бироновъ, подкинулъ его кверху, и подхвативъ поставилъ на мѣсто.

— O! lassen Sie! шепнулъ ему выглянувшій изъ-за двери maitre d'hôtel герцога, Киршъ.—Lassen Sie! Ungezogene, verzärtelne Kinder! говорилъ Киршъ, махая рукой. — Недавно

еще, продолжалъ онъ по-нѣмецки, взяли они изъ буфета вино, пачкали имъ всѣхъ, обливали, смѣялись, ну что̀ это?

— O, sind doch Kinder! улыбался придворный, снисходительно извиняя невинныя забавы дѣтокъ высокой особы: sind doch Kinder, und so hübsch, so schön! говорилъ онъ нѣжно, на распѣвъ.

Похвалы любезнаго придворнаго еще продолжались, когда мальчикъ о которомъ шла рѣчь, запасшись линейкой, подкрался и съ розмаха хватилъ ею по икрамъ любезника плотно обтянутымъ чулками; тотъ подпрыгнулъ, вскрикнувъ отъ боли, а мальчикъ съ хохотомъ убѣжалъ.

Въ эту минуту отворялась дверь герцогскаго кабинета, и вышедшій камеръ-юнкеръ объявилъ что сегодня герцогъ принимать не будетъ.

— Видно не въ пору попалъ я и нынче, подумалъ Ушаковъ и тихо удалился съ докладомъ о томъ что̀ въ народѣ говорится „о высокихъ особахъ“.

VII.

Миктеровъ между тѣмъ не оставлялъ намѣренія своего какъ-нибудь отдѣлаться отъ Осипа Кондратьевича.

Съ каждымъ днемъ все тошнѣе и тошнѣе становились ему и Тишинъ, и сестра его, и даже Маша. Промелькнула было и у него мысль воспользоваться слышанными тогда на улицѣ словами для доноса, но мысль эта тотчасъ же была имъ брошена и породила другія мысли совершенно противоположныя.

— Тайной канцеляріи служить, сталъ размышлять онъ, — пользы для себя ожидать трудно; слугъ у нея много и опричь меня; предъ всѣми не выскочишь; а вотъ еслибы да на докащиковъ докащикомъ быть, еслибы удача моя такая была тайными донесеніями кому-нибудь опричь сыскнаго приказа послужить—другое бы дѣло.

И въ такомъ настроеніи, вспомнивъ имя Еропкина, вспомнивъ что Тишинъ какъ-то промолвился о Еропкинѣ какъ о человѣкѣ надъ которымъ учреждено секретное наблюденіе, Миктеровъ, не долго думая, смѣло отправился къ послѣднему, разказалъ ему о себѣ всю подноготную и представилъ всю выгоду тайной связи своей съ сыщикомъ, который, говорилъ онъ, ему противенъ.

Воспитанный за границей еще при Петрѣ Великомъ, Еропкинъ считался человѣкомъ образованнымъ. Ему придавало значенія близкое и давнишнее знакомство съ бывшимъ оберъегермейстеромъ, а нынѣ вновь назначеннымъ на мѣсто Ягужинскаго, кабинетъ-министромъ Волынскимъ.

Волынскій сдѣлался теперь однимъ изъ первыхъ сановниковъ въ государствѣ. Но незадолго предъ тѣмъ онъ былъ въ опалѣ и проживалъ въ Москвѣ. Тамъ, гдѣ все-таки жилось свободнѣе и безопаснѣе чѣмъ въ Петербургѣ, онъ скоро сдѣлался центромъ кружка, среди котораго позволялъ давать волю своему очень невоздержному языку. Онъ рѣзко сравнивалъ настоящіе порядки съ временами Годунова и Шуйскихъ и выразительно вспоминалъ о Елизаветѣ Петровнѣ и о герцогѣ Голштинскомъ. Прочитавъ у Юста Липсія о королевѣ Нидерландской, Іоаннѣ, и тяжелыхъ временахъ бывшихъ при ней, Волынскій позволялъ себѣ внушать своимъ пріятелямъ какъ худо жить „когда владѣетъ жена, правленіе которой больше къ безпорядку нежели къ доброму учрежденію“; жаловался частенько что онъ думалъ быть „подъ первымъ“, а и на хвостъ де не попалъ, что нѣтъ у насъ теперь ни милости, ни расправы и т. д. Разумѣется, такія рѣчи не оставались безъ вліянія на людей часто видавшихъ Волынскаго, между которыми былъ и Еропкинъ.

Еропкинъ и его пріятели не были, конечно, заговорщиками и не составляли какой-либо партіи въ нынѣшнемъ значеніи этого слова; но,сходные въ своихъ понятіяхъ, они естественно тѣснѣе сближались между собою чѣмъ съ людьми иныхъ воззрѣній, и не прочь были увеличить свой кружокъ новымъ пріятелемъ. Признанія Миктерова сначала смутили Еропкина. Миктеровъ показался ему подозрительнымъ; но онъ не могъ не выразить нѣкотораго участія къ этой жизни, такъ жестоко надломленной въ самомъ цвѣтѣ, и позволилъ нашему искателю приключеній бывать иногда у себя. Затѣмъ, убѣдившись что Миктеровъ является къ нему не для соглядатайства, онъ началъ обходиться съ нимъ безъ чиновъ и опасливости, и узнавъ однажды что онъ нуждается въ деньгахъ, вызвался дать ему работу, именно переписать нѣчто, какъ онъ объявлялъ, секретное.

Миктеровъ былъ въ восторгѣ отъ сдѣланнаго ему предложенія. Кромѣ надежды заработать что-нибудь, онъ видѣлъ въ

довѣренной ему тайнѣ начало связи съ сильными, вліятельными людьми.

— Что̀ Ушаковъ! разсуждалъ онъ, увлекаясь и надеждами и честолюбіемъ, — вотъ люди которымъ можно послужить!

Рукопись переданная ему Еропкинымъ для переписки была не что̀ иное какъ взятый будто бы изъ Полоцкихъ лѣтописей разказъ о какомъ-то небываломъ Полоцкомъ князѣ Борисѣ, женившемся за красоту и „остраго смысла ради“ на дочери Померанскаго князя, палежской вѣры, Святохнѣ. Святохна будто бы привела съ собою въ Полоцкъ много Поморянъ, стала жаловать ихъ чинами великими, пораздавала имъ волости въ управленіе, а всѣхъ туземцевъ и даже пасынковъ князя разогнала во всѣ стороны. Когда Борисъ хотѣлъ было потомъ призвать опять этихъ пасынковъ на княженіе, княгиня, сдѣлавъ донось, требовала казни своихъ враговъ, и сколько ни говорилъ въ защиту свою одинъ изъ друзей этихъ пасынковъ, Добрыня, что княгиня и совѣтники ея, злодѣйствуя неповинно людей губятъ, города разоряютъ, народъ грабятъ, предѣлы пустошатъ „понеже имъ оное есть не свое,“—кончилось тѣмъ что Поморяне убили Добрыню и только впослѣдствіи, когда сынъ одного изъ вельможъ воззвалъ къ народу „постоять за землю Русскую, не давать пришельцамъ обладать собою“ — народъ наконецъ возсталъ, посадилъ княгиню въ заточеніе, а Поморянъ перебилъ.

Принимая разказъ этотъ даже за чисто историческій фактъ, какъ онъ и дѣйствительно былъ принятъ Татищевымъ, невозможно было не замѣтить въ немъ нѣкоторыхъ какъ бы намековъ на настоящее положеніе дѣлъ въ Россіи. Читая и переписывая рукопись, Миктеровъ сталъ яснѣе понимать положеніе Еропкина, его мысли и мысли всего его кружка. Отъ этого кружка ловѣяло на нашего искателя приключеній временами прошедшими, Торбеевскими, Долгоруковскими, временами надеждъ и треволненій, временами политическихъ замысловъ. Онъ привскакивалъ иногда на лавкѣ, бросалъ перо и принимался съ восторгомъ читать Машѣ и теткѣ рукопись, добавляя ее собственными коментаріями, и слушательницы его боялись даже слушать,—такъ все написанное казалось имъ сходно съ настоящимъ.

Разумѣется все это дѣлалось въ отсутствіе Тишина, часто отлучавшагося изъ дому; когда же Осипъ Кондратьевичъ возвращался, то бумаги тщательно прибирались и ему было из-

вѣстно только что Миктеровъ что-то переписываетъ по заказу академиковъ.

— Все это пустое дѣло, говаривалъ онъ и разсуждалъ про себя:

— Силой, силой вовлечь его надо! возвращался Тишинъ къ своей мысли о необходимости *службы* для Миктерова, — а чѣмъ не служба у Андрея Ивановича!... Но насквозь прожженный сыщикъ никакъ не подозрѣвалъ что близко, такъ близко отъ него зрѣетъ нѣчто такое отъ чего содрогнулся бы не только онъ, но и самъ Андрей Ивановичъ, что въ самомъ домѣ его, Тишина, Миктеровъ злонамѣренные замыслы свои въ дѣйство производитъ, да еще и бо́льшіе производить можетъ, связавшись съ опаснѣйшимъ, какъ мы увидимъ дальше, обществомъ Волынскаго!...

VIII.

Волынскій, человѣкъ несомнѣнно даровитый, пользовался въ это время большимъ кредитомъ. Онъ испросилъ у государыни дозволеніе представить ей свои соображенія по положенію дѣлъ въ государствѣ и оканчивалъ съ этой цѣлію трудъ, который онъ озаглавилъ: „Генеральное разсужденіе о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ.“ Здѣсь шла рѣчь и объ укрѣпленіи границъ, и объ арміи, и о церковныхъ чинахъ, о шляхетствѣ, купечествѣ, правосудіи, экономіи. Секретарь иностранной коллегіи Де-ла-Суда сидѣлъ у него въ домѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ уже дней занимался исправленіемъ подробностей его труда, и нѣкоторыя части онаго были уже совершенно отдѣланы. Вполнѣ довольный имъ, Волынскій пригласилъ однажды своихъ пріятелей пріѣхать вечеркомъ, послушать нѣкоторыя выдержки. Онъ торжествовалъ заранѣе.

Однако утромъ назначеннаго для чтенія дня Волынскій возвратился изъ дворца чѣмъ-то недовольный. Проговорился ли онъ тамъ какъ-нибудь на радостяхъ о нѣкоторыхъ своихъ соображеніяхъ, которыя не понравились государынѣ, намекнула ли она ему на что-нибудь непріятное,—только вернувшись изъ дворца, былъ онъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа.

— Вотъ гнѣвается иногда и самъ не знаю за что̀! Надобно ей судъ съ грозой и съ милостію имѣть, сердито разсуждалъ

Волынскій; — ничто такъ въ государствѣ не худо, ежели не постоянно, а въ государяхъ,—ежели бываетъ скрытность.

Старый довѣренный слуга Волынскаго, Кубанецъ, свидѣтель раздраженія своего барина, помялся, ломялся, да и рѣшился спросить у него:

— Аль что приключилось, батюшка Артемій Петровичъ?

— Нынѣ намъ пришло житье хуже собаки, отвѣчалъ Волынскій со сдержанною злобой. И гнѣва не сказавъ своего причины, прибьютъ хлыстомъ, а потомъ приманятъ кускомъ.. Надобно ласкаться, ласкаться надобно, Кубанецъ!...

Все въ домѣ замолкло и притихло вокругъ, едва лишь слухъ о дурномъ расположеніи духа хозяина успѣлъ пробѣжать по дому, а слухъ этотъ распространился прежде еще нежели Кубанецъ вступилъ въ вышеприведенный разговоръ. Уже адъютантъ Родіоновъ успѣлъ всѣмъ разказать какъ ругался Волынскій, когда, уѣзжая изъ дворца и сгоряча не попадая долго въ рукавъ шубы, училъ его, Родіонова, какъ слѣдуетъ подавать шубы. Успѣлъ и выѣздной кучеръ разказать въ людской о полученномъ имъ на слинѣ собственноручномъ министра указаніи касательно какихъ-то замѣченныхъ имъ недостатковъ въ выѣздкѣ красивыхъ неаполитанскихъ жеребцовъ. Имѣлъ кое-что наконецъ сообщить и секретарь Гладковъ, подвернувшійся съ переписанными набѣло какими-то бумагами, полетѣвшими ему прямо въ лицо. Все что̀ могло спрятаться, спряталось и скрылось, а населеніе дома было большое, — однихъ дворовыхъ людей считалось человѣкъ 60, русскаго, польскаго, шведскаго, турецкаго, персидскаго, калмыцкаго, бухарскаго и даже индійскаго происхожденія. Оставались въ своихъ комнатахъ и не показывались на глаза отцу даже двѣ дочери и сынъ Артемія Петровича. Лакеи въ песочнаго цвѣта ливреяхъ, красныхъ камзолахъ и красныхъ же панталонахъ съ серебряными позументами, дрожали всѣмъ тѣломъ, но не смѣли ни на минуту оставить своихъ постовъ.

Расхаживая по комнатамъ обширнаго своего дома, Волынскій даже досадовалъ что не къ чему было ему придраться, не на чемъ было сорвать сердце. Все было въ порядкѣ. Стулья, столы, кресла, канапе съ подушками и безъ подушекъ разставлены были какъ по рисунку. Ни одна изъ большой коллекціи писанныхъ на полотнѣ картинъ, между которыми красовались портреты Петра Великаго, Анны Іоанновны и Бирона, не висѣла криво на стѣнѣ, и ни пылинки не было замѣтно на красномъ

атласѣ и другихъ шелковыхъ персидскихъ матеріяхъ которыми обиты были эти стѣны. Развѣшанныя повсюду, болѣе 20 большихъ и малыхъ зеркалъ, въ золотыхъ и орѣховыхъ рамахъ, отражали съ отчетливостію серебряныя, золотыя и драгоцѣнныя вещицы разложенныя на полкахъ; блестѣли ризы образовъ и кресты въ кіотахъ. Ни одинъ ремешекъ, ни одна пряжка не повернулась на висѣвшихъ гирляндами приборахъ сбруи и рѣдкаго оружія. Придраться было рѣшительно не къ чему; но грозѣ впрочемъ суждено было вообще продолжаться на этотъ разъ не долго. Обѣдъ и послѣобѣденный сонъ на двухъ пуховикахъ и трехъ подушкахъ значительно успокоили Волынскаго. Когда же вечеромъ съѣхались къ нему свойственники его: Хрущевъ, Еропкинъ, Мусинъ-Пушкинъ, Соймоновъ, князь Черкасскій и другіе, то уже узнать его было нельзя,—такъ сдѣлался онъ разговорчивъ, милъ и любезенъ.

Сидя въ темномъ гарнитуровомъ камзолѣ, атласномъ кафтанѣ и панталонахъ, онъ весело похлопывалъ пальцами по табатеркѣ и иногда смѣялся такъ что тряслась масивная золотая цѣпь часовъ на его довольно полномъ животѣ; онъ предвкушалъ удовольствіе прочесть свое произведеніе собравшимся пріятелямъ.

— На перо свое надѣюсь, говорилъ онъ, потирая руки,—надѣюсь. Эй! Гладкова позвать!

— И съ чего ты, Артемій Петровичъ, такъ писать горазъ? замѣтилъ ему Мусинъ-Пушкинъ.

— О политикахъ придворныхъ, отвѣчалъ Волынскій, начитался въ книгѣ.... Принеси бѣловую,—обратился онъ къ вошедшему секретарю,—ту что Суда смотрѣлъ; да не смѣшай! У тебя вѣдь въ головѣ что навозу въ кошницѣ, ну!... О политикахъ придворныхъ, продолжалъ онъ, въ книгѣ *Ковачъ* начитался.

— *Ковачъ!* повторилъ про себя Соймоновъ, какъ бы затверживая названіе;—а то намедни говорилъ еще.... Макьяве...

— А! Макьявелева книга есть у меня, да не читалъ, замѣтилъ Волынскій.

— Вотъ, Артемій Петровичъ, вступился Хрущевъ, воспитывавшійся когда-то за границей и имѣвшій замѣчательное, по тогдашнему времени, собраніе книгъ и рукописей: вотъ прошу тебя сколько времени Юста-то Липсія по-русски для списанія мнѣ дать, анъ все нѣтъ....

— Экъ захотѣлъ! засмѣялся Волынскій; самъ съ превели-

кимъ трудомъ отъ Апраксина досталъ; проси вонъ у Черкасскаго.

— По-латыни у меня, по-латыни, тихо отозвался молчаливый Черкасскій.

— Глупецъ! закричалъ вдругъ звонкимъ голосомъ Артемій Петровичъ, прервавъ мирный разговоръ и обратившись къ секретарю, подававшему ему бумаги;—плетьми тебя стегать надобно! Что̀ принесъ? Вонъ! краливное сѣмя! На столѣ, поди, на моемъ.... иль мнѣ бить тебя? ну?

— Горячъ! замѣтилъ Мусинъ-Пушкинъ, смотря вслѣдъ вылетѣвшему изъ комнаты какъ птица секретарю.

— Ту книгу Липсія,—возобновилъ опять, какъ ни въ чемъ не бывало, разговоръ Волынскій,—не нынѣшнимъ временемъ читать. Въ ней женскій полъ, Мессалина, да Клеопатра, хотя и веселое лицо кажутъ, но и гнѣвъ въ сердцѣ таятъ; а этого у насъ, гм....

Артемій Петровичъ многозначительно остановился и посмотрѣлъ вокругъ.

Ожидаемая рукопись была между тѣмъ принесена. Волынскій выслалъ вонъ секретаря, придвинулся къ столу, откашлянулся и началъ:

„Предисловіе... Почтенные и превосходительные господа! По должности моей, яко кабинетъ-министръ, елико усмотрѣлъ къ пользѣ государственной, и для того къ поправленію внутреннихъ государственныхъ порядковъ, сочинилъ свое разсужденіе съ явными своими объявленіями и доказательствами что̀ къ явной государственной пользѣ касается; и ежели не школастическимъ стилемъ и не риторическимъ порядкомъ въ расположеніи въ томъ своемъ сочиненіи главъ написалъ, въ томъ бы меня не предосуждали, того ради что я въ школахъ не бывалъ и не обращался. Я съ молодыхъ лѣтъ всегда въ военной службѣ, въ которой всѣ свои лѣта проводилъ, и для того, какъ неученый человѣкъ, писалъ все безъ надлежащихъ школьныхъ регулъ, по своему разсужденію; а разсудилось мнѣ зачать писать съ кабинета, гдѣ самъ я присутствую, а потомъ и о прочихъ государственныхъ дѣлахъ и управленіяхъ; и ежели вы, господа почтенные, усмотрите сверхъ что̀ къ изъясненію и къ дополненію, прошу въ томъ потрудиться, и я на резонабильное буду склоненъ, и сердиться и досадовать за то не стану.“

— Книга будетъ лучше Телемаковой, сказалъ Хрущевъ.

— Знатно написалъ ты тутъ о „явныхъ объявленіяхъ“, замѣтилъ кто-то.

— Не графомъ же Остерманомъ мнѣ быть! самодовольно возразилъ Волынскій;—онъ одинъ безъ закрытія ничего никому не объявитъ; женѣ своей безъ закрытія не скажетъ,—прибавилъ онъ улыбнувшись.

Послѣднее замѣчаніе понравилось всѣмъ; засмѣялись.

— Да нынѣ и онъ съ ходу сбитъ,—продолжалъ Артемій Петровичъ;—не только иноходи не осталось, ни на стуль, ни на переступь лопасть не умѣетъ.

Шталмейстерское выраженіе это, въ примѣненіи къ Остерману, еще болѣе насмѣшило всѣхъ; но Волынскій приступилъ къ чтенію; опять водворилась тишина и три главы проекта были прочтены безъ всякихъ перерывовъ.

Прошло часа полтора. Ни въ комъ не замѣтно еще было признаковъ утомленія, когда Артемій Петровичъ счелъ нужнымъ остановиться и, закрывъ рукопись, хлопнуть по ней рукой, какъ бы говоря тѣмъ что больше читать онъ сегодня не станетъ.

Начались разговоры. Критическихъ возраженій не было, лишь кое-кто сдѣлалъ замѣчаніе касательно краткаго обозрѣнія исторіи, служившаго вступленіемъ къ проекту. Спрашивали: отчего выпущены царствованіе Петра II и Екатерины, называли Іоанна Грознаго тираномъ и т. п. Да и не нужно было никакихъ замѣчаній автору: онъ самъ оставался такъ доволенъ своимъ произведеніемъ что кромѣ похвалъ ничего не требовалъ, а похвалы расточались настолько, насколько каждый умѣлъ сказать что-нибудь лестное.

— Вотъ знатно было бы разсужденіе сіе въ Парижъ къ Кантемиру послать! Что-то скажетъ? Онъ писать и самъ гораздъ, говорилъ Волынскій.

— Остерманъ не допуститъ, замѣтилъ Соймоновъ.

— Остерману сего и вѣдать не надлежитъ; въ народѣ сперва, въ народѣ разгласить надобно! воодушевлялся Волынскій.

Еропкинъ, вспомнивъ слышанное отъ Миктерова, кстати разказалъ какъ поговариваютъ о Нѣмцахъ. Кто вздыхая спрашивалъ: долго ли еще Богъ потерпитъ? Кто замѣчалъ что нынѣшнее житіе противъ прежняго въ десятеро опаснѣе стало; кто говорилъ о непостоянствѣ „нѣкой особы,“ о томъ какъ „нѣкоторые люди“ государыню въ сомнѣніе приводятъ, о безчеловѣчныхъ поступкахъ этихъ людей и т. д. Даже мол-

чаливый Черкасскій, вспомнивъ нѣкія слова—„Богъ де тебя не оставитъ и я, лока жива, тебя не оставлю“,—роптalъ и жаловался на безвинную ссылку своего племянника.

Волынскій былъ такъ доволенъ и разговоромъ и вообще впечатлѣніемъ которое произвело на общество чтеніе его разсужденія, что когда, поздно вечеромъ, въ комнату гдѣ сидѣли всѣ за ужиномъ, прибѣжалъ проститься съ нимъ его сынишка, на глазахъ Артемія Петровича навернулись даже слезы; онъ взялъ за плечо мальчугана и сказалъ:

— Счастливъ ты, сынъ, будешь что такого отца имѣешь!

А позднѣе еще, когда уже всѣ разъѣхались, раздѣваясь, онъ говорилъ Кубанцу:

— Надобно, когда счастье плыветъ, не только руками, но и ртомъ хватать и въ себя глотать!

И растопыривая пальцы, и раскрывая ротъ, представлялъ какъ онъ счастье это хватаетъ и зубами, и руками.

На другой день, рано утромъ, Волынскій рылся долго въ календарѣ, справлялись о лѣтахъ герцога Голштинскаго и рисовалъ для чего-то родословное дерево, смотря на списки своихъ родословныхъ книгъ. Видно было что какая-то новая мысль пришла ему въ голову.

Кубанецъ засталъ его сидящимъ въ задумчивости, и на вопросъ его: что такъ печаленъ? Артемій Петровичъ только покачалъ головой.

— Смотрю все на нашу систему, сказалъ онъ;—ой, система, система! Вотъ какъ польскіе сенаторы живутъ; ни на что не смотрятъ и имъ все даромъ. Нѣтъ, польскому шляхтичу не смѣетъ ни самъ король ничего сдѣлать, а у насъ всего бойся!

— То о республикѣ изволите говорить? замѣтилъ Кубанецъ вопросительно, но Волынскій ничего на это не отвѣтилъ, вышелъ въ другую комнату и приказалъ послать за Еропкинымъ.

Зная характеръ своего господина, Кубанецъ не пытался уже предлагать новыхъ вопросовъ, ожидая что самъ Волынскій скажетъ, если и въ самомъ дѣлѣ что новое замыслилъ.

Дѣйствительно, прошло немного времени, Артемій Петровичъ досталъ изъ какого-то ящика старую, заржавленную саблю и положилъ ее на столъ.

— Вѣдаешь ты откуда эта сабля? обратился онъ къ слугѣ.

— Нѣтъ.

— Съ Куликовой битвы, внушительно сказалъ Волынскій;—

а мнѣ досталась отъ родоначальника фамиліи нашей, Волынца. Фамилія древняя!

— Кто же тотъ Волынецъ былъ? вкрадчиво спросилъ Кубанецъ, видя что предлагать вопросы было уже въ настоящее время можно.

— Волынецъ? повторилъ Артемій Петровичъ, — Волынецъ родоначальникъ мой, а жена его родная сестра Дмитрія Донскаго была, что̀ Мамая на Куликовомъ полѣ побилъ.

— А-а? удивился Кубанецъ.

— Романовыхъ родъ пресечется.... продолжалъ таинственно Волынскій—преемники мои наслѣдниками престола быть могутъ, ха, ха!

— А-а? еще болѣе удивился Кубанецъ.—Что̀ же давича въ экскузаціи своей о польской-то республикѣ говорить изволили? прибавилъ онъ.

— Молчи! громко сказалъ Волынскій, — такъ надобно; это для прикрытія своего дурнаго....

— А разсужденіе что̀ писать изволили, знать....

— Молчи! повторилъ Артемій Петровичъ, погрозивъ пальцемъ, и на этомъ словѣ разговоръ ихъ былъ прерванъ пріѣздомъ Еропкина.

Отведя въ сторону гостя, Волынскій сталъ объяснять ему что желалъ бы чтобъ онъ нарисовалъ ему родословное дерево съ картиной, какъ то было сдѣлано у Шереметева и чтобы сочинилъ надпись къ саблѣ, которую хотѣлось ему будто бы оставить дѣтямъ въ память участія ихъ предка въ Куликовской битвѣ.

Начали совѣтоваться о рисункѣ: какъ изобразить Волынца, гдѣ поставить супругу его, Московскую княжну; должна ли она указывать на него перстомъ, или же нарисовать предка просто внизу въ латахъ. Все это было пока ничего; но Еропкинъ разинулъ просто ротъ и не могъ придти въ себя отъ удивленія, когда Артемій Петровичъ, поговоривъ о родословномъ деревѣ, попросилъ его наконецъ нарисовать вверху московскій гербъ, обѣщая прислать для этого оттискъ кабинетской печати.

— Гербъ? повторилъ было Еропкинъ, пораженный, — кабинетская печать?

— Ну, да, императорская, сказалъ твердо Волынскій.—Или ты въ свойствѣ меня почитать не хочешь?

Стоило только взглянуть на блестѣвшіе въ это время гла-

за говорившаго чтобы понять до какой степени всякое возраженіе было бы неумѣстно. Еропкинъ и не возражалъ. Оскабившись, онъ молча сталъ собирать бумаги.

— Не вѣдаю къ чему меня Богъ ведетъ, раздумчиво сказалъ Волынскій прощаясь, — къ худу или къ добру. И чрезъ то мнѣ быть очень велику, или ужъ пропасть...

Черезъ нѣсколько дней, Миктеровъ, зайдя къ Еропкину, засталъ его за рисункомъ родословнаго дерева и въ большомъ неудовольствіи на студента академіи Теплова, обѣщавшаго ему помочь выписками послѣдованія потомковъ Волынца изъ родословной книги и до сей поры обѣщанія своего не исполнившаго.

Тотчасъ же предложивъ свои услуги, Миктеровъ получилъ бумаги и удалился съ тѣмъ чтобы окончить въ возможной скорости заданную работу.

IX.

Какъ нарочно, въ тотъ день какъ Миктеровъ, придя къ Тишинымъ съ бумагами въ рукахъ, собрался писать, Осипъ Кондратьевичъ, всегда отлучавшійся куда-то до обѣда, остался дома.

Уже пообѣдали, успѣли все и со стола прибрать, женщины взялись за иголки, а Осипъ Кондратьевичъ все-таки не уходилъ. Увидалъ ли онъ какое смущеніе въ домашнихъ, показалось ли ему что бумаги принесенныя Миктеровымъ не тѣ которыя видѣлъ онъ прежде, только въ немъ ясно обнаруживались признаки безпокойства и желанія заглянуть въ лежавшіе на столѣ листы.

Замѣтивъ это, Миктеровъ, съ своей стороны, всякій разъ съ приближеніемъ Осипа Кондратьевича, то начиналъ перелистывать тетрадь, то прикрывалъ ее рукой, то, отложивъ все въ сторону, будто отдыхалъ. Но чѣмъ чаще повторялись эти продѣлки, тѣмъ любопытнѣе, казалось, становился Тишинъ.

— Деньги стало тебѣ за писаніе-то даютъ? Спѣшная знать работа кому, коли ужъ управиться не въ силу? Усталъ знать? Гм! и устать пора! подъѣзжалъ Осипъ Кондратьевичъ, и съ той, и съ другой стороны, видя что Миктеровъ складываетъ наконецъ все въ кучу, разчитывая окончить работу въ другой разъ.

— Домой чай теперь пойдешь? Гм! Спряталъ бы дѣла-то. Я бъ имъ и мѣсто нашелъ, попытался онъ спросить еще.

На всѣ эти рѣчи коротко и уклончиво отвѣчалъ Миктеровъ и можетъ-быть отвѣтами своими успокоилъ бы какъ-нибудь Тишина, какъ вдругъ послышался шумъ трещетки, набатъ, крикъ на улицѣ: пожаръ!

Осипъ Кондратьевичъ выбѣжалъ опрометью изъ комнаты. За нимъ послѣдовали Миктеровъ, Маша, а перепуганная тетка, помня еще ужасы московскаго пожара, засуетилась по комнатѣ, не зная за что схватиться.

Подбѣжавъ къ окну, она старалась разсмотрѣть съ которой стороны грозила опасность, близко ли, далеко, былъ ли видѣнъ дымъ, бросалась на колѣна предъ образами и, совершенно потерянная, едва успѣла, собравъ наскоро брошенныя Миктеровымъ бумаги, догадаться спрятать ихъ въ стоявшій подъ лавкой сундукъ, какъ дверь съ шумомъ вдругъ отворилась и запыхавшійся Осипъ Кондратьевичъ прямо подбѣжалъ къ столу.

— Куда жъ бумаги дѣвались? кто взялъ? закричалъ онъ.

— Горимъ что ли, горимъ? жалобнымъ голосомъ спрашивала, не отвѣчая на вопросъ его, сестра.

— Бумаги кто взялъ? грозно и безъ малѣйшей хрипоты на этотъ разъ повторилъ Тишинъ.

— Гдѣ огонь-отъ, пожаръ-отъ? Господи! наказалъ ты насъ грѣшныхъ, ахъ Господи! плакала, бѣгая во всѣ углы, тетка.

— Схоронила? Ты, старая, схоронила! прошипѣлъ Осипъ Кондратьевичъ,—и схвативъ вдругъ сестру за воротъ, встряхнулъ ее рукой.

— Ай! Разбойникъ! закричала тетка, испуганная неожиданнымъ пріемомъ и страшнымъ видомъ брата. — Тебѣ на что? пусти! разбойникъ, ай!

— Куда схоронила, говори? За-ду-шу! шипѣлъ Тишинъ, стягивая воротъ рубашки сестры и въ самомъ дѣлѣ останавливая ей дыханіе.

— Пу-сти! разбойникъ! не скажу! М....а....ш, за....ду....шитъ, онъ задушитъ! захлебываясь едва произносила несчастная женщина.

— Скажешь! проговорилъ наконецъ Осипъ Кондратьевичъ, выпустивъ вдругъ свою жертву и приступивъ къ ней ближе,— скажешь!

— Разбойникъ! аль суда на тебя нѣтъ! аль креста не но-

сишь? закричала было высвободившись тетка. Но на этомъ словѣ послышался звонкій ударъ пощечины; какъ снопъ свалилась старуха на полъ и затѣмъ разобрать ничего уже было нельзя. Возня, глухіе удары, крикъ, стонъ, отрывочныя слова: убью! убилъ! разбойникъ! тамъ! смилуйся! гдѣ? и пр.

Еще немного, и Тишинъ добьется своего. Не въ силахъ будучи терпѣть долѣе страшныхъ побоевъ, тетка начала уже просить пощады и обѣщала сказать. Еще немного, еще нѣсколько ударовъ,—и она скажетъ все.

Осипъ Кондратьевичъ не ожидалъ конечно со стороны сестры той стойкости и упрямства какія она показала, но во всякомъ случаѣ пріемъ употребленный имъ былъ самый вѣрный. Искать ему самому по всѣмъ угламъ, сундукамъ и ящикамъ спрятанныхъ бумагъ было трудно, оставленная въ такомъ случаѣ на свободѣ, старуха могла бы еще пожалуй какъ-нибудь извѣстить кого слѣдуетъ о его поискахъ и этимъ испортить все дѣло; старуху успѣетъ онъ еще настращать, чтобы тайна была сохранена, а ко времени возвращенія дочери и Миктерова, она можетъ еще и оправиться. Скораго возвращенія ихъ ожидать было нельзя. Своими глазами видѣлъ онъ какъ они побѣжали за всѣми туда гдѣ кричали пожаръ, ко дворцу, и въ то время какъ онъ, повернувъ въ переулокъ, возвратился домой, имъ въ пору бы только было дойти до пожара; а сколько времени еще тамъ они проболтаются? сколько времени надо чтобъ оттуда вернуться?....

— Въ сундукѣ? Въ какомъ сундукѣ? говори! продолжалъ шипѣть Тишинъ, приподнимая наконецъ голову и готовый отпустить старуху, — въ какомъ? повторялъ онъ, — скорѣй, говори!...

— Охъ, охъ! стонала тетка.

— Ну, разóхалась, говори!

— Тамъ.... направо.... направо, подъ лавкой....

— А? вотъ такъ-то бы лучше. Подъ лавкой, а то ишь ты? Подъ лавкой....

Но словомъ этимъ рѣзко оборвалась рѣчь Тишина; дверь отворилась, и на порогѣ показались Миктеровъ и Маша.

Прежде нежели вошедшіе успѣли, опомнившись, разслышать стоны и разсмотрѣть въ углу, на полу, едва приподнимавшуюся на локтяхъ, простоволосую, съ растрепанною одеждой тетку, какъ Тишинъ, не дойдя даже до сундука, стремглавъ исчезъ уже изъ комнаты.

Соображенія его оказались не вѣрными. Маша и Миктеровъ возвратились гораздо ранѣе чѣмъ онъ ожидалъ, ибо пожара никакого не было, ничто нигдѣ не горѣло: звонъ и трещетки были шутка, обманъ, которыми вздумалось во дворцѣ пошутить, ради перваго апрѣля. Эта шутка кое-кого насмѣшила, многихъ перепугала и встревожила, и стоила жизни Машиной теткѣ. Неожиданное возвращеніе Миктерова спасло его бумаги, сохранившіяся неприкосновенными въ сундукѣ, но побои нанесенные старухѣ заставили ее слечь.

О медицинскомъ пособіи въ то время бѣднымъ людямъ нельзя было и думать, да и опасно было прибѣгнуть къ нему въ настоящемъ случаѣ; что отвѣтилъ бы Миктеровъ, еслибы возникъ вопросъ о томъ: кто виновникъ побоевъ, за что, по какому поводу произведены они? Съ другой стороны домашнія средства оказывались недостаточными. Старухѣ, несмотря на самый тщательный уходъ за нею Маши, и днемъ и ночью, становилось все хуже и хуже.

Осипъ Кондратьевичъ явился только на третій день, когда положеніе больной было уже такъ опасно что не давало мѣста никакимъ упрекамъ. Маша, въ отчаяніи и занятая единственно больной, почти не замѣчала присутствія отца, а Миктеровъ, еслибы даже и желалъ, не могъ ничего съ нимъ сдѣлать. И въ самомъ дѣлѣ: жаловаться?—кому? кто выслушалъ бы и повѣрилъ ему? Не была ли драка вещью самою обыкновенною? Да и ему ли, Миктерову, было возбуждать какія-нибудь дѣла разбирательства? Ему ли было соваться къ властямъ?

Самъ же Тишинъ былъ совершенно спокоенъ и къ сестрѣ не подходилъ, развѣ только такъ, ради косыхъ взглядовъ Миктерова. Если же пришлось бы ему отвѣчать предъ какимъ угодно судомъ, даже Божіимъ,—онъ ложалуй сознался бы въ учиненныхъ имъ побояхъ, но никогда, ни въ какомъ случаѣ не считалъ бы себя виновникомъ опаснаго положенія сестры своей и тѣмъ менѣе—преступникомъ. Служа высшимъ *штатскимъ* (государственнымъ) интересамъ въ качествѣ агента тайной канцеляріи, вся практика которой основана была на истязаніяхъ,—могъ ли упрекнуть себя въ чемъ-нибудь Осипъ Кондратьевичъ? Могъ ли поставить онъ себѣ въ вину какіе-нибудь ничтожные побои, въ виду той важной можетъ-быть тайны которая могла ему достаться и касалась можетъ-быть важнаго государева дѣла?

Проболѣвъ дней семь, тетка скончалась. Болѣзненный и

старческій видъ ея отклонилъ всякое подозрѣніе насильственной смерти. Пригласили священника, похоронили старуху, и всѣ концы были спрятаны.

— Ну, Осипъ Кондратьевичъ, придетъ время, говорилъ Миктеровъ, продолжая ожидать чего-то отъ новаго своего знакомства съ Еропкинымъ, — разочтемся тогда! Однако ты и то помни что намъ съ тобой еще въ согласіи быть надлежитъ, а не то.... жалѣть мнѣ, какъ вѣдаешь, некого: себя погублю, да и тебѣ не сдобровать!

— Ахъ ты! Ахъ ты Господи! до чего дожилъ я? стиснувъ зубы, думалъ, слушая такія рѣчи, Тишинъ, не мѣняясь впрочемъ въ лицѣ и сохраняя невозмутимое спокойствіе.

— Жизнь мою заѣлъ проклятый, погоди! Самому мнѣ тебя погубить удачи нѣтъ,—найдемъ кого, пріятели есть. Безъ покрышки тебя похоронятъ,—погоди, дай время! Вспоминался Осипу Кондратьевичу Гвоздевъ, человѣкъ на такой случай полезный, и что-то въ родѣ любви которую показывалъ этотъ Гвоздевъ къ его дочери и которою можно было воспользоваться; надоѣлъ ему, душилъ его Миктеровъ! Еще немного, и если не пріищется другаго способа, онъ рискнетъ, кажется, самъ выдать своего врага, хотя бы и съ опасностію собственною, хотя бы съ объявленіемъ всѣхъ своихъ тайнъ! — Все равно, — спокою нѣтъ, спокою нѣтъ!

X.

Въ Петергофѣ назначена была охота на кабановъ.

Тамъ, на берегу Финскаго залива, земля пожалованная Меншикову давно уже обращена была въ менажерію, гдѣ содержались присылаемыя изо всѣхъ концовъ государства разновидности животнаго царства, которыми хвасталась Россія,— бобры, леопарды, барсы, тигры, россомахи, соболи, сайги, зубры, дикія лошади, козы, лоси и т. д. Кабаны содержались особо, а на Фонтанкѣ, близъ Лѣтняго Дворца, находилось еще высокое, въ три окна съ печами и выступами, зданіе, выстроенное для присланнаго изъ Персіи слона. Поступившая подъ главное завѣдываніе Волынскаго, охота приняла размѣры дѣла государственнаго. О количествѣ улова звѣрей приказано было губернаторамъ два раза въ годъ доносить сенату.

Въ настоящемъ случаѣ оберъ-егермейстеръ превзошелъ се-

бя. Онъ самъ пріѣхалъ взглянуть на окончательныя работы. На устроенномъ невдалекѣ отъ звѣринца возвышеніи, въ полторы сажени вышины, въ видѣ террасы, названномъ „темпелемъ“, обшивали сукномъ лѣстницу; невдалекѣ убирали еловыми вѣтвями четыре восьмиугольные домика, служившіе сборнымъ мѣстомъ для охотниковъ; на аренѣ, предъ „темпелемъ“ исправляли палисадъ, которымъ она была обнесена, чинили натянутое на немъ полотно, мели и чистили дорожки. Надо было взглянуть и на привезенныхъ въ большихъ ящикахъ звѣрей назначенныхъ къ травлѣ; надлежало наблюсти собрались ли погонщики, принесены ли и въ какомъ видѣ ружья, рогатины. Дѣла было много и во всемъ требовались отчетливость и порядокъ, ибо государыня на охоту и стрѣльбу смотрѣла серіозно и сама въ дѣлѣ этомъ была мастерица. Она била изъ окна въ летъ воронъ и ласточекъ; на устраиваемыхъ состязаніяхъ для стрѣлковъ, которымъ раздавались въ награду золотыя кольца, алмазные перстни и т. п., искуснѣе всѣхъ оказывалась опять-таки почти всегда она: на стѣнѣ Голландскаго Домика, у камина, сохранились, говорятъ, и до сихъ поръ слѣды пули пущенной ею въ оленя, забѣжавшаго какъ-то изъ звѣринца въ садъ Монплезира и настигнутаго тамъ государыней верхомъ.... Окинувъ всѣ работы огненнымъ взоромъ, Волынскій поспѣшилъ назадъ чтобы сопровождать государыню.

Въ десятомъ часу тронулась изъ дворца царская коляска, съ круглыми узорчатыми боками, запряженная цугомъ въ шесть лошадей, съ двумя огромными гайдуками на запяткахъ и высокимъ кучеромъ съ длиннымъ бичомъ на козлахъ. По сторонамъ ѣхало нѣсколько придворныхъ верхомъ, впереди шли пѣшкомъ трубачи и скороходы. Открытый верхъ коляски позволялъ видѣть почти всю фигуру сидящихъ въ ней особъ. Государыня сидѣла на первомъ мѣстѣ, рядомъ съ нею принцесса Анна, а насупротивъ—Волынскій, безъ шляпы, держа въ рукахъ любимое, дорогое ружье императрицы.

За коляской государыни ѣхала коляска герцога, съ гербами, на которыхъ красовались корона, мантія, львы, олени и шифръ Августа III. Герцогская свита окружала его; затѣмъ слѣдовало еще множество экипажей, ибо на охоту сбирались и охотники и не охотники, даже дамы изъ посольства, не бравшія никогда ружья въ руки, и простые зрители изъ придворныхъ. Длинный и безъ того поѣздъ, удлинялся еще болѣе цуговою упряжкой каретъ и колясокъ.

Всѣ участвующіе на охотѣ расположились полукругомъ предъ „темпелемъ“ съ рогатинами или ружьями въ рукахъ, а зрители въ особо устроенномъ амфитеатрѣ.

Императрица вступила на подмостки, и по данному сигналу кабанъ выпущенъ изъ ящика. Съ напряженнымъ вниманіемъ всѣ вслушиваются въ голоса и шумъ погонщиковъ, старающихся направить его къ указанному мѣсту. Шумъ этотъ раздавался долго, то съ одной стороны, то съ другой, раздражая нетерпѣливыхъ охотниковъ. Вотъ голоса приближаются; вотъ мало-по-малу смолкаютъ; уже слышится только шопотъ и тяжелый сапъ утомленнаго звѣря, и вдали показывается разъяренный кабанъ. Онъ бѣжитъ прямо на расположенныхъ полукругомъ охотниковъ, ближе, ближе,—зрители дрогнули! Еще минута,—ружья и рогатины у всѣхъ наготовѣ; но выстрѣлъ съ „темпеля“ прогремѣлъ, и перевернувшись, падаетъ убитый кабанъ. Въ тотъ же моментъ раздаются побѣдные звуки трубачей. Кучей столпились около издыхающаго звѣря охотники. Пріятно улыбаясь, кланяется государыня, отвѣчая на привѣтствіе зрителей. Она обернулась направо, обернулась налѣво.... Но что̀ это? Въ нѣсколькихъ шагахъ онъ нея, подъ стуломъ, возлѣ самой баллюстрады, лежитъ какая-то бумага, письмо!

Слѣдящій за глазами императрицы, Биронъ нагибается чтобы поднять его, и, не дождавшись ея приказанія, распечатываетъ,—письмо написано по-русски; онъ плохо разбираетъ; государыня беретъ изъ рукъ его толстую бумагу, вглядывается, брови ея сдвинулись, лицо нахмурилось.

— Опять подметное! Андрею Ивановичу! говоритъ она, передавая письмо, и медленно сходитъ со ступенекъ „темпеля“.

Еслибы кому захотѣлось познакомиться съ выраженіемъ лица герцога въ тѣ минуты когда душа его была неспокойна, когда закрадывались въ нее мысли о мщеніи или подозрѣнія въ чьихъ-либо козняхъ, то взглянуть на него слѣдовало бы именно теперь. Подозрѣвать козни въ настоящемъ случаѣ былъ онъ въ полномъ правѣ; доказательство держалъ онъ въ рукахъ,—это письмо, въ которомъ ему удалось хоть вскользь замѣтить свое имя, и которое такъ измѣннически положено было тамъ гдѣ государыня должна была увидать его непремѣнно и, можетъ-быть, прочесть. Страшны были и его надменный, сухой взглядъ, и выдвинутыя впередъ губы, и гордо

закинутая назадъ фигура! Проводивъ государыню, герцогъ пошелъ по аллеѣ, по тому направленію гдѣ думалъ найти Ушакова, чтобы передать ему приказаніе императрицы.

— Завтра въ обѣдню пожалуйте.... сказалъ герцогъ, встрѣтивъ Ушакова.

— Къ вамъ, свѣтлѣйшій герцогъ? спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Ну да! отвѣтилъ Бирономъ.—Измѣнники! злобно улыбаясь, постукивалъ онъ пальцемъ по бумагѣ.—Старый дѣло, прошлый время! прибавилъ онъ, кладя ее въ карманъ и считая приказаніе государыни о передачѣ бумаги Ушакову какъ бы уже исполненнымъ.

— Прочесть бы надлежало, свѣтлѣйшій герцогъ, попробовалъ-было замѣтить Ушаковъ, съ озабоченнымъ видомъ и наклонясь къ нему.

— Завтра! коротко отвѣчалъ Бирономъ, кивнувъ головой, и удалился къ экипажу.

XI.

На другой день, въ воскресенье, герцогъ, не имѣвшій обыкновенія ходить въ церковь,—въ чемъ и упрекали его современники,—сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, въ большихъ креслахъ, въ спальномъ платьѣ, и кушалъ кофе, — напитокъ бывшій тогда въ модѣ и во всякое время дня употреблявшійся.

Вчерашнее письмо давно уже было имъ прочтено съ толкомъ и разстановкой. Мысль мелькнувшая у него въ головѣ касательно сочинителя письма и высказанная слегка Ушакову при первомъ съ нимъ свиданіи не только успѣла въ немъ укрѣпиться съ тѣхъ поръ, но имѣла даже и нѣкоторыя уже послѣдствія.

Еще наканунѣ потребовалось ему почему-то видѣть придворнаго банкира и подручника своего Липмана, а сегодня рано утромъ являлась уже отъ послѣдняго къ герцогу какая-то таинственная личность, отличавшаяся искусствомъ подписываться подъ всѣ почерки и выгнанная Биромомъ какъ слишкомъ уже опасное существо.

Одѣвшись и пройдясь по комнатѣ, герцогъ начиналъ выражать признаки нетерпѣнія въ ожиданіи Ушакова.

Плечи его какъ-то подергивались, шаги становились круп-

нѣе, рѣзко ударялъ по полу его каблукъ, и далеко въ сторону отскакивала на поворотахъ торчавшая сзади лента парика. Нѣсколько разъ присаживался онъ на кресло, нѣсколько разъ, подходя къ двери, хотѣлъ, казалось, отдать какое-то приказаніе. Но вотъ наконецъ и Ушаковъ.

Онъ тотчасъ же передалъ ему вчерашнее письмо. Молча и довольно долго читалъ его Ушаковъ. Молчанія этого не нарушалъ Бирономъ и только шевелилъ губами, жуя отрываемые отъ лежавшаго предъ нимъ на столѣ листа бумаги неправильные трехъугольнички.

— Долгорукіе! сказалъ онъ наконецъ съ разстановкой, когда Ушаковъ, окончивъ чтеніе, положилъ письмо.

— Долгорукіе! повторилъ онъ выплевывая нажеванную бумагу и постукивая пальцемъ по столу. — Это старый дѣло, прошлый время!

— Сего изъ письма знать хотя и не можно.... началъ-было Андрей Ивановичъ.

— Можно, можно! прервалъ Бирономъ. — Измѣну, государево дѣло, бунтъ никто не можетъ дѣлать кромѣ Долгорукій! прибавилъ онъ скороговоркой.

— Ну, а въ народѣ слухи знать они же разносятъ? опустивъ голову, скромно замѣтилъ Ушаковъ.

— Какой слухъ?

— Да вотъ намедни, какъ у фельдмаршала Миниха адъютанта дышломъ зашибли....

— Ну?

И Ушаковъ началъ длинный разказъ о толкахъ крестьянъ, слушая который Бирономъ былъ внѣ себя. Онъ вскакивалъ съ мѣста, ходилъ по комнатѣ, все чаще рвалъ, жевалъ и выплевывалъ бумагу.

— И сіе Долгорукіе! Конецъ надлежитъ быть! Надо претекстъ, только претекстъ! громко кричалъ онъ. — Нѣмецкіе управители, а? Россійскихъ дворянъ не стало, а? А Русскій? Что̀ Русскій? Рус.....скій! вытягивалъ онъ съ презрѣніемъ. — Да! отсѣчь голова только Русскій надлежитъ; претекстъ, претекстъ надо!

Но въ эту минуту не представлялось никакого „претекста“, и это еще болѣе бѣсило Бирона, который уже начиналъ наступать на Ушакова, когда неожиданно и съ веселою улыбкой, вызванною очевидно другими впечатлѣніями, вошла государыня.

Герцогъ кинулся къ ней навстрѣчу, и не какъ подданный, не какъ придворный принимающій свою повелительницу, а какъ властелинъ, раздраженный нераспорядительностью своихъ помощниковъ. Бунтъ, измѣна, опасность грозившая престолу, все было представлено герцогомъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ.

— Долгорукіе, Долгорукіе, повторялъ онъ,—надо ихъ провѣдать, провѣдать ихъ. Они замышляютъ противъ васъ, они не забыли своей власти, а мы? А мы все ничего не дѣлаемъ, мы даже готовы призвать на службу какого-нибудь князя Сергѣя Григорьевича! намекалъ онъ на выраженное какъ-то о томъ желаніе государыни.—Мы думаемъ о дипломатическихъ способностяхъ его, aber was sind diplomatische Faehigkeiten, wenn der Thron ein solchen Gefahr vor sich hat? Was sind diplomatische Faehigkeiten? горячился герцогъ, и государыня, видя тонъ который принимаетъ разговоръ, послѣшила удалиться въ сосѣднія комнаты. Биронъ послѣдовалъ за ней. Ушаковъ счелъ нужнымъ удалиться еще прежде.

Государыня пришла въ свои покои вся въ слезахъ, растерянная, напуганная Бирономъ; но она отстояла на этотъ разъ свою независимость. Долгорукіе оставлены пока въ покоѣ, и дѣло ограничилось именнымъ указомъ по которому сочинитель безыменнаго письма „о нѣкоторыхъ важныхъ дѣлахъ до интересовъ государыни относящихся“ приглашался „какъ истинный христіанинъ и вѣрный рабъ, явиться немедленно въ кабинетъ, безъ всякаго опасенія, но подъ угрозой строгаго наказанія, если не послѣдуетъ этому приглашенію.“ Вотъ все что̀ было сдѣлано *съ вѣдома* императрицы; но безъ ея вѣдома сдѣлано было многое другое. Биронъ настоялъ на своей мысли „провѣдать Долгорукихъ“, и по указанію Ушакова, отправилъ для этой цѣли Осипа Кондратьевича.

XII.

Извѣстіе объ отъѣздѣ Тишина произвело въ семьѣ его впечатлѣніе конечно радостное, но разнымъ образомъ выражалась радость эта у Миктерова и у Маши.

Миктеровъ, говоря объ этомъ, какъ-то особенно волновался и, смотря прямо страннымъ глазами на Машу, точно задумывалъ привести въ исполненіе нѣчто такое о чемъ онъ прежде и не думалъ.

— Погоди, постой! заживемъ съ тобою, заживемъ! говорилъ Миктеровъ шепотомъ.

— Ахъ! вздыхала Маша.—Развѣ мы теперь-то не живемъ?

— Счастливѣе будемъ, счастливѣй.

— Счастливѣй? переспрашивала она. — Счастье-то около насъ: гдѣ ты, да я,—вотъ и счастье!

Отправляясь въ свою новую командировку, Тишинъ, застигнутый распутицей въ какомъ-то городкѣ, совершенно неожиданно повстрѣчался съ Гвоздевымъ, о которомъ столько разъ вспоминалъ въ послѣднее время.

Пріязнь Тишина съ Гвоздевымъ не шла, конечно, никакъ далѣе той пріязни которую могли питать другъ къ другу два сыщика. Не разказывать же имъ въ самомъ дѣлѣ того что̀ каждый зналъ про себя, не предаваться же изліяніямъ нѣжностей, не проводить же время за пустыми разговорами, въ виду службы въ тайной канцеляріи. Тѣмъ не менѣе однакоже, оба чувствовали взаимную потребность говорить, то-есть не то чтобъ обмѣняться мыслями, но вывѣдать другъ у друга что-либо любопытное и полезное напредки. У Тишина были и другаго рода виды. Онъ зналъ что Маша нравилась Гвоздеву, но ему нужно было узнать имѣетъ ли онъ какія-нибудь серіозныя намѣренія и способенъ ли изъ-за нихъ оказать ему услугу?

Съ своей стороны, Гвоздеву, который на ремеслѣ сыщика тоже самъ, что̀ называется, собаку съѣлъ, не хотѣлось открывать души своей; ему хотѣлось чтобъ Осипъ Кондратьевичъ хоть нѣсколько распахнулся предъ нимъ. Но Осипъ Кондратьевичъ не распахнулся, а напротивъ, заставилъ Гвоздева разказать нѣкоторыя подробности,—о томъ какъ занятъ онъ былъ отыскиваніемъ Миктерова, какъ настигнувъ его въ Савинкахъ, улустилъ свою жертву, попавъ ошибкой на слѣдъ его отца; какъ потерялъ много времени на преслѣдованіе послѣдняго, какъ бросилъ все это дѣло, будучи отвлеченъ слухами о какомъ-то заговорѣ на Украйнѣ и какъ наконецъ развѣдавъ объ этомъ заговорѣ, ѣдетъ о немъ донести....

Какъ ни любопытно было послѣднее извѣстіе, Тишинъ слушалъ его разсѣянно. Не открыть ли, думалъ онъ, Гвоздеву гдѣ находится человѣкъ который доставилъ ему нѣкогда столько хлопотъ? Ну, а что̀ потомъ? Что̀ жъ! Миктеровъ не будетъ имѣть никакого повода сослаться въ чемъ-нибудь на Осипа Кондратьевича, ибо уличать его будетъ не онъ, а Гвоздевъ, который давно уже занятъ его розыскиваніе-

емъ. Наконецъ самъ Тишинъ, уѣзжая теперь далеко и надолго изъ Петербурга, будетъ избавленъ и отъ непріятнаго положенія въ отношеніи къ дочери; я тутъ, разсуждалъ онъ, какъ бы ни при чемъ, а врага сбуду съ рукъ и избавлюсь отъ ежеминутныхъ опасеній. Но какъ объяснить Гвоздеву почему, зная о мѣстопребываніи Миктерова, не справился съ нимъ самъ? Почему уступаетъ другому случай выслужиться?

Открыть настоящую причину Осипъ Кондратьевичъ боялся; предательская натура сыщика была ему знакома; рисковать было опасно, соврать же что-нибудь, придумать было некогда, да и не обойти такого человѣка какъ Гвоздевъ. Оставалось одно средство.... Развѣ и въ самомъ дѣлѣ насчетъ Маши? мелькнуло въ головѣ Тишина.

Ему вспомнилось что разъ какъ-то Гвоздевъ привезъ ей какой-то гостинецъ, еще въ Можайскъ, что онъ говорилъ при этомъ какія-то слова, дѣлалъ какіе-то намеки...

— Счастливъ ты много, Силычъ, началъ наконецъ Осипъ Кондратьевичъ, откашлянувшись и сообразивъ весь планъ дѣйствія,—счастливъ! Во всѣхъ дѣлахъ твоихъ удача, понеже ты человѣкъ одинокій, семейства нѣтъ.

Гвоздевъ чуть замѣтно встрепенулся при этихъ словахъ, но удержался однако и не вымолвилъ ни слова.

Тишинъ не замѣтилъ движенія Гвоздева, и послѣдовавшее за вступительною его рѣчью молчаніе заставило его нѣсколько призадуматься.

— Прошибешься какъ разъ, продолжать ли рѣчь? Ишь онъ молчитъ!

— Молчитъ! думалъ также съ своей стороны Гвоздевъ.

— Гм, гм! покряхтывалъ Осипъ Кондратьевичъ.

— Ишь молчитъ! ишь молчитъ, дожидается! думалъ Гвоздевъ.

— Охъ, охъ, охъ! вздыхалъ Тишинъ.

— Знать этимъ его не возьмешь? размышлялъ про себя Гвоздевъ.

— Да что ты, Кондратьичъ, сказалъ онъ вслухъ, боясь что наконецъ и въ самомъ дѣлѣ прервется интересный для него разговоръ.—Иль въ семействѣ недоброе что приключилося?

— Вотъ поживи, поживи, Силычъ, самъ вѣдать будешь колико трудно въ семействѣ своемъ счастіе себѣ обрѣсти, отвѣтилъ Осипъ Кондратьевичъ, вздохнувъ;—а паче всего, гдѣ сирота безъ матери, дѣвка взрослая есть!

Желтокрасное, распухлое съ дороги лицо Гвоздева не могло обнаружить никакихъ признаковъ душевнаго движенія, но глаза его забѣгали, губы сжались и лицо приняло какое-то сосредоточенное выраженіе.

— А сестрица знать скончалась? спросилъ онъ грустнымъ голосомъ,—царство небесное!

— Скончалась, гм! откашлянулся Тишинъ. — Ну, да на мѣстѣ матери и ей не быть бы, продолжалъ онъ. За дѣвкой углядѣть, дѣло мудреное.

— Мудреное, Осипъ Кондратьевичъ, мудреное! Дочка-то, стало, одна осталась. Какъ тутъ пристроить ее и не выдумаешь? прибавилъ Гвоздевъ, какъ бы задавая самъ себѣ вопросъ и разводя руками.

— Поживи, Силычъ, поживи, научишься всему! внушительно говорилъ Осипъ Кондратьевичъ.

Прошло еще можетъ-быть съ четверть часа въ этой игрѣ въ кошку и мышку. Тишинъ скажетъ слова два, и помолчитъ; предложитъ вопросъ, другой Гвоздевъ, и тоже молчитъ, выжидаетъ. Ломались, ломались, пришлось наконецъ подходить къ самой сущности дѣла.

Осипъ Кондратьевичъ сталъ дѣлать довольно прозрачные намеки на истинное свое положеніе. Гвоздевъ эти намеки подхватывалъ на лету и, жадно предлагая дальнѣйшіе вопросы, заставлялъ пріятеля говорить откровеннѣе; дальше, да дальше, оставалось уже немного, шагъ, другой, и дѣло уяснится окончательно. Обозначилась уже причина недовольства Тишина дочерью; обозначилось и желаніе его пріискать ей какого-нибудь заступника; обозначилось что Гвоздевъ этою ролью ни въ какомъ случаѣ пренебречь бы не хотѣлъ; обозначилась, наконецъ, и якобы нѣжность родительскаго сердца, отказывающаяся отъ насильственныхъ дѣйствій противъ дочери и предмета ея любви. Оставалось только назвать этотъ предметъ.

— Ну, Кондратьичъ? торопилъ Гвоздевъ, — и больше сея тайны на душѣ бывало! Ну чего мнѣ-то тебѣ не открыть? твоему сердцу не любъ тотъ супостатъ, а мнѣ и паче того. Ну, Кондратьичъ? по рукамъ что ли? ну? Обѣщаніе мнѣ только дай за дочь. Молодецъ же.... молодецъ, не отъ твоихъ рукъ...

— Гм, прохрипѣлъ Осипъ Кондратьевичъ, — не отъ моихъ рукъ, чего не отъ рукъ? Взялъ бы руками, да руками не возьмешь.

— Ну такъ словомъ, Кондратьичъ, словомъ чай можно; можно? а? можно? повторялъ Гвоздевъ, увидавъ какую-то улыбку на лицѣ Тишина,—называй...

— Гм, гм! точно захлебывался своимъ кашлемъ Осипъ Кондратьевичъ.

— Называй небось, называй...

— Называй, гм, гм! называй!... какъ назовешь?

— Эхъ какой же ты человѣкъ, ну чего ты, чего?

— Миктеровъ! внятно, но шепотомъ произнесъ наконецъ Тишинъ, глядя прямо въ глаза своему пріятелю, и вздохнувъ.

Гвоздевъ ни слова не сказалъ на это въ отвѣтъ; множество мыслей зашевелилось въ его головѣ въ одну секунду. Сначала онъ не могъ понять съ какой стати тутъ былъ Миктеровъ; затѣмъ приподнявъ одну бровь и зажмуривъ глазъ, догадался онъ что рѣчь могла идти о другомъ Миктеровѣ; потомъ ему пришло въ голову не надуваетъ ли его самъ Осипъ Кондратьевичъ; наконецъ глаза его вдругъ забѣгали; онъ вскочилъ съ мѣста, согнувшись почесалъ себѣ колѣнку и, слегка дотрогиваясь другою рукой до плеча Тишина, прошепталъ:

— Не уйдетъ нынѣ, нѣтъ, Кондратьичъ, не уйдетъ!

Дальнѣйшія объясненія съ Гвоздевымъ были бы лишнія. Дѣло Тишина находилось въ вѣрныхъ рукахъ. Подробностей знакомства и связи Осипа Кондратьевича съ Миктеровымъ Гвоздевъ тоже не требовалъ, онъ удовольствовался тѣми полусочиненными романтическими соображеніями касательно родительской любви какія излагалъ ему Тишинъ.

Старые друзья разстались съ новыми увѣреніями и новыми залогами дружбы. Тишинъ обѣщалъ свою дочь Гвоздеву и отъ слова не отступится; Гвоздевъ также обѣщалъ извести Миктерова, и конечно для цѣли этой себя не пожалѣетъ.

XIII.

Прибывъ въ Петербургъ, Гвоздевъ кинулся отыскивать квартиру Осипа Кондратьевича, чтобы накрыть тамъ Миктерова. Но сколько ни навѣдовался онъ подъ разными предлогами и въ разные часы къ Машѣ, сколько ни слѣдилъ за ней, сколько ни выглядывалъ, сколько ни простаивалъ предъ ея окнами на холодѣ и дождѣ, увы!... все оказывалось напрасно! И не мудрено: Миктерова не было уже въ Петербургѣ, и въ

то время когда встрѣтившіеся сыщики распоряжались его судьбой, такъ что казалось бы уже трудно было ему отъ нихъ теперь увернуться, судьба устраивала другую встрѣчу. Миктеровъ наткнулся на бывшаго деньщика своего, Дерюгина, который, если помнитъ читатель, бѣжалъ съ нимъ одновременно изъ Москвы и вмѣстѣ съ другими бѣглыми отъ ломѣщиковъ людьми попалъ на Поморы, увлеченный тудá какимъ-то пріѣзжимъ изъ Выгорѣцкой пустыни раскольникомъ Кутейкинымъ. Встрѣча съ Дерюгинымъ, человѣкомъ простымъ и невліятельнымъ, не могла бы, казалось, имѣть никакихъ послѣдствій, но немного требовалось для того чтобы заставить Миктерова соскочить теперь съ того пути по которому онъ было пошелъ.

Отношенія его къ Машѣ были очень странны. Она ему нравилась, и даже очень нравилась; но и представлялась ему нерѣдко связью и бременемъ, чѣмъ-то въ родѣ тяжелой гири которая тянетъ его къ низменной, ничтожной долѣ.—Неужто на вѣки вѣковъ связаться мнѣ съ нею, съ дочерью сыщика! приходило ему часто въ голову.... И молодая кровь кипѣла тѣмъ жарче что добродушная и цѣломудренная Маша, считая его своимъ женихомъ предъ Богомъ, своимъ будущимъ мужемъ, не отказывала ему въ маленькихъ ласкахъ и даже въ поцѣлуѣ.

— Нѣтъ, разсуждалъ самъ съ собою Миктеровъ,—такъ жить нельзя. Лучше камень на шею.

И вдругъ случайно подвернулся Дерюгинъ.

— Дерюгинъ, Дерюгинъ! Гдѣ жь ты жилъ-то, да какъ? Въ монастырѣ, въ раскольничьемъ? Даниловскомъ? Да какъ тебя туда приняли? распрашивалъ онъ, смотря съ наслажденіемъ на черты лица напоминавшія ему счастливое старое время.

— А какъ приняли? просто приняли. О патріархѣ объ Никонѣ лишь спросили. А потомъ постъ наложили на шесть недѣль, а тамъ, улыбнулся Дерюгинъ, — на самое на Рождество Іоанна Крестителя, къ рѣкѣ привели, раздѣли, въ воду погрузили....

— Ну?

— Ну и окрестили Иваномъ.

— Ахъ ты! ахъ ты! разсматривалъ его какъ какую диковинку Миктеровъ.

— А житье то какое, житье-то! продолжалъ между тѣмъ деньщикъ,—эхъ! Монастырь нашъ былъ общежительный, а порядокъ, у! порядокъ какой! На всякую должность свои люди

были. Главные-то учители, Семенъ, да Мануйло, въ Питеръ стрялчими ѣздили; уставщикъ раскольничьи книги хранилъ; и писарь, и нарядчикъ, и торговые прикащики были, которые за торговыми промыслами ѣздили; иконописецъ образа по старинному красками на деревѣ писалъ; а тутъ и больничный, и стольникъ, и гостинщикъ, для пріема пріѣзжихъ гостей; рубашечный тамъ, прачечный, казначей,—народу-то, народу!

— И всѣмъ тепло и всѣмъ спокой! вздыхалъ съ какою-то горечью Миктеровъ.

— Ну о спокоѣ ли говорить? спокой во всемъ. А какъ ѣли! Въ господскіе праздники бывало пшеничный хлѣбъ богородичный принесутъ въ часовню, такъ это что? Ахъ, да и только! Пропоютъ часы надъ нимъ, да съ колокольнымъ звономъ въ столовую, а тамъ ужь всѣ вкругъ садятся; старецъ рѣзать его зачнетъ, братіи раздаетъ, а звонъ-отъ гудетъ да гудетъ, поколѣ онъ, старецъ, опять мѣдною ложкой въ мѣдную чашку не ударитъ; а ударитъ—всему конецъ, и разойдутся. Благолѣпіе, что говорить, благолѣпіе! Каждый день въ молельнѣ молиться сбирались. Молельня вся образами изукрашена, монахъ бѣглый, Ѳеодосій, и службу правилъ. А государыни и синода, продолжалъ таинственно Дерюгинъ,—у насъ и не вспоминали.

— Ну?

— Только послѣ вечерни и утрени, вмѣсто многолѣтія пѣли: „Утверди Боже вѣру Христову, соблюди Господи и помилуй отецъ нашъ духовныхъ иже о Христѣ съ братіею и вся христіанъ,“—вотъ какъ!

— Ахъ ты!

— Да, оттолѣ и бѣда-то моя вся! кабъ не то, жить бы, жить! А тутъ какъ спознали лиходѣи, да какъ понаѣхали, и-и! махнулъ рукой Дерюгинъ. — Хватать начали, допрашивать; всѣ разбѣжались! Человѣкъ двадцать, убоясь, огнемъ себя сами извели. Вотъ съ той поры и мнѣ тяжко стало. Бился, бился, нигдѣ не сокроется. И такъ думалъ, и этакъ; а теперь, какъ въ народѣ слухъ идетъ объ Украйнѣ, ужь туда иду; надо жизни своей конецъ положить, пока силы есть, да смѣлость.

Миктерова разбирала зависть, слушая Дерюгина. Распрашивая его обо всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ его прошлой жизни, онъ въ особенности старался разузнать о видахъ его на будущее, о томъ почему тянуло его въ Украйну, что говорили въ народѣ, на что онъ надѣялся, какъ думалъ идти, когда, куда именно, и чѣмъ больше углублялся въ эти

подробности, тѣмъ болѣе подступала къ нему злоба и тѣмъ становилось ему досаднѣе что простой человѣкъ, Дерюгинъ какой-нибудь, умѣетъ съ жизнью своею справиться, а онъ сколько уже лѣтъ выхода изъ своего положенія придумать не можетъ. Широкая, свободная жизнь на Украйнѣ подмывала его; онъ чувствовалъ потребность дѣятельности, а настоящее представлялось ему безрадостнымъ и безнадежнымъ; Маша казалась ему и такой холодной, и такой благоразумной....

— Пойти что ль съ тобой на Украйну-то? перебивалъ онъ разкащика.

А Дерюгинъ, въ невѣдѣніи того что происходило на душѣ его слушателя, продолжалъ свои разказы, просто и грубо настаивая что голову свою даромъ отдавать не слѣдуетъ, что жить въ Питерѣ, все равно что самому на плаху идти; что не все такимъ порядкамъ какіе нынѣ продолжаться, что наконецъ не одни Выгорѣцкіе старцы, а можетъ-быть и полъ-Россіи, скрыть его, Дерюгина, пожелаютъ.

— Завтра, слышь, завтра, Дерюгинъ, сказалъ наконецъ Миктеровъ, разставаясь съ нимъ, — или мы съ тобою не свидимся, или вмѣстѣ пойдемъ. Хоть ложитки всѣ бросить, хоть и сюда не заходить, только бы завтра уйти, а не позже.

А на завтра чуть свѣтъ, Миктеровъ былъ уже у Маши. Взволнованный, раздраженный вошелъ онъ къ ней, рѣшившись положить ихъ отношеніямъ одинъ конецъ. Онъ заговорилъ съ нею такимъ тономъ который смущалъ и оскорблялъ бѣдную дѣвушку; она слушала его закрывъ лицо руками и отъ времени до времени отрицательно покачивая головой. Но Миктеровъ, все болѣе и болѣе разгораясь, обхватилъ Машу обѣими руками и прижалъ къ ея лылающимъ плечамъ лицо; она вырвалась.

— Не искушай ты меня, оставь; поди лучше прочь.

— Какая же это любовь твоя ко мнѣ! говорилъ Миктеровъ, стараясь привлечь ее снова.—Маша! Маша! полно же, Маша! шевелилъ онъ чуть слышно пересохшими губами, крѣпко сжимая ея руки и силясь оторвать ихъ отъ лица. — Маша! не томи ты меня.... Маша!

— Нѣтъ! шепотомъ, но твердо произнесла она, опустивъ руки и не замѣчая крупныхъ капель слезъ, которыя показались изъ-подъ опущенныхъ длинныхъ ея рѣсницъ.

— Я уйду!

— Стулай, если сердце тебя ко мнѣ не тянетъ! знать моя

судьба такая, прибавила она, взглянувъ на него, и концомъ платка которымъ была повязана ея голова вытерла скатившуюся слезу.

Миктеровъ выпустилъ ея руку, и опять злобное чувство пробѣжало по его душѣ.

— Всѣ дни свои, сказалъ онъ,—я съ тобой проводилъ, Маша; вмѣстѣ горе горевалъ, радости же мало видѣлъ! Однако ты и того вѣдать не хочешь, коли отъ себя меня гнать не боишься? Ну когда такъ, то и прощай! Когда сердцу твоему не милъ я, прощай! Ну, прощай! прибавилъ онъ, протягивая руку,—прощай!

— Прощай! повторила за нимъ съ разстановкой Маша, встрепенувшись и глядя ему прямо въ лицо.

— Прощай! сказалъ еще разъ Миктеровъ, вставая и держа на воздухѣ протянутую руку,—прощай!

— И уйдешь? спросила Маша не подымаясь съ мѣста, — такъ и уйдешь ты?

— Нѣтъ, поцѣлуюсь еще! сказалъ Миктеровъ, сжавъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Милый мой, милый!

— Маша, Маша!

И поцѣлуй длился долго. Миктеровъ крѣпко прижималъ ее къ своей груди, обнявъ тонкую талію.

— Маша! умоляющимъ голосомъ проговорилъ наконецъ Миктеровъ, — Маша! Ну чего ты?... чего ты?...

— Нѣтъ, нѣтъ! едва дыша повторила опять она, замотавъ головой.

— Ну такъ... не любишь же ты меня! громкимъ и твердымъ голосомъ произнесъ Миктеровъ и кинулся къ дверямъ.

— Не люблю? Я?... Какъ люблю-то! закричала какимъ-то дикимъ голосомъ вслѣдъ ему Маша; но Миктеровъ былъ уже за дверью, а черезъ часъ, вмѣстѣ съ Дерюгинымъ, выбирались они вонъ изъ Москвы.

XIV.

Взятіе Азова, Перекопа и Очакова, затянувшаяся Турецкая война, все это обходилось не дешево Россіи. Безпрестанные наборы совершенно обезлюдили селенія; набира-

ли въ солдаты даже церковниковъ, разстригали поповъ и чернецовъ для пополненія арміи.

Генералъ Ласси, отразивъ прорвавшихся было и разсѣявшихся по Донцу и его равнинамъ Татаръ, вздумалъ, пройдя линію Перекопа, двинуться глубже въ Крымъ, но опустошенная страна, не дававшая войску никакого продовольствія, и буря разсѣявшая флотъ который долженъ былъ подвезти ему припасы, заставили его поспѣшно возвратиться на Украйну. Минихъ со своею пятидесятитысячною арміей, везя артиллерію на двѣнадцати тысячахъ паръ воловъ, дошелъ до Днѣстра, имѣя намѣреніе приступить къ осадѣ Хотина и Бендеръ; но въ виду расположившихся лагеремъ на другой сторонѣ рѣки шестидесяти тысячъ Турокъ, простоялъ три дня на мѣстѣ и отступилъ, не рѣшившись переправиться. Бросая въ степи скотъ, артиллерію и припасы, только къ осени возвратился онъ на Украйну, не досчитываясь шестнадцати тысячъ войска и до тридцати тысячъ крестьянъ, сдѣлавшихся жертвой походныхъ трудовъ.

Неблагопріятствовали намъ и отношенія наши съ Швеціей. Возобновленіе заключеннаго съ нею, еще въ 1724 году, на двѣнадцать лѣтъ союза хотя и ограждало насъ нѣсколько съ этой стороны на время окончанія дѣлъ съ Турціей, но правленіе Швеціи находилось по смерти Карла XII въ рукахъ продажнаго дворянства, и все зависѣло отъ того чье вліяніе, или скорѣе чьи деньги возьмутъ перевѣсъ,—французскія или русскія. Теперь борьба двухъ враждебныхъ дворянскихъ партій, графа Горна и Гилленборга, кончилась не въ нашу пользу. Горнъ, сторонникъ Россіи, принужденъ былъ сложить съ себя всѣ свои должности и удалиться вмѣстѣ со всѣми совѣтниками кригсрата, а новое министерство, заключивъ на десять лѣтъ трактатъ съ Франціей, обязавшеюся доставлять Швеціи денежныя субсидіи, въ то же время завязало тайныя сношенія съ Константинополемъ.

Слышно было что изъ Стокгольма посланъ былъ въ Польшу, для возбужденія Поляковъ противъ Россіи, майоръ Синклеръ съ какими-то тайными порученіями; что посланникъ нашъ при Стокгольмскомъ дворѣ, Бестужевъ, наблюдавшій за дѣйствіями Шведовъ, препроводилъ даже добытый имъ портретъ Синклера въ Петербургъ, дабы правительство могло за нимъ слѣдить; что этому же Синклеру поручено было

потомъ отвезти въ Хотинъ ратификацію заключенной съ Турками конвенціи для доставленія ее въ Константинополь и т. д.

Разорительная война, правленіе Нѣмцевъ, ужасныя картины продолжавшихся жестокостей Бирона, все это не могло не возбуждать общаго ропота, не могло не родить недовольныхъ между Русскими. Поговаривали въ народѣ даже о какихъ-то тайныхъ сношеніяхъ нѣкоторыхъ вельможъ съ Франціей и Швеціей; говорили что Швеція должна будетъ напасть на Россію съ тридцатитысячною арміей, какъ только обнаружится неудачный исходъ кампаніи фельдмаршала Миниха; что тогда откроется общее возстаніе, что провозгласятъ государынней Елизавету Петровну, а принцессу Анну и герцога Брауншвейгскаго отправятъ въ Германію.

Кто распускалъ эти слухи, откуда они шли—никто не зналъ, но слухи эти ходили между людьми всякаго званія.

Дерюгинъ съ Миктеровымъ подвигались между тѣмъ, не зная впрочемъ хорошенько куда и зачѣмъ они идутъ. Народная молва гнала ихъ все дальше и дальше на югъ, „на вольныя мѣста“.

Путешественники наши пробирались никѣмъ и нигдѣ не останавливаемые. Дерюгинъ выручалъ своего товарища смѣлостью пріемовъ, знаніемъ обычаевъ простаго народа, разказами о поморскихъ раскольникахъ, а Миктеровъ помогалъ ему своею грамотностію.

Назывались они, смотря по обстоятельствамъ, то бѣглыми отъ помѣщиковъ крестьянами, то старцами изъ раскольничьихъ скитовъ, то посланными отъ православныхъ монастырей за сборомъ,—и вездѣ принимали ихъ радушно, кормили Христа ради чѣмъ Богъ послалъ и ввѣряли, не стѣснялись, всякую тайную молву ходившую въ народѣ, будь она хорошаго или дурнаго свойства.

Разнообразіе впечатлѣній, разсѣянная, подвижная жизнь, напряженное состояніе духа, вслѣдствіе необходимости быть всегда на чеку, все это придавало бодрости Миктерову. Покончепные счеты съ Тишинымъ облегчили его, а съ Машей трудно было, казалось ему, поступить честнѣе того какъ онъ поступилъ.

— Отъ соблазна самъ ушелъ, бросилъ все; погубить ее не хотѣлъ; больше того и сдѣлать не можно, думалъ онъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ незнакомыя мѣстности представлялись ему тѣмъ самымъ краемъ всякихъ волненій, а незнакомыя лица тѣми самыми недовольными и заговорщиками которыхъ онъ

искалъ и о которыхъ не переставалъ ему напоминать Дерюгинъ.

— Ну, схорониться здѣсь мы схоронимся, твердилъ послѣдній съ увѣренностью,—говори знай что̀ на умъ пришло, лишь не робѣй! Ишь они здѣсь живутъ за пазушкой; про злодѣевъ Нѣмцевъ и не вѣдаютъ!

И Миктеровъ, останавливаясь на почлегахъ и привалахъ, разказывалъ все что̀ зналъ: читалъ вслухъ отрывки изъ распущеннаго въ то время въ народѣ польскаго календаря, какъ астрономъ Францишка Невѣскій „разные неблагопріятные прогностики объ Имперіи Русской, а особливо объ Украйнѣ описывалъ“, и слушали его всѣ со вниманіемъ и въ самомъ дѣлѣ ждали чего-то.

— Землякъ! таинственно окликнулъ разъ Миктерова Дерюгинъ (обращаясь уже съ нимъ по товарищески).—Землякъ, а землякъ! повторилъ онъ, нащупавъ его въ сѣняхъ, во время ужина хозяевъ и наклонившись къ самому его уху.—Вотъ въ каку сторону зашли,—слышалъ ли? государь Алексѣй Петровичъ, царевичъ, блаженной памяти,—живъ! За столомъ старикъ сказывалъ. Царевичъ, молъ, не преставился; извести его токмо хотѣли, а онъ нынѣ живъ!

— Что̀ ты, что̀ ты? встрепенулся съ просонья Миктеровъ.

— Чего? Здѣсь недалеко. Народу явиться хочетъ. Селеніе отсюда которое десять верстъ,—туда надо идти.

— Что̀ ты, Дерюгинъ, брось! Обманъ лишь одинъ: самозванецъ!

— Толкуй, самозванецъ! Царевичъ Алексѣй Петровичъ сынъ.

— Да брось, Дерюгинъ, брось, говорилъ уже серіозно урезонивая товарища Миктеровъ,— ну какой тамъ царевичъ Алексѣй Петровичъ?

— Самъ не вѣдаю я какой; померъ ли тотъ царевичъ, не померъ ли,—все едино; многимъ ужь онъ явился. Пойдемъ, а не то.... безъ тебя дорогу найду; мнѣ чего? и одинъ пойду!

Оставаться одному Миктерову не хотѣлось, а идти?...

— Фу ты! Экъ вранье! экъ васъ!... ворчалъ и сердился онъ, но все-таки рѣшился слѣдовать за Дерюгинымъ.

По мѣрѣ приближенія къ указанному мѣсту, слухи о царевичѣ подтверждались. Разказывали уже разныя подробности: какъ царевичъ этотъ былъ допрежь сего работнымъ человѣкомъ у Басанскаго сотника въ командѣ, что звали его Ива-

номъ Миницкимъ, что явилось ему все то въ сонныхъ видѣніяхъ. Народъ въ попадавшихся на пути селеніяхъ волновался, валилъ смотрѣть на самозванца.

— Пристану я къ нему, пристану! говорилъ возбужденный общимъ движеніемъ и чудесными разсказами Дерюгинъ.

— Пойдемъ, посмотримъ! повторялъ за нимъ уже съ любопытствомъ Миктеровъ.

И путешественники наши шли впередъ.

XV.

Мѣстности болѣе плоской какъ та гдѣ находилось село Ярославецъ трудно было себѣ представить; за то нельзя было выбрать лучшаго пункта для устройства наблюдательныхъ за Татарами постовъ, составлявшихъ съ этой стороны военный кордонъ. Далеко съ постовъ этихъ, обозначенныхъ высокими шестами и горящими по ночамъ смоляными бочками, далеко въ открытой степи видѣлъ глазъ сторожевыхъ казаковъ и легко было имъ наблюдать за всякимъ движеніемъ Татаръ, еслибы таковыя дѣйствительно ими предпринимались; но тихо и смирно было пока все вокругъ, никто и ничто не безпокоило стражниковъ, не о чемъ было имъ думать и нечего дѣлать.

— Живемъ мы здѣсь словно отшельники; сами не видимъ никого, да и про насъ люди забыли, разсуждали они между собою.

— И отшельники себя знай чѣмъ-нибудь показываютъ, народъ тоже къ нимъ сбирается; а мы и того сдѣлать не можемъ.

— Эхъ! говорилъ разъ солдатъ Шурлаевъ, — нешто чѣмъ мнѣ показать себя? съ горя,—ей, братцы?

— Чѣмъ покажешь-то? Рожей что ль? возражалъ ему товарищъ Маскуринъ.

— Ну куда тебѣ! Эхъ ты, Шурла! Вотъ Ванькѣ бы Миницкому, такъ онъ вишь на выдумки гораздъ! вмѣшался казакъ Стрѣлковъ.

А Ванька Миницкій, лежа въ углу на соломѣ, только потягивался.

— Чуръ меня, чуръ меня! закричалъ онъ громко, услыхавъ свое имя.—Чуръ меня!

— Аль во снѣ увидалъ что, чураешься?

— Видѣніе ему знать какое приснилося.

— Кто ты таковъ? басомъ, съ открытыми глазами, продолжалъ между тѣмъ Мининкій.

— Кто? Мининкій, казакъ, Ванька,—вотъ кто! смѣючись отвѣчаетъ Стрѣлковъ.

— Царь, государь Дмитрій царевичъ Углицкій! басилъ Мининкій.

— Шутъ!... Померъ давно!

— Ишь онъ проспалъ его.

— Другаго бы выдумалъ! смѣялись казаки.

— Русской земли ты царь православный! Встань, подымись, народу явись! продолжалъ Мининкій. — Батюшка нашъ ты, Алексѣй Петровичъ, царь!

— Другаго слышь, ребята, называетъ.

— Сбился, сбился!

— Ахъ ты! померли со смѣху казаки.

— Слугъ себѣ набирай царскихъ, вѣрныхъ! кричалъ громче прежняго ободренный удачнымъ выборомъ самозванничества Мининкій.—Управителей нѣмецкихъ казнить вели! Ты нашъ царь, прироженный царь, царевичъ царь!

— Ха-ха-ха! дружно смѣялись всѣ.

И прироженаго царя стащили съ соломы и долго возились въ тѣсной ставкѣ казаки, и послали за виномъ, а на завтра Стрѣлковъ съ Шурлаевымъ обѣщали, шутя, новаго царя помазывать.

— О-о-охъ! толковали между собою нѣкоторое время спустя, въ селѣ Ярославцѣ, на улицѣ бабы. Гдѣ жь такой народился-то, а?

— У казаковъ вишь ты, у казаковъ.

— О-охъ! А звать-то какъ его намъ, звать-то?

— Алексѣемъ, вишь ты, Петровичемъ.

— Коли истинно царь, въ то же время говорили мужики,— пусть явится.

— Народу пусть покажетъ себя.

— За истиннымъ за царемъ, всѣ пойдемъ, не отступимся.

— Гдѣ у васъ тутъ царь-отъ? стали спрашивать наконецъ и наѣзжавшіе со всѣхъ постовъ казаки.

— Истинно ли про то всѣ сказываютъ?

— Ну, Ванюшка!—держись! серіозно уже говорили Мининкому товарищи,—пристанетъ если много народу,—мы явимся.

А молва между тѣмъ росла, да росла. Къ слуху о явившемся царѣ, приплеталась уже цѣлая сочиненная въ народѣ же

легенда. Разказы о сонномъ видѣніи Миницкаго передавались съ разными варіаціями. Къ селу Ярославцу потянули отовсюду любопытные. Достигло извѣстіе, какъ мы видѣли, и до Миктерова и Дерюгина.

Миницкому съ товарищами приходилось дѣйствовать не въ шутку, приходилось въ самомъ дѣлѣ показаться людямъ.

Казакъ Малмега изъ села Ярославца обѣщалъ пріютить самозванца у себя, и вся компанія собралась туда. Роли которыя каждый изъ дѣйствующихъ лицъ долженъ былъ играть затвержены были такъ хорошо, что смотря на Миницкаго и другихъ казаковъ, можно было пожалуй думать что искренно вѣрилъ всякій изъ нихъ въ то лицо которое онъ представлялъ. Стрѣлковъ, Маскуринъ и Шурлаевъ, въ качествѣ тѣлохранителей царя, помѣстились съ ружьями на карауле у избы Малмеги. Самъ Миницкій, выстрѣливъ въ честь прибытія своего изъ мушкета, засѣлъ въ красный уголъ и, сто разъ повторяя чудное свое видѣніе приходящимъ взглянуть на него людямъ, принималъ земные поклоны и цѣлованія, обѣщалъ милости и льготы. Наказной сотникъ Полозокъ, одинъ изъ первыхъ увидавшій самозванца, поспѣшилъ было на всякій случай, въ огражденіе себя, увѣдомить обо всемъ случившемся командира своего Климовича.

— Какой тамъ царевичъ? въ колодки его! закричалъ послѣдній, прерванный въ бесѣдѣ съ профѣжимъ изъ синода монахомъ, вытаращившимъ при этомъ извѣстіи глаза,—въ колодки его! повторилъ онъ, не дослушавъ доклада.

И Полозокъ стремглавъ пустился къ Малмегѣ, но было уже поздно. Улица вся запрудилась народомъ; откуда ни взялись вооруженные люди, женщины, дѣвки, дѣти малыя тѣснившіеся вокругъ дверей! Тѣлохранители пропускали по одиночкѣ желавшихъ видѣть ясныя очи царя, и протерѣвшійся сквозь толпу и представшій предъ царевичемъ, Полозокъ не только не думалъ уже исполнять приказаній начальства, не только позабылъ про колодки, но, повалившись въ землю, просилъ теперь у царя милости, не оставить и его своимъ посѣщеніемъ.

Малмега между тѣмъ послалъ сына своего за священникомъ, а самъ побѣжалъ подѣлиться своими впечатлѣніями кой съ кѣмъ изъ товарищей.

— Царевичъ! воистину царевичъ! говорилъ онъ сотнику Краснощекову, вытирая слезы.

— Милости намъ даруетъ большія ли? распрашивали его хорунжіе и казаки.

— Всѣмъ обѣщалъ, всѣмъ! толковалъ Малмега. Самъ атаманъ Кучаковскій, командиръ, и тотъ призналъ его: „Царевичъ, говоритъ, не оставь насъ“,а самъ плачетъ—разливается.

Послали и къ Бобровицкому сотнику Косташу, звать его со знаменемъ и казаками. Послали доставить царевичу кафтанъ.

А царевичъ въ это время, перейдя уже въ домъ Полозка, сидѣлъ за столомъ со священникомъ, по прозванію Гаврила Могила, кушалъ рыбу, которою угощалъ его хозяинъ, разказывалъ когда и какъ онъ явиться народу торжественно, яко подлинный царь, хочетъ, и слушали его съ благоговѣніемъ окружающіе, а въ селѣ на улицахъ точно праздникъ былъ. Народъ сновалъ изъ стороны въ сторону: лѣсти лѣли, разговоры вездѣ шли; окна у Полозка такъ и залѣпили, какъ мухи, головы любопытныхъ, стараясь разсмотрѣть царевича за трапезой, ибо видѣть его многимъ еще не довелось, а тѣлохранители, Стрѣлковъ, Шурлаевъ и Маскуринъ въ двери никого еще не впускали.

Въ то же время подходили къ селу наши путешественники, Дерюгинъ и Миктеровъ. Праздничный видъ на улицѣ, разговоры, шумъ и движеніе позволяли имъ догадываться что цѣль путешествія ихъ была достигнута и что здѣсь во всякомъ случаѣ надо было имъ и остановиться и пріотдохнуть.

XVI.

На селѣ становилось съ каждымъ днемъ все людиѣй и людиѣй. Кто вѣрилъ, а кто и не вѣрилъ разказамъ передаваемымъ изъ устъ въ уста и украшаемымъ фантазіями каждаго отдѣльнаго лица. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ, разумѣется, Миктеровъ и съ нимъ вмѣстѣ Дерюгинъ; но оба они все-таки не переставали вертѣться въ народѣ, прислушиваясь къ толкамъ.

Священникъ Гаврила Могила, какъ слышно, присталъ окончательно къ самозванцу и сбирался устроить торжественную присягу. Пріобрѣтенный авторитетъ священника много помогалъ Миницкому.

— Люди начнутъ присягать, и мы не отступимся, говорилъ каждый отдѣльно.

— Дружнѣй надо ребята, дружнѣй! повторяли потомъ хоромъ въ толпѣ.

И глядя на все это, невольно приходило въ голову Миктерову сожалѣніе отчего на мѣстѣ простаго казака, какимъ выглядывалъ Миницкій, не стоялъ теперь кто-нибудь другой.

— Эхъ! иное бы дѣло было тогда, заварилась бы каша, и не расхлебать бы! Эхъ! силъ-то монхъ не хватаетъ!

— Чего, силъ? постой, попримотримся, говорилъ Дерюгинъ,— дай время сему разыграться, и силы тогда найдемъ, погоди!

Изо всѣхъ худшее положеніе было сотника Климовича. Ему, какъ начальству, слѣдовало что-нибудь предпринять рѣшительное, а что̀ именно, онъ не зналъ. Посадить въ колодки Миницкаго было легко приказать тогда, но исполнить такое приказаніе едва ли даже было и возможно при тѣхъ размѣрахъ которые приняло дѣло. Кромѣ того что пришлось бы пожалуй бороться теперь съ толпой силой оружія, но и въ необходимости-то этой борьбы онъ былъ еще не вполнѣ увѣренъ самъ.

— Чего же другіе-то молчатъ? Чего жъ, вонъ сказываютъ, и самъ атаманъ Кучаковскій милостей царскихъ проситъ? Съ чего жъ сотники-то къ нему всѣ пристали? думалъ онъ.

И только загостившійся у Климовича проѣзжій монахъ удерживалъ его отъ окончательнаго признанія Миницкаго. Монахъ убѣдительно доказывалъ что всѣ разказы были чистый вздоръ, что никакого царевича Алексѣя Петровича на свѣтѣ нѣтъ, что онъ это доподлинно знаетъ и совѣтуетъ пока, до времени, до явныхъ какихъ-либо со стороны самозванца дѣйствій, молчать, въ случаѣ таковыхъ, напасть на него, хотя бы съ оружіемъ, а главное, постараться развѣдать въ народѣ не скрывается ли во всемъ этомъ какихъ вредителей, подстрекателей, здѣшнихъ или съ чужой стороны прибывшихъ, ибо такого злодѣйскаго умысла простому казаку не выдумать.

— Если, говорилъ не крѣпкій, какъ видно, и самъ въ убѣжденіяхъ своихъ монахъ, если самозванецъ, хотя бы и злодѣй, да въ народѣ силу большую имѣть будетъ,—оружіемъ тебѣ его не взять, понеже за него многія тысячи возстанутъ, а тебѣ пристать къ нему всегда время будетъ.

И Климовичъ согласился и молчалъ.

Между тѣмъ въ назначенный по уговору день, ударили въ колоколъ, и народъ повалилъ по призыву толпами въ церковь.

На паперти, въ полномъ облаченіи стоялъ священникъ. По бокамъ его раскачивались вынесенныя хоругви. Въ рукахъ держалъ онъ блюдо, на которомъ положенъ былъ большой се-

ребряный крестъ. Въ церкви, предъ мѣстными иконами горѣли большія свѣчи, которыя зажигались только при торжественныхъ праздникахъ. Царскія двери были отворены. Показавшійся вдали самозванецъ, въ новомъ кафтанѣ и шапкѣ, окруженный солдатами съ заряженными ружьями и примкнутыми штыками, подвигался медленно, и напиравшій за нимъ народъ говоромъ и шумомъ своимъ чуть не заглушалъ колокольнаго звона. Миницкій дрогнулъ было при такой торжественности: она его испугала.

— Чего опасаешься? знай молчи, говорилъ шедшій рядомъ съ нимъ Стрѣлковъ и другіе; куда хочешь иди,—крѣпко будемъ стоять за тебя.

Кто изъ дѣйствующихъ лицъ выдумалъ форму церемоніала, и долго ли ее выдумывали, Богъ вѣсть, но церемоніалъ этотъ шелъ такъ гладко, въ такомъ порядкѣ, какъ будто надъ составленіемъ его работала цѣлая придворная канцелярія.

Подойдя къ папертн, самозванецъ смѣло уже взялъ съ блюда крестъ, приложился къ нему, далъ приложиться священнику, сунулъ тутъ же послѣднему къ цѣлованію руку и бодро выступивъ съ крестомъ въ рукахъ впередъ, вошелъ въ церковь, а за нимъ священникъ, тѣлохранители и народъ.

Храбрость, казалось, вполнѣ уже возвратилась къ Миницкому. Твердымъ, увѣреннымъ шагомъ пройдя въ открытыя царскія двери, подошелъ онъ прямо къ престолу, взялъ Евангеліе и обратился къ народу. Солдаты не отпускали его ни на шагъ, держа у ногъ ружья, изъ которыхъ, по окончаніи церемоніи, предполагалось произвести пальбу, въ знакъ признанія самозванца царевичемъ, и съ которыми также намѣревались идти къ Басанскому сотнику Климовичу, чтобы заставить его, если не волей, такъ силой пристать къ общему дѣлу.

Все шло какъ по маслу. Стоя въ царскихъ дверяхъ, Миницкій давалъ подходившимъ прикладываться ко кресту и Евангелію, а священникъ Могила между тѣмъ служилъ часы. Скоро раздался благовѣстъ къ молебну; Могила прочелъ акаѳистъ Николаю Чудотворцу и провозгласилъ на эктиньѣ царевича Алексѣя Петровича; запѣли самозванцу многолѣтіе, тропарь пятидесятницы.... но не умеръ еще звукъ колокольнаго звона, не кончилась еще духовная пѣснь, какъ въ заднихъ рядахъ послышался какой-то говоръ, шумъ, многіе подались изъ церкви вонъ; смущенная толпа оглянулась назадъ,

а въ дверяхъ показался съ крѣпкимъ карауломъ сотникъ Климовичъ, громкимъ голосомъ потребовавшій самозванца къ расправѣ.

Мининскій стоялъ на мѣстѣ не двигаясь. Шурлаевъ, Стрѣлковъ и другіе кинулись было съ ружьями впередъ, готовясь защищаться; караулъ Климовича загородилъ имъ дорогу. Началась свалка, крикъ, давка. Миктерову съ Дерюгинымъ едва удалось пробраться до дверей и оттуда уйти домой съ тѣмъ чтобы, забравъ пожитки, какъ-нибудь задами и огородами бѣжать изъ села.

— Ну, вотъ, говорилъ спустя нѣкоторое время Климовичу заѣзжій монахъ,—и дѣлу всему конецъ. Виновники, самъ злодѣй, сообщники, всѣ перехвачены.... Милостей тебѣ ожидать царскихъ нынѣ надо.

— Подстрекателей и тѣхъ схватить удалось, съ сіяющимъ отъ радости лицомъ говорилъ Климовичъ.—На утекъ было ушли, да попалися.

— А? Сіе и того лучше, радовался вмѣстѣ съ нимъ и монахъ;—мятежъ скорѣе къ окончанію придетъ. Совѣтъ-то мой знать и точію къ правдѣ привелъ. Взысканъ будешь милостями,—меня помяни.

— Помяну, помяну! потиралъ руки Климовичъ.—Допросить лишь ихъ надлежитъ, что̀ за люди, кѣмъ научены и откудова къ намъ пожаловали.

По улицамъ шла между тѣмъ еще страшная неурядица. Разсыпавшаяся изъ церкви въ разныя стороны толпа придти въ себя не могла. Посаженный подъ караулъ, Мининскій съ товарищами возбуждалъ толки и разговоры. Требовали суда и расправы.

— Царевичъ ли онъ, или не царевичъ, про то намъ лучше свѣдомо, ворчали одни.

— Мы бы и сами самозванца отъ истиннаго царя распознать сумѣли, говорили другіе.

— Чего же смотрѣли-то вы? Своихъ били, всѣхъ выдали.

— Посчитаемся, вотъ погоди! слышалось со всѣхъ сторонъ.

А закованныхъ мнимыхъ подстрекателей вели въ то же время къ допросу къ сотнику, и Климовичъ, сидя съ гостемъ своимъ, дожидался ихъ.

Загремѣли въ сѣняхъ цѣпи, растворилась широко дверь; но прежде чѣмъ приведенные подъ сильнымъ конвоемъ плѣнные

успѣли еще переступить порогъ, сидѣвшій рядомъ съ сотникомъ, монахъ быстро подобралъ распахнувшіяся полы подрясника и, выскочивъ за печку, обѣими руками сталъ манить къ себѣ Климовича.

— Совѣта моего коль слушался доселѣ, задыхающимся голосомъ говорилъ онъ,—людей сихъ не держи, слышь, не держи!

— Что? Чего? спрашивалъ, не понимавшій внезапнаго волненія гостя своего, Климовичъ.

— Будетъ тебѣ отъ нихъ бѣда великая! не держи, отпусти! махалъ руками самъ весь блѣдный монахъ.

— Къ допросу бы ихъ.... заикнулся было Климовичъ.

Но монахъ вдругъ съежился, присѣлъ на колѣна и зажмурилъ глаза.

— Фискалы, вѣдаешь ты? Фискалы они, фискалы! прошепталъ онъ, нагнувшись къ самому уху сотника.

Растерявшійся вдругъ Климовичъ не зналъ теперь какъ ему быть.

— Фискалы, фискалы! повторялъ монахъ шепотомъ.—Государево слово объявятъ.... Я де и самъ.... участникъ.... ахъ ты Господи, Господи!

А время шло. Плѣнные позвякивали цѣпями, караульные казаки, переговариваясь между собой, дожидались, а самъ монахъ показаться изъ-за печки ни за что не хотѣлъ.

— Ну, какъ звать тебя? взволнованнымъ голосомъ спросилъ наконецъ сотникъ, рѣшившись подойти къ одному изъ подстрекателей.

— Иваномъ.

— А тебя какъ звать?

— Иваномъ же.

— Оба стало Иваны?! замѣтилъ Климовичъ, не зная что ему дальше сказать.

— А про нашего злодѣя слыхали ль? спросилъ онъ съ видимымъ желаніемъ на вопросъ этотъ получить отрицательный отвѣтъ и смущенный пуще прежняго монахомъ, который замахалъ ему при этомъ изъ-за печки еще сильнѣе руками.

— За сборомъ мы было сюда, для церкви Божіей. Ни про какихъ злодѣевъ не слыхивали, отвѣтили смиренно и другъ друга перебивая, плѣнники.

— За сборомъ? повторилъ точно удивленный Климовичъ.— Ну чего жь вы ихъ привели? обратился онъ горячо къ конвойнымъ,—за сборомъ слышь они здѣсь, за сборомъ....

— Истинно за сборомъ, повторяли мнимые подстрекатели,— ни про какихъ злодѣевъ не вѣдаемъ....

— Э! прервалъ сердито Климовичъ, обратившись къ казакамъ.—Кого привели? Чего думали? Кто изловилъ людей сихъ? Гдѣ? Когда? Злодѣевъ подавай мнѣ, слышь, вотъ кого, а вы.... Глаза знать отвести мнѣ думали? Сами въ злодѣйскихъ замыслахъ знать, а?

И затѣмъ уже не трудно было окончить комедію. Колодки были тотчасъ же сняты, плѣнники отпущены на свободу, и черезъ полчаса такъ называемые подстрекатели, въ которыхъ читатель узналъ уже конечно давно Миктерова и Дерюгина, весело зашагали вонъ изъ села.

— Господи! Что такое съ нами было? говорилъ изумленный Дерюгинъ своему спутнику. — Вотъ когда не чаялъ бѣды-то избѣгнуть! Совсѣмъ, совсѣмъ конецъ было пришолъ!

А Миктеровъ молчалъ. Лицо встрѣченнаго имъ сейчасъ монаха смутно напоминало ему давно прошедшее время. Но зачѣмъ здѣсь опять монахъ этотъ вмѣшался въ его судьбу? Изъ чего хлопоталъ онъ, выручалъ ихъ? Зачѣмъ такъ таинственно скрылся? Все оставалось опять для него непонятнымъ; да и некогда было надъ этимъ останавливаться. Подальше и скорѣе надлежало бѣжать.

Дѣлу Миницкаго суждено было окончиться быстро. Графъ Александръ Ивановичъ Румянцевъ, стоявшій не въ далекѣ съ войсками, узнавъ о случившемся, разогналъ тотчасъ же толпы и пресѣкъ мятежъ. Главные виновники, перехваченные еще Климовичемъ, были отправлены въ Петербургъ, откуда, по окончаніи надъ ними слѣдствія въ тайной канцеляріи, препровождены были въ Украйну, къ генералъ-маіору Шилову, для наказанія ихъ на мѣстѣ преступленія.

Отъ всего дѣла остались лишь новые кровавые слѣды. Самозванецъ Миницкій и полъ Гаврила посажены были живыми на колья. Стрѣлковъ и Полозокъ четвертованы. Малмегу, по отсѣченіи ноги, а потомъ головы, положили на колесо, воткнувъ оторванные члены на колья. Перехватали и казнили еще многихъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Ярославецъ сожгли до тла; жителей переселили въ другія мѣста, и еще пустынѣе, еще площе и ровнѣе стало мѣсто гдѣ процвѣтало столько лѣтъ богатое село.

XVII.

Маша жила на хлѣбахъ у вдовы Пташкиной, владѣтельницы небольшаго домика въ одномъ изъ самыхъ глухихъ переулковъ тогдашняго Петербурга, и оставалась совершенно одна. Знакомыхъ не было у нея никого кромѣ Гвоздева, отказать въ гостепріимствѣ которому, какъ пріятелю отца, она не могла и который съ двухъ трехъ разъ сумѣлъ поставить себя относительно Маши такъ, что она, несмотря на невольное къ нему отвращеніе, привыкла къ его разговору, лицу, а наконецъ стала не безъ удовольствія слушать его.

Его разказы о своей прежней судьбѣ, о нищетѣ среди которой онъ росъ, о больной матери, о крайности которая принудила поступить на ту богомерзкую, какъ онъ говорилъ, службу которую несетъ теперь — всѣ эти разказы трогали сердце бѣдной дѣвушки. Не было причины не довѣрить той злобѣ и ожесточенію съ которыми Гвоздевъ выражался, хотя и шепотомъ и по секрету, про тайную канцелярію. Онъ и Миктерова то выслѣживалъ лишь по долгу службы и безъ малѣйшей непріязни....

Гвоздевъ никогда не спрашивалъ гдѣ Миктеровъ, но безпрестанно наводилъ на него разговоры, надѣясь что Маша сама какъ-нибудь откроетъ его мѣстопребываніе. Но Маша ничего не говорила, да и сказать бы не могла, потому что сама не знала гдѣ онъ. Ей было только пріятно слушать часто повторяемое его имя и она давала Гвоздеву волю повторять его. Гвоздевъ, съ своей стороны, не могъ понять ея молчанія!

— Аль они разошлись? приходило ему въ голову, и эта мысль дѣлала его смѣлѣе въ отношеніи Маши.—Одинъ въ сани, а другой въ сѣни, разсуждалъ онъ.

Рѣже и рѣже поминая о Миктеровѣ, онъ чаще и чаще сталъ обращаться къ себѣ, сдѣлался бойчѣе, развязнѣе, веселѣе и когда наконецъ развязность эта дошла до какой-то грубой и очевидной уже любезности, Маша взглянула на него и поняла какіе онъ имѣетъ виды.

Она перестала звать Гвоздева къ себѣ, отговариваясь то церковными службами, то работой, то нездоровьемъ; но чѣмъ болѣе замѣчалъ онъ это, тѣмъ становился навязчивѣе, дерзче. Однажды онъ дошелъ до совершенной наглости; Маша увидѣла что этому надо положить конецъ.

— Нѣтъ, сказала она хозяйкѣ, — какъ не думай, а однимъ намъ жить съ тобою не приходится! Надо защиту себѣ искать, помощь отъ кого имѣть.

— И-и-и! замахала успокоительно головой хозяйка. — Живутъ люди, не мы одни.

— Нѣтъ, нѣтъ! положительно, какъ будто на что-нибудь рѣшившись, говорила Маша.

— Да глянь-ка! Вонъ молодецъ какой къ намъ идетъ, продолжала хозяйка, указывая на подходившаго въ то время къ окну съ большимъ лоткомъ мальчугана, усердно кричавшаго: *лимоны, лимоны!*

— Ишь кричитъ, заливается! Одинъ вишь по улицамъ бродитъ, а махонькой.... Эй! годокъ-отъ тебѣ который, годокъ-отъ? высунувшись въ окно, закричала хозяйка.

— Восьмой, матушка! Купи родимая, залепеталъ мальчикъ, опуская лотокъ.

— Ишь ты, бѣдный! и старуха пустилась въ распросы, кто онъ и откуда, гдѣ живетъ и есть ли у него отецъ да мать. Мальчикъ довольно бойко отвѣчалъ на всѣ ея распросы. Онъ разказывалъ какъ отца его угнали куда-то на работы и били ботогами за то что онъ, вопреки указу, занимался торговлей на улицѣ; какъ ходила просить за него мать въ домъ къ Волынскому, хлопотала черезъ какого-то знакомаго служителя, черезъ Калмычку живущую въ горницѣ министра....

„Волынскій?“ встрепенулась Маша; тотъ самый про котораго столько разъ слыхала она отъ Миктерова? Да развѣ и она къ нему дороги найти не можетъ?

— Волынскій, вотъ мысль!.. Добьюсь до него, упрошу, разсуждала Маша, лишь бы не сробѣть мнѣ.... Да что думать! скорѣе, скорѣе!

XVIII.

Впечатлѣніе которое произвело въ Петербургѣ дѣло Минихаго, было самое непріятное, но праздничная дворцовая обстановка изглаживала скоро всякія впечатлѣнія; кромѣ того, тутъ затѣвалось нѣчто другое. Во дворцѣ разказывали по секрету что у герцога Курлядскаго съ женой каждое утро идутъ горячіе споры объ успѣхѣ или неуспѣхѣ какого-то задуманнаго ими предпріятія, что Биронъ будто бы какъ-то вдругъ, въ комнатѣ государыни, разсыпавшись

въ любезностяхъ предъ принцессой Анной, выпилъ бокалъ вина и потомъ, къ удивленію всѣхъ, упавъ на колѣна, торжественно произнесъ: „да обратится вино это въ ядъ, если найдется въ комъ-нибудь изъ членовъ моего семейства хоть капля крови не преданная вашему высочеству.“ Съ чего бы такая преданность? Стали говорить вмѣстѣ съ тѣмъ о чрезвычайно ранней возмужалости принца Петра Бирона, объ особыхъ ласкахъ оказываемыхъ ему принцессой. Разказывали наконецъ что и сама принцесса, на вопросъ: „какъ думаетъ она о женихѣ своемъ принцѣ Антонѣ?“ отвѣчала будто бы, подосланной къ ней однажды со стороны Бирона, фрейлинѣ Чернышевой что она лучше на плаху голову свою положитъ, нежели замужъ за него пойдетъ.

Въ одно утро Биронъ сидѣлъ у принцессы Анны, и между ними шелъ разговоръ имѣвшій связь съ замыслами которые молва смутно приписывала ему.

— Нѣкоторые думаютъ, говорилъ онъ ей по-нѣмецки,— что я мѣшаю государынѣ согласиться на бракъ вашего высочества съ принцемъ Антономъ Ульрихомъ, потому будто бы что имѣю намѣреніе искать руки вашей, свѣтлѣйшая принцесса, для своего сына; но сколько бы ни было отъ того выгодъ для моего семейства, я прежде всего желаю для моего сына свободнаго выбора.

Смущенная принцесса не знала что̀ отвѣчать на подобное ничемъ ею не вызванное заявленіе и какъ отстраниться отъ участія въ „выгодахъ“ Бироновой семьи, не раздражая однако временьщика.

— Принцъ такъ еще молодъ, сказала она.

— Однако, возразилъ герцогъ съ особенною живостью, — еще недавно предлагали ему одну германскую принцессу, но я не далъ согласія.

Потупившись, принцесса молчала, желая поскорѣе прекратить тягостный для нея разговоръ; но Биронъ напротивъ хотѣлъ добиться какого-нибудь положительнаго отвѣта и прямо выстрѣлилъ въ нее вопросомъ:—что̀ же думаетъ она о принцѣ Антонѣ Ульрихѣ?

— Волѣ государыни я не ослушница, задумчиво сказала она, но принцъ Антонъ не по нраву мнѣ....

Это признаніе было не безъ значенія, и Биронъ безъ труда сообразилъ что если все въ самомъ дѣлѣ зависитъ здѣсь отъ воли государыни, то эту волю можно всегда склонить въ свою

пользу, а противодѣйствія со стороны самой принцессы нельзя, по ея словамъ, ожидать. Съ веселымъ духомъ возвращался онъ въ покои государыни. Въ это самое время оттуда выходила его жена, герцогиня, опираясь на руку Миниха.

— Ваша свѣтлость, проговорилъ низко кланяясь фельдмаршалъ Минихъ, очевидно продолжая начатый прежде разговоръ.

— Вы можете всегда расчитывать на мою благосклонность, отвѣчала ему герцогиня, гордо протянувъ обѣ руки, какъ дѣлывала это всегда, изъ боязни чтобы не вздумалось кому поцѣловать только одну.

— Извѣстно ли тамъ? обратился прямо къ женѣ герцогъ, не обращая вниманія на ея любезности и указывая глазами на покои государыни.

— Нѣтъ! отвѣтила герцогиня.

И совершенно довольный, герцогъ отворилъ дверь.

— А! сказала государыня, увидавъ Бирона и принимаясь искать что-то около себя.—Курьеръ отъ герцога Голштинскаго. Вотъ! прибавила она подавая письмо и ожидая впечатлѣнія какое произведетъ оно.

Сама судьба брала, казалось, сегодня герцога подъ свое покровительство. Въ немъ не остыло еще впечатлѣніе отъ разговора съ принцессой, голова его занята была еще мыслями о возможности осуществленія давно задуманныхъ плановъ, какъ вотъ герцогъ Голштинскій проситъ руки единственной дочери его, Гедвиги-Елизаветы, для своего сына, выговаривая себѣ только сто тысячъ рублей.

Предложеніе соблазнительное!—Если, быстро соображалъ Биронъ,—съ одной стороны, открывается можетъ-быть возможность женить моего Петра на будущей императрицѣ, то съ другой, представляется случай отдать мою Елизавету за человѣка права котораго на русскій престолъ.... данный моментъ.... Да, счастіе валитъ съ двухъ сторонъ!... Но принять предложеніе Голштинскаго герцога не значитъ ли это скомпрометтировать свое собственное положеніе и дать поводъ къ подозрѣніямъ?...

— Дочь моя, сказалъ наконецъ герцогъ, отдавая письмо и улыбаясь, по милости вашего императорскаго величества, можетъ имѣть себѣ мужа и безъ его сына. Мнѣ королевскаго высочества въ зятья не надобно; пускай онъ съ Богомъ женитъ его гдѣ хочетъ.

— Онъ только думаетъ симъ способомъ сто тысячъ рублей

достать, сказала въ свою очередь государыня, прослушавъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ слова Бирона.—Такъ вотъ отвѣтъ! прибавила она, бросивъ письмо въ каминъ.—Роденька мой отъ Бассевича знать выучился плутовать! Какъ купецъ при видѣ брошеннаго въ огонь сокровища, хотя бы и чужаго, дрогнулъ все-таки при этомъ движеніи Биронъ. Свертываясь въ трубочку, загорѣлась въ каминѣ толстая бумага. Биронъ уперся въ нее глазами; но вотъ, вспыхнувъ, полетѣли отъ нея къ верху клочки....

— Ну, дѣвки, пойте! обратилась между тѣмъ государыня къ фрейлинамъ, желая повеселить себя. И громкія пѣсни раздались скоро по комнатамъ дворца.

XIX.

Не столько трудно было распознать къ чему клонились замыслы Бирона, сколько трудно было, узнавъ ихъ, противодѣйствовать имъ. Рѣшиться на такую задачу могъ только человѣкъ съ характеромъ смѣлымъ и самоувѣреннымъ. Волынскій былъ именно такимъ человѣкомъ.

Угадавъ что Биронъ бьетъ на то чтобы связать себя родственными узами съ императорскою фамиліей, онъ рѣшился разстроить этотъ замыселъ и счелъ нужнымъ прежде всего показать самой принцессѣ дѣло въ настоящемъ свѣтѣ; средствъ же для достиженія этого нельзя было разбирать. Волынскій зазывалъ къ себѣ въ домъ приближенныхъ принцессы, ласкалъ ихъ всячески, и пересказывалъ имъ, конечно для доставленія по адресу, разныя слышанныя имъ будто бы отъ герцога непріятныя для принцессы слова: якобы она недоступна и уничтожительна и проч.

Наконецъ, узнавъ о приведенномъ нами выше разговорѣ ея съ Бирономъ и заставъ какъ-то принцессу печальною, Волынскій рискнулъ заговорить съ нею и самъ.

— Вы же, министры проклятые, на это привели! оборвала было его принцесса сразу.—За того теперь иду за кого прежде не думала: а все вы для своихъ интересовъ привели.

— Ни я, ни Черкасскій не виновны въ томъ!... отвѣтилъ, неожидавшій такого пріема и нѣсколько озадаченный, Волынскій: — развѣ Остерманъ?... Да чѣмъ же ваше высочество недовольны?

— Тѣмъ что принцъ весьма тихъ и въ поступкахъ не смѣлъ, говорила принцесса капризнымъ голосомъ.

— О! вкрадчиво началъ Волынскій, — хотя въ его свѣтлости и есть кое-какіе недостатки, то напротивъ того въ ея высочествѣ есть довольныя богодарованія, и для того можетъ ея высочество тѣ недостатки снабдѣвать или награждать своимъ благоразуміемъ. Въ томъ,—продолжалъ онъ мягкимъ и внушительнымъ голосомъ,—въ томъ разумъ и честь состоитъ, неудовольствія своего людямъ не показывать. Если принцъ тихъ, отъ сего лишь ея высочеству лучше, ибо будетъ въ совѣтахъ и въ прочемъ послушенъ; а ежели бы ея высочеству супругомъ былъ принцъ Петръ, то много бы отъ того всѣмъ вреда было.

И Волынскій высыпалъ все что̀ только пришло ему въ голову невыгоднаго и о Петрѣ, и о Биронѣ, и о его ближнихъ. Казалось что слова его произвели впечатлѣніе на принцессу; но крайней мѣрѣ въ продолженіи нѣсколькихъ дней при дворѣ говорили что герцогу не достигнуть своей цѣли.

— Что̀? говорилъ Волынскій, самодовольно улыбаясь, собравшимся у него пріятелямъ, Мусину-Пушкину, Черкасскому, кабинетъ-секретарю Эйхлеру и другимъ.—Что̀? Съ нами, знать, не то что съ женскими персонами дѣло имѣть? Ужь государыня принцессѣ Аннѣ выбирать изъ принцевъ Петра и Антона, котораго похочетъ, приказывала. А она такой отвѣтъ дала: когда де на то соизволеніе вашего императорскаго величества, то лучше де пойду за принца Брауншвейгскаго, для того что онъ въ совершенныхъ лѣтахъ и стараго дому: — а? Какъ вамъ сіе покажется? ха, ха, ха! смѣялся Волынскій. Лестоку принцесса Елизавета Петровна за великую тайну это сказывала, яко бы отъ самой принцессы Анны она слышала.

— Да, принца Петра Бирона ласкательное обращеніе замѣтить давно можно было, говорилъ Черкасскій, — и удивительно какъ сіе, при благосклонности императрицы къ герцогу, не случилося? Удивительно! разводилъ онъ руками.

— Вотъ бы сдѣлалъ Годуновскій примѣръ! съ улыбкой воскликалъ Волынскій.

— Тогда бы и не такъ прибралъ насъ въ свои руки, замѣтилъ Пушкинъ.

— До того знатно Остерманъ не допустилъ бы, продолжалъ Черкасскій; — отсовѣтовалъ бы. Человѣкъ онъ дальновидный и хитрый.... Но и слава Богу что это не сдѣлалось! Принцъ Петръ человѣкъ горячій и сердитый, еще запальчивѣе неже-

ли его родитель; а принцъ Брауншвейгскій, хотя и не высокаго ума, однакоже человѣкъ легкосердый, милостивый, да и вся ихъ фамилія.....

— У! Принцъ Петръ пребезмѣрно горячъ и долгопамятенъ, сказалъ Эйхлеръ. — За бездѣлицу осердится и долгопамятствуетъ. Герцогъ хотя вспыльчивъ, да отходчивъ.

Волынскій наслаждался всѣми этими разговорами. Провожая гостей, онъ не удержался отъ совершенно даже излишней откровенности. Нагнувшись къ Эйхлеру, шепнулъ онъ ему на ухо, что и теперь, въ то время когда они разговаривали, у него тамъ, на женской половинѣ, есть кое-кто изъ приближенныхъ къ принцессѣ, которыхъ онъ вообще „какъ можно при случаѣ умасливаетъ".

— Не очень ты, батюшка Артемій Петровичъ, къ государынѣ принцессѣ близко себя веди; можешь навести на себя суспицію отъ герцога. Каково ему покажется что мимо его дороги ищешь!

Но Волынскому не въ пору было слушаться теперь совѣтовъ. Не успѣли еще закрыться за гостями двери, какъ онъ уже скорыми шагами пробирался на половину дочерей.

Въ числѣ многолюдной дворни его различныхъ племенъ и націй, бѣгали двое уже взрослыхъ мальчиковъ, по сходству которыхъ съ хозяиномъ и по нѣкоторой оказываемой имъ остальными слугами аттенціи, можно было заключить что не всегда чистота правовъ въ домѣ Артемія Петровича строго соблюдалась и что онъ свободно пользовался выгодами вдовьяго своего положенія.

Дѣйствительно, рѣдко случалось чтобы проходя мимо дѣвичьей, наполненной разнаго возраста горничными, грозный баринъ не останавливался предъ вскакивавшими съ своихъ мѣстъ служанками, не измѣнялъ бы своего суроваго вида на многозначительную улыбку и не отпустилъ бы тутъ же такой штуки отъ которой прятались молодицы за спины старшихъ, бывалыхъ дѣвокъ, какъ прячутся молодые рекруты за спины старыхъ солдатъ. При теперешнемъ веселомъ своемъ настроеніи духа, онъ, вступивъ въ дѣвичью, сгорбился, зажмурился, вытянулъ обѣ руки впередъ, какъ дѣлаютъ играющіе съ завязанными глазами въ жмурки, и направилъ атаку свою на стѣснившихся къ одной сторонѣ комнаты горничныхъ.

Послышался сдержанный визгъ, смѣхъ,—но вдругъ всѣ за-

молкли, а удивленный Артемій Петровичъ, открывъ глаза, увидѣлъ что онъ держитъ за руку блѣдную и испуганную, но весьма миловидную и совершенно незнакомую ему дѣвушку.... Эта дѣвушка была Маша. Она рѣшилась навѣдаться на подворье Волынскаго и узнала отъ людей его что онъ „простъ“ когда не гнѣвенъ и что, если попасть въ добрый часъ, то помочь готовъ всякому.

— Приходи, голубка, къ намъ въ дѣвичью, сказала поворова сватья, кружевница;—тамъ де и государя Артемья Петровича увидишь, какъ проходить будетъ.

И вотъ Маша точно увидѣла его, только уже такъ какъ вовсе не чаяла!

— Вотъ забрела какая! а? Звать тебя какъ, милая? а? спрашивалъ Артемій Петровичъ, близко разглядывая красивое лицо Маши и нисколько не церемонясь въ своемъ съ нею обращеніи.

Смущенная Маша молча пятилась назадъ, старалась вырваться изъ крѣпко державшихъ ее рукъ; слова останавливались у нея въ горлѣ.

— Съ просьбой къ вашей милости, отвѣтила наконецъ за нее одна изъ старыхъ горничныхъ, обстрѣленныхъ.

— Говори, сказывай! нашептывали Машѣ въ то же время окружавшія ее дѣвки....

— Съ просьбой? повторилъ Артемій Петровичъ, а-а? Постой же, повремени,—прибавилъ онъ въ полголоса, и выпустивъ Машу, поспѣшно направился къ дочерямъ.

— Сказывала бы, чего ты, э-эхъ! какая стыдливая! окружилъ Машу, толковали горничныя, а Маша, блѣдная, смотрѣла растерянными глазами вокругъ, ища хоть какое-нибудь лицо которое могло бы понять что̀ хотѣлось ей теперь выговорить и что̀ было у нея на душѣ.

— Уйти мнѣ что ли, уйти? прошептала она наконецъ, обратившись къ поваровой сватьѣ.

— Постой, повремени! самъ приказалъ! отвѣтила та, и съ послѣднимъ словомъ, двери сосѣдней комнаты открылись снова и опять на порогѣ показался Артемій Петровичъ въ сопровожденіи двухъ дочерей и какой-то дамы, которую онъ любезно приглашалъ пройти къ себѣ.

— Все сдѣлать можно, говорилъ Волынскій,—все. А лошадьми ея высочество довольна ли? Да? Ну и слава Богу! Мои

дѣвчонки малы еще, угостить гостью какъ надлежитъ не умѣютъ,—ко мнѣ, прошу милости, ко мнѣ....

— Подарить ее надо и ласкать, прибавилъ онъ шепотомъ, пропустивъ гостью впередъ и обращаясь къ шедшимъ сзади дочерямъ,—чтобъ и она, когда во дворецъ пріѣдете, была съ вами ласкова.

— Ну, просьба какая жь у тебя? сказалъ онъ наконецъ, оставивъ дочерей и махнувъ головой Машѣ.

— Ступай, иди! шептали за ней голоса, толкая впередъ бѣдную испуганную дѣвушку.

— Мнѣ то за тайну сказать только можно! подвинувшись къ Волынскому, рѣшилась проговорить въ полголоса Маша.

— А? за тайну? словно обрадовавшись сказалъ Волынскій,— ну, коль за тайну..... недосугъ мнѣ съ тобою нынѣ, а ты приходи, слышь.... вечеркомъ побывай, вечеркомъ, а?.. придешь? прибавилъ онъ, беря ее шутливо за подбородокъ,— придешь?

И не дождавшись отвѣта, скорыми шагами вышелъ вонъ.

— Что жь это такое? подумала Маша, не рѣшаясь еще понять весьма впрочемъ прозрачнаго смысла словъ Волынскаго. И когда горничныя, въ глазахъ которыхъ дѣло ея было уже выиграно, стали ее поздравлять, прося чтобъ и она ихъ въ свою очередь не забыла, Маша, едва удерживая слезы, поспѣшила вонъ, съ твердою рѣшимостью не переступать болѣе этого порога.

XX.

Дни потекли для нея попрежнему, однообразно и ровно, только еще тяжеле прежняго. Она перестала принимать Гвоздева, но онъ не терялъ ея изъ виду; слѣдилъ за ней и въ церкви, и на улицѣ, и всюду, гдѣ тоскуя и томясь своимъ одиночествомъ, случалось ей бывать. Онъ зналъ когда она выходитъ изъ дому, когда возвращается; зналъ о посѣщеніи ею кабинетъ-министра, зналъ даже о чемъ разговаривала она съ хозяйкой, которую давно уже склонилъ и деньгами, и страхомъ на свою сторону. Конечно Гвоздевъ былъ не настолько самолюбивъ чтобы надѣяться на любовь къ нему пригожей Маши, но понималъ и то что дѣвушкѣ въ ея положеніи не слѣдовало быть слишкомъ разборчивой невѣстой.

Пробравшись разъ безъ всякаго спросу и предупрежденія

въ комнату Маши, Гвоздевъ рѣшился формальнымъ образомъ предложилъ ей руку и сердце. Маша, замѣтивъ въ немъ тѣ самые глаза и то выраженіе лица какіе были у него въ день послѣдняго ихъ свиданія, вдругъ вскочила съ мѣста и, испугавшись, остановилась посреди горницы.

— Авдотья, Авдотья! громко позвала она хозяйку, но отвѣта не было.

Она крикнула еще и изо всей силы, но улыбающееся лицо Гвоздева показывало что кричать она напрасно и что онъ былъ виновникомъ отсутствія хозяйки.

Маша сильно рванулась къ двери, но Гвоздевъ, продолжая улыбаться и жмуриться, удержалъ ее за руку.

— А? сказала тогда Маша, выпрямившись и приливъ угрожающій видъ.—Не оставишь ты меня?

— Я.... я.... переминался Гвоздевъ,—вѣдь не дурное что, Маша, замыслилъ. Выслушай меня... Маша...

— Не оставишь? повторяла она, стараясь свободною рукой вырвать ту которую держалъ Гвоздевъ.

— Хе, хе, хе! притворно смѣялся онъ, сжимая ее еще крѣпче.—Выслушай, выслушай ты меня Христа ради. Отецъ твой на то согласіе далъ.... обѣщаніе....

— Оставь, оставь ты меня! прочь! кричала Маша, дергая руку во всѣ стороны.

— Ну! сказала она, выбившись наконецъ изъ силъ и садясь поневолѣ возлѣ него,—убить ты меня, не убьешь....

— Ахъ! грѣхъ тебѣ, грѣхъ, Маша! Я-то тебя убить?... началъ Гвоздевъ.

— Докащицей я никогда не была....

— И я оставлю! Вотъ те Христосъ оставлю, искренно, будто обрадовавшись, поспѣшилъ перебить ее Гвоздевъ.

— Но была не была, — а на тебя докажу! окончила Маша, вспомнивъ вдругъ всѣ откровенные разказы Гвоздева.

Полузажмуренные глаза Гвоздева открылись больше обыкновеннаго при этихъ словахъ. Вмѣсто улыбки обозначились во всемъ своемъ безобразіи его тонкія губы. Крѣпко сжатая рука Маши почувствовала нѣкоторое облегченіе.

— Государево слово и дѣло и я сказать сумѣю, продолжала она, обрадовавшись впечатлѣнію произведенному ея словами.

Блѣдный, вскочилъ Гвоздевъ на ноги при этихъ словахъ и, не выпуская еще руки Маши, искалъ, казалось, поворачивая

голову во всѣ стороны, либо окно въ которое можно было бы ему выскочить, либо какое-нибудь орудіе которымъ можно было бы тутъ же прихлопнуть Машу.

— Уйдешь, теперь уйдешь? грозно повторила послѣдняя, вставая также съ мѣста.

Молча пятился Гвоздевъ къ дверямъ, шевеля только губами. Что-то зловѣщее свѣтилось въ бѣгающихъ его глазахъ.

— Оставь, кинь Маша! тихо проговорилъ онъ.

— А? знать ты этого боишься? Прочь же, прочь! Пусти меня, кричала Маша, снова принимаясь бороться и освобождая наконецъ свою руку.

— Тсъ! Молчи! злобно зашипѣлъ вдругъ Гвоздевъ, нащупавъ наконецъ сзади дверную скобку и зажавъ ей другою рукой ротъ.

— Вонъ! вскрикнула наконецъ Маша и сильнымъ толчкомъ выпроводила его за дверь.

— Государево слово можно сказать и не за тайну, при всѣхъ! опять пойду къ Волынскому! думала она, дрожа отъ волненія и страха.

Но благопріятный моментъ ходатайства у кабинетъ-министра былъ уже пропущенъ,—обстоятельства Волынскаго перемѣнились.

XXI.

Случилось въ это время событіе, надѣлавшее много шума не только въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ.

Разнесся слухъ о томъ что посланный изъ Швеціи въ Константинополь для заключенія союзнаго договора между этой державой и Турціей, майоръ Синклеръ, убитъ въ Силезіи, близъ саксонской границы русскими офицерами, а находившійся при немъ ратификованный договоръ, равно какъ и вся переписка Швеціи съ Турціей, перехвачены убійцами, которые вслѣдъ затѣмъ исчезли.

Тѣло Синклера найдено было въ лѣсу съ прострѣленнымъ животомъ, изрубленною головой и исковерканнымъ сабельными ударами лицомъ; на рукахъ его остались кольца, въ карманахъ нашли только табакерку и платокъ.

Кто бы ни былъ тотъ кто совершилъ убійство Синклера, во всякомъ случаѣ дѣло это крайне непріятно, и посланники наши при иностранныхъ дворахъ не знали чѣмъ отговориться

и спрашивали наконецъ официально что̀ имъ отвѣчать на предлагаемые отовсюду вопросы.

Биронъ съ Остерманомъ придумывали что̀ отвѣчать на непріятные запросы посланниковъ и, разумѣется, Андрей Ивановичъ выручилъ. Поломавшись вдоволь, потеревъ нѣсколько разъ свою больную подагрой ногу и опустивъ зеленый зонтикъ на страдающіе глаза свои, Остерманъ сказалъ протяжнымъ голосомъ:

— Мы желаемъ прежде всего мира съ султаномъ; былъ бы миръ, не случилось бы непріятнаго происшествія со шведскимъ майоромъ. Безпокойство государыни такъ понятно.... Но развѣ ей извѣстны виновники этого гнуснаго дѣла? Развѣ знаете вы ихъ имена? обратился онъ къ широко раскрывшему глаза своему собесѣднику. Я ихъ не знаю тоже, и тѣмъ легче будетъ мнѣ составить объясненіе отъ имени ея величества. Ну, а для тѣхъ которыхъ называютъ участниками злодѣянія, вы, любезный герцогъ, придумаете наказаніе. У нихъ точно, я думаю, было злое умышленіе, лукаво посмотрѣвъ на герцога, заключилъ Остерманъ.

Биронъ нашелъ что мнѣніе барона Андрея Ивановича очень основательно, и суровая физіономія его, при началѣ разговора, быстро просіяла. Онъ такъ развеселился что, желая потѣшить хозяина и зная въ какой степени не долюбливалъ Остерманъ Волынскаго, разказалъ на прощанье какъ на сего послѣдняго подали императрицѣ жалобы шталмейстеръ Кишкель съ сыномъ о неправильномъ будто бы отрѣшеніи ихъ отъ должности и съ обвиненіемъ въ безпорядкахъ по управленію конюшенными заводами даже самого министра.

— Вотъ бѣда! сказалъ какъ бы съ сожалѣніемъ, но съ какою-то злою радостію Остерманъ.—Если Нѣмцы высокую честность русскаго министра помрачатъ.... онъ тогда насъ еще болѣе ненавидѣть будетъ,—бѣда!

— Ха, ха! смѣялся Биронъ, прощаясь съ вице-канцлеромъ.— Императрица требуетъ отъ него объясненія.

— Объясненія? О! бѣда, бѣда! говорилъ Остерманъ, раскланиваясь съ важнымъ гостемъ и лукаво улыбаясь.

А Волынскому было не до смѣха. Императрица въ самомъ дѣлѣ требовала отъ него объясненія по сказаннымъ жалобамъ, и за сочиненіемъ этого объясненія сидѣлъ онъ вотъ уже нѣсколько дней.

Накипѣвшая злоба къ Остерману, Головину, Куракину и

другимъ лицамъ которыхъ онъ считалъ своими врагами, затаенные планы о разныхъ перемѣнахъ, желаніе отличиться, наконецъ нѣкоторая пріобрѣтенная популярность, какъ человѣка русскаго, и досада на осмѣлившуюся писать доносъ „Нѣмчуру", все это раздражало Волынскаго и заставляло его излить на бумагу можетъ-быть болѣе того что̀ сказалъ бы онъ находясь въ нормальномъ положеніи. Выходило цѣлое сочиненіе съ примѣчаніями и объясненіями.

Сказавъ въ началѣ о причинѣ отрѣшенія отъ должности доносчиковъ и опровергнувъ ихъ доносы, Волынскій просилъ строжайшаго изслѣдованія и защиты отъ недоброжелателей; потомъ, выставляя свои заслуги, какъ это водилось обыкновенно, онъ описывалъ свою бѣдность и долги, называя себя нищимъ; говорилъ о печали отъ которой желалъ бы лучше умереть, тогда какъ „нѣкоторые безсовѣстные льстецы и тунеядцы" лучше его живутъ и больше довольства имѣютъ; наконецъ поручалъ себя и бѣдную свою жизнь милосердію государыни и при семъ особливо, заключалъ онъ, пріемлю смѣлость всеподданнѣйше донести „какіе притворство и вымыслы употребляемы бываютъ при вашихъ монаршескихъ дворахъ и въ чемъ вся такая закрытая, безсовѣстная политика состоитъ." Далѣе онъ говорилъ, не называя впрочемъ никого по имени, что нѣкоторые изъ приближенныхъ къ престолу стараются помрачать добрыя дѣла людей честныхъ и приводить государей въ сомнѣніе чтобы никому не вѣрили; „бездѣлицы, продолжалъ онъ, изображаютъ въ видѣ важномъ и ничего прямо не изъявляютъ, но все закрытыми и темными терминами съ печальными и ужасными минами, дабы государя привести въ безпокойство, выказать лишь свою вѣрность и заставить только ихъ однихъ употреблять во всѣхъ дѣлахъ, отчего прочіе, сколько бы ни были ревностны, теряютъ бодрость духа и почитаютъ за лучшее молчать тамъ гдѣ должны бы ограждать цѣлость государственнаго интереса." Ежели, говорилъ Волынскій въ заключеніе, „я или другой кто будетъ такими діавольскими каналами себя производить, можете ваше величество меня или того безъ сомнѣнія за совершеннаго плута, а не за вѣрнаго къ вамъ раба почитать."

Посланіемъ своимъ Волынскій остался такъ доволенъ что показывалъ его своимъ пріятелямъ и даже заставилъ адъюнкта академіи Ададурова перевести его на нѣмецкій языкъ, чтобы прочесть Бирону.

— Остро очень лисано, сказалъ, прослушавъ чтеніе, князь Черкасскій.—Если попадется въ руки Остермана, то онъ тотчасъ узнаетъ что противъ него.

— Это самый портретъ графа Остермана, говорили другіе.

Биронъ ничего не сказалъ, получивъ это посланіе, и подавать его не отсовѣтывалъ; но предупредилъ противъ него государыню, до которой начинали доходить слухи о сближеніи Волынскаго съ принцессой Анной.

Дѣло было лѣтомъ. Дворъ находился въ Петергофѣ, и время для подачи какого бы то ни было рода объясненія или письма было самое неблагопріятное. Съ одной стороны, исторія съ Синклеромъ, которую только что успѣли замазать деклараціей къ нашимъ иностраннымъ посламъ съ формальнымъ отреченіемъ государыни отъ участія въ этомъ дѣлѣ, и ссылкой виновныхъ въ Сибирь; съ другой стороны, вѣсти объ отправленномъ Мекленбургскимъ герцогомъ Карломъ * французскомъ генералъ-майорѣ де-Фалари съ какими-то непріятными порученіями, вслѣдствіе которыхъ приказано было этого де-Фалари арестовать и препроводить въ Москву... Все это вмѣстѣ должно бы, казалось, было остановить Волынскаго; но, находясь давно уже на счету людей умѣющихъ владѣть перомъ, извѣстный съ этой стороны и государынѣ, занимаясь наконецъ, какъ мы знаемъ, по порученію ея самой сочиненіемъ различныхъ проектовъ и предположеній, онъ и думать не хотѣлъ теперь о какихъ-либо препятствіяхъ. Авторское самолюбіе его разыгралось до такой степени, что подавъ письмо, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ того дня когда прочтетъ его государыня, чтобы изъ устъ ея самой прослушать похвалы своему сочиненію.

— Знатно взялъ однако Волынскій объясненіе свое изъ книги Макіавелевой, весьма недовольнымъ тономъ сказала между тѣмъ государыня, выйдя разъ поутру къ собравшимся придворнымъ и обратясь къ случившимся возлѣ нея Черкасскому и Куракину.

Черкасскій промолчалъ, вытянувъ только еще болѣе свою и безъ того выдающуюся впередъ бороду. Но безъ отвѣта замѣчаніе это однакоже не осталось.

— Предъ своею смертью, сказалъ герцогъ Биронъ, наклонившись къ государынѣ и выразительно посмотрѣвъ на Кура-

* Мужъ покойной Екатерины Ивановны и отецъ принцессы Анны.

кина, — предъ своею смертью, Ягужинскій говорилъ: „Волынскому, за насмѣшки и интриги, два года только въ кабинетѣ быть“....

— А потомъ его повѣсить велятъ! докончилъ въ полголоса и смотря на Бирона Куракинъ.—То говорилъ Ягужинскій, продолжалъ онъ громко и обращаясь уже къ государынѣ; а я, ваше величество, узнать могу какъ Волынскій бровью поведетъ или ногой ступитъ, чего онъ домогается,—украсть ли хочетъ, солгать ли, или оклеветать.

Государыня пропустила мимо ушей эти слова, позволяя Куракину всякія шутки.

Но Куракинъ не любилъ когда остроты его не производили эффекта.

— Ваше величество, заговорилъ онъ снова, заходя съ боку къ государынѣ, которая, собираясь кататься, двинулась было уже къ выходу. — Ваше величество, все что для Россійской Имперіи государь нашъ батюшка Петръ I сдѣлалъ, поддерживать изволите, а въ одномъ отъ сего отступаете.

— Ну? вопросительно и строго взглянула на него императрица, остановившись.

— Государь Волынскаго повѣсить желалъ, а ваше величество его..... помиловали! сказалъ Куракинъ.

На этотъ разъ государыня дѣйствительно засмѣялась и махнувъ рукой, съ веселымъ уже лицомъ отправилась кататься.

Опоздавъ во дворецъ, Волынскій пріѣхалъ въ то время когда никого изъ сановниковъ тамъ уже не было, а сама императрица не возвращалась еще съ прогулки. Походивъ въ пріемной, посмотрѣвъ въ окна, поговоривъ кое съ кѣмъ изъ придворныхъ, онъ вышелъ наконецъ совершенно спокойно на встрѣчу къ государынѣ, подъѣхавшей въ такъ-называемой садовой таратаечкѣ, то-есть поставленной на низкія колеса корзинкѣ.

Зайдя впередъ, Волынскій трепалъ по ушамъ маленькихъ лошадей, гордо завивавшихъ головы.

— Охъ и кони, кони! развязно говорилъ онъ, въ то время какъ государыню высаживали изъ экипажа. Кони борзы! У! холя, холя!...

Но молча, не взглянувъ даже на него, вошла императрица въ свои покои, а Волынскій за нею.

— Ты мнѣ по совѣсти объяви, сказала она вдругъ, обра-

тившись къ нему, сухимъ тономъ, — кого ты въ письмѣ своемъ описывалъ, а?

Озадаченный Волынскій вытаращилъ глаза; внутри закипѣла злоба, и отъ вспыльчивой и грубой натуры его требовалось большое усиліе чтобы воздержаться.

— Кого, ваше величество? Куракина! Николая Головина, а паче всего Остермана! отвѣчалъ онъ коротко и безъ всякой робости. — Говорить о томъ лишь не смѣлъ.

— Да что ты мнѣ это точно молодыхъ лѣтъ государю подаешь? Хоть бы о времени подумалъ какое теперь! съ досадой сказала Анна, повернувшись къ нему спиной.

— Ваше величество! Оболгать меня Куракину и иныхъ врагамъ моимъ всегда можно, едва переводя духъ, началъ было Волынскій, взглянувъ на стоявшаго молча и какъ будто ни въ чемъ не принимавшаго участія Бирона.—А что безпокойство мною учинено во время деликатныхъ конъюнктуръ, въ томъ я винюсь, винюсь предъ вашимъ величествомъ, повторялъ онъ.

Но государыня уже удалилась, не отвѣчая и повидимому неслушая его.

Въ страшномъ волненіи возвратился домой Артемій Петровичъ. Едва переступилъ онъ порогъ, какъ посыпались брань и жалобы на Остермана, на Головина, на Куракина, и даже на самого герцога.

— И онъ что? На его нравъ пыпѣ потрафить не можно, при той суспиціи которую ему Остерманъ внушилъ, чтобъ ему одному быть въ кредитѣ. Враги они мнѣ всѣ! Всякій куражъ потеряешь! Ни въ комъ нѣтъ вѣрности и радѣнія! Всѣ враги они, всѣ! кричалъ и горячился Артемій Петровичъ.

Кубанецъ только отмалчивался, держась поодаль.

Секретарь Гладковъ, подвернувшійся какъ-то, получилъ тутъ же побои изъ собственныхъ рукъ министра. Все было не такъ, вездѣ видѣлъ Волынскій безпорядокъ. Слуги метались, какъ угорѣлые, изъ стороны въ сторону: на одного сыпались ругательства, другой отправленъ былъ для наказанія батогами; самъ Артемій Петровичъ, какъ въ лихорадкѣ, то садился къ столу, принимаясь писать еще новое донесеніе государынѣ, то рвалъ въ клочки бумагу и опять бѣжалъ творить свою домашнюю расправу, то снова начиналъ писать....

— Раздавлю! Убью! Подайте мнѣ того, подайте мнѣ этого! кричалъ онъ; словомъ, буря, настоящая буря стояла въ домѣ.

XXII.

Въ пустынномъ переулкѣ одной изъ отдаленныхъ частей Петербурга, у низенькаго домика сидятъ за воротами, на завалинкѣ, Маша съ своею хозяйкой Пташкиной. Тянутся по переулку длинныя изгороди, недостроенные дома и пустыри. Кругомъ тишина. Вдали отчетливо слышится только лай собакъ, стукъ проѣхавшей гдѣ-то телѣги и какіе-то неопредѣленные звуки не то ѣзды, не то голоса человѣческаго.

— Что-то тѣло чешется? говоритъ басистымъ голосомъ хозяйка, ложимаясь плечомъ къ косяку калитки;—и суббота прошла, а въ баню все не ходила; далече бани-то нынѣ стали.

— Ты бы въ печку, возражаетъ ей равнодушно Маша.

— И! куда-те!—сгоришь. Бывало къ Грудинкину сусѣду ходила, да къ Смирному, а нынѣ ужь и имъ лущать къ себѣ парильщиковъ запретъ вышелъ. Всѣмъ у кого въ домахъ бани есть, сломать приказано: въ откупныя ходи; а гдѣ тутъ дойдешь....

— Далече, куда! согласилась Маша.

— Э! вдругъ точно вспомнивъ что-то и встрепенувшись, сказала хозяйка, опуская руку въ карманъ;—ты знать грамотна. Что на базарѣ мнѣ давеча сказывали? ну-ка, что тутъ написано-то? прибавила она, подавая Машѣ три пятикопѣечника.

— Ня-ть копѣ-екъ.

— Ну?

— И тутъ: ня-ть ко-пѣ-екъ.

— А тутъ?

— И тутъ опять: пять ко-пѣ-екъ! читала Маша по складамъ надпись на подаваемыхъ ей монетахъ.

— Ну точно,—точно, заговорила хозяйка,—копѣекъ; вотъ эти самые отбирать въ казну указано. Эти вотъ, сказываютъ, хожалые, а этотъ воровской.

— А-а-а? удивилась Маша.

— И кто ихъ, люди, выдумалъ, кто таки воры есть? разставляя руки и глядя на свои пятикопѣечники, повторяла въ недоумѣніи хозяйка. Все съ нашей бѣдности, все съ бѣдности паровятъ! Надысь весной покойника въ нѣмецкой церкви раздѣли, — головы вѣдь людямъ за то порубали; а я такъ думаю: тоже, чай, съ бѣдности сердечные; нищета замучила. О-охъ, хо, хо, хо!

И замирали въ пустынномъ переулкѣ звуки баснстаго голоса хозяйки и вздохи которыми она сопровождала свою болтовню и которымъ вторила Маша.

Уже смеркалось. Воздухъ свѣжѣлъ. Огни видѣвшіеся кое-гдѣ въ окнахъ потухли. Среди царствовавшей вокругъ тишины, послышались съ правой стороны на улицѣ словно чьи-то шаги. Собесѣдницы, замолчавъ, стали вслушиваться; шаги приближались. Неизбалованныя разнообразіемъ уличной жизни, Маша съ хозяйкой смотрѣли съ любопытствомъ въ даль. Фигура прохожаго ясно уже обозначилась на свѣтлой полосѣ не совсѣмъ угасшей еще зари. Фигура эта, высокаго роста, одѣта была въ мужичій зипунъ и въ лапти; за спиной мѣшокъ, палка въ рукахъ. Еще немного, и можно уже разглядѣть черты лица прохожаго; еще нѣсколько шаговъ, и онъ уже возлѣ нихъ.

— Здравствуйте.

— Здорово, родимый. Издалеча-ли? спросила хозяйка, отдавая поклонъ и посматривая искоса на Машу, несовсѣмъ довѣрчиво разглядывавшую стоявшаго предъ ними человѣка.

— Въ Глухой переулокъ такъ чтоль идти?

— Тутъ и есть Глухой переулокъ; да кого тебѣ, аль знакомые есть?

— Пташкиной дворъ далеча-ли?

— Пташкиной?!! повторили обѣ женщины въ одинъ голосъ, ставъ на ноги, а Маша проворно юркнула при этомъ въ калитку. Мысль о Гвоздевѣ и какомъ-нибудь новомъ его преслѣдованіи обдала ее холодомъ.

— Да тебѣ кого надо-то? Я Пташкина, ну? говорила нетерпѣливо и съ нѣкоторымъ страхомъ хозяйка.

— Ой-ли! Ну? Еще здравствуйте! сказалъ незнакомецъ, снявъ весело шапку. Поклонъ я принесъ вамъ, Тишиной Маріѣ Осиповнѣ.

— Маша, Маша! оглянулась назадъ хозяйка; но Маша, стоявшая уже за воротами, замахала только съ испуганнымъ лицомъ руками.

— Отъ кого поклонъ-отъ? спросила хозяйка, начиная поддаваться впечатлѣніямъ Маши и также вспомнивши Гвоздева,—отъ кого поклонъ-отъ?

— Поклонъ-отъ отъ кого? Итьты! позадумался также прохожій.—Да дворъ-отъ точно Пташкиной-ли? Статься-можетъ другой? Тишина Марья Осиповна здѣсь?

— Да что надо-то, ну? нетерпѣливо и грубо спросила хозяйка.

— А? Ну коль здѣсь, ей и скажу.

— Отъ кого поклонъ, отъ кого поклонъ? не подаваясь съ мѣста повторяла между тѣмъ Маша, толкая хозяйку въ бокъ.

— Отъ кого поклонъ? говорила та вслухъ.

— Ну чего пытаете? не разбойный я человѣкъ; аль другаго кого дожидали? Отъ Миктерова поклонъ принесъ, прибавилъ въ полголоса незнакомецъ, подвигаясь ближе и вытѣсняя наконецъ съ мѣста хозяйку, загородившую было ему калитку. Ты чтоль Тишина-то, ну?

И общая радость замѣнила тотчасъ же чувство недовѣрія и страха съ которыми за минуту предъ тѣмъ разговаривали между собою незнакомые.

Миктеровъ живъ, Миктеровъ не только вспомнилъ о Машѣ, но посылаетъ ей даже поклонъ, посылаетъ ей человѣка которому онъ открылся, слѣдовательно человѣка вѣрнаго! И защита противъ Гвоздева, и надежда на свиданіе съ милымъ, и надежда на возобновленіе прежнихъ отношеній,—все вѣдь было здѣсь!

— Господи, Голубушка моя! Родимый мой! повторяла Маша, крестясь и бросаясь отъ хозяйки къ прохожему.—Господь не оставилъ меня грѣшную; да гдѣ онъ, милый-то мой, да когда онъ будетъ, доживу ли я? Ненаглядный мой.... охъ, стыдъ дѣвичій потеряла! простите меня! и смѣялась, и плакала Маша.

Что же приказывалъ ей Миктеровъ? Что же узнала она о немъ? Да немного. Она узнала что онъ гдѣ-то далеко, а гдѣ именно — того не сказалъ его посланный, бывшій деньщикъ его Дерюгинъ. Миктеровъ долженъ былъ, какъ говорилъ Дерюгинъ, отыскать въ Москвѣ оставленные тамъ Торбеевымъ, извѣстные Машѣ, ложитки, и въ случаѣ удачи, съ ложитками этими явиться въ Петербургъ, гдѣ наказывалъ онъ ей дожидаться его. Что намѣренъ былъ онъ сдѣлать потомъ, ничего не зналъ Дерюгинъ, дальше и не спрашивала Маша; она могла и сама дѣлать насчетъ этого всѣ возможныя и особенно самыя радостныя предположенія.

— Только бъ мнѣ дождаться его, только бъ мнѣ съ нимъ свидѣться! говорила она, обнимая хозяйку.—Не оставлю его во вѣкъ, что бы со мною ни сталося!

И дѣйствительно, будь теперь Миктеровъ здѣсь, заговори онъ съ нею такъ какъ говаривалъ когда-то, предъ своимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, не то бы уже отвѣчала ему Маша что отвѣчала тогда, не такъ бы его отпустила.

XXIII.

Смущенная извѣстіемъ о возможности свидѣться съ Миктеровымъ, Маша страшно безпокоилась, желая теперь болѣе прежняго чтобы возвращеніе отца чѣмъ-нибудь позамедлилось, и боясь чтобы какъ-нибудь не попалъ Миктеровъ въ руки Гвоздева, который, по мнѣнію ея, долженъ былъ находиться гдѣ-нибудь близко.

Но Гвоздевъ давно уже куда-то исчезъ и не показывался; что же касается до Тишина, то, работая усердно по своему порученію въ Сибири, онъ позабылъ, казалось, теперь о томъ что̀ оставлено имъ было за собою въ Петербургѣ, и весь погрузился въ интересы того уголка куда загнала его судьба.

Небольшое селеніе, или такъ-называемый городъ Березовъ, столицій на острову образуемомъ рѣками Сосвой и Вогулкой, въ четырехъ тысячахъ верстахъ отъ столицы, съ десятимѣсячною зимой, съ жителями ѣздящими на собакахъ, одѣвающимися въ одежду изъ оленьей кожи, питающимися сырою рыбой,—вотъ та бѣдная, жалкая обстановка въ которой очутился Осипъ Кондратьевичъ и гдѣ засталъ Долгорукихъ, уже привыкшихъ отчасти къ этого рода жизни и благодарившихъ еще судьбу за мѣсто ссылки, которое, по сравненію съ другими, должно было все-таки считаться однимъ изъ лучшихъ.

Помѣщались они не въ городѣ, а въ особомъ острогѣ, построенномъ еще для Меншикова, неподалеку отъ церкви Рождества Богородицы; тамъ, въ деревянномъ, одноэтажномъ домѣ съ полукруглыми окнами, съ особою кухней и баней, проводили унылые дни эти нѣкогда сильные, богатые вельможи.... Женщины вышивали шелками иконы по камкѣ и кисеѣ, мущины прикармливали и водили домашнихъ гусей, лебедей и утокъ, плававшихъ въ устроенной на дворѣ острога сажалкѣ. Ѣли деревянными ложками, пили изъ оловянныхъ стакановъ, ходили въ праздничные дни въ церковь, въ сопровожденіи вооруженнаго караула... Князь Алексѣй и жена его не могли долго выдержать такой жизни, а когда, по смерти ихъ, главой семьи остался бывшій любимецъ Петра II, князь Иванъ, то житье стало еще хуже.

Князю Ивану, человѣку права кроткаго, не подъ силу было

держать въ повиновеніи обширную семью, считавшую между своими членами и такихъ какою была напримѣръ „разрушенная“ царская невѣста; гдѣ было ему съ нею ладить? Несмотря на добрыя отношенія въ которыя стали изгнанники къ начальству ихъ, березовскому воеводѣ Бобровскому, къ караульному офицеру Петрову, къ священнику и другимъ,— среди самой семьи завелись скоро дрязги, ссоры, сплетни, отравлявшія жизнь хуже всякаго начальства. Княжна Екатерина возстанавливала противъ князя Ивана младшихъ братьевъ, а женѣ его не давала проходу. Она подучила было князя Александра сказать на бывшаго царскаго любимца „слово и дѣло“, а сама находилась въ связи съ караульнымъ поручикомъ Овцынымъ; съ горя и отъ семейныхъ раздоровъ запилъ даже бѣдный, слабохарактерный князь Иванъ. А въ городѣ между тѣмъ поговаривали что, несмотря на приказаніе свыше, ссыльнымъ жить было все-таки хорошо. И точно, они могли отлучаться иногда изъ острога, и даже свели знакомство съ нѣкоторыми изъ мѣстныхъ обывателей; на дѣвичникѣ у какого-то посадскаго человѣка, княгиня Наталья Борисовна подарила невѣстѣ серебряныя вызолоченныя серьги, камку, сѣтку серебряную на чепецъ; у новорожденнаго сына ея крестною матерью была даже жена самого воеводы Бобровскаго, получившаго также въ подарокъ парчу серебряную.

Розказни ходившія обо всемъ этомъ по городу были пріѣхавшему въ Березовъ Тишину какъ нельзя болѣе на руку. Прибытіе его не возбудило подозрѣній; начальство смотрѣло на него какъ на простаго подъячаго; сами ссыльные не обращали на него вниманія, какъ на совершенно, казалось, невиннаго и ничтожнаго человѣка; Осипу Кондратьевичу дѣйствовать было отлично.

Попробовавъ, но неуспѣшно, соблазнить слугъ Долгорукихъ, дворовыхъ людей ихъ, Тишинъ нашелъ другіе пути и нашелъ ихъ даромъ, безо всякихъ расходовъ, заставляя разговаривать мѣстныхъ жителей. Семейныя дрязги ссыльныхъ, сплетни, дѣла великой государственой важности, — все предъ нимъ скоро открылось. Онъ узналъ и о томъ что когда-то князь Александръ грозился брату „словомъ и дѣломъ“; развѣдалъ и записалъ для памяти сказанное будто бы княземъ Иваномъ однажды про императрицу: „Какая-де она государыня! она Шведка“; ухитрился открыть что сохранились у Долгорукихъ секретно какіе-то фальшивые патенты; понялъ и догадался

какъ смотрѣлъ вообще каждый изъ изгнанниковъ на свое положеніе,—словомъ, паукъ распустилъ свою паутину и даже, безъ особенныхъ при томъ усилій, успѣлъ проникнуть въ самый острогъ и войти съ Долгорукими съ знакомство.

Бывая у нихъ, онъ высматривалъ какихъ-либо вещественныхъ уликъ и скоро нашелъ ихъ. Однажды ему кинулась въ глаза лежавшая на столѣ у князя Николая книга: *О вѣнчаніи брака* сестры князя, поднесенная государю Петру II во время коронаціи. При видѣ такого яснаго доказательства измѣны, Осипъ Кондратьевичъ не выдержалъ и обнаружилъ свою настоящую роль.

— Что̀ за книга? спросилъ онъ, ухватившись за нее обѣими руками.

— Не трогай, отвѣтилъ ему князь Николай;—книга сія кіевской печати *О вѣнчаніи брака*.

— О вѣнчаніи? повторилъ Тишинъ съ удивленіемъ.

— Ну что̀ дивуешься? О вѣнчаніи, да. Не трогай, сказано, прибавилъ онъ, схватясь за книгу и таща ее изъ рукъ Осипа Кондратьевича.

Но Тишинъ ее придерживалъ.

— У васъ книги сей быть не подлежитъ, замѣтилъ онъ, — не подлежитъ.

И точно испугавшись своихъ собственныхъ словъ, согнулся и книгу запряталъ въ полу кафтана.

— Ты что̀ мнѣ за указъ? вскипятился на него князь Николай, возбужденный въ особенности жалкимъ, ничтожнымъ видомъ сыщика. — Ты что̀ за птица? а? Сожгу ее когда самъ похочу, да не ты мнѣ укащикъ. Давай! давай! наступалъ онъ на Тишина.

— Не подлежитъ, не подлежитъ, твердилъ между тѣмъ Осипъ Кондратьевичъ, сгибаясь все больше и больше и не выпуская изъ рукъ своей находки.

— Ахъ ты! Да ты что̀ это вздумалъ? бросился на него князь Николай,

— Не отдамъ, повторялъ Тишинъ.

— Отдашь.

— Не отдамъ.

— Отдавай, шельма! закричалъ наконецъ внѣ себя князь Николай: — отдавай, говорятъ, не то....

— Что̀ за шумъ? Чего шумите? сказалъ вышедшій на крикъ

майоръ Петровъ, удерживая уже поднятый княземъ Николаемъ кулакъ.

— Воръ! Книгу со стола у меня воровски взять хотѣлъ, воръ, разбойникъ, шельма!...

— Ну, полно-те браниться! говорилъ Петровъ, останавливая князя.—А тебѣ что до книги? Оставь! обратился онъ къ Тишину:—пойдемъ, чего тебѣ? прибавилъ онъ, взявъ его за руку и уводя изъ комнаты.

И какъ послушная овца повиновался Осипъ Кондратьевичъ; обнаруживъ случайнымъ образомъ свою роль сыщика, онъ счелъ теперь не нужнымъ таиться долѣе. Все что было имъ съ такимъ искусствомъ выведано, все поднесъ онъ теперь какъ на блюдѣ озадаченному майору: и непристойныя слова насчетъ государыни, и сохраненные патенты, и какую-то картину, изображающую ломаніе на царство Петра II, и....

— Ну, чего еще? Что ты плетешься? прервалъ его наконецъ вдругъ Петровъ посреди доклада.—Никакихъ словъ отъ нихъ принимать и слушать не велѣно; ты дѣла сего не вѣдаешь, такъ и молчи.

Просто ротъ даже разинулъ Тишинъ отъ такихъ рѣчей. Кто же говорилъ-то ихъ? Человѣкъ приставленный для караула преступниковъ по великому государеву дѣлу, человѣкъ на котораго онъ разчитывалъ какъ на поддержку въ случаѣ извѣта, который, казалось ему, долженъ былъ бы обрадоваться обстоятельству могущему возвысить его въ глазахъ правительства и начальства.... Чего же тутъ было еще добиваться, какой помощи ожидать? Пришло, значитъ, время дѣйствовать самостоятельно.

— Охъ! покажетъ онъ на насъ, говорилъ, узнавъ о происшедшемъ, князь Иванъ.

— Вранье это; ничего не будетъ, успокоивалъ майоръ Петровъ,—вранье!

И въ самомъ дѣлѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль не было не только никакихъ дурныхъ признаковъ, но напротивъ, еще совершенно нежданно и негаданно отъявился вдругъ въ Березовъ капитанъ гвардіи Ушаковъ, отъ имени государыни навѣстить изгнанниковъ. Тишинъ совершенно стушевался.

Все Березовское населеніе словно ожило; между Долгорукими возродились даже какія-то надежды на перемѣну судьбы. Всѣхъ обласкалъ, всѣхъ успокоилъ Ушаковъ; у всякаго изъ членовъ ссыльной семьи подробно распрашивалъ: какъ они

живутъ, чѣмъ недовольны, не было ли противъ нихъ большихъ строгостей; гулялъ съ ними по городу, обѣщалъ просить о нихъ, обѣщалъ не оставить и добрыхъ, снисходительныхъ начальниковъ, словомъ, конца не было его любезностямъ и ласкамъ.

— Чего жъ ты? говорилъ посмѣиваясь князь Иванъ Осипу Кондратьевичу.—Коли вѣдаешь что про насъ недоброе, сказывалъ бы.

— Вотъ и правда знать моя, что вранье все, ничего не будетъ! замѣчалъ Петровъ.

— Его самого къ суду притянуть надлежитъ.

— Къ суду, точно къ суду.

— Онъ что намъ за указъ такой нашелся?

— Чего на него долго смотрѣть?

— Э! вмѣшался вдругъ поручикъ Овцынъ, налетѣвъ на Типшина:—еще суда дожидать! Вотъ на тебѣ и безъ суда, а вотъ и еще, да еще! повторялъ онъ, отпуская ему одну оплеуху за другою.

Присутствовавшіе смѣялись, смотря на Осипа Кондратьевича, корчившагося подъ ударами Овцына.

Но смѣху и радостямъ скоро пришелъ конецъ. Ушаковъ уѣхалъ, и обстоятельства приняли вдругъ совершенно неожиданный оборотъ.

Въ темную сентябрьскую ночь, подплыли однажды тихо по Вогулкѣ четыре струга, остановились у Березова и тихо же, не говоря и не объясняя ничего, пріѣзжая команда спустила въ эти струги князя Ивана, Петрова, Овцына, священниковъ и т. д., всего человѣкъ тридцать.

Недѣлю спустя въ Тобольскѣ началось слѣдствіе, допросы, и слѣдователемъ надъ привезенными туда изгнанниками явился тотъ самый любезный капитанъ Ушаковъ который такъ обласкалъ ихъ въ Березовѣ.

— Пропали, пропали! въ одинъ голосъ завопили Долгорукіе.

— Пропали, охъ, пропали! повторяла за всѣми и „разрушенная“ царская невѣста.

— Хоть разокъ бы еще взглянуть на него, проститься! кричала, билась и рвала на себѣ волосы несчастная, разлученная съ мужемъ княгиня Наталья Борисовна; но и ее посадили подъ караулъ.

Книги, письма, деньги,—словомъ все что нашли у изгнанниковъ, отправлено было съ нарочнымъ курьеромъ въ тайную

канцелярію. Князь Александръ въ отчаяніи и страхѣ распоролъ себѣ животъ. Слабохарактерный князь Иванъ не устоялъ и повинился тотчасъ же во всемъ, даже въ поддѣлкѣ завѣщанія. Преступниковъ повезли въ Новгородъ, назначили судъ, и, довольный и торжествующій, возвращался Типинъ въ Петербургъ, исполнивъ такимъ блестящимъ образомъ порученіе возложенное на него герцогомъ.

XXIV.

Десятаго сентября 1739 года, дежурный при фельдмаршалѣ Минихѣ, Апраксинъ, привезъ въ Петербургъ извѣстіе о взятіи Хотина. Русская армія, послѣ удачнаго сраженія съ Турками подъ Ставучанами, проникла за Прутъ. Яссы отворяютъ предъ нею ворота; молдаванскіе бояре выходятъ на встрѣчу нашимъ войскамъ съ поклонами; господарь Гика бѣжитъ, оставляя намъ бунчуки, знамена турецкія и молдаванскія, пушки, бочки съ порохомъ, хлѣбные магазины и пр.

Длиннымъ рядомъ побѣдъ Минихъ мечтаетъ уже поставить себя если не рядомъ, то по крайней мѣрѣ въ независимое положеніе отъ герцога. Но заключенный съ Турціей стараніями Бирона и Остермана Бѣлградскій миръ кладетъ конецъ этимъ честолюбивымъ замысламъ.

— Фельдмаршалу нужна большая награда, ваше величество, говоритъ Биронъ государынѣ смѣясь;—онъ проситъ не менѣе какъ титула герцога Украинскаго, чтобы со мною поровняться.

— Ужь не русскимъ ли великимъ княземъ его объявить? Я думала, онъ этого просить будетъ, отвѣчаетъ недовольная государыня.

И въ пичью разыгрываются всѣ труды Миниха, и опять кругомъ Бирона нѣтъ никого ему равнаго.

Между тѣмъ начинаются приготовленія къ празднованію мира. Ведутъ въ Петербургъ плѣнныхъ Турокъ. Сановники ждутъ наградъ и повышеній. Самъ герцогъ успѣлъ получить 500 тысячъ деньгами и кубокъ тысячъ въ 50. „Россія“, пишетъ изъ Магдебургскаго уединенія молодой Ломоносовъ:

Коль счастлива ты
Подъ сильнымъ Аннинымъ покровомъ,
Какія видишь красоты
При семъ торжествованьи новомъ, и т. д.

И посреди всего этого, какъ гастрономъ придумывающій послѣ утонченнаго обѣда чѣмъ бы ему еще пощекотать себѣ языкъ, придумывалъ торжествующій герцогъ чѣмъ бы ему еще закрѣпить свое положеніе.

До высоты того могущества на которомъ онъ стоялъ, до той независимости и власти, никто, пока онъ тутъ, при немъ и на глазахъ его, достигнуть не можетъ: это ясно; но живы еще люди въ рукахъ которыхъ могущество это когда-то находилось; они еще дышатъ, ходятъ по землѣ; о нихъ еще вспоминаетъ иногда государыня.

— Такихъ людей, шепталъ онъ ей, называя Долгорукихъ,— устрашать надлежитъ. Надежды на нихъ имѣть не можно, они всегда готовы массакръ или замѣшаніе зачинать!

И, съ своей стороны, тайная канцелярія, какъ мы видѣли, доискивалась данныхъ, „вещественныхъ доказательствъ“ въ подкрѣпленіе такихъ внушеній—и, какъ мы тоже видѣли, нашла ихъ. Когда Миктеровъ, согласно плану переданному Дерюгинымъ Машѣ, пришелъ въ Москву, кровавый пиръ Бироноваго гнѣва былъ уже свершенъ. Въ верстѣ отъ Новгорода, на Ѳедоровскомъ ручьѣ, при громадномъ стеченіи народа, кончалась судьба Долгорукихъ. Кого наказывали кнутомъ, кому языкъ урѣзывали, кого ссылали въ Камчатку, въ Охотскъ, въ дремучіе лѣса Горицкой обители, а у кого слетали съ плечъ долой и головы, подъ ударами зубчатаго колеса на высокомъ, нарочно для сего случая устроенномъ помостѣ.

„Благодарю тя Господи!“ дикимъ голосомъ кричалъ князь Иванъ, въ то время какъ правая нога его валилась съ подмостокъ. „Яко сподобилъ мя еси!“ продолжалъ стонать онъ, силясь приподнять привязанную къ колесу голову. „Познать тебя Владыко!“ докапчивалъ онъ молитву, едва дыша, пока не скатилась наконецъ и голова его, къ ужасу безмолвно крестившагося народа....

Судьба постигшая Долгорукихъ развязала только нѣсколько руки Миктерову. Ужасовъ самой казни онъ не видалъ, а къ разказамъ подобнаго рода прислушалось ухо.

— Царство небесное! произнесъ онъ только, когда до него дошла кровавая вѣсть, и занятый своими планами, онъ почувствовалъ даже какое-то облегченіе.

„Если поиски мои счастливо окончатся, не воровски по

крайности я имуществомъ ихъ владѣть тогда буду," думалось ему. „Несчастливая ихъ судьба, точно, да и моя безъ нихъ другая была бы. Добра себѣ отъ нихъ мало видѣлъ, а больше зла. Теперь хотя бы имущество ихъ къ пользѣ мнѣ послужило," разсуждалъ онъ и направился къ Москвѣ.

Отысканный прежде всего домъ Торбеева оказался описаннымъ въ казну, а самъ бывшій хозяинъ его, какъ увѣряли, уже два года тому назадъ наказанный публично плетьми, сосланъ былъ въ Камчатку. Найти безъ Торбеева ту старуху нищую которой, если помнитъ читатель, были переданы на сохраненіе пожитки Долгорукихъ, было почти невозможно. Пожитки эти были, по всѣмъ вѣроятіямъ, давно проданы, скрыты, да и сама старуха могла или бѣжать куда-нибудь съ ними, или умереть. Домъ гдѣ высмотрѣлъ было онъ когда-то мѣстопребываніе нищей нельзя было въ настоящее время узнать. На половину выгорѣвшая, на половину вновь застроенная Нѣмецкая слобода представляла теперь совершенно иной видъ. Несмотря однакожъ на всѣ эти затрудненія, Миктеровъ все-таки твердо стоялъ въ своемъ намѣреніи. Онъ бродилъ по переулкамъ и улицамъ, путаясь въ догадкахъ и соображеніяхъ, заглядывалъ въ лица попадавшимся ему прохожимъ, заходилъ въ церкви, толкался между толпившимися на погостахъ нищими, рѣшительно не было ничего похожаго на дѣло. Приходилось обратиться къ послѣднему средству, къ распросамъ, но и тутъ трудностей предстояло также не мало.

Хозяева дома, на которомъ Миктеровъ остановилъ наконецъ свое вниманіе, какъ напоминавшемъ нѣсколько тотъ который былъ ему нуженъ, купили его уже послѣ бывшаго въ 1737 году пожара и слѣдовательно никакихъ необходимыхъ указаній дать ему не могли. Нищая братія, у которой сталъ было развѣдывать Миктеровъ о нѣкоей старухѣ Настасьѣ, отыскиваемой имъ будто бы потому что она ему мать, которую онъ теперь изъ нищенства хотѣлъ бы вывести, имѣлъ свой достатокъ,—нищая братія много старалась ему помочь, но и это было безуспѣшно. Приводили къ нему на поглядѣніе много старухъ съ разными именами и прозвищами; называли между прочимъ и какую-то Настьку „доказчицу", которая собирала будто бы милостыню и которую легко можно было бы найти, но никто не рѣшился взять на себя привести ее къ Миктерову, боясь ея злобы и сомнѣвался чтобъ она могла быть точно матерью Миктерову.

Время шло, а жизнь въ городѣ была не то что въ деревнѣ. Тамъ кормили и поили вездѣ даромъ, но здѣсь за все приходилось платить; приходилось еще дѣлать траты на розыски, а помощи просить было не у кого.

— Глянь-ка, глянь,—Настька, Настька! вскрикнулъ вдругъ однажды, толкая Миктерова въ бокъ, шедшій рядомъ съ нимъ одинъ знакомый ему нищій. — Настька, она самая Настька!

— Гдѣ, что? встрепенулся Миктеровъ, вскинувъ глазами, и пустился бѣгомъ за старухой, которая мелькнула вдали и скрылась въ воротахъ одиноко стоявшаго дома.

— Куда? остановилъ его у воротъ выросшій вдругъ какъ изъ земли солдатъ.

— Живетъ кто здѣсь?

— Проходи, проходи!

Но Миктеровъ уже и не настаивалъ, встрѣтивъ неожиданно солдата.

Дѣло было на нѣкоторое время испорчено. Нищая была найдена; это дѣйствительно была она, Торбеевская нищая, та самая которой вручилъ когда-то послѣдній на храненіе пожитки Долгорукихъ, та самая словоохотливая старуха. Но что же это за таинственный домъ на Мѣщанской, куда, несмотря на строгій караулъ, проникла она такъ свободно? По разказамъ нищихъ, домъ этотъ принадлежалъ экзекутору военной коллегіи Юшкову и занятъ былъ какою-то персоной содержавшеюся тайноза крѣпкимъ карауломъ, съ закрытыми окнами, за желѣзною рѣшеткой. Но зачѣмъ же въ такой домъ забираться было нищей старухѣ, къ кому? Знать она и подлинно доказчица Настька?

А въ такомъ случаѣ надо было Миктерову держаться съ нею осторожно.

Когда, черезъ недѣлю, донесено было ему подробно обо всемъ касающемся Настьки,—гдѣ она живетъ, въ какое время выходитъ, гдѣ шляется, когда дома бываетъ и пр., Миктеровъ сообразивъ всѣ обстоятельства, рѣшился уже дѣйствовать твердо, и на свиданіе со старухой отправился безъ боязни и смѣло.

„Хуже того что есть не будетъ,“ думалъ онъ, „а съ простою-то нищею, будь она и доказчица, еще посчитаемся.“

XXV.

На дворѣ уже смеркалось. Миктеровъ давно ходилъ по указанному ему переулку, посматривая во всѣ стороны и замѣчая за каждымъ проходившимъ мимо лицомъ.

Положеніе дома въ которомъ, какъ сказано было ему, живетъ Настька, онъ осмотрѣлъ подробно. Домъ этотъ стоялъ почти совершенно отдѣльно. Съ правой стороны его начинался рядъ другихъ домовъ, но съ лѣвой тянулись одни заборы, а сзади былъ пустырь который упирался въ другую, параллельную улицу.

Прошло часа два. Прохожіе стали попадаться рѣже и рѣже. Миктеровъ начиналъ уставать, когда наконецъ вдали зашевелилось что-то, и у встрепенувшагося Миктерова, какъ у любовника на свиданьи съ милой, сжалось и затрепетало сердце.

Черты сморщеннаго лица подходившей старухи, клочки волосъ выбивающіеся изъ-подъ грязнаго платка которымъ была покрыта ея голова, какой-то, не то мужской, не то женскій зипунъ на плечахъ, все обозначилось уже ясно. Она! она самая! Ее сто разъ видалъ Миктеровъ у Торбеева: какъ не узнать ее,—она!

И разочтя шаги, одновременно съ нею подошелъ онъ къ калиткѣ.

Отступивъ шагъ назадъ, старуха словно испугалась, и подняла глаза.

— Чай меня не признаешь, бабушка? А? спросилъ, взглянувъ на нее и улыбаясь, Миктеровъ.

— Гдѣ признать? гдѣ признать мнѣ? стара. Сынъ нѣшто признаетъ, заговорила Настька какимъ-то угрожающимъ голосомъ, озираясь и торопливо вступая въ сѣни.

— Силанька! О, проклятый, Силанька! повторяла старуха, толкая изо всей силы сына, храпѣвшаго въ углу сѣней.

— Не тронь, бабушка! Эй не тронь! сказалъ строгимъ голосомъ Миктеровъ, нагнувшись къ самому ея уху.

— О, проклятый! ворчала, отходя, старуха, испугавшись голоса и выраженія лица Миктерова: — о проклятый Силанька! заспалъ знать....

— Да чего боишься? не убить тебя пришелъ: отворяй гор-

ницу-то, отворяй, не видать ничего, говорилъ Миктеровъ, оглядѣвшись нѣсколько въ темнотѣ.

Лицо старухи было такъ сморщено что разобрать на немъ дѣйствительно испытываемое ею чувство было бы трудно. Изъ глазъ сочились слезы; щеки опустились какъ у лягавой собаки; длинный носъ, покрытый веснушками, какъ слоями грязи, казался еще длиннѣе отъ вдавшихся ямой и собранныхъ сборками губъ; отъ подбородка къ шеѣ висѣла одна складка темнаго цвѣта на подобіе пустаго мѣшка. Старуха, точно пережевывая пищу, шевелила ртомъ и продолжала пристально смотрѣть на Миктерова.

Горница въ которую они вошли имѣла видъ необитаемый. Слишкомъ прибрано было какъ-то, и пусто. Изъ большой печи посреди не выглядывало ни горшка, ни другой какой посуды; чисто выгребенная, показывала она свое темное жерло, въ которое, казалось, давно уже не попадало ни полѣна дровъ. На лавкахъ не валялось никакой одежи, столъ стоялъ пустой; въ углу, на тонкомъ слоѣ распластанной соломы лежалъ только какой-то грязный не то мѣшокъ, не то подушка.

— Что съ меня взять? Взять-то нечего, коли ты лихой человѣкъ, вся тутъ! шамшила, какъ бы про себя, Настасья.

— А признать бы меня надо тебѣ, обратился къ ней Миктеровъ.—Торбеева чай помнишь? прибавилъ онъ вполголоса, лукаво посмотрѣвъ ей въ глаза.

Старуха перестала на минуту двигать губами и со всѣмъ вниманіемъ, казалось, силилась что-то сообразить и припомнить.

— Благодѣтель мой былъ Тимоѳей Петровичъ, ну какже! сказала она наконецъ.

— Вспомнила? а?.... А пожитки что давалъ тебѣ, спросилъ Миктеровъ, наклонившись къ ней и почти шепотомъ,—цѣлы?

Въ сѣняхъ въ это время послышался шумъ. Нищая, не отвѣчая на вопросъ, кинулась было туда.

— Кто тамъ? сдвинувъ брови, спросилъ Миктеровъ, остановивъ ее:—кто тамъ?

— Силанька же, Силанька все возится, сынъ-то мой.

— Сынъ? Ну, пускай его спитъ, мы и дверь притворимъ. А ты вотъ что, старуха, сказалъ Миктеровъ, притворяя дѣйствительно дверь,—пожитки тѣ доставай; мнѣ нужда большая есть, подавай.

— Какіе пожитки? Христосъ съ тобой! У нищей пожитки

искать пришелъ. Что̀ съ меня взять? вся тутъ! заговорила Настька.

— Какъ вся тутъ? Ну! разсердился наконецъ Миктеровъ.— Я те, вѣдь знаешь что̀! я те... Вотъ, говорилъ онъ ей, тебѣ такія-то именно вещи были переданы, такимъ-то лицомъ, въ такое-то время, вотъ гдѣ жила ты, вотъ....

— Да тьфу! Ничего я того не знаю, ничего не вѣдаю! вдругъ закричала, не дослушавъ его до конца, пищая, и вскочивъ съ лавки въ сторону, часто-часто зашевелила губами.

— Ну, старуха, приподнимаясь также съ мѣста и уже разгорячившись, сказалъ Миктеровъ, — добрымъ словомъ я рѣчь свою вести хотѣлъ, а когда ты со мною такъ, пощады тебѣ не сдѣлаю.

— Что̀ жь ты? разбоемъ, разбоемъ? закричала надорваннымъ своимъ голосомъ Настька, кидаясь опять къ двери.

— Стой! стой! зажалъ ей ротъ Миктеровъ:—не кричи!

— Уб....ить, уб....ить! Сил....ань...ка....а! завыла пищая у него подъ рукой.—Силанька! крикнула она, вырвавшись наконецъ и широко распахнувъ дверь. — Силанька, Силанька! грабятъ насъ съ тобой, грабятъ! Гдѣ онъ? нѣтъ его? А? нѣтъ, знать ушелъ, ушелъ.

— Слушай, старая, поблѣднѣвъ въ свою очередь и растерявшись, сказалъ Миктеровъ, схвативъ костлявую руку старухи,—слушай! Самъ пропаду, и тебя погублю! Чьи тѣ ложитки? сказывай, чьи? Долгоруковскіе, вѣдаешь ты сіе? а? А за Долгоруковскіе ложитки....

— Долгоруковскіе? Господи, Господи! не давъ докончить страшной рѣчи и присмирѣвъ вдругъ, зашамшила пищая, вытаращивъ глаза. — Господи! знать ты и самъ.... а Силанькато.... вѣдь онъ того гляди воротится.... гдѣ они?... ложитки-то.... О-охъ! кабы знать что ты про то вѣдаешь.... огня вздуй, родимый.... охъ, согрѣшила! Они тутъ, за печкой.... камня не поднять мнѣ одной-то.... охо, хо, хо, скорѣе! Наведетъ онъ если кого?... увидятъ.... Господи! охо, хо, хо!

И откуда взялась вдругъ у старухи бодрость; она носилась изъ стороны въ сторону, отодвигала лавку, доставала огарокъ, вздувала огонь, вытаскивала заложенную въ печкѣ камнями знакомую зеленую, обитую бѣлымъ желѣзомъ, шкатулку,—быстро, быстро!

— Деньги, деньги гдѣ, старая? спрашивалъ Миктеровъ, то

развертывая, то просто ощупывая и откидывая въ сторону драгоцѣнныя вещи.

Руки его дрожали какъ у вора, котораго сейчасъ накроютъ. Вотъ золотые перстни съ лазоревыми, изумрудными и алмазными камнями; вотъ женскіе золотые и серебряные кресты, запаны и серьги осыпанныя алмазами; плоскія и круглыя золотыя цѣпи въ пять и шесть рядовъ, съ засовочками и замочками; крупныя жемчужныя нити съ плетенымъ бѣлымъ шелкомъ или разноцвѣтными узорчатыми лентами на концахъ. Въ сторону, въ сторону все это. Вотъ и послѣдній ящичекъ, гдѣ акуратно уложенъ золотой перстень съ аметистовымъ камнемъ, яхонтовыми красными искрами по краямъ и вырѣзаннымъ на аметистѣ гербомъ Долгорукихъ.... все не то, прочь это, прочь!

— Гдѣ жь деньги, старая, гдѣ онѣ? еще громче спрашивалъ Миктеровъ.

— Охъ-охъ-хо.... немного ихъ, родименькій! Тимоѳей-то Петровичъ мнѣ было за сохранность сулилъ.... охъ-хо! вздыхала старуха.

Перещупавъ наскоро разбросанные на столѣ свертки и сунувъ кое-что въ карманъ, Миктеровъ подошелъ къ ней съ угрозой.

— Ну, старая, гдѣ жь деньги, подавай.

— Всѣ возьмешь? шептала сидѣвшая предъ печкой поджавъ ноги Настька, перебирая лежавшіе у ней на колѣнахъ туго набитые, грязные мѣшечки и не поднимая глазъ на Миктерова.

— Всѣ возьмешь? повторяла она, хватаясь дрожащими руками то за одинъ, то за другой мѣшокъ.—Ты надъ нами теперь воленъ.... возьми; всѣ возьми, и моихъ тутъ много.... и Силанькиныхъ....

— Твоихъ мнѣ не надобно и ложитки тебѣ же оставлю, говорилъ Миктеровъ, выбирая и кладя въ карманы мѣшки.

— Да, да, да! шамшила, не спуская глазъ съ колѣнъ и опустивъ руки старуха: — смотри, оставишь? Нѣтъ, знать попуталъ насъ грѣхъ-отъ.... и мы властны были.... а нынѣ ты.... все вымученныя деньги-то.... вымученныя, родименькій.... Силанькѣ на свадьбу готовила, ему голубчику, Силанушкѣ.... Силанушкѣ.... Силанька! вдругъ вскрикнула она, выпрямившись, и, бодро вскочивъ на ноги, бросилась къ двери.

Въ сѣняхъ въ это время послышался какой-то шорохъ.

Дверь отворилась. Миктеровъ оглянулся, и холодъ пробѣжалъ по всему его тѣлу.

На порогѣ, съежившись, мигая глазами и слегка покашливая, стоялъ.... кто же? Гвоздевъ.

— Силанька! ложитки.... прячь скорѣй.... погубить хотѣлъ.... доказчикъ самъ!... заговорила старуха, обращаясь къ нему и теребя его за платье.—Чего жъ стоишь? Силанька! очнись, Господи!

Гвоздевъ хотѣлъ что-то сказать, но взглянувъ съ ужасомъ на столъ, подавился, закашлялся и съ какимъ-то азартомъ, сгребая руками разбросанныя вещи въ кучу, сунулъ ихъ какъ попало въ ящикъ.

— Ну! выводи же меня самъ отсюда, сказалъ Миктеровъ, подойдя къ нему сзади и взявъ его за горло.

Какъ автоматъ повернулся къ нему Гвоздевъ; сжавъ губы, и зажмуривъ одинъ глазъ, онъ погрозилъ ему пальцемъ прямо въ лицо и, маня за собою, скорыми шагами вышелъ изъ горницы.

— На улицѣ тебя дожидаются; пустыремъ бѣги, вотъ отсюда, шепталъ онъ въ сѣняхъ на ухо Миктерову.

— Самъ проводи, отвѣчалъ вполголоса Миктеровъ, сдавливая ему шею.

Нѣсколько секундъ продолжалась молча какая-то возня. Гвоздевъ вырывался, упираясь руками въ плечи Миктерова, но тотъ не выпускалъ его изъ рукъ. Что-то стукнуло вдругъ; загремѣла какая-то доска.

— Охъ! крякнулъ Гвоздевъ въ отчаяніи, и быстро кинувшись въ сторону, повлекъ Миктерова за собою.

Открылась небольшая дверь въ противоположную сторону отъ улицы. Вышли на дворъ. Гвоздевъ опять грозилъ пальцемъ въ лицо Миктерова, рекомендуя ему этимъ жестомъ осторожность. Лица его за темнотой было не видно. Перелѣзли оба черезъ изгородь.

— Прямо! шепнулъ опять Гвоздевъ, сидя на корточкахъ и указывая Миктерову на пустырь.

— Самъ проводи, повторилъ еще разъ послѣдній, поднимая Гвоздева на ноги и боясь все-таки отпустить его отъ себя.

— Эхъ! какъ-то жалобно и злобно захрипѣлъ Гвоздевъ и, сгибаясь всѣмъ тѣломъ, потащилъ Миктерова вдоль кустовъ и бурьяна, оглядываясь поминутно назадъ.

— Ну, сказалъ онъ наконецъ, остановившись на половинѣ пустыря и въ виду улицы,—ну, иди!

— Поломни же меня! отвѣчалъ ему на это Миктеровъ:—поломни! и крупнымъ шагомъ зашагалъ впередъ.

Выпрямившись, и кратчайшимъ уже путемъ, пустился тогда Гвоздевъ бѣгомъ домой. Старуха между тѣмъ едва успѣла кое-какъ побросать въ печную дыру выложенные и недобранные Миктеровымъ мѣшки, собрать оставшіяся еще на столѣ вещи, запихать ихъ въ шкатулку, поставить ее на мѣсто и хоть немного прикрыть и заткнуть свою кладовую какою-то тряпицей, когда въ сѣняхъ послышался шумъ, и въ горницу вошелъ одинъ изъ приведенныхъ Гвоздевымъ приказныхъ, поставленный имъ на улицѣ и соскучившійся наконецъ дожидаться.

— Что жъ? пропалъ? какъ бы самъ себѣ сказалъ онъ, снимая шляпу.

Совершенно измученная старуха, не вставая съ лавки, не привѣтствуя даже гостя, повторила только за нимъ:

— Пропалъ!

— И грабитель пропалъ? обратился тогда къ ней, услышавъ ея голосъ, незнакомецъ.

— И грабитель, повторила нищая.

— Все стало ограбили? спросилъ первый, подвигаясь къ столу, и остановился вдругъ, вытаращивъ глаза на блеснувшій ему и вѣроятно закатившійся подъ лавку золотой съ аметистами гербовый перстень.

— Все, все, говорила, не обращая на него вниманія, Настасья, — все ограбили, и сама какъ жива, не вѣдаю! Что со старухи взять? силы слабыя! Послѣдняго достатка лишились, ничего не осталось, охо, хо, хо! вздыхала она, приплетая разныя подробности небывалаго происшествія.—Въ окно влѣзъ-то, убилъ было, охъ, все ограбили, все!

А приказный держалъ уже между тѣмъ перстень въ рукахъ и, не слушая старухи, разсуждалъ и боролся съ собою, уличить ли ему притворившуюся нищую, или просто, положивъ находку въ карманъ, спустить ее потомъ кому-нибудь въ свою пользу, сваливъ воровство на побывавшаго въ домѣ грабителя.

— Ушелъ! проговорилъ вбѣжавшій въ это время, запыхавшійся и блѣдный Гвоздевъ, взглянувъ на очищенный уже столъ и на сидѣвшую на лавкѣ мать.

— Ушелъ?

— Ушелъ.

— Эхъ, молодецъ! съ упрекомъ сказалъ приказный: — чего жь ты зѣвалъ-то, а?

— Не я зѣвалъ, а судьба моя злая, горькая!

— Вотъ, судьба!

— Да, судьба, началъ было съ какою-то злобой Гвоздевъ; но объясненіе его о томъ какъ подозрительная персона не была уже имъ захвачена на мѣстѣ, какъ гнался онъ будто бы за нею по пустырю и пр., было совершенно лишнее; товарищъ его, ощупывая въ своемъ карманѣ дорогую находку, слушалъ разсѣянно и предвкушалъ только удовольствіе выгодной коммерческой операціи, которую можно будетъ сдѣлать завтра и на которую онъ уже рѣшился теперь окончательно.

— Горе, горе, повторялъ приказный,—что и говорить! А за трудъ ничего мнѣ не надобно, — ну какіе труды! Завтра о пропажѣ своей объяви: статься можетъ и сыщется,—сыщется, мягкимъ, добрымъ голосомъ утѣшалъ онъ Гвоздева.

Но назавтра вышло уже совсѣмъ другое.

Въ то время какъ Миктеровъ, располагая теперь средствами, спѣшилъ, полный надеждъ, въ Петербургъ, твердо рѣшившись взять тамъ Машу и вмѣстѣ съ нею пробраться за рубежъ, попавшійся съ Долгоруковскимъ перстнемъ приказный, а за нимъ Гвоздевъ и старуха доказчица Настька, всѣ сидѣли уже въ острогѣ полицейской канцеляріи.

По сдѣланному обыску, у нихъ отыскались заложенные за печку пожитки казенныхъ государственныхъ преступниковъ.

XXVI.

Дерюгина нисколько не затрудняло порученіе Миктерова къ Машѣ. Отыскать по указанію улицу и домъ ея, передать ей обѣщаніе Миктерова скоро съ ней свидѣться, — все это было и легко, и безопасно, въ особенности въ отсутствіи Тишина; но у него было еще другое порученіе: узнать живъ ли, гдѣ именно находится и не можетъ ли оказать какой помощи Торбеевъ, на котораго болѣе всего Миктеровъ могъ разчитывать и который, со смертью Ягужинскаго, долженъ былъ, по всѣмъ вѣроятіямъ давно уже воротиться изъ Берлина въ полкъ.

Какъ нарочно Дерюгинъ попалъ въ Петербургъ въ самое

горячее время праздниковъ Бѣлградскаго мира, и праздники эти давали ему, съ одной стороны, возможность, шляясь вездѣ по улицамъ, скрываться безопасно въ толпѣ, а съ другой— могли скорѣе всего представить ему случай повстрѣчаться съ Торбеевымъ. Дерюгинъ совался всюду, — и на фейерверки, и на иллюминаціи, на праздники съ жареными быками и винными фонтанами, ходилъ и за разъѣзжавшими по городу герольдами, цимбальщиками и трубачами, сопровождавшими секретарей которые читали манифестъ и метали деньги въ толпу; толкался и предъ окнами покоевъ принцессы Анны, изъ которыхъ сама государыня бросала въ подставленныя шапки золотыя и серебряныя монеты; ходилъ смотрѣть и на отстраивавшійся, подъ наблюденіемъ Татищева, между Адмиралтейскою крѣпостью и Зимнимъ Дворцомъ, Ледяной домъ, сдѣланный изъ правильныхъ, циркулемъ измѣренныхъ ледяныхъ плитъ, раскладываемыхъ рядами и заливаемыхъ вмѣсто извести водой, — словомъ, толкался всюду, но Торбеевъ не отыскивался нигдѣ.

Въ день торжественнаго вступленія возвращавшейся изъ похода гвардіи было, казалось, больше всего надежды на успѣхъ. Войска должны были быть всѣ въ сборѣ, и если Торбеевъ точно въ Петербургѣ, здѣсь можно было наконецъ навѣрно его увидѣть. Когда со всѣмъ парадомъ, съ артиллеріей, музыкантами и самимъ начальникомъ отряда Густавомъ Биропомъ, окруженнымъ скороходами, пажами и егерями, началось торжественное шествіе, Дерюгинъ впился въ оное глазами, заглядывалъ во всѣ стороны, не пропускалъ ни одного лица изъ проходившихъ мимо войскъ. Мѣрнымъ шагомъ, въ темпъ игравшей музыкѣ, шли подпоясанные шарфами солдаты, съ ружьями и примкнутыми штыками; на шляпахъ ихъ колыхались еловые вѣнки, заткнутые за поля взамѣнъ лавровыхъ листьевъ, которыхъ хватило только на раздачу офицерамъ, развивались знамена.... Вотъ одинъ полкъ прошелъ, другой,—нѣтъ Торбеева, всѣ глаза проглядѣлъ Дерюгинъ.

Церемонія прослѣдовала весь Невскій Проспектъ, повернула по Дворцовой набережной, мимо Ледянаго дома и, обогнувъ Эрмитажную канавку, вступила на Дворцовую площадь. Знамена внесли во дворецъ. Нижнихъ чиновъ распустили, а въ галлерею вышла сама государыня съ привѣтствіемъ.

— Удовольствіе имѣю, сказала она, обратясь съ пріятною улыбкой къ офицерамъ, — удовольствіе имѣю благодарить

лейбъ-гвардію, что будучи въ Турецкой войнѣ въ надлежащихъ диспозиціяхъ, всѣ тверды и прилежно находились, о чемъ я черезъ генералъ-фельдмаршала графа Миниха и подполковника Густава Бирона извѣстна. Будете за свои службы не оставлены.

— Благодаримъ! благодаримъ всемилостивѣйшую государыню! гаркнули офицеры.

Они были затѣмъ допущены къ цѣлованію руки, и тутъ же императрица подносила каждому изъ нихъ по стакану венгерскаго вина.

А нижніе чины между тѣмъ расходились по домамъ, и за ними, напирая со всѣхъ сторонъ, слѣдовала толпа. Между ними Дерюгинъ разглядѣлъ наконецъ Торбеева. Но какъ продраться къ нему? Толпа густа, сплошна какъ стѣна. Вотъ мелькнулъ вдали. Крикнуть? Да не услышитъ.

Нечего дѣлать, пришлось Дерюгину оставаться въ толпѣ и слушать что̀ вокругъ него говорится.

Большею частью говорили кругомъ о томъ пойдетъ ли или не пойдетъ опять церемонія, хотя распущенные и гулявшіе посреди народа солдаты и могли бы служить, казалось, доказательствомъ того что все кончилось и спорить было рѣшительно не о чемъ. Говорили еще о томъ присутствуетъ или не присутствуетъ тутъ цесаревна Елизавета Петровна.

Два старичка, похрустывая валенками на круто скованомъ сильнымъ морозомъ снѣгу, довольно горячо повздорили на этотъ счетъ. Одинъ изъ нихъ, со словъ солдата, разказывалъ что ея здѣсь нѣтъ, потому что она съ государыней ссору за Нѣмцевъ имѣетъ; но другой вѣрить этому не хотѣлъ.

— Ну какая ссора? Что̀ за ссора? говорилъ первый.

— Про то мы не вѣдаемъ, а солдаты вотъ сказывали: онаде, государыня, Нѣмцевъ золотыми, а матушку нашу мѣдными монетами жалуетъ,—вотъ что̀!

— Подлинно, и я слышалъ! вмѣшался, тряхнувъ головой, молодой парень:—подлинно солдаты сказывали: цесаревна-де, какъ нынѣ жалованье получила, ту самую мѣдную монету въ Неву высыпать приказать изволила: у меня-де отцовское есть, и такъ пока поживу.

— Гдѣ отцовское? Откуда?

— Откуда? Когда дѣло разумѣть не можешь, молчалъ бы.

— Самъ-отъ ты много разумѣешь?

— Государыня-то, слышь, Елизавету Петровну къ себѣ призывала.

— Призывала?

— Да. Сдавать ей Россійское государство изволила.

— Опять знать тебѣ солдаты сказывали?

— Опять. Ежели де народу на три года льготы дашь, да Нѣмцевъ всѣхъ отселева выгонишь, потомъ де я государство принять изволю,—вотъ что!

— А когда?

— Когда? Не сказывали когда. Чего же присталъ? Охъ, прости Господи, черти! разсердился наконецъ разкащикъ и отвернулся прочь.

Эге-ге! расшевелился Дерюгинъ подслушанною имъ болтовней, и про Торбеева даже думать забылъ.

Да и что жъ Торбеевъ? Видѣть онъ его видѣлъ, это вѣрно, а полка въ которомъ тотъ служитъ, если не удалось узнать, такъ еще узнаетъ, времени впереди еще много.

„Въ народѣ обо всемъ провѣдаешь! Ишь онъ, народъ-отъ, какъ поговариваетъ. Сколь его ни муштруй, а Нѣмцемъ, знать, все не сдѣлаешь; тѣ свое, а онъ свое поровитъ.... Ахъ ты! Ахъ ты!“ закружилось у него опять въ головѣ.

И еще усерднѣе сталъ онъ шататься повсюду и прислушиваться, а шататься было гдѣ, такъ какъ продолжавшіеся праздники находились еще въ самомъ разгарѣ, и развеселившійся дворъ, подъ впечатлѣніемъ розданныхъ наградъ и милостиваго о прощеніи военнымъ чинамъ всѣхъ винъ по службѣ манифеста, со всякимъ днемъ сочинялъ, казалось, все лучшія еще выдумки.

Вспомнивъ наконецъ устроенную когда-то Петромъ I въ честь взятія фрегатовъ свадьбу князя-папы Бутурлина, задумали сочинить теперь что-нибудь и въ этомъ родѣ. Волынскій и Черкасскій взялись написать программу маскарада, а Нѣмцамъ пришла въ голову мысль князя-папу замѣнить сорокалѣтнимъ, разжалованнымъ въ шуты за принятіе латинской вѣры, княземъ Голицынымъ, прозваннымъ квасникомъ, и женить его на карлицѣ изъ простаго званія, Бужениновой. Дать щелчокъ русскому дворянству въ лицѣ одной изъ первыхъ русскихъ фамилій было въ глазахъ нѣмецкой партіи, и въ особенности Бирона, всегда кстати и хорошо.

Маскарадная коммиссія захлопотала съ большимъ усердіемъ. Тредьяковскому заказаны были на этотъ случай стихи. Вытребованы въ Петербургъ представители всѣхъ племенъ обитающихъ въ Россіи: Вотяки, Мордва, Черемисы, Татары,

Калмыки съ женами, казаки съ Украйны и пр. и пр. Въ лыву заботъ, Волынскій успѣлъ уже три раза „потѣшить себя“, какъ онъ говорилъ, отколотивъ Тредьяковскаго по щекамъ и палкой. Свадьбу предполагалось сыграть въ Ледяномъ домѣ къ которому пристраивали ледяную же баню съ отточенными на подобіе бревенъ углами, съ ледяными же печью, каменкой, полками, лавками и посудой.

Ледяной домъ этотъ,—построенный на восьми саженяхъ длины, съ воротами по обѣимъ сторонамъ, съ фронтишпицемъ и статуйками на кровлѣ, — красивою архитектурой своею походилъ на одинъ изъ тѣхъ маленькихъ, чистенькихъ домиковъ которые и понынѣ еще встрѣчаются въ переулкахъ Москвы. Предъ крыльцомъ раздѣлявшимъ зданіе на двѣ половины, изъ коихъ въ каждой находилось по три окна, стояли ледяные дельфины съ открытыми пастями, а кругомъ шла тонкая со столбами рѣшетка. Дверные и оконные косяки были выкрашены краской подъ зеленый мраморъ, а стекла сдѣланы изъ тонкаго чистаго льда. На столбахъ воротъ стояли вазы съ померанцовыми деревьями, а подлѣ нихъ ледяныя деревья съ ледяными листьями. Внутренность дома была отдѣлана не менѣе, если не болѣе тщательно и даже изящно. Въ спальнѣ молодыхъ стояла ледяная кровать съ ледяными завѣсью, постелью, подушками, одѣяломъ, туфлями, колпаками, а въ углу устроенъ былъ ледяной каминъ съ ледяными же дровами. Въ другомъ покоѣ находилась уборная, гдѣ были зеркала, свѣчи, карманные часы и разныя туалетныя ледяныя принадлежности. Наконецъ въ пріемной стояли по угламъ статуи, на столѣ приморожены были игральныя карты съ марками, придвинуты были рѣзной работы стулья, а въ поставцѣ красовались: чайная посуда, стаканы, рюмки и даже блюда съ кушаньемъ, и все ледяное, покрытое красками. Столовые часы сдѣланы были съ такимъ искусствомъ что сквозь свѣтлый ледъ разглядѣть можно было даже колеса. Холода и морозы, которыми отличалась въ этотъ годъ зима, способствовали особенной отдѣлкѣ и сохраненію ледяной игрушки.

Въ день празднованія свадьбы, все что̀ собрано было въ Петербургѣ инородцевъ посадили въ сани, сдѣланныя на подобіе разныхъ странныхъ звѣрей, рыбъ и птицъ, и одни на оленяхъ, другіе на собакахъ, верблюдахъ и свиньяхъ, отправись изъ дома Волынскаго парадомъ мимо дворца, въ манежъ Бирона. Женихъ съ невѣстой сидѣли въ клѣткѣ установлен-

ной на спинѣ слона. Каждый изъ поѣзжанъ старался чѣмъ-нибудь показать себя, у каждаго племени инородцевъ была своя „музыкалія“. Пѣли пѣсни, ломались, а тверскіе ямщики подъ страшнымъ морозомъ представляли весну, высвистывая по птичьи на разные голоса. Въ манежѣ, устланномъ досками, приготовленъ былъ ужинъ на которомъ присутствовали сама государыня и иностранные послы, а послѣ ужина свадебная толпа пѣла, плясала, и затѣмъ уже молодыхъ повезли въ приготовленные имъ покои.

Огромная масса народа слѣдовала за поѣздомъ. Дерюгинъ находился, разумѣется, тутъ, но любопытныхъ вокругъ Ледянаго дома собралась такая масса что поставленный около него караулъ остановилъ наконецъ всю прибывавшую и увеличивавшуюся толпу.

— Стой! стой! раздалось надъ самымъ ухомъ Дерюгина, въ то время какъ онъ рванулся было къ ледянымъ пушкамъ и мортирамъ изъ которыхъ производилась пальба бомбами и ядрами, пробивавшими на потѣху двухъ-дюймовыя доски въ шестидесяти шагахъ разстоянія.

— Стой!

— Торбеевъ! произнесъ въ полголоса Дерюгинъ, взглянувъ на кричавшаго офицера.—Онъ и есть.

— Куда? Назадъ! повторилъ послѣдній, пристально посмотрѣвъ на него.

— Не признаетъ меня знать, а? А я было поклонецъ тебѣ отъ Миктерова.... принесъ, сказалъ онъ понижая голосъ.

— Стой! Назадъ! Эй! Проходи! засуетился еще больше при этомъ имени караульный офицеръ.

И Дерюгинъ почувствовалъ только какъ сильная рука толкнула его въ сторону, и такимъ образомъ не только не воспрепятствовала, но даже поощрила заняться разглядываніемъ ледяныхъ диковинокъ, вмѣстѣ съ пропущеннымъ туда же прежде сего народомъ.

Ледяной домъ блестѣлъ уже между тѣмъ огнями. Горѣли въ покояхъ ледяныя, намазанныя нефтью, свѣчи, топился ледяной каминъ. Предъ опущенными на окнахъ полотняными сторами собрались любопытные „смотрители“ любоваться рисованными на полотнѣ этомъ смѣшными картинами. Ледяные дельфины выбрасывали изъ ноздрей и челюстей огонь.

Дерюгинъ переходилъ безсознательно отъ одного предмета къ другому. Тамъ, въ пирамидахъ съ размалеванными часо-

выми досками, виситъ восьмиугольный, бумажный, освѣщенный изнутри трансперантъ, поворачивающійся съ разныхъ сторонъ, и потѣшаетъ толпу все новыми и новыми фигурами. Тутъ, направо отъ дома, въ настоящую величину, ледяной слонъ, съ ледяными вожаками-Персіянами, мечетъ проведенную трубами изъ Адмиралтейской крѣпости воду на 24 фута вышины. Шумъ и хохотъ раздаются вокругъ, когда сидящій внутри слона „потайной“ человѣкъ пускаетъ трубные звуки, подражая крику животнаго.

— Ну-къ еще покричи!

— Ай, замерзъ?

— За ногу-то его ухвати!

— Обольетъ.

— Ничего!

— Ха-ха-ха! смѣется толпа.

Но Дерюгинъ, ходившій вмѣстѣ со всѣми, былъ какъ-то и мраченъ, и скученъ. Пріемъ ли оказанный ему нехотѣвшимъ узнать его Торбеевымъ, разговоръ ли о какихъ-то появившихся будто бы въ Новгородѣ юродивыхъ, къ которому онъ прислушался тамъ, у волшебнаго фонаря, другое ли что,— только дожидаться окончанія праздника ему не хотѣлось. Не веселый, задумчивый и даже разстроенный отправился онъ домой.

А на водѣ долго еще шумѣла и веселилась публика. Затопили ледяную баню. Повели торжественно новобрачныхъ въ баню. Тредьяковскій выкрикивалъ свое привѣтствіе:

Здравствуйте, женившись дуракъ и дура!
Еще.... то-то и фигура.
Теперь-то прямо время намъ повеселиться,
Теперь-то всячески лобзаньямъ должно бѣситься.
Квасникъ дуракъ и Буженинова
Сошлись любовно, но любовь ихъ гадка.
Ну Мордва, ну Чуваша, ну Самоѣды!
Начнемъ-те веселіе молоды дѣды и пр.

— Семеновскаго полку, не запамятовать бы,—Семеновскаго, повторялъ только про себя Дерюгинъ, и, удаляясь, не оглядывался даже на кипѣвшее сзади веселье.

XXVII.

Возвратившійся изъ командировки Осипъ Кондратьевичъ не нашелъ дочери въ квартирѣ своей, и куда, зачѣмъ скрылась она, объясненій никакихъ добиться не могъ, да и не отъ кого было ихъ добиваться. Вдова Пташкина сумѣла только разказать что задолго будто бы до его пріѣзда Маша познакомилась со служащею у пастора лютеранской кирки дѣвкою, Анной Ивановой, дочерью какого-то турецкаго купца города Очакова, взятаго въ плѣнъ и крещеваго въ лютеранскій законъ; что къ дѣвкѣ этой ходила она часто, оставалась въ послѣднее время у ней ночевать, проводила по нѣсколько дней, и уйдя такимъ образомъ однажды, уже болѣе не возвращалась. О посѣщеніяхъ Гвоздева и о непонятной причинѣ исчезновенія его Осипъ Кондратьевичъ ничего узнать не могъ.

Отъ пастора лютеранской кирки, куда было сунулся Тишинъ, узналъ онъ что дѣвка Анна Иванова была и прежде замѣшана въ какомъ-то дѣлѣ о поджогѣ, но что сдѣлавъ наконецъ поджогъ уже явный, по злобѣ на учителя той кирки, Броуна, который билъ ее въ школѣ по щекамъ, была пытана и сослана въ дальній женскій монастырь для безотлучныхъ тамъ работъ.

Осипъ Кондратьевичъ боялся идти въ распросахъ своихъ далѣе. Мало ли что могло обнаружиться! Крѣпко призадумался Тишинъ.

Между тѣмъ, благополучно окончивъ разчетъ свой съ Гвоздевымъ, Миктеровъ приближался къ Петербургу. Однажды, уже въ началѣ весны, въ Глухомъ переулкѣ, у калитки знакомаго намъ дома Пташкиной, звякнуло кольцо, и вышедшая отворять ее хозяйка увидала предъ собою забрызганнаго грязью въ дорожномъ платьѣ человѣка, который назвалъ себя Миктеровымъ. Старуха ахнула и тутъ же разказала ему все что знала о Машѣ, Гвоздевѣ и Тишинѣ. Этого только и нужно было Миктерову.

Предъ вечеромъ онъ уже пробирался осторожно, пустыми переулками, на поиски Дерюгина, но на одномъ изъ перекрестковъ предъ нимъ вдругъ какъ изъ земли выросъ Тишинъ.

Оба сняли шапки, оба остановились и, молча, съ недовѣріемъ взглянувъ другъ на друга, каждый по своему старался

объяснить себѣ то положеніе которое надо принять въ настоящемъ случаѣ.

— Бѣда! сказалъ наконецъ Миктеровъ. —Бѣда, бѣда!

— Отъ кого бѣда-то? громко откашлялся Осипъ Кондратьевичъ, искоса смотря на своего врага.

— Не чаялъ и не гадалъ, сказалъ Миктеровъ, не совсѣмъ спокойно выдерживая этотъ боковой взглядъ Тишина.

— Проклятія достойна, вотъ что. Если родителя своего оставить замыслила, отъ дьявола сіе приходитъ, или отъ недобраго человѣка! хриплымъ голосомъ и съ разстановкой проговорилъ Осипъ Кондратьевичъ, вливаясь сухими глазами въ своего слушателя.

— Проклинать-то всякій горазъ, сказалъ послѣдній, переминаясь съ ноги на ногу и желая скорѣе отдѣлаться. — Ты проклянешь, и тебя не оставятъ.

— Гм!... захрипѣлъ Осипъ Кондратьевичъ, замѣтивъ движеніе Миктерова: — гм! куда жь ты торопишься? аль дѣла какія?

— Да, здѣсь оставаться мнѣ не у чего; время позднее, идти далеко...

— Ты бъ ко мнѣ зашелъ, гм! старину бъ помянули; ровно на улицѣ-то и стоять не ладно, любезно пригласилъ было Тишинъ.

— Э! махнулъ рукой Миктеровъ.—Намъ съ тобою рѣчь вести не о чемъ. Свидѣться, статься можетъ, никогда не свидимся, ты мнѣ поперекъ дороги сталъ, ну, судья тебѣ Богъ, да и я въ чемъ предъ тобою погрѣшилъ — отпусти. Лихомъ меня, прибавилъ онъ, снимая шапку, не поминай.

И не дожидаясь отвѣта, повернулся и скорыми шагами отошелъ отъ Осипа Кондратьевича.

— Ну.... беречь нынѣ тебя ужь нечего! сказалъ вслухъ самъ себѣ Тишинъ, глядя вслѣдъ быстро удалявшемуся отъ него Миктерову. — А уйдетъ вѣдь? уйдетъ, повторялъ онъ, подаваясь немного впередъ по одному съ нимъ направленію. — Не сыскать мнѣ потомъ тебя, продолжалъ онъ, прибавляя шагу.— Беречь тебя нынѣ.... да, беречь нечего.... нѣтъ, не уйдешь, погоди!

И бѣгомъ почти заспѣшилъ за своимъ врагомъ Осипъ Кондратьевичъ, точно быстрая походка Миктерова его подзадоривала, точно не все еще было между ними покончено, точно не договорилъ онъ ему еще своего послѣдняго слова. Теперь

къ прежнимъ причинамъ злобы противъ него присоединялось желаніе отмстить за дочь, которая, думалъ онъ, такъ или иначе, но погибла чрезъ него.

Было уже совершенно темно когда, измученный, едва передвигая ноги, возвратился Тишинъ домой, выслѣдивъ Миктерова до самой его квартиры. У однихъ воротъ Миктеровъ остановился и зашелъ въ нихъ, но опытный сыщикъ, присѣвъ за угломъ, ожидалъ не выйдетъ ли оттуда его злодѣй, и дѣйствительно, Миктеровъ вышелъ оттуда черезъ полчаса вмѣстѣ съ какимъ-то другимъ человѣкомъ, и оба они быстро отправились въ разныя стороны. Давъ имъ отдалиться, Тишинъ побѣжалъ за тѣмъ въ которомъ призналъ Миктерова, и убѣдившись что теперь вывѣдалъ его настоящую квартиру, возвратился домой хотя и измученный, но довольный.

— Беречь мнѣ его нынѣ нечего, повторялъ онъ, ворочаясь съ боку на бокъ на своей постели и не въ состояніи будучи заснуть отъ душевныхъ волненій. — А что онъ скажетъ про меня.... про мои грѣхи, то сіе удачи имѣть не можетъ; повинюсь, разсуждалъ онъ. — Меня по моимъ заслугамъ авось помилуютъ, а его-то.... его то бы лишь погубить!

И съ раннимъ пѣтухами онъ уже былъ на ногахъ, торопясь извѣстить кого слѣдовало о мѣстопребываніи человѣка прикосновеннаго къ Долгоруковскому дѣлу.

Въ присутственныхъ мѣстахъ въ то время собирались рано. Въ сенатѣ оберъ-прокуроры, а въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ прокуроры и секретари должны были даже вести дневные журналы о всѣхъ опаздывавшихъ или вовсе не пріѣхавшихъ чинахъ, съ тѣмъ чтобы потомъ подавать ихъ на высочайшее усмотрѣніе, дабы государынѣ извѣстно было „кто съ какимъ прилежаніемъ по должности своей дѣла отправляетъ“.

Въ тайной канцеляріи были уже всѣ въ сборѣ. Горѣли свѣчи и скрипѣли перья, когда явился туда Тишинъ. Андрей Ивановичъ Ушаковъ только что пріѣхалъ. Онъ выслушалъ со вниманіемъ и со вкусомъ новое „слово и дѣло“ объявленное Осиномъ Кондратьевичемъ. Обстоятельства подходили какъ нельзя лучше къ тому надъ чѣмъ продолжалъ еще онъ работать съ такимъ усердіемъ, успѣвъ уже со всѣхъ концовъ Россіи притянуть къ Долгоруковскому слѣдствію человѣкъ до двухсотъ. Распросивъ Тишина о разныхъ подробностяхъ и похваливъ за усердіе, онъ приказалъ ему подождать, и выйдя въ другой покой, распорядился посылкой въ указанный Тишинымъ домъ.

XXVIII.

Едва успѣлъ выговорить Дерюгинъ укрытой его пріятелями Машѣ что Миктеровъ пріѣхалъ, какъ она бросилась къ нему и потребовала чтобы тотчасъ же вели ее къ давно желанному другу. Утро застало любовниковъ вдвоемъ въ квартирѣ Миктерова.

При свѣтѣ проникавшей въ окно зари, обвивъ руками своего милаго, стояла Маша, и блестящими, увлаженными глазами смотрѣла молча на сидѣвшаго предъ нею безъ кафтана на деревянной скамейкѣ Миктерова. Ни сожалѣнія, ни раскаянія не замѣтно было на ея лицѣ. Полная любви и блаженства, она таяла, казалось, подъ тусклыми взорами своего любезнаго, и не только ни говорить, но и слушать-то его была неспособна.

А разказывалъ онъ ей между тѣмъ о дѣлѣ не шуточномъ, о планахъ своихъ на предбудущее, показывалъ казну свою богатую, цѣловалъ ее въ голову, обнималъ, ласкалъ....

— Ахъ, судьба, судьба! Кабы только мнѣ силы Богъ послалъ, не оставилъ бы тебя ни во вѣки вѣковъ.

— Охъ ты, милый мой, дорогой ты мой! Не ходи, поживи со мной хоть маленечко. Сколь долго я тебя дожидалась.... И чего прежде думала?...

— То-то думала! Ну пойдемъ теперь со мной.... за море.

— Не покинешь меня, не оставишь тамъ?

Но пока любовники обмѣнивались сладкими рѣчами, въ сѣняхъ послышались голоса. Запертая засовомъ дверь вдругъ закачалась отъ сильнаго удара. За перегородкой, у сосѣдей, поднялась возня: поблѣдиѣвшая какъ полотно Маша, ставъ на ноги, выпрямилась, быстро оглянулась кругомъ, и показавъ Миктерову на открытую печь, сунулась туда головой.

— Стой! Я впередъ, погоди! шепнулъ Миктеровъ, и наскоро надѣвая кафтанъ, полѣзъ самъ, отстраняя Машу рукой.

И какъ вкопаная стояла Маша предъ болтавшимися на воздухѣ ногами Миктерова. Вотъ сунулась она было опять къ нему, вотъ, ухватившись за стѣнки печи, приподнялась было уже съ полу, но вотъ, словно оломившись, опустилась снова на землю, и быстро задвинувъ заслонку, отошла въ сторону, къ окну.

Засовъ между тѣмъ затрещалъ подъ напоромъ нѣсколькихъ дюжихъ рукъ, и дверь отскочила....

— Господи! спаси и помилуй насъ грѣшныхъ! прошептала Маша.

. . . . . .

А Осипъ Кондратьевичъ, дожидаясь тѣмъ временемъ въ тайной канцеляріи, переминался съ ноги на ногу, не смѣя присѣсть, и, усталый, прислонился къ окну, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваясь къ раздававшимся гдѣ-то голосамъ.

— Привели, захватили, докладывалъ Ушакову посланный имъ и возвратившійся теперь приказный.

— Привели? а! привели?

И тяжелая походка генерала загремѣла близко около Тишина, и на порогѣ показалась высокая фигура его.

— Ну, гдѣ же? громко сказалъ онъ, осматриваясь кругомъ.— А? ты здѣсь? Веди! прибавилъ онъ, обратившись къ шедшему сзади солдату: — веди!

Тишинъ выпрямился, поблѣднѣлъ.

Спиной къ нему и лицомъ къ дверямъ сѣлъ за столъ Ушаковъ, ожидая съ нѣкоторымъ любопытствомъ впечатлѣнія которое должна была произвести обстановка и атмосфера тайной канцеляріи на имѣющаго явиться къ допросу молодца. Опытный въ своемъ дѣлѣ и всегда умѣющій, какъ говорили, проникать въ душу человѣка, Андрей Ивановичъ любилъ такіе эффектные моменты.

Черезъ минуту въ сосѣдней комнатѣ затопотала цѣлая толпа вошедшихъ людей, и на порогѣ, блѣдная какъ смерть, со страдальческимъ выраженіемъ лица, худая и съ красными, заплаканными глазами, показалась Маша.

— Ну? сказалъ при видѣ ея Ушаковъ: — ты чего? Не се я спрашивалъ, а молодца. Чего жь смотрите? Молодца подавай сюда, крикнулъ онъ, — эй вы, молодца!

Но не успѣлъ еще никто отвѣтить ему, еще никто не тронулся съ мѣста, какъ сзади вдругъ загремѣла скамейка, послышался болѣзненный хрипъ, и что-то грузное шлепнулось на полъ. Это рухнулъ Тишинъ, во всю доль растянулся, звонко стукнувшись объ полъ головой.

— Что тамъ? Аль тебя задѣло? проговорилъ Андрей Ивановичъ, оглянувшись назадъ. — Да ты кто же? спросилъ онъ, вставая, у Маши.

— Дочь.... отецъ мой.... глухимъ голосомъ проговорила она, указывая на лежащаго безъ движенія Осипа Кондратьевича.

— Дочь? его? удивился Ушаковъ, подойдя къ Тишину и разсматривая, не сгибаясь, струившійся изъ головы его ручей крови. — Эге! вотъ что! Знать залутался, братъ, самъ залутался. Эй! крикнулъ онъ: — посмотрите, живъ ли!

— Живъ.

— Живъ? Такъ убрать. Ну, а ее, равнодушно прибавилъ Ушаковъ, отходя къ двери, — да зачѣмъ ее привели?

Одинъ изъ людей приведшихъ Машу разказалъ ему что она должно-быть выпроводила „молодца“ и должно-быть знаетъ гдѣ онъ, потому де что, какъ видно, онъ только что оттуда ушелъ, а куда—неизвѣстно, и никто не видалъ.

— Такъ вотъ ты какова, голубка! проговорилъ Ушаковъ, взглянувъ на Машу, и указалъ на нее своимъ людямъ. Они поняли.

— Злодѣи! теперь только получивъ способность говорить, прошептала Маша: — злодѣи! громче повторила она, дико осматриваясь кругомъ.

Но быстро, быстро, словно желая заглушить эти слова, скучились затолотавшіе около нея сторожа.

— Прочь, прочь! отчаянно вскрикнула Маша, увлекаемая какъ волной въ другую комнату: — прочь уйдите, прочь!

— Эй! болтать горазда! Ротъ ей заклепать! скомандовалъ остановившійся въ дверяхъ Андрей Ивановичъ.

— А! не надо! оставь! злод....

Сторожа тайной канцеляріи были люди исполнительные и привычные. Голосъ несчастной дѣвушки замеръ на полусловѣ.

Все смолкло. Удалялись тяжелые шаги грознаго Ушакова. Молча ставилъ на мѣсто упавшую лавку и стиралъ ногой слѣды оставшейся на полу крови сторожъ. Безслѣдно пропала Маша въ секретныхъ отдѣленіяхъ тайной канцеляріи.

XXIX.

Тяжело было Миктерову, такъ тяжело какъ еще никогда не бывало. Онъ ускользнулъ отъ явной бѣды и получилъ свободу, но что стало съ Машей? Онъ понималъ что она должна была попасть въ руки людей безъ сомнѣнія за нимъ присланныхъ, и что его свобода должна была стоить ей дорого. Но что же ему дѣлать? Какъ пособить?...

— Не лѣзть же и мнѣ въ петлю за нею, додумался онъ наконецъ, и коли она въ застѣнкѣ, статься-можетъ, а я на свободѣ,— и въ томъ я не виновенъ. Легче бъ ей оттого не было, еслибъ обоихъ насъ туда захватили. Сколько бъ ей тамъ ни мучиться, а въ мученіяхъ намъ поровняться всегда можно будетъ. Жизни моей, хоть и на свободѣ, хуже трудно найти.

О побѣгѣ теперь уже и думать нельзя было, ибо бо́льшая часть казны, оставленная на столѣ, разошлась по карманамъ нагрянувшихъ приказныхъ и солдатъ, а сохранившейся у Миктерова бездѣлицы едва хватило бы на нѣсколько дней. Куда дѣться? За нимъ теперь, по всѣмъ вѣроятіямъ, слѣдятъ, вездѣ его отыскиваютъ. Надо бѣжать, куда-нибудь бѣжать!... А между тѣмъ человѣческое чувство подсказываетъ что надо же хоть провѣдать гдѣ и что̀ Маша. Да и одна ли Маша? Надо бы провѣдать также что̀ дѣлается тамъ, на верху, между сильными и власть имѣющими. Безъ этого нельзя; не такой человѣкъ Миктеровъ.... а можетъ еще и счастье наверпется.

Была пятница Страстной; благовѣстили къ вечернѣ. Народъ толпился въ церквахъ. Увлеченный общимъ движеніемъ, Миктеровъ пробрался въ Невскій монастырь; хотѣлось ему и приложиться къ плащаницѣ, хотѣлось также и счастья попробовать у единственнаго лица на покровительство котораго онъ могъ еще разчитывать, у жившаго тамъ, какъ мы знаемъ, по сосѣдству Еропкина.

Еропкинъ встрѣтилъ его хоть и ласково, но взволнованный и блѣдный; видъ его уже поразилъ Миктерова.

Проводивъ гостя къ себѣ и затворивъ дверь, Еропкинъ взглянулъ на него, и молча заплакавъ, не могъ долго выговорить слова.

— Иль недоброе что̀? спросилъ испуганный Миктеровъ, подаваясь къ нему впередъ.

— Недоброе,—эхъ! махнулъ рукой Еропкинъ. — Тебѣ бы сего вѣдать не можно, но чтобы худа не было, сказать надлежитъ. Не кажись ты къ намъ нынѣ, не кажись.

— Да что̀ приключилося?

— Что̀? Вольпскому сейчасъ, продолжалъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, Еропкинъ, — Вольпскому отъ генерала Ушакова объявлено якобы ему ко двору являться запретъ вышелъ,—разумѣешь ты? Герцогъ его къ себѣ допускать не велѣлъ, — пропали.

— Кабинетъ-министру, началъ было Миктеровъ,—безбоязно, чай....

— Да что̀ кабинетъ-министру.... пропали, пропали! прервалъ его Ерлыкинъ и, кинувшись на стулъ, закрылъ лицо руками и зарыдалъ.

Какъ громомъ пораженный, долго смотрѣлъ на покровителя своего Миктеровъ, и мысленно сравнивалъ онъ высокое положеніе человѣка котораго видѣлъ теперь въ такомъ отчаяніи, съ собою, со своимъ ничтожествомъ. Онъ внимательно прослушалъ подробности которыя сообщилъ ему Ерлыкинъ, и съ холодомъ въ сердцѣ вышелъ вонъ.

— Нѣтъ, знать, на злодѣевъ суда Божія! Силъ ужь не становится; самъ объявлюсь! Хоть въ огонь, хоть въ воду, хоть животъ пропороть себѣ,—я на все готовъ; за одно погибать, что̀ напрасно маяться!

Дѣло Волынскаго разыгрывалось между тѣмъ страшною драмой.

Въ челобитной поданной государынѣ, Бирономъ, вспомнивъ нѣкоторые намеки высказанные Волынскимъ въ извѣстной уже намъ запискѣ, жаловался теперь на нихъ, принимая намеки эти на свой счетъ. Такъ какъ Волынскій, прибавлялъ Биронъ, самъ ищетъ помрачить другихъ, то не худо бы разсмотрѣть и его собственныя дѣла и департаменты, тѣмъ болѣе что денегъ на сіе израсходовано много, а польза донынѣ не велика есть; проектовъ сочинено пропасть, а къ дѣйствію мало приведено.

— Отдай ты тѣ примѣчанія Волынскаго Остерману прочитать, сказала государыня, прослушавъ челобитную Бирона и забывъ уже непріятное впечатлѣніе произведенное на нее когда-то запиской кабинетъ-министра.

— Ну что̀? какъ? спрашивала она Бирона нѣкоторое время спустя, надѣясь услышать что-нибудь примирительное.

— Остерману, ваше величество, чудно то представляется откуда къ нему вражда Волынскаго есть. А такъ какъ, продолжалъ онъ по-нѣмецки,—кабинетъ-министръ прямо не говоритъ, а только обиняками, то слѣдуетъ у него самого спросить,—на какихъ онъ тамъ безсовѣстныхъ людей намекаетъ?

— Оставьте вы ссору и вражду. То все по моему приказу имъ писано, все по моему приказу, говорила государыня, стараясь замять разговоръ.

— Но я не могу допустить чтобъ онъ надо мной насмѣхался, не могу.... Я самъ,..

— Ну чего ты, чего гнѣваешься, чего гнѣваешься? прервала государыня, смотря на его блестѣвшіе злостью глаза. — Не къ допросу же мнѣ кабинетъ-то министра притянуть?

— Да! звонкимъ голосомъ и рѣзко сказалъ Биронъ.

— Ну ужь нѣтъ, отвѣтила государыня, ретируясь.

— Да, ваше величество, повторилъ герцогъ, забѣгая къ ней впередъ.—Ja!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

— Да, еще разъ сказалъ Биронъ, опускаясь предъ государыней на колѣна.—Онъ или я!

— Ахъ! всплеснула руками государыня.

И судьба Волынскаго была рѣшена.

Оказать предпочтеніе кому бы то ни было предъ Бирономъ государыня не могла, а трудность съ которою доставалась послѣднему побѣда надъ Волынскимъ доказывала что время погубить его дѣйствительно настало, что въ самомъ дѣлѣ могъ онъ стать ему опаснымъ соперникомъ, и тѣмъ ужаснѣе должно было быть теперь и самое мщеніе.

Вслѣдъ за воспрещеніемъ являться во дворецъ, послѣдовалъ указъ о преданіи Волынскаго суду, назначена слѣдственная коммиссія, и въ Италіянскомъ дворцѣ открылись ея засѣданія. Предписано было поступать съ нимъ безъ всякаго послабленія, не принимать общихъ разсужденій, но требовать точныхъ отвѣтовъ, и копіи съ протоколовъ подавать государынѣ.

— Сіи дѣла претекстомъ лишь служатъ, а видно Богъ наказать меня хочетъ за старые грѣхи, говорилъ Артемій Петровичъ, намекая на прежнія свои интриги у принцессы Анны.

Когда Миктеровъ, не довѣряя вполнѣ словамъ Еропкина, отправился было самъ на Мойку разузнать хоть отъ кого-нибудь во дворѣ самого кабинетъ-министра точно ли произошло тамъ что-то необыкновенное, его поразилъ видъ жилища недавно еще вліятельнаго, грознаго и знатнаго барина. Не видно было ни ливрейныхъ лакеевъ, ни слугъ; толпились только нищіе, ожидая раздачи денегъ, да у воротъ остановившаяся кучка прохожихъ разбирала написанныя чьею-то безжалостною рукой на заборѣ слова пророка Наума: „Рана твоя смертельна, никто не поплачетъ о тебѣ, ибо и твоя велика была злоба.“ У подъѣзда не стояло экипажей посѣщавшихъ его въ былое время пріятелей; одинъ только домовый

докторъ Волынскаго, Рибейро, во что̀ бы то ни стало желавшій видѣть своего паціента, рвался къ нему, спорилъ, шумѣлъ, но и того не пускалъ приставленный къ этому паціенту караульный офицеръ.

На первыхъ порахъ Волынскій бодрился, сочинялъ письменные отвѣты и бойко отписывался отъ всѣхъ наговоровъ, приплеталъ къ дѣлу своему и того, и другаго; но сурово и мрачно смотрѣли на него члены коммиссіи, не давая ему опомниться и осаживая его на каждомъ шагу.

— Пожалуйте, кончайте поскорѣй, говорилъ онъ ложимая плечами.

— Мы засѣданію своему и безъ васъ время знаемъ, отвѣчалъ ему членъ коммиссіи Александръ Румянцевъ; — надобно и вамъ совѣсть-то свою очистить и отвѣтствовать съ изъясненіемъ, не такъ что кромѣ надлежащаго отвѣтствія, постороннее въ генеральныхъ терминахъ говорить. Приди же въ чувство, отвѣтствуй о всемъ обстоятельно.

— Да вы со мною ссору имѣли, пробовалъ было Волынскій отвести кое-кого изъ членовъ коммиссіи,—пожалуйте оставьте.

— Не говорите излишнее, отвѣчали ему.

— Партикулярной ссоры я съ вами не имѣлъ и не бранивался, замѣтилъ Неплюевъ, къ которому онъ обратился особенно,—а теперь по именному указу опредѣленъ къ суду и долженъ поступать по сущей правдѣ.

— Ну такъ все писалъ я отъ ревности своей, а нынѣ усмотрѣлъ въ томъ свое вранье! горячился Волынскій.—Съ горячности, злобы и высокоумія писалъ. Запамятовалъ.—Дай время одуматься. — Не знаю. — Не вѣдаю! вертѣлся онъ направо и налѣво, обращаясь то къ тому, то къ другому изъ вопрошавшихъ.

— О! да не прогнѣвалъ ли я васъ чѣмъ? громко кричалъ онъ наконецъ, выведенный изъ терпѣнія.—Прогнѣвалъ? Если такъ, такъ вотъ я и милости просить готовъ, унижусь предъ вами, унижусь, повторялъ онъ, становясь на колѣна.

Но и этимъ не смягчались суровые слѣдователи.

— Все ты говоришь плутовски, какъ и напредъ сего, кричалъ съ нетерпѣніемъ членъ коммиссіи Чернышевъ.—По прежнимъ своимъ дѣламъ также въ отвѣтахъ скрывалъ и безпамятствомъ своимъ отговаривался; но какъ въ плутовствѣ обличенъ, то и повинную принесъ.

— Да не поступай же со мной сурово, Чернышевъ! серіоз-

но взглянулъ на него Волынскій.—Вѣдаю что ты таковъ же горячъ, какъ и я, — дѣтокъ имѣемъ! Воздастъ Господь дѣткамъ твоимъ!

— Все онъ говоритъ излишнее, все плутовство одно, сердились члены коммиссіи, и допросы продолжались.

Скоро Волынскаго и всѣхъ арестованныхъ пріятелей его привезли въ Адмиралтейскую, потомъ въ Петербургскую крѣпость. Приказано важное слѣдовать отдѣльно Ушакову и Неплюеву. Домá, имущество подсудимыхъ описали; бумаги, письма,—все было забрано. Его пріятели и сообщники спѣшили передавать теперь каждое слово когда-либо неосторожно имъ сказанное. Татаринъ Кубанецъ не забылъ кажется ни одного выраженія своего патрона и не щадя его, разъ за разомъ, давалъ самыя подробныя показанія. Вся болтовня, знакомая уже нашимъ читателямъ о Биронѣ, о Юстѣ Липсіѣ, о принцѣ Петрѣ и принцессѣ Аннѣ, объ Остерманѣ, проекты Волынскаго, изображеніе его родоначальника, его вранье о саблѣ,— все предстало предъ слѣдователями во всей чистотѣ.

„Въ злодѣйственныхъ своихъ сочиненіяхъ, разсужденіяхъ и злоумышленныхъ дѣлахъ,—рѣшила по выслушаніи дѣла Анна,— Волынскій явно виновенъ явился и сверхъ того съ явною злобой высочайшаго ея величества особу и правительство своими словами дерзнулъ оскорбить и многимъ о томъ злодѣйски разглашалъ, а такъ какъ въ прочихъ злодѣйскихъ замыслахъ своихъ къ народному возмущенію и государственному поврежденію закрываетъ себя, то пытать его: когда именно хотѣлъ злодѣйскій умыселъ въ дѣйство привести? когда хотѣлъ сдѣлаться государемъ? и какіе способы имѣлъ къ тому употребить?“

— Ничего я того не знаю и государемъ сдѣлаться никогда не помышлялъ! отвѣчалъ Волынскій на этомъ новомъ съ угрозой пытки начавшемся допросѣ.

— Однакожь конфиденты твои на тебя показываютъ: Соймоновъ, Хрущевъ, Еропкинъ, Кубанецъ, единогласно.

— Пускай-ка они при мнѣ о томъ прямо на меня покажутъ, отвѣчалъ Волынскій.

— Что жъ? ничего болѣе не скажешь? не хочешь? а? не будешь отвѣтствовать? приставалъ Неплюевъ.

— Э! одинѣ дальности! дыбу ему, эй! дыбу!... крикнулъ Ушаковъ.

— На дыбу? меня? на дыбу? что вы? меня? вскипятился было Волынскій, не хотѣвшій вѣрить угрозѣ.

Но затопотала вокругъ него прислуга, запищало не смазанное бревно дыбы, опустилось покачиваясь въ нетвердыхъ гнѣздахъ и, принявъ свою жертву, медленно потянуло ее къ верху.

— Какіе способы хотѣлъ къ тому употребить? какіе способы? ровнымъ голосомъ продолжалъ допрашивать Андрей Ивановичъ.

И хрустѣли члены несчастнаго, выглаживались складки атласныхъ его штановъ и гарнитуроваго кафтана, дрожала на животѣ массивная золотая цѣпочка и блестѣли на рукахъ алмазные перстни. Полчаса лытали Волынскаго; восемь встрясокъ дали ему.

— За все прежнее казни достоинъ я,—говорилъ онъ подведенный наконецъ къ столу,— но государемъ быть не хотѣлъ, съ чѣмъ и умереть готовъ.

— Подлити! подставивъ ему листъ показаній сказалъ Ушаковъ.

— Силы нѣтъ, руки раздроблены! слабымъ голосомъ проговорилъ онъ, и его увели.

Затѣмъ настала очередь лытокъ и для сообщниковъ Волынскаго. И Эйхлеръ, и Соймоновъ, и Мусинъ-Пушкинъ, и Еропкинъ, всѣ показали что о зломъ умыслѣ Волынскаго не знаютъ. Пушкинъ прибавилъ что не доносилъ ни о чемъ „не желая доводчикомъ быть“. Волынскому дали еще на дыбѣ восемнадцать ударовъ, предъявили найденныя у него въ копіи кондиціи, но и тутъ остался онъ при прежнемъ показаніи.

— Кондиціи держалъ у себя безъ умыслу и государемъ быть не хотѣлъ, въ чемъ и умереть готовъ, повторилъ онъ.

„Болѣе розысковъ не производить, но изъ того что открыто сдѣлать обстоятельное изображеніе и доложить“, объявлена была высочайшая воля.

Черкасскаго, Трубецкаго и Новосильцева, членовъ слѣдственной коммиссіи оговоренныхъ и замѣшанныхъ кабинетъ-министромъ въ его дѣло, допросила сама государыня, предписавъ потомъ не вѣрить тому что показалъ на нихъ Волынскій и взявъ съ нихъ подписку въ томъ что о допросѣ никому говорить они подъ смертною казнью не будутъ.

Сочиненное наконецъ обстоятельное „изображеніе дѣла“ Ушаковъ и Неплюевъ повезли въ Петергофъ къ императрицѣ.

Что̀ открывалось по слѣдствію, о чемъ говорилось на допросахъ, все это оставалось, разумѣется, для тогдашней публики неизвѣстнымъ, но о пыткахъ кабинетъ-министра и его сообщниковъ молва не могла уже не проникнуть въ народъ. Любимаго кабинетъ-министра государыни пытаютъ въ застѣнкѣ, мучатъ! По чьему указу? какія его вины? за что̀? кому онъ не понравился? спрашивали всѣ другъ у друга, съ раздраженіемъ, съ негодованіемъ. Миктеровъ, толкавшійся все это время по улицамъ и площадямъ, слышалъ эти толки и видѣлъ это раздраженіе. Ему пришла мысль нельзя ли воспользоваться такою благопріятною минутой для возбужденія общаго волненія? Приходило ему также на умъ ворваться въ засѣданіе назначеннаго по дѣлу Волынскаго суда и тамъ при всѣхъ вдругъ объявить громогласно что хотя онъ къ дѣлу Волынскаго не причастенъ, но вмѣстѣ съ нимъ и его сообщниками голову свою положить готовъ, ибо страдаютъ они невинно, а онъ таковыхъ страданій пережить не хочетъ.

— Умру я, думалъ онъ, — это вѣрно, да за то и народу о томъ извѣстно станетъ и какъ онъ, народъ, потомъ заговоритъ, — окажется.

Возбужденное состояніе Миктерова поддерживалось только подобными отчаянными мыслями, не покидавшими его во все время. Не будь ихъ, этихъ мыслей, давно бы заболѣлъ онъ и слегъ; давно уже, исхудалый и блѣдный, не похожъ онъ былъ на себя; глаза горѣли недобрымъ огнемъ, всѣ его члены дрожали.

Единогласный генеральный судъ окончился въ одинъ день, а черезъ три дня послѣдовалъ уже смертный приговоръ, подписанный государыней. Миктеровъ не успѣлъ намѣренія своего исполнить, но продолжалъ все-таки настаивать „объявлюсь и тамъ, на площади объявлюсь“, и ждалъ, крѣпился, молчалъ.

Напротивъ того, Волынскій вполнѣ смирился и обратилъ духовный взоръ свой внутрь.

— По винамъ моимъ, говорилъ онъ, — по винамъ моимъ я напредъ сего смерти себѣ просилъ, а какъ смерть объявлена, такъ не хочется умирать. Вотъ въ молитвѣ „Отче нашъ“ просимъ: „остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“; а я должникомъ своимъ не оставляю, такъ стало-быть я на себя того прошу что̀ не оставляю имъ?... Грѣшенъ, грѣшенъ я! лучше скажу: „и даждь мнѣ Господи оставить должникомъ моимъ!“ Охъ, зналъ бы что такъ со мною сдѣлается, много бы случаевъ нашелъ умертвить себя!...

— Ну, сказалъ онъ явившимся къ нему по просьбѣ его Ушакову и Неплюеву, — виноватъ я предъ Богомъ и ея императорскимъ величествомъ, что много въ мерзкихъ словахъ и въ продерзостяхъ и непорядочныхъ поступкахъ и сочиненіяхъ, какъ о томъ въ отвѣтахъ и съ розысковъ показалъ, погрѣшеній учинилъ; токмо прошу у ея императорскаго величества чтобы за такія мои тяжкія вины не четвертовать. А? какъ бы не четвертовать? умолялъ Волынскій доконавшихъ его судей.

Но на Сытномъ рынкѣ, что на Петербургской сторонѣ, строили уже для экзекуціи мѣсто и черезъ полицію объявляли о времени назначенномъ для оной „дабы всѣ желающіе видѣть могли“.

Въ назначенный день, часовъ въ восемь утра, исповѣдавшемуся и причастившемуся Волынскому урѣзали языкъ, и собранныхъ въ казармѣ приговоренныхъ повели на мѣсто казни.

Площадь была густо покрыта народомъ. Прочитавъ съ утра объявленіе и не найдя тамъ именъ преступниковъ, Миктеровъ все чего-то надѣялся, колебался.

— Кабы тотъ, да этотъ были оставлены?.. смутно вертѣлось у него въ головѣ. Статься-можетъ, и обойдутъ кого, помилуютъ...

Но вотъ на особо устроенное въ видѣ амвона возвышеніе вскарабкался уже ассессоръ Хрущевъ и, въ присутствіи Ушакова и Неплюева, прочелъ указъ. Вотъ на другихъ, большихъ подмосткахъ появились заплечные мастера съ плетьми и кнутами. Выступили впередъ Соймоновъ, Эйхлеръ, Суда,—и началась работа...

Смолкло все на площади. Народъ сняли шапки, крестится. Вотъ падаютъ головы Хрущева, Еропкина; полетѣла прочь правая рука Волынскаго...

— Ахъ! дрогнула толпа,—царство небесное!

И голова министра скатилась, какъ была, повязанная бѣлымъ платкомъ, съ узломъ на затылкѣ.—Ахъ! вырвалось изъ тысячи грудей.

— И я съ ними, я! вдругъ удушливымъ, хриплымъ голосомъ крикнулъ откуда-то, изъ глубины толпы Миктеровъ.

Но зашевелившійся народъ заглушилъ этотъ крикъ и какъ въ морѣ потонулъ слабый звукъ его голоса.

— Глянь, кладутъ!.... повезли!

— Къ Самсонію, къ странноприимцу! зашумѣли, забѣгая со всѣхъ сторонъ, провожавшіе тѣла казненныхъ любопытные.

А Миктеровъ лежалъ какъ пластъ на землѣ и надъ нимъ, потрогивая его въ бока, возились какіе-то люди.

— Померъ знать.

— Ишь, дышетъ; гляди, отдохнетъ.

— Хворый какой притащился.

— Знать въ первой; не видалъ никогда,—испужался!

— Повернуть бы его.

— Ну чего вертѣть?

XXX.

Страшно было жить въ Россіи! Стонала земля отъ проливаемой крови русскихъ людей, и не вѣрилъ народъ тѣмъ словамъ указовъ которыми думало оправдать правительство свои жестокости и казни.

Пали Долгорукіе, эти якобы „зловымышленные и безсовѣстные клятвопреступники, богомерзкіе злодѣи, нарушители боярскихъ и государственныхъ правъ, недоброжелатели отечества, а паче злые вредители.“ Палъ Волынскій, потому будто бы что „неслыханнымъ доселѣ образомъ неуказныя подати на народъ налагалъ, Тредьяковскаго изъ царскихъ палатъ за волосы вытащилъ, многихъ безъ заслугъ въ чины производилъ или мучительски штрафовалъ и дѣла, для богомерзкаго своего лакомства, по страстямъ своимъ производилъ“, и пр. Но такими ломинками по усопшимъ невозможно было успокоить приведенную въ ужасъ толпу. Нѣтъ, ей нужно было другое нѣчто и къ другому прислушивалась она въ это время. Она прислушивалась къ рѣчамъ болѣе ей понятнымъ и доступнымъ.

Тамъ, въ Новгородѣ, на городскомъ выгонѣ, разгуливали въ однѣхъ рубашкахъ босые юродивые, къ которымъ стекались отовсюду массы народа, и эти „блаженные“ по своему объясняли настоящее положеніе дѣлъ. Власти не обращали сначала на нихъ вниманія; но на народную массу они производили сильное впечатлѣніе. Слухъ о нихъ расходился далеко. Онъ дошелъ до Петербурга, откуда Дерюгинъ,—и безъ сомнѣнія не одинъ онъ,—поспѣшилъ съ котомкой за плечами въ Новгородъ. Сотни другихъ подобныхъ ему странниковъ прибывали изъ другихъ мѣстъ, такъ что наконецъ начальство встре-

вожилось. Тайнымъ образомъ, но безъ истязаній и наказаній, велѣно было захватить и отправить въ монастыри „сихъ ханжей, являвшихъ себя святыми, дабы отъ того соблазна простому народу не происходило.“ Но простой народъ соблазна не боялся такого и „ханжей“, своихъ умѣлъ сберечь отъ тайныхъ преслѣдованій.

Нигдѣ, ничего и никого не нашли командированные агенты тайной канцеляріи, а между тѣмъ Дерюгинъ легко отыскалъ одного изъ скрывающихся и, сойдясь съ нимъ близко, возвращался теперь вмѣстѣ въ Петербургъ, куда манилъ его новый товарищъ, но куда идти ему впрочемъ не хотѣлось.

— Эхъ! пропадемъ мы тамъ, пропадемъ, говорилъ онъ.

— Молчи! Не пропадемъ: пощады лишь къ врагамъ нашимъ не имѣть, пощады доколѣ мы живы не имѣть! повторялъ сѣдой спутникъ Дерюгина съ такою рѣшимостью, съ такимъ авторитетомъ которымъ тотъ невольно подчинялся. Онъ смотрѣлъ на него съ уваженіемъ и, слушая его, старался вникнуть въ тайный смыслъ не вполнѣ понятныхъ ему рѣчей.

По временамъ казалось ему что старикъ словно и не изъ простаго званія человѣкъ, а иногда, напротивъ, западало въ немъ сомнѣніе,—не тать ли онъ какой, не изъ разбойной ли какой шайки бѣглецъ?

— Ну, а слова-то божественныя, которыя такъ и нанизываетъ, размышлялъ Дерюгинъ, наслушавшійся ихъ тамъ, въ скиту, у раскольниковъ. А почетъ-то ему,—вишь какой! народъ сходится, слушаетъ. Чего онъ только злобится? Что̀ ему?

— Изъ какихъ же ты самъ-то мѣстъ? Изъ далеча чтоль? спросилъ его однажды Дерюгинъ.

— Я-то? Про Смоленскъ слыхалъ?

— Ну?

— Оттуда и родомъ.

— А давно знать мѣста свои покинулъ?

— Какъ пришелъ врагъ на землю нашу, глазомъ невидимый, какъ на небѣ знаки небесные появился и гоненіе на Русскій народъ зачалось, — вотъ когда. Ты взгляни, продолжалъ старикъ, выпрямляя свою согнутую спину и стараясь идти въ ногу съ молодымъ своимъ спутникомъ:—голова моя сѣдая, старая,—а и той спокою не было сколько лѣтъ! Какъ тать укрываюся,—ну да и полно! На свѣтъ пора. Зачинается!...

— Что̀ зачинается?

— Что̀? А народъ видѣлъ что̀ дѣлаетъ? Прислушивается.

— Ну?

— А прислушивается, — стало время пришло, надо въ дѣйство вести. Какъ въ соломѣ искрой, такъ въ народѣ рѣчью.

— Да чего тебѣ-то, что̀ ты злобишься?

— Я-то? Старикъ пріостановился, искоса посмотрѣлъ на Дерюгина и точно слезы заблистали въ его глазахъ—.Парень! сказалъ онъ;—парень ты молодой, дѣтокъ у тебя нѣтъ: а какъ у птички да птенчиковъ унесутъ, — ухъ, озлобится!... Идемъ что̀ ли, идемъ! Доколѣ живы, лощады не имѣть! такъ, стало? такъ? И спутники продолжали свое путешествіе.

Была уже осень. Въ Петербургѣ стало люднѣе. Императрица, поправившись нѣсколько за лѣто отъ подагрическаго своего недуга, переѣхала въ городъ. Принцесса Анна благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ Иваномъ и, давъ престолу наслѣдника, оживила на нѣкоторое время государыню и весь дворъ. Опять стало суетно. Въ Петропавловскомъ соборѣ служатъ молебенъ; съ крѣпости гремятъ орудія; во всѣхъ церквахъ читаютъ манифестъ о благополучномъ рожденіи царственнаго младенца; герцогиня Биронъ при себѣ перепеленываетъ ребенка; шлютъ родильницѣ подарки.... Но въ самомъ разгарѣ закипѣвшей жизни показываются у государыни признаки давно уже зачавшейся болѣзни: безсонница, испарина по ночамъ; ей тяжело, ей скучно, ей надоѣло и не хочется лѣчиться; съ трудомъ удается Бирону уговорить ее принять красные порошки доктора Шталя, на которые она смотритъ съ отвращеніемъ и которые не хочетъ принимать.

— Ахъ, не легче мнѣ, а все худо; знать конецъ пришелъ! пытливо посматривая на окружающихъ и боясь луще всего этого конца, говоритъ государыня.

— Плоха, очень плоха! замѣчаетъ герцогиня Биронъ, выходя изъ душной комнаты больной чтобы нѣсколько освѣжиться.

— Что̀ же вы меня покидаете? Или я всѣмъ прискучила? зоветъ къ себѣ императрица, въ томительномъ страданіи своемъ, и желая, и не желая оставаться одна.

— Мы здѣсь,—что̀ повелишь? кидаются со всѣхъ сторонъ къ ней приближенные, смотря ей въ глаза и ожидая приказаній.

Но приказаній она никакихъ уже не отдаетъ, и дѣло становится серіознымъ. Сконфуженный и не предвидящій добра-

го конца, герцогъ уже просилъ Левенвольда съѣздить къ Остерману и спросить что̀ ему дѣлать?

— При наслѣдникѣ мать его должна быть правительницей, а при ней совѣтъ, въ которомъ и герцогу можно быть, отвѣчалъ Остерманъ.

— Какой совѣтъ? сердился Биронъ.—Сколько въ немъ головъ будетъ, столько и разныхъ мыслей! какой совѣтъ!

— Ну, что̀? говорилъ онъ еще назначенному на мѣсто Волынскаго министру Бестужеву, запершись съ нимъ въ кабинетѣ и строго запретивъ прерывать ихъ секретную бесѣду.— Государыня правительницей быть принцессѣ Аннѣ не соизволила; надо же подумать кому быть правителемъ.

— Да кому быть? Вамъ, сіятельный герцогъ,—кому еще быть?

— Да, но.... какъ же это?

— Съ Черкасскимъ поговорить надо, съ Остерманомъ.

— Подите, посылаетъ, съ своей стороны, герцогиня барона Менгдена,—подите, просите принцессу Анну чтобъ она на регентство мужа моего допустила.

— Ахъ, пусть такъ постулаютъ какъ предъ Богомъ и предъ всѣмъ свѣтомъ, и предъ нами и государствомъ отвѣтъ дать могутъ, отвѣчаетъ принцесса; — я въ это дѣло не путаюсь.

— Охъ бѣда, бѣда! восклицаетъ посланный,—не будетъ герцогъ регентомъ!...

И все приходитъ въ волненіе, все суетится.

Шестаго октября, въ воскресенье, за обѣдомъ, государынѣ сдѣлалось очень дурно. Она почувствовала тошноту, рвоту. Вскочившій съ мѣста герцогъ и присутствовавшій при этомъ докторъ Фишеръ схватили ее подъ руки, повели на постель, а Бестужевъ съ Черкасскимъ тотчасъ же сѣли въ карету и поспѣшили за Остерманомъ.

— Худо дѣло, разсуждали они ѣдучи.

— Худо!

— Какъ разъ ожидай перемѣны.

— Правительницей быть принцессѣ все-таки не можно.

— Лучше всего герцогу быть.

— Да.

— Онъ въ дѣлахъ искусенъ.

— У Остермана совѣта надо просить.

Но напрасно было бы ожидать какого-нибудь положительнаго

мнѣнія отъ Остермана въ такую минуту. Встревоженный привезеннымъ извѣстіемъ, совершенно не зная еще той роли которую придется ему избрать въ предстоящихъ новыхъ и неожиданныхъ имъ обстоятельствахъ, принужденный двинуться съ мѣста, котораго не покидалъ пять лѣтъ, Остерманъ не хотѣлъ ничего говорить.

— Что вы? Да что вы? махалъ онъ только руками на приставшихъ къ нему гостей. — Сіе дѣло не легкое,—куда торопиться? Подумать о томъ надлежитъ что сказать теперь?

— Ну, ничего не сдѣлано! говорилъ Бестужевъ, выйдя изъ покоевъ Остермана къ посланному отъ нетерпѣливаго герцога слугѣ его Фабіану;—скажи, ничего молъ не сдѣлано.

А герцогъ, крайнимъ образомъ разстроенный, сердился и въ волненіи бѣгалъ то въ опочивальню императрицы, то къ себѣ, то возвращался въ пріемную. Съѣхались между тѣмъ сановники: Левенвольдъ, Минихъ, Бестужевъ и Черкасскій. Разговаривая громко о трудныхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ, о младенчествѣ герцога, о регентствѣ и пр., всякій разъ смолкали они при появленіи Бирона и, взглядывая на него, перешептывались.

— Ему быть регентомъ, ему! ввернулъ Бестужевъ.

— Я былъ бы тѣмъ доволенъ! замѣтилъ Минихъ.

— Ну что же? Подлинно такъ.

— Скажемъ громко.... возвысилъ голосъ Левенвольдъ.—Вотъ, герцогъ, прибавилъ онъ, указывая на входившаго Бирона.

— Я голосъ свой дамъ чтобы быть вамъ регентомъ нашимъ! выступилъ впередъ Минихъ.—И великой милости ради, которую вы отъ ея императорскаго величества получали, надобно вамъ не отказать.

— Какъ, я? отступилъ назадъ герцогъ.

— Сіе надо такъ разсудить, настаивалъ первый,—якобы оное пришло не отъ человѣкъ, но отъ судьбы Божіей, отъ чего отрекаться нельзя.

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Милліонъ людей будутъ за васъ молить Бога, и Онъ подастъ силу и благословеніе, говорили другіе.

— Ваша свѣтлость, притворно грубымъ и сухимъ голосомъ сказалъ Бестужевъ,—ваша свѣтлость Россіи всѣмъ обязаннымъ состоитъ и потребно ей за то нынѣ услугу оказать; къ тому же вы и значительными въ государствѣ лицами приглашаетесь.

Онъ остановился, увидавъ показавшуюся вдали фигуру Остермана на креслахъ, со сложенными на груди руками и опущенною внизъ головой.

— Графъ, графъ! воскликнули всѣ, и оставивъ Бирона, поспѣшили на встрѣчу къ вице-канцлеру.

Остерманъ отвѣчалъ только поклонами, поворачивая свою голову во всѣ стороны и скрывая подъ низко опущеннымъ зеленымъ зонтомъ выраженіе безпокойства, которое причиняли ему неотступныя требованія всѣхъ высказать непремѣнно свои мысли и желанія на счетъ регентства.

— Сіе однимъ Русскимъ къ обсужденію потребно, меня отъ сего увольте, милостивые господа! залѣлъ было онъ старую пѣсню.

Но Бестужевъ вскипятился.

— Весьма то удивительно, громко сказалъ онъ,—что графъ столь много лѣтъ великія государства Россійскаго должности отправлялъ и однако чужестранцемъ себя показываетъ!

— Да пусть кабинетъ.... замѣтилъ было Остерманъ.

— Да что̀ кабинетъ? Въ кабинетѣ свое сужденіе каждый и безъ того говорить будетъ долженъ, а графу и здѣсь сказать бы его можно было.

— Онъ и не одного, а и двадцати тысячъ Русскихъ стóитъ!

— Такъ-то и всѣ отговариваться станутъ.

— Бояться нечего.

— Чего жь бояться? Мы всѣ здѣсь однѣхъ мыслей! зашумѣли со всѣхъ сторонъ.

„Эге-ге! куда ужь дѣло зашло! подумалъ Остерманъ; — чего же тутъ еще разговаривать? Надо со всѣмъ соглашаться скорѣе; все ужь рѣшено и покончено.“

И дѣйствительно, поздно было теперь разсуждать и совѣтовать. Послали тотчасъ за Ушаковымъ, Трубецкимъ, Куракинымъ, и тутъ же, почью, сѣли сочинять духовную и опредѣленіе о регентствѣ. Изготовленный вкратцѣ манифестъ съ объявленіемъ герцога регентомъ на семнадцать лѣтъ и съ предоставленіемъ ему права, въ случаѣ кончины младенца Ивана, выбирать сукцессора, прочли предъ опочивальней государыни.

— Милостивая императрица! мы согласились чтобы герцогу быть нашимъ регентомъ; просимъ о томъ подданнѣйше! попробовалъ было сказать громко Минихъ, стоя у дверей этой опочивальни и высовывая впередъ голову.

Но отвѣта оттуда не послѣдовало, а за неполученіемъ такового, снова обратились всѣ къ герцогу.

— Истинно за тебя вѣрно стоять и, яко честный человѣкъ, помощь показывать будемъ.

— Мы правъ его знаемъ! говорили Черкасскій и Бестужевъ.

— Ваша свѣтлость! ваша свѣтлость! убѣждали всѣ. Время было Бирону изъявить согласіе. Здоровье государыни становилось все хуже; надо было спѣшить. Переписанные и исправленные манифестъ и опредѣленіе, съ приложеніемъ къ нимъ печатей, взялъ на себя отнести къ государынѣ Остерманъ; но такъ какъ находившаяся въ полной памяти императрица не рѣшилась ихъ подписать тотчасъ же, то предстояло придумать лока на всякій случай что-нибудь и другое. Послали было повѣстки къ чинамъ первыхъ двухъ классовъ, съ приглашеніемъ ихъ во дворецъ для подписи сочиненной на скоро челобитной касательно общаго будто бы желанія назначить Бирона регентомъ. Этою письменною просьбой думали скорѣе побудить государыню къ подписанію представленныхъ ей бумагъ; но набранныхъ подписей оказалось недостаточно, да и нести этой новой челобитной къ государынѣ никто не рѣшался.

— Всей Россійской націи позитивную декларацію сочинить надлежитъ! рѣшилъ наконецъ Бестужевъ,—вотъ что.

— Такъ, точно, такъ!

— А подписывать ту декларацію по два, по три и по пяти приводить можно,—говорили другіе.

— Сначала синодъ, генералитетъ, до генералъ-майорскаго ранга!

— Что вы? какъ тому можно быть, чтобы майоровъ гвардіи исключить? никакъ, въ нихъ больше всего нужды! вступился Минихъ.

— Такъ, такъ!

И на все слѣдовало единогласное рѣшеніе; все шло гладко и дружно.

— Ежели, шепталъ въ то же время на ухо Бирону Бестужевъ, ея императорское величество и не подпишетъ, но оное дѣло уже совсѣмъ отъ всѣхъ классовъ, даже до капитанъ-лейтенантовъ, опробовано будетъ, тогда и безъ государевой подписи можно будетъ....

— Чтобы оставлялося однакоже каждому въ его волѣ! прервалъ съ достоинствомъ Биронъ.

— О да, да,—ужь не иначе! отвѣчалъ посматривая на него искоса и улыбаясь Бестужевъ.

Такъ устраивались дѣла во дворцѣ, такія переживались тамъ минуты. И въ такую-то пору попали въ Петербургъ наши спутники, Дерюгинъ съ товарищемъ, ничего конечно не зная и даже не подозрѣвая о разказанныхъ нами обстоятельствахъ.

Не забывъ неласковаго пріема оказаннаго Торбеевымъ у Ледянаго дома, Дерюгину не хотѣлось идти къ нему, но старый товарищъ его, оказавшійся далеко не юродивымъ и съ приходомъ въ Петербургъ совершенно измѣнившійся даже въ манерахъ своихъ и наружности, сильно на этомъ настаивалъ. Пристать на первое время у кого-нибудь изъ знакомыхъ представлялось ему необходимымъ, Торбеевъ же казался надежнѣе другихъ. Дерюгинъ возражалъ ему что Торбеевъ, статься-можетъ, мысли свои теперь измѣнилъ, что онъ пожалуй еще и къ отвѣту ихъ притянетъ; но старикъ даже разсердился.

— Ну что пустое болтать! Ты, статься-можетъ, его тайны не знаешь, а я.... вотъ какъ бухну ему прямо въ лобъ про....

— Про кого?

— Про Миктерова.

Такъ и присѣлъ на мѣстѣ Дерюгинъ, глаза вытаращилъ. А старикъ луще прежняго осерчалъ.

— Если насъ схоронить, горячился онъ, Торбеевъ не сумѣетъ, то ужь тогда я разочтуся съ нимъ самъ, одинъ, тутъ же на мѣстѣ, вотъ чѣмъ, прибавилъ онъ, показавъ простой, но отпущенный ножъ, который носилъ въ карманѣ.

— Ого-го! Вонъ ты какъ! сказалъ, пораженный словами старика, Дерюгинъ и еще болѣе путался въ своихъ на счетъ его предположеніяхъ и догадкахъ.

Семнадцатаго числа между тѣмъ, въ тотъ именно день когда явившимся на квартиру Торбеева путешественникамъ объявили что хозяинъ находится по службѣ во дворцѣ, въ караулѣ, въ Петербургѣ ожидались событія великой важности.

Послѣ обѣда, когда изъ дворца поразъѣхались, ходьба прекратилась и смолкли голоса, герцогъ, скрывъ отъ всѣхъ о безнадежномъ положеніи государыни, о которомъ ему съ утра еще объявили доктора, шелъ опустивъ голову въ опочивальню больной. Глухо раздавался шумъ его шаговъ въ опустѣлыхъ комнатахъ, колыхалось пламя разставленныхъ на

столахъ свѣчей, мимо которыхъ онъ проходилъ, и далеко ложилась тѣнь его высокой фигуры, сбѣгая на мебель и на полъ. Что-то серіозное, что-то рѣшительное должно было совершиться теперь.

Въ дверяхъ онъ столкнулся съ выходившею изъ опочивальни принцессой Анной.

— Ну что? какъ здоровье?

Принцесса пожала только плечами.

— Ваше величество,—тихо подойдя къ кровати и знаками высылая присутствующихъ, началъ Биронъ,—ваше величество!

— Что? знать плохо здоровье-то мое? плохо? надежды нѣтъ? спрашивала, до самаго конца надѣявшаяся на выздоровленіе, царица.

— Ваше величество, продолжалъ не слушая ея, герцогъ,— двадцать два года служилъ я.... собою жертвовалъ.... Я дѣло правленія исправлю....

— А-а? вотъ что... Боюсь я, герцогъ, боюсь чтобы несчастія тебѣ сіе не принесло....

— Ваше величество! повели! кинулся на колѣна герцогъ, заглядывая на столъ и подъ подушки, вездѣ ища глазами завѣтной бумаги, — повели!

— Дѣло сіе весьма трудное, горькое! Какъ тебѣ регентомъ быть?.. О-о-хъ! стонала государыня.

— Смилуйся, повели....

— Юшкову ко мнѣ призови.... воля-то моя и послѣ меня.... послѣ.... Юшкову, Юшкову!

Биронъ бросился исполнять приказаніе, а между тѣмъ въ сосѣдней комнатѣ уже зашевелились. Пріѣхала принцесса Елизавета, собрались принцъ Антонъ, принцесса жена его, Минихъ, Черкасскій. Тайна Бирона написана была уже на всѣхъ лицахъ.

Черезъ минуту, принцессъ потребовали въ опочивальню, а за ними вошли послѣдніе и другіе. Каждый боялся шевельнуться. Прошуршали, путаясь одна объ другую, юбки подошедшихъ къ кровати принцессъ. Подребежжалъ, потревоженный кѣмъ-то на столѣ, стаканъ. Поскрипѣла у кого то на ботфортѣ кожа,— и опять все смолкло. Слышно было одно тиканье часовъ, да тяжелое дыханіе императрицы. Высоко поднималось шелковое ея покрывало, безучастно смотрѣла она вверхъ, на приведенные въ движеніе теченіемъ воздуха кисти и аграманть широкой завѣси на постели.

— Гдѣ они? Охъ! бокъ, бокъ! застонала вдругъ больная.— Тутъ! больно, больно!

Впередъ сунулись доктора. Быстро отошли въ сторону принцессы. Зазвенѣли опять какія-то стклянки!

— Не надо, не надо! едва отстраняя голову, шептала государыня. Прощайте, прощайте!...—Миних! вдругъ приподнявшись и обративъ свой мутный взоръ на всѣхъ присутствующихъ, сказала она громче прежняго,—Миних! прощай! Что это? Господи.... больно, охъ больно.... охъ, охъ!!..

— Подними! еще, еще!

— Ниже!.... не такъ... сюда.

— Голову держи... руки! слышался внятный шепотъ докторовъ и прислуги, покрываемый стонами и тяжелою хрипотой государыни....

Въ сосѣднихъ комнатахъ уже смѣлѣе заговорили придворные; послали за священникомъ, пѣвчими; двери въ опочивальню открылись; послышался громкій вопль, рыданія.... все было кончено.

Принцесса Анна, сидя въ углу, закрывъ лицо, обливалась слезами. За стуломъ ея, опустивъ голову, стоялъ принцъ Антонъ.

— Mein Gott, mein Gott! взывалъ, мечась по комнатѣ, Биронъ. Бестужевъ кинулся запирать и печатать вещи.

— Стой! вдругъ воскликнулъ герцогъ, подбѣжавъ къ конторкѣ, гдѣ хранились брилліантовыя украшенія императрицы,—стой! Здѣсь послѣдняя воля! Гдѣ Юшкова? А! Возьмите, сказалъ онъ, взявъ изъ рукъ ея и передавая случившемуся возлѣ Трубецкому бумагу.

— Милостивые господа! милостивые господа! громко воскликнулъ генералъ-прокуроръ Трубецкой, переговоривъ въ полголоса съ Бирономъ.—Пожалуйте! Декларація! Декларація! повторилъ онъ, становясь къ ближайшей свѣчѣ.

— Что, что? Декларація?

— Декларація! сюда къ Трубецкому!

— Читайте, читайте!

— Вы что же? мрачно обратился между тѣмъ герцогъ къ принцу Антону, указывая ему рукой на бумагу и удивленный нѣсколько тѣмъ что принцъ оставался еще за стуломъ своей супруги.

Началось чтеніе знаменитой декларации, столь искусно подготовленной доброжелателями Бирона.

XXXI.

Казалось, Бирономъ обезпечилъ себѣ на семнадцать лѣтъ безотчетное управленіе Россіей и даже выборъ сукцессора русскаго престола. Оставалось только крѣпиться въ званіи регента и, ублаживъ надлежащимъ образомъ однихъ, преградивъ всякую возможность къ противодѣйствію другимъ, продолжать то что такъ удачно умѣлъ онъ вести во все десятилѣтнее царствованіе императрицы Анны.

Облекшись въ черное байковое платье, герцогиня Курляндская никого къ себѣ не допускала. Самъ же герцогъ, получивъ титулъ высочества, посылалъ къ иностраннымъ посланникамъ офицеровъ въ парадныхъ, шестерней заложенныхъ каретахъ, съ офиціальнымъ объявленіемъ о кончинѣ государыни и, готовясь выпустить милостивые для дворянъ, солдатъ и народа манифесты, ограничивался лока позволеніемъ являвшимся къ нему лицамъ цѣловать его высокогерцогскую руку. Все было гладко по наружности, все попрежнему улыбалось Бирону; но зловѣщій огонь таился и готовъ уже былъ разгорѣться.

Еще въ послѣдніе дни болѣзни императрицы, уклончивые отвѣты принцессы и глубокое молчаніе принца Антона позволяли предполагать что не совсѣмъ-то по вкусу приходились имъ тѣ порядки которые придумалъ и исполнилъ экспромтомъ герцогъ. Сидя на своей половинѣ, за полковыми дѣлами и бумагами, не разъ обращался принцъ къ адъютанту своему Граматину съ разными вопросами касательно всего что происходило во дворцѣ; просилъ его развѣдывать о подпискѣ, которая чинилась въ кабинетѣ и на которую онъ не былъ приглашенъ, толковалъ потомъ съ секретаремъ придворной конторы Семеновымъ о намѣреніи своемъ арестовать во время развода министровъ засѣдающихъ въ кабинетѣ; желалъ повидаться съ Ушаковымъ, переговаривался съ Кейзерлингомъ и т. д. Впечатлѣніе произведенное назначеніемъ въ регенты Бирона дѣйствовало не менѣе неблагопріятно и на лицъ менѣе Брауншвейгской фамиліи заинтересованныхъ въ дѣлѣ.

— Отъ россійскаго шляхетства челобитную надлежитъ подать противъ герцога, говорилъ въ своемъ кружкѣ нѣкто подполковникъ Пустошкинъ.

— Подлинный-то указъ собственною ли еще ея императорскаго величества рукой подписанъ? замѣчали его слушатели.

— Э! что̀ пустое калякать? вступался секретарь кабинета Яковлевъ;—подите, да и бейте челомъ Трубецкому.

— Трубецкой у регента надъ ухомъ сидитъ; другое надобно.

— Ну, къ Черкасскому, къ Головкину, разсуждали между собою недовольные.

Стоявшіе на караулѣ во дворцѣ во время кончины государыни, Торбеевъ, а потомъ поручикъ Преображенскаго полка Хомяковъ, пришли просто въ негодованіе, услышавъ чтеніе деклараціи. Послѣдній, пріѣхавъ на другой день на стройку возводимыхъ тогда, по проекту Миниха, казармъ, не удержался и тутъ же громко сталъ выражать свое неудовольствіе.

— Что̀ мы сдѣлали? говорилъ онъ,—государева отца и мать оставили! Они, чай, надѣялись на насъ, а теперь плачутся! И какому человѣку государство отдали! Эхъ вы! У насъ офицеровъ надежныхъ нѣтъ, а ваше бы дѣло, обращался онъ къ сержантамъ,—ваше бы дѣло о томъ солдатамъ сказывать.

— Точно, да! соглашался сержантъ Алфимовъ,—что̀ онъ за человѣкъ, ужь какой онъ человѣкъ!

— Вотъ до чего мы дожили, Господи! всплеснувъ руками, кричалъ поручикъ Аргамаковъ,—какая намъ жизнь? Лучше бы самъ закололъ себя. Что̀ мы? допускаемъ до чего.

— Т-съ! оламятуйся, чего ты? останавливали его товарищи.

— Хоть жилы изъ меня тянуть станутъ, говорить о семъ не престану.

— Надо у государыни принцессы провѣдать, угодно ль ей это будетъ; а то мы, горячился Хомяковъ,—съ барабаннымъ боемъ учинили бы тревогу! моя бы гренадерская рота вся за мной пошла!

— О-о-охъ! говоримъ мы о семъ, а вѣдь дѣло это смертельное! замѣчали нѣкоторые.

— Ну, смертельное! донощику первый кнутъ!

И такіе разговоры не могли оставаться безъ послѣдствій. Отъ офицеровъ и сержантовъ заговорили скоро и солдаты, заговорилъ народъ. Таскаясь по улицамъ, въ надеждѣ гдѣ-нибудь случайно наткнуться на Миктерова, Дерюгинъ съ товарищемъ вездѣ прислушивались къ ходившей молвѣ и однаж-

ды набрели близь строившихся казармъ на такой разговоръ что и сами отъ участія въ немъ удержаться не могли.

Здѣсь спорили уже о томъ: отчего не зачинаютъ и кому зачинать. Кто говорилъ что все зависѣло отъ солдатъ, другіе напротивъ что слѣдуетъ начать офицерамъ и унтеръ-офицерамъ, что солдатамъ зачать не можно.

— Отчего жь такъ не можно?

— Да такъ.

— А какъ для присяги строй былъ, ты чего жь молчалъ?

— Одинъ въ полѣ не воинъ.

— Да кому присягали-то вѣдаешь ли?

— А Богъ знаетъ кому.

— Экой дуракъ, ужь и того не знаетъ. Великому князю Іоанну, а родительница царя оставлена.

— Оставлена?

— Да. И орелъ нашъ батюшка Петръ I леталъ, дѣткамъ своимъ все соблюдалъ, а и его дочь оставлена.

— Генералу Курляндскому государствомъ править повелѣно.

— Эй ребята! вмѣшался Дерюгинъ,—кому присягали-то? Великому князю Іоанну: а онъ и не отъ христіанской крови, и не въ правовѣріи родился!

— Зачинай, ребята, зачинай! горячился старикъ его товарищъ.—Ко врагамъ площады не имѣть! Поколь живы, не имѣть!

И со всякимъ днемъ сходки принимали болѣе угрожающій характеръ, становясь смѣлѣе и опаснѣе, и со всякимъ днемъ можно было ожидать какой-нибудь катастрофы.

XXXII.

Пропавшій между тѣмъ безслѣдно, подобранный съ площади неизвѣстными благодѣтелями, Миктеровъ находился въ положеніи самомъ жалкомъ. Очнувшусь послѣ продолжительнаго недуга, онъ не могъ рѣшительно отдать себѣ отчета ни въ томъ что были за люди которые его пріютили послѣ обморока, ни въ томъ что съ нимъ было вообще, гдѣ и когда. Вспоминая теперь нѣкоторыя подробности, не хотѣлъ даже вѣрить имъ, точно были они изъ какого-то сна.

— И что со мною такое приключилось? Съ кѣмъ я жилъ, гдѣ и долго ли?

И какъ-то не хотѣлось ему на этомъ останавливаться; какъ-

то дичился онъ всѣхъ и позывало его на что-нибудь злое, враждебное.

Оправился наконецъ Миктеровъ; вышелъ на улицу, и долго придти въ себя не могъ, такъ было для него и ново, и странно то что̀ доводилось ему теперь и слышать, и видѣть. Тамъ говорили что въ Петербургской крѣпости воры убили часовыхъ и нѣсколько сотъ рублей казны унесли. Тутъ, офицеры чуть не къ возстанію солдатъ подговариваютъ. Въ церквахъ громко ропщутъ что на ектиніяхъ послѣ царя и принцессъ поминаютъ герцога Курляндскаго....

Происшедшія во время болѣзни Миктерова политическія перемѣны,—смерть государыни, регентство Бирона, все это дѣйствовало на него съ раздражающею силой.

— Кровь, кровь вездѣ, и самъ я весь въ крови! вертѣлось у него въ головѣ.—Вотъ, спокойствіе думалъ найти!... безъ крови его не найдешь. Что̀ и Доргорукіе, что̀ и герцогъ самъ,—кровью, вымогательствомъ дороги искали и себѣ въ грѣхъ того не ставили. А я всю жизнь сторонился, маялся, за другихъ въ отвѣтѣ былъ, тѣломъ ослабъ!... О, постой! Случай выпадетъ провѣдать что̀, — прямо къ герцогу, иль къ пріятелю его, къ Лилману: на люди! кого беречь?

Разъ увидѣлъ Миктеровъ на Переведенской улицѣ собравшуюся кучку людей, и пробравшись впередъ остановился, прислушиваясь. Въ толпѣ кричали.

— Нашихъ крестьянъ, говорилъ какой-то молодой парень въ тулупѣ, съ разгорѣвшимися льяными глазами, высовываясь и силясь перекричать другихъ,—нашихъ крестьянъ въ тюрьмахъ за недоимки морили, а у него золотой, да серебряной посуды некуда ставить.

— Ишь ты, на обуви и то пряжки брилліантовыя. Сѣдла-то всѣ золотомъ горятъ.

— Дай я что̀ скажу, молчи! выступилъ другой.—Стой, ребята, вотъ что̀: какъ намедни....

— Чего намедни? пущай онъ сказываетъ.

— Эй! Митькѣ говоритъ.

— Васькѣ.

— О, шутъ васъ! шумятъ только, обратился къ сосѣду своему какой-то рядомъ съ Миктеровымъ стоявшій мужичокъ.—Меня индо медвѣжьимъ ногтемъ по кожѣ въ тѣ поры подрало! Эхъ! пропадай знать матушка Россея: изъ лихорадки, да въ горячку. Проси православная вѣра, учители церковные!..

— Десять лѣтъ молчали, а нынѣ и ничего говорить не будутъ! кричалъ кто-то въ срединѣ.

— Ишь, мы не молчимъ! Кто молчитъ-то? Не молчимъ! раздавались голоса.

— Ну чего жь еще дожидать? сказалъ самъ себѣ Миктеровъ, выдираясь вонъ и скорыми шагами отходя отъ толпы.— Чего жь еще дожидать? повторялъ онъ, озираясь какъ воръ. — Все покажу, все до чиста! и пригибая голову, точно сзади хотѣлъ его кто ударить, быстро шагалъ онъ, словно боясь собственныхъ словъ и голоса.

Черезъ часъ времени къ подъѣзду Лѣтняго Дворца подъѣхала пузатая карета, и придворный оберъ-гофъ-коммиссаръ Лилманъ, медленно слускаясь по откинутымъ подножкамъ, оглядывался на торопившагося сзади, закрывавшагося поднятымъ кверху воротникомъ и судорожно моргавшаго и передергивавшаго бровями человѣка.

— Миктеровъ! раздался за нимъ чей-то голосъ.

— Торбеевъ! прошепталъ онъ, задрожавъ вдругъ всѣмъ тѣломъ и обернувшись къ высунувшемуся впередъ караульному офицеру.

Но двери громко захлопнулись. „Слово и дѣло“ требовало какъ видно, по соображеніямъ Лилмана, самого донощика, и Миктеровъ поднялся, по ступенькамъ лѣстницы, въ покои герцога Бирона.

Большія, высокія комнаты, какихъ давно уже не видалъ онъ чистота и блескъ, парадныя ливреи придворныхъ слугъ, мелькнувшія тамъ, въ сторонѣ, мимо задняго хода, которымъ пробирался Лилманъ, богатые мундиры съ покрытыми флеромъ по случаю траура пуговицами, пропитанная ароматическими куреньями атмосфера, наконецъ Торбеевъ повстрѣчавшійся такъ неожиданно на подъѣздѣ, все это затуманило голову Миктерова; онъ задыхался и радъ былъ приказанію Лилмана дожидаться его возвращенія.

Между тѣмъ во дворцѣ давно уже поднялась тревога. Съ самаго утра герцогъ внѣ себя ходилъ по комнатѣ, кричалъ, горячился, а теперь, въ пріемной своей, напустившись на принца Антона, срывалъ на немъ свое сердце.

— Что вы затѣваете? возмущеніе? массакръ? кричалъ онъ. Вы падѣетесь на свой Семеновскій полкъ? Да если бы правленіе въ вашихъ рукахъ находилось, вы сдѣлали бы несчастнымъ и сына своего, и всю Имперію. Что вы?

Устрашить меня что ли хотите? а? Такъ я устрашать себя не дамъ, не дамъ! наступалъ онъ къ самому лицу своего слушателя, и несчастный принцъ не зналъ куда глядѣть. И думалъ только о томъ чтобы скорѣе уйти. Но и по уходѣ его все-таки еще продолжалъ герцогъ кричать и горячиться, говорилъ что его высочество не всегда правду сказываетъ, что хотѣлъ онъ будто бы министровъ и генераловъ въ воду побросать, что принцесса Русскихъ называетъ канальями. Словомъ, кончилось тѣмъ что тутъ же приказано было сочинить отъ имени принца письмо въ которомъ онъ проситъ уволить его отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, и письмо это послано ему для подписи, съ совѣтомъ на время никуда не выѣзжать изъ дворца, якобы опасно ему было показываться на улицахъ.

— Да что въ самомъ дѣлѣ? Онъ сыну своему по должности своей въ послушаніи долженъ быть, какъ и другіе подданные! говорилъ Биронъ.

И несчастный принцъ могъ считать себя чуть не на пути къ тайной канцеляріи.

Подъ впечатлѣніемъ такихъ распоряженій, доносъ сдѣланный Миктеровымъ не могъ усилить гнѣва герцога. Уже и безъ того, Яковлевъ, Пустошкинъ, Граматинъ и другіе, вися подъ ударами заплечныхъ мастеровъ на дыбѣ, винились во всемъ и открывали разныя подробности. Теперь приказано было только немедленно усилить разъѣзды, патрули, караулы и разослать по всѣмъ кабакамъ переодѣтыхъ и непереодѣтыхъ сыщиковъ съ повелѣніемъ забирать всякаго кто хоть единымъ словомъ, единымъ намекомъ могъ быть сочтенъ за недовольнаго настоящимъ порядкомъ вещей. Неразошедшаяся еще кучка людей замѣченная Миктеровымъ на Переведенской улицѣ и къ которой случайно пристали потомъ Дерюгинъ съ товарищемъ, была захвачена изъ первыхъ.

Хотя распоряженія по доносу Миктерова и были сдѣланы, но самыя обстоятельства доноса не были настолько важны чтобы, среди другихъ важнѣйшихъ происшествій дня, Бирономъ обратилъ на нихъ особое вниманіе. Онъ не захотѣлъ даже видѣть и самого донощика.

Отпущенный съ обычными наставленіями, какъ и прочіе доносители, Миктеровъ досадовалъ на то что не удалось ему предстать предъ лицо самого герцога и что спустившись съ лѣстницы, къ подъѣзду, не засталъ уже онъ тамъ Торбеева, смѣненнаго другимъ, незнакомымъ ему офицеромъ.

XXXIII.

На третій только день послѣ случайной встрѣчи пріятелей, поздно вечеромъ, отыскавшій наконецъ Торбеева Миктеровъ входилъ осторожно къ нему на квартиру, въ тяжеломъ настроеніи своемъ боясь застать у него кого-нибудь посторонняго и несовсѣмъ увѣренный также въ томъ въ какой мѣрѣ пріятель его будетъ обрадованъ свиданіемъ съ нимъ, видѣвъ его въ компаніи Липмана. Но эти сомнѣнія скоро исчезли.

— Миктеровъ! Господи! кинулся къ нему Торбеевъ, завидѣвъ его въ дверяхъ, обнявъ и цѣлуя въ правую и лѣвую щеку.—Сколько искалъ я тебя, а ты вотъ гдѣ! И радость вѣдь, и печаль тебѣ объявить имѣлъ, да гдѣ тебя сыскать? Садись, говори. Какъ ты во вражьи-то руки попалъ, какъ ты изъ нихъ увернулся?

— Да, да! повторялъ Миктеровъ, передергивая особенно сильно лицомъ и ища кругомъ гдѣ бъ ему помѣститься.

— Вотъ сюда, сюда; здѣсь садись, суетился около него Торбеевъ.— Ахъ ты, Миктеровъ, Миктеровъ! улыбался онъ, глядя ему прямо въ глаза, — вотъ судьба-то, а? свидѣлись!...

— Свидѣлись, принужденно улыбнулся также Миктеровъ, совершенно отвыкшій отъ дружескихъ, откровенныхъ пріемовъ товарища и конфузливо озираясь на комнату и военное платье Торбеева.

— Ишь оглядываетъ меня, словно чучелу, смѣялся послѣдній. — Много, много, братъ, воды утекло. И съ какого конца начать—не вѣдаю; про себя что ль разказать, иль тебя спросить.... Какъ изъ вражьихъ-то рукъ увернулся ты? Я было ужь и рукой махнулъ, думалъ, ну....

— Да и самъ вѣдь ты на караулѣ тамъ былъ, прервалъ его Миктеровъ.

— Я-то? съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него Торбеевъ. — Точно, былъ, да вѣдь я....

— Ну, оставь. сурово какъ-то оборвалъ Миктеровъ. — Про радость твою, про печаль скажи.

— Да, про радость мою, про радость сказать, началъ было Торбеевъ, и позамялся.

Взглянувъ теперь на товарища пристальнѣе, замѣтилъ онъ

въ немъ сильное волненіе, замѣтилъ и судорожное передергиваніе лица, недружескій, непривѣтливый его тонъ, и странное что-то въ немъ ему показалось, и жаль его какъ-то стало, и не хотѣлось продолжать.

Разговоръ потянулся вяло. Торбеевъ пробовалъ спрашивать Миктерова о его жизни, но тотъ неохотно отвѣчалъ на вопросы; о себѣ же Торбееву разказывать было почти нечего. Не касаясь прошлаго и не выходя изъ круга того что было вчера и сегодня, заговорили о предметахъ неинтересныхъ. Нѣсколько разъ Торбеевъ спросилъ здоровъ ли Миктеровъ, отчего суровымъ такимъ себя показываетъ, давно ли здѣсь въ Петербургѣ, какъ его нашелъ, скоро ли, зачѣмъ былъ вчера съ Лилманомъ и т. д.

Миктеровъ отвѣчалъ на все коротко, но въ свою очередь, то принужденно улыбаясь, то совершенно сухо, просилъ настоятельно объяснить ему о какой же радости и печали хотѣлъ онъ ему сообщить.

— Порядкамъ этимъ не быть! началъ тогда издали, рѣшившійся наконецъ отвѣчать, Торбеевъ. — О регентѣ слышно, продолжалъ онъ, притворивъ дверь и понизивъ голосъ,—и ему не быть! Стало.... увернутся они.... такъ сойдетъ.... Однако надежда большая есть....

— Кто они?

— Въ томъ и радость твоя и печаль. Одно слово скажу: отецъ твой тайно былъ у меня и съ деньщикомъ твоимъ, помнишь, съ Дерюгинымъ....

— Отецъ! вскочилъ вдругъ на ноги Миктеровъ, и вытаращивъ глаза, точно замеръ на мѣстѣ.

— Да. И вѣдь всего-то три дня назадъ. Въ тотъ день.... да, въ тотъ день какъ мы съ тобой повстрѣчалися....

— Ну?

— Захватили на Переведенской, по доносу, слышь, какъ мятежныхъ вредителей.

— На Переведенской! Захватили! вскричалъ какъ бѣшеный Миктеровъ, и перевернувшись нѣсколько разъ на мѣстѣ, прежде чѣмъ успѣлъ еще опомниться Торбеевъ, не руками уже, а всей грудью отворилъ дверь и выскочилъ вонъ.

— Куда онъ? Отчего? Да не въ умѣ ли ужъ онъ поврежденъ? мелькнула наконецъ Торбееву мысль, и живо представивъ себѣ больное лицо Миктерова, судорожныя его подер-

гиванія, суровые пріемы, сухой, не дружескій тонъ, схватилъ шляпу, кинулся въ сѣни, на дворъ, глянулъ направо, налѣво.... но пріятель былъ уже далеко.

Время подвигалось къ полуночи. На улицахъ было совершенно пусто и тихо. Исходивъ Богъ знаетъ сколько безъ цѣли и безъ всякой связной мысли въ головѣ, Миктеровъ приблизился наконецъ къ каналамъ. Вдругъ ему перѣхала дорогу окруженная командой карета, мѣрнымъ шагомъ, безъ дребезжанія и шума, направлявшаяся отъ Зимняго Дворца къ Лѣтнему.

Только теперь, разсѣянный этою встрѣчей и очнувшись, Миктеровъ почувствовалъ что точно молотомъ билъ его кто по головѣ, и что ноги у него подкашивались; едва успѣвъ ухватиться за что-то рукой, онъ опустился на землю и, прислонившись спиной къ рѣшеткѣ, поникъ головой. „Доносчикъ! Роднаго отца самолично въ злодѣйскія руки предалъ! Богъ покаралъ! Къ чему, къ какому концу жизнь тебя привела?“ говорилъ ему какой-то внутренній голосъ. А жизнь эта, въ то же время, со всѣми ея мельчайшими, давно забытыми подробностями, такъ и бѣжала предъ глазами: и Савинская усадьба, и лицо майора на праздникѣ Наумова, и Гвоздевъ, и казаки, и Маша.... „Маша, Маша! За кого ты себя загубила? За доносчика, за предателя роднаго отца“!

— Нѣтъ же, нѣтъ? Хоть донось свой, хоть его въ пользу себѣ приведу! Къ герцогу нынѣ доступъ имѣю.—выручу! Надо выручить... безъ того жить не можно! повторялъ онъ въ отчаяніи.... Онъ рвался встать, но силы измѣнили ему: ноги не хотѣли служить.

Ѣхавшая карета, приблизившись между тѣмъ къ подъемнымъ мостамъ у Лѣтняго Сада, остановилась. Незамѣченный никѣмъ, Миктеровъ видѣлъ какъ изъ небольшаго отряда, человѣкъ въ 50, отдѣлился какой-то офицеръ; видѣлъ какъ офицеръ этотъ подвелъ къ каретѣ нѣсколькихъ стоявшихъ на мосту солдатъ, слышалъ чей-то знакомый голосъ, но понять смысла послѣдовавшаго затѣмъ разговора не могъ.

— Вѣдаете ли что регентъ есть, отъ котораго государынѣ цесаревнѣ, племяннику ея принцу Іоанну и родителямъ его есть утѣсненіе? говорилъ кто-то.

— Точно, истинно! слышались другіе голоса.

— Надо взять его. Ружья у васъ заряжены ль?

— Мы государю готовы съ радостью служить.

— Молодцы, молодцы! долетѣло до Миктерова послѣднее слово, и съ нимъ вмѣстѣ вспомнилось что-то давно, давно знакомое.

Этотъ голосъ? Когда-то онъ слышалъ его. Да, точно. Минихъ кажется, Минихъ....

Онъ не ошибся. Минихъ и кучка экспромптомъ составившихся, никому невѣдомыхъ заговорщиковъ, дѣлали теперь свое дѣло.

Вышедшій впередъ адъютантъ фельдмаршала Манштейнъ, заручившись словами и обѣщаніями данныхъ солдатами, не боялся уже приказанія отданнаго нѣсколько дней тому назадъ Бирономъ: стрѣлять по всякому отряду войскъ, большому или малому, который появился бы отъ десяти часовъ вечера до пяти утра. Внутренняя стража пропустила его также безпрепятственно, зная его въ лицо и полагая что идетъ онъ за какимъ-нибудь приказаніемъ къ герцогу.

Незнакомый съ расположеніемъ дворца, Манштейнъ запутался было въ темныхъ комнатахъ. Какъ разъ проснется какой-нибудь слуга, подниметъ тревогу, и все дѣло испорчено. Но вотъ какая-то дверь. Манштейнъ схватился за ручку ея. Она заперта на ключъ. Онъ сдѣлалъ небольшое усиліе; глухо опустилась не плотно закрытая задвижка. Обѣ половинки двери распахнулись разомъ, и Манштейнъ очутился въ герцогской спальнѣ.

На большой, красивой кровати спали крѣпчайшимъ сномъ супруги, не слыхавъ ни шуму, ни шаговъ адъютанта. Онъ смѣло подошелъ къ нимъ и сорвалъ съ герцога одѣяло.

— Боже мой! Кто тутъ! дикимъ голосомъ закричалъ, вскочивъ въ испугѣ, Биронъ.

И чувство какого-то страха и невольнаго еще уваженія остановило было на мѣстѣ Манштейна.

— Измѣнникъ! крикнулъ герцогъ, спустивъ быстро ноги,— измѣнникъ! прошепталъ онъ еще разъ, ставъ на колѣна и на четверенькахъ ползя подъ кровать.

— А! опомнился при этомъ движеніи Манштейнъ,—нѣтъ, назадъ! закричалъ онъ и обѣжавъ кругомъ кровати, потянулъ къ себѣ изо всѣхъ силъ Бирона за рубашку.

Герцогиня успѣла уже въ это время выбѣжать изъ комнаты.

— Ко мнѣ! Измѣнникъ! Помогите! размахивалъ во всѣ стороны кулаками, ставшій на ноги, герцогъ.

И черезъ полчаса все было кончено. Выскочившую въ одной рубашкѣ на улицу, герцогиню перенесли въ караульню, а затѣмъ карета, съ сидящимъ въ ней герцогомъ, въ солдатской шинели, накинутой на его плеча, и съ Преображенцами на козлахъ, рысью прогремѣла по висячему мосту, прямо по направленію къ стоявшему на прежнемъ мѣстѣ Миктерову.

— Что̀ это? вскочилъ онъ вдругъ, пораженный этимъ необычнымъ ночнымъ катаньемъ по дворцовому мосту. — Эй! Что̀ это? повторилъ онъ подбѣжавъ ближе къ экипажу.

— Прочь! Курляндскаго веземъ! усмѣхнулся ему одинъ изъ солдатъ, быстро проѣзжая мимо.

Миктеровъ остановился на мѣстѣ, какъ вкопаный.

— Герцога, герцога! закричалъ онъ наконецъ во все горло.— И это пропало! Съ чѣмъ остался? Куда бѣжать? И схватившись за голову, стремглавъ, безъ оглядки понесся прочь.

XXXIV.

Улицы Петербурга были особенно оживлены на другой день. Точно праздникъ какой! Народъ бѣжалъ, обгоняя другъ друга, въ церкви, во дворецъ. Извѣстіе объ арестованіи Бирона разнеслось быстро по всѣмъ закоулкамъ. Лица у всѣхъ были веселыя, но боязливо еще, оглядываясь, шепотомъ передавали другъ другу радостную новость. Слишкомъ свѣжо и недалеко было то время когда платились головой за разговоры подобнаго рода, не вѣрилось какъ-то чтобы могла такъ вдругъ сокрушиться власть которую терпѣли столько лѣтъ, чтобы нашлась сила которая осмѣлилась бы на власть эту наложить руку.

Народъ валилъ къ Зимнему Дворцу, со всѣхъ концовъ Петербурга. Люди проходившіе по пустырю близъ Фонтанки, останавливались предъ страшнымъ и отвратительнымъ зрѣлищемъ:

На уцѣлѣвшей перекладинѣ обгорѣлыхъ воротъ висѣлъ человѣкъ съ посинѣвшимъ уже лицомъ, съ вытянутыми, окоченѣвшими членами и въ сторону наклонившеюся головой.

— Нѣмецъ знать тоже, ну те къ Богу! Пойдемъ.

— Изъ нихъ же какой, не дождался, толковали любопытные, заходя впередъ и засматривая въ полузакрытое спустившимися длинными волосами лицо повѣсившагося.

— Камень тоже подставилъ, ишь ты?

— Но одежѣ-то словно бы нашъ.

— Офицеръ даве сказывалъ,—Русскій. За командой пошли.

— Онъ ли? Чего жъ онъ такъ-то казнился?

— Его дѣло; знать жизнь опостылила!

— Царство небесное!

— Глянь-ка, глянь, шевелится! вдругъ громко закричалъ чей-то голосъ.

И прочь отбѣгали всѣ, замѣтивъ раздувавшуюся вѣтромъ рубашку и шевелившіеся на головѣ волосы повѣсившагося. И смѣялись одни зрители новыми, шли пересуды и толки: кто покойникъ, какъ въ такой день догадало повѣситься и пр.

Этотъ несчастный былъ Миктеровъ....

Предъ Зимнимъ Дворцомъ между тѣмъ съ утра собиралось войско, а прискакавшіе со всѣхъ сторонъ придворные и разныхъ чиновъ люди ходили на крыльцѣ изъ стороны въ сторону, ища глазами тѣхъ кому имъ быть нынѣ послушнымъ, и наталкивались одинъ на другаго, какъ собаки потерявшія своего хозяина.

— Съ принцессой Анной давно уговоръ у нихъ былъ.—Кто?—Минихъ. Кабинетъ-министромъ вишь его не сдѣлали,—озлобился.—У герцога вечеромъ ужиналъ. Скрывался значитъ, глаза отводилъ. Семеновцы помогли. — Нѣтъ, Преображенцы! — Кого правителемъ? — Чего? ужъ объявлено. — Кто, когда? — Присяга идетъ! слышались тамъ и тутъ голоса.

— Вѣрные сыны отечества, идите подписываться!

— Аннѣ быть правительницей, Аннѣ!

— Что писать, гдѣ?

— Цѣлуйте крестъ и Евангеліе, вѣрные сыны отечества! кричали между тѣмъ въ церквахъ.

И выходившій вонъ и наплывавшій вновь народъ сталкивался съ людьми разносившими какіе-то листы. Подписывавшіе вырывали другъ у друга чернильницы, перья; тѣснота, шумъ.... И какъ потерянныя ходили лица вчера еще пользовавшіяся благосклоннымъ вниманіемъ Бирона и не знавшія теперь какая ожидаетъ ихъ судьбы.

А въ Шлюссельбургской крѣпости, облокотившись на раскрытую Библію, сидѣлъ, вчера еще могущественный и все-

сильный, Биронъ, сочиняя по заданнымъ вопроснымъ пунктамъ свои нѣмецкіе отвѣты.

„Все дѣлано было мною по незнанію здѣшнихъ правъ и указовъ, только по незнанію“, писалъ онъ, и такими невинными словами думалъ оправдать мученія и бѣдствія которыя молча терпѣла отъ него десять лѣтъ Россія.

БУЛКИНЪ.

КОНЕЦЪ.

НА НОЖАХЪ*

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

БЕЗДНА ПРИЗЫВАЕТЪ БЕЗДНУ.

I. Entre chien et loup.

Гордановъ не сразу сшилъ себѣ свой нынѣшній мундиръ: было время когда онъ носилъ другую форму. Принадлежа не къ новому, а къ новѣйшему культу, онъ имѣлъ предъ собою довольно большой выборъ модъ и фасоновъ: предъ нимъ прошли во всемъ своемъ убранствѣ Базаровъ, Раскольниковъ и Маркушка Волоховъ, и Гордановъ всѣхъ ихъ смѣрилъ, свѣсилъ, разобралъ и осудилъ: ни одинъ изъ нихъ не выдержалъ его критики. Базаровъ, по его мнѣнію, былъ неуменъ и слабъ—неуменъ потому что ссорился съ людьми и вредилъ себѣ своими рѣзкостями, а слабъ потому что свихнулся предъ „богатымъ тѣломъ“ женщины, что̀ Павелъ Николаевичъ Гордановъ признавалъ слабостью изъ слабостей. Раскольникова Гордановъ сравнивалъ съ курицей, которая не можетъ не кудахтать о снесенномъ ею яйцѣ, и глубоко презиралъ этого

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 10 и 11.

героя за его привычку безпрестанно чесать свои душевныя мозоли. Маркушка Волоховъ (котораго Гордановъ зналъ вживѣ) былъ, по его мнѣнію, и посильнѣе, и поумнѣе двухъ первыхъ, но ему, этому алмазу, не доставало шлифовки чтобы быть брилліантомъ, а Гордановъ хотѣлъ быть брилліантомъ и чувствовалъ что къ тому уже настало удобное время.

Павелъ Николаевичъ человѣкъ происхожденія почти безвѣстнаго, по романическаго: онъ сынъ московской Цыганки и старшаго брата Михаила Андреевича Бодростина. Отецъ его нѣкогда истратилъ чудовищныя деньги на ухаживаніе за его матерью и еще бо́льшія на выкупъ ее изъ табора; но прожившъ съ нею одинъ годъ съ глазу на глазъ въ деревнѣ, наскучилъ ея однообразными ласками и вывелъ ее въ особый хуторокъ, а самъ женился на дѣвушкѣ соотвѣтственнаго положенія. Мать Павла Николаевича этого не снесла: какъ за нею ни присматривали на хуторѣ, она обманула своихъ приставниковъ, убѣжала въ прежнее обиталище къ своему измѣннику и пришла какъ разъ во время свадебнаго пира. Ее не пустили, она взобралась на берегъ Оки, не помня себя, въ мукахъ и бѣшенствѣ родила здѣсь ребенка и, можетъ-быть, не помня же себя бросилась въ воду и утонула. Ребенокъ былъ взятъ; его назвали въ крещеніи Павломъ и записали на имя бѣднаго мелкопомѣстнаго дворянина Горданова, которому подарили за это семью людей. Чтобы Павелъ Гордановъ не мотался на глазахъ, его свезли сначала въ уѣздный городишко и отдали на воспитаніе акушеркѣ; отсюда восьми лѣтъ его перевезли въ губернскій пансіонъ, а изъ пансіона, семнадцати лѣтъ, отправили въ петербургскій университетъ. Отца своего Гордановъ никогда не помнилъ, судьбами мальчика всегда распоряжался Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ, котораго Павелъ Николаевичъ видалъ разъ въ годъ. Къ семнадцатому году своего возраста, Павелъ Николаевичъ освободился ото всѣхъ своихъ родныхъ, какъ истинныхъ, такъ и нареченныхъ: старшій Бодростинъ умеръ; супруги Гордановы, фамилію которыхъ носилъ Павелъ Николаевичъ, также переселились въ вѣчность, и герой нашъ предъ отправленіемъ своимъ въ университетъ получилъ изъ рукъ Михаила Андреевича Бодростина копію съ протокола дворянскаго собранія объ утвержденіи его, Павла Николаевича Горданова, въ дворянствѣ, и документъ на принадлежность ему деревни въ восемьдесятъ душъ, завѣщенной ему усопшимъ Петромъ Бод-

ростинымъ. Все остальное большое состояніе бездѣтнаго стараго Бодростина перешло къ его вдовѣ и брату, нынѣшнему мужу Глафиры Васильевны Бодростиной, урожденной Агатовой.

Павелъ Гордановъ былъ отъ природы уменъ и способенъ; учился онъ хорошо; нужды никогда не зналъ и не боялся ея: онъ всегда былъ увѣренъ что бѣдность есть удѣлъ людей глупыхъ. Унижаемъ онъ никогда не былъ, потому что всегда онъ былъ одѣтъ и обутъ хорошо; постоянно имѣлъ у себя карманныя деньги, считался дворяниномъ и умѣлъ не дозволять наступать себѣ на ногу. Въ жизни его было только одно лишеніе: Гордановъ не зналъ родныхъ ласкъ и не видалъ какъ цвѣтутъ его родныя липы, но онъ объ этомъ и не заботился: онъ съ отроческой своей поры былъ всегда занятъ самыми серіозными мыслями, при которыхъ нѣжныя чувства не получали мѣста. Гордановъ рано дошелъ до убѣжденія что всѣ эти чувства—роскошь, гиль, путы, безъ которыхъ гораздо легче жить на бѣломъ свѣтѣ, и онъ жилъ безъ нихъ. Базаровцы ему приходились не по обычаю: мы выше сказали что Базаровцы казались ему непрактичными, но сила вещей брала свое, надо было примыкать къ этой силѣ, и Гордановъ числился въ студенческой партіи которою руководилъ бурнопламенный, суетливый и суетный Висленевъ. Сначала Гордановъ держался этой партіи единственно только для мундира и положенія, и потому когда на Висленева и его ближайшихъ сотоварищей рухнула туча, удивившая всѣхъ тѣмъ что изъ нее вышелъ очень маленькій громъ, Гордановъ остался здравъ и невредимъ. Его ничто не задѣло, и онъ во время отсутствія разосланныхъ верховодовъ даже подвинулся немножечко впередъ, получилъ нѣкоторый вѣсъ и значеніе. Наступившая пора entre chien et loup показала Павлу Николаевичу что изъ бреда которымъ были полны предъ тѣмъ временемъ отуманенныя головы можно при самой небольшой ловкости извлекать для себя громадную пользу. Надо было только стать на виду и если можно даже явиться во главѣ движенія, но конечно такого движенія которое бы принесло выгоды, а не спровадило во слѣдъ неосторожнаго Висленева и его товарищей. Павелъ Николаевичъ быстро воспользовался положеніемъ. Видя въ кружкѣ „своихъ“ амурныя заигрыванья съ Поляками, онъ провозгласилъ іезуитизмъ. „Свои“ сначала отъ этого осовѣли, но Гордановъ краснорѣчиво представлялъ имъ

картины неудачъ въ прошломъ, — неудачъ прямо происшедшихъ отъ грубости базаровской системы, неизбѣжныхъ и впередъ при сохраненіи старой, такъ называемой нигилистической системы отношеній къ обществу, и указалъ на несомнѣнныя преимущества борьбы съ міромъ хитростію и лукавствомъ. Въ средѣ слушателей нашлись нѣсколько человѣкъ которые на первый разъ немножко смутились этимъ новшествомъ, но Гордановъ налегъ на естественныя науки; указалъ на то что и заяцъ примѣняется къ средѣ—зимой бѣлѣетъ и лѣтомъ темнѣетъ, а насѣкомыя часто совсѣмъ не отличаются цвѣтомъ отъ предметовъ среди которыхъ живутъ, и этого было довольно: гордановскіе принципы сначала сдѣлались предметомъ обсужденія и потомъ быстро стали проникать въ плоть и кровь его поклонниковъ.

Къ этому времени Гордановской жизни относится пріобрѣтеніе имъ себѣ расположенія Глафиры Акатовой, чему онъ не придавалъ большой цѣны, и потомъ потеряя ее, съ чѣмъ онъ едва справился, надѣлавъ предварительно нѣсколько глупостей, не отвѣчавшихъ ни его намѣреніямъ, ни его планамъ, ни тѣмъ принципамъ которые онъ вырабатывалъ для себя и внушалъ другимъ.

Безъ ошибокъ было нельзя, и пригонка нынѣшняго спокойнаго, просторнаго и теплаго мундира Гордапову, обошлась ему не безъ хлопотъ: надо было выбираться изъ хаоса страшно переплетенныхъ и перепутанныхъ понятій, уставовъ и преданій, въ которыхъ не было ничего стройнаго и изъ которыхъ нельзя было вывести никакого плана и никакой системы для дальнѣйшихъ дѣйствій. Павлу Николаевичу не трудно было доказать что нигилизмъ сталъ смѣшонъ, что грубостію и сорванечествомъ ничего не возьмешь; что похвальба силой остается лишь похвальбой, а на дѣлѣ бѣдные новаторы кромѣ нужды и страданій не видятъ ничего, между тѣмъ какъ сила очевидно слагается въ другихъ рукахъ. Это уже давно чувствовали и другіе, но только они не были такъ рѣшительны и не смѣли сказать того что́ сказалъ имъ Гордановъ, но за то же Павелъ Николаевичъ нашелъ себѣ готовую большую поддержку. Всѣ желавшіе снять съ себя власяницу и вериги нигилизма были за Гордапова, и съ ихъ поддержкой Павелъ Николаевичъ доказалъ что поведеніе отжившихъ свой вѣкъ нигилистовъ негодится никуда и ведетъ къ погибели. Когда Гордановъ представилъ все это въ надлежащемъ из-

ложеніи, всѣ поняли что это дѣйствительно такъ, и что потому стало-быть нужно сдѣлать сводъ всему накопившемуся хламу полурѣчей и недомолвокъ и рѣшить чѣмъ впередъ руководствоваться.

Кому же было заняться этимъ сводомъ какъ не Гордanову? Онъ за это и взялся, и въ длинной рѣчи отмѣнилъ грубый нигилизмъ, заявленный нѣкогда Базаровымъ въ его неуклюжемъ сакѣ, а вмѣсто его провозгласилъ *негилизмъ*—гордановсковое ученіе, въ сути котораго было лопято лока одно что *не гилистамъ* дозволяется жить со всѣми на другую ногу чѣмъ жили нигилисты. Дружнымъ хоромъ кружокъ рѣшилъ что Гордановъ великъ.

II. Враги г. Гордanова.

Но какъ всякое величіе должно имѣть недоброжелателей и враговъ, то не обошлось безъ нихъ и у Павла Николаевича.

Гордановъ въ своей законодательной дѣятельности встрѣчалъ не мало непріятныхъ противорѣчій со стороны нѣкоторыхъ тяжелыхъ людей, недовольныхъ его повшествами и составившихъ старовѣрческую партію посреди новыхъ людей. Во главѣ этихъ безпокойныхъ старовѣровъ болѣе всѣхъ надоѣдала Гордanову приземистая, молоденькая дѣвушка, Анна Александровна Скокова, особа ограниченная, тупая, рьяная и до того скорая что въ устахъ ея изо всего ея имени, отчества и фамиліи, когда она ихъ произносила, по скорости, выходило только *Ванскокъ*, отчего ее, въ видахъ сокращенія переписки, никогда ея собственнымъ именемъ и не звали, а величали ее въ глаза Ванскокомъ, а за глаза или „Тромбовкой“ или „Помадною банкой“, съ которыми она имѣла нѣкоторое сходство по наружному виду и крѣпкому сложенію.

Старовѣрка Ванскокъ держалась древняго нигилистическаго благочестія, хотѣла чтобы общество было прежде уничтожено, а потомъ обобрано, между тѣмъ какъ Гордановъ проповѣдывалъ планъ совершенно противоположный, то-есть чтобы прежде всего обобрать общество, а потомъ его уничтожить.

— Въ чемъ же преимущество его ученія, добивалась Ванскокъ.

— Въ томъ что его игра безпроигрышна; въ томъ что при его системѣ можно выигрывать при всякомъ расположеніи картъ, внушали Ванскокъ люди перемигнувшіеся съ Гордановымъ и поддерживавшіе его съ благодарностью за то что онъ указалъ имъ удобный лазъ въ сторону отъ опостылившихъ имъ бредней.

— Въ такомъ случаѣ это наше новое ученіе будетъ сознательная подлость, а я не хочу имѣть ничего общаго съ подлецами, сообразила и отвѣтила прямая Ванскокъ.

Она въ эти минуты представляла собою того приснопоминаемаго Мольеровскаго мѣщанина который не зналъ что онъ всю жизнь говорилъ прозой.

Чтобы покончить съ этой особой и съ другими немногими щекотливыми лицами стоявшими за старую вѣру, имъ объявили что новая теорія есть „дарвинизмъ“. Этимъ фортелемъ щекотливость была успокоена и старой вѣрѣ нанесенъ окончательный ударъ. Ванскокъ смирилась и примкнула къ хитрымъ нововѣрамъ, но она примкнула къ нимъ только внѣшнею стороной, въ глубинѣ же души она чтила и любила людей стараго порядка, гражданскихъ мучениковъ и страдальцевъ, для которыхъ она готова была срѣзать мясо съ костей своихъ, еслибы только это мясо имъ на что-нибудь пригодилось. Такихъ страдальцевъ въ эту пору было очень много, всѣ они были не устроены и всѣ они тяжко нуждались во всякой помощи,—они первые были признаны за гиль, и о нихъ никто не заботился. По новымъ Гордановскимъ правиламъ, не слѣдовало дѣлать никакихъ непроизводительныхъ затратъ, и расходы на людей когда-нибудь компрометтированныхъ были объявлены расходами непроизводительными. Общительность интересовъ рушилась, всякому предоставлялось вредить обществу по своему.

Ванскокъ это возмутило до бѣшенства. Она потребовала обстоятельнѣйшихъ объясненій въ чемъ же заключается „дарвинизмъ“ новаго рода?

— Глотай другихъ, чтобы тебя не проглотили, отвѣчали ей коротко и небрежно.

Но отъ Ванскокъ не такъ легко было отвязаться.

— Это теорія, сказала она, но въ чемъ же экспериментальная часть дѣла?

— Въ борьбѣ за существованіе, было ей тоже короткимъ отвѣтомъ.

— Но позвольте: прежде я вѣрила въ естественныя науки, теперь во что̀ же я буду вѣрить?

— Не вѣрьте ни во что̀, все во что̀ вы вѣрили — гиль, не будьте никакою гилисткой.

— Но какъ пріучить себя къ этому? мутилась несчастная Ванскокъ.—Я прежде работала надъ Боклемъ, демонстрировала надъ лягушкой, а теперь... я ничего другаго не умѣю: дайте же мнѣ надъ кѣмъ работать, дайте мнѣ надъ чѣмъ демонстрировать.

Ей велѣли работать надъ своими нервами, упражнять ихъ „силу“.

— Какъ?

Ей дали въ руки кошку и велѣли задушить ее рукой.

Ванскокъ ни на минуту не подумала что это шутка: она серіозно взяла кошку за горло, но не совладѣла ни съ нею, ни съ собою: кошка ее оцарапала и убѣжала.

— Изъ этого вы видите, сказали ей, что эксперименты съ кошкой гораздо труднѣе экспериментовъ съ лягушкой.

Ванскокъ должна была этому повѣрить. Но сколько она ни работала надъ своими нервами, результаты выходили слабые, между тѣмъ какъ одна ея знакомая, дочь полковника Фигурина, по имени Алина (нынѣшняя жена Іосафа Висленева), при ней же, играя на фортепіано, встала, свернула голову попугаю, и выбросивъ его за окно, снова спокойно сѣла и продолжала доигрывать піесу.

Эта „сила нервовъ“ поражала и занимала скорбную головой дѣвицу, и она проводила время въ упражненіяхъ надъ своею нервною системой, не замѣчая что̀ дѣлали въ это время другіе, слѣдуя гордановской теоріи; и вдругъ предъ ней открылась ужасная картина неслыханнѣйшихъ злодѣяній.

Вопервыхъ, всѣ члены кружка мужскаго пола устремились на службу; самъ Гордановъ пошелъ служить въ опольщенный край и.... гордановцы все это оправдали всѣмъ своимъ сонмомъ.

— Это ловко, сказали они, и болѣе ничего.

Мелкій газетный сотрудникъ Тихонъ Ларіоновичъ Кишенскій пошелъ въ полицейскую службу.

— Это очень ловко, говорили гордановцы,—онъ можетъ быть полезенъ своимъ.

Кишенскій открылъ кассу ссудъ.

— Это чрезвычайно умно, говорили тѣ же люди: пусть онъ выбираетъ деньги у подлецовъ и выручитъ при случаѣ своихъ.

Кишенскій пошолъ строчить въ трехъ разныхъ газетахъ, трехъ противоположныхъ направленій, изъ коихъ два, по мнѣнію Ванскокъ, были безусловно „подлы“. Онъ сталъ богатъ; въ годъ его уже нельзя было узнать, и онъ не помогъ никому ни своею полицейскою службой, ни изъ своей кассы ссудъ, а въ печати если кому и помогалъ одною рукой, то другой за то еще злѣе вредилъ, но съ нимъ никто не прерывалъ никакихъ связей.

— Онъ подлецъ! воліяла Ванскокъ.

— Ничуть не бывало, отвѣчали ей,—онъ только борется за существованіе.

Далѣе.... далѣе, жиду Тишкѣ Кишенскому стали кланяться; Ванскокъ попала въ шутихи: надъ ней почти издѣвались въ глаза.

Далѣе.... Далѣе страхи!

Коварная красавица Глафира Васильевна Акатова предательски измѣнила принципу безбрачія и вышла замужъ церковнымъ бракомъ за пріѣзжаго богатаго ломѣщика Бодростина, котораго ей поручалось только не болѣе какъ обобрать, то есть стянуть съ него хорошій кушъ „на общее дѣло“. Глафира обманула всѣхъ и завершила дѣло ужасное: она поставила свою красоту на большую карту и вышла замужъ. Ей за это жестоко мстили всѣ и особенно не очень красивая и никогда не надѣявшаяся найдти себѣ мужа Алина Фигурина, и Ванскокъ, защищенныя самою природой отъ нарушенія обѣтовъ вѣчнаго дѣвства.

Онѣ выдали Михаилу Андреевичу Бодростину тайну отношеній Горданова къ Глафирѣ, и какъ мы видѣли изъ словъ этой дамы, навсегда испортили ея семейное положеніе.

Съ Бодростиной строго взыскано, и это прекрасно, но за то что же за ужасный случай былъ черезъ годъ!

Нѣкто изъ правовѣрныхъ, Казиміра Шверпотская, тоже красавица какъ и Бодростина, никого не спросясь, вышла замужъ за богатаго князя Вахтерминскаго, и что же? Всѣ съ неслыханною дерзостью начали ее поддерживать что она хорошо сдѣлала. Это говорили и Пасіянсова, и Бурдамовская, и Ципри-Кипри и другія. Ципри-Кипри, маленькая барышня съ картофельнымъ носомъ, даже до того забылась

что начала проводить преступную мысль будто бы женщинѣ живущей съ мущиной должно быть какое-нибудь названіе, а названіе де ей одно „жена“, и потому бракъ нужно дозволить и проч. проч. Возмутительное вольномысліе это имѣло ужасныя послѣдствія: такъ, красивая армянка Пасіянсова, наслушавшись такихъ сужденій, ни съ того ни съ сего вдругъ приходитъ разъ и объявляетъ что она вышла замужъ.

— Какъ, что̀, за кого? удивились всѣ хоромъ.

— Мой мужъ путеецъ, Парчевскій, отвѣчала Пасіянсова.

— Парчевскій! Путеецъ!.... Ну молодчина вы, Пасіянсова, воскликнули всѣ снова хоромъ.

Одна Ванскокъ, разумѣется, не похвалила бывшую Пасіянсову и замѣтила ей что Парчевскій былъ всегда противъ брака.

— Мало ли противъ чего они бываютъ! небрежно отвѣчала ей бывшая Пасіянсова.—А на что̀ же даны мущинѣ кровь, а женщинѣ умъ? Товаръ полюбится и умъ разступится!

— Такъ это вы его заставили измѣнить принципу?

— Конечно я. Неужто я и такого вздора не стою?

— И вы это безъ стыда такъ прямо говорите!

— Да, вотъ такъ прямо и говорю.

— Я на васъ соберу сходку!

Ванскокъ только расхохотались въ глаза.

Наконецъ дошло до того что сама Алина Фигурина, недавно яростно мстившая Бодростиной за ея замужство пересылкой ея мужу писемъ Глафиры къ Горданову, уже относилась къ браку Пасіянсовой съ возмущавшимъ Ванскокъ равнодушіемъ. Это былъ просто омутъ, ражъ, умопомраченіе. Даже бѣлокурая, голубоглазая Геба комунъ, Данка Бурдымовская, тоже объявилась замужемъ, и все это опять неожиданно, и все это опять нечаянно, негаданно и недуманно.

Опять тѣ же вопросы: какъ, что̀ и за кого? И на все это спокойный разказъ что Данка нашла себѣ избранника гдѣ-то совсѣмъ на сторонѣ, какого-то Степана Александровича Головцына, котораго встрѣтила разъ у литератора-ростовщика, Тихона Ларіоновича, прошлась съ нимъ до своей квартиры, другой разъ зашла къ нему, увидала что онъ тученъ и изобиленъ, и хотя не литераторъ, а просто ростовщикъ, однако гораздо болѣе положительный и солидный чѣмъ Тихонъ Ларіоновичъ,

и Данка обвѣнчалась, никѣмъ незримая, законнымъ бракомъ съ Головцынымъ, котораго плѣнила своими бѣлыми плечами и умѣньемъ дѣлать фрикадельки изъ вчерашняго мяса.

— По крайней мѣрѣ одно хотя, сказала Ванскокъ Данкѣ:— надѣюсь же по крайней мѣрѣ что вы, Данка, тряхнете мошну своего ростовщика и поможете теперь своимъ.

— Эхъ, милый другъ, отвѣтила Данка, едва удостоивая Ванскокъ мимолетнаго взгляда:—Головцынъ такой кремышокъ что изъ него ничего не выкуешь.

При всей непроницательности Ванскокъ, она хорошо видѣла что всѣ эти господа врутъ и виляютъ, и Ванскокъ отвернулась отъ нихъ и плакала о нихъ, много, горько плакала о своемъ погибшемъ Іерусалимѣ, а между тѣмъ эпидемія повоженства все свирѣпѣла; скоро, казалось, не останется во вифбрачномъ состояніи никого изъ непріемлющихъ браковъ. Ципри-Кипри съ ея картофельнымъ носомъ и та уловила въ свои сѣти какого-то содержателя одного изъ увеселительныхъ лѣтнихъ садовъ и сидѣла сама у васиздаса и продавала билеты. Объ этой даже ужь и вѣсти не приходило какъ она вышла замужъ, а Ванскокъ только случайно замѣтила ее въ васиздасѣ и подскочивъ спросила:

— Сколько вы здѣсь получаете, Ципри-Кипри, и не можете ли устроить сюда еще кого-нибудь изъ нашихъ старинныхъ?...

Но Ципри-Кипри не дала ей окончить и проговорила:

— Я здѣсь, душка, не по найму, я тутъ замужемъ.

Ванскокъ плюнула и убѣжала.

Негодованіе Ванскокъ расло не по днямъ, а по часамъ, и было отъ чего: она узнала къ какимъ кощунственнымъ мѣрамъ прибѣгаютъ нѣкоторыя лицемѣрки чтобы наверстать упущенное время и выйти замужъ.

Казиміра Шверпотская, какъ оказалось, за поясъ заткнула Глафиру Агатову и отмила такую штуку что всѣ разинули рты. Двадцатилѣтній князекъ Вахтерминскій, бѣлый, пухлый юноша, ненавидѣлъ бракъ, двадцатипятилѣтняя Казиміра тоже, на этомъ они и сошлись. Непризнающей брака Казимірѣ вдругъ стала *угрожать родительская власть*: и потому когда Казиміра сказала: „князь, сдѣлайте дружбу, женитесь на мнѣ и дайте мнѣ свободу“, князь не задумался ни на одну минуту, а Казиміра Шверпотская сдѣлалась княгиней Казимірой Антоновой Вахтерминской, что̀ уже само по

себѣ нѣчто значило, но если къ этому прибавить красоту, умъ, разчетливость, безстыдство, ловкость и наглость, съ которою Казиміра на первыхъ же порахъ сумѣла истребовать съ князя обязательство на значительное годовое содержаніе и вексель во сто тысячъ, „за то чтобы жить не марая его имени“, то конечно надо сказать что княгиня устроилась недурно.

Литераторъ и ростовщикъ Тихонъ Ларіоновичъ, знавшій толкъ во всѣхъ такихъ дѣлахъ, только языкомъ почмокалъ, узнавъ какъ учредила себя Казиміра.

— Послѣ Бодростиной, это положительно второй смѣлый ударъ нанесенный обществу нашими женщинами, объявилъ онъ дамамъ и добавилъ что соображая обѣ эти *работы*, онъ все-таки видитъ что искусство Бодростиной выше, потому что она вела игру съ многоопытнымъ старцемъ, тогда какъ Казиміра свершила все съ молокососомъ; но что конечно здѣсь въ меньшемъ планѣ больше смѣлости, а главное больше силы въ натурѣ: Бодростина живая, страстная женщина, любившая Гордànова сердцемъ горячимъ и неистовымъ, не стерпѣла и склонилась къ нему снова, и на немъ потеряла почти взятую ставку. Княгиня же Казиміра Вахтерминская, обезпечась какъ слѣдуетъ насчетъ русскаго князя, сплыла въ Варшаву, а оттуда въ Парижъ, гдѣ, кажется, довольно плохо сдерживаетъ свое обязательство не марать русское княжеское имя. По крайней мѣрѣ такъ были увѣрены всѣ служащіе въ конторѣ банкира R*, откуда княгиня получала содержаніе опредѣленное ей отъ князя.

И все это оправдывалось, и всему этому слѣдовали съ завистью, съ алчбой лишь бы только удалось.... Но такіе фокусы нельзя часто повторять, и въ этомъ ихъ неудобство. Требуются постоянныя усовершенствованія, а изобрѣтательныя головы родятся не часто, и вотъ дѣло опять очутилось въ заминкѣ: браки попритихли.

Весталка Ванскокъ радовалась и съ язвительною доброжелательностію говорила что необходимо чтобы опять явился назадъ Гордànовъ, а онъ вдругъ какъ по ея слову и явился удивить собою Петербургъ, или самъ ему удивиться.

III. Свой своего не узналъ.

Возвратясь въ Петербургъ, послѣ трехлѣтняго отсутствія, Гордановъ былъ увѣренъ что здѣсь въ это время весь хаосъ понятій уже лоосѣлъ и лоулегся, — такъ онъ судилъ по разсказамъ пріѣзжихъ и по тону печати, но стройность, ясность и порядокъ которые онъ засталъ здѣсь на самомъ дѣлѣ превзошли его ожиданія и поразили его. Никакой прежней раскольничьей нетерпимости и тѣни не было. Ученики въ три года ушли много дальше своего учителя и представляли силу которой ужаснулся самъ Гордановъ. Какіе люди! какіе пріемы! просто загляденье! Вотъ одинъ уже замѣтное лицо на государственной службѣ; другой — капиталистъ; третій — извѣстный благотворитель, живущій прилѣпаючи на счетъ филантропическихъ обществъ; четвертый—спиритъ и сообщаетъ депеши изъ-за могилы отъ Данта и Поэ; пятый—концессіонеръ, наживающійся на казенный счетъ; шестой—адвокатъ и блистательно говорилъ въ защиту правъ мужа насильно требующаго къ себѣ свою жену; седьмой литераторствуетъ и одною рукой пишетъ панегирики власти, а другою порицаетъ ее. Все это могло поразить даже Гордапова, и поразило. Ясно что его обогнали, и что ему, чтобы не оставаться за флагомъ, надо было сдѣлать прыжокъ черезъ всѣ головы. Онъ и не сробѣлъ, потому что онъ тоже пріѣхалъ не съ простыми руками и съ непустою головой: у него въ заповѣдной сумкѣ было спрятано мурзамецкое копье, отъ котораго сразу должна была лечь костьми вся несмѣтная рать и сила великая. Богатырю нашему только нужно было къ тому колью доброе древко, и онъ немедленно же пустился поискать его себѣ въ давно знакомомъ черполѣскѣ.

Павелъ Николаевичъ вытребовалъ Ванскокъ, привѣтилъ ее, далъ ей двадцать пять рублей на бѣдныхъ ея старовѣрческаго прихода (которымъ она благотворила втайнѣ) и узналъ отъ нея что литераторствующій ростовщикъ Тихонъ Кишенскій развернулъ будто бы огромныя денежныя дѣла. Павелъ Николаевичъ въ этомъ немножко поусомнился.

— На большія дѣла, голубка Ванскокъ, нужны и не малыя деньги, замѣтилъ онъ своей гостьѣ, пѣжась предъ нею на диванѣ.

— А развѣ же у него ихъ не было? прозвенѣла въ отвѣтъ Ванскокъ.

— Были? Вы „бѣдная постушка, вашъ міръ лишь этотъ лугъ“ и вамъ простительно не знать что̀ такое нынче называется порядочныя деньги. Вы вѣдь небось думаете что „порядочныя деньги“ это значитъ сто рублей, а тысяча такъ ужь это на вашъ взглядъ несмѣтная казна.

— Не безпокойтесь, я очень хорошо знаю что̀ значитъ несмѣтная казна.

— Ну что̀ же это такое, напримѣръ, по вашему?

— По моему, это, напримѣръ, тысячъ двѣсти или триста.

— Ага! браво, браво, Ванскокъ! Хорошо вы, я вижу, напрактиковались и кое-что постигаете.

Помадная банка сдѣлала ироническую гримаску и отвѣтила:

— Ужа-а-сно! есть что̀ постигать!

— Нѣтъ, право, навострилась дѣвушка хоть куда; теперь васъ можно даже и замужъ выдавать.

— Мнѣ эти шутки противны.

— Ну, хорошо, оставимъ эти шутки и возвратимся къ вашему Кишенскому.

— Онъ больше вашъ, чѣмъ мой, подлый Жидъ, котораго я ненавижу.

— Ну, все равно, но дѣло въ томъ что вѣдь ему сотню тысячъ негдѣ было взять чтобы развертывать большія дѣла. Это вы, дитя мое, легкомысленностью увлекаетесь.

— Отчего это?

— Оттого что я оставилъ его два года тому назадъ съ кассой ссудъ въ полтораста рублей, изъ которыхъ онъ давалъ по три цѣлковыхъ Висленеву подъ пальто, да давалъ подъ ваши схимопатическія ряски.

— Ну и что̀ же такое?

— Да вотъ только и всего, неоткуда ему было, значитъ, такъ разбогатѣть. Я согласенъ что съ тѣхъ поръ онъ могъ удесятерить свой капиталъ, но усотерить.

— А онъ его утысячерилъ!

Гордановъ посмотрѣлъ снисходительно на собесѣдницу и улыбаясь, проговорилъ:

— Не говорите, Ванскокъ, такого вздора.

— Это не вздоръ-съ, а истина.

— Что̀ жь это, стало-быть у него, по вашему, теперь до полутораста тысячъ?

— Если не больше, спокойно отвѣтила Ванскокъ.

— Вы сходите съ ума, проговорилъ тихо Гордановъ, снова потягиваясь на диванѣ. — Я вамъ еще готовъ дать пятьдесятъ рублей на вашу богадѣльню, если вы мнѣ докажете что у Кишенскаго былъ источникъ изъ котораго онъ хватилъ капиталъ, на который бы могъ такъ развернуться.

— Давайте пятьдесятъ рублей.

— Скажите, тогда и дамъ.

— Нѣтъ, вы обманете.

— Говорю вамъ что не обману.

— Такъ давайте.

— Нѣтъ, вы прежде скажите откуда Тишка взялъ большой капиталъ?

— Фигурина дала.

— Кто-о-о?

— Фигурина, Алина Фигурина, дочь полицейскаго полковника, который тогда, помните, арестовалъ Висленева.

Гордановъ наморщилъ брови и съ напряженнымъ вниманіемъ продолжалъ допрашивать.

— Что же эта Алина вдова, или дѣвушка?

— Да, она не замужемъ.

— Сирота стало-быть и получила наслѣдство?

— Ничуть не бывало.

— Такъ откуда же у нея деньги? Двѣсти тысячъ что ли она выиграла?

— Отецъ ея награбилъ себѣ денегъ.

— Да вѣдь то отецъ, а она то что же такое?

— Она украла ихъ у отца.

— Украла!

— Что, это васъ удивляетъ? Ну да, она украла.

— Что жь она воровка что ли?

— Зачѣмъ воровка, она до сихъ поръ честная женщина: отецъ ея былъ взяточникъ, и награбивши сто тысячъ, хотѣлъ все отдать сыну, а Алинѣ назначилъ въ приданое пять тысячъ.

— А она украла все!

— Не все, а она раздѣлила честно: взяла себѣ половину.

— Пятьдесятъ тысячъ!

— Да; а другую такую же половину оставила брату просвистывать съ Француженками у Борелей, да у Дононовъ, и конечно сдѣлала это очень глупо.

— Вы бы ничего не оставили?

— Разумѣется, у ея брата есть усы и шпоры, онъ можетъ звякнуть шпорами и жениться.

— А отецъ?

— У отца пенсіонъ, да ему пора ужъ и издохнуть; тогда пенсіонъ достанется Алинкѣ, но она робка....

— Да.... она робка? Гмъ!... вотъ какъ вы нынче рѣжете: она робка!... то-есть не хорошо ему чай наливаетъ что ли?

— Понимайте какъ знаете.

— Ого-го, да вы взаправду здѣсь какія-то отчаянныя стали.

— Когда пропали деньги, виновныхъ не оказалось, продолжала Ванскокъ послѣ маленькой паузы.

— Да?

— Да; люди, прислуга ихъ, сидѣли болѣе года въ острогѣ, но всѣ выпущены, а виновныхъ все-таки нѣтъ.

— Да вѣдь виновная жъ сама Алина!

— Ну старалась, конечно, не дать подозрѣнія.

— Какое тутъ, чортъ, подозрѣніе, ужъ не вы одни объ этомъ знаете! А что же ея отецъ и братъ, отчего же имъ это въ носы не шибнуло?

— Можетъ-быть и шибнуло, но на нихъ узда есть—семейная честь. Ихъ дорогой братецъ вѣдь въ первостепенномъ полку служитъ, и не хорошо же для нихъ, если сестрицу за воровство на Мытной площади къ черному столбу привяжутъ; да и что пользы ее преслѣдовать, денегъ вѣдь ужъ все равно назадъ не получить, деньги у Кишенскаго.

— У Кишенскаго!... Всѣ пятьдесятъ тысячъ у Кишенскаго! воскликнулъ Гордановъ, раскрывъ глаза такъ какъ будто онъ проглотилъ ложку сѣрной кислоты и у него отъ нея внутри все загорѣлось.

— Ну да, не класть же ей было ихъ въ банкъ, чтобы ее поймали, и не играть самой бумагами, чтобы тоже огласилось. Кишенскій ей разрабатываетъ ея деньги—они въ компаніи.

— А-а, въ компаніи, прошипѣлъ Гордановъ.—Но почему же она такъ ему вѣритъ? Вѣдь онъ ее можетъ надуть какъ дуру.

— Спросите ее почему она ему вѣритъ? Я этого не знаю.

— Любвá что ли зашла?

— Даже щенокъ есть.

— Она замужъ за него можетъ-быть собирается.

— Онъ женатъ.

Гордановъ задумался и черезъ минуту произнесъ параллѣвъ. Такъ вы вотъ какіе стали, голубчики! А вы, моя умница, знаете ли что подобныя дѣла-то очень удобно всплываютъ на воду по одной молвѣ?

— Конечно знаю, только что же значитъ бездоказательная молва, когда старикъ признанъ сумашедшимъ, и все его показаніе о пропажѣ пятидесяти тысячъ принимается какъ бредъ сумашедшаго.

— Бредъ сумашедшаго! Онъ сумашедшій?

— Да-а-съ, сумашедшій, а вы что же меня допрашиваете? Мы вѣдь здѣсь съ вами двое съ глаза на глазъ, безъ свидѣтелей, такъ вы не много съ меня возьмете, если я вамъ скажу что я этому не вѣрю, и что вѣрить здѣсь нечему, потому что пятьдесятъ тысячъ были, онѣ дѣйствительно украдены, и онѣ въ рукахъ Кишенскаго, и изъ нихъ уже вышло не пятьдесятъ тысячъ, а сто пятьдесятъ, и что же вы наконецъ изъ всего этого возьмете?

— Но вы сами можете отсюда что-нибудь взять, любезная Ванскокъ! *Вы* можете взять, понимаете? Можете взять благородно, и не для себя, а для бѣдныхъ вашего прихода, которымъ нечего лопать!

— Благодарю васъ покорно за добрый совѣтъ; я пока еще не доносчица, отвѣчала Ванскокъ.

— Но вѣдь васъ же безсовѣстно эксплуатируютъ: себѣ все, а вамъ ничего.

— Что жъ, въ жизни каждый воруетъ для себя. Борьба за существованіе!

— Ишь ты, какая она стала! А вы знаете что вы могли бы облагодѣтельствовать сотни преданныхъ вамъ людей, а такая цѣль, я думаю, оправдываетъ всякія средства.

— Ну, Гордановъ, вы меня не надуете.

— Я васъ не надую!... да, конечно, не надую, потому что вы не волынка чтобы васъ надувать, а я...

— А вы хотѣли бы заиграть на мнѣ какъ на волынкѣ?— Нѣтъ, прошло то время, теперь мы сами съ усами и я знаю чего вамъ отъ меня надобно?

— Что вы знаете? ничего вы не знаете, я хочу перевести силу изъ чужихъ рукъ въ ваши.

— Да, да, да, разказывайте, разводите мнѣ антимонію-то! Вы хотите сорвать куртажъ!

— *Куртажъ*!... Скажите пожалуста какія она слова узнала!...

Вы меня удивляете, Ванскокъ, это все было всегда чуждо вашимъ чистымъ понятіямъ.

— Да, подобные вамъ добрые люди перевоспитали, полно и мнѣ быть дурой, и я поняла что съ волками живучи надо и выть поволчьи.

— Такъ войте жь! Войте! Если вы это понимаете! сказалъ ей Гордановъ, крѣпко стиснувъ Ванскока за руку повыше кисти.

— Что̀ вы это съума что ли сошли? спокойно спросила его, не возвышая голоса, Ванскокъ.

— Живучи съ волками войте поволчьи и не пропускайте то что̀ плыветъ въ руки. Что̀ вамъ далось это глупое слово „доносъ", всѣ средства хороши когда они ведутъ къ цѣли. Волки не церемонятся, и вы съ ними не церемоньтесь, рѣжьте ихъ, душите ихъ, коверкайте ихъ, подлецовъ, воровъ, разбойниковъ и душегубовъ!

— И потомъ?

— И потомъ... чего вы хотите потомъ? Говорите, говорите чего вы хотите?... Или постойте, вы гнушаетесь доносомъ, ну не надо доноса...

— Я думаю что не надо, потому что я ничего не могу доказать и не хочу себѣ за это бѣды.

— Бѣды, положимъ, не могло быть никакой, потому что доносъ можно было сдѣлать безымянный.

— Ну сдѣлайте?

— Но я говорю не надо доноса, а возьмите съ нихъ отсталаго, съ Кишенскаго и Фигуриной.

— Покорно васъ благодарю!

— Вы подождите благодарить! Мы станемъ съ вами дѣйствовать заодно, я буду вамъ большой помощникъ, неподозрѣваемый и незримый.

У Горданова зазвенѣло въ ушахъ и въ головѣ зароился хаосъ мыслей.

Ванскокъ замѣтила что собесѣдникъ ея весь покраснѣлъ и даже пошатнулся.

— Ну и что̀ далѣе? спросила она.

— Далѣе, отвѣчалъ Гордановъ, весь находясь въ какомъ-то туманѣ—далѣе... *мы* будемъ сила, я поведу вамъ ваши дѣла не такъ какъ Кишенскій ведетъ дѣла Фигуриной...

— Вы все заберете себѣ!

— Нѣтъ, клянусь вамъ Богомъ... клянусь вамъ... не знаю чѣмъ вамъ клясться.

— Намъ нечѣмъ клясться.

— Да, это прескверно что намъ нечѣмъ клясться, но я васъ не обману, я вамъ дамъ за себя двойныя, тройныя обязательства, наконецъ.... чортъ меня возьми, если вы хотите, я женюсь на васъ... А! Что̀ вы? Я это взаправду... Хотите я женюсь на васъ, Ванскокъ? Хотите?

— Нѣтъ не хочу.

— Почему? Почему вы этого не хотите?

— Я не люблю ребятишекъ.

— У насъ не будетъ, Ванскокъ, никакихъ ребятишекъ, рѣшительно никакихъ не будетъ, я вамъ даю слово что у насъ не будетъ ребятишекъ. Хотите я вамъ дамъ это на бумагѣ?

— Гордановъ, я вамъ говорю, вы сошли съума.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не сошелъ съума, а я берусь за умъ и васъ навожу на умъ, заговорилъ Гордановъ, чувствуя что вокругъ него все завертѣлось и съ головы его нахлестываютъ шумящія волны какого-то хаоса. Нѣтъ; у васъ будетъ пятьдесятъ тысячъ, они вамъ дадутъ пятьдесятъ тысячъ, охотно дадутъ, и ребятишекъ не будетъ.... и я женюсь на васъ... и дамъ вамъ на бумагѣ... и буду васъ любить... любить....

И онъ, говоря это слово, неожиданно привлекъ къ себѣ Ванскокъ въ объятія и въ то же мгновеніе.... шатаясь отлетѣлъ отъ нея на три шага въ сторону, упалъ въ кресло и тяжело облокотился обѣими руками на столъ.

Ванскокъ стояла посреди комнаты на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ ея обнялъ Гордановъ, маленькая, коренастая фигура Помадной банки такъ прикипѣла къ полу всѣмъ своимъ днемъ, лицо ея было покрыто яркою краской негодованія, вывороченныя губы широко раскрылись, глаза пылали гнѣвомъ и искрились, а руки вытянувшись судорожно замерли въ томъ напряженіи которымъ она отбросила отъ себя Павла Николаевича.

Гордановымъ овладѣло какое-то истерическое безуміе, въ которомъ онъ самъ себѣ не могъ дать отчета, и изъ котораго онъ прямо перешелъ въ безконечную немощь разслабленія. Прелести Ванскокъ здѣсь, разумѣется, были не при чемъ, и Гордановъ самъ не понималъ на чемъ именно онъ тутъ вскипѣлъ и сорвался, но онъ былъ внѣ себя и си-

дѣлъ тяжело дыша и сжимая руками виски до физической боли чтобы отрезвиться и опамятоваться подъ ея вліяніемъ.

Онъ чувствовалъ что онъ теперь становится какой-то припадочный, прежде, когда онъ былъ гораздо бѣднѣе, онъ былъ несравненно спокойнѣе, а теперь, когда онъ уже не безъ нѣкотораго запаса, имъ овладѣваетъ бѣсъ, онъ не можетъ отвѣчать за себя. Такъ чѣмъ рана ближе къ заживленію, тѣмъ она сильнѣе зудитъ, потому-то Гордановъ и хлопоталъ скорѣе закрыть свою рану чтобы снова не разодрать ее въ кровь своими собственными руками.

Душа его именно зудѣла и онъ весь былъ зудъ,—этого состоянія Ванскокъ не понимала. Справедливость требуетъ сказать что Ванскокъ все-таки была неплохая женщина, и если не все, то нѣчто во всей только что происшедшей сценѣ она все-таки приписывала себѣ.

Это ей должно простить, потому что ей былъ уже не первый снѣгъ на голову; на ея житейскомъ пути встрѣчались любители куріозовъ, для которыхъ она успѣла представить собою интересъ, но Ванскокъ была истая весталка, весталка у которой не даромъ для своей репутаціи могла бы поучиться твердости восторженная Норма.

IV. Бой тарантула съ ехидной.

Тягостное молчаніе этой сцены могло бы длиться очень долго, еслибъ его первая не прервала Ванскокъ. Она подошла къ Гордanову и желая взять деньги, коснулась его руки подъ которою до сихъ поръ оставалась ассигнація.

Гордановъ оглянулся.

— Что вамъ отъ меня нужно? спросилъ онъ.—Ахъ, да.... ваши деньги... Ну извините, вы ихъ не заслужили, и съ этимъ Павелъ Николаевичъ, едва замѣтно улыбнувшись, сжалъ въ рукѣ билетъ и сунулъ его въ жилетный карманъ.

Ванскокъ повернулась и пошла къ двери, но Гордановъ не допустилъ ее уйти, онъ взявъ ее за руку и остановилъ.

— Скажите, вы этого не ожидали? заговорилъ онъ съ нею въ шутливомъ тонѣ.

— Чего? Того что вы захватите мои деньги? Отчего же? Я отъ васъ рѣшительно всего ожидаю.

— И вотъ вы и ошиблись; я, къ сожалѣнію, на очень многое еще неспособенъ.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ! что̀ „напримѣръ?“ напримѣръ пате вамъ ваши деньги.

Ванскокъ протянула руку и взяла скомканную и перекомканную ассигнацію и сказала: прощайте!

— Нѣтъ, теперь опять скажите ожидали вы или нѣтъ что я вамъ отдамъ деньги? настаивалъ Гордановъ, удерживая за руку Ванскокъ. — Видите какъ я добръ! Я вѣдь могъ бы выпустить васъ на улицу, да изъ окна опять назадъ ломанить, и вы бы вернулись.

— Разумѣется вернулась бы, деньги нужны.

— Да; ну да ужь Богъ съ вами, берите.... Что̀ вы на меня остервенились какъ чортъ на лопа? Не опасайтесь, это не фальшивыя деньги, я на это тоже неспособенъ.

— А почему бы?

— Такъ, потому почему вы не понимаете.

— Я бы то гораздо скорѣй поняла: прямой вредъ правительству.

— Трупла, трупла, дружище Ванскокъ, велика нужна, спеціалисты нужны!

— Ну, такъ что̀ же такое? Людей набрать не трудно всякихъ, и граверовъ и химиковъ.

— А поластся съ ними еще легче. Нѣтъ, милая дѣвица, я и вамъ на это своего благословенія не даю.

— А между тѣмъ Поляки и Жиды прекрасно это ведутъ.

— Да; то Поляки и Жиды, они уже такъ къ этому пріучены цѣлесообразнымъ воспитаніемъ: они возьмутся за дѣло, такъ однимъ дѣломъ тогда и занимаются, и не спорятъ какъ вы что̀ честно и что̀ безчестно, да и они попадаются, а вы рыхлятина, вы на всемъ переспоритесь и перессоритесь, да и потомъ все это вздоръ, который годенъ только въ маломъ хозяйствѣ.

— Я что-то этого не понимаю.

— Такъ ужь вы значитъ устроены чтобы не понимать. Это, голубь мой сизокрылый, экономическій законъ, въ маломъ хозяйствѣ многое выгодно что̀ въ большомъ не годится. Вы сами знаете, деревенскій мальчишка продаетъ кошкодаву кошку за пятачекъ, это и ему выгодно, и кошкодаву выгодно; а вы вонъ съ своими кошачьими заводами „на разумныхъ началахъ“ въ снѣгъ сѣли. Такъ тоже наши мужичонки изъ навоза селитру дѣлаютъ, деготь сидятъ, липу дерутъ, и все

это имъ выгодно, потому что все это дѣло мужичье, а настоящій аферистъ изъ другаго круга за это не берется, а возьмется, такъ провалится. И на что, на кого дьявола вамъ фальшивыя деньги, когда экспедиція бумагъ вамъ настоящихъ сколько угодно заготовитъ, только умѣйте забирать. А вотъ вы, вижу, до сихъ поръ брать-то еще не мастерица.

— Нѣтъ, знаете, это хорошо брать какъ есть гдѣ.

— Да, вотъ вамъ еще хочется чтобы вамъ разложили деньги! А вы чего вотъ о сю пору глядите, а не берете что я вамъ даю?

Онъ бросилъ билетикъ на столъ, и Васькокъ его подняла.

— У васъ много теперь голодной братіи? заговорилъ снова Гордановъ.

— Сколько хотите; всѣ голодны.

— И что же, способные люди есть между ними?

— Еще бы!

— Кто же это напримѣръ изъ способныхъ?

— Хоть напримѣръ Іосафъ Висленевъ.

— Ага! Іосафушка.... а онъ способный?

— А вы какъ думаете?

— Да, онъ способный, способный, отвѣчалъ Гордановъ, думая про себя совсѣмъ иное.

— Но отчего же онъ такъ бѣдствуетъ?

— Оттого что онъ честенъ.

— Это значитъ:

Милый другъ, я умираю,
Оттого что я былъ честенъ,
И за то родному краю
Буду вѣрно я извѣстенъ.

— Что же, это прекрасно! А онъ гдѣ служитъ?

— Висленевъ не можетъ служить.

— Ахъ, да! онъ компрометтированъ,—значитъ дуракъ.

— Нѣтъ не потому; онъ это считаетъ за подлость.

— Вотъ какъ! и гдѣ же онъ пробавляется! Неужто все еще до сихъ поръ чужое молоко и чужихъ селедокъ ѣстъ?

— Онъ пишетъ.

— Оды въ честь прачекъ, или романы объ устройствѣ школъ?

— Нѣтъ, онъ романовъ не пишетъ.

— Слава Богу; а то я что-то читалъ дурацкое - предурацкое: романъ, гдѣ какой-то компрометтированный герой школу

въ банѣ заводитъ и потомъ его за то вся деревня будто столь возлюбила что хочетъ за него „цѣлому міру рожу расквасить“—такъ и думалъ: ужь это не Ясафушка ли нашъ сочинялъ? Ну а онъ что же такое пишетъ?

— Обозрѣнія.

— Да, разъясняетъ значеніе фактовъ; ну это не по немъ. Что жь, платятъ что ли ему не ладно, что онъ такъ разкованъ?

— Все скверно, какая же у насъ теперь литература? Ни съ кѣмъ ужиться нельзя.

— Вѣрно все русское направленіе гадитъ?

— А вы даже и надъ этою мерзостью можете шутить?

— Да отчего же не шутить-то? Отчего же не шутить-то, Ванскокъ?

— Ну не знаю: я бы лучше всѣхъ этихъ съ русскимъ направленіемъ передушила.

— А между тѣмъ вѣдь и Пугачевъ, и Разинъ также были русскаго направленія, и Ванька Каинъ тоже, и смоленскій Трошка тоже! Что, какъ вы объ этомъ думаете?.... Эхъ вы ягнята, ягнята бѣдные! Хотите быть командирами, силой, а брезгливы какъ старовѣрческая игуменья: изъ одной чашки съ міряниномъ воды пить не станете! Стыдитесь, господа *сила*,—васъ этакъ всякое безсилье одолѣетъ. Нѣтъ, вы дѣйствуйте *органически* вразсыпную, — всякъ самъ для себя, и тогда вы одолѣете міръ. Понимаете: *всякъ для себя*. Прежде всего и паче всего прочь всякій принципъ, долой всякое убѣжденіе. Оставьте все это глупымъ идеалистамъ „страдать за вѣру“. Повѣрьте что все это гиль, все гиль, съ которою пропадешь ни за грошъ. Идеалистамъ пропадать, разумѣется, вздоръ; ихъ лупи, а они еще радуются, а вѣдь вы, я полагаю....

— Я конечно не хочу чтобы меня лупили, перебила живо Ванскокъ.

— Ну вотъ въ томъ и штука капитана Кука,—надо чтобы мы ихъ лупили, и будемъ лупить, а они пусть тогда у насъ подъ кнутомъ классически орутъ: O, quam est dulce et decorum pro patria mori! Борьба за существованіе, дружокъ, не то что борьба за лягушку. Ага! борясь за существованіе надо.... не останавливаться ни предъ чѣмъ.... не только предъ доносомъ, но.... даже предъ клеветой! Что, небось ужасно? А Мазепа такъ не думалъ, тотъ не ужасался, и видя измѣну, писалъ нашему Пётринкѣ:

И видитъ Богъ, не зная свѣта,
Я, бѣдный гетманъ, двадцать лѣтъ
Служу тебѣ душою вѣрной,

а между тѣмъ и честно и безчестно, „вредилъ всѣмъ недругамъ своимъ“. Откуда же у васъ, дружище Ванскокъ, до сихъ поръ еще эта сентиментальность?.. Дивлюсь! Вы когда-то были гораздо смѣлѣе. Когда-то Подозерова вы разъ стерли, ба! вотъ и хорошо что вспомнилъ, вѣдь вы же на Подозерова клеветали что онъ шпіонъ?

— Да я это съ вашихъ словъ говорила.

— Неправда, съ Висленевскихъ, но это все равно: чѣмъ же клевета лучше правдиваго доноса?

— Да я на такого какъ Подозеровъ могу сдѣлать и доносъ.

— Такъ въ чемъ же тутъ разница: стало-быть въ симпатіи? Одинъ вамъ милѣе другаго, да?

— Нѣтъ, вы этого не понимаете: Кишенскій и Линка это свѣжія раны....

— Что-о тако-о-е?

— Свѣжія раны.... Зачѣмъ шевелить свѣжія раны? Подозеровъ всегда былъ противъ насъ, а эти были наши и не отлагались.... это свѣжая рана!

Гордановъ посмотрѣлъ ей въ глаза и сохраняя наружное спокойствіе, засмѣялся неудержимымъ внутреннимъ смѣхомъ.

Ванскокъ съ своею теоріей „свѣжихъ ранъ“ открывала Горданову цѣлую новую еще не эксплуатированную область, по которой скачи и пѣсись куда знаешь, твори что̀ выдумаешь, говори что̀ хочешь, и у тебя вездѣ со всѣхъ сторонъ будетъ тучный злакъ для коня и дорога скатертью, а вдали на чертѣ горизонта тридцать девять разбойниковъ всегда готовые въ помощь сороковому.

— Да, да, Ванскокъ, вы побѣдили меня, сказалъ Гордановъ.— *Свѣжія раны*.... вы правы, — все это дѣйствительно свѣжія раны.... Дѣйствительно надо все прощать, надо все забывать и свѣжихъ ранъ не трогать... Вы правы, вы правы, я этого не понималъ.

— Да вѣдь этого и всѣ съ перваго раза не понимали даже и я тоже не понимала. Я тогда гувернанткой жила, и когда мнѣ писали туда что это здѣсь принято, и я тоже на всѣхъ злилась и не понимала, а потомъ поняла.

— Ну, вотъ видите, это взаправду не такъ просто!

— Да, я говорю что намъ никакъ нельзя отъ Петербурга отрѣшаться.

— А вы долго были гувернанткой?

— Да, цѣлую зиму.

— И бросили?

— Да меня сюда вызвали нѣкоторые изъ нашихъ,—писали что выгодное дѣло есть, но только это вышло вздоръ.

— Надули?

— Да, дѣла не было, — они просто для своихъ выгодъ меня выписали, чтобы посылать меня туда да сюда.

— Вотъ канальи! и вы имъ за это ничего?

— Все, батюшка, свѣжія раны, но главное меня раздосадовало что подлецъ Кишенскій меня на это мѣсто послалъ, а я пріѣхала и узнала что онъ себѣ за коммиссію взялъ больше половины моего жалованья и не сказалъ мнѣ.

— Ишь какая тварь! Ну вы его, разумѣется, отзвонили и деньги отобрали?

— Ничего я не отзвонила, потому что онъ нынче держитъ Нѣмца лакея, ужаснаго болвана, которому онъ только кивнетъ, и тотъ сейчасъ выпроводитъ: уже такіе примѣры были и съ Паливодовой и съ Ципри-Кипри, а денегъ онъ мнѣ не отдалъ потому что, говоритъ, „вамъ больше не слѣдуетъ“.

— Да какъ же не слѣдуетъ?

— Такъ, не стóитъ, говоритъ больше, да еще нагрубилъ мнѣ и надерзилъ.

Гордановъ тронулъ Ванскокъ за руку и улыбнувшись, покачалъ укоризненно головой.

Ванскокъ не поняла этого киванья и освѣдомилась: въ чемъ дѣло?

— На что же это опять старыя перья показывать! Что это за слово „надерзилъ“?

— А какъ же надо сказать?

— „Наговорилъ дерзостей.“

— Зачѣмъ же два слова вмѣсто одного? Впрочемъ вѣдь вы поняли, такъ стало-быть слово хорошо, а что до Кишенскаго, то Висленевъ даже хотѣлъ было его за меня въ газетахъ пролечатать, но я не позволила: зачѣмъ возбуждать!

— Свѣжая рана?

— Конечно, свѣжая рана,—и такъ уже много всякой дряни выплываетъ наружу, а еще какъ если мы сами станемъ себя разоблачать, тогда...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, какъ это можно! Не надо этого: раны въ самомъ дѣлѣ очень свѣжи.

— То-то и есть; гласность эта такая штука съ которою надо быть осторожнымъ.

— Именно, Ванскокъ, именно надо быть осторожнымъ, а еще лучше чтобъ ее совсѣмъ вывесть, чтобъ ее, по старинному, вовсе не было, чтобы свѣжихъ-то ранъ не будоражить и не шевелить, а всѣхъ бы этихъ и щелкоперовъ-то по боку, да къ чорту!

— Я то же и сама такъ думала, и оно бы очень не трудно, да Катенскій находитъ что они не вредятъ: онъ самъ издалъ одинъ патріотическій романъ, и самъ его въ одной газетѣ ругалъ, а въ другой—хвалилъ, и нажилъ деньги.

— Пожалуй, что онъ вѣдь и правъ.

— А конечно! а что общество читаетъ, такъ вѣдь оно все читаетъ, какъ помеломъ промететъ и позабудетъ.

— Правъ, правъ каналья Катенскій, правъ.

— Да, онъ умный и имъ надо дорожить, онъ тоже говорилъ что гласность совсѣмъ уничтожить уже нельзя, а хорошо вотъ еслибы побольше нашихъ шли въ цензурное вѣдомство. Катенскій ведетъ дѣло по двойной бухгалтеріи—это такъ и называется „по двойной бухгалтеріи.“ Онъ приплелся разомъ къ тремъ разнымъ газетамъ и въ каждой строчитъ въ особомъ направленіи, и сводитъ все къ одному: онъ чужимъ поддастъ, а своимъ сбавитъ гдѣ нужно, а гдѣ нужно, наоборотъ.

— Вотъ какъ ловко!

— Да это оказалось очень практично.

— Да какъ же-съ не практично. Ахъ онъ, чортъ его возьми! воскликнулъ Гордановъ.—Да онъ послѣ этого дѣйствительно дока!

— А я вамъ говорила. Но впрочемъ и ему не все удается. У него тоже есть свои жидовскія слабостишки: щенятокъ своихъ любитъ и Алинку хочетъ за кого-нибудь замужъ перевѣнчать, да вотъ неудается.

— Ага! А вѣдь она, выйдя замужъ, и еще получила бы часть?

— Конечно, да неудается-съ, и щенятъ нельзя усыновить. Вотъ женитесь вы на ней, Гордановъ!

— Вы съума сошли, Ванскокъ!

— А что же такое? Она вамъ пять тысячъ дастъ.

— Другъ мой, у меня у самаго есть пять тысячъ.

— А зачѣмъ же вы на мнѣ хотѣли жениться?

Гордановъ засмѣялся и сказалъ: это par amour.

— Вы врете, Гордановъ.

— Да, вру, вру, именно вру, Ванскокъ, но вы конечно не станете никому объ этомъ разказывать, потому что иначе я отъ всего отрекусь, да и Кишенскому не говорите какъ я шутилъ чтобы вывести его на свѣжую воду.

— Къ чему же я это стану говорить?

— Молодецъ вы, благодарная Ванскокъ! Давайте вашу лапу!

И Павелъ Николаевичъ съ чувствомъ сжалъ грязноватую руку дѣвушки и добавилъ:

— Я и теперь съ вами шучу, скажите ему все; скажите какъ Гордановъ одичалъ и оглупѣлъ внѣ Петербурга; я даже и самъ ему все это скажу и не скрою что вы мнѣ, милая Ванскокъ, открыли великія дѣла, и давайте вмѣстѣ устраивать Висленева.

— Его непремѣнно надо устроить.

— И вотъ вамъ на то моя рука что это будетъ сдѣлано. Запишите мнѣ его адресъ.

Ванскокъ взяла карандашъ, нацарапала куринымъ почеркомъ маршрутъ, по которому великодушная дружба Гордановa должна была отыскать злополучнаго Висленева, и затѣмъ гостья и хозяинъ начали прощаться, но Гордановъ вдругъ что-то вспомнилъ и пріостановилъ Ванскокъ, когда та уже надѣла на свою скобочку свой форейторскій шлычокъ.

— Вотъ что! сказалъ онъ въ раздумьи,—не хотите ли съ меня еще взятку! У меня бывали въ рукахъ разныя польскія переписки и я кое-что списалъ. Вотъ тутъ у меня они всѣ подъ рукой, вотъ въ этой шкатулкѣ. Хотите передайте ихъ Висленеву.

— Зачѣмъ?

— На ихъ основаніи можно построить прекрасныя статьи. За это деньги дадутъ.

— Давайте я отвезу.

— Только разумѣется не говорить отъ кого?

— Еще бы!

— Ну, такъ очень радъ.

И съ этимъ Гордановъ досталъ изъ-подъ дивана большую желтую шкатулку, какія дѣлаютъ для перевоза крахмальныхъ

рубашекъ, и вручилъ ее Ванскокъ, которая приняла ее и согнулась.

— Что?

— Тяжело, отвѣчала Ванскокъ.

— Да, бумага тяжела.

— Ну, да ничего!

И Ванскокъ, перехвативъ половчѣе шкатулку, закинулась всѣмъ тѣломъ назадъ и поплыла внизъ по лѣстницѣ.

Черезъ минуту Гордановъ услыхалъ чрезъ открытое окно какъ Ванскокъ, напирая на букву *ш*, выкрикивала:

— Извошшикъ! Извошшикъ!

Павелъ Николаевичъ весело разсмѣялся и свѣсясь въ окно смотрѣлъ какъ къ Ванскокъ, стоявшей на тротуарѣ, подкатила извощичья линейка.

Ванскокъ сторговалась и потомъ сказала:

— Ну-съ, а теперь вы, извошшикъ, держите хорошенько вотъ этотъ яшшикъ!

Гордановъ такъ и залился самымъ беззаботнымъ, ребяческимъ смѣхомъ, глядя какъ Ванскокъ ползла, умащивалась и помѣщала свой „яшшикъ“.

— Ecoutez! закричалъ онъ сквозь смѣхъ.—Ecoutez moi!

— Ну что тамъ еще? Я уже сѣла.

— Voulez vous bien répéter?

— Что? Что такое? сердилась внизу Ванскокъ.

— „Извошшикъ и яшшикъ“, передразнилъ ее Гордановъ и показавъ ей языкъ, поднялся и затворилъ окно.

Ванскокъ, треща на линейкѣ, укатила.

Павелъ Николаевичъ заперъ дверь и метнувшись изъ угла въ уголъ, остановился у стола.

„Чортъ возьми“! подумалъ онъ, „и въ словахъ этой дуры есть своя правда. Нѣтъ; нельзя, нельзя отрѣшаться отъ Петербурга! „Свѣжія раны“! О, какая это чертовски полезная штука! Поусердствуйте, друзья, „свѣжимъ ранамъ“, поусердствуйте пока васъ на это хватитъ!“

И съ этимъ Гордановъ сталъ скоро раздѣваться и не зажигая свѣчи легъ въ постель, но не заснулъ, его долго, долго давилъ и терзалъ злой демонъ — его дальновидность. Онъ зналъ что вѣрны одни лишь прямые ходы и что ихъ только можно повторять, а все фокусное дѣйствуетъ только до тѣхъ поръ пока оно не разоблачено, и этотъ демонъ шепталъ Пав-

лу Николаевичу что тутъ ничто не можетъ длиться долго, что весь фейерверкъ скоро вспыхнетъ и зачадитъ, а потому надо быстро сдѣлать ловкій курбетъ, пока еще держатся остатки старыхъ привычекъ къ кучности и „свѣжія раны“ даютъ тѣнь, за которою можно предъ одними передернуть карты, а другимъ зажать ротъ.

V. Послѣдній изъ Могиканъ.

Висленевъ въ это время жилъ въ одномъ изъ тѣхъ громадныхъ домовъ Невскаго Проспекта гдѣ, какъ говорится, чего хочешь, того просишь: здѣсь и роскошные магазины, и депо, и мелочная лавка, и французскій ресторанъ, и грѣческая кухмистерская восточнаго человѣка Трифандоса, и дорогіе ложементы съ парадныхъ входовъ на улицу, и сходныхъ цѣнъ нищейскія стойла въ глубинѣ черныхъ дворовъ. Населеніе здѣсь столь же разнообразно какъ и помѣщенія подобныхъ домовъ: тутъ живутъ и дипломаты, и ремесленники, и странствующія монахини, и погибшія созданія, и воры, и несчастнѣйшій классъ петербургскаго общества, мелкіе литераторы, попавшіе на литературную дорогу по неспособности стать ни на какую другую и тянущіе по ней свою горе-горькую жизнь каликъ перехожихъ.

Житье этихъ несчастныхъ поистинѣ достойно глубочайшаго состраданія. Эти люди бо́льшею частію не принесли съ собою въ жизнь ничего, кромѣ тупаго ожесточенія, воспитаннаго въ нихъ завистію и нуждой, среди которыхъ прошло ихъ печальное дѣтство и сгорѣла, какъ нива въ бездождіе, короткая юность. Въ ихъ душахъ какъ и въ ихъ наружности всегда есть что-то напоминающее замореныхъ въ щенкахъ собакъ, они безсильны и злы,—злы на свое безсиліе и безсильны отъ своей злости. Привычка видѣть себя заброшенными и никому ни на что не нужными развиваетъ въ нихъ алчную, неломѣрную зависть, непостижимо возбуждаемую всѣмъ на свѣтѣ, и къ тому есть конечно свои основанія. Та бѣдная дѣвушка которая, живя о бокъ квартиры такого сосѣда, достаетъ себѣ хлѣбъ позорною продажей своихъ ласкъ, и та, кажется, имѣетъ въ своемъ положеніи нѣчто болѣе прочное: однажды посягнувшая на свой позоръ, она по

крайней мѣрѣ имѣетъ за собою преимущество готоваго запроса, за нее природа съ ея неумолимыми требованіями и разнузданность общественныхъ страстей. У бѣднаго же писаки, перебивающагося строченіемъ различныхъ мелочей, нѣтъ и этого: въ его положеніи мало быть готовымъ на позорную торговлю совѣстью и словомъ, на его спекуляцію часто нѣтъ спроса, и онъ долженъ постоянно самъ спекулировать на сбытъ своего писанія. Отсюда и идетъ всякое вѣроятіе превосходящая ложь, продаваемая въ самыхъ крупныхъ дозахъ за самую дешевую цѣну.

Висленевъ въ эту пору своей несчастной жизни былъ рангомъ повыше описанныхъ бѣдныхъ литературныхъ парієвъ, и на десять степеней ихъ несчастнѣе. Какъ Гордановa преслѣдовали его призраки, такъ были свои призраки и у Висленева. Онъ не могъ спуститься до самыхъ низменностей того слоя къ которому пришибли его волны прибоя и отбоя. Сила родныхъ воспоминаній, вліяніе привычекъ дѣтства и власть семейныхъ преданій, сказывавшихся въ немъ противъ его воли неодолимою гадливостію къ грязи, въ которой какъ въ родной имъ средѣ копошатся другіе, не допускали Висленева до слокойнаго пренебреженія къ доброму имени людей и къ ихъ спокойствію и счастію. Висленевъ могъ быть неразборчивымъ въ вопросахъ теоретическаго свойства, но буржуазной гадости онъ не переносилъ. Онъ по своему воспитанію и образованію былъ гораздо болѣе приспособленъ къ литературнымъ занятіямъ, чѣмъ большинство его собраній по ремеслу. Относительная разборчивость въ средствахъ вредила Висленеву на доступномъ ему литературномъ рынкѣ, онъ не могъ поставлять массы дешеваго базарнаго товара, и за дешево же заготовлялъ произведенія болѣе крупныя, которыя, въ его по крайней мѣрѣ глазахъ, были достойными всеобщаго вниманія. Мы видѣли что на одно изъ нихъ „о провинціальныхъ нравахъ“ Висленевъ даже дѣлалъ ссылку предъ Гордановымъ, это было то самое произведеніе о которомъ послѣдній отозвался извѣстнымъ стихомъ:

Читалъ, и духомъ возмутилося
Зачѣмъ читать учился.

На самомъ же дѣлѣ Гордановъ уже немножко зло выразился о писаніи своего пріятеля: статьи его съ многосоставными заглавіями имѣли свои достоинства. Самъ редакторъ, ко-

тому Висленевъ поставлялъ эти свои произведенія, смотрѣлъ на них какъ на куншткн, но принималъ ихъ и печаталъ, находя что они годятся.

Продолжительное кривлянье имѣетъ два роковые исхода: для людей искренно заблуждающихся, оно грозитъ потерей смысла и способности различать добро отъ зла въ теоріи, а для другихъ, потерей совѣсти. Висленевъ, защищаемый домашними привычками, попалъ въ первую категорію и за то особенно много потерялъ въ житейскихъ интересахъ. Ему, литератору съ университетскимъ образованіемъ, литература давала вдесятеро менѣе, чѣмъ дѣятелямъ ходившимъ въ редакціи съ карманною книжечкой „объ употребленіи буквы Ѣ". Заработокъ Висленева почти равнялся тому казенному жалованью котораго, по словамъ Сквозника-Дмухановскаго, едва достаетъ на чай и сахаръ. Висленевъ много добросовѣстнѣйшаго труда полагалъ въ свою недобросовѣстную и тяжкую работу, задача которой всегда состояла въ томъ чтобы изъ данныхъ давшихъ одинъ выводъ путемъ правильнаго съ ними обращенія, сдѣлать, посредствомъ теоретической лжи и передержекъ, выводъ свойства противоположнаго.

Къ тому же, на горе Висленева, у него были свои привычки, онъ не могъ ѣсть бараньихъ пилавовъ въ греческой кухмистерской восточнаго человѣка Трифандоса и заходилъ перекусить въ ресторанъ; онъ не могъ спать на продырявленномъ клеенчатомъ диванѣ подъ звуки безконечныхъ споровъ о развѣтвленіяхъ теорій, а чувствовалъ влеченіе къ своей кроваткѣ и къ укромному уголку, въ которомъ можно бы, если не успокоиться, то по крайней мѣрѣ забыться.

Это сибаритство не скрывалось отъ его собратій, и Висленевъ нѣкоторе время терпѣлъ за это опалу, но потомъ, съ быстрымъ, но повсемѣстнымъ развитіемъ практичности, это ему было прощено, и онъ работалъ, и неустанно работалъ, крѣпясь и вѣруя что литература для него только прелюдія, но что скоро слова его примутъ плоть и кровь, и тогда... При этомъ онъ подпрыгивалъ и почесавъ затылокъ, хватался за свою работу съ сугубымъ рвеніемъ, за которымъ часто не чувствовалъ жестокой тяжести въ омраченной головѣ и гнетущей боли въ груди.

Къ такому положенію Висленевъ уже привыкъ, да оно вправду не было уже и тяжко въ сравненіи съ тѣмъ когда онъ, по

возвращеніи въ Петербургъ, питался хлѣбами добродѣтельной Банскокъ. Висленевъ даже могъ улучшить свое положеніе, написавъ сестрѣ, которой онъ уступилъ свою часть, но ему это никогда не приходило въ голову даже въ то время когда его питала Банскокъ, а теперь..... теперь самый жизнелюбивый человѣкъ могъ бы свободно поручиться головой что Висленевъ такъ и дойдетъ до гроба по своей прямой линіи, и онъ бы и дошелъ, еслибы.... еслибы онъ не потребовался во всесожженіе другу своему Павлу Николаевичу Горданову.

VI. Гордановъ даетъ шахъ и матъ Іосафу Висленеву.

Чорный день подкрался къ Іосафу Платоновичу нежданно и негаданно, и притомъ же день этотъ былъ весь съ начала до конца такъ лучезарно свѣтелъ что никакая дальнозоркость не могла провидѣть его черноты.

Въ этотъ день Іосафъ Платоновичъ всталъ въ обыкновенное время, полюбовался въ окно горячимъ и искристымъ блескомъ яркаго солнца на колокольномъ крестѣ Владимірской церкви, потомъ вспомнилъ что это стыдно, потому что любоваться ничѣмъ не слѣдуетъ, а тѣмъ паче крестомъ и солнцемъ, и сѣлъ на софу за преддиванный столикъ, исправлявшій должность письменнаго стола въ его чистой и уютной, но очень, очень маленькой комнаткѣ.

Все было въ самомъ успокоительномъ порядкѣ; стаканъ кофе стоялъ на столѣ, дымясь между высокихъ грудъ газетъ, какъ пароходикъ приставшій на якорь въ бухту, окруженную высокими скалами. И какія это были очаровательныя скалы! Это были груды газетъ съ громаднымъ подборомъ самыхъ разнорѣчивыхъ статей по одному и тому же предмету, направо были тѣ по которымъ дѣло выходило бѣлымъ, налѣво тѣ по которымъ оно выходило чорнымъ. Висленевъ, помощью крапа и сыпныхъ очковъ, готовился съ чуствомъ и съ любовью доказать что черное бѣло и бѣлое черно. Это была его спеціальность и его *пассія*.

Но прежде чѣмъ Висленевъ допилъ свой стаканъ кофе и взялся за обработку крапа и очковъ въ колодѣ, предложенной ему на сегодняшнюю игру, ему прыгнулъ въ глаза маленькій,

неопрятно задѣланный и небрежно надписанный на его имя пакетикъ.

Висленевъ, грызя сухарь, распечаталъ конвертъ и прочелъ: „Примите къ свѣдѣнію, еще одна подлость: Костька Оболдуевъ, при всемъ своемъ либерализмѣ, онъ женился на Форофонтьевой и взялъ за нею въ приданое восемьдесять тысячъ. Пишу вамъ объ этомъ со словъ Роговцова, который заходилъ ко мнѣ ночью нарочно по этому дѣлу. Утромъ иду требовать взносъ на общее дѣло и бѣднымъ Полякамъ. Завтра поговоримъ. Анна Скокова."

Висленевъ повернулъ два раза въ рукахъ это письмо Ванскокъ и хотѣлъ уже его бросить, какъ горничная квартирной хозяйки подала ему другой конвертъ, надписанный тою же рукой и только что сію минуту полученный.

„Я задыхаюсь, писала отвратительнѣйшимъ почеркомъ Ванскокъ. Я сама удостовѣрялась обо всемъ: все правда, мнѣ ничего не дали на общее дѣло, но этого мало: знайте и вѣдайте что Оболдуевъ обломалъ дѣла, онъ забралъ не только женины деньги, но и деньги свояченицы, и на эти деньги будетъ.... издаваться газета съ русскимъ направленіемъ! Бросьте сейчасъ работу, бросьте все и бѣгите ко мнѣ, мы должны говорить! P. S. Кстати я встрѣтила очень трудное мѣсто въ переводѣ. Кунцевичъ „canonisé par le Pape" я перевела что Іосафъ Кунцевичъ былъ разстрѣлянъ папой, а въ сегодняшнемъ нумерѣ читаю уже это иначе. Что это за самопроизволъ въ вашей редакціи? Попросите чтобы моими переводами такъ не распоряжались."

Висленевъ сложивъ оба письма вмѣстѣ и написавъ Ванскокъ что онъ не можетъ спѣшить ей на помощь, потому что занятъ работой, сѣлъ и начерталъ въ заголовкѣ: „Васпле-темповскія тенденціи современныхъ москворѣцко-застѣнковыхъ философо-сыщиковъ". Но онъ далѣе не продолжалъ, потому что въ двери его съ шумомъ влетѣла маленькая Ванскокъ и зачастила:

— Получили вы оба мои письма? Да?

— Да, получилъ, отвѣчалъ спокойно Висленевъ.

— Все это отмѣняется! воскликнула Ванскокъ, бросая въ уголъ маленькій сакъ съ привязанною къ нему вмѣсто ручекъ веревочкой.

— Ничего не было?

— Нѣтъ, напротивъ, все было; рѣшительно все было, но

представлены доказательства, такъ что это надо обсудить здѣсь; знаете о чемъ идетъ дѣло?

Висленевъ качнулъ отрицательно головой.

– Русское направленіе въ модѣ.

— Ну-съ?

— За него будутъ собирать деньги и обращать ихъ на общее дѣло. Я нахожу что это честно.

Висленевъ молчалъ.

— И потомъ, продолжала Ванскокъ,—явится знаете кто?

Висленевъ сдѣлалъ опять знакъ что не знаетъ.

— Не догадываетесь?

— Не догадываюсь же, не догадываюсь.

Ванскокъ подошла къ окну и на потномъ стеклѣ начертала перстомъ: „с-у-п-с-и-д-і-я.“

— Буки, проговорилъ Висленевъ.

— Нѣтъ не буки, а это вѣрно.

— Буки, буки, а не покой.... понимаете, не супсидія, а субсидія.

— А, вы объ этомъ? Все это вздоръ. Итакъ, будетъ дана субсидія, и мы все это повернемъ въ пользу общаго дѣла, и потому вредить этому не надо.

— Васъ надуваютъ, Ванскокъ.

— Очень можетъ быть, я даже и сама увѣрена что надуваютъ, но по крайней мѣрѣ такъ говорятъ, и потому надо этому помогать, а къ тому же есть другая новость: возвратился Гордановъ и онъ теперь здѣсь и кается.

Висленевъ принялъ эту новую вѣсть не дружелюбно, но нѣсколько замѣчаній сдѣланныхъ Ванскокомъ насчетъ необходимости всяческаго снисхожденія къ свѣжимъ ранамъ, и кипа бумагъ вынутыхъ изъ саквояжа и представленныхъ Ванскокомъ Висленеву, какъ подарокъ въ доказательство дружественнаго расположенія Горданова къ Висленеву, произвели въ умѣ послѣдняго впечатлѣніе миролюбиваго свойства. Висленевъ, освободясь отъ довольно продолжительнаго визита Ванскокъ, тотчасъ же углубился въ чтеніе бумагъ принесенныхъ ему отъ Горданова. Подарокъ пришелъ Висленеву какъ нельзя болѣе по сердцу, и онъ не могъ отъ него оторваться до самаго вечера. Онъ не оставилъ бы свои занятія и вечеромъ, если бы его часу въ восьмомъ не посѣтилъ жилецъ сосѣдней компаты, Ѳеоктистъ Меридіановъ, маленькій желтоволосый чело-

вѣчекъ, поставляющій своеобразныя беллетристическія бездѣлки для маленькой газеты съ скандальной репутаціей.

Ѳеоктистъ Меридіановъ вошелъ къ Висленеву безъ доклада и безъ салоговъ; тихо какъ котъ подошелъ онъ въ мягкихъ кимерскихъ туфляхъ къ углубленному въ чтеніе Висленеву и произнесъ: здравствуйте, любезный сосѣдъ по имѣнію.

Висленевъ вздрогнулъ и немножко встревоженно спросилъ: что вамъ угодно?

Ѳеоктистъ Меридіановъ хрипло захохоталъ и лѣнивнувъ на диванъ противъ Висленева, отвѣчалъ:

— Вотъ какой вонъ-тонъ: „что вамъ угодно?“ А мнѣ ничего отъ васъ, сударь мой, не угодно, продолжалъ онъ, кряхтя, смѣясь и щурясь; я такъ, совсѣмъ такъ... освѣдомиться все ли въ добромъ здоровьи мой сосѣдъ по имѣнію, Іосафъ Платонычъ Висленевъ, и болѣе ничего.

— А-а, ну спасибо вамъ, а я зачитался и не сообразилъ.

— Что же это вы читаете?

— Очень интересныя бумаги по польскому дѣлу.

— Это „щелчокъ“ что ли вамъ приволокъ?

— Какой щелчокъ? спросилъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ Висленевъ.

— Да вотъ эта стрижка-ерыжка, какъ вы ее называете?

— Ванскокъ!

— Ну Ванскокъ, а я все забываю, да зову ее „щелчокъ“, да это все равно. Я все слышалъ что она тутъ у васъ чекотала и не шелъ. Эхъ, бросьте вы, сэръ Висленевъ, водиться съ этими нигилисточками.

— Что это васъ безпокоитъ, Ѳеоктистъ Дмитричъ? мнѣ кажется до васъ это совсѣмъ не касается съ кѣмъ я вожусь.

— Да, касаться-то оно пожалуй что не касается, а по человѣчеству, по-сосѣдски васъ жалко, право жалко.

Висленевъ улыбнулся и, заваривъ чай изъ только что поданнаго самовара, спросилъ:

— Какія же вы предвидите для меня опасности отъ „нигилисточекъ?“

— Большія, сэръ, клянусь святымъ Патрикомъ, очень большія—женятъ.

— Ну вотъ!

— Чего „вотъ“, право, клянусь Патрикомъ, женятъ, а мнѣ васъ жалко.... каковъ ни есть, все сосѣдъ по имѣнію, вмѣстѣ чай пьемъ!

— Вотъ видите какъ вы заблуждаетесь! Ванскокъ сама первостатейный врагъ брака.

— Это, отецъ Іосафъ, все равно, врагъ, врагъ, а къ чему дѣло придетъ, и черезъ нее женитесь; а вы лучше вотъ что: ко мнѣ опять сваха Ѳедориха заходила....

— Ахъ, оставьте, Меридіановъ, это даже и въ шутку глупо!

— Нѣтъ-съ, вы позвольте, она уже теперь не купчиху предлагаетъ, а княжескую фаворитку, танцовщицу..... Меридіановъ сильно сжалъ Висленева за руку и добавилъ:—только перевѣнчаться и не видать ее, и за то одно пятнадцать тысячъ! Это не худая статья, сэръ, клянусь святымъ Патрикомъ, не худая!

— Ну, вотъ вы и женитесь.

— Не могу, отецъ, радъ бы, да не могу, рыломъ не вышелъ, я изъ простыхъ свиней, изъ кутейниковъ, а нуженъ изъ цуцкихъ, столбовой дворянинъ, какъ вы. Не дремлите, государь мой, берите пятнадцать тысячъ, пока' нигилисточки даромъ не окрутили. На пятнадцать тысячъ можно газету завести, да еще какую.... у-у-х-ъ!

— Отойди отъ меня сатана! отшутился Висленевъ, для котораго мысль о своей собственной газетѣ всегда составляла отраднѣйшую и усладительнѣйшую мечту.

— Чего сатана, а я бы вамъ сталъ kakie фіэтоны строчить, просто bon Dieu оборони! Я вотъ нынче что сорудилъ. Вотъ послушайте-ка, началъ онъ, вытаскивая изъ кармана переломленную пополамъ четвертушку бумаги. Хотите слушать?

— Пожалуй, отвѣчалъ равнодушно Висленевъ.

Ѳеоктистъ Меридіановъ прищурился, тихо крякнулъ и нетерпѣливо оглянувшись по комнаткѣ, заговорилъ:

— Идетъ, видите ли, экзаменъ, ребятишекъ въ приходское училище принимаютъ, и предстоитъ, видите, этакая морда, обрубокъ мальчуганъ Савоська, котораго на каникулахъ приготовилъ медицинскій студентъ Чортовъ.

— Гмъ! Фамилія недурна!

— Да, и съ направленіемъ, понимаете?

— Понимаю.

— Ну, слушайте же, и Меридіановъ, кряхтя и щурясь, зачиталъ скернымъ глухимъ баскомъ.

„— Читать умѣешь! вопросилъ Савоську лопоухій педагогъ.

„— Ну-ка-ся! отвѣчалъ съ презрѣніемъ бойкій малецъ.

„— И писать обученъ?

„— Эвося! еще смѣлѣе отвѣтилъ Савоська.

„— А законъ Божій знаешь? встрѣлъ попъ.

„— Да кого лиха тамъ знать-то! гордо, презрительно, гнѣвно, закинувъ вверхъ голову, рыкнулъ мальчуганъ, въ воображеніи котораго въ это время мелькнуло насмѣшливое, иронически-честно-злобное лицо приготовлявшаго его студента Чортова."

— Что хорошо? Можете вы этакую штуку провести въ своей серіозной статьѣ, или нѣтъ?

Но прежде чемъ Висленевъ что-нибудь отвѣтилъ своему собесѣднику, послышался тихій стукъ въ дверь, причемъ Меридіановъ быстро спряталъ въ карманъ рукопись и сказалъ: „вотъ такъ у васъ всегда", а Висленевъ громко крикнулъ: взойдите!

Дверь растворилась и въ комнату предсталъ довольно скромно, но съ иголочки одѣтый въ чистое платье Гордановъ.

Висленевъ немного смѣшался, но Павелъ Николаевичъ протянулъ ему братски руки и заговорилъ съ нимъ на *ты*. Черезъ минуту онъ уже сидѣлъ мирно за столомъ и велъ съ Висленевымъ дружескій разговоръ о литературѣ и о литературныхъ людяхъ, безпрестанно вовлекая въ бесѣду и Меридіанова, который, впрочемъ, все кряхтѣлъ и старался отмалчиваться. Не теряя напрасно времени, Гордановъ перешелъ и къ содержанію бумагъ присланныхъ имъ Висленеву чрезъ Ванскокъ.

— Бумажки интересныя, отвѣчалъ Висленевъ,—и по нимъ бы кое-что очень хлесткое можно написать.

— Я затѣмъ ихъ къ тебѣ и прислалъ, отвѣчалъ Гордановъ.—Я знаю что у меня они проваляются даромъ, а ты изъ нихъ можешь выкроить пользу и себѣ и дѣлу.

Висленеву эта похвала очень нравилась особенно тѣмъ что была выражена въ присутствіи Меридіанова, но онъ не полагался на успѣхъ по „независящимъ обстоятельствамъ".

— Что же, теперь вѣдь цензуры нѣтъ, говорилъ простодушно Гордановъ.

— Мало что цензуры нѣтъ, да есть другія, братъ, грозы.

— За то есть судъ и на грозу.

— Да ищи того суда какъ Франклина въ морѣ: по суду-то на сто рублей оштрафуютъ, а безъ суда на пять тысячъ на-

кажутъ, какъ пить дадутъ. Нѣтъ, еслибы это написать, да за границей напечатать.

— И то можно, отвѣтилъ Гордановъ.

— Если только есть способы?

Гордановъ сказалъ чтобы Висленевъ объ этомъ не заботился, что способы будутъ къ его услугамъ, что онъ, Гордановъ, самъ переведетъ сочиненіе Висленева на польскій языкъ и самъ пристроитъ его въ заграничную польскую газету.

Затѣмъ Павелъ Николаевичъ еще побесѣдовалъ привѣтно съ Висленевымъ и съ Меридіановымъ и простился.

— А ничего это что я говорилъ при этомъ лоботрясѣ? спросилъ онъ у Висленева, когда тотъ провожалъ его по коридору.

— Это ты о Меридіановѣ-то?

— Да.

— Полно пожалуста, это дремучій семинаристъ, въ которомъ ненависть-то, какъ старый блинъ зачерствѣла.

Да, чортъ ихъ нынче разберетъ, они всѣ теперь ненавистники и всѣ мастера на всѣ руки, отвѣчалъ Гордановъ.

— Нѣтъ, этотъ не такой.

— А мнѣ онъ не нравится; знаешь, слишкомъ молчаливъ и изъ подлобья смотритъ. А впрочемъ это твое дѣло, я говорилъ *у тебя*.

— Понимаю и принимаю всю отвѣтственность на себя, будь совершенно покоенъ.

— Ну, и прекрасно.

И съ этимъ Гордановъ ушелъ.

— А мнѣ сей субъектъ препротивенъ, сказалъ Висленеву въ свою очередь Меридіановъ, когда Висленевъ, проводивъ Горданова, вернулся въ свой дортуаръ.

— Чѣмъ онъ вамъ не хорошъ?

— Очень хорошъ, совсѣмъ даже до самаго дна маслянъ. Зачѣмъ это онъ постучалъ прежде чѣмъ войти?

— Такъ водится, чтобы не обезпокоить.

— Да; и вамъ вотъ это небось нравится, а меня отъ такихъ финти-фантовъ тошнитъ. Прощайте, я пойду къ Трифандосу въ кухмистерскую, съ Бабиневичемъ шары покатаю.

— Прощайте.

— А вы опять сочинять?

— Да.

— А Ѳедорихѣ что̀ же сказать; нужны вамъ пятнадцать тысячъ или не нужны?

— Да, вы что̀ же это, не шутите?

— Ни мало не шучу.

— Ну, такъ я вамъ скажу что я вамъ удивляюсь, что вы мнѣ это говорите, я никогда себя не продавалъ ни за большія деньги, ни за малыя, и на княжескихъ любовницахъ жениться неспособенъ.

Меридіановъ „презрительно-гордо“ пожалъ плечами и сказалъ:—а я вамъ удивляюсь и говорю вамъ что будете вы, сэръ, кусать локоть, клянусь Патрикомъ, будете, да не достанете. Бабиневичъ вѣдь, только ему объ этомъ сказать, сейчасъ отхватитъ, а онъ вѣдь тоже изъ дворянъ.

— Сдѣлайте милость, оставьте меня съ этимъ.

— Сдѣлаемъ вамъ эту милость и оставимъ васъ, отвѣчалъ Меридіановъ, и не прощаясь съ Висленевымъ, зашлепалъ своими кимерскими туфлями.

Н. ЛѢСКОВЪ.

(*До слѣд. №*)

УЧЕНІЕ КАКЪ ОНО У НАСЪ ЕСТЬ
И
КАКЪ ДОЛЖНО БЫТЬ.

Въ русскомъ характерѣ есть одна особенность, которая, къ прискорбію, доселѣ весьма ярко выказывается въ продолженіе всей русской исторіи. Эта особенность есть излишняя заботливость о формѣ, поставленіе формы выше содержанія, важнѣе внутренняго существа дѣла. Въ древней Руси вся жизнь народа сосредоточилась въ обрядѣ: обрядъ обусловливалъ нравственность, обрядъ заслонялъ собою человѣка. Одно изъ важнѣйшихъ явленій древней русской внутренней жизни, расколъ, подъ вліяніемъ этой особенности, переродился въ споры о томъ, два ли, или три раза надо пѣть „аллилуія“ и т. п. Петръ Великій совершилъ безпримѣрныя преобразованія въ русской жизни; онъ коснулся всѣхъ ея сторонъ, не оставивъ ничего не тронутымъ, но и эти усилія были обращены болѣе на форму чѣмъ на содержаніе: сущность русской жизни осталась почти та же, измѣнилась ея внѣшняя сторона. Нынѣшнее царствованіе исполнено великихъ дѣлъ: во всѣ сферы жизни проводятся самыя гуманныя, самыя просвѣщенныя идеи; тысячелѣтній опытъ всѣхъ образованныхъ государствъ даетъ основанія на которыхъ устраиваются новые порядки. Но едва преобразованіе совершится, едва новыя идеи начнутъ дѣйствовать, какъ вдругъ, незамѣтно для самихъ дѣя-

телей, является формалистика, и живое дѣло пріостанавливается. Оставляя другія сферы жизни, я коснусь въ этой статьѣ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній и постараюсь показать въ чемъ состоитъ наше ученіе.

Какая цѣль ученія? Разсматривая всю обстановку нашего учебнаго дѣла, всякій легко увидитъ что цѣлью ученія у насъ поставлено сообщеніе *знаній*. Распоряжающаяся правительственная власть точно обозначаетъ что̀ ученикъ долженъ *узнать* въ каждомъ классѣ; въ подробныхъ программахъ перечислены всѣ мелкіе отдѣлы, даже частные вопросы которые училище дастъ ученику возможность *узнать*. Сами воспитатели и учителя всѣ старанія свои, всю заботливость обращаютъ на то чтобъ облегчить ученику возможность *узнать* преподаваемое и чтобъ онъ *узналъ* какъ можно больше. Если ученикъ *не знаетъ* какого-нибудь отдѣла изъ преподаннаго въ теченіе года, то его считаютъ неспособнымъ перейти въ высшій классъ и продолжать курсъ ученія. Если у родителей есть хоть какія-нибудь средства, то они непремѣнно приглашаютъ репетиторовъ, которые помогаютъ ихъ дѣтямъ *узнавать* требуемое. Во время экзаменовъ это репетиторство принимаетъ огромные размѣры, и родители считаютъ себя вполнѣ удовлетворенными, если сынъ ихъ на экзаменѣ покажетъ что онъ *знаетъ* то что̀ у него спросили. Такимъ образомъ и власть, руководящая воспитаніемъ, и дѣятели въ воспитаніи, и все общество, и ученики, всѣ имѣютъ цѣлью при ученіи—знаніе. На знаніе обращено все вниманіе, къ доставленію знанія стремятся всѣ усилія, клонятся всѣ старанія.

Остановимся на этомъ. Что̀ такое знаніе? Знаніемъ должно назвать такое понятіе которое сдѣлалось собственностью моей души, которымъ я могу пользоваться во всякую минуту моей жизни, которое участвуетъ въ образованіи моего характера, моего взгляда на міръ. Мальчикъ знаетъ расположеніе своей квартиры, и онъ въ темнотѣ переходитъ изъ комнаты въ комнату, прямо направляясь къ тому мѣсту гдѣ дверь, обходя то мѣсто гдѣ выдвинулся уголъ печки. Я знаю какое-нибудь лицо, и при его имени мнѣ во всякое время представляется извѣстная личность съ опредѣленными качествами, достоинствами и недостатками, по коимъ я опредѣляю свои отношенія къ этому лицу. Знанія которыя приняты всѣми способностями души ученика и сдѣлались его собственностью вошли въ составъ его взгляда на міръ, его пониманія отноше-

ній ко всѣмъ и ко всему что̀ его окружаетъ, такія знанія въ высшей степени желательны: обогащая душу, они даютъ пищу всѣмъ ея способностямъ и могущественно содѣйствуютъ ея развитію. Но какъ пріобрѣтаются такія знанія? Для этого есть единственный путь, долгое сближеніе съ предметомъ. Мальчикъ проживетъ два мѣсяца въ квартирѣ, вотъ онъ и узналъ ее; мы долго имѣемъ частыя сношенія съ человѣкомъ, и вотъ черезъ годъ или два мы знаемъ его. То же самое и въ учебномъ и въ ученомъ мірѣ: если я хочу узнать какой-нибудь отдѣлъ науки, я долго и долго имъ занимаюсь. Чѣмъ болѣе употреблю я времени и стараній на разсмотрѣніе предмета моего ученія, тѣмъ я лучше узнаю его. Никто не знаетъ науки на первый годъ занятія ею: только годы ученія даютъ человѣку возможность овладѣть ею. Мнѣ кажется, положеніе это, что только время даетъ знаніе, такъ очевидно что нечего на немъ и останавливаться: съ нимъ нельзя не согласиться. Но примѣнивъ его къ класснымъ занятіямъ, мы увидимъ что единственно возможный путь къ пріобрѣтенію знаній—невозможенъ въ нашей школѣ. У насъ въ самомъ маленькомъ классѣ, въ 10 и 11ти-лѣтнемъ возрастѣ, уже 7 предметовъ; въ другихъ классахъ число предметовъ увеличивается; такъ что ученикъ въ годъ долженъ пріобрѣсти массу знаній, заключающуюся въ 7 книгахъ для перваго класса и доходящую до 20 и 30 въ седьмомъ. Притомъ книги эти учебныя, и слѣдовательно въ нихъ очень сжато и кратко изложены факты и число этихъ фактовъ такимъ образомъ достигаетъ громадной цифры. Всякій фактъ только промелькнетъ предъ умомъ ученика и сейчасъ же надо переходить къ другому, третьему и такъ далѣе безъ конца. Остановиться на фактѣ, свыкнуться съ нимъ, положительно невозможно. Итакъ, единственно возможное средство пріобрѣтать знаніе оказывается недоступнымъ для нашей школы: знаній въ истинномъ значеніи этого слова пріобрѣсти въ ней нельзя. Если мы прибавимъ къ этому недостаточность средствъ всякой школы чтобы представить налицо предъ ученикомъ всякій предметъ о которомъ онъ пріобрѣтаетъ знаніе, чтобы воспроизвести предъ нимъ всѣ явленія о которыхъ говорится, если припомнимъ что въ школахъ всѣ собранія предметовъ — музеи, кабинеты, коллекціи, не могутъ быть въ такомъ цвѣтущемъ состояніи какого требуетъ правильное изученіе научнаго предмета, тогда понятно станетъ что пріобрѣтеніе большой массы знаній

не есть дѣло школы. Но есть причина, еще болѣе серіозная, вслѣдствіе которой пріобрѣтеніе знаній вообще не можетъ быть цѣлію школы: учащійся въ школѣ находится еще въ дѣтскомъ возрастѣ, по этому не всѣ еще его способности пришли въ нормальное развитіе; нѣкоторыя еще вовсе не дѣйствуютъ у него, нѣкоторыя только еще начинаютъ заявлять себя; онъ еще неспособенъ къ сильному отвлеченію. Когда знаніе принимается его душой, то оно принимается только тѣми способностями души которыя дѣйствуютъ въ извѣстномъ возрастѣ; дѣлаясь достояніемъ души, оно принимаетъ въ ней неправильную, совершенно своеобразную форму, и такимъ образомъ сообщаетъ ей невѣрныя понятія и невѣрный взглядъ на міръ. Сколько видимъ мы примѣровъ какъ молодые люди пришли къ самымъ дикимъ убѣжденіямъ только вслѣдствіе того что слишкомъ рано стали пріобрѣтать знанія, что имъ стали давать полное отвлеченіе когда ихъ способность отвлеченія еще не вполнѣ развилась! Понемногу стали требовать не истинныхъ знаній, о которыхъ мы говорили, а того чтобъ ученикъ въ данную минуту, въ тотъ день въ который заданъ урокъ объ извѣстномъ предметѣ, или въ день экзамена—могъ на какой-нибудь вопросъ, предложенный учителемъ или экзаменаторомъ, хорошо повторить то что̀ составляетъ знаніе о предметѣ. Какъ эти слова приняты душей ученика, какъ они улеглись въ ней, до того нѣтъ дѣла; нужно только чтобы ученикъ *сказалъ* ихъ. Не правда ли что требуется только форма знанія, а не самое знаніе? По общему убѣжденію чуть не всѣхъ и каждаго въ Россіи, предъ экзаменомъ необходимо дать время для приготовленія: * не значитъ ли это что, по общему признанію, ученики не усвоиваютъ себѣ преподанныхъ имъ знаній. Ибо знаніе есть нераздѣльная собственность души, постоянно ей присущая, съ которою она не можетъ разсгаться ни на минуту. Какъ приготовляться показать знанія которыя имѣю? Если это знанія, то они всегда со мною, и я всякую минуту могу ихъ показать. Съ другой стороны, какъ можно пріобрѣсти знанія по цѣлой наукѣ въ три или четыре дня? Не ясно ли что тутъ все только одна форма? Какъ главное орудіе формальнаго исполненія требованій закона выдвинута впередъ память.

---

* Въ Лицеѣ Цесаревича Николая не дается времени для приготовленія къ экзаменамъ. *Ред.*

Ученики стараются памятью удерживать всѣ предписанные факты, но какъ? Будда, Ливерпуль, Маккавеи и тысячи другихъ именъ только схватываются памятью, и вся забота ученика состоитъ въ томъ чтобы не сказать что Будда есть „богатѣйшій портовый городъ, имѣющій торговыя сношенія со всѣми странами міра“. Правда, часть урока исторіи обыкновенно назначается на разказъ. Но и въ этомъ „разказѣ“ гакъ много фактовъ, такъ много долженъ представить учитель такъ-называемыхъ картинъ, такъ быстро слѣдуютъ эти картины одна за другою, что было бы совершенно нераціонально ожидать что онѣ врѣжутся въ умѣ ученика и дадутъ ему ясное представленіе о томъ что онъ долженъ выучить. Прибавьте къ этому что учитель не имѣетъ никакой возможности повторить свой разказъ: онъ долженъ пройти съ учениками цѣлую книгу: разказавши разъ урокъ, онъ на слѣдующій классъ долженъ разказывать дальше, во время повторенія онъ только спрашиваетъ, и въ продолженіе всего курса ни одинъ разказъ не повторится предъ ученикомъ: во все прочее время сжатый текстъ учебника замѣняетъ все для ученика. Положимъ, учитель разказываетъ ученикамъ Пелопоннезскую войну; положимъ, онъ въ оживленной картинѣ представилъ ученикамъ и соперничество Спарты и Аѳинъ, и личности Перикла, Брасида, Никія, Алкивіада и многихъ еще другихъ; положимъ, онъ далъ ученикамъ нѣкоторое представленіе объ этомъ великомъ событіи, разумѣется, на сколько это возможно въ полчаса времени остающіеся ему въ урокѣ для разказа. На слѣдующій классъ онъ спрашиваетъ учениковъ о Пелопоннезской войнѣ. Ученики ему передаютъ то что находится въ учебникѣ и что припомнили изъ его разказа. Учитель не имѣетъ возможности оживить предъ ними свой вчерашній разказъ: вопервыхъ, ему должно провѣрить что и какъ приготовили ученики къ классу; онъ долженъ постоянно знать какъ они готовятъ уроки, и одна половина урока назначается именно на это. Вовторыхъ, онъ долженъ объяснить новый урокъ, и остальные полчаса назначаются на дальнѣйшій разказъ: тутъ являются Ѳиванцы, возстаніе побѣжденной партіи, личности Агезилая, Эпаминонда, Пелопида. На слѣдующій классъ новыя событія, новыя личности, Македонія, Филиппъ, Демосѳенъ и т. д. безъ конца. Не ясно ли что всѣ эти личности и событія только промелькнутъ предъ ученикомъ, и если что-нибудь и будетъ удержано имъ, то не иначе

какъ памятью? Черезъ мѣсяцъ назначается повтореніе: учитель старается спросить всѣхъ учениковъ и все пройденное изъ предмета. Разумѣется, тутъ и помину быть не можетъ о томъ что̀ было разказано; учитель по необходимости долженъ ограничиться тѣмъ что̀ напечатано въ учебникѣ. Послѣ повторенія опять идутъ впередъ; опять разказы о новыхъ личностяхъ, о новыхъ событіяхъ, о новыхъ эпохахъ; наконецъ на экзаменѣ спрашивается вся древняя исторія. Неужели можно тутъ ожидать яснаго представленія о событіяхъ и личностяхъ? Не должно ли счесть того ученика отличнымъ который только удержитъ памятью все то что̀ заключается въ учебникѣ? На слѣдующій годъ тотъ же процессъ совершается съ среднею исторіей, а о древней некогда и вспомнить. Далѣе новая исторія, и еще годъ нѣтъ и помину о древней и средней. Потомъ на выходномъ экзаменѣ спрашивается вся исторія, и древняя, и средняя, и новая, и новѣйшая. Можно ли ожидать что ученикъ принесетъ „знанія“ на экзаменъ? Можно ли ожидать что ученикъ разкажетъ что-нибудь прочувствованное и продуманное, а не удержанное механическою работой памяти?

Такимъ образомъ мысль законодателя исполнена у насъ только по формѣ. Онъ хотѣлъ, обогативъ душу знаніями, развить ее и возвысить: мы оставляемъ душу въ покоѣ, и имѣемъ дѣло съ одною памятью. Развиваемъ ли мы по крайней мѣрѣ память? Развить память значитъ пріучить ее по первому требованію передавать душѣ все удержанное, такъ сблизить память съ высшими способностями чтобы всякій фактъ ею удержанный былъ достояніемъ души. Для этого при ученіи необходимо обращать несравненно больше вниманія на сближеніе памяти съ душой нежели на усвоеніе фактовъ. Усвоенное должно быть удерживаемо посредствомъ повтореній и перерабатываемо посредствомъ разныхъ сочетаній и примѣненій. Мы же, совершенно напротивъ, отрываемъ память отъ прочихъ способностей и вывертываемъ ее самое на изнанку. Ученикъ выноситъ изъ школы привычку скоро приготовлять уроки, очень скоро приготовляться къ экзамену и еще скорѣе забывать все выученное. Мы совершенно извращаемъ и всю душу ученика и самую память его. Того что̀ обыкновенно называется знаніемъ ученикъ не пріобрѣтаетъ; если подъ памятью разумѣть способность твердо удерживать узнанное, то эта способность бываетъ слабѣе при выходѣ изъ

школы чѣмъ при вступленіи въ нее; развивается только способность машинально повторять сегодня одни, завтра другія чужія слова. Если случится такому ученику прочесть какую-нибудь серіозную книгу, то онъ легко удержитъ изъ нея нѣсколько словъ, фразъ и выраженій, и вслѣдствіе неправильнаго ученія, будетъ убѣжденъ что знаетъ и понимаетъ то что̀ прочелъ. Уже много лѣтъ мы имѣемъ печальную возможность наблюдать какіе прекрасные плоды происходятъ отъ такихъ знаній!

Предположимъ что ученикъ исполнилъ всѣ требованія нашихъ программъ, что онъ въ день экзамена твердо помнитъ всѣ факты написанные въ учебной книгѣ по предмету экзамена, что онъ во всѣ дни экзамена при каждомъ собственномъ имени, при каждомъ техническомъ терминѣ говорилъ экзаменаторамъ все то что̀ сказано въ учебникѣ при этихъ именахъ и терминахъ. Предположимъ даже невозможное: что ученикъ можетъ повторять слова учебника не только въ дни экзаменовъ, но и послѣ, даже всю жизнь. Значитъ ли это что ученикъ развитъ? Развѣ мы назовемъ развитымъ того пушкинскаго офицера который зналъ наизусть всѣ святцы? Можно ли, по крайней мѣрѣ, сказать что нашъ ученикъ привыкъ къ серіозной умственной работѣ? И того сказать нельзя: потому что въ отвѣтахъ его мы видимъ работу памяти, и не знаемъ на сколько въ этой работѣ участвовала его душа. Если въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ оканчиваютъ курсъ иные молодые люди правильно развитые, то они обязаны своимъ развитіемъ никакъ не нашему ученію, а другимъ причинамъ. Такъ, часто личность дѣльнаго учителя парализуетъ недостатки системы нашего ученія и можетъ весьма благотворно подѣйствовать на ученика; далѣе, обращеніе съ товарищами можетъ сильно вліять и въ хорошую и въ дурную сторону: если заведеніе хорошо поставлено, то хорошее вліяніе товарищества бываетъ очень замѣтно; природа ученика, сама по себѣ наклонная къ умственному труду, нерѣдко выходитъ побѣдительницей изъ этой борьбы противъ подчиненія всѣхъ способностей памяти; наконецъ чтеніе, къ которому такъ часто̀ пристращаются ученики, иногда пріучаетъ къ правильному мышленію и обогащаетъ душу кое-какими познаніями. Но всѣ эти средства развитія и случайны и слабы. Вопервыхъ, когда ученикъ дѣйствуетъ только по указанію другихъ, и умъ его остается безъ самостоятельной работы, то можетъ ли онъ развиться какъ слѣдуетъ? Ни одно

изъ упомянутыхъ средствъ развитія не требуетъ труда, напротивъ всѣ они соединены съ удовольствіемъ. Эта легкость съ которою пріобрѣтаетъ ученикъ все то что развиваетъ его душу поселяетъ въ душѣ ученика совершенно превратныя понятія объ ученіи, о знаніи. Особенно сильна эта вредная сторона въ чтеніи, къ которому не только сильно стремятся ученики, но и сами воспитатели имѣютъ пристрастіе. Но чтеніе большею частію совершается безъ руководителя: ученикъ читаетъ и ту книгу которую дастъ ему учитель завѣдывающій библіотекой, и ту которую достанетъ отъ своего пріятеля. Читаетъ онъ только тѣ книги которыя доставляютъ ему удовольствіе. „Это очень скучно", говоритъ онъ о не нравящейся ему книгѣ и откладываетъ ее въ сторону. Изъ этого пріятнаго чтенія онъ выноситъ знанія которыя удовлетворяютъ его никакъ не менѣе тѣхъ какія онъ пріобрѣтаетъ противуестественнымъ напряженіемъ памяти: есть ли возможность ожидать что онъ оставитъ это пріятное и по его понятію въ высшей степени полезное занятіе и обратится къ труду серіозному и медленному? Такое чтеніе отучаетъ отъ серіознаго и медленнаго труда. Потомъ это легкое и пріятное средство пріобрѣтенія знаній уничтожаетъ въ ученикѣ уваженіе къ знанію, а слѣдовательно и къ наукѣ. И дѣйствительно, за что уважать знаніе, если оно пріобрѣтается такъ легко и съ такимъ комфортомъ? Многолѣтніе труды для пріобрѣтенія знаній въ глазахъ ученика много читающаго никакъ не могутъ быть признаками сильной энергической души и высокоразвитыхъ дарованій, они въ глазахъ его скорѣе доказательства бездарности: человѣкъ двадцать лѣтъ сидитъ надъ пріобрѣтеніемъ знаній по одному предмету, тогда какъ самъ ученикъ узналъ такъ много въ короткое время! Отсюда развивается вредное самомнѣніе, и молодой читатель сейчасъ обзываетъ всякаго серіознаго человѣка отсталымъ, а если расходится, то и тупоумнымъ, точь въ точь какъ обозвалъ Токвиля Чернышевскій, котораго недавно многіе читали запоемъ. Притомъ знанія пріобрѣтаемыя черезъ чтеніе все-таки не суть истинныя знанія, все-таки они не прочувствованы, не продуманы, не переработаны, все-таки они не вошли въ составъ души ученика; они пришлыя, случайныя и потому часто слагаются въ такія убѣжденія что нельзя на нихъ довольно надивиться. Послѣдній десятокъ лѣтъ едва ли чтеніе не

причинило нашей учащейся молодежи гораздо болѣе вреда нежели принесло пользы.

Еслибъ у насъ было правильное ученіе; еслибъ оно имѣло въ виду выработку ума; еслибы ученикъ, постоянно дѣйствуя самостоятельно умомъ, самъ одолѣвалъ трудности и сознательно шелъ впередъ,—эти явленія были бы только исключеніемъ. Дѣйствовать высшими способностями души, умомъ побѣждать трудности—и пріятно и сообразно природѣ человѣка; правильное ученіе имѣетъ такое могущественное вліяніе на душу, что всѣ другія вліянія исчезаютъ предъ нимъ, и только тогда имѣютъ значеніе когда дѣйствуютъ съ нимъ заодно. Но наша система ученія противна природѣ человѣка, и потому ученикъ постоянно старается уклониться отъ ученія, и вся дѣятельность воспитателей состоитъ въ томъ чтобы заставить ученика учиться: для этого употребляются всякія средства, большею частью внѣшнія, а иногда и такія которыя возбуждаютъ въ душѣ ребенка вредные инстинкты. Впрочемъ это другой вопросъ. Посмотрите во что̀ обратилось наше ученіе. Ни одинъ ученикъ не одолѣетъ всего что̀ ему разказано: многое онъ забылъ, кое-что перепуталъ. Что̀ ему дѣлать? Забытаго возстановить нельзя, если его нѣтъ въ учебникѣ. Въ такомъ положеніи онъ дѣлаетъ одно изъ двухъ: или просто оставляетъ то что̀ забылъ, и ничего не дѣлаетъ, или твердо выучиваетъ то что̀ есть въ учебникѣ. На слѣдующій классъ учитель видитъ что говоренное имъ не вполнѣ сознано учениками. На первый разъ онъ, можетъ-быть, остановится еще разъ на томъ что̀ уже говорилъ, но потомъ онъ увидитъ что если такъ будетъ останавливаться на всемъ не ясно сознанномъ учениками, то онъ учебника своего никогда не кончитъ, а кончить его и именно въ этотъ учебный годъ, онъ необходимо обязанъ. Взыскать съ учениковъ не ясно понявшихъ сказанное имъ въ прошедшій классъ онъ не можетъ, потому что въ этомъ они не виноваты. Дѣло наконецъ самою необходимостью приводится къ тому что онъ рѣшается неуклонно требовать отъ учениковъ того что̀ напечатано въ учебникѣ, а объясненія свои предлагаетъ для того чтобы каждый изъ учениковъ воспользовался ими настолько насколько позволятъ ему его способности. Ученики съ своей стороны не имѣютъ никакихъ средствъ вспомнить то что̀ они забыли или спутали изъ объясненій учителя, а учебникъ у нихъ предъ глазами. Въ обыкновенной жизни память дѣйствуетъ такимъ об-

разомъ что она всякій разъ все сильнѣе удерживаетъ предметъ который часто представляется. Но ученику невозможенъ этотъ естественный путь: онъ долженъ въ какой-нибудь часъ времени вполнѣ и надолго удержать много, и часто очень много фактовъ. Вотъ ученикъ и начинаетъ насиловать свою память: онъ напрягаетъ ее такъ чтобъ она дѣйствовала, не стѣсняемая ничѣмъ, ни умомъ, ни соображеніемъ, а усиленно старается чтобъ она удержала всѣ потребные къ завтрашнему дню факты со многими техническими терминами, часто чуждыми его уху, со многими собственными именами, взятыми изъ всѣхъ языковъ земнаго шара; факты изъ міра совершенно ему незнакомаго, никогда имъ не виданные и не слыханные: разказъ о нихъ учителя въ прошедшій классъ не могъ же его такъ сблизить съ ними чтобъ они сдѣлались для него не совсѣмъ чужими. Наконецъ ученикъ достигъ своей цѣли, память его одолѣла все что есть въ урокѣ. Тогда ученикъ беретъ другой учебникъ, совсѣмъ изъ другаго міра, съ фактами, терминами, именами совершенно другаго характера нежели только-что выученные имъ. И съ этимъ учебникомъ та же работа. Затѣмъ онъ беретъ третій учебникъ, и съ нимъ та же работа. Потомъ четвертый, и опять то же. Три дня въ недѣлю онъ долженъ взять и пятый. На эту работу ученикъ долженъ употребить много времени: вся остальная отъ классовъ часть дня невидимо уйдетъ у него на это. Какое же вліяніе можетъ имѣть на душу ученика одинъ день проведенный въ такой работѣ? Вопервыхъ, эта работа противуестественна, а слѣдовательно непріятна: отъ того-то у насъ такъ рѣдко, ужасно рѣдко, встрѣчаются ученики любящіе ученіе; всѣхъ, или почти всѣхъ надо заставлять учиться. Вовторыхъ, эта работа имѣетъ безплодную, ни къ чему не ведущую цѣль, и слѣдовательно пріучаетъ ученика не видѣть цѣли въ работѣ и довольствоваться такими пустыми результатами, какими учащійся никакъ не можетъ удовольствоваться. Наконецъ, занимая цѣлый день ученика, она лишаетъ его возможности даже и узнать въ чемъ состоитъ истинная работа.

Я знаю что въ ученіи необходимо усиленное развитіе памяти; гораздо большее развитіе нежели какое требуется въ обыкновенной жизни. Память есть лучшій слуга ума, умъ только и можетъ дѣйствовать при содѣйствіи памяти. Совершенно несправедливо говорятъ и дѣйствуютъ тѣ педагоги которые вовсе изгоняютъ изъ школы разучиваніе на память и заклей-

мили его обидным названіемъ зубренія: оно необходимо въ ученіи, безъ зубренія ученіе будетъ не полно. Но оно должно быть осмыслено. Вопервыхъ, оно никакъ не можетъ быть единственнымъ занятіемъ; оно должно занимать только весьма небольшую часть времени, * а остальное все должно быть посвящено на самостоятельную дѣятельность высшихъ способностей души; только эта самостоятельная дѣятельность высшихъ способностей души и можетъ назваться ученьемъ. Во-вторыхъ, какъ только ученикъ съ такимъ насиліемъ памяти выучитъ что-нибудь (то-есть отзубритъ), сейчасъ же уму его должна быть назначена такая работа которая не можетъ быть исполнена безъ знанія того что̀ отзубрено не только вчера, но и три мѣсяца тому назадъ, въ прошедшемъ году, съ начала курса; такъ чтобы, если ученикъ забылъ что-нибудь изъ этого, то долженъ бы былъ взять книгу и справиться. И все ученіе преимущественно должно состоять изъ такой работы. Тогда ученикъ ясно увидитъ что зубреніе не есть простое препровожденіе времени, что оно нужно не для того только чтобы завтра, если спроситъ учитель, твердо повторить отзубренную страницу и потомъ забыть впредь до повторенія или до экзамена; но что оно ему необходимо для работы, для ученія, что оно помогаетъ ему учиться. Память явится у него слугой ума, представляя ему факты, на основаніи которыхъ онъ дѣйствуетъ какъ главный распорядитель и хозяинъ. Сознанная необходимость учить многое на память покажетъ ему что ученіе не есть развлеченіе и потѣха, а работа трудная, утомительная, часто непріятная; можетъ-быть въ послѣдствіи ему не придетъ въ голову видѣть въ наукѣ, въ ученіи какое-то потѣшное зрѣлище и хлопать профессору за то что онъ доставилъ ему удовольствіе своею лекціей.

Я знаю что есть предметы которые такъ счастливо поставлены въ нашихъ училищахъ, что учитель можетъ избѣжать этого гнета формальности; знаю также что есть учителя и самыхъ несчастныхъ предметовъ, которые стараются внести въ свое преподаваніе истинное ученіе. Такъ ариѳметика заключается въ очень небольшой книжкѣ и пройти ее въ нашихъ гимназіяхъ назначено въ три года, по три урока въ

---

* При этомъ должно быть дѣлаемо различіе между низшими и высшими классами. *Ред.*

недѣлю (въ послѣднемъ году прибавляется къ ней очень немного изъ алгебры). Кромѣ того, въ гимназію поступаютъ ученики отчасти знакомые съ начальными ариѳметическими свѣдѣніями. Такимъ образомъ учитель имѣетъ полную возможность и останавливаться долго надъ каждымъ отдѣломъ, и постоянно упражнять умъ дѣлая задачи для которыхъ необходимо знаніе всего выученнаго прежде. По другія части математики далеко не такъ счастливы. Въ одномъ году назначено проходить и алгебру, и геометрію, и тригонометрію, такъ что учитель по необходимости изъ трехъ уроковъ, назначенныхъ по уставу на математику, употребляетъ на каждый изъ этихъ предметовъ по одному. Разумѣется, всѣ объясненія его въ классѣ черезъ недѣлю совершенно забудутся учениками, и ихъ ждетъ то же насиліе памяти!... Древніе языки по своему свойству должны бы были болѣе всѣхъ другихъ предметовъ соотвѣтствовать правильному ученію, но и они не устояли противъ нашего стремленія къ формальности. У насъ даже латинскую грамматику спрашиваютъ (впрочемъ не во всѣхъ заведеніяхъ) по билетамъ. Достался маленькому ученику вопросъ: „склоненіе мѣстоименія hic, haec, hoc“, просклонялъ и правъ,—5 ему, упражненій не требуется. Или ученику болѣе взрослому достался билетъ: „сослагательное при относительныхъ“; онъ твердо разказалъ всѣ правила и привелъ по одному примѣру, напечатанному въ учебникѣ, на каждое правило, и опять 5 ему; примѣнять правило при переводѣ съ русскаго на латинскій — лишняя роскошь, даже съ латинскаго на русскій переводятъ чрезвычайно мало, дабы ученики могли весь переводъ выучить къ экзамену наизусть; требующіяся объясненія формъ и конструкцій ученики даютъ машинально, не дѣйствуя мышленіемъ. Мнѣ случалось видать, у учениковъ очень порядочныхъ, даже кое-что знающихъ, замѣтки для памяти въ текстѣ какого-нибудь писателя, даже труднаго, такого рода: надъ глаголомъ надписано у него Imperfectum conjunctivi. Онъ спряженія знаетъ, и замѣтка эта ему совершенно не нужна; но онъ до такой степени привыкъ относиться одною памятью и то къ заданнымъ только страницамъ, такъ не привыкъ обращаться къ своимъ знаніямъ, къ другимъ способностямъ души своей, что ему нужно непремѣнно зазубрить что въ этомъ мѣстѣ, этотъ глаголъ поставленъ въ imperfectum conjunctivi. И ученикъ приготовив-

шійся по этой системѣ, и въ классѣ при спрашиваніи урока, и на экзаменѣ, когда выдернетъ билетъ, окажетъ себя прекраснымъ ученикомъ: онъ и доставшуюся ему страницу изъ грамматики разкажетъ съ изумительною твердостью, и написанную на билетѣ главу изъ писателя котораго разбирали въ классѣ переведетъ безъ малѣйшей запинки. Если же учитель захочетъ вести дѣло какъ слѣдуетъ, то его ученики всегда на видъ проиграютъ: они являются въ классъ съ самостоятельною работой, а самостоятельная работа ученика всегда заключаетъ въ себѣ ошибки, неточности и пр. тому подобное.

И всякая попытка учителя ввести хоть сколько-нибудь содержанія въ эту форму ученія непремѣннымъ слѣдствіемъ должна имѣть менѣе удачное исполненіе того что̀ требуется при спрашиваніи урока и на экзаменѣ.

Это стремленіе обойти въ ученіи всякую работу умомъ, замѣнивъ ее одною памятью, такъ укоренено въ нашемъ обществѣ что несмотря на противодѣйствіе многихъ учителей и воспитателей, расходятся цѣлыми изданіями книжки въ которыхъ объяснено все до чего ученикъ, для своей пользы, долженъ добираться собственнымъ умомъ, такъ что ученику приготовляющему урокъ по такой книжкѣ не придется шевельнуть ни одною умственною способностью: ученики не носятъ этихъ книжекъ въ классъ, чтобы не увидѣлъ строгій учитель, а дома готовятъ по нимъ уроки съ вѣдома родителей. Но заботливымъ родителямъ и этихъ книжекъ мало; и при нихъ все-таки какая-нибудь самостоятельность можетъ-быть остается на долю ученика; ну хоть онъ долженъ самъ выбрать время когда и что̀ ему выучить, долженъ хоть отыскать въ учебникѣ что̀ нужно, долженъ нѣсколько внимательнѣе слушать слова учителя. Заботливымъ родителямъ все еще кажется что мало облегченъ ихъ сынъ, что все еще ему много достается думать, и они приглашаютъ къ нему репетитора. Тутъ ужь для ученика исчезаетъ всякій призракъ умственной работы: чуть что-нибудь покажется ему труднымъ, чуть ему представится что-нибудь что̀ потребуетъ съ его стороны какого-нибудь напряженія, онъ отступитъ предъ этимъ и прибѣгнетъ къ помощи репетитора. Ему остается одна только страдательная и, припомнимъ, совершенно неправильная работа памятью. Едва ли при такихъ занятіяхъ ученика можно хоть сколько-нибудь думать о развитіи спо-

собностей. Неужели такія занятія можно не въ шутку назвать ученіемъ? И между тѣмъ всѣ убѣждены что эти занятія ведутъ къ достиженію цѣли ученія. Да и въ самомъ дѣлѣ ученикъ всякій день приготовляетъ уроки, а въ низшихъ классахъ даже и на экзаменѣ хорошо отвѣчаетъ (рѣдко случается чтобы такой ученикъ и въ высшихъ классахъ отвѣчалъ хорошо: тогда онъ уже слишкомъ много отстанетъ отъ товарищей): чего же больше надобно? И трудно выяснить обществу что въ этихъ занятіяхъ нѣтъ ни малѣйшей работы способностями, а безъ этой работы не можетъ быть и развитія и что черезъ двѣ недѣли отъ всѣхъ этихъ занятій останется въ памяти лишь нѣсколько словъ.

Обращаемся снова къ ученику приготовляющему свои уроки. Употребивъ много времени, онъ наконецъ выучилъ всѣ назначенныя ему слова во всѣхъ четырехъ или пяти учебникахъ, и съ этимъ является въ классъ. Цѣль къ которой стремится учитель есть та чтобы къ концу академическаго года привести учениковъ въ возможность твердо повторять все то что̀ заключается въ учебникѣ. Ясно что первымъ дѣломъ его въ классѣ должно быть—увѣриться что ученики твердо выучили назначенную часть учебника. Для этого онъ имѣетъ единственное средство — заставить учениковъ поочереди повторять заданное. Спросивши, онъ непремѣнно долженъ отмѣтить какъ ученикъ исполнилъ свою работу, то-есть поставить баллъ, волервыхъ для того чтобъ и самому не забыть этого отвѣта и такимъ образомъ составить въ послѣдствіи мнѣніе объ ученикѣ; а вовторыхъ для того чтобы начальство, даже иногда и родители, могли слѣдить за ученикомъ, и въ случаѣ нерадѣнія и неисправности сейчасъ принять мѣры, не давая усиливаться злу. Поэтому учитель долженъ каждаго ученика внимательно выспросить, чтобы не ошибиться какънибудь въ оцѣнкѣ занятія его. А учениковъ въ классѣ отъ 30 до 40. Всѣхъ учитель спросить никакъ не успѣетъ; но онъ старается спросить какъ можно больше, чтобъ ученикъ подвергался контролю какъ можно чаще. Спрашивая, онъ преимущественно ограничивается учебникомъ и притомъ заданными страницами: ему нѣтъ времени вдаваться во вторичное объясненіе того о чемъ онъ говорилъ въ прошедшій классъ: въ продолженіи этого же урока онъ долженъ еще объяснить новый урокъ. Да притомъ ученикъ легко можетъ забыть что-нибудь изъ его объясненій, что-нибудь изъ прежде пройденнаго,

нельзя же ему ставить за это дурной баллъ, нельзя выставить его предъ начальствомъ и предъ родителями лѣнивымъ и подвергнуть его наказанію. Онъ лѣнивъ не былъ и наказывать его не за что. Дурной баллъ за прежде пройденное до такой степени несправедливъ что въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ постановлено правиломъ ставить баллъ только за то что задано. Такимъ образомъ силой вещей учитель принужденъ первую половину класса, и притомъ значительную половину, употреблять на то чтобы заставлять учениковъ одного за другимъ повторять слова учебника. Самъ онъ мало говоритъ, чтобы дать ученику полную возможность выказать то что онъ сдѣлалъ къ классу. Въ это время прочіе ученики должны внимательно слушать то что говоритъ спрошенный. Способность вниманія есть одна изъ самыхъ серіозныхъ способностей, ее нужно всѣми силами развивать въ ученикѣ. Мы же съ самаго начала ставимъ мальчика въ такое положеніе что онъ долженъ сосредоточивать свое вниманіе на словахъ надъ которыми онъ вчера долго сидѣлъ и которыя твердо знаетъ. Неужели это естественно? Неужели это не есть новое искаженіе способностей ученика? Новое требованіе противное природѣ вещей? Вниманіе есть сосредоточеніе всѣхъ силъ, всѣхъ способностей души на какомъ-нибудь предметѣ. Какимъ же образомъ мальчикъ можетъ сосредоточить свои способности на словахъ которыя ему извѣстны и которыя товарищъ его говоритъ, можетъ-быть, гораздо хуже нежели онъ самъ можетъ сказать? Истиннаго вниманія тутъ не можетъ быть: тутъ опять только форма вниманія. Ученикъ сидитъ прямо, не положитъ даже локтя на столъ, смотритъ на учителя, не обернется ни въ какую сторону, а способности его отдыхаютъ. Такимъ образомъ вмѣсто вниманія мы развиваемъ ничего недѣланіе, и легко себѣ представить какъ это полезно. Но форма соблюдена, и мы больше не требуемъ.

Этимъ дѣло не оканчивается. Ученикъ приготовилъ урокъ: на другой день его спросилъ учитель, поставилъ баллъ, и затѣмъ нѣтъ болѣе помину объ этомъ урокѣ; на слѣдующій классъ, и послѣ, цѣлый мѣсяцъ о немъ ни слова. Не естественно ли что ученикъ придетъ къ убѣжденію что урокъ онъ готовитъ только для того чтобы получить баллъ? Не ясно ли что ученикъ приготовившій свои уроки долженъ сказать, если его спросили: „хорошо что вчера отзубрилъ“; а если не спросили и не поставили балла: „напрасно готовилъ, только

время потерялъ.“ И непремѣнно дойдетъ ученикъ до того что баллъ для него замѣнитъ все въ ученіи; на баллъ онъ обратитъ все свое вниманіе. Все это прямыя слѣдствія, самымъ правильнымъ образомъ вытекающія изъ данныхъ посылокъ. А эти слѣдствія въ свою очередь произведутъ то что если ученикъ по какимъ-нибудь разчетамъ догадается что завтра его не спросятъ, то онъ не будетъ готовить урокъ; если онъ можетъ получить хорошій баллъ какимъ-нибудь другимъ болѣе легкимъ путемъ, а не скучнымъ заучиваніемъ, то онъ изберетъ этотъ путь.

Итакъ, поставивъ форму знанія конечною цѣлью ученія, мы насилуемъ способности учениковъ, а самое ученіе превратили, для учителя, въ спрашиваніе уроковъ, а для учениковъ— въ баллопромышленничество.

Посмотримъ во что̀ обратились наши экзамены.

Прежде всего при назначеніи экзаменовъ ихъ распредѣляютъ такъ чтобъ экзамены одного класса не были не только въ одинъ день, но даже и сряду: это для того чтобы ученики имѣли время приготовиться, и притомъ стараются распредѣлить такъ чтобы по какому предмету учебникъ больше и факты для ученія многочисленнѣе, для такого предмета и времени пришлось бы больше. И это совершенно справедливо: вѣдь ученикъ долженъ выучить къ экзамену учебниковъ десять. А выходной экзаменъ производится изъ всего что̀ проходили въ продолженіе всего курса, такъ что ученики должны отвѣчать даже и тѣ учебники которые учили три и четыре года тому назадъ, и число учебниковъ дойдетъ у нихъ чуть ли не до тридцати. Надо же все это повторить. Но повторить все это, при всей привычкѣ учениковъ къ дѣйствію одною памятью безъ участія другихъ способностей, можно только работая день и ночь. И вотъ начинается эта знаменитая работа приготовленія къ экзамену. Неестественно напрягаетъ ученикъ свою память, удѣляетъ на сонъ и пищу только физически необходимую часть дня и ночи, остальное же время сидитъ надъ учебниками. Около полутора мѣсяца идетъ это страшное напряженіе памяти. Прибавьте къ этому тревожное состояніе души, первое волненіе въ продолженіе всего этого времени, и можно себѣ представить какъ оно полезно для учениковъ и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи. Настаетъ день экзамена. Вызываютъ ученика. Онъ вынимаетъ наудачу билетъ на которомъ написанъ вопросъ изъ того

предмета по которому происходитъ экзаменъ; приломинаетъ въ какомъ мѣстѣ учебника излагается отвѣтъ на этотъ вопросъ, и болѣе или менѣе отчетливо повторяетъ нѣсколько страницъ изъ учебника. При хорошемъ экзаменѣ, экзаменаторъ не довольствуется этимъ отвѣтомъ ученика и изустно предлагаетъ вопросъ изъ другаго отдѣла предмета. Положимъ что ученикъ и на этотъ вопросъ отвѣчаетъ твердо. Учитель, давъ ученику отвѣтить на столько чтобы видѣть что онъ хорошо выучилъ и эту часть учебника, останавливаетъ его и предлагаетъ еще вопросъ. Увидѣвъ что и этотъ вопросъ выученъ ученикомъ, онъ останавливаетъ его и говоритъ „довольно". Какое заключеніе, по законамъ логики, можетъ вывести экзаменаторъ изъ того что̀ онъ слышалъ отъ ученика? Не правда ли, только то что ученикъ, ко дню экзамена, твердо и отчетливо выучилъ нѣкоторые отдѣлы учебника? Кромѣ этого ничего нѣтъ въ посылкахъ, слѣдовательно не можетъ быть и въ заключеніи. Но у насъ на экзаменѣ выводится и другое заключеніе. У насъ экзаменаторъ ставитъ ученику 5, а эти пять означаютъ что ученикъ вполнѣ знаетъ предметъ, что онъ очень хорошо развитъ и во всѣхъ отношеніяхъ способенъ продолжать курсъ въ высшихъ классахъ и даже поступить въ высшее учебное заведеніе. Неужели въ самомъ дѣлѣ происшедшее на экзаменѣ дастъ право заключить что-нибудь подобное? Вѣдь ученикъ можетъ не знать цѣлой половины предмета; онъ, можетъ-быть, совершенно не развитъ; можетъ-быть не въ состояніи составить ни одного силлогизма. Положимъ, наоборотъ, ученикъ не могъ твердо и отчетливо повторить соотвѣтствующія вопросу страницы учебника, не отвѣтилъ и на изустные вопросы. Заключеніе: онъ ничего не знаетъ изъ предмета, не развитъ и не въ состояніи слушать курсъ высшаго класса. А между тѣмъ ученикъ можетъ въ три дня все это выучить,—и тогда онъ разовьется! Но я взялъ крайности. А если случится такъ что ученикъ разкажетъ все что̀ долженъ разказать, но забудетъ какую-нибудь одну частность; если на частные вопросы экзаменатора разкажетъ бо́льшую часть вѣрно, а кое-что забудетъ, въ такомъ случаѣ на какихъ указаніяхъ долженъ основаться экзаменаторъ чтобъ опредѣлить достоинство ученика? Вѣдь экзаменаторъ не имѣетъ ничего изъ чего могъ бы вывести какое-нибудь заключеніе объ ученикѣ. У насъ поступаютъ такъ: если ученикъ, отвѣчая отлично не сказалъ чего-нибудь довольно важнаго, то

ему ставятъ 4, если онъ не зналъ нѣсколько больше, то 3, еще больше, то 2 и т. д. Что же означаютъ эти 4, 3 или 2? Въ сущности они показываютъ что болѣе или менѣе фактовъ изъ спрошеннаго на экзаменѣ забылъ ученикъ; но такъ какъ мы заботимся только о томъ чтобы строжайшимъ образомъ была сохранена форма ученія, форма экзамена, то у насъ цифры значатъ: 4—что ученикъ прилеженъ, развитъ, способенъ и хорошо знаетъ предметъ, 3 что онъ по развитію своему можетъ быть въ высшемъ классѣ, а 2—что не можетъ. Неужели и тутъ есть логическая связь между посылками и заключеніемъ? Недавно на одномъ экзаменѣ, въ Петербургѣ, въ выпускномъ классѣ, одинъ экзаменаторъ спрашивалъ ученика изъ физики. На какой-то частный вопросъ ученикъ отозвался что у нихъ въ классѣ этого не проходили. Экзаменаторъ, считая статью важною, не повѣрилъ; ученикъ настаивалъ. Тогда экзаменаторъ для рѣшенія обратился къ учителю преподававшему физику въ этомъ классѣ, и спросилъ его проходили ли они этотъ вопросъ? Такимъ образомъ дѣло было поставлено такъ: если учитель скажетъ „проходили", то ученикъ окажется незнающимъ физики, неразвитымъ и неспособнымъ слушать лекціи въ университетѣ. Если же учитель скажетъ „не проходили", то этого не окажется. Неужели и тутъ есть смыслъ? Вѣдь развитость, способность ученика нисколько не зависитъ отъ того проходили или не проходили въ классѣ какой-нибудь вопросъ, ученикъ остается такъ же приготовленнымъ что бы ни сказалъ преподаватель физики.

Но главная несостоятельность, главная неразумность нашихъ экзаменовъ состоитъ еще не въ этомъ; она состоитъ въ томъ что всѣ въ Россіи, и экзаменаторы, и учителя, и ученики, и родители, и все общество, однимъ словомъ, всѣ совершенно знаютъ, вполнѣ убѣждены что бо́льшая часть того что говорятъ ученики на экзаменахъ пріобрѣтена въ послѣдніе три или четыре дня, или много въ послѣднюю недѣлю предъ экзаменомъ, независимо отъ занятій въ продолженіе всего года. Всѣ вполнѣ убѣждены что если сдѣлать экзаменъ неожиданно для учениковъ, за двѣ недѣли до назначеннаго дня, то отвѣты будутъ совершенно другіе, и баллы другіе, и переводъ учениковъ совершенно другой. Если, также неожиданно для учениковъ, произвести другой экзаменъ черезъ двѣ недѣли послѣ назначеннаго дня, то опять результаты будутъ совершенно другіе. На чемъ же основывается рѣшительное значеніе бал-

ловъ поставленныхъ на экзаменѣ который производится въ назначенный день? Почему эти послѣдніе три или четыре дня поставлены такъ высоко что они преимущественно служатъ выраженіемъ и прилежанія, и способностей, и знаній ученика? Не ясно ли что это все есть только форма и форма? По поводу того же экзамена въ Петербургѣ, одинъ изъ учителей назвалъ педагогическою нелѣпостью тотъ фактъ что ученикъ получавшій 4 по предмету физики въ продолженіе года получилъ на экзаменѣ 1. Если ученикъ хорошо зналъ въ продолженіе года, то какъ онъ не знаетъ на экзаменѣ? и наоборотъ: если не зналъ въ продолженіе года, то не можетъ знать и на экзаменѣ. При правильномъ ученіи это совершенно вѣрно. Но при безсодержательности ученія, это явленіе вполнѣ нормальное. Вѣдь отъ ученика на экзаменѣ требовали не знанія физики; потому что какъ ни сильно развито у насъ довольство одною формой, все же оно не можетъ дойти до такой степени чтобы кто-нибудь подумалъ что нашъ ученикъ кончающій курсъ въ гимназіи можетъ *знать физику*. Вѣдь знаніе физики не шутка: надобно много работать, много читать, много передѣлать опытовъ чтобы „знать физику“. Вѣдь это цѣлая наука. Слѣдовательно требовались страницы учебника. Очень легко можетъ случиться что тотъ самый вопросъ который достался ученику на экзаменѣ онъ отлично приготовилъ въ продолженіе года, напримѣръ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, былъ спрошенъ и получилъ 5, не только 4. А потомъ, возясь съ тридцатью безъ малаго учебниками, онъ совершенно забылъ его, въ послѣдніе три дня предъ экзаменомъ не выучилъ вновь, и очень легко могъ получить 1. Едва ли проходитъ какой-нибудь экзаменъ чтобы на немъ не случилось чего-нибудь подобнаго. „Мой сынъ приготовится къ экзамену, я возьму ему учителя,“ говоритъ родитель на замѣчаніе что сынъ его небрежно относится къ дѣлу, и вполнѣ убѣжденъ что сынъ его, приготовившись къ экзамену, вполнѣ удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ воспитанія. „Я приготовлюсь къ экзамену,“ говоритъ бойкій мальчикъ, надѣясь на свою сильно развитую память, и продолжаетъ небрежно учиться. И дѣйствительно, часто случается такъ какъ онъ говоритъ: онъ приготовится къ экзамену, получитъ переводные баллы, и родители имѣютъ полное право придти въ негодованіе если педагогическому совѣту вздумается оставить такого ученика на другой годъ въ томъ же классѣ. Да и какъ оставить?

Есть у насъ на экзаменахъ одинъ пріемъ который отчасти можетъ дать понятіе о степени развитости ученика: это заданіе сочиненія которое ученики пишутъ тутъ же на экзаменѣ. Но и этотъ пріемъ не вполнѣ состоятеленъ. Обыкновенно задается темой или какой-нибудь вопросъ изъ науки, или что-нибудь къ наукѣ не относящееся. Въ первомъ случаѣ ученикъ напишетъ то что̀ узналъ объ этомъ вопросѣ отъ учителя или изъ учебника, и такимъ образомъ выкажетъ свою память, а не развитіе. Во второмъ, тема можетъ случиться (и большею частію случается) такая о которой никогда не думалъ ученикъ. Тутъ, на экзаменѣ, въ тревожномъ состояніи, въ волненіи, онъ въ короткое время долженъ обдумать новый для него вопросъ и изложить его съ тѣмъ что по этому изложенію будетъ рѣшена его участь. Я думаю что далеко не всякій будетъ въ состояніи написать сочиненіе такъ какъ бы онъ написалъ его въ другихъ обстоятельствахъ. И можетъ случиться что какой-нибудь легкомысленный ученикъ, тайкомъ начитавшійся журнальныхъ статеекъ, привыкшій къ фразѣ и вовсе не гоняющійся за мыслью, напишетъ нѣсколько легкихъ фразъ, которыя будутъ имѣть наружную связь и выскажутъ кое-что о предметѣ; а ученикъ дѣльный, серіозный, ищущій мысли и не довольствующійся пустою фразой, захочетъ развить мысль, но въ тревожномъ состояніи не вполнѣ сладитъ съ нею, и сочиненіе его выйдетъ значительно хуже перваго. Впрочемъ писаніе сочиненій есть лучшая часть экзамена.

Посмотримъ во что̀ у насъ обратилась оцѣнка учениковъ.

Всякій учитель обязанъ нѣсколько разъ въ годъ представить полную оцѣнку всѣхъ своихъ учениковъ. Оцѣнка эта выражается баллами. Основаніемъ этой оцѣнки служатъ тѣ баллы которые каждый учитель обязанъ ставить ученикамъ при всякомъ спрашиваніи. Учитель старается спросить каждый классъ какъ можно больше учениковъ. Здѣсь подъ словомъ „спросить“ не должно разумѣть частный вопросъ съ которымъ часто учитель обращается то къ тому, то къ другому ученику, для того чтобы видѣть внимателенъ ли онъ къ тому что̀ говорится въ классѣ, и такимъ образомъ заставить учениковъ быть внимательными. „Спросить“ значитъ столько поговорить съ ученикомъ чтобъ убѣдиться что онъ дома готовилъ урокъ и по этому поставить баллъ. Число выставленныхъ балловъ опредѣляетъ сколько учениковъ было спроше-

но. „Меня сегодня не спрашивали“ на языкѣ учениковъ значитъ „мнѣ сегодня не поставили балла“. Но какъ ни старается учитель спросить много разъ, вслѣдствіе многочисленности учениковъ въ классѣ и краткости времени не успѣваетъ спросить каждаго ученика болѣе двухъ, трехъ, много четырехъ разъ въ мѣсяцъ. Положимъ, учитель спросилъ ученика и изъ отвѣта его вполнѣ правильно заключилъ что онъ вчера вечеромъ, между другими дѣлами, усердно посидѣлъ надъ учебникомъ его предмета и довольно твердо выучилъ изъ него нѣсколько страницъ. Учитель ставитъ ему 3. Прошло нѣсколько уроковъ. Учитель спрашиваетъ его другой разъ; оказывается что онъ вчера вечеромъ еще усерднѣе посидѣлъ надъ учебникомъ, и учитель ставитъ ему 4. Наконецъ учитель успѣваетъ спросить его третій разъ; но тутъ случилось что онъ вчера почему-то не заучилъ заданныхъ страницъ съ достаточною твердостью: учитель ставитъ ему 2. Наступаетъ время въ которое учитель обязанъ представить полную оцѣнку всѣхъ своихъ учениковъ. Разумѣется, отмѣтки поставленныя учителемъ: 3, 4 и 2 играютъ въ этомъ случаѣ важную роль. За этими отмѣтками слѣдитъ начальство и по этимъ отмѣткамъ хвалитъ или награждаетъ учениковъ; этими отмѣтками интересуются родители которые позаботливѣе. Когда кто-нибудь изъ нихъ придетъ въ заведеніе и спроситъ: „каковъ мой сынъ?“, ему показываютъ эти отмѣтки. Естественно что учитель руководится этими отмѣтками при опредѣленіи своей оцѣнки ученика. Скажу болѣе: очень многіе учителя и воспитатели думаютъ что они не имѣютъ и права хоть нѣсколько отступить отъ этихъ отмѣтокъ; всякое малѣйшее отступленіе они считаютъ за произволъ. Вслѣдствіе всего этого, дѣло дѣлается такъ: учитель складываетъ эти отмѣтки: 3, 4 и 2; выходитъ 9. Сумму дѣлитъ на число спросовъ и смотритъ, что̀ вышло: 3; значитъ вышло что онъ хорошій ученикъ. Дѣло дошло до того что въ иныхъ заведеніяхъ это сложеніе и дѣленіе дѣлаетъ не самъ учитель, а надзиратель или кто-нибудь другой. На случай если отъ дѣленія произойдетъ дробь, опредѣленъ предѣлъ, ниже котораго дробь считается за 0, а выше за 1. Что̀ же означаютъ эти 3, происшедшія отъ сложенія и дѣленія? По законамъ правильнаго логическаго мышленія эти 3 ничего не значатъ; потому что въ отмѣткахъ изъ которыхъ они такъ правильно выведены нѣтъ ничего такого что̀ бы могло перейти въ заклю-

ченіе. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ означаютъ эти отмѣтки? Онѣ значатъ что ученикъ въ одинъ вечеръ довольно усердно посидѣлъ надъ какою-нибудь страницей; другой вечеръ еще усерднѣе надъ другою; а въ третій вечеръ не занялся третьею страницей. Что̀ же можно вывести изъ этихъ посылокъ? Даже нельзя хоть приблизительно заключить и того съ какимъ усердіемъ сидитъ ученикъ надъ учебникомъ по вечерамъ; потому что не три же урока было въ тотъ періодъ времени за который выставляется оцѣнка, ихъ было по крайней мѣрѣ втрое больше. Очевидно что эти 3 ничего не значатъ. Но у насъ они значатъ очень много. Они значатъ, вопервыхъ, что ученикъ знаетъ удовлетворительно все то что̀ пройдено учителемъ въ тотъ періодъ времени за который выставлена отмѣтка. Они значатъ, вовторыхъ, что ученикъ добросовѣстно относится къ своей обязанности. Они значатъ, втретьихъ, что ученикъ имѣетъ очень порядочныя способности, и наконецъ, что, если будетъ продолжать такъ заниматься, то правильно разовьется, перейдетъ въ высшій классъ и въ послѣдствіи будетъ достоинъ поступить въ высшее учебное заведеніе. Но вотъ прошелъ годъ. Надобно вывести заключеніе о томъ каковъ ученикъ по каждому предмету, что̀ онъ вынесъ изъ годоваго занятія этимъ предметомъ, какъ душа его развилась подъ вліяніемъ массы новыхъ знаній. Естественно что на всѣ эти вопросы можетъ дать отвѣты только одинъ человѣкъ въ мірѣ: учитель. Но его-то именно объ этомъ и не спрашиваютъ. Отвѣтъ на эти вопросы отыскивается тоже посредствомъ сложенія и дѣленія. Обыкновенно инспекторъ, иногда кто-нибудь другой, беретъ всѣ тѣ оцѣнки которыя каждый учитель обязанъ представить нѣсколько разъ въ годъ, складываетъ, дѣлитъ, вмѣсто дроби ставитъ 0 или 1, по извѣстнымъ правиламъ, и потомъ объявляетъ учителю что такой-то ученикъ по его предмету хорошъ, а такой-то дуренъ. Иногда учитель удивится, услышавъ результатъ ариѳметической выкладки, и не мудрено: учитель въ маѣ, разумѣется, забылъ каковъ былъ у него ученикъ въ сентябрѣ или въ октябрѣ; онъ помнитъ только каковъ теперь этотъ ученикъ: знаетъ онъ предметъ или не знаетъ, прилеженъ или лѣнивъ, даровитъ или бездаренъ. А баллы первыхъ мѣсяцевъ имѣютъ въ сложеніи и дѣленіи одинаковое значеніе со всѣми другими баллами, и потому могутъ сильно измѣнить частное число и такимъ образомъ удивить учителя. Еслибы даже оцѣнки надъ

которыми производятся эти вычисленія имѣли болѣе серіозное значеніе, то и тогда бы выводъ изъ нихъ былъ невѣренъ. Вѣдь занятія ученика въ сентябрѣ уже дали результаты, они дали ему новыя свѣдѣнія, подъ вліяніемъ которыхъ развилась его душа въ ту или другую сторону; они уже дали ему возможность съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ вести свое дѣло въ слѣдующіе мѣсяцы. Они уже вошли въ его оцѣнку: какимъ же образомъ другой разъ вводить ихъ въ опредѣленіе достоинства ученика? Въ этомъ фактѣ я вижу наше внутреннее сознаніе что ученіе наше не имѣетъ большаго вліянія на душу учениковъ, что у насъ нѣтъ внутренней связи между ученіемъ въ сентябрѣ и ученіемъ въ апрѣлѣ, что и то само по себѣ, и другое само по себѣ, и что, иначе какъ чрезъ сложеніе и дѣленіе результатовъ, сентябрьскаго ученія никакъ нельзя ввести въ личность ученика.

Кончился годъ; настали экзамены. Опять цифры, сложеніе и дѣленіе, и этимъ опредѣляется переводъ учениковъ въ высшій классъ и оставленіе въ томъ же классѣ. Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ не возбуждается и вопросовъ при опредѣленіи переводовъ учениковъ. И въ самомъ дѣлѣ, о чемъ же толковать? Всѣ правила опредѣлены; можно развѣ только повѣрить нѣтъ ли ошибки въ сложеніи и дѣленіи. Такъ что у насъ вполнѣ исполняется предложеніе одного, кажется, бельгійскаго педагога, чтобы при сужденіи о переводѣ ученика не называть фамилій, а просто говорить о нихъ подъ нумерами. Нумеръ 15-й имѣетъ такіе-то баллы, сложить, раздѣлить, вышло: перевести. Кто такой подъ № 15? Справились въ спискѣ: такой-то. Рѣшено: такого-то перевести. А душа мальчика, живая душа, съ многообразными ея стремленіями, наклонностями, съ зарождающимися инстинктами, она не берется въ разчетъ.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ введенія устава 1828 года, поступилъ я въ училище, и съ тѣхъ поръ не разставался я съ училищами, дѣйствуя въ нихъ сперва какъ ученикъ, потомъ какъ учитель и какъ воспитатель. Въ это долгое время я имѣлъ возможность видѣть какъ постепенно форма заслоняла содержаніе, какъ она разросталась и обхватывала всѣ подробности ученія и воспитанія, подавляя всѣ живыя проявленія. Сначала намъ не назначали дня экзамена, не давали времени готовиться, значитъ хотѣли видѣть мальчиковъ такими каковы они есть, съ тѣми знаніями которыя

они вынесли изъ ученія. Потомъ стали назначать особенные дни экзаменовъ; далѣе начали оставлять промежутки между экзаменами для приготовленія, потомъ начали давать программы по которымъ ученики должны готовиться; наконецъ и билеты по которымъ ученики должны отвѣчать. Сначала каждый учитель долженъ былъ ежемѣсячно представлять списки въ которыхъ отмѣчалъ прилежаніе, способности, успѣхи и поведеніе каждаго ученика. Значитъ, въ мальчикѣ видѣли живое существо съ развивающеюся душей, съ разнообразными оттѣнками, которыхъ нельзя опредѣлить одною цифрой. Но скоро эти четыре графы слились въ одну; потомъ стали ставить баллъ при всякомъ спрашиваніи; потомъ исчезли всѣ другіе мотивы, кромѣ заданнаго урока; потомъ завели множество книгъ: въ однихъ записываются ежеклассныя отмѣтки, въ другихъ—средніе выводы изъ этихъ отмѣтокъ; въ третьихъ—среднія выводы изъ этихъ среднихъ выводовъ, и т. д. И вся эта система балловъ основана на томъ что ученикъ случайно приготовлялъ или не приготовлялъ урока въ тѣ дни въ которые его спрашивалъ учитель.

Всѣ эти ненормальныя явленія въ нашемъ ученіи произошли и такъ сильно развились отъ того что основаніе на которомъ построена вся система ученія невѣрно. Чтобъ устранить ихъ и сдѣлать ученіе дѣйствительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, необходимо измѣнить это основаніе. Необходимо согласиться что истинное знаніе дается не учебниками, а наукой; наука же немыслима въ гимназіи. Притомъ же знаніе изолированное, съ одной стороны, не освѣщенное наукой, а съ другой, не прикладываемое къ жизни (а въ гимназіи только такія знанія и могутъ получаться) совершенно безполезно, а въ большой массѣ эти знанія скорѣе вредны: они, напрасно обременяя память, только тяготятъ способности и лишаютъ ихъ свободы дѣйствія, слѣдовательно и стремиться къ этимъ знаніямъ не должно. Надобно поставить цѣлью ученія не знаніе: ибо истиннаго знанія въ гимназіи достигнуть нельзя, а то что̀ мы называемъ знаніемъ есть ложь, и слѣдовательно вредно во всѣхъ отношеніяхъ. Да и во всѣхъ прочихъ сферахъ жизни мы никогда, нигдѣ не требуемъ знанія. Какой бы человѣкъ ни былъ намъ нуженъ, мы никогда не спрашиваемъ что̀ онъ знаетъ, а всегда смотримъ какъ онъ дѣлаетъ дѣло. Если напримѣръ намъ нуженъ управляющій въ имѣніе, мы не спросимъ какой онъ курсъ или учебникъ знаетъ

твердо съ первой страницы до послѣдней, а поинтересуемся узнать какъ онъ можетъ вести хозяйство. Такъ точно во всѣхъ другихъ сферахъ. Только въ нашей учебной сферѣ мы интересуемся учебниками. Кто-нибудь желаетъ быть, напримѣръ, учителемъ русской словесности: мы прежде всего спрашиваемъ твердо ли онъ выучилъ учебникъ статистики, исторіи, и еще 20 другихъ учебниковъ. Молодой человѣкъ хочетъ учиться въ университетѣ: мы строго смотримъ выучилъ ли онъ опредѣленное количество учебниковъ; а какъ онъ умѣетъ работать, на сколько онъ развитъ, и вообще все то что̀ нужно знать о немъ чтобы заключить въ какой степени онъ можетъ вести дѣло за которое онъ берется, объ этомъ мы нисколько не заботимся. Это необхо́димо измѣнить: цѣлью ученія необходимо поставить не знаніе, а умѣнье. Для опредѣленія каковъ человѣкъ надо смотрѣть, не какъ онъ знаетъ, а какъ онъ умѣетъ. Если онъ умѣетъ, то это показываетъ, вопервыхъ, что онъ много работалъ, ибо безъ предварительной работы нельзя умѣть что-либо дѣлать. Это покажетъ, вовторыхъ, что онъ знаетъ все то что̀ нужно знать для этого умѣнья. Какъ только мы умѣніе поставимъ цѣлью ученія, такъ все ненормальное въ нашихъ школахъ само собою исчезнетъ: исчезнетъ и это неестественное ученіе учебниковъ и немедленное забываніе того что̀ выучено; исчезнетъ это неестественное вниманіе къ тому что̀ ученику совершенно извѣстно; исчезнетъ и это не имѣющее никакого значенія выставленіе отмѣтокъ за каждое спрашиванье; исчезнутъ лекціи учителей, которымъ не мѣсто въ гимназіи и много, много, много другаго. Сто́итъ только выбрать такой предметъ умѣнія который требовалъ бы, вопервыхъ, очень много знаній, и вовторыхъ, усиленнаго дѣйствія умственныхъ способностей въ употребленіи этихъ знаній. Кромѣ того эти знанія и это дѣйствіе способностей должны вполнѣ соотвѣтствовать возрасту учащихся, съ одной стороны, не превышая силъ 10-лѣтняго мальчика, и съ другой не спускаясь ниже силъ 18-лѣтняго юноши. Если мы внимательно пересмотримъ всѣ предметы которые могутъ быть преподаваемы въ гимназіи, то мы придемъ къ тому же убѣжденію къ которому пришелъ весь образованный міръ, то-есть что лучшій, единственный предметъ для этой цѣли есть древніе языки. Но, разумѣется, преподаваніе ихъ должно быть построено на основаніи этой цѣли. Уже не должно на экзаменѣ спрашивать грамматику латинскую или гре-

ческую по билетамъ, или заставлять ученика повторять переводъ какой-нибудь главы изъ классика въ томъ точно видѣ какъ его сдѣлалъ учитель во время урока, и при переводѣ передавать все то что̀ учитель говорилъ по поводу этой главы. Это не есть самостоятельная работа способностей ученика; это есть безполезная работа одной памяти, это есть только страдательное, а слѣдовательно непремѣнно и безсознательное, запоминаніе чужихъ словъ. Ученіе этимъ языкамъ должно быть организовано такъ чтобы ученикъ постоянно работалъ самъ, самъ бы шелъ впередъ; учитель только даетъ матеріалъ и показываетъ путь по которому долженъ идти ученикъ; онъ только указываетъ какъ должно работать, а работаетъ все ученикъ; если ученикъ неправильно принимается за работу, дѣлаетъ не то и не такъ что̀ и какъ слѣдуетъ, дѣло учителя указать ему его ошибку и научить правильнымъ пріемамъ въ работѣ. Распредѣленіе этого ученія должно быть слѣдующее:

Въ первый классъ поступаютъ ученики еще не умѣющіе читать по-латыни; итакъ, прежде всего они должны выучиться читать и писать. Объ этомъ, кажется, говорить нечего: ученикъ выучитъ буквы и особенности выговора нѣкоторыхъ изъ нихъ, и потомъ много читаетъ не только въ классѣ, но и готовится къ чтенію дома. То же самое и съ письмомъ: ученикъ выучится писать буквы и потомъ много списываетъ и въ классѣ, и дома въ видѣ заданнаго урока. Это первая правильная работа которая встрѣчаетъ ученика въ училищѣ. Она очень легка, совершенно ему по силамъ, и въ то же время затрогиваетъ многія его способности: онъ учитъ наизусть, сейчасъ же примѣняетъ выученное къ дѣлу, слѣдовательно управляетъ своею памятью и своими знаніями; онъ успѣваетъ, слѣдовательно самъ онъ видитъ что идетъ впередъ. Онъ не разъ съ гордостью скажетъ родителямъ: „я сегодня самъ прочелъ пять строкъ безъ ошибокъ!“ Придетъ ли ему въ голову не приготовить урока? Урокъ такъ легокъ и доставляетъ удовольствіе успѣха, къ которому не можетъ быть нечувствителенъ ни одинъ человѣкъ. Но это только начало. Оно задержитъ недѣли на три. Въ это же время можно выучить нѣсколько словъ, какъ матеріалъ для будущихъ работъ. Потомъ ученикъ выучитъ двѣнадцать окончаній всѣхъ шести падежей, обоихъ чиселъ перваго склоненія. Ихъ онъ долженъ выучить съ совершенною твердостью, то-есть отзубрить.

Я уже говорилъ что безъ зубренія не можетъ быть полнаго ученія. Сейчасъ же послѣ этого должны быть упражненія надъ тѣмъ что̀ выучено. Упражненія эти сначала состоятъ въ томъ что ученикъ пишетъ наизусть склоненіе какого-нибудь ему незнакомаго слова; но существенныя упражненія въ этомъ классѣ суть переводы фразъ отчасти съ латинскаго на русскій, но преимущественно съ русскаго на латинскій. Ученикъ при этомъ заучиваетъ слова и каждое изъ нихъ ставитъ въ той формѣ въ которой слѣдуетъ. Въ этомъ классѣ ученикъ не долженъ говорить ни одного слова, не разказавъ вполнѣ причины по которой онъ ставитъ именно эту форму, чтобы онъ такимъ образомъ пріучался дѣйствовать въ ученіи только на основаніи силлогизмовъ. Чтобы не тратить много времени на диктованье этихъ примѣровъ, необходимо имѣть учебникъ со множествомъ латинскихъ и русскихъ фразъ, удобныхъ для перевода и подобранныхъ такъ чтобы въ нихъ постоянно встрѣчались прежде выученныя ученикомъ слова и правила. Послѣ 1го склоненія точно такъ же выучивается второе; при немъ прилагательныя имена втораго склоненія. За этимъ третье и прилагательныя имена этого склоненія. И такъ далѣе проходятся всѣ важнѣйшія части грамматики: разумѣется, глаголовъ при нынѣшнемъ числѣ уроковъ учитель не успѣетъ пройти; но должно съ самаго начала пройти настоящее, прошедшее и будущее времена глагола, чтобъ ученикъ могъ самъ вполнѣ переводить задаваемыя ему фразы. Ученикъ всю работу дѣлаетъ самъ: въ началѣ только учитель руководитъ его, но потомъ все болѣе и болѣе даетъ ему свободы въ приготовленіи урока. Отъ времени до времени учитель заставляетъ учениковъ въ классѣ перевести нѣсколько новыхъ фразъ, для того чтобы видѣть правильно ли они принимаются за работу. При такомъ ученіи выставленные мною недостатки будутъ уже невозможны. Ученикъ дѣйствуетъ не одною памятью, неестественно направляемою, но всѣми силами своей души; работа у него не страдательное заучиваніе чужихъ словъ, но самостоятельный трудъ, и съ нимъ видимое самимъ ученикомъ движеніе впередъ; вниманіе требуется отъ него не для того чтобъ онъ слушалъ многократныя повторенія того что̀ онъ уже твердо выучилъ, но для того чтобы онъ слѣдилъ за тѣмъ насколько вѣрно онъ исполнилъ свою работу; оцѣнка его производится не на основаніи того балла который поставитъ ему учитель за то что онъ твердо отзубрилъ

заданныя ему слова въ тотъ день въ который его спросилъ учитель, а на основаніи дѣйствительнаго его успѣха въ работѣ умомъ. Такимъ образомъ зубреніе получитъ въ глазахъ ученика надлежащее мѣсто въ ученіи: онъ увидитъ въ немъ не существенное дѣло, за которое хвалятъ и награждаютъ, а только необходимую подготовку для истиннаго ученія, для ожидающей его работы умомъ. Однимъ словомъ, если учитель правильно поведетъ дѣло, не обременяя ученика излишнею работой и съ другой стороны не оставляя его безъ достаточной работы, то только тотъ ученикъ который уже совершенно испорченъ до поступленія въ училище, задумаетъ когда-нибудь не приготовить урокъ. Дѣйствіе умственными способностями, успѣхъ, интересны для каждаго человѣка, и если ученикъ разъ станетъ на правильную дорогу ученія, то онъ съ охотой пойдетъ по ней. Вѣдь наука, то-есть ученіе, увлекаетъ. Если теперь, при неправильной постановкѣ ученія, встрѣчаются ученики которые проводятъ часы надъ непонятнымъ мѣстомъ, добиваясь побѣды надъ нимъ, то при правильномъ ходѣ всего дѣла, это явленіе сдѣлается обыкновеннымъ. И намъ рѣже нужно будетъ прибѣгать ко внѣшнимъ побужденіямъ, къ этимъ наградамъ и наказаніямъ, которыя если иногда и достигаютъ своей цѣли, то во всякомъ случаѣ заражаютъ въ душѣ неправильные, даже вредные инстинкты. Только въ первомъ классѣ должно быть болѣе уроковъ латинскаго языка нежели теперь. Тутъ они нужнѣе чѣмъ въ высшемъ классѣ: тамъ возрастъ учениковъ позволяетъ еще замѣнить работу надъ древними языками какою-нибудь другою полезною для ума уже отчасти окрѣпшаго; но въ первомъ классѣ десятилѣтніе мальчики рѣшительно не могутъ еще самостоятельно дѣйствовать умомъ ни надъ какою другою работой.

Во второмъ классѣ оканчивается и дополняется этимологія. Ученіе должно идти тѣмъ же путемъ: постоянныя упражненія въ переводахъ фразъ, преимущественно съ русскаго; ни одного слова со стороны ученика безъ изложенія причины. Разумѣется, фразы должны быть нѣсколько сложнѣе. Третій классъ назначается для окончательнаго утвержденія этимологіи, точно такъ же посредствомъ переводовъ. Но въ этомъ классѣ и возрастъ учениковъ и уже достаточное знакомство ихъ съ языкомъ даютъ возможность начать съ ними разборъ латинскаго текста. Для этого можно взять самаго легкаго классика или очень удачно составленную книжку: De viris illustribus

urbis Romae. Сначала переводъ дѣлается въ классѣ подъ руководствомъ учителя, который такимъ образомъ покажетъ ученикамъ правильный пріемъ при переводѣ, потомъ ученики готовятъ весь переводъ сами на дому; въ классѣ идетъ только повѣрка и исправленіе сдѣланнаго. При этомъ ученикъ не долженъ и здѣсь говорить ни одного слова безъ доказательства почему онъ его говоритъ. Въ этихъ переводахъ ученикъ необходимо познакомится и съ нѣкоторыми важнѣйшими правилами синтаксиса: accusativus cum infinitivo, ablativus absolutus и немногія другія. Потомъ берутъ болѣе труднаго классика, постепенно усиливая занятіе переводами съ латинскаго, а между тѣмъ выучивается синтаксисъ, и дѣло идетъ все впередъ, постоянно требуя усиленной самостоятельной дѣятельности умомъ. Латинская литература представляетъ цѣлый рядъ писателей, изъ которыхъ одинъ труднѣе другаго и которыхъ достанетъ на много лѣтъ постепенно усиливающихся занятій.

Здѣсь я не имѣю намѣренія писать подробную программу преподаванія латинскаго языка: я хочу показать только принципъ который долженъ лежать въ основаніи этого преподаванія: самостоятельная работа умомъ, посредствомъ силлогизмовъ. все болѣе и болѣе трудныхъ, сообразно съ возрастомъ учащихся, и всегда требующихъ знанія множества фактовъ для постановки посылокъ.

Съ третьяго класса начинается греческій языкъ. Заучиваніе склоненій и спряженій даетъ слишкомъ мало пищи для тринадцатилѣтняго возраста: но въ греческомъ языкѣ въ склоненіи есть довольно трудная и разнообразная статья объ удареніяхъ, съ которою не сладитъ десятилѣтній мальчикъ; а въ спряженіи очень оригинальное и довольно запутанное производство временъ также превышаетъ силы мальчика только что начавшаго учиться, такъ что болѣе приличнаго возраста для изученія этихъ статей, а слѣдовательно и для начала изученія греческаго языка, нельзя найти. Но вслѣдствіе этого при прохожденіи грамматики греческаго языка надобно обращать вниманіе преимущественно на эти статьи, поставивъ себѣ цѣлью чтобъ ученики вполнѣ сознали ихъ и могли ими пользоваться свободно и безошибочно. Для этого крайне необходимо, еще болѣе нежели въ первомъ классѣ для латинскаго языка, увеличить число уроковъ: въ назначенные нынѣ три урока положительно невозможно правильно

пройти эти двѣ статьи, а растягивать ихъ на два года вовсе не слѣдуетъ. Изученіе греческаго языка, точно такъ же какъ и латинскаго, должно происходить въ видѣ самостоятельныхъ работъ сперва надъ фразами, потомъ надъ греческими писателями, постоянно переходя отъ легкихъ къ болѣе и болѣе труднымъ.

Изученіе этихъ двухъ языковъ и должно составлять существенную часть гимназическаго ученія; на нихъ преимущественно ученикъ пріучается къ самостоятельному умственному труду; пріучается, на основаніи выученнаго, дѣйствовать по законамъ мышленія, идти впередъ; пріучается по данной формѣ, все болѣе и болѣе трудной, посредствомъ правильныхъ силлогизмовъ и съ помощію уже пріобрѣтенныхъ знаній проникать до мысли. Здѣсь, на этихъ двухъ языкахъ совершается главная выработка ума. Не могу не прибавить здѣсь еще одного соображенія. Кругъ понятій древняго міра былъ далеко не такой отвлеченный какъ теперь. Жизнь древнихъ, съ помощію своей науки, еще не успѣла выработать тѣхъ въ высшей степени отвлеченныхъ понятій которыя лежатъ въ основаніи нынѣшняго міросозерцанія. Поэтому произведенія древнихъ вполнѣ доступны ученикамъ; читая ихъ, они могутъ обнять ихъ мысль во всей ея полнотѣ, между тѣмъ какъ нынѣшніе великіе писатели полагаютъ такое сильное отвлеченіе въ основаніи своихъ произведеній что для полнаго ихъ уразумѣнія требуется долгая подготовка, сильная привычка ума. Для молодыхъ умовъ, не довольно еще укрѣпленныхъ ученіемъ, не только не полезно, но даже вредно читать, напримѣръ, исторію цивилизаціи Гизо, или Бокля, и подобныя книги: ученики не сладятъ съ ними, поймутъ ихъ превратно, и выйдетъ вздоръ. Да и поэты наши требуютъ сильнаго развитія отъ своихъ читателей: въ какомъ, вы думаете, возрастѣ пойметъ ученикъ что въ Аѳанасіи Ивановичѣ и Пульхеріи Ивановнѣ лежитъ глубокая мысль? Въ какомъ возрастѣ онъ перестанетъ въ нихъ видѣть только въ высшей степени смѣшныя и потѣшныя лица? Читая геніальныя и вмѣстѣ столь простыя произведенія древнихъ, ученикъ вполнѣ усвоиваетъ мысль писателя: предъ нимъ открывается весь міръ понятій древнихъ, который составляетъ естественный переходъ къ нынѣшнему міросозерцанію, и безъ котораго прямо перескочить къ понятіямъ выработаннымъ нашею наукой очень трудно.

Впрочемъ я уклоняюсь отъ своего предмета.

Къ изученію древнихъ языковъ необходимо еще присоединить, какъ могущественное средство развитія ума ученика, изученіе математики. Но и тутъ учитель долженъ имѣть въ виду не знаніе, а умѣніе; онъ долженъ стремиться не къ тому чтобъ ученикъ могъ повторить то что̀ сказано въ классѣ, или написано въ учебникѣ, а чтобъ онъ умѣлъ распорядиться цифрами, алгебраическими знаками и геометрическими фигурами. На экзаменѣ не нужно спрашивать ученика по билетамъ: „Что̀ такое это?“ „Какъ сдѣлать то?“ а просто задать задачу, и если мальчикъ сдѣлаетъ ее, то не спрашивая болѣе, я заключаю что онъ знаетъ отдѣлъ къ которому относится задача. Все ученіе должно быть ведено на самостоятельной работѣ учениковъ, на задачахъ. Заучивается только матеріалъ, и если ученикъ умѣетъ имъ пользоваться, то цѣль ученія достигнута, хотя бы ученикъ и не могъ бойко повторить слова которыя должны быть заучены.

Эти три предмета и должны составить полный курсъ ученія. Только они назначаются для умственнаго развитія учениковъ, ибо только они даютъ ученикамъ возможность самостоятельной работы умственными способностями. Но этимъ ограничиться нельзя: при ученіи, кромѣ развитія ума, должны быть еще другія цѣли, которыя тоже очень важны и для достиженія которыхъ необходимо ввести нѣкоторые другіе предметы. Но предметы эти и нужно вести сообразно съ этою особенною цѣлью, и совершенно не такъ какъ древніе языки и математику. Въ противномъ случаѣ цѣль не будетъ достигнута, и предметы эти только напрасно обременятъ учениковъ.

Первое мѣсто между этими предметами занимаетъ законъ Божій. Цѣль его есть воспитаніе религіознаго чувства въ ученикахъ. Слѣдовательно и преподаваніе должно имѣть въ виду не столько знаніе фактовъ сколько религіозно-нравственное развитіе. Отсюда выходитъ что при преподаваніи этого предмета все должно по возможности дѣлаться въ классѣ и что экзамена изъ закона Божія быть не должно. Какой же экзаменъ можетъ указать достигнута ли цѣль преподаванія закона Божія? Ученикъ можетъ прекрасно разсказать множество преподанныхъ ему предложеній и текстовъ, получить на экзаменѣ пять, и въ то же время быть весьма мало религіозенъ. Нужно въ продолженіе года всѣми силами добиваться

вниманія со стороны учениковъ: для этого употреблять всѣ разумныя педагогическія мѣры. Если достигнете вниманія, то всякій ученикъ приметъ изъ ученія столько пользы для своего сердца сколько оно можетъ вмѣстить. Если же не будетъ вниманія, то никакія заучиванія цѣлыхъ томовъ, никакіе экзамены не принесутъ нравственной пользы. Такимъ образомъ преподаваніе закона Божія должно быть распредѣлено такъ: кромѣ молитвъ и ежедневнаго чтенія по одной главѣ изъ Евангелія, надобно пройти сперва священную исторію Ветхаго Завѣта въ разказахъ (разказы эти чрезвычайно доступны дѣтскому возрасту). При этомъ должно имѣть въ виду дѣйствовать не столько на умъ и память сколько на сердце ученика: разказы должны быть близки ученику, надобно стараться по возможности ставить ученика на мѣсто дѣйствующихъ лицъ, чтобы происшествіе дѣлалось ему какъ бы знакомымъ и чтобы чувство лежащее въ основаніи его переходило въ дѣтское сердце, становилось его собственностью и вырабатывало будущій характеръ. Далѣе точно въ томъ же духѣ проходится, преимущественно по Евангелію, священная исторія Новаго Завѣта. При этомъ должны быть постоянныя ссылки на исторію Ветхаго Завѣта. Эти ссылки замѣнятъ повтореніе. За этимъ проходится ученіе вѣры, надежды и любви, какъ можно короче, хоть даже по *Начаткамъ христіанскаго ученія*. Все должно примѣнять къ жизни, сближать съ ученикомъ; всякая мысль должна быть представлена какъ фактъ и притомъ такой фактъ который вполнѣ знакомъ ученику, съ которымъ онъ уже сжился. При этомъ постоянныя обращенія къ священной исторіи, въ видахъ повторенія. Это ученіе идетъ въ продолженіе всего курса съ постояннымъ увеличеніемъ его объема. Къ нему должно прибавить богослуженіе, праздники и житія нѣкоторыхъ святыхъ.

Другой предметъ имѣющій особенную цѣль и также необходимый для полнаго гимназическаго курса есть русскій языкъ. Цѣль его—научить ученика читать и писать. Поэтому и учить надобно только тому что необходимо для того чтобъ умѣть читать и писать, рѣшительно откинувъ всѣ изслѣдованія *Слова о полку Игоревѣ* и другихъ памятниковъ словесности, а также многое изъ того что подъ именемъ русскаго языка вошло теперь въ наши классы. Преподаваніе грамматики должно имѣть практическую цѣль. Отвлеченности

могутъ быть допускаемы лишь на сколько онѣ необходимы. Вмѣстѣ съ разборомъ идетъ чтеніе и письмо: нынѣшніе хорошіе учителя разработали эту сторону своего преподаванія чрезвычайно удовлетворительно, и много теперь употребляется прекрасныхъ пріемовъ для наученія учениковъ чтенію и письму; лучшіе изъ этихъ пріемовъ и должны быть употребляемы. Когда ученики узнаютъ русскую грамматику и въ соединеніи съ нею церковно-славянскую, и привыкнутъ свои знанія прилагать къ дѣлу, начинается чтеніе классиковъ. Цѣлью при этомъ никакъ не должно быть изученіе писателя, его значенія въ литературѣ и прочее, а просто близкое знакомство съ избраннымъ сочиненіемъ: знакомство это не можетъ не вліять благодѣтельно на образованіе вкуса ученика. Если при этомъ учитель успѣетъ передать что-нибудь изъ теоріи или исторіи литературы, то это нисколько не помѣшаетъ. Но при этомъ надобно наблюдать, вопервыхъ, чтобы изъ теоріи и исторіи словесности было сообщаемо очень и очень мало: иначе это отниметъ слишкомъ много времени у существеннаго дѣла. Въ высшихъ классахъ всякую недѣлю должна быть домашняя письменная работа у учениковъ.

Еще одинъ предметъ нужно ввести въ гимназическое преподаваніе—одинъ новый языкъ. Цѣль этого преподаванія должна состоять въ томъ чтобы привести ученика въ возможность современемъ понимать ученыя сочиненія писанныя на этомъ языкѣ по наукѣ которую ученикъ будетъ изучать. Болѣе обширную цѣль поставить нельзя, потому что она никогда не достигнется въ гимназіи. Преподаваніе должно быть вполнѣ практическое: ученики воспитанные на древнихъ языкахъ легко и скоро одолѣютъ изъ несложной теоріи новыхъ языковъ что̀ нужно для практическихъ занятій. Постоянные переводы сначала съ русскаго и на русскій языкъ, а потомъ преимущественно на русскій—должны быть почти единственною работой по этому предмету.

Вотъ занятія которыя должны составлять правильное гимназическое ученіе. Но курсъ этотъ еще не полонъ. Ученики дѣйствительно разовьютъ свою мыслящую способность, пріучатся къ умственному труду, научатся писать, затронуто будетъ ихъ религіозное чувство; но въ нихъ будетъ еще недостатокъ и недостатокъ очень важный: ученіе не дастъ имъ фактовъ какъ матеріала для будущаго пріобрѣтенія знаній.

Но въ этомъ отношеніи у насъ распространены такія невѣрныя понятія что я считаю нужнымъ еще разъ и подолѣе остановиться на этомъ вопросѣ. Прежде всего необходимо постановить что науку въ полномъ смыслѣ преподавать въ гимназіи невозможно и некогда, и средствъ нѣтъ, и ученики еще такъ молоды, такъ мало развиты, что не въ состояніи постигать научныя истины въ ихъ полномъ, правильномъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ: что̀ такое напримѣръ исторія? Это есть изображеніе развитія человѣчества. Есть ли же возможность говорить съ четырнадцатилѣтними мальчиками о развитіи, о человѣчествѣ? Вѣдь понятія—„развитіе“, „человѣчество“—таковы что должны быть выработаны очень долгою привычкой къ серіозному отвлеченію, и могутъ получить какой-нибудь смыслъ только послѣ очень долгаго ученія. Если къ концу курса нѣкоторые ученики и разовьются до такой степени что можно будетъ понемногу начать съ ними бесѣду о подобныхъ понятіяхъ, то все-таки это будетъ только въ концѣ курса, и въ краткое остающееся время никакъ нельзя развернуть предъ ними полную картину развитія всего человѣчества, можно успѣть представить маленькую частичку ея, и то весьма съ грѣхомъ пополамъ. Такъ для чего же и начинать такое обширное дѣло, если должно остановиться почти на первыхъ словахъ его? Слѣдовательно и должно все это развитіе человѣчества предоставить университету, а на гимназію возложить обязанность приготовить ученика къ возможности понимать рѣчь въ которой встрѣчаются такія понятія, къ возможности заняться изученіемъ развитія человѣчества. Точно то же и со всякою наукой. Наука есть послѣднее слово разума человѣческаго; всякое слово науки выработано громадными усиліями всѣхъ умственныхъ способностей геніальнѣйшихъ людей, и для полнаго уразумѣнія своего требуетъ вполнѣ развитой головы; ни въ какомъ случаѣ это не дѣтское дѣло. Мнѣ кажется, это такъ ясно что и слова противъ этого быть не можетъ. Но̀ не хотятъ знать этого поборники системы образованія всезнающихъ гимназистовъ. Они смѣло говорятъ: „почему не дать юной душѣ возможности услышать эту чудную проповѣдь внѣшняго міра, столь исполненную разума и мудрости, и такъ высоко провозглашающую славу Творца?“ (*Вѣстникъ Европы*. Іюль 1870, стр. 395.) И не хотятъ знать они что эта „проповѣдь, исполненная разума и мудрости“, требуетъ и отъ слушателя много „разума и мудрости“ чтобы

быть правильно понятою. Они вполнѣ увѣрены что если написать названіе науки въ программѣ преподаванія какого-нибудь класса, то ученики уже все усвоятъ что̀ бы имъ ни сталъ говорить учитель, и всякая проповѣдь для нихъ будетъ ясна. Вѣдь дѣти не могутъ быть представителями „разума и мудрости“: какимъ же образомъ они поймутъ самое сильное отвлеченіе? какимъ образомъ они отъ факта, постоянно ими видимаго, перейдутъ къ самой удаленной его причинѣ, къ самому отвлеченному существу его? Проповѣдь эту разумѣютъ только самые крѣпкіе умомъ, самые развитые люди. Не хотятъ они знать этого и смѣло говорятъ (тамъ же *Вѣстн. Евр.*): „Развѣ человѣку не присущъ даръ наблюденія, опыта, наведенія?“ (доказывая этимъ возможность ввести въ гимназическое ученіе и науку, которая не мыслима безъ этихъ способностей). И дѣйствительно, даръ наблюденія, опыта, наведенія присущъ человѣку, только я прибавлю: развитому человѣку. Но въ дѣтяхъ-то есть ли этотъ даръ? Кто видалъ тринадцатилѣтнихъ наблюдателей? Вѣдь наблюденіе не есть простое смотрѣніе на предметъ дабы получить понятіе о его видѣ, цвѣтѣ, величинѣ и пр. Такое смотрѣніе есть физическая способность, она есть у всѣхъ животныхъ. Какъ же построить ученіе на этой способности? Ученіе принадлежитъ къ области духовной, это двѣ совершенно разныя сферы. Смотрѣть человѣкъ начинаетъ почти съ самаго рожденія, съ той минуты когда ребенокъ въ первый разъ улыбнулся: ужь не тогда ли открывать ему „проповѣдь внѣшняго міра, исполненную разума и мудрости?“ Наблюденіе есть смотрѣніе на предметъ соединенное съ сильнымъ напряженіемъ всѣхъ умственныхъ способностей наблюдателя, съ цѣлью отличить въ предметѣ всѣ мельчайшія его черты и въ этихъ чертахъ открыть проявленіе закона, постичь ихъ смыслъ. Даже въ университетѣ студенты только пріучаются къ пріемамъ наблюденія. Наблюденіе развилось послѣ всѣхъ другихъ силъ дающихъ человѣку возможность понимать „проповѣдь внѣшняго міра“; оно есть вѣнецъ полнаго развитія умственныхъ способностей, отдающихъ природу въ его власть. Какое же наблюденіе у ребенка? Да и какъ наблюдать ему? Вѣдь ежели онъ въ классѣ посмотритъ, подъ руководствомъ учителя, въ продолженіе двухъ минутъ (на долю каждаго ученика не можетъ достаться болѣе) въ микро-

сколъ на клѣточку растенія, то неужели это значитъ что онъ наблюдалъ строеніе растенія? Надо прежде научить его дѣйствовать силлогизмами; привести его въ такое состояніе чтобъ онъ постоянно всякую свою мысль основывалъ на силлогизмѣ, чтобы силлогизмъ былъ всегдашнимъ, обычнымъ его оружіемъ. И начинать надобно съ самыхъ простыхъ силлогизмовъ, въ такомъ родѣ: слова кончащіяся на *o* суть мужескаго рода; стало быть sermo мужескаго рода, и должно сказать latinus sermo, хотя по-русски говорятъ: русская рѣчь. Въ продолженіе курса должно постоянно переходить къ болѣе труднымъ и сложнымъ силлогизмамъ. Лишь когда ученикъ хорошо выработаетъ въ себѣ эту способность дѣйствовать силлогизмами, можетъ онъ приступить и къ наблюденію. Въ образованныхъ странахъ для этой выработки считается нужнымъ лѣтъ около *десяти*. У насъ считаютъ достаточнымъ семь лѣтъ, но и эти семь лѣтъ не хотятъ вполнѣ употребить на эту выработку силы мышленія въ ученикахъ. Полагаю, доказывать невозможность науки въ собственномъ смыслѣ въ гимназіи значитъ доказывать что днемъ отъ солнца свѣтло. Итакъ, принимаю эту посылку: научныхъ знаній не можетъ доставить своимъ ученикамъ гимназія. Что же она доставляетъ имъ? Она доставляемъ имъ извѣстную массу фактовъ, нужную ученику для того чтобы въ послѣдствіи заняться наукой. Но тутъ у насъ распространено совершенно невѣрное убѣжденіе, которое извращаетъ правильный взглядъ на дѣло. Какъ, съ одной стороны, мы убѣждены что если написано въ программѣ названіе какой-нибудь науки, то ученики сейчасъ получатъ всѣ средства вполнѣ узнать ее, и предъ ними откроется вся „проповѣдь внѣшняго міра“, такъ, съ другой стороны, мы увѣрены что если не написано въ программѣ названіе науки, то ученики уже ничего не узнаютъ изъ области этой науки; если напримѣръ не поставить въ программѣ слово „ботаника“, то ученики не сумѣютъ отличить горохъ отъ березы. А между тѣмъ всѣ мы, кончившіе курсъ, вполнѣ знаемъ что мы совершенно забыли все то чему учились въ гимназіи, и знанія наши всѣ пріобрѣтены въ послѣдствіи, по окончаніи курса. Не одна школа сообщаетъ ученику факты: факты пріобрѣтаетъ онъ еще въ жизни: живя, онъ много видитъ, много слышитъ, много разговариваетъ и такимъ образомъ собираетъ довольно значительную массу фактовъ. Фактическія знанія еще почерпаются изъ чтенія. Такимъ образомъ школа есть только одинъ

изъ грехъ источниковъ пріобрѣтенія знаній. И каждый изъ этихъ источниковъ имѣетъ свою хорошую сторону. Свѣдѣнія почерпаемыя изъ жизни близки къ ученику, составляютъ часть его самого, въ нихъ вся сила жизненности. Свѣдѣнія почерпаемыя изъ чтенія интересны и вслѣдствіе этого принимаются съ увлеченіемъ. Въ этомъ отношеніи школа уступаетъ и жизни, и чтенію: Но за то она имѣетъ огромное преимущество предъ ними въ томъ отношеніи что свѣдѣнія сообщаемыя ею серіознѣе, что они строго выбраны и всѣ вмѣстѣ представляютъ одно стройное цѣлое, въ которомъ всѣ части имѣютъ связь между собою и поддерживаютъ другъ друга. Соображая все сказанное, преподаваніе предметовъ имѣющихъ назначеніе сообщать свѣдѣнія можно организовать такимъ образомъ:

Вопервыхъ, надобно помнить что они не назначены для развитія самостоятельной дѣятельности ума, слѣдовательно въ этихъ предметахъ и не нужно требовать никакой самостоятельной работы, и стало-быть по нимъ нѣтъ надобности задавать домашнія работы ученикамъ, а можно все дѣлать въ классѣ. Вовторыхъ, надобно сообщать памяти факты такъ какъ это совершается въ жизни: не напрягать памяти неестественно и вредно, а возможно чаще представлять ей одни и тѣ же факты; только такое постоянное обращеніе къ памяти и есть естественный путь, посредствомъ котораго память можетъ овладѣть фактомъ. Втретьихъ, знаніе фактовъ не считать признакомъ развитія ученика, доказательствомъ что онъ можетъ самостоятельно работать умомъ и слѣдовательно перейти въ высшій классъ или даже въ университетъ; и наоборотъ, незнающаго фактовъ не должно считать неразвитымъ, не умѣющимъ работать умомъ. Экзаменъ долженъ производиться для того чтобъ увидѣть какъ вообще удержанія факты учениками. И если классъ ведетъ хорошо, а какой-нибудь ученикъ не знаетъ фактовъ, то приписать это его невниманію: взыскать съ него, заставить выучить, однимъ словомъ, принять противъ него педагогическія мѣры, а не лишать его умственной работы соотвѣтствующей его способностямъ, и если онъ показалъ что умѣетъ хорошо исполнять умственную работу назначенную для его класса, то его непремѣнно перевести въ высшій. Наконецъ, вчетвертыхъ, надобно строго выбрать предметы преподаванія и опредѣлить свѣдѣнія необходимыя по каждому предмету.

Предметами которыхъ цѣль сообщить ученику извѣстныя

свѣдѣнія нужныя ему для будущихъ его занятій, по моему мнѣнію, должны быть: исторія, географія и физика. Естественныя науки не совсѣмъ удобны для этой цѣли: онѣ сообщаютъ свѣдѣнія или слишкомъ трудныя для полнаго уразумѣнія или слишкомъ легкія, которыя во множествѣ доставляются жизнью: ученикъ видитъ много растеній, животныхъ; можетъ-быть, самъ разводитъ нѣкоторыхъ, сажаетъ цвѣты, выводитъ бабочекъ изъ личинокъ, втыкаетъ на булавки жуковъ и пр. И школѣ неудобно соперничать съ жизнью въ сообщеніи этихъ фактовъ: лучше дополнять количество ихъ чрезъ чтеніе и давать ученикамъ читать популярныя, соотвѣтствующія ихъ возрасту сочиненія по естественнымъ наукамъ. Притомъ же трехъ мною названныхъ наукъ вполнѣ достаточно для совершенно удовлетворительнаго достиженія предназначенной для нихъ цѣли.

Въ преподаваніи исторіи должно прежде всего строго опредѣлить тѣ имена дѣйствующихъ лицъ которыя ученикъ должень запомнить. Въ это число должны поступить всѣ замѣчательныя лица исторіи, но, съ другой стороны, количество ихъ не должно быть слишкомъ велико, чтобы всякій ученикъ могъ легко съ ними сладить. Преподаватель на первый урокъ познакомитъ учениковъ съ очень немногими именами, самъ онъ поговоритъ о нихъ, указавъ существенныя ихъ черты и дѣла въ очень немногихъ словахъ; ученики повторятъ или скажутъ что-нибудь о нихъ, такъ что эти имена къ концу класса уже будутъ не чужды ученикамъ. На слѣдующій урокъ учитель познакомитъ учениковъ съ новыми именами, но прибавлять онъ долженъ какъ можно менѣе. Знакомя учениковъ съ этими новыми именами, онъ долженъ безпрестанно ссылаться на имена выученныя въ прошлый урокъ: сравнивать, противополагать, заставлять учениковъ находить общія черты, наконецъ просто припоминать: „а какъ поступилъ такой-то? а кто поступилъ такъ-то?“ Такимъ образомъ лица и событія будутъ постоянно представляться воображенію и памяти учениковъ, — и ученикъ самымъ естественнымъ путемъ запомнитъ ихъ. Съ каждымъ урокомъ учитель идетъ впередъ и въ то же время повторяетъ все прежде пройденное. Когда онъ пройдетъ всѣ назначенныя имена, то начинаетъ снова, прибавляя о каждомъ лицѣ новыя свѣдѣнія. Если успѣетъ въ продолженіе всего курса еще разъ пройти все, то третій разъ

начинаетъ снова и опять проходитъ въ большемъ объемѣ. Такимъ образомъ ученикъ во всякую данную минуту помнитъ все пройденное до той минуты; и въ концѣ курса онъ знаетъ всѣ историческіе факты которые признаны нужными для будущихъ занятій исторіей, притомъ онъ пріобрѣлъ ихъ совершенно естественнымъ путемъ, безъ всякаго насилія памяти: а это безспорно важнѣе всего. Если онъ и забудетъ нѣкоторые факты (много ихъ забыть положительно невозможно), то это не бѣда: вѣдь нельзя же поставить опредѣленную цифру чтобъ означить сколько должно знать каждому изъ исторіи; нѣсколькими фактами больше или нѣсколькими меньше — это все равно. Опять повторю: вопросъ экзаменатора обращенный къ учителю: „проходили ли это“? есть вопросъ совершенно праздный.

Я знаю что эта система ученія исторіи несравненно труднѣе господствующей у насъ теперь; гораздо легче для учителя, по приходѣ въ классъ, спросить: „г-нъ такой-то! разкажите урокъ“. Такой-то говоритъ. „Довольно!“ и поставилъ баллъ по своему усмотрѣнію. Потомъ спроситъ другаго, третьяго. А вторую часть урока прочесть лекцію. Это можетъ исполнить всякій мало-мальски учившійся. Но по предполагаемой мною системѣ учитель много и долго долженъ обдумать что̀ должен̃ъ говорить ученикамъ, какіе факты долженъ повторять чаще, и какіе менѣе часто; притомъ онъ долженъ вести дѣло такъ чтобы во всемъ что̀ онъ говоритъ былъ оттѣнокъ новаго, чтобы постоянно поддерживалось вниманіе учениковъ: ибо наказаніями можно достигнуть недвижнаго сидѣнія въ классѣ, а не истиннаго вниманія. Всякая неправильность сейчасъ отразится на результатѣ ученія. Все это очень трудно: но я не думаю чтобы можно было ставить въ недостатокъ системы ученія то что она непремѣнно требуетъ хорошаго и разумнаго исполненія: это скорѣе ея достоинство. Прекрасный примѣръ такой системы ученія представляетъ г. Кирпичниковъ въ отчетѣ объ урокахъ исторіи въ одной Берлинской гимназіи. (*Циркуляры Московскаго учебнаго округа.*)

Преподаваніе географіи должно идти по той же системѣ. Сперва опредѣлить сколько свѣдѣній и какъ должно сообщить ученикамъ. Потомъ проходить эти свѣдѣнія постепенно, прибавляя каждый урокъ понемногу. Всякое названіе должно быть показано на картѣ или глобусѣ, которые непремѣнно должны постоянно оставаться въ классѣ. Прошедши всю

географію разъ, учитель проходитъ ее другой разъ, увеличивъ объемъ. И все какъ въ исторіи. Для правильнаго веденія всего дѣла должно составить опредѣленную программу; но этого еще мало: учителя ждетъ серіозный трудъ составленія плана для примѣненія этой программы къ дѣлу.

Физика назначается для высшихъ классовъ. При преподаваніи ея особенно нужно помнить что въ гимназіи преподается не наука, а только полезныя физическія свѣдѣнія. Поэтому всѣ строго научные пріемы должны быть откинуты: ихъ не усвоятъ ученики, потому что для усвоенія ихъ нужно много и очень много времени, да и подготовка должна быть посеріознѣе, нежели требуется для перехода въ пятый классъ гимназіи. Слѣдовательно, длинныя выкладки и изслѣдованія не должны имѣть мѣста въ гимназическомъ преподаваніи физики, но всѣ сообщаемыя свѣдѣнія должны быть наглядно объясняемы опытами. Эти свѣдѣнія такъ интересны и такъ легки для учениковъ высшихъ классовъ, что и не потребуется для ихъ усвоенія такого частаго и постояннаго повторенія, какое нужно для фактовъ историческихъ и географическихъ.

Этимъ заключается весь кругъ наукъ необходимыхъ для правильнаго развитія гимназиста. Если къ этому прибавить чистописаніе, рисованіе, нѣмецкій курсъ гимназіи будетъ полный. Отличіе его отъ нынѣшняго будетъ состоять въ измѣненіи самаго принципа. Нынѣ основаніемъ всей системы ученія поставлено сообщеніе знаній. Но такъ какъ истинныхъ знаній, научныхъ знаній, гимназія не имѣетъ никакихъ средствъ доставить ученику, да и ученики по причинѣ крайней своей молодости не въ состояніи еще овладѣть такими знаніями, то постепенно дошли до того что знаніемъ стали называть умѣнье пересказать нѣсколько заученныхъ словъ. Изъ этого совершенно ложнаго взгляда легшаго въ основаніе нашей учебной системы, необходимо, какъ слѣдствіе отъ причины, произошло множество нелѣпѣйшихъ явленій, сопровождающихъ наше ученіе и сильно препятствующихъ его успѣхамъ. Такъ, все вниманіе наше обращено на развитіе памяти, независимо отъ всѣхъ другихъ способностей, потому что, по нашему понятію, принятому по необходимости въ школахъ, знаніе есть продуктъ одной памяти. А развитіе памяти, какъ животной способности, не дѣлаетъ человѣка ни на волосъ болѣе разви-

тымъ, болѣе образованнымъ. Скажу еще болѣе: ставя память независимою отъ другихъ способностей, главнымъ дѣятелемъ въ душѣ, распорядителемъ и мыслей и дѣйствій, мы искажаемъ правильное отношеніе способностей и останавливаемъ развитіе даже самой памяти. Всѣ знанія нашихъ учениковъ состоятъ только въ словахъ. Слова эти скоро забываются, а съ ними улетаетъ и знаніе. Притомъ бо̀льшая часть этихъ словъ, разказываемыхъ на экзаменѣ, ни съ какой стороны не примѣняется ни къ какому дѣлу; и если поставить вопросъ: зачѣмъ заставляли учениковъ это выучить? то въ большей части случаевъ отвѣтъ будетъ невозможенъ. Не ясно ли это изъ вопроса экзаменатора: „проходили ли эту статью?“ Этотъ вопросъ показываетъ что статья эта проходилась или не проходилась, не потому что она нужна или не нужна для достиженія извѣстной цѣли, а потому что такъ захотѣлъ учитель. Оцѣнка учениковъ у насъ совершенно фантастическая.

Чтобъ устранить всѣ эти недостатки, надобно согласиться что знаніе не можетъ быть цѣлью гимназическаго ученія; ученыхъ гимназистовъ быть не можетъ. Цѣлью ученія надобно поставить умѣніе; для достиженія этой цѣли надобно избрать такіе предметы которые бы для умѣнія требовали усвоенія значительнаго числа фактовъ и усиленнаго дѣйствія всѣми умственными способностями. Такіе предметы суть древніе языки и математика. Преподаваніе этихъ предметовъ нужно вести такъ чтобъ эта цѣль всегда имѣлась въ виду: ученики должны заучивать данныя и сейчасъ же дѣйствовать всѣми своими умственными способностями надъ этими заученными теперь и надъ всѣми прежде уже выученными данными. Умѣнье распоряжаться всѣми данными — вотъ цѣль ученія. Древніе языки и математику должно положить въ основаніе ученія; по нимъ судить о развитости и неразвитости ученика. Кромѣ этого должно быть нѣсколько дополнительныхъ предметовъ: но каждый изъ нихъ долженъ имѣть свою цѣль, и преподаваніе его должно быть строго построено сообразно съ этою цѣлью: ни одного шага не долженъ дѣлать учитель внѣ этой цѣли. Построенное такимъ образомъ училище самымъ естественнымъ путемъ поведетъ учениковъ къ его настоящей цѣли, развитію умственныхъ способностей, и никакое противоестественное явленіе не будетъ имѣть возможности прорваться въ ученіе. Если теперь, на каждомъ

шагу встрѣчая препятствія въ самой системѣ ученія, гимназія ежегодно представляетъ нѣсколько (правда, немного) порядочно приготовленныхъ учениковъ, которые дѣлаютъ честь заведенію, то, поставивъ учителей въ такое положеніе что сама система ученія будетъ первымъ ихъ помощникомъ, мы имѣемъ право ожидать весьма удовлетворительныхъ результатовъ.

На этомъ я долженъ бы былъ кончить эту статью, но мнѣ нужно сдѣлать одну оговорку. Система ученія предлагаемая мною, есть строго классическая. Противники классическаго ученія и поборники приготовленія ученыхъ и многознающихъ гимназистовъ говорятъ будто мы считаемъ классическую систему единственнымъ средствомъ развитія, необходимымъ для каждаго человѣка, такъ что если кто хочетъ сдѣлаться саложникомъ, то будто мы и тому предлагаемъ изученіе латинскаго и греческаго языковъ, какъ единственное средство правильно приготовиться къ ожидающей его дѣятельности. Въ той же статьѣ *Вѣстника Европы* (1870. Іюль) на стр. 396 говорится: „Что жь должно сказать послѣ этого про насъ“ (авторъ считаетъ насъ, Русскихъ, приверженцами классическаго образованія, хотя его у насъ доселѣ еще нѣтъ), „которые, безразсудно вообразивъ что классическіе языки—якорь спасенія отъ всѣхъ бурь, вводимъ ихъ во всѣ заведенія и заставляемъ безполезно сидѣть надъ ними почти все наше юношество, изъ котораго только самый незначительный процентъ поступаетъ въ университеты.“ Я не знаю можно ли предположить что написавшій эти строки дѣйствительно думаетъ то что написалъ. Не можетъ же быть чтобъ онъ, читая статьи защитниковъ классическаго образованія, умышленно или нечаянно пропускалъ именно тѣ мѣста въ которыхъ говорится о томъ что ученіе должно сообразоваться съ цѣлью заведенія, и о томъ къ какой цѣли ведетъ классическое ученіе; не можетъ же быть чтобы въ разговорахъ о классическомъ образованіи (вѣдь имѣлъ же онъ такіе разговоры) онъ терялъ чувство слуха именно въ то время когда разговоръ касался этой цѣли; не можетъ же быть чтобъ онъ не читалъ статей защитниковъ классицизма объ устройствѣ школъ съ другими цѣлями, не гимназическими: въ этихъ статьяхъ вѣдь и помину нѣтъ о латинскомъ и греческомъ языкахъ. Не можетъ же быть наконецъ чтобъ онъ не зналъ что

у насъ только въ немногихъ школахъ, только въ гимназіяхъ, преподаются древніе языки, но что и въ этихъ-то школахъ они далеко не имѣютъ преобладающаго значенія, а стоятъ совершенно на ряду чуть ли не съ цѣлымъ десяткомъ другихъ предметовъ: стало-быть, и гимназіи-то наши называются классическими только въ переносномъ смыслѣ. Невольно подумаешь что эти строки написаны оттого что авторъ ихъ не имѣлъ ничего серіознаго что̀ бы могъ сказать противъ классической системы, и хотѣлъ только бросить въ защитниковъ ея чѣмъ-нибудь обиднымъ. Во всякомъ случаѣ я считаю нужнымъ оговориться: предложенная мною система ученія назначается только для тѣхъ которые намѣрены перейти въ высшее учебное заведеніе и тамъ уже закончить свое образованіе, для тѣхъ которые должны пріучиться къ напряженной умственной дѣятельности, необходимой для уразумѣнія наукъ. Слѣдовательно она можетъ имѣть мѣсто въ тѣхъ немногихъ заведеніяхъ которыя имѣютъ цѣлью приготовленіе къ высшему учебному заведенію. Это говорятъ всегда и вездѣ всѣ защитники классическаго ученія. Это и есть именно то что̀ сказалъ Гладстонъ и что̀ авторъ выписанныхъ строкъ считаетъ вполнѣ правильнымъ и разумнымъ, неопровержимою истиной; именно: „Этотъ (классическій) принципъ долженъ быть ограниченъ разумными предѣлами, смотря по обстоятельствамъ и лицамъ. Онъ долженъ примѣняться во всей полнотѣ лишь къ той небольшой части юношества всѣхъ націй которая составляетъ классъ людей получающихъ законченное образованіе.“ Если *Вѣстникъ Европы* признаетъ это истиннымъ, то противъ кого же онъ споритъ въ своихъ толкахъ о классическомъ образованіи? Никто изъ защитниковъ классицизма никогда не сказалъ ничего не согласнаго съ этою мыслью Гладстона. Кромѣ школъ приготовляющихъ въ университетъ или въ другія высшія заведенія, долженъ быть еще рядъ школъ имѣющихъ другія цѣли. Устройство ихъ должно вполнѣ сообразоваться съ ихъ спеціальною цѣлью. Онѣ должны быть разныхъ степеней, начиная отъ начальныхъ народныхъ школъ и кончая разными техническими, коммерческими, механическими, земледѣльческими и другими училищами. Но основный принципъ ученія долженъ быть и тамъ тотъ же: надобно учить умѣнію, выбравъ для этого тѣ предметы которые упражняютъ способности и сообщаютъ факты соотвѣтствующіе предположенной цѣли. Если

же цѣлью какой бы то ни было школы поставятъ доставленіе возможно обширныхъ познаній и система эта будетъ строго проведена, то необходимымъ слѣдствіемъ такого ложнаго основанія будутъ самыя неестественныя явленія всякаго рода, отъ безтолковой, губящей и душу и тѣло работы во время экзаменовъ до самоубійства.

А. РОБЕРЪ.

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Археологическая топографія Таманскаго полуострова. Изслѣдованіе К. Гёрца. Съ 15ю политипажами, 1ю хромолитографическою и 3мя литографированными картами. Изданіе Московскаго Археологическаго Общества. Москва. 1870. 128 страницъ, in 4°.

Въ нашей ученой литературѣ рѣдко появляются книги изданныя такъ старательно, скажемъ вѣрнѣе, такъ изящно какъ трудъ г. Гёрца о Таманскомъ полуостровѣ. Печать, чертежи, карты, все составляетъ прекрасное цѣлое, свидѣтельствующее о вкусѣ и заботливости автора. Нельзя не радоваться при видѣ подобныхъ изданій, а вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не благодарить Московское Археологическое Общество за оказываемыя имъ пособія и поощренія.

Трудъ г. Гёрца любопытенъ и по самому предмету своему, такъ какъ описываетъ древнія греческія поселенія, существовавшія на юго-восточной окраинѣ нашего отечества. Эти нѣкогда весьма цвѣтущія поселенія были звеномъ соединявшимъ исторію Россіи съ исторіей Византіи и Эллиновъ, и заслуживаютъ потому глубокаго изученія. Если

же присоединимъ что произведенныя въ этихъ мѣстностяхъ раскопки доставили замѣчательные остатки памятниковъ древности, обогатившіе многіе музеи, то изученіе становится законнымъ и необходимымъ, и любопытство замѣняется любознательностію.

Намъ пріятно познакомить любителей древности съ книгой г. Гёрца, и въ то же время желательно побесѣдовать съ почтеннымъ авторомъ о способѣ изученія столь важнаго предмета какъ *Археологическая топографія Таманскаго полуострова*. Не бывъ на мѣстѣ, мы можемъ искренне сочувствовать плодотворной дѣятельности проявляющейся въ этой области историческихъ изслѣдованій, но не рѣшимся произнести сужденія о предметахъ требующихъ личнаго участія въ произведенныхъ открытіяхъ. Обращаемся къ сторонѣ критической, къ вопросу о достовѣрности греческихъ писателей сообщающихъ свѣдѣнія о своихъ соотечественникахъ переселившихся на берега Меотиды. Мы побуждены къ своему труду тѣми мнѣніями которыя г. Гёрцъ весьма опредѣлительно высказываетъ, и тѣмъ лугемъ которому онъ слѣдуетъ во всемъ своемъ сочиненіи. Послушаемъ автора. „Нѣкоторые читатели можетъ-быть найдутъ страннымъ, говоритъ онъ,* что нынѣшнія мѣстности Таманскаго полуострова нигдѣ не отождествляются съ древне-греческими поселеніями существовавшими тутъ по словамъ Страбона и другихъ греческихъ писателей. Но, при внимательномъ чтеніи втораго отдѣла, читатель убѣдится что каждая попытка этого рода до настоящей минуты—преждевременна". „Разногласіе всѣхъ новѣйшихъ ученыхъ, продолжаетъ онъ,** нисколько не удивительно. На одномъ и томъ же мѣстѣ, по мнѣнію одного писателя, существовалъ Апатуронъ, другаго—Горгиппія, третьяго—Эрмонасса. Такая идентификація—чистый произволъ. Пока точныя археологическія изслѣдованія, основанныя на находкѣ надписей или другихъ памятниковъ, не прольютъ новаго свѣта на подобнаго рода вопросы, до тѣхъ поръ занятіе ими будетъ принадлежать къ области пріятныхъ, но тѣмъ не менѣе чистыхъ комбинацій, отнюдь не основанныхъ на дѣйствительныхъ фактахъ. Цѣль настоящаго моего сочиненія преимущественно

* Стр. 2, въ концѣ.
** Стр. 3.

заключается въ желаніи вызвать въ нашемъ отечествѣ дѣятелей на подобнаго рода изслѣдованія; дѣятелей которые могли бы обогатить науку босфорскихъ древностей неопровержимыми фактами. Они занесутъ на поля этого сочиненія новыя данныя и болѣе точныя свѣдѣнія, на недостатокъ и отсутствіе которыхъ часто указываетъ авторъ."

Это сужденіе строгое, но едва ли справедливое, хотя и произнесенное съ увѣренностію какъ будто въ немъ непреложная истина.

Не будемъ говорить о важности памятниковъ; довольно вспомнить что ихъ открытіе измѣнило взглядъ на исторію Египта, передней Азіи и самой Греціи, чтобъ убѣдиться въ ихъ высокомъ значеніи для исторіи; но памятникъ пріобрѣтаетъ вѣсъ и цѣну только тогда когда сопровождается историческими свѣдѣніями: безъ нихъ онъ становится какъ бы надгробнымъ камнемъ не имѣющимъ надписи; имъ можно любоваться, но не изучать по немъ исторіи. При топографическомъ изысканіи мѣстностей, слѣдуетъ идти путемъ діаметрально противоположнымъ тому который столь рѣшительно предписываетъ авторъ. Требуется прежде всего критически разобрать извѣстія древнихъ писателей, а потомъ уже обратиться къ разсмотрѣнію сохранившихся памятниковъ. Правда, оба занятія помогаютъ другъ другу, идутъ рука-объ-руку; но критическій разборъ писателей предшествуетъ изученію уцѣлѣвшихъ памятниковъ и составляетъ его основаніе. Руководясь имъ, топографъ не уклонится отъ прямаго пути и будетъ производить свои раскопки не случайно и не гадательно, а съ непоколебимою твердостію ученаго, сознательно идущаго къ опредѣленной цѣли. Если же, напротивъ, начать трудиться такъ какъ совѣтуетъ г. Гёрцъ; если, устранивъ изученіе древнихъ писателей, обратиться прямо къ новѣйшимъ и къ отысканію памятниковъ, то водворится хаосъ, котораго не побѣдитъ никакое знаніе. Вотъ причина необъяснимаго для автора разногласія новѣйшихъ писателей; причина также и того явленія что г. Гёрцъ не дошелъ до положительныхъ результатовъ, несмотря на свое усердіе и ревность къ дѣлу, несмотря на понесенныя имъ тягости и даже на самопожертвованіе.

Мы относимся съ самымъ искреннимъ сочувствіемъ къ труду г. Гёрца, и не можемъ не отдать ему справедливости что

онъ старался добросовѣстно исполнить свою задачу и представилъ полнѣйшее описаніе произведеніяхъ въ разное время раскопокъ. Для достиженія своей цѣли онъ посѣтилъ мѣстность и воспользовался вообще всѣмъ что было ему доступно. Въ особенности онъ изучалъ новѣйшую литературу этого предмета и приводитъ множество самыхъ разнообразныхъ сочиненій, историческихъ, географическихъ, археологическихъ, лингвистическихъ, даже относящихся къ геологіи и естественной исторіи. Итакъ, казалось бы, онъ сдѣлалъ все чего только можно ожидать отъ подобныхъ разысканій.

Здѣсь мы расходимся. Мы думаемъ что авторъ упустилъ изъ виду самое главное и неминуемое, то на чемъ строится все зданіе и что рѣшаетъ весь предлежащій вопросъ: говоримъ о критическомъ разборѣ древнихъ показаній. Этимъ предметомъ автору слѣдовало, по нашему мнѣнію, заняться преимущественно предъ всѣми и прежде всѣхъ. Г. Гёрцъ приводитъ, правда, весьма большое число именъ древнихъ авторовъ: историковъ, географовъ, поэтовъ, эпитоматоровъ, но довольствуется голословными на нихъ ссылками. Ученые разрабатывавшіе Воспорскія древности давно уже собрали всѣ, какія только встрѣчаются у классическихъ писателей, извѣстія о Таманскомъ полуостровѣ: они, правда, а за ними и самъ авторъ, не коснулись Византійцевъ, которые вѣроятно во многомъ дополнили бы указанія своихъ предшественниковъ и быть-можетъ разъяснили бы происшедшія перемѣны; но изъ собственно древнихъ авторовъ ими, кажется, не забытъ никто. Г. Гёрцъ воспользовался ихъ трудами и выставляетъ множество именъ и ссылокъ, въ особенности въ первой части своего сочиненія. Страбонъ* и Птолемэй, Продотъ и Экатэй Милитскій, Скимнъ Хіосскій и Стефанъ Византійскій, Діонисій и Плиній, Помпоній Мела и Амміанъ Марцеллинъ, даже поэтъ Авзоній, всѣ упоминаются, приводятся, выписываются. Третій, четвертый и шестой параграфы первой главы наполнены этими именами.

Мы весьма далеки отъ мысли дѣлать въ томъ упрекъ автору. Но нельзя не сожалѣть что все помѣщенное въ первой главѣ изложено безъ опредѣленія руководящей мысли; никому не указано должнаго мѣста, никто критически не разобранъ. Рядомъ съ географомъ предлагающимъ полное

* По желанію автора, сохраняемъ принимаемую имъ орѳографію греческихъ именъ. *Ред.*

исчисленіе мѣстностей, стоитъ писатель отъ котораго случайно сохранилось едва не одно только слово, уцѣлѣвшее притомъ въ позднѣйшемъ сборникѣ. Въ доказательство какого-либо событія, авторъ приводитъ иногда не подлинный источникъ, а новѣйшаго ученаго *; при опредѣленіи мѣстоположенія города, онъ не заботится объ узнаніи точнаго смысла свидѣтельства у современнаго географа, а обращается къ геологіи и на ней строитъ свою теорію **; собственные же заключительные выводы автора изъ древнихъ писателей часто крайне послѣдніе. *** Идя этимъ путемъ, г. Гёрцъ самъ затемнилъ свой предметъ и добровольно создалъ себѣ трудности, оказавшіяся столь великими что онъ наконецъ сознается въ невозможности преодолѣть ихъ и говоритъ съ откровенностію что „дошелъ только до отрицательныхъ результатовъ". ****

По словамъ самого же автора, † существуетъ „обиліе свидѣтельствъ греческихъ писателей" о Таманскомъ полу-

* На стр 7 г. Гёрцъ пишетъ „что Фанагорія въ древности погибла насильственно", и въ подтвержденіе ссылается на г. Кене и на 396 страницу I тома его описанія музея покойнаго князя В. П. Кочубея. Спб. 1857. Такъ какъ однако извѣстно что Фанагорія разрушена въ шестомъ столѣтіи, то не слѣдовало ли справиться объ ея паденіи у Византійца Прокопія, а не у г. Кене?

** На стр. 32 г. Гёрцъ приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ своего письма къ г. академику Абиху: „Если, говоритъ онъ, постоянное засореніе различныхъ устьевъ Кубани, образовавшихъ отдѣльные острова, можетъ быть доказано геологическими изслѣдованіями, то извѣстное мѣсто Страбона о положеніи Фанагоріи совершенно оправдывается: оно тождественно съ Станціей Сѣнною." Мы увидимъ ниже что, по Страбону, Фанагорія стояла въ совершенно другомъ мѣстѣ.

*** На стр. 34 читаемъ слѣдующій замѣчательный силлогизмъ. Стефанъ Византійскій говоритъ что Эрмонасса лежала на островѣ; Страбонъ говоритъ что Эрмонасса лежала въ Синдикѣ; г. Гёрцъ заключаетъ: „Отсюда *ясно что Синдика была островъ.*" Для оцѣнки этого силлогизма составимъ ему равносильный. Одинъ географъ говоритъ что Академія Наукъ и Университетъ находятся на островѣ. Другой географъ говоритъ что Академія Наукъ и Университетъ находятся въ Петербургѣ. Итакъ, *ясно что Петербургъ есть островъ.*

**** Стр. 20.

† Стр. 34.

островѣ; не всѣ они однако имѣютъ равное достоинство. Первенствующіе въ этомъ вопросѣ Страбонъ и Птолемэй. Прочіе могутъ служить помощію, дополненіемъ и разъясненіемъ, но установленіе воспорской топографіи зависитъ отъ сихъ двухъ географовъ. Новѣйшему ученому слѣдовательно предстоитъ прежде всего изучить ихъ извѣстія и критически разобрать оныя. Для сего необходимо быть вполнѣ знакомымъ съ пріемами употребляемыми древними географами для опредѣленія мѣстоположеній городовъ. Эти же географы, и въ особенности Страбонъ, обозначаютъ, едва ли не съ математическою точностію, разстоянія мѣстностей между собою числомъ стадіевъ: * слѣдовательно необходимо знать что̀ значитъ стадій. Итакъ, посвящающій себя этому изслѣдованію писатель можетъ приступить къ нему не иначе какъ обладая двоякою силой: *знаніемъ способа опредѣленія мѣстностей у древнихъ географовъ* и *знаніемъ измѣреній называемыхъ стадіями.* Оба эти требованія не исполнены авторомъ.

Можно было бы подумать что, уклоняясь отъ изученія древнихъ географовъ, авторъ поступаетъ намѣренно, ибо, повидимому, онъ какъ будто приводитъ доказательство своему образу дѣйствій. „Древніе географы, говоритъ онъ,** передали намъ только имена существовавшихъ здѣсь поселеній, такъ сказать, одинъ звукъ.“

Извѣстно что древніе писатели отличаются краткостію изложенія; но чтобъ они въ разсматриваемыхъ извѣстіяхъ передали одни звуки, въ этомъ менѣе всего можно согласиться. Разсмотримъ эти извѣстія, притомъ не какія-либо нами особенно избранныя, но тѣ самыя о коихъ авторъ отзывается съ такимъ пренебреженіемъ, и постараемся узнать заключается ли въ нихъ что-либо болѣе звука. Этотъ разборъ не будетъ продолжителенъ, такъ какъ въ сочиненіи г. Гёрца находимъ только одно мѣсто древняго писателя, именно отрывокъ изъ Страбона, которое помѣщено и въ греческомъ подлинникѣ, и въ русскомъ переводѣ, и сверхъ того *внимательно разобрано*, какъ выражается самъ авторъ. Къ этому отрывку мы и обратимся.

---

* Г. Гёрцъ ошибочно пишетъ стадія вмѣсто стадій.

** Стр. 2, послѣдняя строка.

Страбонъ пишетъ: * „Выше Корокондамы большой заливъ называемый по ея имени Корокондамскимъ (нынѣ Таманскій); онъ вливается въ море въ десяти стадіяхъ отъ сего мѣстечка. Въ этотъ заливъ впадаетъ рукавъ рѣки Антикита (нынѣ Кубань), чрезъ что̀ образуется островъ, омываемый этимъ самымъ заливомъ, Меотидой и рѣкой. Нѣкоторые называютъ и эту рѣку Ипаніемъ, одинаково съ тою что̀ течетъ у Борисѳена."

„Вплывшему (или въѣхавшему, или вшедшему) на кораблѣ въ Корокондамскій заливъ показываются: Фанагорія, городъ достославный, Килы,** Эрмонасса и Алатуръ, святыня Афродиты. Изъ нихъ Фанагорія и Килы расположены по сказанному острову для плывущаго (или въѣзжающаго) на кораблѣ въ заливъ на лѣвой сторонѣ, другіе же города на правой сторонѣ въ Синдикѣ за Ипаніемъ. Въ Синдикѣ же лежитъ, не далеко отъ моря, Горгиппія, царскій дворецъ Синдовъ, и Аборака. Властителямъ (династамъ) Воспора подчинены всѣ кого

---

* *Strabonis Geographica.* Curantibus C. Mullero et F. Dubnero. (Parisiis, editore Ambrosio Firmin Didot. 1853.) Книга XI, гл. II, § 9.

Ὑπέρκειται δὲ τῆς Κορακονδάμης εὐμεγέθης λίμνη, ἣν καλοῦσιν ἀπ' αὐτῆς Κορακονδαμῖτιν· ἐκδίδωσι δ' ἀπὸ δέκα σταδίων τῆς κώμης εἰς τὴν θάλατταν ἐμβάλλει δὲ εἰς τὴν λίμνην ἀπορρώξ τις τοῦ Ἀντικείτου ποταμοῦ, καὶ ποιεῖ νῆσον περίκλυστόν τινα ταύτῃ τε τῇ λίμνῃ καὶ τῇ Μαιώτιδι καὶ τῷ ποταμῷ. Τινὲς δὲ καὶ τοῦτον τὸν ποταμὸν Ὑπανιν προσαγορεύουσι, καθάπερ καὶ τὸν πρὸς τῷ Βορυσθένει.

§ 10. Εἰσπλεύσαντι δ' εἰς τὴν Κορακονδαμῖτιν ἥ τε Φαναγορία ἐστί, πόλις ἀξιόλογος, καὶ Κῆποι καὶ Ἑρμώνασσα καὶ τὸ Ἀπάτουρον, τὸ τῆς Ἀφροδίτης ἱερόν· ὧν ἡ Φαναγορία καὶ οἱ Κῆποι κατὰ τὴν λεχθεῖσαν νῆσον ἵδρυνται, εἰσπλέοντι ἐν ἀριστερᾷ, αἱ δὲ λοιπαὶ πόλεις ἐν δεξιᾷ πέραν Ὑπάνιος ἐν τῇ Σινδικῇ. ἔστι δὲ καὶ Γοργιπία ἐν (δὲ) τῇ Σινδικῇ, τὸ βασίλειον τῶν Σινδῶν, πλησίον θαλάττης, καὶ Ἀβοράκη. τοῖς δὲ τοῦ Βοσπόρου δυνάσταις ὑπήκοοι ὄντες ἅπαντες Βοσπορανοὶ καλοῦνται· καὶ ἔστι τῶν μὲν Εὐρωπαίων Βοσπορανῶν μητρόπολις τὸ Παντικάπαιον, τῶν δ' Ἀσιανῶν τὸ Φαναγόρειον (καλεῖται γὰρ καὶ οὕτως ἡ πόλις), καὶ δοκεῖ τῶν μὲν ἐκ τῆς Μαιώτιδος καὶ τῆς ὑπερκειμένης βαρβάρου κατακομιζομένων ἐμπόριον εἶναι τὰ Φαναγόρεια, τῶν δ' ἐκ τῆς θαλάττης ἀναφερομένων ἐκεῖσε τὸ Παντικάπαιον. ἔστι δὲ καὶ ἐν τῇ Φαναγορίᾳ τῆς Ἀφροδίτης ἱερὸν ἐπίσημον τῆς Ἀπατούρου.

** Οἱ Κῆποι значитъ сады. Еслибы великолѣпные остатки Воспорскихъ памятниковъ не удостовѣряли въ цвѣтущемъ положеніи греческихъ поселеній, то это названіе города могло бы послужить тому намекомъ.

называютъ Воспорянами; и Пантикапэй есть митрополія (столица) Воспорянъ европейскихъ, Фанагорій же (ибо и такъ называется этотъ городъ) азіатскихъ. Притомъ кажется что Фанагорійская пристань * служитъ торговымъ складомъ для произведеній привозимыхъ изъ Меотиды и вышележащей иноплеменной земли, Пантикапэй же для произведеній доставляемыхъ туда изъ Понта. Въ самой Фанагоріи есть замѣчательный храмъ Афродиты Апатуры."

Приведенныя слова Страбона составляютъ только весьма малую часть его прекраснаго и подробнаго описанія Киммерійскаго Воспора; несмотря однако на то что они сообщены здѣсь въ отрывкѣ, безъ связи съ предыдущимъ, едва ли можно, даже при бѣгломъ чтеніи, сказать что въ нихъ заключается одинъ звукъ. Если же внимательнѣе вникнемъ въ ихъ содержаніе и постараемся узнать вѣрный смыслъ ихъ, то найдемъ въ этомъ самомъ отрывкѣ такое точное указаніе мѣстностей которое не уступитъ своею опредѣленностію никакимъ новѣйшимъ географіямъ.

Прежде чѣмъ приступимъ къ изученію описываемой Страбономъ мѣстности, мы обязаны разъяснить нѣкоторыя выраженія географа и оправдать свое толкованіе, такъ какъ оно существенно отличается отъ толкованія г. Гёрца. ** Авторъ

---

* Выраженіе Страбона τὰ Φαναγόρεια означаетъ здѣсь морскую пристань города Фанагоріи, что между прочимъ подтверждаетъ Стефанъ Византійскій въ словѣ Φαναγόρεια. Онъ говоритъ: "Ἔστι καὶ ἐμπόριον τὰ Φαναγόρεια οὐδετέρως.

** Г. Гёрцъ переводитъ такъ: (Стр. 21) „Выше Корокондамы находится большой лиманъ, называемый по имени этого селенія Корокондамитскимъ (Корокондамскимъ); онъ изливается въ море на разстояніи 10 стадій (стадіевъ) отъ Корокондамы. Въ озеро впадаетъ рукавъ Антикитеса (Антикита); такимъ образомъ эта страна образуетъ островъ, вокругъ омываемый Корокондамитскимъ (Корокондамскимъ) лиманомъ, Меотійскимъ озеромъ и Антикитесомъ (Антикитомъ). Въѣхавъ въ Корокондамскій лиманъ, находимъ Фанагорію, значительный городъ, Кепы (Кипы), Гермонассу (Эрмонассу) и Апатурон (Апатуръ), храмъ Афродиты. Изъ нихъ Фанагорія и Кепы находятся на упомянутомъ островѣ, для въѣзжающаго въ лиманъ по лѣвую руку; прочіе же города лежатъ вправо, по ту сторону Ипаниса (Иланія), въ Синдикѣ. Тутъ лежатъ въ Синдикѣ и Горгиппія, столица синдскихъ царей, близъ моря, и Авораке (Аворака)." Остальную часть Страбонова описанія г. Гёрцъ не перевелъ вовсе.

перевелъ здѣсь Страбона несовсѣмъ точно, приписываетъ древнему географу чего у него нѣтъ и представляетъ положеніе мѣстностей въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ Страбономъ, утверждая между тѣмъ что онъ идетъ по стопамъ географа.

Начнемъ со словъ Страбона: Τὸ Απάτουρον, τὸ τῆς Ἀφροδίτης ἱερὸν. Авторъ перевелъ: „Апатуронъ, храмъ Афродиты"; но слѣдовало сказать: „Апатуръ, святыня Афродиты"; чрезъ эту, повидимому незначительную, перемѣну получается совершенно другой смыслъ, и сама мѣстность окажется въ иномъ видѣ.

Извѣстія эллинскихъ писателей, дополненныя открытіями памятниковъ, позволяютъ составить ясное понятіе о внѣшнемъ видѣ древнихъ греческихъ храмовъ. Они представляли собою отдѣльное цѣлое, обнесенное стѣной или оградой, περίβολος, въ срединѣ коего стоялъ одинъ, а иногда нѣсколько храмовъ, ναός, и сверхъ того другія меньшія зданія, οἴκημα, соотвѣтствовавшія вѣроятно нашимъ христіанскимъ часовнямъ. Пространство внутри стѣнъ называлось τέμενος, а все священное цѣлое τὸ ἱερόν. Не говоря уже о множествѣ, сюда относящихся, древнихъ свидѣтельствъ, стоитъ только прочесть разказъ Ѳукидида о смерти побѣдителя при Платэяхъ Павсанія,* чтобы познакомиться и съ положеніемъ древняго храма, и съ наименованіями частей священнаго мѣста. Если слово τὸ ἱερόν употребляется для обозначенія подобнаго зданія, то слѣдуетъ перевесть естественно словомъ храмъ. Но въ приведенномъ описаніи Страбона это слово имѣетъ другое значеніе.

Въ древней Греціи есть особенность, составляющая отличительный признакъ государственнаго строя Эллиновъ. Кромѣ всѣмъ извѣстныхъ республикъ, которыя можно было бы назвать свѣтскими, находились еще общины греческія, такъ сказать, духовныя, напоминающія бывшія нѣкогда въ Европѣ духовныя владѣнія, изъ коихъ послѣднее, Папская область, только теперь прекратило, вѣрнѣе говоря, прекращаетъ свое бытіе. Эти общины были въ весьма большомъ числѣ и весьма разнообразны, какъ по своему политическому положенію, такъ и по роду занятій своихъ гражданъ. Нѣкоторыя успѣли

* Ѳукидидъ 1, 134, 1: Λέγεται δ'αὐτὸν (Παυσανίαν)..... πρὸς τὸ ἱερὸν τῆς Χαλκιοίκου χωρῆσαι δρόμῳ καὶ προκαταφυγεῖν· ἦν δ'ἐγγὺς τὸ τέμενος. Καὶ ἐς οἴκημα οὐ μέγα ὃ ἦν τοῦ ἱεροῦ ἐσελθών, ἵνα μὴ ὑπαίθριος ταλαιπωροίη, ἡσύχαζεν.

достигнуть полной верховной независимости, и являются столь же самостоятельными республиками жреческими или духовными, какими были Спарта, Коринѳъ, Аѳины между республиками свѣтскими, хотя и не обладали одинаковымъ съ ними политическимъ могуществомъ. Такими республиками признавались Дельфы и Додона, занимавшія первостепенное мѣсто и стоявшія какъ бы во главѣ всѣхъ подобныхъ общинъ древняго греческаго міра. За ними слѣдовалъ длинный рядъ святынь существовавшихъ на всемъ пространствѣ заселенномъ Греками и также устроенныхъ въ видѣ общинъ или маленькихъ республикъ. Эти святыни встрѣчаются иногда въ легкой политической зависимости отъ другихъ, даже свѣтскихъ республикъ, иногда же оказываются самостоятельными въ своихъ дѣйствіяхъ. Всѣ онѣ вышли изъ поселеній окружавшихъ храмы, а потому въ нихъ всегда оставалось и преобладало ихъ первоначальное назначеніе — совершать религіозные обряды. Но, подъ покровомъ божества и вѣры, постепенно присоединялись и вырабатывались разныя учрежденія, которыя, соотвѣтствуя духу и потребностямъ Эллиновъ, придавали имъ особенный вѣсъ и значеніе, и благодаря коимъ многія изъ нихъ обогатились и украсились великолѣпными зданіями, нѣкоторыя пріобрѣли сверхъ того даже славу въ исторіи. Къ послѣднимъ принадлежатъ, не говоря уже о Дельфахъ, три знаменитыя въ древности святыни, именно: Зевса Олимпійскаго, Τὸ ἱερὸν τοῦ Ὀλυμπίου Διός, или Олимпія, Ὀλυμπία; Зевса Немейскаго, Τὸ ἱερὸν τοῦ Διὸς τοῦ Νεμείου, или Немея, Νεμέα, и Посидона Исѳмійскаго, Τὸ ἱερὸν τοῦ Ἰσθμίου Ποσειδῶνος, у восточнаго берега Коринѳскаго перешейка, всѣ три замѣчательныя своими агонами или играми.

Самый обширный разрядъ священныхъ общинъ составляли тѣ изъ нихъ въ коихъ изучались разнаго рода предсказанія и которыя извѣстны подъ именемъ прорицалищъ или оракуловъ, μαντεῖα. Онѣ встрѣчаются вездѣ гдѣ только произносилось эллинское слово, какъ въ собственной Греціи, на островахъ Архипелага и Малой Азіи, такъ и въ самыхъ отдаленныхъ греческихъ поселеніяхъ. Ихъ число приводитъ въ изумленіе, ибо изъ упоминовеній древнихъ писателей насчитывается до трехъ сотъ прорицалищъ, но нѣтъ сомнѣнія что ихъ было несравненно болѣе, такъ какъ Эллины не предпринимали ничего, ни въ дѣлахъ государства, ни въ частной жизни,

и не начинали даже сраженій не спросивъ воли бога. И здѣсь возвышались предъ всѣми Додона и Дельфы, привлекая къ себѣ тысячи поклонниковъ со всѣхъ концовъ греческаго міра; были однако и другія прорицалища славившіяся сокровищами, коими ихъ надѣляли вѣрующіе, хотя и уступавшія симъ двумъ святынямъ. Въ эпоху Кира процвѣтали, по свидѣтельству Иродота, * Авы, Ἄβαι, въ Фокидѣ, Амфіарій, τὸ Ἀμφιάρειον, близь Оропа, на рубежѣ между Аттикой и Віотіей, Трофоній, Τοῦ Διὸς Τροφωνίου μαντεῖον, близь Ливадіи въ Віотіи, и Врангхиды, οἱ Βραγχίδαι, и αἱ Βραγχίδαι, близь города Милита въ Малой Азіи. Всѣ эти мѣстности съ оракулами носили названіе святынь, τὸ ἱερόν, и были греческими общинами.

Особенный отдѣлъ, устроенный впрочемъ на тѣхъ же основаніяхъ, образовывали общины гдѣ жрецы-граждане посвящали себя врачебному искусству, занимались имъ изъ рода въ родъ, въ теченіе столѣтій. Въ этихъ святыняхъ устраивались лѣчебницы и пріюты, принимались мѣры для подаянія помощи страждущимъ и увѣчнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ изучалась въ теоріи и практикѣ медицина; но все творилось подъ верховнымъ руководствомъ и благословеніемъ бога Асклипія, Ἀσκληπιός (по-римски Эскулапія, Aesculapius) и его именемъ. Поклоненіе Богу Асклипію указываетъ повсюду на ту сторону древнѣйшей эллинской образованности, гдѣ наука еще не отдѣлялась отъ религіи и, служа общественнымъ цѣлямъ, разрабатывалась отдѣльными сословіями. Это поклоненіе упоминается первоначально въ Оессаліи и оттуда распространилось по всей Греціи, водворяя въ ней изученіе врачебнаго искусства; потому и самыя святыни сего бога встрѣчаются въ Оессаліи прежде чѣмъ въ другихъ странахъ Греціи. Такая святыня существовала, даже во времена Стравона, близь Оессалійскаго города Трикки, Τρίκκη или Τρίκκη, нынѣ Трúккала, у подошвы горы Пинда, и Стравонъ ** называетъ ее „древнѣйшею и

---

* Иродотъ 1, 46, 2: διαπέμψας (Κροῖσος) ἄλλους ἄλλῃ, τοὺς μὲν ἐς Δελφοὺς ἰέναι, τοὺς δὲ ἐς Ἄβας τὰς Φωκέων, τοὺς δὲ ἐς Δωδώνην· οἱ δέ τινες ἐπέμποντο παρά τε Ἀμφιάρεων καὶ παρὰ Τροφώνιον, οἱ δὲ τῆς Μιλησίης ἐς Βραγχίδας.

** Стравонъ, по издан. Дидота, IX, гл V, § 17: Ἔστι δ'ἡ μὲν Τρίκκη, ὅπου τὸ ἱερὸν τοῦ Ἀσκληπιοῦ τὸ ἀρχαιότατον καὶ ἐπιφανέστατον, ὅμορος τοῖς τε Δόλοψιν καὶ τοῖς περὶ τὴν Πίνδον τόποις.

славнѣйшею святыней Асклипія.“ Слова географа подтверждаетъ поэтъ Иліады, превозносящій Махаона, Μαχάων, ονος, и его брата Подалирія, Ποδαλείριος, какъ искусныхъ врачей Ахэйцевъ, прибавляя при этомъ что они были изъ Трикки. Подобная община находилась на островѣ Косѣ, ἡ Κῶς, и признавалась одною изъ самыхъ знаменитыхъ въ древнемъ мірѣ, частію по своему собственному высокому значенію, частію же какъ родина и мѣсто ученія Гиппократа. Эта святыня занимала отдѣльную мѣстность предъ городомъ, ἐν τῷ προαστείῳ, и, подобно другимъ, называлась τὸ Ἀσκληπιεῖον ἱερόν. * Упомянемъ еще о святынѣ Асклипія близь Эпидавра, въ особенности потому что сохранившіяся до сихъ поръ ея развалины даютъ ясное понятіе о составѣ и устройствѣ этого рода общинъ. Въ шести или семи верстахъ отъ Эпидавра, лежатъ въ прекрасной, окруженной холмами, равнинѣ остатки многихъ памятниковъ и между ними великолѣпный театръ, свидѣтельствующій о щедрыхъ дарахъ которые приносились излѣчившимся больными. Всего любопытнѣе случайность что эта пустынная, только развалинами покрытая, мѣстность называется и теперь у окрестныхъ жителей святыней, ἱερό, какъ я самъ слышалъ, находясь тамъ въ началѣ лѣта 1861 года. Три приведенныя святыни Асклипія, Трикка, Косъ и Эпидавръ считались въ древности самыми знаменитыми, и въ нихъ, по словамъ Страбона, ** велись записи, куда вносились описанія болѣзней вмѣстѣ съ излѣчавшими ихъ врачебными средствами.

Наконецъ послѣдній и не менѣе многочисленный отдѣлъ древнихъ греческихъ святынь состоялъ изъ общинъ которыя и въ наше время могли бы носить подобное имя. То были города или мѣстечки создававшіеся вокругъ храмовъ, ими вызванные и ими существовавшіе, бывшіе въ полной

---

* Страбонъ XIV, гл. II, § 19: Ἐν δὲ τῷ προαστείῳ τὸ Ἀσκληπιεῖόν ἐστι, σφόδρα ἔνδοξον καὶ πολλῶν ἀναθημάτων μεστὸν ἱερόν, ἐν οἷς ἐστι καὶ ὁ Ἀπελλοῦ Ἀντίγονος.

** Страбонъ VIII, гл. VI, § 15: Καὶ αὕτη δὲ οὐκ ἄδημος πόλις (Ἐπίδαυρος), καὶ μάλιστα διὰ τὴν ἐπιφάνειαν τοῦ Ἀσκληπιοῦ θεραπεύειν νόσους παντοδαπὰς πεπιστευμένου, καὶ τὸ ἱερὸν πλῆρες ἔχοντος ἀεὶ τῶν τε καμνόντων καὶ τῶν ἀνακειμένων πινάκων ἐν οἷς ἀναγεγραμμέναι τυγχάνουσιν αἱ θεραπεῖαι, καθάπερ ἐν Κῷ τε καὶ Τρίκκῃ.

отъ храмовъ зависимости и раздѣлявшіе судьбу ихъ. Такія общины называются у древнихъ писателей иногда святынями, τὸ ἱερόν, иногда городами, ἡ πόλις, такъ какъ онѣ были священными городами, жившими храмомъ и для храма. Эти святыни привлекали къ себѣ богомольцевъ, однѣ обладая особенно чтимыми изображеніями божества, другія разнаго рода священными, посланными божествомъ, предметами, нѣкоторыя какъ мѣста богоявленія, всѣ вообще—на поклоненіе и молитву. Въ нихъ совершались иногда игры, давались иногда предсказанія, но это не было ни особеннымъ, или преимущественнымъ, или такъ-сказать исключительнымъ ихъ занятіемъ и не составляло ихъ существеннаго свойства: онѣ не были какими-либо учрежденіями, а святынями въ собственномъ смыслѣ. Между всѣми славился и надъ всѣми возвышался священный островъ и городъ Дилосъ, нынѣ Дили, куда ежегодно стекалось множество паломниковъ въ праздникъ рождества Аполлона, происходившій въ концѣ весны, въ 7й день мѣсяца Θαργηλιών, ῶνος, и куда даже назначались торжественныя, священныя посольства, называемыя у Грековъ Θεωρίαι. Θεωρία.

Намъ могутъ возразить, и повидимому какъ бы основываясь на показаніяхъ самихъ греческихъ писателей, что нельзя признавать святыни отдѣльными отъ городовъ мѣстностями, такъ какъ, сообщая о нихъ, древніе иногда показываютъ ихъ существующими въ городахъ. Страбонъ, могутъ сказать, упоминаетъ объ Асклиніи при описаніи Эпидавра, а говоря о Триккѣ онъ даже прибавляетъ: „гдѣ святыня бога Асклипія“. Это возраженіе утратитъ свою силу, если вспомнимъ особенное свойство политическаго языка Грековъ, требующее весьма большаго вниманія при ихъ чтеніи, чтобы не впасть въ ошибку. Какъ слово πόλις означаетъ у нихъ городъ и республику, такъ и собственное имя каждаго πόλεως употребляется всегда равномѣрно для обозначенія обоихъ понятій, то-есть имени города и имени республики. Написавъ слово ἡ Τρίκκη, Страбонъ могъ говорить и о городѣ и о всей его области или республикѣ; въ приведенномъ же нами мѣстѣ онъ разумѣлъ послѣднюю, и самъ подтверждаетъ это, присовокупляя что она смежна съ Долопами и съ мѣстностями по Пинду. Такъ и слово Эпидавръ означаетъ и собственно городъ Эпидавръ и всю Эпидаврійскую область, то-есть рес-

публику, въ коей и находилась святыня Асклипія, на значительномъ даже, по древле-эллинскому размѣру, разстояніи отъ города. Если же подобная святыня носила еще, сама по себѣ, особенное названіе, что̀ впрочемъ рѣдко случалось, то упоминавшій о ней писатель не пропускалъ обыкновенно этого обстоятельства, а старался его выставить. Приведемъ въ доказательство описаніе геринійской святыни, находящееся у Страбона, и сопоставимъ оное съ ея же описаніемъ у Павсанія. Страбо̀нъ, * по обыкновенію, написалъ кратко: „Въ Гериніи (въ Мессиніи) замѣчательна святыня Триккэйскаго Асклипія, устроенная по образцу той что̀ въ Ѳессалійской Трикки.“ Здѣсь можно было бы подумать что святыня лежала въ городѣ Гериніи, но Павсанія разъясняетъ точный смыслъ словъ своего предшественника. „Въ Гериніи, говоритъ περιήγητὴς, ** есть святыня Махаона, сына Асклипія, и въ ней его памятникъ, такъ какъ и Махаонъ излѣчивалъ болѣзни людей. Это священное мѣстечко называютъ Родосомъ, и тамъ бронзовая статуя Махаона.“ Очевидно что оба автора разумѣютъ подъ словомъ Гериніи, не собственный городъ, а всю область. Присоединимъ, съ цѣлію устранить всякое сомнѣніе, еще одинъ примѣръ подобнаго употребленія собственныхъ именъ у греческихъ писателей. Исчисляя памятники Платэйской республики, Павсанія *** говоритъ между прочимъ что въ Платэяхъ есть храмъ Димитры, именуемой Элевсинскою. Здѣсь подъ словомъ ἐν Πλαταιαῖς слѣдуетъ разумѣть: „Въ области Платэйцевъ“, ибо изъ разказа Иродота извѣстно что этотъ храмъ стоялъ внѣ города. Историкъ пишетъ **** что Спартанцы, идя отъ Гаргафіи къ Острову, остановились у

---

* Страбонъ VIII, гл. IV, § 4: Δείκνυται δ'ἐν τῇ Γερηνίᾳ Τρικκαίου ἱερὸν Ἀσκληπιοῦ, ἀφίδρυμα τοῦ ἐν τῇ Θετταλικῇ Τρίκκῃ.

** Павсанія III, гл. XXVI, § 9: Ἐνταῦθα ἐν τῇ Γερηνίᾳ Μαχάονος τοῦ Ἀσκληπιοῦ μνῆμα καὶ ἱερόν ἐστιν ἅγιον· καὶ ἀνθρώπεις νόσων ἰάματα παρὰ τῷ Μαχάονι ἔστιν εὑρέσθαι. Καὶ Ῥόδον μὲν τὸ χωρίον τὸ ἱερὸν ὀνομάζουσιν, ἄγαλμα δὲ τοῦ Μαχάονος χαλκοῦν ἐστιν ὀρθόν.

*** Павсанія IX, гл. IV § 3: Ἔστι δὲ καὶ Δήμητρος ἐπίκλησιν Ἐλευσινίας ἱερὸν ἐν Πλαταιαῖς.

**** Ирод. IX, 57, 2: Τὸ δὲ ἀπελθὸν ὅσον τε δέκα στάδια ἀνέμενε τὸν Ἀμομφαρέτου λόχον, περὶ ποταμὸν Μολόεντα ἱδρυμένον Ἀργιόπιόν τε χῶρον καλεύμενον, τῇ καὶ Δήμητρος Ἐλευσινίης ἱρὸν ἧσται.

храма Элевсинской Димитры, гдѣ и подверглись нападенію персидскаго войска. Если же авторъ желаетъ показать что упоминаемый имъ памятникъ находился внутри города, то обыкновенно прибавляетъ: ἐν αὐτῇ τῇ πόλει, какъ пишетъ Павсанія, вступивъ въ самый городъ Платэи. *

Итакъ, слово τὸ ἱερόν означаетъ и храмъ и храмовый городъ или святыню, а слово ἡ πόλις означаетъ иногда городъ, иногда республику и всю подчиненную ей область.

Послѣ этихъ, хотя по важности предмета слишкомъ краткихъ, замѣчаній, возвратимся къ труду г. Гёрца.

Г. Гёрцъ, переводя Стравона, называетъ Апатуръ храмомъ, между тѣмъ какъ самъ Стравонъ называетъ его городомъ, и притомъ не въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ своей географіи, но въ тѣхъ самыхъ строкахъ которыя авторъ привелъ и по-гречески, и по-русски. Прочтемъ Стравона. Онъ указываетъ сперва четыре мѣстности: Фанагорію, Кипы, Эрмонассу и Апатуръ; потомъ говоритъ что Фанагорія и Кипы лежали по лѣвую сторону, *остальные же города*, αἱ δὲ λοιπαὶ πόλεις, прибавляетъ онъ, по правую. Спрашивается, какіе же города? Естественно Эрмонасса и Апатуръ. Другими словами: выраженіе τὸ τῆς Ἀφροδίτης ἱερόν значитъ здѣсь святыня Аѳродиты и служитъ доказательствомъ что Апатуръ былъ въ маломъ видѣ такимъ же священнымъ городомъ, или святыней какъ островъ Дилосъ. Но нѣсколько строкъ далѣе, когда Стравонъ, описывая Фанагорію, говоритъ: ἔστι δὲ καὶ ἐν τῇ Φαναγορίᾳ τῆς Ἀφροδίτης ἱερὸν ἐπίσημον τῆς Ἀπατούρου, онъ обозначаетъ словомъ τὸ ἱερόν не священный городъ, а храмъ, стоявшій въ самой Фанагоріи, что̀ мы и передали въ помѣщенномъ выше переводѣ. Не можемъ только объяснить по какой причинѣ г. Гёрцъ выпустилъ, такъ же какъ и Дюбуа, все это мѣсто Стравона, служащее дополненіемъ къ его топографическому описанію Киммерійскаго Воспора.

Замѣтимъ еще неточность, которой впрочемъ не придаемъ особеннаго вѣса, и упоминаемъ о ней только изъ желанія познакомить читателя съ изложеніемъ Стравона, замѣчательнымъ въ томъ смыслѣ что географъ умѣетъ въ самыхъ краткихъ словахъ очертить и наглядно представить мѣстность.

Г. Гёрцъ переводитъ слово τὸ βασίλειον—столица; слѣдовало

* Павсанія IX, гл. II, § 7.

сказать: дворецъ, какъ по лексическому значенію сего слова, такъ и потому что самъ же Стравонъ разъясняетъ свою мысль нѣсколько строкъ ниже. Онъ говоритъ что Фанагорія была митрополіей, то-есть столицей, Воспорянъ азіатскихъ, Пантикапэй столицей европейскихъ, а Горгиппія царскимъ дворцомъ, то-есть мѣстопребываніемъ Синдовъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію важнѣйшей части приведеннаго нами описанія Стравона, къ той гдѣ лежитъ ключъ къ узнанію всѣхъ названныхъ географомъ мѣстностей и гдѣ писатель опредѣляетъ ихъ топографическое положеніе: говоримъ о выраженіяхъ Стравона: εἰσπλεύσαντι и εἰσπλέοντι что̀ мы перевели словами: вплывшему (или въѣхавшему) на кораблѣ, и для плывущаго (или въѣзжающаго) на кораблѣ. Г. Гёрцъ не обратилъ на нихъ должнаго вниманія, и они остались для него мертвою буквой. Но это сказано Стравономъ не случайно и не безъ цѣли: въ этихъ и имъ подобныхъ выраженіяхъ греческихъ географовъ всегда глубокій смыслъ, ибо они соотвѣтствуютъ употребляемому нами опредѣленію мѣстностей по сторонамъ свѣта.

Математическая географія есть изобрѣтеніе Эллиновъ: они ее открыли и установили ея первыя начала; но ея изученіе началось поздно, только съ эпохи Эратосѳена, жившаго отъ 276 до 196 до Р. Х., и бывшаго ея основателемъ. Притомъ она никогда не поступала у нихъ такъ-сказать въ общее достояніе, какъ въ наше время, а осталась предметомъ занятій астрономовъ. Слѣдовательно, нельзя искать опредѣленія мѣстностей по градусамъ долготы и широты ни у Стравона, ни у его предшественниковъ.

Эллины не знали также и компаса, а потому не могли съ правильностію, къ которой мы привыкли, обозначать мѣстности по сторонамъ свѣта, то-есть вѣрно говорить о сѣверѣ, югѣ, востокѣ и западѣ.

При отсутствіи сихъ двухъ, не только у насъ извѣстныхъ, но и весьма распространенныхъ, даже съ самаго дѣтства намъ знакомыхъ средствъ географическаго опредѣленія мѣстностей, у Эллиновъ долженствовалъ выработаться и дѣйствительно выработался собственный, своеобразный способъ, который является у нихъ всеобще принятымъ и приводитъ въ изумленіе своею вѣрностію и точностію, но требуетъ многосторонняго наблюденія и постояннаго, неуклоннаго вниманія.

Самое главное, такъ-сказать существенное различіе двухъ способовъ, новѣйшаго и греческаго, состоитъ въ томъ что мы, желая топографически опредѣлить мѣстность, имѣемъ въ виду только мѣстность, безъ всякаго отношенія къ человѣку, и мы вполнѣ достигаемъ цѣли, означивъ градусъ долготы и широты и указавъ положеніе на сѣверъ или югъ, востокъ или западъ отъ ближайшей мѣстности. Другими словами: мѣриломъ опредѣленія мѣстности мы беремъ самую мѣстность и обозначаемъ оную по самой себѣ и чрезъ сопоставленіе съ сосѣднею мѣстностію. Не такъ поступали древніе. Основаніемъ ихъ топографическаго опредѣленія былъ человѣкъ, не мѣстность; онъ былъ не главнымъ, а единственнымъ мѣриломъ. Мѣстность обозначалась не по собственному своему положенію, не сама въ себѣ, а по положенію которое она занимала сравнительно съ человѣкомъ. При этомъ древніе наблюдали: былъ ли человѣкъ въ состояніи спокойствія, то-есть стоялъ, или находился въ движеніи, слѣдовательно шелъ, ѣхалъ или плылъ на кораблѣ. Въ обоихъ случаяхъ они отличали три стороны: прямую или лицевую сторону, ἡ εὐθεῖα, правую, ἡ δεξιά, и лѣвую, ἡ ἀριστερά, и говорили что предметъ или мѣстность лежитъ предъ нимъ, πρό τινος или πρὸ τοῦ, направо отъ него, ἐν δεξιᾷ, или налѣво, ἐν ἀριστερᾷ.

Согласно съ этимъ понятіемъ, древніе олицетворяли и какъ бы воплощали городъ, смотрѣли на него какъ на человѣка находящагося въ состояніи спокойствія, и, желая обозначить положеніе предметовъ не внутри, а внѣ города, писали: предъ городомъ, πρὸ τῆς πόλεως, направо отъ города и налѣво отъ него. Эти выраженія имѣютъ у Грековъ самый точный и опредѣленный топографическій смыслъ, ибо ими устанавлялись извѣстныя стороны города, подобно тому какъ еслибы мы сказали что предметъ лежитъ на сѣверъ или на югъ отъ города. Приступая къ чтенію эллинскихъ историковъ, географовъ и перипгитовъ, необходимо изучить этотъ способъ опредѣленія мѣстностей и вполнѣ быть съ нимъ знакомымъ, чтобы слѣдить и понимать ихъ описанія. Самъ по себѣ однако онъ не представляетъ никакого затрудненія, отличаясь скорѣе тою простотой которую можно встрѣтить только въ обществѣ не знавшемъ математической географіи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ для большей ясности этого топографическаго метода.

Почти въ каждомъ изъ древнихъ греческихъ городовъ находился

акрополь, или кремль, который первоначально не только считался, но и былъ городомъ, и гдѣ большею частію возводился первопрестольный храмъ города. Обнесенный кругомъ стѣной, акрополь имѣлъ двѣ стороны: лицевую и заднюю, изъ коихъ послѣднюю составляла сплошная, часто примкнутая къ горѣ, стѣна, первою же признавалась ей противоположная сторона, гдѣ всегда устраивались главныя ворота. Съ этими сторонами акрополя, или кремля, согласовались и стороны города. Куда обращенъ былъ акрополь, куда онъ, такъ-сказать, смотрѣлъ, та сторона была прямою или лицевою стороной города, ἡ εὐθεῖα, а двѣ другія назывались правою, ἡ δεξιά, и лѣвою ἡ ἀριστερά. Трудность при чтеніи греческихъ писателей состоитъ въ томъ что требуется всегда знать положеніе акрополя, такъ какъ значеніе словъ правый и лѣвый остается всегда въ полной отъ него зависимости, и каждое изъ нихъ можетъ, при различныхъ обстоятельствахъ, соотвѣтствовать разнымъ сторонамъ свѣта.

Городъ Платэи лежалъ, при нашествіи Ксеркса, на предгорьѣ Киѳэрона; его акрополь, почти примкнутый на югѣ къ горѣ, обращенъ былъ къ Ѳивамъ, то-есть къ сѣверу; его лицевою стороной, слѣдовательно, называли сѣверную, правою восточную и лѣвою западную. Вѣрность этого положенія подтверждается Иродотомъ, который, описывая Платэйскую битву, упоминаетъ о всѣхъ мѣстностяхъ Платеиды и, говоря между прочимъ о храмѣ богини Иры, прибавляетъ * что онъ находился предъ городомъ, то-есть на сѣверъ отъ него, притомъ въ 20 стадіяхъ отъ ключа Гаргафіи, что̀ превосходно согласуется съ дѣйствительностію.

Итакъ, Платэи стояли лицомъ къ сѣверу; Колы же, напротивъ, къ югу. Этотъ также віотійскій городъ, давшій имя Копаидскому озеру, представлялъ видъ, хотя совершенно сходный съ видомъ Платэй, но въ противоположномъ направленіи. Собственно городъ, нынѣ село Тополя, находился предъ акрополемъ и именно на югъ отъ него, занимая самый край берега Копаидскаго озера; онъ лежалъ слѣдовательно между акрополемъ и озеромъ. Такъ какъ акрополь обращенъ былъ къ югу, то его правая сторона есть западъ, а лѣвая востокъ. Когда періегитъ Павсанія, осмотрѣвъ Колы, намѣревался

* Ирод. IX, 52: τὸ δὲ (τὸ Ἡραῖον) πρὸ τῆς πόλιός ἐστι τῆς Πλαταιέων, εἴκοσι σταδίους ἀπὸ της κρήνης τῆς Γαργαφίης ἀπέχον.

продолжать свой путь * до приморскаго города Алъ, коего развалины сохранились еще и теперь у Эввійскаго пролива, или Еврипа, Εὔριπος, не далеко отъ Архипелага, то онъ вышелъ, какъ самъ замѣчаетъ, ** изъ Копъ влѣво. Если же бы новѣйшій путешественникъ, прочитавъ слова Павсанія: Κωπῶν δὲ ἐν ἀριστερᾷ προελθόντι, и выйдя изъ Тополи, повернулъ просто налѣво, то-есть по новѣйшимъ понятіямъ на западъ, то онъ прибылъ бы въ Орхоменъ и въ Дельфы, гдѣ безъ сомнѣнія пришелъ бы въ такое же отчаяніе, искавъ тамъ Алы, въ какое впалъ г. Гёрцъ, тщетно напрягавшій усилія для открытія Фанагоріи въ томъ мѣстѣ гдѣ ея никогда не было. Но кого же слѣдуетъ винить: греческихъ ли географовъ, или самихъ себя? Кто желаетъ описать древнюю топографію Таманскаго полуострова, тому слѣдуетъ почерпать свѣдѣнія не у Дюбуа, не у Клапрота и не у другихъ, заслуживающихъ въ этомъ случаѣ только забвенія, а изучать древнихъ эллинскихъ географовъ.

Менѣе затрудненій представляютъ топографическія опредѣленія древнихъ географовъ въ тѣхъ случаяхъ когда они исходятъ изъ представленія человѣка двигавшагося, то-есть идущаго, ѣдущаго, или плывущаго на кораблѣ. Тогда писатель указываетъ обыкновенно точку исхода и обозначаетъ числомъ стадіевъ пройденное пространство, присоединяя къ тому разстоянія различныхъ мѣстностей между собою. Такъ описываетъ Иродотъ Θермопилы, и, идя по его стопамъ, только удивляешься его, такъ сказать, математической точности. Географическій трудъ Страбона славился въ древности тѣмъ же достоинствомъ, а новѣйшія изслѣдованія знаменитыхъ ученыхъ, каковы Д'Анвиль, Ликъ и др., вполнѣ подтвердили справедливость этого мнѣнія. Мы потому были невыразимо изумлены, читая о немъ строгій приговоръ автора археологической топографіи Таманскаго полуострова, и недоумѣвали при мыс-

---

* Весь этотъ путь древняго περίπλους, разсмотрѣнный на самомъ мѣстѣ, описанъ мною въ статьѣ: *Les villes de Cyrtones et de Corsia, les ruines d'Halne*, помѣщенной въ *Revue Archéologique* (Paris. 1860), въ книгѣ 1го декабря 1860 года.

** Павс. IX, гл. XXIV, § 1: Κεῖνται δὲ αἱ Κῶπαι πόλισμα ἐπὶ τῇ λίμνῃ. § 2: Τούτου δὲ καὶ Ὅμηρος ἐποιήσατο ἐν καταλόγῳ μνήμην· ἐνταῦθα Δήμητρος καὶ Διονύσου καὶ Σαράπιδός ἐστιν ἱερά. § 3: Κωπῶν δὲ ἐν ἀριστερᾷ σταδίους προελθόντι ὡς δώδεκά εἰσιν и пр.

ли что древній географъ могъ быть въ такой степени неудовлетворительнымъ, хотя бы даже и при описаніи столь отдаленной для Грековъ страны, какъ Киммерійскій Воспоръ. Разборъ словъ Стравона убѣдилъ насъ въ противномъ.

Для большей наглядности и для устраненія могущихъ явиться недоразумѣній, помѣщаемъ здѣсь очертаніе Таманскаго полуострова.

Употребивъ выраженіе: „Влывшему, то-есть человѣку, на кораблѣ въ Коробондамскій заливъ“, Стравонъ, согласно со всеобщепринятымъ способомъ географическаго опредѣленія, разумѣлъ здѣсь прямой путь, ἡ εὐθεῖα, или εὐθεῖα ὁδός, или, какъ у Пиндара, ναῶν πλόον εὐθύν, въ длину всего залива. А такъ какъ Корокондамскій, или Таманскій, заливъ простирается съ запада на востокъ, то ἡ εὐθεῖα, прямой путь, означаетъ здѣсь направленіе съ запада на востокъ. Это несомнѣнно вѣрно, и такое указаніе удовлетворяло, по греческимъ обычаямъ, всѣмъ требованіямъ; но Стравонъ имъ не довольствовался. Доводя свое описаніе до безукоризненной ясности, онъ самъ прибавляетъ нѣсколько далѣе что прямое плаваніе отъ Коропдамы шло на Востокъ. * Съ большею опредѣленностію не могъ бы выразиться и новѣйшій географъ.

Если же лицо плывшаго на кораблѣ обращено было на вос-

* Стравонъ въ той же XI книгѣ и въ той же IIй главѣ, § 14: Εὐθὺς οὖν ἀπὸ τῆς Κορκονδάμης πρὸς ἕω μὲν ὁ πλοῦς ἐστιν.

токъ, то правою стороной считался югъ и лѣвою сѣверъ; другими словами: южный берегъ Таманскаго залива назывался у Страбона правымъ, а сѣверный лѣвымъ. Что же пишетъ географъ? Фанагорія и Кипы, читаемъ мы, лежали для плывущаго на кораблѣ въ заливъ на лѣвой сторонѣ. Это значитъ въ сѣверной части полуострова. Прочіе же города, продолжаетъ онъ, то-есть Эрмонасса и храмовый городъ Апатуръ, на правой, или по нашему въ южной части. Страбонъ идетъ еще далѣе и обозначаетъ положеніе двухъ послѣднихъ городовъ съ такою точностію выше которой ничего и желать нельзя. Эрмонасса и Апатуръ, говоритъ онъ, лежали за рѣкой Ипаніемъ, слѣдовательно близъ юговосточнаго берега залива. Область въ которой оба города находились носила названіе Синдики, и Страбонъ замѣчаетъ что въ ней же стояли еще Аворака и дворецъ Синдовъ Горгиппія.

Никто, надѣемся, не будетъ отрицать что предъ нами весьма положительныя данныя, позволяющія составить ясное понятіе о топографіи нѣкогда цвѣтущаго Таманскаго полуострова, несмотря на то что эти данныя совокуплены древнимъ географомъ только на немногихъ строкахъ. Керкондамскій, нынѣ Таманскій, заливъ простирающійся на востокъ отъ Керченскаго пролива, принималъ въ себя, заросшій нынѣ, рукавъ рѣки Антикита или Ипанія, нынѣ Кубани, впадавшій въ заливъ на южной сторонѣ его. На сѣверѣ залива стояли два города: Фанагорія, бывшая столицей царей Синдовъ, и городъ Кипы; на югѣ залива, и притомъ за Ипаніемъ, то-есть на востокъ отъ сей рѣки, стояли также два города: Эрмонасса и храмовый городъ Апатуръ.

Но топографія г. Гёрца діаметрально противоположна этой топографіи Страбона. Опираясь на мнѣніе Дюбуа, авторъ принимаетъ что Фанагорія стояла въ мѣстности занимаемой теперь станціей Сѣпною, то-есть не на лѣвомъ или сѣверномъ берегу залива, а на правомъ или южномъ, и именно тамъ гдѣ, по сказанію Страбона, слѣдуетъ искать или Эрмонассу, или храмовый городъ Апатуръ, на что указываютъ и открытые тамъ остатки древности.

Предвидимъ возраженіе автора. Г. Гёрцъ можетъ сослаться на свое предисловіе и повторить что въ его трудѣ „нынѣшнія мѣстности нигдѣ не отождествляются съ древне-греческими поселеніями, существовавшими тутъ по словамъ Страбона и другихъ классическихъ писателей“. Но эти слова опровер-

гаются другими, его же собственными, помѣщенными въ его текстѣ. Такъ, говоря объ окрестностяхъ Сѣнной и сообщивъ мнѣнія разныхъ путешественниковъ, авторъ продолжаетъ: * „Истинное значеніе этой мѣстности понялъ только Дюбуа; онъ вывелъ его весьма логически изъ слѣдующаго предположенія." А Дюбуа и старается доказать что памятники находимые близь Сѣнной принадлежатъ древней Фанагоріи. Въ другомъ мѣстѣ своей книги, ** опровергая мнѣніе Дюбуа объ Апатурійскомъ заливѣ, г. Гёрцъ говоритъ: „Но если Фанагорія лежала въ окрестности станціи Сѣнной". Еще опредѣлительнѣе авторъ въ своемъ письмѣ къ г. Абиху, гдѣ прямо говоритъ что положеніе Фанагоріи тожественно со станціей Сѣнной. *** Словомъ, согласіе нашего автора съ фантазіями французскаго путешественника очевидно.

Мы представили разборъ небольшаго отрывка Страбона, желая убѣдить почтеннаго автора археологической топографіи Таманскаго полуострова не пренебрегать драгоцѣнными извѣстіями древнихъ писателей, и не думать чтобы, безъ ихъ глубокаго изученія, была какая-либо возможность достигнуть вѣрныхъ результатовъ въ этомъ вопросѣ. Какъ ни остроумны и ни полезны изслѣдованія геологическія, естествоиспытательныя, лингвистическія и другія, всѣ они пріобрѣтутъ историческій вѣсъ только тогда, когда будетъ до очевидности разъяснено древнѣйшее положеніе, описанное современниками и частію очевидцами. Но для того необходимо идти путемъ критики; ея же, къ сожалѣнію, въ трудѣ автора не встрѣчаемъ.

Другой предметъ, коего значеніе необходимо при изученіи топографіи древнихъ мѣстностей, есть поземельная мѣра, называемая Греками стадіемъ, τὸ στάδιον или ὁ στάδιος. Это знаніе тѣмъ здѣсь необходимѣе что, въ своемъ описаніи Киммерійскаго Воспора, Страбонъ сообщаетъ разстоянія по числу стадіевъ почти всѣхъ упоминаемыхъ имъ въ этой области греческихъ городовъ и поселеній. Руководясь этимъ географомъ, можно опредѣлить съ точностію древнее положеніе нынѣшняго Таманскаго полуострова и отождествить, какъ выражается г. Гёрцъ, эллинскія мѣстности съ сохранившимися нынѣ остатками. Но авторъ и не затронулъ этого предмета; онъ о немъ

* Стр. 71.
** Стр. 27.
*** Стр. 32.

или совершенно умалчиваетъ, или говоритъ съ такимъ пренебреженіемъ, что невольно приходитъ мысль какъ будто бы никакихъ древнихъ поземельныхъ измѣреній здѣсь никогда и не было. Намъ ничего болѣе и не остается какъ только указать на это отсутствіе изысканій, въ сочиненіи посвященномъ древней топографіи. Такъ какъ однако предметъ самъ по себѣ весьма важенъ и имѣетъ приложеніе ко всѣмъ греческимъ поселеніямъ, коими усѣяны были берега Чернаго и Азовскаго морей, то мы постараемся изложить его другой разъ, независимо отъ труда г. Гёрца объ археологіи Таманскаго полуострова.

М. КУТОРГА.

НАША АРМІЯ

ФОРМЫ И ДУХЪ

Aus dem Leben habe ich genommen was ich für das Leben schrieb.

Гёте.

I.

Когда берутся писать о вооруженной силѣ и ея устройствѣ, то прежде всего наталкиваются на вопросъ: съ чего начать? Можно начать съ главныхъ основаній устройства и перейти къ пополненію арміи людьми—будетъ понятно; можно начать, наоборотъ, съ набора — опять какъ будто ничего. Каждый изъ этихъ пріемовъ можно, въ свою очередь, варіировать какъ угодно, и повидимому затрудненій никакихъ не встрѣтится.

Такъ смотритъ практика, но наука — если признать военную администрацію наукой — такъ смотрѣть не должна и не можетъ. Какъ прикладная государственная наука, построенная на началахъ сравнительнаго историческаго метода, военная администрація вынуждена начать съ вопроса о зависимости между складомъ государственной и общественной жизни съ одной стороны, и коренными чертами устройства арміи, съ другой.

За это дѣло принимались уже неоднократно, но нерѣдко

грѣшили противъ метода, натыкались на подводныя скалы и разбивались. Ошибки заключаются именно въ томъ что начинали искать причинъ различія, тогда какъ нужно было искать сходства; иначе говоря: старались изучать дѣйствіе мелкихъ, второстепенныхъ законовъ прежде знанія главныхъ, общихъ.

Примѣняя сравнительно-историческій методъ, можно получить множество частностей, множество дѣльныхъ замѣчаній, но никогда нельзя проникнуть что̀ называется въ *сутъ* дѣла. Что̀ было бы, еслибы, напримѣръ, лингвистъ, вмѣсто изученія сходства языковъ, началъ изученіемъ ихъ различія? Онъ запутался бы, и только.

Попробуемъ же обратиться къ изученію этихъ общихъ началъ устройства вооруженной силы въ зависимости отъ началъ всего государственнаго строя.

Беремъ какую бы то ни было страну политически свободную, стоящую на болѣе или менѣе низкой степени цивилизаціи; увидимъ что армія не существуетъ тамъ *постоянно налицо*, но въ то же время каждый мущина до извѣстнаго возраста (собственно до уладка силъ) обязанъ быть воиномъ и въ мирное время изучаетъ военное искусство, стремясь достигнуть совершенства. Однимъ словомъ, по требованію времени и состоянію искусства, армія является хотя и не постоянною, но правильно организованною и обученною, то-есть регулярною.*

Но вотъ другія страны — Индія, Египетъ. Народъ лишенъ всякой политической воли; правительство держится силой, мы встрѣчаемъ военную *касту*, то-есть армію постоянную и какъ бы только съ самою широкою, раскиданною дислокаціей. Армія съ народомъ не смѣшивается, и эта рознь поддерживается религіозными понятіями о разности происхожденія. Воинъ считаетъ себя существомъ высшимъ, другой *костью*, отличною отъ кости народныхъ массъ.

Перейдемъ въ Европу. Вотъ Греція и Римъ. Мы застаемъ

* Такія арміи большинствомъ военныхъ писателей называются народными ополченіями въ противоположность регулярнымъ арміямъ но согласно опредѣленію *регулярности* которое дѣлаютъ тѣ же писатели, неизбѣжно назвать каждую правильно организованную и обученную армію регулярною, а ополченіемъ тѣ войска которыя вызываются изъ народа, въ случаѣ нужды, *неожиданно*, какъ напримѣръ всѣ наши ополченія. На этомъ же основаніи слѣдовало бы и нашихъ казаковъ признать войсками регулярными.

ихъ странами политически свободными, армію же ихъ хотя не постоянною, но регулярною. Каждый знаетъ свое мѣсто, свои обязанности. Воины расписаны по возрастамъ, по классамъ, по достатку. Военныя экзерциціи Грековъ и Римлянъ и ихъ знаніе современнаго имъ состоянія искусства ставятся теперешнею наукой за образецъ въ смыслѣ военно-педагогическомъ. *

Но по мѣрѣ того какъ теряется политическая свобода, по мѣрѣ того какъ интересы правительства расходятся съ интересами массы, армія все долѣе и долѣе удерживается налицо подъ знаменами и наконецъ просто обращается въ армію постоянную, даже наемную. Возникаетъ идея преторіанства, власть зависитъ отъ войскъ и войсками поддерживается.

Еще далѣе — средневѣковье. Рыцари—своего рода военная каста. Интересы власти сходятся съ интересами рыцарей, и только они и составляютъ армію — опять регулярную, съ извѣстною внутреннею организаціей, извѣстнымъ строемъ и обученіемъ.

Наконецъ, интересы этихъ учрежденій расходятся; власть стремится къ преобладанію и создаетъ себѣ военную силу помимо ленниковъ: возникаютъ арміи наемныя.

Армія наемная, вербовочная, само собою понятно, сейчасъ перестаетъ существовать какъ только ее распустятъ, а потому правительства вынуждены были содержать ее налицо и въ мирное время, и дѣлали это тѣмъ охотнѣе что интересы власти все еще противополагались интересамъ народа.

Но по мѣрѣ того какъ люди осваиваются съ мыслью о сближеніи между народомъ и властью, правительства переходятъ къ арміямъ народнымъ, какъ болѣе надежнымъ и дешевымъ, хотя и эти народныя арміи нѣсколько времени продолжали оставаться арміями постоянными, чему содѣйствовали предразсудки унаслѣдованные военнымъ званіемъ отъ періода войскъ наемныхъ.

Затѣмъ, съ развитіемъ политической свободы, мы видимъ повсюду стремленіе уменьшить количество содержимыхъ въ мирное время войскъ. Являются отпуски, сокращеніе сроковъ

---

* Если не ошибаемся, то первый на древнихъ указалъ Макіавелли. Предметъ этотъ обстоятельно разработанъ у насъ М. И. Драгомировымъ. Той же мысли держался Суворовъ.

дѣйствительной службы * и т. д., словомъ, является необходимость перехода къ арміи *не постоянной, но регулярной.*

Оставляя въ сторонѣ Швейцарію, уже достигшую того идеала къ которому стремится исторія устройства вооруженныхъ силъ Европы, и Англію, въ которой рядомъ съ регулярно-организованною волонтерскою арміей видимъ еще вербовочную армію, остановимся на системахъ французской и прусской, какъ представляющихъ для насъ наибольшій практическій интересъ.

Французская система возникла подъ давленіемъ мысли о разобщеніи арміи отъ народа, поскольку это возможно при системѣ отпусковъ. Слѣдствіемъ этого явилась необходимость дрессировки солдата въ извѣстномъ направленіи, а вмѣстѣ съ нею продолжительность сроковъ службы и значительный *наличный* составъ. Послѣ 1866 года, французская администрація, видѣвшая крайнюю необходимость въ усиленіи арміи, рѣшается создать подвижную національную гвардію и съ настойчивостью проводитъ законъ объ этомъ учрежденіи; но когда пришлось выполнить проектъ, то правительство остановилось и вело дѣло столь неохотно что почти въ четыре года едва успѣло составить списки „рядовыхъ“ этого войска, но у нихъ не было ни оружія, ни офицеровъ.

Насколько различенъ въ Пруссіи коренной принципъ устройства вооруженной силы, настолько же различна организація наличныхъ войскъ: въ Пруссіи развивается, такъ сказать, элементъ *земскій*, во Франціи *казарменный*. Сличимъ французскій *округъ* съ прусскимъ *корпусомъ*. На первый взглядъ, въ нихъ какъ будто есть нѣчто общее, именно понятіе объ опредѣленной территоріи, но на самомъ дѣлѣ выходитъ совершенно иное. Всѣ прусскіе корпуса имѣютъ *одинаковый составъ*, все государство дѣлится на районы по числу корпусовъ, которые имѣютъ тамъ *постоянныя* квартиры и *комплектуются изъ населенія своихъ округовъ*. У Французовъ же составъ войскъ располагаемыхъ въ округѣ постоянно измѣ-

* Собственно говоря, терминъ *дѣйствительная* служба — active Dienst, принадлежитъ по мысли эпохѣ арміи постоянныхъ и далеко не выражаетъ того понятія для котораго употребляется. Каждый ландверъ находится на *дѣйствительной* службѣ, такъ какъ *обязанъ* являться по призыву въ военное время и для занятій. Слѣдовало бы говорить: *наличная* служба. Никто не долженъ и допускать мысли что есть еще какая-то *недѣйствительная* служба.

няется, а между войсками и жителями нѣтъ никакой связи, нѣтъ даже прочнаго знакомства, отстранить которое стараются всѣми мѣрами. Съ этою-то между прочимъ цѣлью нашли необходимымъ не давать частямъ войскъ долго застаиваться въ одной мѣстности и, какъ говорится, „пускать тамъ корни“. Какъ скоро мы освоимся съ этимъ взглядомъ, для насъ станетъ понятнымъ весь внутренній смыслъ учрежденія округовъ: передвигать съ мѣста на мѣсто крупныя части, корпуса, дивизіи, бригады, чрезвычайно затруднительно, передвигать же мелкія части, полки, отдѣльные баталіоны, изъ одного конца государства въ другой, не отдѣляя ихъ отъ крупныхъ военно-административныхъ единицъ—невозможно, а потому рѣшились обратить высшее начальство въ *мѣстное*, установивъ подчиненность частей по мѣсту ихъ расположенія, тѣмъ болѣе что такой порядокъ давалъ возможность сколлять войска на томъ или другомъ пунктѣ, смотря по соображеніямъ и требованіямъ внутренней политики.

Въ оправданіе этой организаціи пущены въ ходъ двѣ теоріи. Говорятъ, вопервыхъ, что упрощается хозяйство войскъ, и вовторыхъ, что мелкіе командиры пріучаются къ необходимой въ бою самостоятельности, а министерство, въ случаѣ войны, получаетъ возможность составлять корпуса и отчасти дивизіи сообразно способности лицъ назначаемыхъ командирами. Насколько упрощается хозяйство войскъ при постоянныхъ передвиженіяхъ,—понятно само собою. Что же касается способностей высшаго начальства, съ которыми должно сообразоваться, то это убѣжденіе могло возникнуть только на почвѣ французскаго цезаризма. Обнаружить это не трудно, такъ какъ въ основѣ разбираемой теоріи лежитъ мысль о необходимости создавать должности для лицъ, а не лица прибирать по опредѣленнымъ должностямъ, вслѣдствіе того что возвышеніе лицъ зависитъ не отъ способности ихъ отправлять ту или другую должность, а отъ посторонннихъ политическихъ соображеній. Въ Пруссіи, напримѣръ, перемѣняя командировъ корпусовъ предъ войной, нисколько не затрудняются пріисканіемъ людей способныхъ отправлять эту обязанность. У Французовъ, съ переходомъ на военное положеніе, начинается всеобщая ломка. Необходимо распредѣлить главное начальство, составить штабы сообразно съ его вкусомъ и способностями, организовать и сводить части въ дивизіи, въ корпуса, соображаясь при этомъ

не только съ театромъ войны, но и съ вѣроятнымъ планомъ дѣйствій, какъ своимъ, такъ и непріятельскимъ.* Прусакамъ же, напротивъ, нужно только перемѣнить нѣкоторыхъ командировъ, и они могутъ безостановочно двигать массы къ извѣстному базису.

Оказывается что организація французская приноровлена главнымъ образомъ къ требованіямъ внутренней, а прусская—внѣшней политики.

Сравнимъ теперь экономическую сторону различныхъ системъ.

Въ извѣстномъ сочиненіи Блока, *L'Europe politique et sociale*, Paris, 1869, приведены цифры ** во что̀ бы обошелся въ двадцать лѣтъ каждому государству одинъ солдатъ выставляемый по военному положенію. Вотъ они:

Англіи	14.761	фр.
Россіи	9.539	„
Франціи	6.933	„
Пруссіи.	5.533	„
Швейцаріи	634	„

Сравнивая эти числа, увидимъ что *солдатъ обходится тѣмъ дороже, чѣмъ отношеніе между сроками наличной и всей службы солдата меньше.*

Отсюда ясно что Россіи, у которой нѣтъ внутреннихъ причинъ заставляющихъ обособлять армію отъ народа, несравненно выгоднѣе перейти къ краткосрочной системѣ, нежели остаться при настоящей, французской.

Это же можно вывести изъ сравненія относительной величины военнаго бюджета.

---

* Военныя достоинства человѣка опредѣляются не только умѣньемъ „ворочать“ извѣстную массу войскъ, но и способностью выполнять то или другое назначеніе, то-есть способностью къ большей или меньшей самостоятельности. Этимъ, напримѣръ, объясняется назначеніе на Рейнъ Макъ-Магона, а не иного генерала.

** Относительно этихъ цифръ нужно замѣтить что непосредственно по бюджету для Россіи получается меньшая цифра, но нашъ бюджетъ не выражаетъ дѣйствительной стоимости солдата, которая значительно выше; на сколько—этого даже и вычислить невозможно: вспомнимъ харчи отъ жителей.

На войска тратятъ:

Пруссія около.	1/4	части	всего	бюджета.
Англія „	1/6	„	„	„
Италія „	1/4	„	„	„
Бельгія „	1/5	„	„	„
Австрія „	1/6	„	„	„
Россія *болѣе*.	1/5	„	„	„

Беря среднюю изъ всѣхъ цифръ, кромѣ Россіи, увидимъ что эти государства тратятъ на войска около 1/5 своихъ финансовъ. Отсюда понятно что намъ, ограничиваясь, по военному положенію, теперешнимъ числомъ войскъ, слѣдовало бы обратиться къ такой системѣ которая дала бы возможность сократить расходы на войска до отношенія 1/5; а выше мы видѣли что самою дешевою изъ системъ, за исключеніемъ швейцарской, для насъ не пригодной, является прусская. Обратно, сохраняя теперешній размѣръ расходовъ на содержаніе арміи и примѣняя къ Россіи систему сходную *по существу* съ прусскою, получили бы возможность значительно усилить штаты военнаго времени, что̀ для насъ совершенно необходимо.

Мы не настаиваемъ примѣнить къ Россіи подлинную прусскую систему. Существенное различіе между западною Европой и Россіей заключается въ несоразмѣрности между нашимъ населеніемъ и пространствомъ, вслѣдствіе чего становится невозможнымъ сохранить западно-европейское отношеніе между количествомъ войскъ и пространствомъ владѣній. Но далѣе, огромныя внутреннія линіи и неодинаковая вѣроятность нападенія по длинѣ нашей границы, лишающая насъ будто бы возможности соблюсти равномѣрность размѣщенія войскъ и заставляющая стягивать бо̀льшую часть ихъ на югѣ и западѣ—значатъ тутъ не много. И вотъ почему:

„Существуетъ на картѣ каждой страны такая точка относительно которой населеніе распредѣлено совершенно поровну во всѣхъ четырехъ углахъ образуемыхъ пересѣченіемъ двухъ взаимно-перпендикулярныхъ линій. Назовемъ такую точку среднею точкой заселенности. Не трудно вычислить что такая точка для европейской Россіи, взятой въ строго-географическомъ смыслѣ, лежитъ около Орла. Проведя *на картѣ* чрезъ Орелъ взаимно-перпендикулярныя линіи, съ востока на западъ и съ сѣвера на югъ, увидимъ что почти вся наша граница подверженная нападенію лежитъ западнѣе

сѣверно-южной оси и что теперь тамъ расположено шесть военныхъ округовъ: Пѣтербургскій (исключая нѣсколько баталіоновъ), Финляндскій, Виленскій, Варшавскій, Кіевскій, Одесскій. Съ переходомъ же къ прусской системѣ, не уменьшая общей цифры расходовъ, можно бы было имѣть въ этой же мѣстности около половины всѣхъ войскъ, то-есть не менѣе десяти корпусовъ, силой каждый въ 33.000 человѣкъ, то-есть съ ополченіемъ болѣе 900.000 человѣкъ.

Но взглянувъ на этнографическую карту, увидимъ что у насъ непримѣнимо комплектовать каждый корпусъ изъ мѣстныхъ жителей въ районѣ расположенія. Въ самомъ дѣлѣ, къ западу отъ меридіана Орла лежатъ: Финляндія, прибалтійскій край, сѣверо-западный и привислинскій, въ которыхъ прусскій пріемъ невозможенъ; къ тому же что касается до сѣверо-западнаго края, то его населеніе по своей слабосильности представляется вообще плохимъ военнымъ элементомъ, что̀ дознано статистически.

Сводя все сказанное къ общему выводу, мы высказываемся въ пользу принятія только общихъ основаній прусской системы, во-первыхъ, какъ самой дешевой, во-вторыхъ, какъ наиболѣе отвѣчающей нашимъ внутреннимъ разстояніямъ, въ-третьихъ, какъ дающей Россіи возможность установить болѣе выгодную пропорцію между пространствомъ, численностью населенія и количествомъ войскъ.

При этомъ мы выговариваемъ одно: ополченіе (2й и 3й комплекты, 2ая и 3ья арміи) должно организоваться при переходѣ на военное положеніе по тѣмъ же пріемамъ по которымъ распредѣляются теперь отпускные, но съ тѣмъ чтобы каждый солдатъ заблаговременно зналъ свой полкъ, баталіонъ и роту, и чтобы полкъ ополченія имѣлъ заблаговременно опредѣленную и извѣстную людямъ штабъ-квартиру; нечего и говорить что составъ людей полка въ этнографическомъ отношеніи не долженъ отличаться отъ состава полковъ наличныхъ.

Никакихъ списковъ людямъ ополченія вести нѣтъ надобности: совершенно достаточно тѣхъ билетовъ которые будутъ выдаваться людямъ при увольненіи ихъ изъ фронта *наличныхъ* и *резервныхъ* войскъ.

Остается еще сказать о возрастѣ поступающихъ на службу и *общемъ* срокѣ послѣдней.

Ни возрастъ, ни срокъ службы не могутъ опредѣляться единственно только соображеніями военной техники или удоб-

ствами набора, призыва къ службѣ, какъ это зачастую дѣлается: обѣ цифры зависятъ только отъ принятой системы и физическихъ силъ человѣка и притомъ такъ что maximum какъ *общаго* срока, такъ и срока *наличной* службы опредѣляется силой человѣка.

Обыкновенно, принимая рекрута, требуютъ отъ него извѣстнаго роста, извѣстнаго вѣса тѣла и опредѣленнаго отношенія между объемомъ груди и ростомъ, не обращая вниманія на развитіе мускулатуры, такъ какъ способы измѣренія ея столь не совершенны что показанія всегда нѣсколько зависятъ отъ воли испытуемаго, которому ничего не стóитъ показать себя слабѣе чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ статистика уже въ состояніи показать недостаточность существующаго пріема. И вѣсъ и ростъ нѣсколько увеличиваются въ періодѣ отъ 21 до 30 лѣтъ, увеличивается даже сила мышцъ руки (и вѣроятно ногъ), но *уменьшается* сила мышцъ поясницы и постепенно *увеличивается* количество недѣль болѣзни. Вотъ цифры: *

Возрастъ.	Тѣлодвиженіе. Прыжокъ. Длина.	Высота.	Ростъ. (Метр.)	Вѣсъ (Килогр.)	Сила рукъ.	Сила поясницы.	Количество недѣль болѣзни.
Отъ 21 до 25 лѣтъ.	2,18	0,93	1,675	62,93	88,7	15,5	0,585
„ 25 до 30 лѣтъ.	2,18	0,93	1,684	63,65	89,0	15,4	0,621
„ 30 до 35 лѣтъ.	1,78	0,88	1,684	63,67	87,0	12,2	0,675

Сличеніе цифръ этой таблицы показываетъ что основываться на данныхъ вѣса и роста ошибочно, что мускульная сила указываетъ на необходимость ограничиваться на службѣ возрастомъ отъ 21 до 30 лѣтъ.

Выводы эти еще сильнѣе подкрѣпляются цифрами двухъ послѣднихъ рубрикъ, доказывающими что общее ослабленіе организма пропорціонально ослабленію поясничныхъ мускуловъ, а это ведетъ къ заключенію что армія въ которой будетъ на наличной службѣ болѣе людей отъ 25 до 30 лѣтъ понесетъ и бóльшую убыль больными.

Помимо всего можно доказать первенствующее значеніе данныхъ о силѣ поясницы, по отношенію къ требованіямъ военной службы. При ходьбѣ и ѣздѣ верхомъ мускулы поясницы устаютъ ранѣе мускуловъ ногъ, а слѣдовательно длина дневнаго перехода должна быть тѣмъ меньше, чѣмъ поясница

* Quetelet. *Sur l'homme et le développement de ses facultés. Un essai de physique sociale.* Brux. 1836. T. II.

слабѣе; отсюда, если армія будетъ имѣть большинство людей отъ 21 до 25 лѣтъ и къ нимъ приноровить величину переходовъ, то для всѣхъ людей отъ 25 до 30 лѣтъ такіе переходы будутъ уже форсированными, и они начнутъ наполнять собою госпитали.

Вообще же, съ чѣмъ согласно большинство писавшихъ о военномъ дѣлѣ и военной гигіенѣ, отъ солдата требуется въ военное время дѣятельность двухъ родовъ: 1) переноска извѣстнаго груза (походъ, переѣздъ верхомъ) и 2) дѣйствіе оружіемъ, причемъ дѣло складывается такъ что дѣйствіе оружіемъ должно производиться на счетъ того что̀ отъ перваго расхода останется. Поэтому чѣмъ останется больше, тѣмъ дѣйствіе будетъ успѣшнѣе (продолжительнѣе и быстрѣе), но остается, какъ выше видно, больше силъ у тѣхъ людей у которыхъ поясница сильнѣе, стало-быть 21—25-лѣтнихъ. Притомъ, говоря о дѣйствіи оружіемъ, не слѣдуетъ забывать что оно связано съ общимъ движеніемъ, и что безъ переноса, въ то же время, извѣстнаго груза оно немыслимо.

Вотъ почему мы не можемъ не сочувствовать извѣстному военному писателю Пленнису, когда онъ говоритъ что „для того чтобъ обращаться съ солдатомъ какъ съ человѣкомъ, нужно прежде всего смотрѣть на него какъ на машину".

Изъ всего сказаннаго выходитъ что наибольшій срокъ службы можетъ быть *девятилѣтній* (отъ 21 до 30 лѣтъ), что наибольшій срокъ наличной службы не можетъ быть болѣе четырехъ лѣтъ, въ тѣхъ видахъ чтобы люди съ поясницами (слѣдовательно со здоровьемъ) начинающими слабѣть призывались лишь въ крайнемъ случаѣ, такъ какъ *труды военной службы* болѣе разстраиваютъ здоровье нежели труды обыкновенной жизни, что̀ и выражается большею смертностью войскъ сравнительно съ другими классами населенія.

Если это требованіе будетъ выполнено, срокъ *наличной* службы въ зависимости отъ организаціи войскъ опредѣлится самъ собою и будетъ слѣдующій: для системы въ которой число войскъ по военному положенію *удваивается*—4 года, утраивается—менѣе 3 лѣтъ. А это ведетъ къ заключенію что всякая система въ которой общій срокъ будетъ допущенъ въ девять лѣтъ, а число войскъ по военному положенію будетъ увеличиваться въ меньшей соразмѣрности, напримѣръ на $^1/_{3}$,— устроена нераціонально.

Что касается до нашей арміи, то нужно замѣтить что въ ней не выполняется ни одно изъ вышеприведенныхъ условій. Любопытно разсмотрѣть послѣдствія этого. Вотъ цифры ежедневнаго числа больныхъ въ разныхъ арміяхъ, считая на 1.000 человѣкъ:

Въ прусской	40,7
„ англійской	44
„ *русской*	45
Во французской	45
Въ австрійской	45

Ежедневное число больныхъ не зависитъ, въ настоящемъ случаѣ, ни отъ содержанія, ни отъ различія въ требованіяхъ службы, ни отъ климата. Глядя на эти цифры, мы можемъ подозрѣвать вліяніе возраста нижнихъ чиновъ. И въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ арміяхъ, за исключеніемъ прусской, есть множество людей старше 30 лѣтъ, а по вышеприведенной таблицѣ выходитъ среднее число недѣль болѣзни:

Для возраста отъ 21 до 25 лѣтъ	0,585
Для возраста отъ 25 до 35 лѣтъ	0,648
Отношеніе этихъ чиселъ	1:1,107

Отношеніе между ежедневнымъ числомъ больныхъ въ прусской арміи и среднимъ числомъ другихъ равняется также 1:1,1.

Сходство чиселъ весьма понятное, если припомнить что среднее число недѣль болѣзни можетъ служить мѣриломъ крѣпости организма. Стало-быть мы получаемъ очень простой выводъ, совершенно согласный съ тѣмъ что̀ утверждали выше: *гдѣ организмы крѣпче*, то-есть *гдѣ люди моложе*, *тамъ больныхъ меньше*.

II.

Люди вообще склонны принимать внѣшность, форму за содержимое, за сущность, оболочку вещи за самую вещь, но нигдѣ, какъ кажется, въ этомъ нельзя нагляднѣе убѣдиться, чѣмъ въ военномъ дѣлѣ. Противники Густава Адольфа заимствуютъ отъ него формы его искусства и забываютъ что тай-

* Цифры эти взяты изъ разныхъ №№ *Военно-Медицинскаго Журнала* 1864—1865, и *Военнаго Сборника* 1865, № 3, и для того именно чтобъ имѣть данныя для сравненія — до переформированія австрійской арміи послѣ 1866 года.

на его побѣдъ заключалась вовсе не въ этихъ мелочахъ, имѣвшихъ только второстепенное значеніе. Послѣдователи Фридриха II прусскаго въ совершенствѣ усвоиваютъ всѣ хитрости потсдамскихъ маневровъ, всѣ тонкости косвеннаго боеваго порядка, маршей и контръ-маршей, и хлопочутъ до того усердно что даже старый Фрицъ потихоньку подсмѣивался надъ слабоумiемъ обезьянствующихъ подражателей, перенимавшихъ даже мундиры, прическу, фухтеля. Фридрихъ въ душѣ радовался что у него перенимаютъ не дѣло, а его внѣшность, но онъ не подозрѣвалъ что слѣдуя общему же человѣческому недостатку, и его потомки Прусаки переймутъ ровно столько же.

Наполеонъ I имѣлъ бездну такихъ же послѣдователей, жившихъ еще на нашихъ глазахъ.

Расплата за это бываетъ горькая: Іена, Аустерлицъ,—кажется довольно чтобы понять что мѣнять форму, не мѣняя духа, который оживляетъ форму, не только безполезно, но вредно.

Большинство читателей вѣроятно еще хорошо помнятъ что до войнъ 1866 и 1870 годовъ прусскую систему находили неудовлетворительною, срокъ наличной службы короткимъ, недостаточнымъ для приготовленія хорошаго боеваго солдата, говорили что резервы тотъ же ландверъ, а ландверъ никуда не годится, что люди его мало чѣмъ отличаются отъ рекрутъ: „ландверъ, да это просто народное ополченіе, не больше“, говорили тогда, но на дѣлѣ вышло другое, нѣчто болѣе грозное.

Говорившіе такъ были съ своей точки зрѣнія совершенно правы: они судили по себѣ. Наши отпускные и безсрочные, какъ солдаты, никогда не удовлетворяли *требованіямъ* службы. Свидѣтельствуемся рѣшительно всѣми кому приходилось имѣть дѣло съ нашими отпускными во время польскаго возстанія: являлись люди совершенно забывшіе дѣло и, какъ тогда утверждали, воспринимавшіе его хуже рекрутъ. Фактъ этотъ былъ весьма поучительный, потому что эти отпускные были преимущественно люди пробывшіе во фронтѣ не долго, года по три, по четыре: ну какъ же было не усомниться въ достоинствѣ краткосрочной системы?

Упускалось изъ вида одно весьма важное заключеніе: если человѣкъ забылъ то чему былъ выученъ и чего забыть нельзя, значитъ учили-то его безтолково, дурно или, короче говоря, ничему не учили. Что учили и учатъ безтолково, это видно изъ того ловѣрья будто бы казаки отличаются необык-

повенною смѣтливостью и расторопностью, недоступными для простаго смертнаго линейнаго пѣхотинца или кавалериста.

Мы долго видѣли рядомъ казачью и линейную службу и пришли къ убѣжденію что во всемъ что̀ не касается службы, солдатъ постоянной арміи не ниже, не тупѣе казака: онъ только *больше замуштрованъ*. Казакъ свободнѣе относится къ формальностямъ и потому работаетъ умомъ тамъ гдѣ солдатъ постоянной арміи пускаетъ въ ходъ память, продѣлываетъ заученное. Расторопнѣе казакъ потому что лошадь у него легче, поворотливѣе—и только. Кто близко знакомъ съ нашими стрѣлковыми баталіонами знаетъ что они точно также отличаются большею расторопностью, какъ будто даже бо́льшимъ развитіемъ нежели линейная пѣхота. Дѣло понятное: въ стрѣлковыхъ баталіонахъ офицеры получившіе основательное военное образованіе составляютъ большинство, а въ обученіи меньше думаютъ о муштровкѣ нежели о стрѣльбѣ.

Пойдемъ дальше. Теперь всѣ удивляются точности и предусмотрительности прусской администраціи, знаніямъ прусскихъ офицеровъ, ихъ исполнительности всегда во̀-время и къ мѣсту. Разказываютъ какъ Прусаки впередъ уже знаютъ гдѣ, сколько и чего требовать, какъ ходятъ они безъ проводниковъ, „по картѣ“, и о направленіи дорогъ даже у жителей не разспрашиваютъ.... Знакъ что говорящіе такимъ образомъ,—а говорятъ, какъ мы сказали, всѣ,—сознаютъ что у насъ теперь было бы совершенно иначе.

Оно и правда. Сводя все къ одному знаменателю, выйдетъ что мы признаемъ превосходство прусскаго офицерства предъ нашимъ, какъ оно и быть должно по всѣмъ даннымъ, а прежде всего потому что въ Пруссіи не только другая форма военной системы, но другой и духъ, другія условія, другія требованія.

Итакъ, характеръ служебныхъ требованій, *духъ службы* — вотъ что̀ опредѣляетъ достоинство войскъ и обусловливаетъ результатъ который дастъ та или другая система организаціи.

Тѣ начала государственной жизни которыя, какъ мы видѣли выше, обусловливаютъ ту или другую форму устройства вооруженной силы, опредѣляютъ и тѣ положенія субординаціи и дисциплины отъ которыхъ зависитъ этотъ *духъ* службы.

Въ этомъ отношеніи важнѣе всего взглядъ на взаимныя отношенія понятій дисциплины и субординаціи. По существу дѣла, субординація есть слѣдствіе дисциплины, по происхожде-

нію—она древнѣе послѣдней, и мы могли бы прослѣдить документально какъ, по мѣрѣ историческаго развитія, субординація, понимаемая первоначально въ смыслѣ рабскаго, безусловнаго, тупаго повиновенія „произволу“ начальствующаго, произволу замѣнявшему когда-то законъ, стремится занять подобающее ей мѣсто. Это была бы исторія постепеннаго перехода отъ чувства страха къ чувству чести и долга.

Но ходъ исторіи не торопливъ, и мы видимъ что еще при Фридрихѣ II основаніемъ дисциплины служила тупая субординація, основанная на палкахъ и фухтеляхъ для солдатъ, арестахъ и т. п. для офицеровъ. Самъ Фридрихъ говаривалъ что „солдатъ долженъ бояться палки капрала больше чѣмъ непріятельской пули“.

Даже при Наполеонѣ I безусловное повиновеніе, хотя бы и незаконнымъ распоряженіямъ начальства, то-есть распоряженіямъ противнымъ дисциплинѣ, считалось обязательнымъ, хотя Наполеонъ находилъ невыгоднымъ управлять арміей при помощи страха.

Наконецъ и въ настоящее время понятія объ отношеніи между субординаціей и дисциплиной выяснялись далеко не вполнѣ, да и не вездѣ. И менѣе тамъ гдѣ сроки службы длиннѣе, гдѣ армія болѣе обособлена отъ народа, гдѣ, вообще говоря, чувство законности развито менѣе; въ Австріи (до 1866) и Франціи слабѣе чѣмъ въ Пруссіи, Англіи и Швейцаріи.

Въ Австріи еще, такъ-сказать, надняхъ существовало *гинхаберство*, то-есть просто-на-просто почти феодальная власть заслуженнаго „шефа“ надъ своимъ полкомъ, доходившая отъ права назначать и удалять офицеровъ, до права суда, жизни и смерти. Плодомъ всего этого было убѣжденіе что быть побитымъ „во исполненіе приказанія“ выгоднѣе нежели побѣдить вопреки приказу.

Что касается Франціи, то въ 1860 году капитанъ французскаго генеральнаго штаба Блондель, утверждая что субординація есть основа дисциплины, а не ея слѣдствіе, писалъ: „повинуйтесь.... *для собственной пользы*, потому что военный отвѣчаетъ за приказанія которыя отдаетъ, а не за тѣ которыя исполняетъ.... *Онъ правъ—каковы бы ни были послѣдствія—если можетъ сказать: я повиновался.*“

Итакъ, опять то же явленіе какъ и въ Австріи.

Но какъ относятся къ такой субординаціи прочіе француз-

скіе офицеры, объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ же авторъ слѣдующимъ образомъ: „вскорѣ *дисциплина утомляетъ, подчиненность огорчаетъ*—и неудовольствіе, происходящее отъ принужденія, заставляетъ *жаловаться то на непослушаніе подчиненныхъ*, то на *строгость начальника*.“

Дисциплина утомляетъ.... Правда, военная дисциплина вещь не легкая, но утомляетъ она вовсе не по этому. Тамъ гдѣ субординація доведена до такихъ печальныхъ послѣдствій какъ въ Австріи и Франціи, тамъ она преобладаетъ надъ дисциплиной и, въ извѣстномъ смыслѣ, даже исключаетъ ее. Личность подчиненнаго стушевывается, и онъ самъ обращается въ машину. Высокое развитіе началъ безграничной подчиненности предполагаетъ необычайную широту власти: начальникъ становится въ одно и то же время и судьей и администраторомъ, получая право единоличнаго суда и расправы, наказанія и награды. Но такія полномочія всего больше способствуютъ превышенію власти и лицепріятію, однимъ словомъ, развитію всевозможныхъ злоупотребленій, какими на самомъ дѣлѣ отличаются обѣ названныя арміи: по крайней мѣрѣ воровство въ нихъ было развито до огромныхъ размѣровъ.

Дисциплина является мертвою буквой, пустымъ звукомъ, потому что младшіе чины на опытѣ знаютъ что всѣ дисциплинарныя тонкости обязательны только для нихъ, да и то лишь на сколько это допускаетъ вкусъ и „воля“ начальства. Офицеры начинаютъ смотрѣть на всѣ служебныя требованія только какъ на средство которое даетъ начальству возможность „распекать“ и „допекать“ непріятныхъ подчиненныхъ. *

Вмѣсто того чтобы заниматься дѣломъ для самаго дѣла, начинаютъ изучать его со стороны *вкуса* начальства, заботясь только объ одномъ такъ-называемомъ „вниманіи“ его.

Всякихъ сортовъ и видовъ искательство, протекція доводятъ дѣло до того что образуется такъ-сказать „военное вельможество“, почти родовая служебная аристократія, окруженная множествомъ людей „случайныхъ“. Тогда прощай военное знаніе, его замѣняетъ рутина, вмѣсто рвенія является всеобщее недовольство и служебная апатія, а наконецъ даже самое слово рвеніе опошливается. Въ Австріи предъ войной 1866

* Поучительный образчикъ представляетъ исторія отношеній между Бертье и Жомини. Бертье гналъ его, не взирая даже на расположеніе самого Наполеона I.

года армейскому офицеру вмѣнялось товарищами въ стыдъ заниматься военною наукой, а въ одномъ государствѣ и досихъ поръ есть такая кавалерійская дивизія офицерамъ которой будто бы *неприлично* получать высшее военное образованіе наравнѣ съ другими.

Во Франціи предъ послѣднею войной было то же самое, слово въ слово.

Пруссія поступила совершенно наоборотъ. Испытавъ въ 1805 году всѣ неудобства подобныхъ порядковъ, она круто поворотила въ другую сторону, рѣшась положить въ основаніе службы не *субординацію*, въ смыслѣ доводящемъ въ концѣ концовъ до произвола и пораженій, а строгую *дисциплину*, одинаково обязательную для всѣхъ и каждаго. Субординація сейчасъ же получила другой смыслъ, другой характеръ, другіе предѣлы: офицеръ и солдатъ подчинены не начальнику а закону. Начальство только надзираетъ за исполненіемъ, требованія предъявляются только регламентами. Ни суеты, ни робости, ни затрудненій тутъ быть не можетъ: всякій знаетъ что и какъ ему дѣлать, что и когда и за что слѣдуетъ получить. Если никакое расположеніе, никакая протекція не поможетъ, остается надѣяться только на себя, на свое знаніе и способность, и военная наука нигдѣ такъ не развита и не распространена какъ въ Пруссіи, да не только между офицерами, но и между нижними чинами.

И при всемъ томъ въ глазахъ подчиненнаго-Прусака начальство, это—высь недосягаемая, и мы, Русскіе, не можемъ даже представить себѣ того положенія какое занимаетъ тамъ, напримѣръ, унтеръ-офицеръ.

Повернемся наконецъ къ нашей арміи и начнемъ съ цифръ. Въ извлеченіяхъ изъ всеподданнѣйшаго отчета военнаго министра показано по годамъ слѣдующее число офицеровъ:

Къ 1865	31.701	или	1
„ 1866	30.507	„	0,966
„ 1867	29.813	„	0,941
„ 1868	29.196	„	0,921

Итакъ число офицеровъ ежегодно убываетъ и при томъ съ замѣчательнымъ постоянствомъ, доказывающимъ что на это есть причина дѣйствующая каждый почти годъ съ равною силой.

Поищемъ ея. Ближе и удобнѣе всего искать ея тамъ гдѣ находитъ и само министерство, то-есть въ недостаточности содержанія.

Уже въ офиціозномъ „Обзорѣ дѣятельности военнаго министерства съ 1861 по 1865 годъ", напечатанномъ въ *Военномъ Сборникѣ*, категорически высказывается мнѣніе о недостаточности получаемаго офицерами содержанія, несмотря на прибавку въ пятидесятыхъ годахъ, причемъ въ извиненіе упомянуто что измѣненіе окладовъ вновь было бы затруднительно для государственнаго казначейства.

Съ тѣхъ поръ министерство не переставало заботиться о разнаго рода „прибавкахъ", хотя и не всегда послѣдовательно. * Жалованье гвардіи увеличено напримѣръ цѣлымъ полугодовымъ окладомъ, хотя и не изъ суммъ государственнаго казначейства; армейскимъ полкамъ назначено ежегодное пособіе въ скромномъ размѣрѣ, такъ что не приходится и мѣсячнаго оклада на каждаго.

Наконецъ въ концѣ прошлаго года опять завели рѣчь объ измѣненіяхъ въ порядкѣ производства армейскихъ офицеровъ, съ „цѣлью *поощрить* офицеровъ *къ продолженію службы*, увеличить такимъ путемъ получаемое ими содержаніе и этимъ устранить не комплектъ офицеровъ", который, это не секретъ, простирается до 7.000 человѣкъ.

Чтобы понять въ чемъ дѣло, нужно припомнить что еще подъ конецъ польскаго возстанія обсуждался вопросъ о сравненіи чиновъ гвардіи съ армейскими, который тогда же покончился не въ пользу сравненія. Въ то же время сдѣлано было предложеніе о безполезности нѣкоторыхъ градацій чинопроизводства въ арміи, отмѣна которыхъ могла бы нѣсколько увеличить содержаніе младшихъ офицеровъ. Тотъ же смыслъ можетъ быть данъ дѣлу и теперь.

Но зло не въ этомъ; для дѣйствительнаго поощренія армейскихъ офицеровъ оставаться на службѣ нужно показать имъ что они могутъ что-нибудь выслужить, а послѣднему препятствуетъ *обычная* привилегія гвардіи замѣщать $^9/_{10}$ вакансій командировъ армейскихъ отдѣльныхъ частей и вакансій генеральскихъ. Благодаря этой привилегіи, гвардейскій офицеръ черезъ 15 лѣтъ службы становится командиромъ полка, тогда какъ въ арміи въ то же число лѣтъ достигаютъ чина капитана, много майора, и есть подполковники служащіе по

* Таково распоряженіе объ отпускѣ такъ-называемыхъ караульныхъ денегъ только за дни „наряда", въ сущности уменьшающее доходъ офицеровъ.

25—30 лѣтъ. Пишущій зналъ множество прапорщиковъ сидѣвшихъ по 6—8 лѣтъ въ чинѣ.

Но кто же эти гвардейцы, такъ быстро проходящіе трудное поприще службы? Люди съ блестящимъ военнымъ образованіемъ? Нѣтъ, зачастую далеко худшимъ нежели у иного армейца! На службу въ гвардію попадаютъ или благодаря карману (изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ), или *по заслугамъ родителей*, изъ Пажескаго корпуса, или переводомъ изъ арміи, съ пониженіемъ чина, по протекціи или знакомству съ полковымъ командиромъ; наконецъ за хорошее окончаніе курса, но такихъ офицеровъ не много.

Таковъ разсадникъ нашихъ высшихъ офицеровъ, дающій въ концѣ концовъ „генераловъ“ Тургеневскаго *Дыма*.

Подчиненіе кажется тѣмъ обиднѣе что не отличаясь ничѣмъ, даже лѣтами службы, отъ большинства своихъ подчиненныхъ, наши такъ называемые „старшіе“ офицеры имѣютъ черезчуръ большую власть надъ ними: награды зависятъ не отъ закона, а отъ нихъ, пріемъ на службу помимо военныхъ училищъ, всецѣло предоставленъ имъ же, они же могутъ выпроводить офицера и со службы, безъ суда и безъ желанія; наконецъ даже производство на открывшуюся штабъ-офицерскую вакансію, *по обычаю* зависѣвшее отъ старшинства въ чинѣ, теперь предоставлено усмотрѣнію ближайшаго начальства, власть котораго со введеніемъ окружной системы и устава о дисциплинарныхъ наказаніяхъ еще усилилась.

Послѣдствіе такой широкой власти у всѣхъ на глазахъ—неуваженіе къ личности офицера, какъ только исчезло уваженіе личности, власть становится въ извѣстной мѣрѣ произволомъ.

Этотъ произволъ, на который жалуется почти повальпо все наше офицерство и которому оно противодѣйствовать не можетъ, составляетъ послѣднюю причину уменьшенія числа офицеровъ. Уходитъ изъ службы все что̀ мало-мальски знаетъ себѣ цѣну, уходитъ тѣмъ скорѣе что всякій мало-мальски дѣльный и знающій человѣкъ всегда можетъ найти внѣ военной службы мѣсто съ бо́льшимъ содержаніемъ, которое и служитъ приманкой. Вѣдь околоточный надзиратель (унтеръ-офицерскаго званія) петербургской полиціи получаетъ столько же сколько прапорщикъ арміи, расходы котораго, однако, гораздо значительнѣе, даже на одну форму. Этимъ дѣло не ограничивается: изъ числа хорошо подготовленныхъ офицеровъ на службѣ остаются весьма многіе, но и они въ еже-

дневныхъ заботахъ о хлѣбѣ, подъ давленіемъ нужды и непріятностей, теряютъ дѣйствительную любовь къ служебнымъ занятіямъ, а изученіемъ военнаго дѣла, которое идетъ все впередъ и впередъ, вовсе не занимаются, тѣмъ болѣе что многіе вокругъ ихъ смотрятъ на занимающагося военною наукой офицера почти съ явнымъ недоброжелательствомъ, то и дѣло тыкая ему при малѣйшей оплошности кличкой „ученый“. Такимъ-то образомъ развивается тотъ духъ, который ближе всего назвать *духомъ служебной апатіи*. Исполняется конечно все чего требуютъ начальство и законъ, но исполняется только на показъ, чтобы какъ говорится „сошло“.

Что отношеніе начальства къ подчиненному улучшается по мѣрѣ увеличенія благосостоянія послѣдняго, это такъ же вѣрно у насъ какъ законъ природы, но вѣрно и то что довольство и обезпеченность располагаютъ болѣе интересоваться дѣломъ, которое поитъ и кормитъ, а потому можно смѣло сказать что „качество офицеровъ возвышается пропорціонально ихъ относительному (по мѣсту и чину) жалованью.“

Недавно эту мысль называли у насъ безнравственною, но теперь къ ней начинаютъ склоняться и тѣ „кому о семъ вѣдать надлежитъ“. Въ статьѣ № 208 *Русскаго Инвалида* высказывается мысль что одною изъ главнѣйшихъ причинъ успѣха Прусаковъ было лучшее положеніе *капитановъ*, на которыхъ лежитъ подготовка нижнихъ чиновъ къ боевой службѣ. Чтобы подтвердить эти слова цифрами, говорила статья, достаточно припомнить что въ Пруссіи пѣхотный капитанъ старшаго оклада получаетъ въ годъ жалованья 1.095 руб., тогда какъ во Франціи, въ линейной пѣхотѣ, онъ получаетъ 675 р.“ Каковъ же долженъ быть выводъ о нашихъ русскихъ капитанахъ, получающихъ около 550 руб., особенно если припомнить что за одни и тѣ же деньги во Франціи можно имѣть несравненно больше удобствъ нежели у насъ? Въ Пруссіи и Россіи разница въ удобствахъ достигаетъ отношенія 1: 2. Прибавимъ что оклады вычислены по номинальной цѣнѣ рубля: что же будетъ если разчитать по курсу?

Что равнодушіе къ службѣ, а слѣдовательно и къ военной наукѣ дѣйствительно существуетъ, это можетъ быть доказано между прочимъ такими фактами. Русскій офицеръ интересуется всѣмъ чѣмъ вамъ угодно: онъ читаетъ романы, газеты, журналы, даже серіозныя книги, но военнаго сочиненія читать не станетъ. Извѣстно, напримѣръ, что нашъ *Артиллерійскій*

Журналъ, года два назадъ обязательный, оставался не разрѣзаннымъ, такъ что нашли лучшимъ устроить дѣло такъ чтобы избавить отъ него тѣхъ кому онъ не нуженъ. Теперь его расходится не болѣе 600 экземпляровъ, изъ которыхъ около половины обязательныхъ, а бо́льшая часть остальныхъ подписчиковъ состоитъ изъ офицеровъ съ высшимъ артиллерійскимъ образованіемъ. Положеніе *Инженернаго Журнала*, существующаго обязательною подпиской, едвали лучше, судя по тѣмъ многимъ экземплярамъ которые мы видѣли сами. *Оружейный Сборникъ*, посвященный преимущественно развитію стрѣлковаго дѣла, имѣетъ не болѣе 500—600 подписчиковъ.

Даже положеніе *Военнаго Сборника* далеко не отрадное: при началѣ изданія онъ имѣлъ до семи тысячъ подписчиковъ, а теперь число ихъ упало до трехъ тысячъ съ небольшимъ, и этотъ журналъ скорѣе популярное нежели спеціальное изданіе.

Вообще можно сказать что если отнять у нашихъ военныхъ изданій казенную поддержку въ какомъ бы то ни было видѣ, то они будутъ не въ состояніи существовать.

Развитію равнодушія и апатіи способствуетъ и то, между прочимъ, обстоятельство что можно прослужить не зная ровно ничего кромѣ экзерцицъ-регламентовъ.

Намъ часто встрѣчались офицеры не знавшіе какъ приготовляются патроны которыми стрѣляютъ ружья той части къ которой принадлежитъ офицеръ, а былъ даже случай что такое незнаніе обнаружено въ гвардейскомъ офицерѣ на вступительномъ экзаменѣ въ одну изъ военныхъ академій.

Какъ прежде исключительно налегали на маршировку, ружейные пріемы, эволюціи и равненіе, такъ теперь налегаютъ на стрѣльбу, эволюціи, гимнастику. Но при обученіи стрѣльбѣ можно думать не о томъ чтобы выучить толковой *боевой* стрѣльбѣ, а лишь бы попасть большимъ числомъ пуль на смотру, что̀ далеко не все равно. При обученіи эволюціямъ можетъ имѣться въ виду смотровая чистота построеній, а не примѣненіе къ бою. Ученья производятся постоянно на ровныхъ, открытыхъ плацахъ, безъ всякаго примѣненія къ мѣстности, чего такъ настойчиво хочетъ *Уставъ* въ своихъ примѣчаніяхъ; даже „маневры“ и тѣ расписываются заблаговременно, по пунктамъ, и представляютъ своего рода спектакль, не больше. Совѣтовали, напримѣръ, обученіе стрѣльбѣ соединить съ обученіемъ эволюціямъ, какъ приходится дѣлать въ бою, но на это бо́льшая часть начальства возражаетъ что

это поведетъ къ тратѣ патроновъ, да и не безопасно, потому что люди переранятъ другъ друга. Гимнастика тоже можетъ быть не способомъ развить и укрѣпить мышцы солдата, — доктора тутъ не спрашиваютъ, — а своего рода акробатствомъ, и весь „смакъ“ обученія ей сводится къ тому чтобы выучить огромныя шеренги дѣлать согласно, въ тактъ, какія-то странныя тѣлодвиженія, напоминающія кривлянья краснокожихъ Американцевъ. О фехтованіи и говорить нечего: развито оно такъ плохо что его должно считать существующимъ болѣе на бумагѣ нежели на дѣлѣ, даже хуже: изъ пріемовъ фехтованія образованъ новый курсъ прежнихъ безцѣльныхъ ружейныхъ пріемовъ, этихъ знаменитыхъ „осадокъ“ и „хватокъ съ вывертцемъ“; къ смотрамъ же, какъ вѣдомо каждому, выбирается нѣсколько паръ которыя заблаговременно „разучиваютъ“ то представленіе которое должны показать пріѣзжему начальству.

Но еслибы даже все это было усвоено въ совершенствѣ, еще не значитъ что войска готовы къ бою. Экзерцицъ-регламенты даютъ только знаніе какимъ образомъ взяться за приводъ паровика чтобы машина начала работать, но заставить машину работать цѣлесообразно и исполнять все съ требуемою скоростью и въ надлежащемъ направленіи, для этого нужно знать побольше, а этого-то и нѣтъ. Положимъ, офицеръ знаетъ какъ выполняются такія-то и такія-то эволюціи, но ему этого въ бою мало: онъ долженъ знать при какихъ условіяхъ употребить ту или другую изъ нихъ, съ тѣми или другими варіяціями противъ тила предложеннаго уставомъ. Такое знаніе могутъ дать только артиллерія, фортификація, тактика и военная исторія, да и то тогда только если ими заниматься самостоятельно и непрерывно.

Мы очертили безъ утайки, но безпристрастно, все какъ есть на самомъ дѣлѣ, и не виноваты если нашъ очеркъ произведетъ далеко не веселое впечатлѣніе на читателя, но мы должны прибавить что военное министерство всѣми мѣрами заботится о возвышеніи уровня образованія массы офицеровъ.

Труды министерства въ этомъ отношеніи почтенны и по количеству, и по качеству, но они не въ состояніи разомъ измѣнить положеніе дѣлъ. Къ тому же ошибочно думать что можно искоренить слѣдствіе не дѣйствуя на причину.

И уровень образованія, и число офицеровъ, могутъ однако и у насъ въ достаточной степени увеличиться при соблюде-

ніи извѣстныхъ условій. Того еще мало что комплектъ будетъ всегда налицо: это не трудно: стóитъ только, какъ и дѣлается, постепенно увеличивать число ежегодно производимыхъ въ офицеры до тѣхъ поръ, пока приходъ сравняется съ расходомъ, но для дѣла гораздо важнѣе заботиться объ уменьшеніи самаго расхода, потому что иначе мы придемъ только къ тому что вмѣсто опытныхъ офицеровъ будемъ имѣть крайнюю молодежь, а опытность—элементъ весьма важный въ военной службѣ.

Когда положеніе чиновника было у насъ хуже положенія офицера, въ офицерахъ былъ избытокъ и надо правду сказать, взятое въ массѣ, офицерство было лучше чиновничества, и нравственно, и умственно. Нынѣ эта часть нашей военной системы требуетъ радикальной реформы, и изъ того что было сказано выше мы можемъ вывести нѣсколько условій, исполненіе которыхъ представляется положительно необходимымъ.

Вопервыхъ, необходима *несмѣняемость* офицерскаго званія, то-есть чтобъ офицеръ не могъ быть уволенъ отъ службы или должности, помимо собственнаго желанія, безъ опредѣленія судебной власти, такъ какъ это единственный способъ развить полное уваженіе къ личности, къ закону и службѣ, какъ это можно видѣть рѣзче всего на нашемъ судебномъ вѣдомствѣ и хотя напримѣръ, на прусскомъ почтамтѣ, извѣстномъ своею точностью и примѣрнымъ управленіемъ. Ни дисциплина, ни субординація, ни уваженіе къ начальству отъ этого не уменьшатся, а увеличатся, какъ легко видѣть изъ вышеизложеннаго. Точно также надобно строго опредѣлить роды и степени служебныхъ „отличій“, дающихъ право на награды и производство въ чинъ, помимо старшинства офицеровъ, что̀ извѣстно подъ названіемъ „за отличіе по службѣ“. Награды давно должны перестать служить какими-то сюрпризами, дѣлаемыми начальствомъ подчиненному, и потому тутъ не должно быть терпимо никакихъ секретовъ, какъ это обыкновенно дѣлается. Нашъ Георгіевскій крестъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ не потому только что полученіе его трудно, но и оттого что онъ дается не иначе какъ по статуту и приговору кавалерской думы, за *опредѣленный* подвигъ: точно то же можетъ быть установлено и для каждаго ордена.

Вовторыхъ, слѣдуетъ постановить что только извѣстное об-

разованіе и опредѣленная степень служебнаго отличія даютъ право на производство въ высшіе чины.

При этомъ служебныя *требованія* должны быть соображены такъ чтобъ исполненіе обязанностей присвоенныхъ каждой должности было невозможно безъ извѣстной степени военнаго знанія, для чего прежде всего слѣдуетъ исполнить совѣтъ знаменитаго генерала первой имперіи, Морана, предлагавшаго всѣ толстыя книжки уставовъ сократить въ нѣсколько страницъ. Исполненіе требованія Морана вполнѣ возможно, какъ постоянно доказывала и доказываетъ вся наша военная литература.

Наконецъ послѣднее,—увеличить содержаніе офицеровъ, какъ прибавкой жалованья, такъ и сокращеніемъ многихъ безполезныхъ и дорогихъ расходовъ требуемыхъ формой (эполеты, темляки, лояса, галуны и т. п.). Исполненію этого условія во многомъ можетъ способствовать болѣе равномѣрное распредѣленіе окладовъ (со всѣми гласными и негласными пособіями и арендами) между младшими и старшими офицерами. 3—15ти-тысячные оклады старшихъ тамъ гдѣ младшіе не имѣютъ почти ничего — *по меньшей мѣрѣ*, вредно дѣйствуютъ, какъ на взаимныя отношенія служащихъ, такъ и на нравственную сторону офицерства, возбуждая зависть и недовольство своимъ положеніемъ.

Вотъ условія отъ коихъ зависитъ убавка расхода изъ корпуса офицеровъ. Другой рядъ условій ведущихъ къ той же цѣли съ иной стороны находится въ связи съ тою обстановкой какую, при военной реформѣ, получитъ институтъ вольноопредѣляющихся, который, если будетъ поставленъ правильно, будетъ привлекать въ корпусъ офицеровъ значительныя массы людей съ образованіемъ и достаткомъ.

Н. ВОЛОЦКОЙ.

При сей книжкѣ прилагаются особыя объявленія: 1) о подпискѣ на 1871 годъ на новый РУССКІЙ БАЗАРЪ. 2) отъ конторы Ѳ. ІОХИМА и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТЫ II.

НОЯБРЬ.

	Стр.
Латинская церковь въ сѣверо-западномъ краѣ до Брестской уніи. *И. Д. Бѣляева*	5
На ножахъ. Романъ. Часть первая. Гл. VIII—XI. *Н. С. Лѣскова* (Стебницкаго)	40
Сыщики. Историческая повѣсть изъ бироновскаго времени. Часть первая. Гл. XVIII—XXXV. *Булкина.*	101
А. С. Шишковъ, его союзники и противники. *П. К. Щебальскаго*	192
Бѣлградская семинарія въ Сербіи. *А. И. Лебедева*	255
Римъ и Византія въ трудахъ двухъ кіевскихъ историковъ. *В. Н. Бильбасова*	273
Графиня. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Генриха Крузе. Переводъ съ нѣмецкаго. *Ѳ. Б. Миллера*	309
Нѣсколько замѣтокъ о современной Италіи. *В. Макушева.*	375
Иностранная литература	393

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Приключенія Гарри Ричмонда. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Гл. I—V.

ДЕКАБРЬ.

Стр.

Очерки торговли Семирѣченской области 1868 — 1869. *А. Г. Ротчева*.... 407

Бѣлая-Криница до пріѣзда Амвросія. Гл. IV—V. *И. И. Субботина*..... 429

Графиня. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Генриха Крузе. Переводъ съ нѣмецкаго. Окончаніе. *Ѳ. Б. Миллера*. 481

Сыщики. Историческая повѣсть изъ бироновскаго времени. Окончаніе. *Булкина*..... 567

На ножахъ. Романъ. Часть вторая. Гл. I—IV. *Н. С. Лѣскова* (Стебницкаго)..... 707

Ученіе какъ оно у насъ есть и какъ должно быть. *А. Н. Робера*..... 745

Русская историческая литература. *Археологическая топографія Таманскаго полуострова.* Изслѣдованіе К. Гёрца. Изданіе Московскаго Археологическаго Общества. *М. С. Куторги*..... 789

Наша армія. Формы и духъ. *Н. В. Волоцкаго*..... 812

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Приключенія Гарри Ричмонда. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Гл. VI—IX.

ВЪ КОНТОРѢ ТИПОГРАФІИ

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 к.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 и 1870—71 учебные годы. Цѣна за каждый годъ въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 р.

ОТЧЕТЪ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ по учебной части за первые полтора года его существованія. Цѣна 30 к., съ перес. 50 к.

ИЗБРАННЫЯ БАСНИ ИЗЪ МЕТАМОРФОЗЪ ОВИДІЯ, съ полнымъ словаремъ и примѣчаніями. Составили Я. Смирновъ и В. Павловъ. Ц. 1 руб., учебнымъ заведеніямъ и книгопродавцамъ дѣлается 20% уступки.

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА. Ав. Ананьева, бывшаго директора Тверской гимназіи и составителя Латинскаго Словаря, изд. пр. Леонтьевымъ. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драшусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Цѣна за оба тома 3 р. 50 к. сер.; пер. за 3 ф.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь Негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ВОКРУГЪ ЛУНЫ, новое сочиненіе Жюля Верна. М. 1870. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. с.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ. Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. сер.

МОЯ СУДЬБА. М. Камской. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.

ПОВѢСТИ И РАЗКАЗЫ П. Н. Кудрявцева, покойнаго профессора Московскаго Университета. Цѣна за двѣ части 3 руб. сер.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ УДОБРЕНІЮ ПОЧВЫ. Соч. Вольфа. Переводъ профессора Калиновскаго. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

„ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

СЪ 1го ЯНВАРЯ 1871 ПО 1е ЯНВАРЯ 1872 ГОДА.

Выходитъ ежедневно, на листѣ большаго формата, безъ цензуры.

Подписная цѣна: безъ доставки: на годъ 7 р., на полгода 3 р. 50 к., на мѣсяцъ 60 к. Съ пересылкой по почтѣ и *доставкой* на домъ: на годъ 9 р., на полгода 4 р. 50 к., на мѣсяцъ 75 коп.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи, по Большой Садовой улицѣ, домъ № 39; а также во всѣхъ мѣстахъ гдѣ открыта подписка на періодическія изданія.

Желающимъ дѣлается разсрочка въ платежѣ, но только при выпискѣ изъ самой редакціи.

Новые подписчики желающіе начать полученіе *Дѣятельности* въ истекающемъ году, приплачиваютъ за каждый мѣсяцъ текущаго года по 50 к. съ пересылкою. 10.394.—1.

изд'ѣлія не было уже для насъ новостью, но теперь она стала снабжать насъ каждыя двѣ недѣли этими пріятными дарами; часто можно было слышать какъ какой-нибудь изъ мальчиковъ восклицалъ, обращаясь къ кружку товарищей или же къ самому себѣ въ то время какъ она проходила мимо, или просто безъ всякаго случая: „Какая она красавица, ей Богу!“ Я увѣренъ что, согласись она выйти за Бодди, наши мальчики серіозно бы рѣшились ворваться всею толпой въ церковь и остановить вѣнчаніе. Мы бы, кажется, скорѣе согласились выдать ее замужъ за младшаго надзирателя, Катмена, про котораго ходили въ школѣ слухи что когда онъ выпилъ разъ бутылку вина, ему сдѣлалось дурно, вслѣдствіе чего онъ считался у насъ довольно ничтожнымъ созданіемъ, тѣмъ болѣе что слухи эти подтверждались блѣднымъ цвѣтомъ его лица. Что мы готовы были скорѣе выдать за него нашу цвѣтущую королеву, служило лучшимъ доказательствомъ нашей ненависти къ Бодди. Я бы тоже нашелъ, подобно прочимъ мальчикамъ, что она со всякимъ днемъ хорошѣетъ, еслибы не былъ убѣжденъ что она никогда не была настолько прелестна какъ въ ту минуту когда она улыбнулась моему отцу. Такъ какъ вся школа стояла за интересы Геріота, то повсюду, во время игры въ крикетъ, во время прогулокъ по холмамъ и катаній на лодкѣ, мистеръ Бодди былъ окруженъ шпіонами; маленькій Темпль передалъ разъ Геріоту разговоръ между Бодди и Джуліей который онъ подслушалъ лежа въ высокой травѣ. Бодди просилъ ее брать у него частные уроки французскаго языка. Геріотъ узналъ эту ужасную новость, готовясь войти въ лодку гдѣ Джулія сидѣла рядомъ съ Бодди; Геріотъ долженъ былъ грести. Онъ опустилъ весло въ воду и сказалъ такъ громко что я услыхалъ его слова, сидя въ лодкѣ Катмена.

— Какъ вы полагаете, полезенъ французскій языкъ для будущаго военнаго?

Бодди возразилъ что конечно онъ очень полезенъ.

— Если такъ, то я намѣренъ брать уроки, сказалъ на это Геріотъ.

Бодди отвѣчалъ ему что онъ безъ того беретъ уроки въ школѣ.

— О! продолжалъ Геріотъ.—Я говорю о частныхъ урокахъ; и затѣмъ онъ повторилъ слова переданныя ему Темплемъ:— Частный урокъ можетъ доставить гораздо болѣе пользы!

Бодди такъ и привскочилъ съ своего мѣста.

— Извольте грести, а не разговаривать, проворчалъ онъ.

— Извольте сидѣть смирно и не плясать въ лодкѣ; а не то мы вывалимъ нашу даму, отвѣчалъ Геріотъ.

Джулія стала просить чтобы лодку причалили къ берегу, а ей позволили возвратиться домой. Бодди притянулъ лодку за цѣпь къ берегу и выскочилъ изъ нея чтобы ломочь ей выдти; но въ это время всѣ мальчики, какъ въ ихъ лодкѣ, такъ и въ лодкѣ Катмена, закричали въ одинъ голосъ:

— Миссъ Джулія! Милая миссъ Джулія! Не оставляйте насъ!

Затѣмъ послышалось нѣсколько умильныхъ голосовъ, произнесшихъ:

— Не уходите отъ насъ, вдвоемъ съ нимъ!

Джулія попросила насъ вести себя хорошо, говоря что иначе она будетъ бояться ѣхать съ нами. При этихъ словахъ, Бодди снова усѣлся на свое мѣсто, и обѣ лодки поплыли дальше, словно лебеди, расправившіе перья. Мальчики были весьма недовольны что за всѣмъ случившимся не послѣдовало никакой катастрофы. Геріотъ, по ихъ мнѣнію, долженъ бы опрокинуть лодку, спасти Джулію изъ воды и утопить Бодди, чѣмъ доставилъ бы великій праздникъ всей школѣ; вмѣсто всего этого Бодди оставался въ живыхъ для того чтобы снова мучить насъ своимъ тиранствомъ и своими злобными пинками. Нѣкоторые изъ насъ стали разсуждать объ ея поведеніи.

— Она кокетка, сказалъ маленькій Темпль.

Я обратился къ французскому словарю за объясненіемъ этого слова.

— Что, Джулія Риппенджеръ кокетка, Геріотъ? спросилъ я у него.

— Маленькимъ мальчуганамъ нечего разсуждать о молодыхъ дѣвушкахъ, возразилъ онъ, давая мнѣ щелчекъ.

— Кокетка значитъ гадкая дѣвочка, настаивалъ я.

— Ну нѣтъ, смотря какъ; иногда это значитъ: очень миленькая дѣвочка, было его отвѣтомъ.

Съ тѣхъ поръ мною овладѣла сильная зависть къ Темплю за его глубокое знаніе прекраснаго пола; я все еще не могъ вникнуть вполнѣ въ смыслъ слова: кокетка. Но у Темпля были сестры. Мы гуляли съ нимъ по саду, разсуждая обо всемъ томъ на что мы готовы рѣшиться ради Геріота. Въ это время былъ уже положенъ запретъ на мои воскресные визиты къ Джуліи, я почувствовалъ себя, такъ сказать, на самомъ

днѣ школьной жизни, и мечты мои объ отцѣ начали терять свою ясность. Нѣсколько пощечинъ отъ Бодди ошеломили и преобразили меня. Мистеръ Риппенджеръ тоже все грозилъ отколотить меня тростью, хотя преступленія мои были далеко не важны. „Да, сказали въ одинъ голосъ Темпль и я, — но Геріота вы приколотить не смѣете!“ Это было наше утѣшеніе и общее мнѣніе всей школы. Каковъ же былъ нашъ ужасъ, когда мы увидѣли что онъ бьетъ изо всей силы Геріота палкой по плечамъ, а Бодди помогаетъ ему. Сцена эта была ужасна. Мы всѣ сидѣли вечеромъ за нашими пюпитрами, приготовляя уроки къ слѣдующему дню, такъ какъ завтра предполагалось большое состязаніе въ крикетъ. Бодди наблюдалъ за нами, крича по временамъ: „Молчать за работой, лѣнтяи, если хотите чтобъ уроки кончились завтра къ десяти часамъ утра!“ Вдругъ снизу послышался шумъ, приближавшійся къ намъ вверхъ по лѣстницѣ, и въ комнату вбѣжалъ Геріотъ, а за нимъ запыхавшійся старикъ Риппенджеръ.

— Мистеръ Бодди, вы были правы! кричалъ онъ.—Это дѣйствительно негодяй, попирающій ногами всѣ правила дисциплины! Развращенный, безсовѣстный разбойникъ! Мы подадимъ примѣръ всей моей школѣ. Мы уже совсѣмъ распустили ихъ. Какъ! Я встрѣчаю этого мальчишку въ саду, насвистывающаго что-то и выжидающаго, какъ онъ говоритъ, одну изъ моихъ служанокъ.... пожалуйте сюда, мистеръ Бодди. Вся моя школа увидитъ что никто не можетъ безнаказанно оскорбить меня!

Удары посыпались на Геріота какъ градъ. Геріотъ немножко нагнулъ плечи, но не голову.

— Бейте себѣ, говорилъ онъ, среди града ударовъ.

А я, хотя весь въ слезахъ, живо представилъ себѣ (какъ и теперь представляю) молодаго орла, лицомъ встрѣчающаго грозу.

Потомъ мы увидали какъ Бодди тоже было наложилъ на него руки, но въ ту же минуту свалился на полъ; мальчики испустили радостный крикъ или скорѣе вопль; въ своемъ восторгѣ они залѣли какъ птицы, забывъ даже всякую злобу. Послѣ паденія Бодди мы уже перестали стыдиться за нашего героя. Темпль и я крѣпко-на-крѣпко сжали кулаки, пока сыпались удары. Мы надѣялись что Бодди попытается еще разъ наложить руку на Геріота, но онъ неподвижно стоялъ около своего начальника, словно готовясь наскочить на Геріота, подобно злой пантерѣ. Мы все надѣялись что онъ исполнитъ

этотъ замыселъ и слѣдили съ ужасомъ за убійственными ударами. Геріотъ не произносилъ ни слова. Вдругъ Темпль и я вскочили съ своихъ мѣстъ, не помня что мы дѣлаемъ, не помня ничего, пока намъ не досталось каждому по удару и мы не очутились въ самомъ пылу битвы; Бодди схватилъ насъ обоихъ за воротъ, стукнулъ насъ головами другъ объ друга и притащилъ насъ снова къ нашимъ мѣстамъ. Мальчики сказали намъ однако что мы остановили дальнѣйшій ходъ экзекуціи. Мистеръ Риппенджеръ обратился къ намъ съ рѣчью, собираясь уходить изъ класса. Саддльбенкъ, Сальтеръ и многіе другіе зажали уши кулаками во время этой рѣчи. Ночью, Бодди и Катменъ расхаживали по спальнямъ, для предупрежденія какихъ-нибудь замысловъ и заговоровъ, какъ они говорили. Мнѣ страстно хотѣлось обнять Геріота; я все думалъ, думалъ объ немъ, и видѣлъ кровавые сны и проснулся утромъ удивляясь отчего это я плачу и отчего у меня болятъ спина и руки. Геріотъ былъ веселъ какъ обыкновенно и только минутами задумывался; между нами было рѣшено не упоминать о вчерашнемъ вечерѣ. Мы боялись что онъ откажется играть въ крикетъ.

— Отчего же мнѣ не играть? отвѣчалъ онъ на нашъ вопросъ, сердито глядя на насъ. — Развѣ Саддльбенкъ сломалъ руку и не можетъ бросать мячъ?

Нѣтъ. Саддльбенкъ былъ совершенно бодръ и здоровъ, хотя немного пристыженъ подобно Сальтеру и большинству старшихъ мальчиковъ. Они попросили Геріота чтобъ онъ позволилъ имъ пожать ему руку.

— Подождите пока мы выиграемъ нашу партію, отвѣчалъ Геріотъ.

Джулія не явилась на утреннюю молитву.

— А, сказалъ Темпль, — она боялась что ей будетъ тошно слышать молитвы стараго разбойника.

Онъ прибавилъ что ему чуть не стало тошно отъ нихъ и въ ту же минуту я почувствовалъ что и на меня онѣ произвели то же дѣйствіе. Мы полагали что Джулія не покажется и во время игры. Однако она явилась и разговаривала со всѣми. Я никакъ не могъ оставаться въ покоѣ; я долженъ былъ сообщить ей о томъ что случилось вчера съ Геріотомъ, который въ это время мѣтко отбрасывалъ мячъ, между тѣмъ какъ всѣ вокругъ громко одобряли его искусство. Я подошелъ съ боку къ Джуліи и шепнулъ ей:

— Что я вамъ скажу, Джулія, милая, что я вамъ скажу, знаете ли?

Темпль въ это самое время шепнулъ ей съ другаго боку:

— Миссъ Джулія, мнѣ нужно сказать вамъ....

Намъ хотѣлось возбудить въ ней состраданіе къ Геріоту, которымъ она восхищалась въ эту минуту. Но она не дала намъ договорить. Она была окружена дамами и мущинами изъ города и своими близкими знакомыми, и ей было некогда выслушать насъ. Геріотъ въ восемьдесятъ девятый разъ пробѣжалъ отъ однихъ воротъ къ другимъ. Рукавъ его разстегнулся и открылъ слѣдъ удара на рукѣ.

— Посмотрите, кричалъ я Джуліи.

Но она смотрѣла на меня.

— Ричи, вы больны?

Она увѣряла меня что я очень блѣденъ. Она сама сильно дрожала, прикрывая меня своимъ зонтикомъ.

— Рой, Темпль, ступайте сюда, кричалъ Геріотъ,—ступайте сюда и бросайте мнѣ мячъ.

Я подбѣжалъ и сталъ бросать, пока мнѣ не стало казаться что голова моя летитъ вслѣдъ за мячемъ, стукаясь повсюду, все точно вертѣлось вокругъ меня и виски мои страшно стучали.

Темпль мнѣ разказалъ потомъ что я вдругъ упалъ, и что Геріотъ отнесъ меня домой на рукахъ, не позволяя надзирателю прикоснуться ко мнѣ.

Въ продолженіи трехъ дней я находился на попеченіи Джуліи. Каждый разъ какъ я начиналъ говорить объ ея отцѣ и о Геріотѣ, она кричала мнѣ:

— Молчите, и на глазахъ ея навертывались слезы. Когда я совсѣмъ оправился, то заставилъ ее выслушать всю исторію. Она обняла меня и нагнулась надо мной, словно зеленое деревцо, качаемое дождемъ и вѣтромъ.

— Онъ никого не назвалъ по имени? спросила она меня съ легкимъ подергиваніемъ въ губахъ, а когда я отвѣчалъ что нѣтъ, то прибавила: — Я знала что онъ не назоветъ; она вдругъ вспыхнула и внезапное рыданіе сдавило ей горло; но минуту спустя она опять успокоилась, только нижняя губка дрожала у нея немного; она улыбнулась мнѣ и начала строить разныя гримасы своимъ хорошенькимъ ротикомъ. Мнѣ это не понравилось, также какъ и то что она не высказала своего мнѣнія о Геріотѣ, и я подумалъ про себя, хотя и не рѣ-

шился заговорить съ ней рѣзко: „Нечего дѣлать такія гадкія рожи, Джулія.“ Если-бы она заговорила о Геріотѣ, то я вѣрно бы нашелъ что поцѣлуи плачущихъ дѣвушекъ очень пріятны.

По возвращеніи въ классы, я засталъ всю школу въ страшномъ волненіи, по случаю того что Геріотъ вызвалъ Бодди на дуэль. Мистеръ Риппенджеръ держалъ мальчикамъ проповѣдь о противномъ христіанскому началу духѣ и извращенной нравственности человѣка принимающаго вызовъ на дуэль. Но насколько преступнѣе оказывается человѣкъ добровольно вызывающій на смертный бой своего ближняго. Мы были совершенно другаго мнѣнія, и большинство изъ насъ рѣшило что Бодди трусъ, и что Геріоту слѣдуетъ пристрѣлить или приколотить его хорошенько, во время каникулъ. Мистеръ Риппенджеръ заключилъ свою рѣчь замѣчаніемъ что самое строгое наказаніе къ которому онъ можетъ приговорить Геріота будетъ состоять въ томъ что онъ предоставитъ его суду его собственной совѣсти. Онъ предоставлялъ его суду этому въ продолженіе трехъ дней, и по истеченіи ихъ спросилъ его: готовъ ли онъ теперь публично просить прощенія у Бодди?

— Я вполнѣ готовъ высказать ему публично мое мнѣніе объ немъ, отвѣчалъ Геріотъ.

Ропотъ одобренія пробѣжалъ по всей школѣ. Мистеръ Риппенджеръ схватилъ маленькаго Темпля и высѣкъ его. Нисколько не боясь этого наказанія послѣ того какъ его пришлось отвѣдать Геріоту и Темплю, я, напротивъ, считалъ его безумнымъ удовольствіемъ, не страшнѣе колючаго терноваго кустарника, въ который мы разъ попали, играя на приходскомъ лугу. Вслѣдствіе этого я схватилъ за руку проходившаго мимо меня Темпля и живо спросилъ его:

— Не закричать ли мнѣ ура.

— Чортъ ихъ побери совсѣмъ, отвѣчалъ Темпль. Ему досталась порядочная дюжинка, а кожа у него была нѣжная.

Мистеръ Риппенджеръ подозвалъ меня къ себѣ и сообщилъ мнѣ что кто бы я ни былъ—а весьма возможное дѣло что я ничто иное какъ маленькій обманщикъ, навязанный его благосклонности, онъ постарается выбить мнѣ изъ головы чванство, и предупреждаетъ меня объ этомъ. А если отцу моему не понравится его система, то ему стóитъ только написать самому и обратить вниманіе на аккуратное исполненіе своихъ обязательствъ, ибо Серрей-Гоузъ не есть богадѣльня ни для сыновей знатныхъ господъ, ни для сыно-

вей бродягъ. Мистеръ Риппенджеръ презрительно пихнулъ меня при этомъ въ плечо, говоря мнѣ чтобы я садился на свое мѣсто. Я ничего не понялъ изъ словъ его. Объясненіемъ этихъ дѣйствительно загадочныхъ словъ я былъ обязанъ одному изъ мальчиковъ по имени Дрю, извѣстному пронырѣ. Дѣло въ томъ что мистеръ Риппердженъ потерялъ окончательно терпѣніе, ожидая напрасно платы за мое содержаніе и ученіе. Открытіе это наполнило мою голову смятеніемъ, подобнымъ непрерывному жужжанію какой-то мухи, оно неотвязно занимало всѣ мои мысли, не приводя однако ни къ какому заключенію. Я заговорилъ объ этомъ съ Геріотомъ.

— О низкое, старое животное! сказалъ онъ о мистерѣ Риппиджерѣ. — Какъ онъ можетъ понять поступки и чувства джентльмена. Отецъ твой путешествуетъ, гдѣ же ему тутъ писать, разумѣется. Мой отецъ живетъ въ Индіи, и я получаю отъ него письма всего разъ въ годъ. Но мы знаемъ другъ друга, и я знаю что онъ одинъ изъ достойнѣйшихъ офицеровъ британской арміи. Это вотъ образчикъ образа мыслей школьныхъ содержателей и торговцевъ. Имъ нѣтъ дѣла до того исполняетъ ли человѣкъ долгъ свой въ отношеніи отечества, только бы онъ занимался ихъ дѣлами, да сводилъ съ ними счеты—чортъ ихъ возьми. Я пришлю тебѣ денегъ, мой милый мальчуганъ, какъ скоро выберусь отсюда.

Ему удалось разогнать мои мрачныя мысли. Я былъ убѣжденъ что отецъ мой обладаетъ несмѣтнымъ богатствомъ и только въ настоящую минуту случайно занятъ путешествіемъ. Кромѣ того, любовь Геріота къ Джуліи, скрытая теперь отъ глазъ всѣхъ насъ, служила мнѣ неисчерпаемымъ источникомъ развлеченія. Джулія не являлась на молитву; въ церкви она сидѣла на хорахъ, тоже невидимая. Письмо переброшенное Геріотомъ черезъ садовый заборъ было возвращено ему по почтѣ не распечатаннымъ.

— Письмо Вальтеру Геріоту! закричалъ Бодди, высоко поднимая его кверху; его маленькіе глазки заблистали, когда Геріотъ весело произнесъ подходя къ нему:

— Письмо отъ полковника изъ Индіи.

Бодди подождалъ съ минуту и затѣмъ сказалъ:

— Что ваша батюшка въ добромъ здоровьѣ?

— Геріотъ весь вспыхнулъ. — Отецъ мой! — Надѣюсь, да! Какое вамъ дѣло до него?

— Вы сказали что письмо это отъ него.

— Такъ что же вамъ до этого?

— О, въ такомъ случаѣ мнѣ, разумѣется, нѣтъ до этого дѣла.

Они продолжали свой разговоръ, и даже младшіе мальчики наши замѣтили что лицо Бодди сіяло діавольскимъ наслажденіемъ. Геріотъ получилъ вдругъ письмо адресованное на имя Джуліи. Его положили къ нему на столъ; ея имя было выскоблено, а его написано вмѣсто того. Геріотъ становился блѣднымъ и грустнымъ, попрежнему занимался уроками и играми, позволяя своимъ друзьямъ говорить съ нимъ не иначе какъ объ урокахъ и объ играхъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ никогда не оставлять, несмотря ни на что, ни учебныхъ занятій моихъ, ни крикета. Но онъ не могъ скрыть своей грусти. Онъ былъ похожъ на сгарую лампаду, съ едва тлѣющимъ въ ней огонькомъ. Не было ни одного мальчика въ школѣ который бы не замѣчалъ какъ плоскоголовый Бодди слѣдилъ за каждымъ шагомъ его.

Все это скоро кончилось однако. Отецъ Сальтера жилъ по ту сгорону песчаныхъ холмовъ и пригласилъ трехъ изъ насъ къ себѣ на цѣлый день. Избранниками оказались Геріотъ, Саддльбенкъ и я. Мистеръ Риппенджеръ, не желая отказать мистеру Сальтеру, позволилъ намъ ѣхать, замѣтивъ, однако, что я еще собственно слишкомъ молодъ. Но Сальтеръ сказалъ что его мать и сестры очень желаютъ познакомиться со мной. Мы отправились въ экипажѣ его отца. Быстрый вѣтеръ гналъ облака, пыль и сухіе листья; мнѣ казалось что я ѣду къ моему собственному отцу. Сознаніе свободы имѣло на меня чарующее вліяніе, я болталъ больше всѣхъ. Даже и среди семейнаго кружка я былъ запѣвалой разговора; и предъ отъѣздомъ изъ Сальтерова дома получилъ отъ его старшихъ сестеръ объясненіе въ любви. Мы поѣхали домой,—назадъ въ свою тюрьму, какъ мы говорили,—въ чудесномъ расположеніи духа, разсуждая о винномъ погребѣ Сальтерова отца и о томъ какъ я отпраздную свое совершеннолѣтіе бургондскимъ виномъ, запасъ котораго простирался, по моему мнѣнію, по крайней мѣрѣ до сотни дюжинъ бутылокъ; мы условились сойтись тогда на Дилвелской фермѣ, и распить весь запасъ этотъ въ честь моего отца и меня. Порѣшивъ дѣло, я вдругъ почувствовалъ что быстро качусь по дорогѣ, и хватаюсь наконецъ за кустъ можжевельника. Лошади понесли, свернувъ съ песчаной дороги къ холмамъ. Я вылетѣлъ изъ экипажа, Геріотъ и

Сальтеръ выскочили изъ него, Геріотъ для того чтобы броситься за мной; но кучеръ и Саддльбенкъ поскакали сломя голову дальше внизъ по темному склону. Сальтеръ безпокоился о лошадяхъ своего отца и мы предоставили ему бѣжать вслѣдъ за ними, а сами пошли смѣясь пѣшкомъ. Геріотъ похвалилъ меня за храбрость.

— Я прощусь съ тобой сегодня, Ричи, сказалъ онъ.—Когда-нибудь мы навѣрное встрѣтимся опять. Я поступлю въ военную школу. Ты смотри поступай непремѣнно въ кавалерійскій полкъ, когда выростешь. Просмотри армейскій списокъ, ты навѣрное найдешь въ немъ мое имя. Моя тетка отправится скоро путешествовать и навѣститъ тебя, пока ты еще у Рипенджера. Такимъ образомъ ты не вовсе будешь покинутъ.

Къ горю моему, я увидалъ что Геріотъ рѣшился не возвращаться болѣе въ школу.

— Тебѣ будетъ таки доставаться теперь, сказалъ онъ,—противъ этого я уже ничего не могу сдѣлать; но я надѣюсь что ты окрѣпнешь къ тому времени. Я не могу оставаться здѣсь долѣе. Я живу здѣсь точно собака, а не человѣкъ. Я провожу тебя до дому. Не плачь, юный волкъ.

Стукъ экипажныхъ колесъ замолкъ. Геріотъ задумался. Онъ замѣтилъ что приключеніе съ экипажемъ снимало съ мистера Сальтера всю отвѣтственность касательно нашего возвращенія домой; но что онъ, Геріотъ, былъ обязанъ, ради мистера Сальтера, проводить меня до порога нашего дома. Мой разумъ никакъ не могъ постигнуть всей утонченности этого разсужденія. Мы возвратились въ нашъ городокъ въ третьемъ часу ночи. Къ одному изъ строеній стоявшему близь школы и окруженному садикомъ была прислонена лѣстница.

— А, ты здѣсь, сказалъ Геріотъ, обращаясь къ этой лѣстницѣ:—ты должна сослужить мнѣ службу; это будетъ послѣдняя служба оказанная мнѣ въ этомъ околоткѣ. Онъ ухитрился положить лѣстницу къ себѣ на плечо и пошелъ далѣе.

— Развѣ ты пролѣзешь въ окно? спросилъ я, видя что онъ приставилъ лѣстницу къ стѣнѣ школьнаго дома.

— Молчи, сказалъ онъ;—посторожи здѣсь.

Онъ вскорабкался вверхъ по лѣстницѣ. Въ ту минуту какъ онъ постучалъ въ окно, я вспомнилъ что это было окно Джуліи; я услыхалъ за нимъ крикъ ея. Окно медленно поднялось. Геріотъ заговорилъ съ ней.

Я пришелъ проститься съ тобой, Джулія, милая моя дѣвочка: не бойся меня.

— Отвѣтъ ея не долетѣлъ до моего слуха. Онъ просилъ ее только одинъ разикъ показаться ему, всего одинъ разикъ; выслушать его и подать ему руку. Она робѣла; онъ захватилъ сначала ея пальцы, а затѣмъ и всю руку ея, а она склонилась надъ нимъ.—Джулія, моя безцѣнная, дорогая дѣвочка, говорилъ онъ.

— Геріотъ, Вальтеръ, не уходи, отвѣчала она; — не уходи; ты вѣрно не любишь меня, если хочешь оставить меня; о, не уходи!

— Меня довели до этого, сказалъ Геріотъ.

Она спросила отчего онъ до сихъ поръ на ногахъ и снова застонала: Не уходи! Я въ безмолвномъ удивленіи смотрѣлъ на эту ночную сцену. Они стали шептаться; я видѣлъ какъ лица ихъ близко нагнулись другъ къ другу и какъ Геріотъ обвилъ руками ея шею.—О Геріотъ, мой милый, мой Вальтеръ,—говорила она плача, я слышалъ что она плакала, по звуку ея голоса.

— Скажи мнѣ что любишь меня, произнесъ Геріотъ.

— Люблю, люблю, только не уходи.

— И будешь вѣрно любить меня?

— Буду, буду.

— Всегда?

— Всегда. О что̀ за утро сегодня! Слышишь какъ пахнетъ моя жимолость? О, не уходи отъ меня, Вальтеръ! Ты меня очень любишь?

— Я бы прошелъ, ради тебя, чрезъ цѣлый полкъ съ обнаженными саблями.

— Вдохни-ка въ себя ночной воздухъ! Какъ сладко! о, какъ сладко! Нѣтъ, нѣтъ, не цѣлуй меня лучше, если хочешь уходить отсюда; лучше не цѣлуй меня, если ты такой жестокій!

— Ты видишь меня во снѣ, лежа въ своей постелькѣ?

— Да, каждую ночь.

— Да благословитъ Богъ твою постельку!

— Каждую ночь я вижу тебя во снѣ. О, мой храбрый Геріотъ, милый, милый Вальтеръ, ты не выдалъ меня! Мой отецъ прибилъ тебя, и ты дался, ради меня! Каждый вечеръ молюсь я Богу чтобы ты простилъ ему, я боялась что ты возненавидишь и меня. Я такъ плакала что стала рада что ты не видишь меня. Посмотри на эти двѣ звѣздочки; нѣтъ, мнѣ

больно глядѣть на нихъ; я не буду больше никогда смотрѣть на нихъ. Но нѣтъ, ты вѣдь не уйдешь, ты только пугаешь меня. Вдохни-ка запахъ цвѣтовъ. Не отравляй мнѣ ихъ. О, что̀ за утро для меня, когда ты покидаешь меня! А я должна остаться одна, среди темной ночи! Пѣтъ, не цѣлуй меня больше! О да, я сама поцѣлую тебя, милый!

— Твоя мать была Ирландка, Джулія? спросилъ онъ.

— Да. Какъ бы она полюбила тебя!

— И во мнѣ есть ирландская кровь. Отдай мнѣ ея портретъ. Онъ такъ похожъ на тебя.

— Ты унесешь его съ собой? Нѣтъ, Вальтеръ, не уноси его!

— Милая моя! Онъ будетъ мнѣ залогомъ твоей вѣрности.

— Мнѣ разстаться съ портретомъ моей матери?

— Ну да, если ты меня хоть крошечку любишь.

— Но вѣдь ты моложе меня, Геріотъ.

— Когда такъ, прощай, покойной ночи, Джулія.

— Вальтеръ, я сейчасъ принесу его.

Тогда Геріотъ сказалъ ей что я стою подъ окномъ. Она выглянула ко мнѣ, тихонько прошептала мое имя и послала мнѣ рукой поцѣлуй; онъ объяснилъ ей между тѣмъ причину нашего поздняго возвращенія.

— Кто-нибудь вѣрно дожидается васъ въ домѣ—въ безопасности ли вы? спросила она.

Геріотъ засмѣялся и опять напомнилъ о портретѣ.

— Это все что̀ у меня есть. Но отчего тебѣ не отдать его? Я хочу чтобы ты помнилъ меня.

Она зарыдала при этихъ словахъ и исчезла. Геріотъ говорилъ ей что-то вслѣдъ. Мнѣ послышался шумъ отворяющейся садовой калитки. Кто-то со всѣхъ ногъ бѣжалъ къ лѣстницѣ. Я въ ужасѣ вскрикнулъ: „Мистеръ Бодди, стойте!“ Онъ свирѣпо оттолкнулъ меня, и налегъ всѣмъ тѣломъ на лѣстницу. Геріотъ закрылъ окно Джуліи и съ тяжелымъ шумомъ упалъ на землю; на верху раздался крикъ. Онъ хотѣлъ вскочить на ноги, но снова упалъ и опираясь на руку, закричалъ:

— Ничего, бѣды нѣтъ никакой; какъ поживаете, мистеръ Бодди? Я пробовалъ взлѣзть на чердакъ, потому что мы опоздали, я не хотѣлъ безпокоить домашнихъ. Я не ушибся, говорю вамъ, закричалъ онъ изо всѣхъ силъ.

Рѣчь надзирателя состояла изъ смѣшенія бѣшенства и разспросовъ. Онъ приказалъ Геріоту стать на ноги, бранилъ его, спрашивалъ чего ему было нужно, обвинялъ его въ развращен-

ности, въ преступленіи, въ безстыдномъ поступкѣ, и пытался силой поднять его съ земли.

— Руки долой, сказалъ Геріотъ.—Я самъ могу встать. Вотъ этотъ юноша поможетъ мнѣ и мы обойдемъ кругомъ къ парадной двери. Надѣюсь вы поступите какъ джентльменъ; не поднимайте тревоги, мистеръ Бодди, если вы только уважаете обитателей этого дома. Насъ вывалили изъ экипажа мистера Сальтера; я, кажется, ушибъ себѣ при этомъ ногу. Будьте такъ добры, ступайте своею дорогой; мы обойдемъ кругомъ, и постучимся, какъ слѣдуетъ, въ парадную дверь. Нечего дѣлать, придется все-таки потревожить домашнихъ.

Геріотъ настаивалъ. Къ моему удивленію, Бодди повиновался и оставилъ насъ, а мой дорогой Геріотъ пошелъ хромая, опираясь рукой на мое плечо, къ углу дома выходящему на большую дорогу. Пока мы стояли тамъ, мимо насъ проѣхала легкая телѣжка. Геріотъ окликнулъ ее, и подошелъ хромая къ извощику.

— Свезите меня въ Лондонъ, пріятель, сказалъ онъ.—Я джентльменъ; нечего такъ таращить на меня глаза. Я вамъ хорошо заплачу и кромѣ того поблагодарю. Только проворнѣе. Помогите мнѣ сѣсть; вотъ моя рука. Чортъ возьми, какъ больно!

— Вѣрно задаете маху изъ школы, сэръ, сказалъ этотъ человѣкъ.

— Молчите, отвѣчалъ Геріотъ. — Положитесь на меня; я сказалъ вамъ что я джентльменъ.

— Ну, хорошо; подвезти по дорогѣ джентльмена дѣло не дурное.—И онъ заботливо помогъ ему усѣсться.

Геріотъ сказалъ мнѣ своимъ пѣвучимъ, милымъ голосомъ:— Прощай, милый Ричи. Постучи въ дверь черезъ пять минутъ. Да благословитъ тебя Богъ, дорогой мой мальчуганъ! Нога моя заживетъ къ утру; объ этомъ не тревожься; мы какъ-нибудь встрѣтимся, разопьемъ твое бургундское. Не плачь. Ну сдѣлай мнѣ ручкой.

Я послалъ ему рукой поцѣлуй. Я не могъ плакать; грудь моя тяжело подымалась. Другъ мой уѣхалъ. Я долго стоялъ на дорогѣ, прислушиваясь къ стуку колесъ, давно уже замолкшему вдали.

ГЛАВА VI.

Повѣсть о гусѣ.

Съ этого часа до того дня въ который пріѣхала навѣстить меня тетка Геріота, я жилъ совершенно безсознательною жизнью, постоянно уносясь куда-то воображеніемъ и все болѣе уходя въ себя, по мѣрѣ того какъ усиливались сыпавшіеся на меня удары мистера Риппенджера. Онъ справедливо замѣтилъ что я сталъ непроходимо скрытнымъ мальчишкой, непокорнымъ возмутителемъ, безчувственнымъ негодяемъ, и увѣрялъ меня что если отецъ мой и не намѣренъ платить за меня, то я по крайней мѣрѣ не избѣгну платежа своихъ долговъ. Названіе маленькаго обманщика перешедшее изъ устъ начальника въ уста всей школы, названіе, подъ которымъ подразумѣвался мальчикъ явившійся къ нимъ въ видѣ юнаго принца, но не доставившій тѣмъ не менѣе содержателю ни одного пенни вознагражденія, служило, разумѣется, причиной моихъ стычекъ съ нѣкоторыми изъ мальчиковъ.

Всякій разъ какъ слухи объ этихъ стычкахъ доходили до Риппенджера, онъ молился обо мнѣ, съ цѣлью смягчить мою душу, и сѣкъ меня, съ цѣлью укрѣпить мое тѣло. Къ молитвамъ этимъ я скоро сталъ относиться съ насмѣшливымъ пренебреженіемъ. Розги же наполняли мое сердце сознаніемъ мученичества. Я говорилъ себѣ: я страдаю ради Геріота и Джуліи! И мысль эта внушала мнѣ чудное предчувствіе самоотверженныхъ восторговъ любви. Джулію увезли къ какимъ-то родственникамъ, къ берегу моря; одна изъ служанокъ нашихъ сказала мнѣ будто она потому уѣхала что не могла видѣть какъ меня бьютъ. Мистеръ Риппенджеръ позвалъ меня разъ въ свою комнату и спросилъ есть ли у меня, кромѣ отца, какіе-нибудь родственники, какъ-то: дѣдъ, бабушка, дяди, тетки или мать. Вѣроятно Джулія заставила бы меня измѣнить слову данному мною отцу, разказавъ о моемъ старомъ Риверсли, куда меня было начало уже тянуть съ тѣхъ поръ какъ образъ моего отца сталъ такимъ далекимъ и смутнымъ; но признаться во всемъ мистеру Риппенджеру казалось мнѣ, какъ онъ выражался о поведеніи относительно

его Геріота, коварною измѣной моему отцу; итакъ, я твердо рѣшился ничего не говорить, принимая на себя послѣдствія этого, ради моего дорогаго отца.

Тетка Геріота привезла мнѣ пирогъ и письмо, съ вложенною въ него значительною для мальчика моихъ лѣтъ суммой денегъ. Онъ писалъ мнѣ что знаетъ что мнѣ надо заплатить свои долги за угощенія мальчикамъ, да еще кромѣ того надо поддерживать ихъ расположеніе. Онъ говорилъ тоже что его родные хотятъ, кажется, пригласить меня на праздники къ себѣ. Сумма присланная мнѣ состояла изъ старательно сложенной бумажки въ пять фунтовъ. Я снова почувствовалъ себя принцемъ. Деньги казались мнѣ золотыми вратами, изъза которыхъ кивала мнѣ свобода. Я заплатилъ свои долги, составлявшіе сумму въ два фунта и двѣнадцать шиллинговъ, и поручилъ двумъ приходящимъ ученикамъ, любившимъ заниматься торговлей, доставить намъ къ субботѣ все необходимое для пирушки. Темпль ненавидѣлъ этихъ мальчиковъ за ихъ склонность къ торговлѣ.

— Ихъ никогда не колотятъ и они всегда добываютъ деньгу; по крайней мѣрѣ, я знаю что мои деньги достанутся имъ, говорилъ онъ;—но ты, я и Геріотъ, мы презираемъ ихъ!

Наше положеніе относительно ихъ было положеніе находящихся въ денежныхъ затрудненіяхъ аристократовъ, и дѣйствительно, они оказывали намъ большое уваженіе. Дѣло въ томъ что разъ повѣривши намъ, они должны были оставаться любезными, ибо Геріотъ вселилъ въ школу убѣжденіе что джентльмены всегда платятъ долги и слѣдовательно въ ихъ интересѣ было обращаться съ нами какъ съ джентльменами, которые непремѣнно заплатятъ имъ когда-нибудь и потому они разчитывали на наше чувство долга. Слѣдствіемъ этого было то что однимъ изъ главныхъ правъ на общее уваженіе, послѣ высшей степени отличія, доставляемой лозой мистера Рилпенджера, считалось быть записаннымъ въ ихъ счетной книжкѣ. Темпль и я, подобно близнецамъ, были окружены въ глазахъ всѣхъ какъ бы лучезарнымъ сіяніемъ, вслѣдствіе нашего безграничнаго кредита, и считались поэтому какими-то сверхъестественными существами. Я заказалъ четыре бутылки шампанскаго.

Въ пятницу вечеромъ, Катменъ пошелъ съ нами гулять. Мы очень любили его за его страсть къ наукѣ, ибо вслѣд-

ствіе этого, онъ ходилъ постоянно уткнувъ носъ въ книгу, и гулянье подъ его надзоромъ было очень похоже на свободу. Нѣкоторые изъ мальчиковъ забѣгали впередъ, нѣкоторые тащились позади, между тѣмъ какъ Катменъ перевертывалъ страницы своей книги, возвѣщая о возвращеніи домой съ наступленіемъ сумерокъ. Слухи о шампанскомъ уже успѣли воодушевить мальчиковъ. Къ этому присоединились еще весьма благопріятные слухи о томъ что въ субботу Бодди не будетъ, можетъ-быть, дома. Если такъ, говорили мы, то мы можемъ спокойно пить шампанское подъ самымъ носомъ Катмена, который ничего и не замѣтитъ. Саддльбенкъ взялся за устройство нашей пирушки.

Возвращаясь въ сумерки домой черезъ песчаные холмы, Темпль и я увидали что Саддльбенкъ тащитъ съ собой длинный ивовый прутъ. Мы спросили его для чего тащитъ онъ его. Онъ отвѣчалъ намъ: „На счастье, вы составляйте арріергардъ.“ Мы видѣли какъ онъ отправился вслѣдъ за человѣкомъ гнавшимъ стадо гусей, подражая своимъ зеленымъ прутомъ всѣмъ дѣйствіямъ этого человѣка. Такъ какъ мы были расположены смѣяться надъ всѣмъ что бы ни сдѣлалъ Саддльбенкъ, то мы расхохотались и надъ этимъ. Человѣкъ этотъ шелъ точно во снѣ, просыпаясь, повидимому, лишь минутами чтобъ удостовѣриться окружаютъ ли его еще гуси, тогда останавливался и Саддльбенкъ слѣдуя его примѣру. Наконецъ гуси повернули въ переулокъ, ведущій въ сторону отъ холмовъ. Саддльбенкъ замахнулся своею хворостиной, какъ рыболовъ забрасывающій удочку. Онъ описалъ ею разные затѣйливые круги по воздуху и повернулъ въ другой переулокъ. Мы пошли вслѣдъ за нимъ и не подозрѣвая что онъ гналъ предъ собой одного изъ гусей, но это было такъ: онъ отрѣзалъ отъ стада одного изъ отставшихъ позади членовъ его; увидавъ какъ онъ помахиваетъ своимъ прутомъ по обѣимъ сторонамъ гуся, понукая его идти впередъ и обращаясь къ нему съ отрывками латинскихъ изреченій, мы разразились взрывомъ хохота, между тѣмъ какъ животное продолжало ковылять съ важнымъ и удивленнымъ видомъ.

— Что это ты сдѣлалъ, Саддль? спросилъ Темпль, хотя было ясно видно что сдѣлалъ Саддльбенкъ.

— Я отрѣзалъ себѣ кусочекъ на Михайловъ день, отвѣчалъ Саддльбенкъ, легонько помахивая прутомъ по воздуху и прикасаясь имъ къ головѣ своего гуся.

— Что̀ хочешь ты сказать этимъ, какой кусочекъ? спросили мы.

Мы хотѣли удостовѣриться въ томъ что гусь былъ завоеванною добычей. Но Саддльбенкъ, кромѣ вздора, ничего не говорилъ намъ. Темпль вдругъ испустилъ шумный вздохъ.

— О! какъ бы хорошо было залить этого гуся вашимъ шампанскимъ! Мысль эта внезапно овладѣла мною и очаровала меня. Саддльбенкъ, я куплю у тебя этого гуся! воскликнулъ я.

— Деньги не придадутъ ему вкуса, сказалъ Саддльбенкъ, все еще занятый своимъ дѣломъ.—Теперь слушайте; вы двое ступайте назадъ къ холмамъ и старайтесь изо всѣхъ силъ добыть съ дюжину яблоковъ, прежде чѣмъ Катменъ начнетъ пересчитывать насъ поголовно у дверей. Да смотрите, держите языкъ за зубами!

Мы пронеслись стрѣлой мимо человѣка съ гусями; мнѣ стало жаль его; взобрались на холмы, обогнувъ уголъ ихъ, успѣли добѣжать до главной улицы и добыть яблоковъ, прежде чѣмъ Катменъ появился на ней. Теперь мы были снабжены яблоками, пирогами и шампанскимъ; оставалось позаботиться еще о гусѣ. Мы расхвалили мальчикамъ ловкость и умъ Саддльбенка.

— Какой пиръ у насъ будетъ, чортъ возьми! сказалъ имъ Темпль, выдавая этимъ нашу тайну.

Саддльбенкъ извинился тѣмъ что заблудился, возвратясь домой десятью минутами позже другихъ. Темплю и мнѣ казалось что отъ него такъ и лахнетъ гусемъ. Но онъ избѣгалъ насъ; онъ совсѣмъ присмирѣлъ до субботы. Послѣ обѣда Катменъ созвалъ насъ, спрашивая что̀ мы предпочитаемъ: игру въ крикетъ или прогулку?

— Прогулку по холмамъ, сказалъ Саддльбенкъ.

Темпль и я повторили его слова, а Саддльбенкъ замахалъ рукой, какъ бы погоняя гуся. Саддльбенкъ переговорилъ съ моими поставщиками. Онъ сказалъ чтобъ я предоставилъ ему всѣ приготовленія къ пирушкѣ; Джонъ Сальтеръ былъ, по случаю нездоровья, дома и нашимъ предводителемъ былъ Саддльбенкъ. Какъ скоро мы очутились на холмахъ, онъ собралъ насъ всѣхъ въ кружокъ и снявъ свою шапку, бросилъ въ нее нѣсколько бумажныхъ билетиковъ. Мы должны были рѣшить по жребію кому изъ двадцати семи мальчиковъ придется остаться съ Катменомъ; пятнадцать билетовъ были помѣчены. Темпль первый запустилъ руку въ шапку. „Мое счастіе уже

всегда такое!“ замѣтилъ онъ, засунувъ оба кулака въ карманы и отходя въ сторону чтобы выказать свою досаду; ему достался помѣченный билетъ. Я подкупилъ за полкроны одного изъ мальчиковъ чтобы тотъ заступилъ его мѣсто; это былъ Дрю, мальчикъ отъ котораго мы рады были избавиться; онъ просилъ было пять шиллинговъ. Пирушка стоила, правда, и пятнадцати, но онъ выказалъ себя скрягой, торгуясь съ нами. Онъ попросилъ чтобы мы сберегли ему кое-что изъ угощенія; мы выпроводили его криками. Всѣ пятнадцать мальчиковъ имѣли такой жалкій видъ, отдѣлившись отъ насъ что я далъ каждому изъ нихъ по шиллингу чтобъ утѣшить ихъ. Саддльбенкъ научилъ ихъ какъ имъ должно было окружить Катмена, поддерживая въ немъ убѣжденіе что мы находимся не вдалекѣ, затѣмъ мы пожали имъ руки, а они попросили насъ, печальными голосами, выпить за ихъ здоровье, что̀ мы и обѣщали сдѣлать. Темпль находился въ удрученномъ состояніи духа, вслѣдствіе того что право его на праздникъ было куплено. Но Саддльбенкъ такъ подгонялъ насъ что некогда было предаваться печальнымъ размышленіямъ. „Я растевелю въ васъ кровь, друзья“, говорилъ онъ. Кстати солнце страшно палило съ неба. Вдругъ онъ остановился, воскликнувъ: „Повара и вертелъ! А какъ быть касательно шалфею съ лукомъ?“ Только Темпль да я догадались о значеніи этихъ словъ. Мы бросили жребій кого послать за этими приправами, и жалко было смотрѣть на несчастнаго на котораго онъ палъ и который былъ присужденъ идти покупать гдѣ бы то ни было шалфею и луку, вовсе не зная на что̀ они нужны. Ибо какъ онъ могъ знать что намъ придется жарить сыраго гуся? Жребій выпалъ мальчику по имени Баршеду, большому, неповоротливому малому, хорошо учившемуся въ классѣ, но ужасно глупому въ свободное время; Саддльбенкъ замѣтилъ по этому случаю что его примутъ самого за птицу которую нужно начинить. Баршеду было сказано гдѣ найти насъ по возвращеніи. Другіе мальчики спросили зачѣмъ его послали за шалфеемъ и лукомъ. „Потому что онъ страшный гусь“, отвѣчалъ Саддльбенкъ. Темпль и я, думая что пришло время открыть тайну, закричали: „ура“, и Баршедъ воротился. Намъ не легко было уговорить его снова идти за исполненіемъ нашего порученія, также какъ и выпросить прощенія у Саддльбенка. Послѣдній пришелъ въ страшный гнѣвъ. Мы кое-какъ умаслили его, провозгласивъ его нашимъ командиромъ и принеся ему

клятву въ вѣрности. Онъ провелъ насъ чрезъ лѣсъ въ какія-то поля, лежавшія во глубинѣ тѣнистой долины; тутъ мы должны были тайно отпраздновать нашъ пиръ. Онъ самъ, однако, не сошелъ туда. Къ досадѣ нашей, мы увидали тамъ палатку, разбитую семьей бродягъ, но тѣмъ не менѣе мы отвѣтили на почтительные поклоны женщинъ и мущины, и обратились къ нимъ съ вопросами насчетъ кольевъ, горшковъ и жестяныхъ кружекъ. Саддльбенкъ все еще оставался наверху, выжидая приходящихъ учениковъ, Чаунтера, Девиса и Бейстона, моихъ поставщиковъ. Они не долго заставили себя ждать и скоро подъѣхали въ телѣжкѣ, отыскавъ мѣсто по описанію Саддльбенка. Провизія наша лежала въ трехъ большихъ корзинахъ. Мы громко похвалили ихъ за предусмотрительность, при видѣ лишней бутылки шампанскаго; кромѣ того они привезли двѣ бутылки имбирнаго вина, двѣ смородиновой и двѣ изюмной наливки, четыре бутылки эля, шесть имбирнаго пива, голландскій сыръ, кучу тортовъ, три пирога къ чаю и на четыре шиллинга пряниковъ. Темпль и я присоединили къ этому запасу наши яблоки, и при этомъ видѣ многіе изъ мальчиковъ испустили громкіе крики восторга. Женщины настояли на томъ чтобы мы позволили имъ разложить всѣ эти вещи; саженяхъ въ пяти отъ насъ стояли ихъ дѣти, глазѣя на насъ; мущина курилъ и разстилалъ вокругъ насъ солому.

Наконецъ Саддльбенкъ сбѣжалъ съ холма, дѣлая видъ что хочетъ скатить съ него что-то темное на свѣтломъ воздухѣ похожее на тѣло ребенка, и крича намъ:

— Смотрите, друзья, какая находка! Онъ вбѣжалъ въ нашъ кругъ, бросая гуся въ корзину и говоря что нашелъ его сейчасъ подъ терновымъ кустомъ. Говоря эти слова, онъ увидалъ бродягъ и глаза его встрѣтились съ глазами мущины.

Человѣкъ этотъ странно скривилъ одну бровь и уголъ губъ и медленно кивнулъ ему головой.

— Это странно, не правда ли? сказалъ онъ.

Саддльбенкъ оглянулся на насъ и закричалъ:

— Чортъ побери васъ, мальчишки,—какое гадкое мѣсто вы отрыли! Лицо его все побагровѣло и покрылось пятнами.

— А я такъ скажу что это гусиное мѣсто, возразилъ человѣкъ.—А если тутъ еще находятся гуси, которыхъ стоитъ только ощипать да зажарить, такъ это просто богатое мѣсто, скажу я.

Женщины старались заставить его молчать. Если-бы не онѣ, мы перенесли бы нашъ привалъ на другое мѣсто.

— Вотъ что̀ молодые господа, если вамъ угодно скушать гуся, мы его хорошенько ощиплемъ и приготовимъ его какъ слѣдуетъ, сказали онѣ.—Гдѣ же молодымъ господамъ сдѣлать это самимъ?

Было ясно что для приготовленія гуся надо было развести огонь. Нѣкоторыя замѣчанія раздавшіяся среди насъ о томъ что надо выпотрошить гуся , сохранивъ однако потроха, которые впрочемъ даже мальчикъ назвавшій ихъ не могъ распознать, по собственному признанію его, склонили большинство принять предложеніе женщинъ. Саддльбенкъ сказалъ что мы должны взять на себя всю отвѣтственность за это.

Съ цѣлью развеселить его немного, Темпль откупорилъ бутылку шампанскаго. Жена бродяги дала намъ жестяную кружку, которая и обошла всѣхъ насъ. Одинъ изъ мальчиковъ сказалъ: „Вотъ такъ начало!“ другой воекликнулъ: „Къ чорту старика Риппенджера!“ Темпль прищелкнулъ пальцами, а Бейстонъ, сынъ мызника, сказалъ: „Ну, теперь и я выпилъ-таки шампанскаго, мнѣ непремѣнно хотѣлось хоть разъ попробовать его, пока я еще живъ!“ Многихъ изъ мальчиковъ оно совсѣмъ ошеломило. Что касается до меня, то сердце такъ и прыгало во мнѣ, какъ жеребенокъ выпущенный изъ стойла на подножный кормъ. Я рѣшилъ въ душѣ что послѣдній изъ моихъ подчиненныхъ будетъ ѣсть съ моего стола и пить вдоволь, въ честь моего отца и Геріота, налилъ шампанскаго женщинамъ, которыя едва пригубили его, и муцинѣ, который сказалъ что предпочитаетъ ему пиво, и послалъ каждому изъ дѣтей по ложкѣ перемятыхъ тортовъ. Одна дѣвочка годомъ постарше, а пожалуй и помоложе меня, съ черными бровями и жесткими черными волосами, отказалась и отъ пищи и отъ питья.

— Бросьте ее, молодые господа! сказала одна изъ женщинъ,—это такая упрямица; съ ней ничего не подѣлаешь.

— Да, сказалъ бродяга. — Я видѣлъ какъ гонятъ свиней и перегибаютъ на двое желѣзо. Но съ ней труднѣе справиться, разъ она вобьетъ себѣ что-нибудь въ голову.

— Чортъ возьми! значитъ она желѣзная свинья! закричалъ Темпль и затѣмъ вздохнулъ: — О нашъ милый Геріотъ!

Я присоединился къ нему и заговорилъ о нашемъ потерянномъ другѣ.

Внезапная тревога взволновала мальчиковъ. Они вскрикнули при видѣ гуся исчезнувшаго въ горшкѣ. Они ожидали жаренаго гуся, кричали они, а не варенаго: кому нуженъ вареный гусь! Но женщины спросили ихъ какимъ образомъ возможно изжарить гуся надъ разведеннымъ въ полѣ огнемъ, когда его не на что повѣсить. Вѣдь не вышло бы ничего кромѣ закопченныхъ костей?

Мальчики застонали отъ досады, а Саддльбенкъ проворчалъ съ неудовольствіемъ:

— Теперь вы видите какую прибыль принесли вамъ ваши славные новые знакомые!

Мы начали играть голландскимъ сыромъ, бросая его какъ мячъ, и затѣмъ катая его по землѣ, какъ вдругъ, къ отвращенію Саддльбенка и другихъ, черноволосая дѣвочка подбѣжала и перехватила нашъ мячъ. Но въ ту же минуту она застыдилась и отошла въ сторону.

Мальчишки закричали: — Эй, желѣзная свинья!

Одинъ изъ нихъ взбѣсилъ меня, бросивъ въ нее яблокомъ, которое попало ей въ спину. Мы обмѣнялись съ нимъ полдюжиной колотушекъ, вслѣдствіе чего онъ согласился извиниться предъ ней и заоралъ:

— Эй, желѣзная свинья, жалѣю что ушибъ васъ!

Темпль уговаривалъ меня настоять на томъ чтобы негодяй этотъ сталъ предъ ней на колѣни, за то что осмѣлился ударить дѣвочку.

— Да ты самъ, возразилъ Чаунтеръ, — первый назвалъ ее желѣзною свиньей.

Темпль объявилъ что поступилъ какъ повѣса, сказавъ это. Я заставилъ дѣвочку взять кусокъ пряника.

— Да, визжалъ Саддльбенкъ,—вотъ что значитъ милое общество, въ которомъ вы, во что бы то ни стало, хотѣли остаться, несмотря на мое предостереженіе.

Бродяга сказалъ чтобы мы продолжали, ибо онъ любитъ смотрѣть какъ молодые господа веселятся. Темпль подвинулъ ему бутылку пива, сказавъ чтобъ онъ не разѣвалъ напрасно рта.

— Да вѣдь вы говорите на моемъ родномъ языкѣ, отвѣчалъ ему этотъ человѣкъ, — вы вѣдь, что называется ученые господа! Благодарю васъ, сэръ. Ужь быть вамъ когда-нибудь совѣтникомъ, помяните мое слово.

— А тогда я не буду давать лошадьми ворамъ, въ этомъ могу васъ увѣрить, отвѣчалъ Темпль. Онъ былъ сынъ судьи.

— Да и пожалуй уже не станете помогать варить для нихъ гусей, отвѣчалъ бродяга. — Что же, услуга за услугу, такъ всегда на свѣтѣ бываетъ.

Женщины накинулись на него, приказывая ему не сердить молодыхъ господъ, потому что Саддльбенкъ страшно ругался, бормоча себѣ подъ носъ. Онъ отвѣчалъ имъ что нѣтъ на свѣтѣ овцы смиреѣе его.

Потерявъ надежду на гуся, мы рѣшили приняться за ожидавшую насъ холодную закуску. Голландскій сыръ мы раскрошили въ кусочки, играя имъ. Въ соединеніи съ измятыми тортами и съ шампанскимъ, онъ показался намъ однако очень вкуснымъ, затѣмъ сдѣдовали пряники. Мальчики предпочитавшіе имбирное вино получили и пили его, навлекая тѣмъ на себя наше презрѣніе. Имбирное пиво и эль, яблоки и чайные пирожки были оставлены къ ужину. Мнѣ показалось что вокругъ себя я вижу одно темное, залитое дождемъ небо, на которомъ лишь изрѣдка прорываются, подобно проблескамъ солнца, воспоминанія о моемъ отцѣ и о Геріотѣ.

— Если я и не принцъ, то дворянинъ, сказалъ я Темплю.

Онъ отвѣчалъ:

— Армія ли, флотъ ли, мнѣ рѣшительно все равно! Вскорѣ будетъ навѣрное война. Тогда увидишь какъ мы будемъ быстро подвигаться въ гору: изъ лейтенантовъ въ капитаны, изъ полковниковъ въ генералы, чины такъ и посыплются на насъ, какъ выстрѣлы на птицу. Я бы желалъ быть губернаторомъ Гибралтара.

— Я тогда пріѣду къ тебѣ, Темпль, сказалъ я.

— По рукамъ, другъ Ричи! сказалъ онъ, горячо хватая меня за руку.

— Дѣло въ томъ, Темпль, признался я ему, — что у меня есть дядя, то-есть дѣдушка, ужасно богатый, ему принадлежитъ кажется половина всего Гампшейра, и онъ ненавидитъ моего отца какъ ядъ. Я не могу переносить этого. Ты вѣдь видѣлъ моего отца, да? Джентльмены никогда не забываютъ своихъ служителей, Темпль. Выпьемъ-ка еще шампанскаго. Я бы желалъ чтобы мы съ тобой были рыцари, ѣдущіе верхомъ по этой странѣ, какъ они всегда ѣзжали бывало, и чтобы ты сказалъ: — желалъ бы я знать ожидаетъ ли твой отецъ насъ въ своемъ зáмкѣ!

— Баронъ! сказалъ Темпль.—Онъ и похожъ на барона. Его здоровье! Его здоровье, сэръ! Это вино достойно чтобы пить имъ его здоровье, Ричи. Онъ одинъ изъ тѣхъ людей на которыхъ я взираю съ почтеніемъ. Странно только что онъ никогда не пріѣзжаетъ навѣстить тебя, хотя такъ любитъ тебя, да это настоящій отецъ! Большіе мущины не могутъ же вѣчно возиться съ маленькими мальчишками. Хотя впрочемъ мы съ тобой вовсе не такъ малы; многіе малые дѣлали уже въ наши лѣта такія вещи о которыхъ люди писали въ книгахъ. Я чувствую, Темпль пріостановился, вздохнувъ полною грудью, прежде чѣмъ высказалъ свои чувства,—я чувствую необыкновенную жажду.

То же самое чувствовалъ и я. Мы приписали это мѣстному воздуху, Темпль увѣрялъ даже что это происходитъ отъ находящейся вокругъ насъ извести, которая часто попадаетъ въ горло.

— Саддльбенкъ, что ты смотришь такъ мрачно? продолжалъ Темпль.—Да, Ричи, еслибы ты слышалъ какъ мой отецъ говоритъ въ судѣ, съ парикомъ на головѣ. Дома все говорили что я умный мальчикъ, когда я былъ маленькій. Саддльбенкъ, ты все время хмуришься.

— Обращайтесь почтительнѣе съ вашими начальниками, возразилъ Саддльбенкъ.

Бродяга раздражалъ его. Съ тѣхъ поръ какъ мы увидали его, онъ не переставалъ курить, облокотясь на руку. Двое изъ нашихъ мальчиковъ, Гакменъ и Ментегю, вовсе не дурные малые, пожелали курнуть изъ его трубки. Желанія ихъ были удовлетворены и они молча улеглись рядышкомъ. Бейстона увели въ самомъ жалкомъ состояніи. Двое другихъ, Пейнтеръ и Эшвартъ, накинулись на яблоки, не зная что дѣлать отъ жажды. Саддльбенкъ сердито оттолкнулъ ихъ. Онъ толковалъ тѣмъ кто еще слушалъ его:

— Эй вы, малые, клянусь Св. Георгомъ, вы у меня должны съѣсть гуся, говорю я вамъ. Вы все дѣло перепортили и говорю вамъ: хотите или нѣтъ, а вы съѣдите его, съ яблоками, съ шалфеемъ и лукомъ. Можете не благодарить меня. Я предлагаю поставить кого-нибудь на стражу въ лѣсъ.

Онъ опять хотѣлъ кинуть жребій. Веселость совершенно покинула его, онъ только и думалъ какъ бы вытащить гуся изъ горшка. Я почувствовалъ нѣчто близкое къ ненависти къ человѣку который могъ говорить о гусѣ. Темпль вѣроятно раздѣлялъ со мной это чувство.

— Съ тѣхъ поръ какъ милый нашъ Геріотъ оставилъ насъ, нѣтъ у насъ болѣе настоящаго предводителя, сказалъ онъ; — вся школа точно вверхъ дномъ перевернулась, мы стали теперь точно какія-то гремушки брошенныя всѣ вмѣстѣ въ ящикъ. О Боже мой! Какъ бы я желалъ имѣть хорошаго командира. Онъ идетъ впередъ, мы за нимъ, и горя нѣтъ что бы ни случилось!

Двое неразлучныхъ друзей, Галлитъ и Леркинсъ, шли шатаясь подъ руку, увѣряя что они совершенно трезвы, въ доказательство чего они старались добраться до кучи извести, но прошли мимо ея. Къ нимъ подошелъ Чаунтеръ.

— Жирный гусь! сказалъ онъ,—и болѣе не могъ ничего выговорить. Оба мальчика старались пока было возможно держаться твердо на ногахъ; но скоро оба пробормотали: „мы готовы!“ и были совершенно правы.

Темпль и я смотрѣли на все это какъ на обычныя послѣдствія великой пирушки. Мы говорили другъ другу что джентльмены всегда послѣдніе уступаютъ вліянію ея, и были увѣрены что удержимъ побѣду за собой; но я опасался минуты появленія гуся, а кажется и онъ также. Упрямство Саддльбенка, не дававшаго намъ холоднаго сибирнаго пива и яблоковъ, глубоко оскорбляло насъ; мы бы возмутились противъ него если-бы побольше полагались на твердость нашихъ ногъ и нашего языка. Сумерки обступали насъ. Дѣти бродягъ лежали, свернувшись въ клубочки въ одной изъ палатокъ; женщины и дѣвочка выстроили еще другую. Надъ головой моей сіяли безчисленныя маленькія звѣздочки; въ долинѣ видѣлись огни, они представлялись моему воображенію освѣщенными дворцами. Звѣзды и бродяги, казалось мнѣ, имѣли что-то общее другъ съ другомъ. Въ домахъ мы живемъ какъ въ плѣну, думалъ я; живя въ нихъ, мнѣ никогда не удастся отыскать потеряннаго отца. Лежать ночью, среди темнозеленыхъ листьевъ, вдыхая полною грудью лѣсной запахъ; просыпаться утромъ среди озареннаго солнечнымъ восходомъ міра; стоять на высокомъ холму, смотря на холмы на которыхъ мы встрѣтимъ завтрашнее утро, а тамъ слѣдующее и такъ утро за утромъ, пока въ одно изъ нихъ мы не увидимъ предъ собой, при пробужденіи, того кто намъ дороже всего на свѣтѣ: все это казалось мнѣ неземнымъ счастіемъ. Но замѣтивъ узкіе размѣры палатокъ, я вспомнилъ что буду имѣть въ нихъ громко храпящихъ товарищей. Я находился въ такомъ перв-

номъ состояніи что при одной мысли объ ихъ храпѣніи меня стало мутить и я вздрогнулъ; я невольно сочеталъ это храпѣніе съ мыслію о чемъ-то жирномъ. Саддльбенкъ держалъ въ рукахъ крышку отъ горшка; мы почувствовали запахъ гуся, а онъ закричалъ:—Ступайте ужинать; эй сюда! Эй вы, малые!

— Чортъ возьми, Саддльбенкъ! ты такъ кричишь что Катменъ услышитъ тебя, сказалъ Темпль, отирая себѣ лобъ.

И по моему тѣлу проступилъ холодный потъ.

— Катменъ-то? Да вотъ уже полтора часа какъ онъ могъ бы насъ слышать, отвѣчалъ Саддльбенкъ.

Одинъ изъ мальчиковъ побѣжалъ наверхъ, онъ былъ единственный изъ насъ бывшій въ состояніи сдѣлать это. Въ эту самую минуту подлетѣлъ Тауптеръ.

— Барнтеда поймали; я бѣгу домой, крикнулъ онъ мимоходомъ.—Мы неподвижно смотрѣли на черное отверстіе долины.

— О это Катменъ; его нечего бояться, успокоивалъ насъ Саддльбенкъ; но мы услыхали страшные голоса и увидали людей стоявшихъ надъ какою-то наклоненною фигурой. Затѣмъ раздался слишкомъ хорошо знакомый намъ голосъ; онъ говорилъ: „признаніе ученика ввѣреннаго вашему надзору, мистеръ Катменъ, и посланнаго безо всякаго стыда въ городъ, моего воспитанника, посланнаго за шалфеемъ и лукомъ“.

— Старикъ Рипенджеръ! шепталъ Темпль.

Мы сидѣли какъ пораженные громомъ. Въ эту минуту мы увидали какъ мы сдурили,ославъ за шалфеемъ и лукомъ осла подобнаго Барнтеду.

— О, какіе мы были ослы! продолжалъ Темпль.—Скорѣе уйдемъ, бѣжимъ! Бѣжимъ, Ричи! Они теперь заберутъ всѣхъ насъ, какъ падаль съ дерева.

Я отвѣчалъ ему что не побѣгу; правду сказать, я не довѣрялъ своимъ ногамъ; да и онъ шатался, слушая какъ Саддльбенкъ упрекалъ насъ за то что мы связались съ бродягами.

— Темпль! я вижу васъ, милостивый государь! закричалъ мистеръ Рипенджеръ. Бѣдный Темпль приблизился къ огню.

Движимый смутнымъ влеченіемъ обмануть школьнаго начальника, я подползъ въ тѣнь, къ заднему углу палатки, и тамъ вдругъ почувствовалъ что чья-то рука схватила мою руку. „Спрячьте меня“, проговорилъ я, и запавѣсь палатки приподнялась. Пробравшись между ящиками и соломой, я легъ навзничь на землю; меня прикрыли рогожей, пахнувшею от-

вратительнымъ сыромъ, и я почувствовалъ, сверхъ нея, на груди своей чью-то голову. Мистеръ Рипенджеръ произнесъ нѣсколько разъ мое имя, свойственнымъ ему, въ минуты гнѣва, образомъ. Отвѣта Темпля я не могъ разслышать. Саддльбенкъ говорилъ что-то, за нимъ и другіе мальчики, также и бродяга и женщины. Потомъ въ палаткѣ появился свѣтъ и бродяга сказалъ:

— Стану я обманывать васъ, сударь! Посмотрите сами, если вамъ угодно. Вотъ здѣсь мы уложили нашихъ малютокъ, а вотъ тутъ, на рогожѣ, лежитъ дѣвочка; она идетъ къ своей роднѣ, въ Липкембъ, а тутъ вотъ спитъ одна изъ нашихъ женщинъ; вотъ и все. А вы еще думали что я скрываю отъ васъ что-нибудь. Благодарю васъ, сударь. Я вамъ далъ вѣдь честное слово.

Свѣтъ исчезъ. Грудь моя освободилась отъ лежавшей на ней тяжести. Я привсталъ, и существо оказавшее мнѣ помощь положило рогожу и солому на землю и прислонило мою голову къ своему плечу, гдѣ я крѣпко заснулъ.

ГЛАВА VII.

Вольная жизнь на большой дорогѣ.

Я проснулся очень рано, хотя подушка моя и пришлась мнѣ по сердцу; раскрывъ глаза, я увидалъ что рука моя обвилась вокругъ шеи моей подруги, а ея пальцы переплелись съ моими. Съ минуту, я лежалъ смотря ей въ глаза, полные всевозможнаго свѣта и значенія: они то приказывали мнѣ лежать смирно, то смѣялись надъ моимъ недоумѣніемъ, то казалось говорили: милый мальчуганъ! то сверкали вдругъ, какъ бы изъ-за облака, затѣмъ опять темнѣли и снова сверкали; словно опускались въ воду и блистали въ ней; порой, точно уходили въ темный лѣсъ, а порой были полны солнечнаго свѣта, и ни на минуту не оставались покойны. Я довѣрялъ ей, и заснулъ бы снова, но видъ палатки поразилъ меня. Мнѣ казалось что небо упало на насъ и грудь моя искала воздуха; голова моя тогда шла кругомъ; ни одна мысль не могла удержаться въ этомъ круговоротѣ. Смятеніе, царствовавшее въ моей головѣ, сообщилось и ногамъ моимъ, когда я, слѣдуя примѣру дѣвочки, всталъ и хотѣлъ идти. Въ порывѣ ужаса, я подумалъ: я разучился ходить. Собравъ все свое мужество,

я полробовалъ перешагнуть черезъ дѣтей завернутыхъ въ рогожи и въ солому, въ старыя платья или юпки. Сознаніе необходимости этой лопытки внезапно овладѣло мною, послѣ перваго же шага. Я споткнулся надъ однимъ изъ этихъ маленькихъ клубковъ и упалъ прямо на лицо спящей женщины. Но она лишь повернулась на другой бокъ и пробормотала: Гадкій Джеки! Подруга моя молча вытащила меня наружу, и почувствовавъ себя на воздухѣ, я вдохнулъ его въ себя полною грудью, снова сознаlъ себя взрослымъ и сильнымъ и вспомнилъ ясно обо всемъ случившемся. Палатка въ которой я спалъ показалась мнѣ любопытнѣе моей собственной судьбы. Я обратилъ лицо къ небу. Солнце только что всходило; было чудно-хорошо; клочки длинныхъ и кудрявыхъ облаковъ постепенно окрашивались въ голубой, въ розоватый и въ бѣлый цвѣтъ; стояла чудесная прохлада; трава была вся сѣрая, наша долина лежала еще въ тѣни, только верхушки деревьевъ горѣли; птицы начинали чирикать.

Я сталъ сосать стебель травы.

— Я бы желалъ чтобы вездѣ кругомъ была вода, сказалъ я.

— Пойдемъ со мной; напейся и выкупайся, отвѣчала моя спутница.

Мы пошли внизъ по долинѣ и перешли скатъ холма покрытый можжевельникомъ, напомнившимъ мнѣ день проведенный въ домѣ Джона Сальтера, день разлуки съ милымъ Геріотомъ. Къ стыду моему, спутница моя бѣжала быстрѣе меня. Она была очень проворна, а мои ноги были еще тяжелы.

— Умѣешь ты плавать? спросила она меня.

— Я умѣю плавать, грести, фехтовать, ѣздить верхомъ и стрѣлять изъ пистолета, отвѣчалъ я.

— О Боже мой! возразила она, съ завистью смотря на меня.

Мы пришли къ свѣтлой рѣчкѣ, въ паркъ какого-то джентльмена; трава тамъ тихонько колыхалась, какъ морская вода въ ясный день, и на ней паслись коровы и лошади.

— Я могу поймать эту лошадь и вскочить на нее, сказала она.

Я удивился.

— Верхомъ?

Она кивнула головой:—Да.

— Безъ сѣдла?

Она опять кивнула, что̀ означало: Безъ.

Мое уваженіе къ ней возвратилось. Но она не умѣла плавать.

— Я вхожу въ воду, только пока она мнѣ по колѣно, призналась она.

— Смотрите на меня, сказалъ я; я сбросилъ платье и кинулся въ воду, счастливый какъ рыба и думая насколько вода пріятнѣе шампанскаго. Мое наслажденіе внушило дѣвочкѣ такую зависть что она стащила свои чулки и взошла въ воду, насколько у ней хватило на то смѣлости. Я закричалъ ей:—Ты похожа на корову; а она оскалила зубы, приказывая мнѣ не говорить этого.

— Корова! Корова! повторялъ я, не помня себя отъ удовольствія. Она произнесла не переводя духа:

— Если ты еще разъ скажешь это, я схвачу всю твою одежду и убѣгу съ ней, а ты можешь тогда бѣжать раздѣтый за нею; да.

— Теперь я плыву, отвѣчалъ я на это, теперь вотъ ныряю; когда я опять показался изъ воды, она привѣтствовала меня громкою, веселою усмѣшкой.

Быстрая бѣготня по солнцу осушила меня. Я сталъ одѣваться и увидалъ притомъ что половина моихъ денегъ была разсыпана по землѣ. Она попросила меня дать ей одну изъ этихъ монетъ, одинъ шиллингъ. Я далъ ей два и она спросила меня играю ли я въ деньги, бросая ихъ наугадъ. Я отвѣчалъ что никогда не дѣлалъ этого за деньги; но она уже бросила одинъ шиллингъ, я не могъ не сказать: голова!—и выигралъ; то же повторилось и съ другимъ шиллингомъ. Она быстро отдала мнѣ ихъ назадъ, съ внезапнымъ рыданіемъ, но ни за что не хотѣла чтобы я возвратилъ ей ихъ опять.

— Когда-нибудь ты подаришь мнѣ другіе два, сказала она, снова развеселясь.

Мы согласились что хорошо было бы пойти теперь въ деревню и купить тамъ что-нибудь. Но ни одна лавка не была еще открыта. Мы прошли черезъ кладбище. Вотъ тутъ похоронены мертвые, сказалъ я.

— Я начну плясать, если ты станешь говорить объ мертвыхъ, отвѣчала она и начала кричать во все горло. Когда я пожелалъ узнать зачѣмъ она это дѣлаетъ, она отвѣчала: затѣмъ чтобы услыхали мертвые. Странное чувство овладѣло мною: лавки были закрыты и вокругъ насъ не было ни одной живой души. Мы стали карабкаться на деревья и усѣлись на одну изъ вѣтвей, говоря о птичьихъ яйцахъ, пока голодъ не принудилъ насъ пойти на деревенскую улицу, гдѣ,

около трактира, мы встрѣтили насвистывающаго что-то бродягу.

Онъ былъ довольно забавенъ. Онъ сказалъ что не станетъ ни о чемъ распрашивать меня, ибо никогда никого ни о чемъ не распрашиваетъ; отвѣты другихъ только открываютъ вещи не имѣющія для него никакого интереса, и не приносятъ ему никакой прибыли, ни на трубку табаку; а вслѣдствіе того что онъ не любопытничалъ, ему вчера какъ бы съ неба свалился на ужинъ отличный, жирный гусь, не говоря уже о бутылкахъ эля, бутылкахъ имбирнаго пива, и честно заслуженной полкроны деньгами. Все это потому что онъ не любопытничалъ, и онъ не станетъ и впредь любопытничать, зная меня за джентльмена; мой начальникъ одарилъ его полкроной.

Къ счастію для него, а можетъ-быть и для меня, онъ употребилъ чрезвычайно внушительный для школьника глаголъ. Я подарилъ ему еще полкроны. Онъ поблагодарилъ меня, сдѣлавъ замѣчаніе что иногда бываютъ дни когда вы лежите на спинѣ ничего не дѣлая, а вамъ все такъ съ неба и валится, а въ другой разъ, какъ ни старайся и блохи не поймаешь. Такое уже счастіе бываетъ!

Онъ сталъ дружески увѣщевать меня возвратиться въ школу, а если не туда, то къ себѣ домой. Мой, лишь частью обдуманный, планъ состоялъ въ томъ чтобы взглянуть черезъ заборъ на Риверсли, мелькомъ поцѣловать тетушку Дороти и затѣмъ бѣжать далѣе искать отца. Преобладающею моею мыслію была, впрочемъ, въ эту минуту мысль о завтракѣ. Я угостилъ имъ въ трактирѣ бродягу и дѣвочку. Мы поѣли бараньихъ котлетъ и яицъ, и напились кофе. Послѣ завтрака, я хотя и не имѣлъ никакихъ подозрѣній, но замѣтилъ, однако, что бродяга призадумался. Онъ предложилъ мнѣ, въ случаѣ если я не прочь отъ медленнаго путешествія, дойти съ нимъ вмѣстѣ, дня въ два, до Гампшейра; онъ слышалъ что я намѣренъ посѣтить это графство.

— Итакъ, вотъ что я вамъ скажу; видите ли, началъ онъ,— не хорошо если меня увидятъ въ обществѣ пропавшаго молодаго джентльмена, когда уже мнѣ дали полкроны за то что его со мной не было; это дѣло не рука. Вы таки въ ладу съ дѣвчонкой, я вижу, а это не малое чудо; съ ней никто изъ насъ сладить не можетъ. Ей, ей, она смотритъ на насъ слов-

по на дрянь какую-нибудь. Въ ней, видите ли, чистая цыганская кровь; а что̀ имъ разъ въ карманъ попало, то сейчасъ же въ жареныя колбасы превращается, чѣмъ бы оно ни было прежде. Итакъ, вы ступайте съ дѣвочкой на ту сторону Бедиста и дожидайтесь меня въ степи; ужь будьте покойны, я послѣю туда еще до сумерекъ. Что̀ жь, по рукамъ что̀ ли?

Онъ протянулъ мнѣ руку; я согласился, а онъ сказалъ что получилъ еще завтракъ даромъ, все за то что не любопытничалъ.

Я былъ радъ оставить поскорѣе деревню, потому что погонщикъ гусей или, по крайней мѣрѣ, очень похожій на него человѣкъ прошелъ мимо меня близь трактира и расшевелилъ во мнѣ совѣсть или скорѣе трусливость, ибо, сколько мнѣ извѣстно, это чувство всегда первое пробуждается въ насъ, и съ нимъ намъ обыкновенно всего труднѣе справиться. Я бы согласенъ былъ заплатить ему, но мнѣ казалось что разговоръ съ нимъ долженъ былъ привести меня назадъ въ школу. Спутница моя разказала мнѣ свою исторію. Она принадлежала къ гампшейрскому цыганскому табору и ходила въ гости къ своей родственницѣ въ восточныя графства; родственница эта умерла на дорогѣ и поручила бродягамъ доставить ее домой; она называла ихъ „нищими“ и строила разныя рожи говоря о нихъ. „Цыгане, говорила она, совсѣмъ другой народъ; Цыгане всегда живутъ въ господскихъ паркахъ“; Цыгане, лошади, скрипки да весь вольный міръ — вотъ что̀, по ея мнѣнію, лучше всего на свѣтѣ. Вольный міръ она описывала широкою степью, которой и конца не видно. Я предоставлялъ ей говорить сколько угодно. Что касается до меня, то мнѣ казалось нелѣпымъ толковать о своихъ дѣлахъ съ дѣвицей безъ шляпки и безъ башмаковъ. Однако общество ея нравилось мнѣ. Она была такъ похожа на мальчика и въ то же время не похожа ни на одного изъ знакомыхъ мнѣ мальчиковъ.

Во все время дороги я занимался тѣмъ что разчитывалъ черезъ сколько холмовъ надо мнѣ еще будетъ перейти, прежде чѣмъ я увижу Риверсли. Воскресные колокола такъ привѣтливо звучали отъ одной деревни до другой, съ тѣхъ поръ какъ я убѣдился что не слышу болѣе колокола созывающаго учениковъ въ Риппенджерову школу. Лавки въ деревняхъ все еще были закрыты; но я сказалъ дѣвочкѣ что за то имъ до-

станется отъ меня завтра, и между нами завязался интересный споръ о томъ что̀ надо купить. Она стояла за яркія ленты и за матерію на платье, а я за пирожки и за почтовую бумагу. Запахъ обѣдовъ пробудилъ нашъ аппетитъ, прекративъ нашъ споръ. Проходя чрезъ деревню, мы увидали человѣка несшаго большой пирогъ, пахнувшій такъ заманчиво что естественнымъ влеченіемъ нашимъ было спросить что̀ онъ сто́итъ. „Что̀? Продать мой воскресный обѣдъ!“ воскликнулъ онъ и чуть не уронилъ блюда. Онъ не переставалъ глядѣть на насъ, пока мы не съѣли каждый по куску пирога и не напились пива въ его хижинѣ, среди его семьи. Онъ хотѣлъ сперва взять только меня къ себѣ.

— Это простая бродяга, сказалъ онъ про дѣвочку.

— Это ложь, отвѣчала она.

Разумѣется я не хотѣлъ оставить ее голодною на улицѣ, такъ что наконецъ онъ, хотя и не совсѣмъ охотно, пригласилъ насъ обоихъ и представилъ насъ своей женѣ.

— Вотъ молодой джентльменъ проситъ пообѣдать, а это вотъ молодая, ужь право не знаю кто, того же самаго проситъ. Я поручаю ихъ тебѣ, хозяйка.

Жена его съ добродушнымъ видомъ приняла насъ на свое попеченіе, говоря что на наше счастье она испекла такой пирогъ котораго станетъ и на ихъ семью и на прохожихъ. Они не хотѣли взять болѣе шиллинга за нашу двойную порцію. Хозяинъ сказалъ что мы съѣли всего на ленни, если я уже такъ гордъ что не хочу быть гостемъ бѣднаго человѣка и непремѣнно хочу считать его домъ трактиромъ. Не подамъ ли я ему руку на прощаніе? Я ото всей души исполнилъ его желаніе и помянулъ его, когда другіе не были настолько привѣтливы. Они пожелали узнать не бѣжимъ ли мы вмѣстѣ чтобы тайно обвѣнчаться. Мнѣ показалось очень забавно смотрѣть на проходившую мимо насъ школу мальчиковъ и слышать какъ надзиратель грозилъ наказать одного мальчика за то что онъ выбѣжалъ изъ ларъ. Я смѣялся надъ ними точно такъ же какъ бывало глупый народъ, встрѣчавшійся намъ, смѣялся надо мной, что̀ мнѣ вовсе не казалось пріятнымъ тогда; но теперь я узналъ что нѣтъ такого мальчика который бы не пожелалъ быть на моемъ мѣстѣ, имѣй онъ только возможность, хотя моя спутница была не болѣе какъ Цыганка, казавшаяся дѣйствительно страннымъ обще-

ствомъ для сына джентльмена, въ публичныхъ садахъ, гдѣ мы пили чай, и въ трактирныхъ пріемныхъ. При наступленіи ночи я былъ, впрочемъ, доволенъ ей, а она мною, и мы шли съ ней рука объ руку. Я разказывалъ ей эпизоды изъ римской исторіи. Ей хорошо было говорить: „я буду твоею маменькой"; когда мы ложились спать, я сдѣлалъ открытіе что она ни за что бы не рѣшилась ночью кричать какъ тогда надъ могилами на кладбищѣ. Она призналась что вѣритъ что ночью расхаживаетъ повсюду дьяволъ. Нашею постелью была телѣжка, стоявшая подъ навѣсомъ, нашею периной—листья папоротника и охапки соломы. Оглобли были сняты съ телѣжки, такъ что мы лежали вкось, и проснувшись на разсвѣтѣ, я увидалъ что всѣ четыре ноги наши перевисли чрезъ переднее сидѣнье. „Какъ ты толкалась", сказалъ я. Она обвинила меня въ томъ же самомъ. Въ ту же минуту она показала пальцемъ въ сторону отъ телѣги, и мы увидали лошадь и палатки бродягъ, расположившихся подъ большимъ ростимъ у дороги дубомъ. Лицо ея было пресмѣшное въ эту минуту, точно у мальчика воображающаго что онъ убѣжалъ и вдругъ видящаго что его поймали. „Убѣжимъ", сказала она. Предпочитая полную независимость, я послѣдовалъ за ней, и тогда она сказала мнѣ что слышала какъ бродяга говорилъ прошлою ночью что для него улустить изъ виду меня все равно что улустить изъ рукъ цѣлую пригоршню полкроновъ. При этихъ словахъ меня словно омрачила тѣнь Риппенджеровой школы. Съ нѣкоторымъ упыніемъ я сказалъ ей: „Ты вѣрно пойдешь къ своимъ друзьямъ?" Она прищелкнула пальцами. „Къ пищимъ-то!" И продолжала беззаботно идти впередъ.

Мы очутились наконецъ среди степей. Онѣ необыкновенно живо пробудили воспоминаніе объ отцѣ; степной запахъ чуть не заставилъ меня повернуть мои шаги въ направленіе къ Лондону, такъ горячо захотѣлось мнѣ увидать его. Но несмотря на это, я рѣшилъ прежде взглянуть на Риверсли, на тетушку Дороти, на Сьюпса, нашего стараго, сѣдаго буфетчика и на ягненка, ставшаго теперь уже овцой. Странная противоположность моимъ царственнымъ планамъ касательно будущности. Здѣсь мною овладѣло первое ясное воспоминаніе о Риверсли, подобно очерку далекихъ холмовъ, показавшихся на горизонтѣ. Я чуть было не проллъ нѣсколькихъ слезинокъ отъ любви къ моему отцу, но мысль что я престранный

мальчикъ изгнала изъ моей души его образъ. Я и не могъ быть иначе какъ страннымъ мальчикомъ, разъ со мной случались такія необыкновенныя вещи. Что̀ если я присоединюсь къ Цыганамъ? Моя спутница очень желала этого. У нея были братья, торговавшіе лошадьми, отличные скрипачи. Что̀ еслибъ я выучился играть на скрипкѣ? Что̀ еслибъ я выучился ихъ языку, ходилъ бы съ ними повсюду и сдѣлался бы наконецъ царемъ Цыганъ? Спутница моя покачала головой; этой честолюбивой мечты она не могла поощрить во мнѣ потому что никогда не слыхала ни о какомъ царѣ и ни о какой царицѣ надъ Цыганами. „Это мы дурачимъ людей“, сказала она, а я обидѣлся, потому что вся наша школа вѣрила въ цыганскаго царя, и одинъ мальчикъ, Гакменъ, пѣлъ пѣсню про цыганскаго царя, и это было все равно какъ еслибъ она сказала что всѣ до одного мои товарищи дураки. Я обвинилъ ее во лжи. Она сердито усмѣхнулась. „Я никогда не лгу моимъ друзьямъ“, сказала она. Мы поссорились. Правду сказать, я былъ взбѣшенъ на нее за то что она разрушила во мнѣ всѣ надежды на достиженіе высшей власти надъ Цыганами. Позавтракавъ въ гостиницѣ, въ которой прислужникъ смѣялся намъ въ лицо, а мы сидѣли за столомъ угрюмые, робкіе и голодные, мы снова поссорились. Я сказалъ ей что, по моему мнѣнію, Цыгане не могутъ предсказывать будущее.

— Нѣтъ, могутъ; вотъ когда ты узнаешь мою мать и мою тетку, то увидишь могутъ ли онѣ угадывать будущее, сердито сказала она.

— Да вотъ этимъ-то онѣ и дурачатъ людей, отвѣчалъ я. Меня забавлялъ видъ ея оскаленныхъ зубовъ. Но когда я сталъ убѣждать ее взглянуть мнѣ прямо въ глаза и поклясться что она вѣритъ въ эти предсказанія, то она совсѣмъ насупилась.

— Убирайся ты, гадкій мальчикъ, и тѣнь-то твоя всего въ поларшина, сказала она.

И я не могъ не улыбнуться. Моя тѣнь простиралась до половины дороги въ ширину ея. Весь этотъ день мы все бранились, гдѣ бы мы ни были, и почти вовсе не шли рядомъ, пока наконецъ, при наступленіи вечера, она не подошла ко мнѣ ближе, говоря:

— Эту ночь намъ не будетъ такъ холодно, вотъ увидишь.

Она прижала меня крѣпко къ себѣ и мнѣ было тепло и уютно и ко мнѣ возвратилось торжественное сознаніе что мнѣ нечего жалѣть что я убѣжалъ изъ Риппенджеровой школы.

Ночью мы имѣли приключеніе. Жена одного фермера, у которой мы вечеромъ попросили напиться, дала намъ старое одѣяло чтобы мы покрылись имъ ночью, лежа въ сухой канавѣ, взявъ съ насъ притомъ обѣщаніе не воровать яблоковъ изъ ея сада. Къ намъ подкрался старый нищій и пожелалъ раздѣлить съ нами нашъ покровъ. Моя спутница совсѣмъ спряталась подъ одѣяло, выглядывая только по временамъ изъ-за дыръ его. Въ лунномъ свѣтѣ нищій казался огромнымъ видѣніемъ, достававшимъ отъ земли до неба.

— Холодно, холодно, жаловался онъ;—одному всегда плохо, а другому хорошо, юноша!

Слова его разубѣдили меня въ мысли что онъ былъ какое-то ужасное существо или мой переодѣтый отецъ, готовый сбросить свои лохмотья, обнаруживъ себя въ полномъ блескѣ и сказавъ что вотъ наконецъ онъ нашелъ меня.

— Вы одинъ или васъ двое? спросилъ онъ.

Я отвѣчалъ что насъ двое.

— Такъ я лягу въ средину, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, этого нельзя; мѣста нѣтъ, закричалъ я.

— Господи! возразилъ онъ. Тутъ въ канавѣ мало ли мѣста для голодныхъ желудковъ.

— Но я предпочитаю оставаться безъ васъ; покойной ночи, сказалъ я.

— Что! воскликнулъ онъ;—это вы гдѣ научились такъ говорить? Эй, вы!

— Пожалуста оставьте меня въ покоѣ; я намѣреваюсь спать, продолжалъ я, сердясь что нужно еще уговаривать его; у него была толстая палка.

— Ого! произнесъ нищій. Затѣмъ онъ снова началъ:

— Повѣрю я вамъ теперь что вы въ своей жизни ничего не украли! Вы украли языкъ джентльмена, я сейчасъ узнаю его по звуку. Какъ вы сюда попали? Кто тутъ еще съ вами? Смотрите, я сейчасъ подыму палку.

При этихъ грозныхъ словахъ, дѣвочка выскочила изъ-подъ одѣяла, а я закричалъ что сейчасъ разбужу фермера.

— Это зачѣмъ.... оттого что я хочу сбить съ дерева, надъ

вашею головой, одно или два яблока? спросилъ онъ съ выраженіемъ упрека.

— Э, да тутъ съ вами молодая дѣвица, я вижу. Да тутъ дѣлаются вещи одна удивительнѣе другой, какъ у человѣка который изъ трехъ шиллинговъ сдѣлалъ пять. Теперь если вы дадите мнѣ лечь подъ одѣяло, я каждому изъ васъ дамъ по яблоку. Если вы когда-нибудь пробовали ужинать, то увидите что съѣсть на ночь яблоко очень хорошо, хотя отъ него и не шумитъ въ головѣ.

Дѣвочка шепнула мнѣ на ухо: „Онъ хромъ какъ утка“. Я сейчасъ же понялъ ее; мы оба выскочили изъ канавы и побѣжали, таща за собой одѣяло. Онъ пустился за нами, но мы убѣжали отъ него и улеглись на удобное для отдыха мѣсто, между терновыми кустами. Утромъ, отдавая одѣяло на ферму, мы узнали что старый негодяй оклеветалъ насъ, обвинивъ насъ въ воровствѣ яблоковъ. Я доказалъ женѣ фермера мою невиновность, положивъ предъ нею шиллингъ. Это совершенно удовлетворило ее. Она причесала мнѣ волосы, принесла мнѣ кружку съ водой и полотенце, дала намъ затѣмъ молока и хлѣба и отпустила насъ, говоря что у меня хорошенькое личико, по которому видно что я не боюсь и самого чорта; а что касается до дѣвочки, то она по первому взгляду признала ее за цыганку, и на что̀ только Господь сотворилъ этихъ Цыганъ, про это Онъ только одинъ вѣдаетъ. Она заставила меня весь день думать объ этихъ словахъ. На что̀ они созданы? Я купилъ дѣвочкѣ красный шарфъ и другихъ вещей, приглянувшихся ей, но потерялъ въ отношеніи къ ней прежнее чувство товарищества. „Должно-быть они созданы на смѣхъ“, подумалъ я, видя какъ люди смѣялись надъ нами, и сталъ самъ смѣяться. Я хохоталъ цѣлый день, къ удивленію дѣвочки, которая могла только по временамъ ухмыляться въ продолженіи двухъ или трехъ секундъ, а затѣмъ смотрѣла на меня какъ собака выжидающая что хозяинъ сейчасъ велитъ ей бѣжать куда-нибудь; углы ея губъ шевелились какъ бы въ ожиданіи что я засмѣюсь или заговорю, и это было похоже на маханіе хвостомъ собаки. Я сталъ смотрѣть на нее какъ на безвредное и непонятное существо, бывшее во всякомъ случаѣ свидѣтелемъ моего бѣгства изъ школы.

Мы почти все утро бродили вокругъ выстроеннаго въ полѣ балагана для крикета; лужайка для этой игры была порядочная. Но бывшіе тамъ игроки считали ее превосходною. Я

сказалъ имъ что знавалъ одного малаго который въ полтора часа побивалъ всю партію.

Одинъ изъ этихъ людей просто испугалъ меня, вскрикнувъ:—Чортъ возьми! сядемьте скорѣе въ мою одноколку и поѣдемъ за этимъ малымъ. Онъ точно въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ сдѣлать это и вскочилъ съ своего мѣста. Я смотрѣлъ ему въ глазу, не мигая; онъ замѣтилъ что если я не далъ маху изъ школы, и не вырвался на волю, такъ чтобъ ему... остальное онъ выразилъ хлопнувъ себя по колѣну. Мы стали играть въ крикетъ въ одни ворота, и я доказалъ ему что тотъ кто вмѣстѣ съ Геріотомъ ходилъ противъ Саддльбенка, былъ привычнымъ игрокомъ, какихъ бы лѣтъ онъ ни былъ.

Человѣкъ этотъ предложилъ мнѣ свою дружбу. Онъ посадилъ меня около себя, за обѣдомъ приготовленнымъ для одиннадцати игроковъ, угощалъ меня и посылалъ тарелки съ кушаньемъ дѣвочкѣ, которой позволили присѣсть невдалекѣ.

— Ударимъ по рукамъ, сказалъ онъ, и будемъ друзьями на всю жизнь.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я.

Мы кивнули другъ другу головой изъ-за нашихъ стакановъ эля. Въ отвѣтъ на его вопросъ, я сказалъ что очень люблю фермы, и что пріѣду посмотрѣть на его ферму и останусь у него дня на два или на три; я бы далъ ему свой адресъ, если-бы у меня былъ какой-нибудь адресъ; но теперь я отправляюсь взглянуть на Риверсли Гренджъ.

— Вотъ какъ! воскликнулъ онъ,—Риверсли Гренджъ! Да, я отлично знаю это мѣсто. Я вѣдь арендаторъ сквайра Бентама, и могу сказать: онъ настоящій хозяинъ, какъ должно быть.

— О! возразилъ я;—это мой дѣдушка; но мнѣ до него мало дѣла.

— Господи! воскликнулъ онъ:—что̀ я слышу! Такъ вы тотъ маленькій мальчикъ, мастеръ Гарри Ричмондъ, котораго увезли тогда почью; старый сквайръ заперся тогда у себя на цѣлыя двѣ недѣли, какъ будто бы васъ увезли на похоронныхъ дрогахъ! Какже, я про васъ все знаю, какъ видите. А теперь вы возвращаетесь домой; ура! Сквайръ опять повеселѣетъ попрежнему, вотъ увидите. Мы замѣтили въ немъ перемѣну съ тѣхъ поръ какъ вы уѣхали. Подагра уже давно на него нападала по временамъ, а теперь стала являться чаще. Но онъ все еще выѣзжаетъ съ собаками на охоту, и даетъ обѣды

своимъ арендаторамъ; онъ еще старшаго покроя хозяинъ; когда мы у него обѣдаемъ, то все что̀ мы ѣдимъ и льемъ, все идетъ изъ его имѣнія. Да про стараго сквайра Бентама нельзя дурнаго сказать.

Я спросилъ его живъ ли еще Сьюисъ.

— Старикъ Сьюисъ-то? какже, отвѣчалъ онъ, — вы знаете старика Сьюиса? Да какже вамъ и не знать его. Да, старикъ Сьюисъ живъ, мастеръ Гарри. А вы-то любили меня въ крикетъ. Клянусь Св. Георгомъ, у меня такъ и зачесались руки, когда вы выбили мои колья. Чортъ возьми! подумалъ я. Но старый сквайръ будетъ гордиться вами, вотъ увидите. Моя ферма въ трехъ миляхъ отсюда; видите во́рона что̀ летитъ на юго-востокъ отъ Риверсли; онъ полетитъ теперь прямо на Трекгемскую ферму, и туда я отвезу васъ сегодня вечеромъ, а завтра моя жена васъ хорошенько почиститъ и умоетъ и мы отправимся прямо въ Риверсли. По рукамъ, что ли? Меня зовутъ Экерти. Все равно, откуда бы вы ни пришли, мастеръ Гарри, хорошо то что вы опять здѣсь, не такъ ли? А я то видѣлъ васъ въ послѣдній разъ въ плетеной колясочкѣ, а теперь вижу васъ въ панталонахъ; вы играете со мной въ крикетъ, да еще бьете меня!

Онъ весело расхохотался. Тревожныя чувства разнаго рода овладѣли мною; но надъ всѣми ими преобладала тоскливая досада на себя, за то что я никакъ не могъ раздѣлить восторга фермера, хотя былъ самъ виновникомъ его. Я предпочиталъ Риверсли жизнь среди Цыганъ. Цыгане жили на большой дорогѣ, а дорога эта вела къ моему отцу. Я старался объяснить фермеру Экерти что я шелъ по этому направленію съ намѣреніемъ лишь мелькомъ взглянуть на Риверсли; но все это было напрасно, онъ никакъ не могъ понять меня. Чѣмъ болѣе старался я уяснить ему дѣло, тѣмъ сильнѣе настаивалъ онъ чтобы я допилъ мой стаканъ эля, не имѣвшаго никакого прямаго отношенія къ дѣлу. Я однако продолжалъ пить и наговорилъ вѣроятно пропасть смѣшнаго, тревожно стараясь чтобы фермеръ узналъ мои настоящія намѣренія; онъ таки не мало хохоталъ.

Пока онъ сражался въ крикетъ противъ своихъ противниковъ, въ балаганъ пришелъ бродяга и мы съ нимъ начали говорить, стараясь перехитрить одинъ другаго.

— Начальникъ вашъ гонится за вами, молодой джентльменъ,

сказалъ онъ, совѣтуя мнѣ бѣжать по дорогѣ, если я хочу скрыться отъ преслѣдованія.

Я показалъ видъ что испугался, и затѣмъ сказалъ:—О вы защитите меня, и угостилъ его пивомъ.

Онъ сталъ увѣрять меня что я оставилъ послѣ себя столько же слѣдовъ какъ еслибы разсыпалъ за собой цѣлую коробку съ фосфорными спичками. Онъ все подгонялъ меня пока я не заказалъ для него свѣжаго элю. Дѣвочка и онъ глядѣли другъ на друга съ презрительною усмѣшкой. Такъ мы стояли смотря на игру. Къ тому времени какъ она кончилась, бродяга успѣлъ выпить не мало бутылокъ элю.

— Вкусный, славный гусь, началъ онъ считать барыши доставшіеся ему со времени нашего знакомства;—бутылка элю и имбирнаго пива, двѣ полкроны, еще эль да еще кое-что будетъ, надѣюсь. Вы только придерживайтесь своихъ друзей, молодой джентльменъ, не забывайте этого сударь. Для такого бѣдняка какъ я будетъ плохо если вы не будете этого дѣлать. Такіе случаи выпадаютъ намъ на долю не каждый день. Понимаете вы это, сударь? Я прошу васъ сказать мнѣ, понимаете ли вы это, сударь? Я немножко подпилъ, но человѣкъ всегда долженъ соблюдать свои выгоды.

Я понялъ что онъ настолько подпилъ что невольно выдавалъ мнѣ что выгода его заключалась въ моемъ взятіи въ плѣнъ; но я былъ, несмотря на это, веселъ. Фермеръ Экерти звонко ударилъ бродягу по спинѣ, возвратясь въ балаганъ, въ восторгѣ что ему удалось однимъ разомъ побить своихъ противниковъ.

— Чтобы мастеръ Гарри Ричмондъ воротился въ Риверсли, къ своему дѣдушкѣ, въ вашемъ обществѣ, негодяй! въ бѣшенствѣ закричалъ онъ, выслушавъ его.—Я отвезу его туда самъ. Туда не будетъ и десяти миль, ужъ никакъ не больше. Но что я вамъ скажу, мастеръ Гарри, какъ думаете, на счетъ ужина?

Онъ тихонько сообщилъ мнѣ что ему не хочется чтобы имѣло видъ какъ будто онъ бѣжитъ отъ прочихъ, которые намѣревались еще остаться здѣсь ужинать, и что по этому случаю мы поѣдемъ домой при лунномъ свѣтѣ и будемъ пѣть пѣсни. Такъ мы и сдѣлали. Я сѣлъ рядомъ съ фермеромъ, дѣвочка вскарабкалась на задокъ телѣжки, а бродяга стоялъ, жалобно повторяя:

— Охъ Боже мой, Боже мой! Вы уѣзжаете въ Риверсли одни безъ вашего лучшаго друга.

Я бросилъ ему шиллингъ. Мы пѣли начала и окончанія разныхъ пѣсенъ. Фермеръ смотрѣлъ на луну и говорилъ: Господи! Какъ она на насъ смотритъ. Затѣмъ онъ запѣлъ....

— Какъ конецъ-то? А вотъ другая пѣсня!...

— Какъ дальше-то? Я слышалъ эту пѣсню, когда былъ въ единственный разъ въ жизни въ Лондонѣ; тогда я до тѣхъ поръ не успокоился, пока не выучилъ ее наизусть, а теперь она точно изъ головы у меня вылетѣла. Что же теперь еще спѣть?

Онъ запѣлъ про „Мери изъ Эллимора“ и еще про другую дѣвицу изъ другаго мѣста, а наконецъ, затянулъ громкую пѣснь о Британцахъ.

Я очень удивился, проснувшись на открытомъ воздухѣ, среди всеобщаго молчанія, потому что и не замѣтилъ какъ заснулъ. Дѣвочка разбудила меня, и мы потихоньку слѣзли съ телѣжки. Лошадь и фермеръ оба не шевелились, пріютившись въ зеленомъ углубленіи, около большой дороги. Взглянувъ черезъ поля и сосновыя рощицы, я увидалъ въ странномъ свѣтѣ ранняго утра какой-то домъ, и сердце мое забилось; на меня вдругъ напалъ страхъ, и я сказалъ самъ себѣ:

— Нѣтъ, нѣтъ, это не Риверсли; это не можетъ быть онъ, хотя увѣренность что это былъ онъ, ясно сказывалась во мнѣ, опровергая мои слова. Я побѣжалъ по полю, къ парку и къ свѣтлой маленькой рѣчкѣ и сталъ смотрѣть на домъ. Когда я, наконецъ, долженъ былъ сказать себѣ:—Да, это Риверсли! то отвернулся, и сердце мое сжалось острою болью, причины которой я самъ не зналъ. Мнѣ кажется, дѣвочка была права, говоря что я велъ себя какъ безумный. Я бросился на землю, катался по ней и кричалъ. Неизъяснимая ненависть къ Риверсли была первымъ чувствомъ овладѣвшимъ мною, когда я пришелъ въ себя, я бы ни за что не согласился позавтракать тамъ.

Было около полудня, когда проходя со мною по сжатому полю, дѣвочка встрѣтила двухъ мущинъ изъ своего табора. Подъ вечеръ, мы взошли въ одну изъ ихъ палатокъ. Женщины разразились криками: Кіоми, Кіоми! точно взлетѣвшее гнѣздо вороновъ. Ихъ глаза и зубы такъ и сверкали; казалось какъ будто кто-нибудь плескаетъ рукой по темной водѣ. Странный языкъ которымъ онѣ говорили какъ-то звонко отчеканивая каждое слово, переливая голосомъ изъ одного тона въ другой и никогда сильно не понижая и не повышая его, не имѣя въ себѣ ничего музыкальнаго, имѣлъ однако что-то

особенное и привлекательное, онъ внушалъ мнѣ предположеніе что я попалъ въ общество какихъ-то очень любопытныхъ птицъ. Онѣ добродушно встрѣтили меня, и каждая изъ нихъ поглядѣла съ минуту мнѣ прямо въ лицо. Затѣмъ, онѣ два раза черпнули для меня ложкой изъ большаго горшка съ супомъ, стоявшаго надъ огнемъ, посреди палатки.

Кіоми было имя моей спутницы. У нея были двѣ сестры, Аделина и Эвелина, и два брата, Офикъ и Вильямъ, былъ у нея еще двоюродный братъ, кулачный боецъ. Вотъ такимъ и я буду, сказалъ я. Играть за деньги на скрипкѣ не нравилось мнѣ, хотя и очень пріятно было слышать, лежа въ объятіяхъ Кіоми, игру Офика, убаюкивавшую меня; мнѣ все казалось при этомъ что я плыву внизъ по какимъ-то рѣчкамъ одной за другою; я, казалось, видѣлъ какъ волны ихъ сливались и расходились, между тѣмъ какъ я тихо плылъ все дальше, а какая-то чудно-прекрасная страна сонливо кивала мнѣ съ береговъ. Я заснулъ безъ просыпу, до утренняго пѣнія пѣтуха. Сонъ казался мнѣ не болѣе какъ переходомъ черезъ арку какого-то канала. Кіоми и я были въ степи, еще до солнечнаго восхода, перепрыгивая черезъ рвы, гоняясь за синицами и передразнивая чибисовъ. Мнѣ казалось что я еще слышу послѣдніе звуки Офиковой скрипки, въ то время какъ золотистый свѣтъ заливалъ все небо надъ Риверсли. Странные, унылые звуки скрипки раздававшіеся ночью въ палаткѣ, являлись, казалось, сейчасъ же вслѣдъ за солнцемъ и тихія мечты баюкавшія мой сонъ слѣдили за мной неотступными тѣнями въ продолженіи свѣтлаго дня, или лучше сказать, до обѣденнаго времени, съ котораго я ни о чемъ уже не могъ думать, кромѣ большаго горшка. Кормили насъ вдоволь, кушанье было лучше нежели у Рипледжера, исключая однако пудинговъ. Послѣ обѣда, я былъ готовъ на всякія шалости. Странно было чувство овладѣвшее мною при видѣ Кіоми, просившей милостыни у какого-то джентльмена. Я упрекнулъ ее за это. Она показала мнѣ шестипенсовую монету, блиставшую на ея ладони. Я далъ ей шиллингъ, съ тѣмъ чтобъ она болѣе не дѣлала этого. Теперь у нея былъ шиллингъ и шесть пенсовъ, сказала она, и размысливъ хорошенько, я понялъ что она считала эти деньги пріобрѣтенными прошеніемъ милостыни, и вслѣдствіе этого рѣшила что дѣлать это очень хорошо. Деньги остававшіяся еще у меня въ карманѣ составляли пять шиллинговъ и одинъ пени. Я предложилъ ихъ

матери Кіоми, но она отказалась принять ихъ, то же сдѣлалъ и отецъ ея и Офикъ. Пусть я вспомню о нихъ, когда возвращусь домой, сказала она, указывая на Риверсли. — Нѣтъ, отвѣчалъ я, — туда я никогда не возвращусь; будьте увѣрены. Женщины усмѣхнулись, а мущины зѣвнули. Мущины проводили время то работая надъ чѣмъ ни попало, какъ будто бы внутри ихъ горѣлъ какой-то огонь, то лежа на спинѣ, вытянувъ ноги, какъ будто бы огонь этотъ вдругъ погасъ. Исключая того что Офикъ упражнялся на скрипкѣ и отецъ его приводилъ и снова уводилъ лошадей, они на моихъ глазахъ только и дѣлали что пеклись на солнцѣ. Въ таборъ пришелъ братъ Офика, съ двоюроднымъ братомъ своимъ, кулачнымъ бойцомъ, молодымъ человѣкомъ, бѣлѣе ихъ лицомъ; я смотрѣлъ на него, вспоминая пристрастіе Джака Тришера къ этому геройскому ремеслу. Кіоми шепнула мнѣ что-то о томъ что братъ ея встрѣтилъ бродягу. Я не слушалъ ея, во мнѣ кипѣла цѣлая буря вслѣдствіе двухъ причинъ: во первыхъ, моего восторга при видѣ красиваго, молодаго кулачнаго бойца, а во вторыхъ, чувства мстительной злобы противъ него, за то что онъ называлъ Кіоми своею женой, говоря что женится на ней, какъ скоро она выучится играть на арфѣ какъ царь Давидъ. Ужасная глупость требовать отъ дѣвочки чтобъ она играла какъ царь Давидъ внушала мнѣ презрѣніе къ нему, но въ то же время онъ былъ такъ удивительно красивъ и силенъ, и видѣть какъ онъ натягивалъ рукавицы, готовясь сразиться съ толстымъ Вильямомъ, братомъ Кіоми, и отстранялъ тяжелые удары послѣдняго, было бы настоящимъ праздникомъ и не для одного старика Джака, изъ Дилвельской фермы. Онъ обладалъ ловкою граціей леопарда, котораго напоминала мнѣ его куртка; онъ былъ похожъ на искусную машину одаренную свободой движеній. Довольный моимъ восторгомъ, онъ далъ мнѣ урокъ, обѣщая и впредь учить меня.

— Онъ тоже хочетъ быть когда-нибудь бойцомъ, сказала Кіоми, грызя яблоко, которое онъ далъ ей.

Я вырвалъ у нея это яблоко, бросилъ его на землю и сталъ топтать его ногами. Она дала мнѣ пощечину и въ ту же минуту встала въ кругъ, готовясь на бой. Я увидалъ что дѣвочка собирается нападать на меня.

— Ну, начинай! закричалъ я, желая скрыть свое смущеніе и воображая что мнѣ такъ же легко будетъ вывернуться изъ-

подъ ея ударовъ, какъ кулачному бойцу изъ-подъ ударовъ толстаго Вильяма. Но я ошибся.

— О! вы думаете что я не умѣю защищаться, сказала Кіоми; и затѣмъ накинулась на меня разъ, два, три, проворно какъ кошка и хладнокровно какъ статуя.

— Колоти его, радость моя; она знаетъ какъ постоять за себя, закричалъ кулачный боецъ; — ты должна бить его до крови, Кіоми, пусти-ка ему кровь, голубка моя; задай ему прямо въ морду, чтобъ у него изъ глазъ искры посыпались. Эй расшевели его, жарь его! Покажи ему кто училъ тебя; сбей его съ ногъ, и я завтра же женюсь на тебѣ!

Я былъ взбѣшенъ на нее, какъ будто она оскорбляла меня, выдавая себя за собственность этого человѣка, и мнѣ же доставалось отъ нея. Ея маленькіе кулачки попадали въ цѣль мѣтко и твердо какъ желѣзные, она любила драться и могла по меньшей мѣрѣ равняться со мной. Чтобъ избѣгнуть позора, сильно ударивъ ее, или видя себя побитымъ ею, въ открытомъ бою, я уклонился, обхвативъ ее за средину стана и повалилъ на землю, не очень ловко, ибо самъ упалъ, сжатый ея руками, вмѣстѣ съ нею. Должны были силой оторвать меня отъ нея.

— И вы прошли курсъ кулачнаго боя, сказалъ мнѣ довольно свирѣпо кулачный боецъ.

Прочіе были ласковѣе и не ворчали на меня за то что я растянулся какъ канатъ, по ихъ словамъ. Кіоми пожелала возобновить бой; но я громко сказалъ:

— Я никогда не бью дѣвочекъ, и признаюсь вамъ, не люблю чтобъ онѣ колотили меня.

— Если такъ, то пойдемте къ рѣкѣ и вымойте себѣ лицо, сказала она, потащивъ меня за пальцы. Обмывъ кровь съ моего лица, она поцѣловала меня. Мнѣ показалось что отъ нея такъ и пахнетъ кулачнымъ бойцомъ.

Въ вечеру Офикъ предложилъ кулачному бойцу и мнѣ пойти съ нимъ прогуляться. Я попросилъ взять съ собой и Кіоми, на что они согласились. Цыганки такъ жали мнѣ руки, при прощаніи, какъ будто я отправлялся въ дальнее странствіе, прося меня не забывать ихъ и никогда не думать дурно о бѣдныхъ цыганахъ.

— Да что вы? Вѣдь я остаюсь съ вами, говорилъ я.

Онѣ весело засмѣялись, говоря чтобъ я приходилъ смо-

трѣть какъ они будутъ снимать вечеромъ свой таборъ отсюда. Каждыя двѣ или три минуты, Кіоми толкала меня подъ локоть, показывая назадъ, и я видѣлъ какъ женщины махали своими цвѣтными платками. Потерявъ изъ виду палатки, мы увидали бродягу. Кіоми крикнула: спрячьтесь! Я нырнулъ подъ кустъ. Бродяга приблизился, спрашивая обо мнѣ. Въ Риппенджеровой школѣ лганье было не въ модѣ, благодаря Геріоту, однако мнѣ приходилось слышать какъ мальчики шалили, и ложь выходила изъ ихъ устъ гладко какъ рыба, такъ просто, живо и правдоподобно что можно было подумать что учитель спрашиваетъ у нихъ эту ложь вмѣсто урока, а они отвѣчаютъ: вотъ она! Но мальчики не могли бы лгать такъ послѣдовательно и непрерывно какъ эти друзья мои. Я убѣжалъ, говорили они, повернувшись всѣ разомъ въ одну сторону, указывая направленіе въ которое будто бы отправился я, они намекали на мои планы, не открывая однако подробностей ихъ изъ боязни чтобы не вышло сплетней, они замѣтили что хотятъ предоставить мнѣ всѣ средства уйти. Кіоми сказала что надѣется что ему не удастся поймать меня. Бродяга завылъ отъ досады, а Цыгане смѣялись надъ нимъ. Я въ душѣ поблагодарилъ ихъ за ихъ преданность. Пробираясь подъ покровомъ долины, я перешелъ черезъ сосновую рощицу къ большой дорогѣ и побѣжалъ по ней со всѣхъ ногъ. Только что успѣлъ я закричать: „теперь я въ безопасности“, какъ изъ проѣзжавшаго по дорогѣ экипажа вышла вдругъ какая-то дама, обхватила меня руками и чуть не задушила меня въ своихъ объятіяхъ. Это была моя тетушка Дороти.

ГЛАВА VIII.

Дженетъ Ильчестеръ.

Я былъ взятъ въ плѣнъ, преданный измѣнниками, и имѣя еще въ карманѣ пять шиллинговъ и одинъ пени, служившіе мнѣ залогомъ еще возможной для меня свободы. Ни Офикъ, ни Кіоми не показывались на дорогѣ и не отвѣчали на мой повтореный зовъ.

— Она боится взглянуть мнѣ въ лицо, сказалъ я, сосредоточивая весь гнѣвъ свой на Кіоми.

— Гарри, Гарри! говорила моя тетушка,—они вѣрно видѣли меня здѣсь; ты огорченъ что я съ тобой, дорогой мой.

Ея быстрые каріе глаза такъ и пожирали меня, между тѣмъ какъ я стоялъ запыхавшись, думая что я былъ бы вполнѣ счастливъ еслибы могъ бросить въ эту минуту всѣ свои деньги къ ногамъ Кіоми, сказавъ ей: „Вотъ возьми все что у меня есть; я ненавижу тебя!“ Съ минуту я съ любопытствомъ разсматривалъ легкій оттѣнокъ усиковъ на верхней губѣ моей тетушки; въ слѣдующую минуту мы уже сидѣли съ ней въ каретѣ и она опять стала моей милою тетей Дороти, и я покатилъ съ ней по другой дорогѣ, которая вела меня въ иной міръ.

Цыгане условились доставить меня моей теткѣ; фермеръ Экерти разказалъ обо мнѣ моему дѣду; бродяга навелъ тогда мистера Риппенджера на нашъ слѣдъ. Мистеръ Риппенджеръ заплатилъ вѣроятно за это бродягѣ; дѣдъ мой заплатилъ счетъ Риппенджера, также какъ и за Саддльбенкова гуся, тетушка заплатила Цыганамъ, но я сомнѣваюсь чтобъ они выдѣлили что-нибудь изъ этихъ денегъ бродягѣ, такъ что вѣроятно списокъ выгодъ полученныхъ имъ за то что онъ никого ни о чемъ не-распрашивалъ, былъ на этотъ разъ законченъ.

Я воротился въ Риверсли болѣе похожій на взрослаго, нежели большинство мальчиковъ моихъ лѣтъ, и въ то же время болѣе похожій на ребенка. Маленькій ребенокъ и тотъ не сталъ бы такъ злиться какъ я за поступокъ Кіоми; но съ другой стороны, я отвѣчалъ на смѣшную вѣжливость моего дѣда съ хладнокровіемъ взрослаго.

— Итакъ вы возвратились къ намъ, не такъ ли?

— Да, возвратился.

— Убѣжавъ сначала отсюда какъ заяцъ или какъ лисица изъ-подъ ружья?

— Вовсе нѣтъ; я не убѣжалъ отсюда.

— Вы ѣздите верхомъ?

— Да; ѣзжу.

Вотъ какимъ образомъ онъ привѣтствовалъ меня при встрѣчѣ, и вотъ какъ я отвѣчалъ на это привѣтствіе. Я не убѣгалъ отъ него, и совѣсть моя была покойна.

Вскорѣ послѣ того онъ сказалъ мнѣ:

— Слушайте, имя ваше въ этомъ домѣ Гарри Ричмондъ, понимаете вы меня? Слугамъ моимъ дано приказаніе называть васъ мистеромъ Гарри Ричмондомъ, именемъ даннымъ вамъ при крещеніи. Вы родились здѣсь, будьте такъ добры, помните это. Я не хочу слышать здѣсь бродяжническихъ

именъ. Онъ весь вспыхнулъ, отдуваясь и пробормоталъ: я не хочу видѣть пріемовъ свойственныхъ бродягамъ.

Я отлично понялъ смыслъ его словъ. Раздраженный за моего отца, я постоянно живо чувствовалъ всякое оскорбленіе нанесенное ему, и сознавая неизмѣримое превосходство нашего рода надъ родомъ Белтамовъ, я сказалъ въ сторону, обращаясь къ старику Сьюису и пожимая плечами:

— Сквайръ велитъ мнѣ помнить гдѣ я родился. Мнѣ мудрено было бы забыть весь вздоръ слышанный мною отъ него.

Сьюисъ, вмѣсто отвѣта, посовѣтовалъ мнѣ обращать побольше вниманія на конюшни, да прилежно попивать вино, по вечерамъ, вмѣстѣ со сквайромъ; то и другое казалось мнѣ настолько не труднымъ что мнѣ невольно пришло въ голову: „вотъ какими способами можно добиться расположенія своихъ родныхъ!“ Признаюсь однако что точность сквайра касательно платежа долговъ произвела на меня впечатлѣніе. Онъ избавилъ меня отъ позора оставаться въ долгу у ненавистнаго мнѣ содержателя школы и, кромѣ того, я жилъ подъ его кровлей и ѣлъ его хлѣбъ. Моя недавняя вольная жизнь внушила мнѣ убѣжденіе что за все это я долженъ быть обязанъ ему. Кіоми казалась мнѣ единственною достойною жертвой моего гнѣва, заслужившею за свою непростительную измѣну чтобъ я истопталъ ее ногами.

Понемногу дѣлъ мой сталъ привыкать ко мнѣ и говорилъ иногда, выражая этимъ свое одобреніе нѣкоторымъ изъ моихъ поступковъ: „Въ немъ видѣнъ Белтамъ, въ немъ видѣнъ Белтамъ!“ Разъ, на охотѣ, я перескочилъ прямо предъ нимъ черезъ изгородь и черезъ ровъ, онъ съ гордостью воскликнулъ: „Бельтамъ, съ ногъ до головы!“ и сталъ хвалить меня. Вечеромъ, сидя за виномъ, онъ вдругъ неожиданно сказалъ мнѣ: „Да, Гарри, ты долженъ пробить себѣ головой дорогу чрезъ изгороди и рвы, дружокъ мой! Въ это проклятое время нельзя быть ловкимъ только съ одной стороны. Въ мое время, если ты хорошо умѣлъ держаться на сѣдлѣ, такъ значитъ и на все былъ хорошъ; теперь же нужно набивать себѣ мозги чѣмъ только можешь, тутъ чего-нибудь понабраться, тамъ чего-нибудь, и затѣмъ нести все это на продажу какъ разносчикъ; да многіе и дѣлаютъ такъ. Природы теперь ни въ чемъ больше нѣтъ; вездѣ нужно брать проклятою хитростью; да, теперь нашъ деревенскій сквайръ долженъ быть на половину стряпчимъ чтобы только сводить концы съ концами. Ты дол-

женъ учиться; да, сударь, вы должны корпѣть надъ книгами, да надъ картами чтобы какой-нибудь діавольскій выскочка не опередилъ васъ и не махнулъ бы вамъ хвостомъ по лицу.“ Онъ заключилъ свою рѣчь словами: „Я радъ что ты мастеръ пить вино, мой мальчикъ.“

Такимъ образомъ я все болѣе выигрывалъ въ его мнѣніи, пока не услыхалъ отъ него что онъ назначаетъ меня наслѣдникомъ Риверсли и всѣхъ своихъ имѣній, съ однимъ условіемъ, впрочемъ, о которомъ онъ пока умолчалъ. Я былъ готовъ полюбить его, еслибы только могъ говорить съ нимъ объ отцѣ. Но пока я любилъ старика Сьюиса болѣе его, потому что онъ часто говорилъ мнѣ о ночи въ которую отецъ мой унесъ меня отсюда, и хотя онъ никогда не произносилъ лестныхъ словъ, которыя я горячо желалъ услышать отъ него, но за то такъ часто повторялъ мнѣ этотъ разказъ что мнѣ казалось образъ моего отца озарялъ своимъ лучистымъ сіяніемъ нашу красную залу. Цѣлью всѣхъ моихъ прогулокъ и выѣздовъ верхомъ была или дорога по которой онъ отправился тогда въ Лондонъ, унося меня въ своихъ объятіяхъ, или же пустое теперь мѣсто на которомъ стоялъ прежде таборъ Кіоми. Кіоми олицетворяла въ глазахъ моихъ свободу, указывая мнѣ въ даль покрытую мракомъ, чрезъ который я хотѣлъ пробиться чтобы найти отца. Когда я заговаривалъ о немъ съ тетушкой, она начинала дрожать. Она говорила мнѣ: „Да, Гарри, говори мнѣ все о чемъ ты думаешь, спрашивай обо всемъ что только желаешь знать“; но дрожь пробѣгавшая по всѣмъ членамъ ея останавливала меня и я сдерживалъ всѣ свои чувства въ себѣ, что не легко было мальчику съ головой полною смутнаго броженія и съ сердцемъ полнымъ жажды. Я иногда употреблялъ на свои прогулки верхомъ все находившееся въ моемъ распоряженіи время, спѣша затѣмъ доскакать домой и переодѣться къ обѣду въ нѣсколько минутъ чтобы не опоздать къ столу сквайра. Мнѣ стоило большаго усилія надъ собой повернуть мою маленькую лошадку назадъ отъ виднѣвшихся на востокѣ холмовъ и долинъ; они, казалось мнѣ, могли повѣдать мнѣ тайну о моемъ отцѣ. Они показались бы мнѣ очень унылыми еслибъ я отчаялся узнать отъ нихъ что-нибудь о немъ. Зимой и лѣтомъ я постоянно колебался между различными предположеніями: то въ теченіе цѣлой недѣли я жилъ въ увѣренности что онъ нахо-

дится близь Риверсли и зоветъ меня къ себѣ; то я цѣлую недѣлю мучился страхомъ что онъ умеръ; въ головѣ моей бродили безконечныя мечты о немъ: я видѣлъ его странствующаго по чужимъ землямъ, ласкающаго мальчиковъ и дѣвочекъ попадающихся ему на дорогѣ, или проѣзжающаго въ сіяющемъ блескѣ, среди клапяющагося ему народа. Я говорю въ сіяющемъ блескѣ: еслибъ эти видѣнія имѣли болѣе опредѣленности, я бы, кажется, сейчасъ былъ готовъ отправиться въ путь вслѣдъ за нимъ. Но мечты эти мелькали предо мною неяснымп образами; я самъ снабжалъ свѣтомъ эти образы, уже въ послѣдствіи, когда становился хладнокровнѣе и могъ говорить самъ себѣ: „какая польза воображать себѣ все это?“ Однако мечты были отрадны мнѣ. Такимъ образомъ таинственный мракъ окружавшій моего отца озарился въ глазахъ моихъ самымъ нѣжнымъ свѣтомъ. Я соорудилъ ему изъ своихъ мечтаній какой-то чудный храмъ, переступая порогъ котораго я оставлялъ за собою весь остальной міръ.

Недостатокъ въ обществѣ мальчиковъ моихъ лѣтъ и тяжелая умственная работа произвели во мнѣ этотъ разладъ съ самимъ собою. Учебныя занятія мои безпрестанно прерывались. Домашніе учителя являвшіеся для моего научнаго образованія смѣнялись одинъ за другимъ. Это были все духовные, которые или сватались за тетю Дороти, или упрекали сквайра за его привычку божиться. „Самъ діаволъ вселился въ этихъ духовныхъ, говорилъ онъ; въ мое время они смирно вели себя, помышляя лишь о небѣ да о бутылкѣ.“ Тетя раздѣляла мнѣніе нашихъ сосѣдей, посылавшихъ своихъ сыновей въ школы, и полагала что и меня бы слѣдовало помѣстить туда.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорилъ на это сквайръ,—моя жизнь того и гляди приходитъ къ концу, по милости этой подагры, а я хочу, пока еще можно, имѣть у себя на глазахъ моего наслѣдника. Вѣдь мальчикъ этотъ сынъ моей дочери! Пусть онъ вырастетъ среди своихъ владѣній. Мы обыщемъ всю страну, да найдемъ наконецъ человѣка который сумѣетъ вдолбить ему въ голову что̀ нужно, не глазѣя налѣво и направо, какъ баранъ.

Къ несчастію, человѣкъ по вкусу сквайра нигдѣ не отыскался. Тетушка была хороша собой, была богатою невѣстой (она имѣла свои собственныя деньги, наслѣдованныя отъ родныхъ съ материнской стороны), кромѣ того она была милѣйшая на свѣтѣ женщина, съ голосомъ слаще всякой флейты. Во всемъ

графствѣ говорили что для того чтобы жениться на какой-нибудь изъ Белтамовъ, надо тайкомъ увезти ее.

Двоюродная бабушка моя, сестра сквайра, была увезена тайкомъ изъ дому. Она умерла бездѣтною. Любимая двоюродная сестра его тоже убѣжала съ однимъ бѣднымъ баронетомъ, сэромъ-Родерикомъ Ильчестеромъ, сынъ котораго, Чарльзъ, приходилъ иногда играть со мной и былъ страшный ловѣса. Еслибы не я, говорилъ онъ, то сквайръ назначилъ бы его своимъ наслѣдникомъ; онъ часто въ лицо „посылалъ меня къ чорту“ вслѣдствіе этого, и говорилъ, пожимая мнѣ притомъ руку: „Я бы съ удовольствіемъ задалъ вамъ хорошаго тумака въ голову, Гарри Ричмондъ, клянусь честью.“ Онъ проклиналъ свою судьбу за то что долженъ былъ учиться чтобы сдѣлаться, какъ онъ говорилъ, оборвышемъ священникомъ, все изъ-за того что я воротился-таки въ Риверсли.

Онъ объявилъ мнѣ что я долженъ буду жениться на сестрѣ его, Дженетѣ, потому что нельзя было выпустить все состояніе изъ семьи нашей. Дженетъ Ильчестеръ была своеобразная дѣвочка, любимица тети Дороти и особенный баловень сквайра; у нея были розовыя щеки, стройный станъ, прямо и ловко державшійся на ходу и на сѣдлѣ, и она всегда старалась быть со мной ласковою; но несмотря на это, мы вѣчно ссорились; она терпѣть не могла когда я говорилъ о Кіоми.

— Не говорите объ этихъ тваряхъ съ которыми вы встрѣчались когда сами были нищимъ, Гарри Ричмондъ, говорила она.

— Я никогда не былъ нищимъ, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ она была нищая, возражала Дженетъ,—и я не могъ отрицать ея словъ, хотя единственная разница видимая мною между Дженетой и Кіоми состояла въ томъ что Дженетъ безпрестанно выпрашивала разныя разности и подарки у своихъ знакомыхъ, а Кіоми—у чужихъ. Я получалъ отъ сквайра карманными деньгами пятьдесятъ фунтовъ въ годъ. Я бы тратилъ ихъ всѣ на подарки Дженетѣ, еслибы исполнялъ всѣ желанія ея касательно хлыстиковъ, ножичковъ, ящиковъ съ карандашами, пуговицъ и собакъ.

Бо́льшая часть моихъ денегъ уходила на это. Она постоянно получала извѣстія о продающихся красивыхъ собакахъ. Я купилъ ей большую собаку, коричневую гончую,

и маленькую моську. Ей позволили держать дома только одну моську, а другихъ собакъ я долженъ былъ взять на свое попеченіе. Когда Дженетъ приходила навѣщать ихъ, то ласкала ихъ по именамъ, но конечно они скорѣе слушались меня чѣмъ ее, и она плакала отъ ревности. Разъ мы серіозно поссорились съ нею. Леди Ильчестеръ пригласила меня на цѣлый день къ себѣ, такъ какъ Чарли былъ дома по случаю лѣтнихъ каникулъ. Чарли, Дженетъ и я удили втроемъ форелей въ рѣкѣ, и Дженетъ, съ цѣлью польстить мнѣ (что я отлично замѣтилъ), заговорила со мной, пока я заправлялъ ея удочку, какъ будто бы она дѣйствительно могла поймать что-нибудь, о Геріотѣ и затѣмъ сказала:

— Ахъ, Боже мой! Мы вѣдь съ вами друзья, не правда ли? Чарли говоритъ что мы со временемъ будемъ мужемъ и женой, но мать у насъ такая гордая; ей вѣрно не понравится что у васъ такой отецъ; развѣ что онъ умретъ къ тому времени и мнѣ не надо ужь будетъ подходить къ нему за поцѣлуемъ.

Я въ изумленіи, но безъ гнѣва, устремилъ взглядъ на дѣвочку, поняв что она лишь повторяетъ наивные разчеты на будущее слышанные ею отъ брата. Я сказалъ ей:

— Слушайте что я скажу вамъ, Дженетъ: я вамъ прощаю на этотъ разъ, потому что вы глупенькая, маленькая дѣвочка и не знаете сами что говорите. Но извольте впередъ говорить о моемъ отцѣ съ уваженіемъ, или же вы никогда болѣе не увидите меня. Тутъ Чарли закричалъ:

— Что тамъ такое? Никакъ вы говорите о вашемъ отцѣ?

Дженетъ захныкала, жалуясь что я назвалъ ее глупенькою дѣвочкой. Еслибъ она промолчала, я бы вѣроятно простилъ ей. Но низость этой дѣвочки, сваливавшей еще вину на меня, жестоко оскорбивъ меня, въ то же время, наполнила меня невыразимымъ презрѣніемъ къ ней. Чарли и я тоже чуть не поссорились. Онъ убѣждалъ меня не говорить его сестрѣ о моемъ отцѣ. Всѣ знаютъ, говорилъ онъ, что я не виноватъ въ этомъ, и будь у него такой негодяй вмѣсто отца, онъ бы назначилъ ему пенсію и знать бы его не хотѣлъ. Говоря правду, его семейство ничего не имѣло противъ меня, исключая того обстоятельства что у меня былъ такой отецъ, и мнѣ бы слѣдовало рѣшиться совсѣмъ отречься отъ него, прежде чѣмъ я выросту; онъ де говоритъ мнѣ это по дружбѣ. Я могу сколько угодно хмурить брови и сжимать кулаки, но онъ говоритъ мнѣ это какъ другъ.

Дженетъ все это время грызла бисквитъ, поглядывая изъза него на меня мышиными глазками. Ея короткое платьице и ея жадность, составлявшія странную противоположность съ ея брачными планами, еще болѣе взбѣсили меня, хотя сердце мое такъ и болѣло объ отцѣ. Я спросилъ ее что̀ она знаетъ про него. Она продолжала грызть бисквитъ, бормоча:—Онъ явился въ Риверсли увѣрял что онъ учитель лѣнія; я знаю что это правда, и еще кое-что знаю.

— Ну, да, и будто бы онъ учитель рисованія и профессоръ всякой всячины, прибавилъ ея братъ.—Брось его, пріятель, въ немъ мало хорошаго.

— Нѣтъ, я такъ увѣрена что въ немъ ничего нѣтъ хорошаго, сказала Дженетъ.

Я взялъ ее за руку и сказалъ ей:—Вы не знаете какъ оскорбляете меня, но вы дитя; вы не знаете что̀ дѣлается на свѣтѣ. Я люблю моего отца, помните это, и то что̀ вы совѣтуете мнѣ сдѣлать, низко и подло; но вы объ этомъ не можете судить. Я готовъ стоять за него противъ всего свѣта. А когда вамъ придетъ время выходить замужъ, то выходите за кого вамъ угодно, только не за меня. Итакъ, прощайте, Дженетъ. Думайте пока о вашихъ урокахъ, а не о замужествѣ. Мнѣ это, право, смѣшно.

Я сказалъ это однако безъ смѣху. Братъ ея изо всѣхъ силъ старался обратить на себя мое вниманіе.

Дженетъ обратилась къ сквайру. Болтовня ея о нашемъ будущемъ бракѣ была извинительна. Она слышала объ этомъ отъ сквайра. Онъ всегда говорилъ что любитъ чтобы подобныя дѣла были рѣшены и подписаны заранѣе, и какъ мнѣ сказала потомъ тетушка, условился съ леди Ильчестеръ, въ присутствіи Дженетъ, что мы составимъ съ ней въ послѣдствіи чету супруговъ. Дѣдушка обѣщалъ Дженетъ помирить насъ. Онъ полагалъ что сдѣлать это будетъ не трудно. Въ Риверсли пригласили множество гостей, и Дженетъ явилась разрядившись въ мои подарки и набивъ ими же свои карманы. Сквайръ повелъ гостей къ конюшеннымъ воротамъ; они раскрылись и изъ нихъ вывели, среди громкихъ криковъ восторга, великолѣпнаго пони, съ датскимъ сѣдломъ. Сквайръ положилъ уздечку мнѣ въ руку, говоря чтобы я самъ подарилъ его. Я спросилъ кому назначенъ этотъ подарокъ? Онъ указалъ мнѣ на Дженетъ. Я подвелъ пони къ Дженетъ и сказалъ: „вотъ это даритъ вамъ сквайръ“.

Въ своемъ восхищеніи она забыла что мы съ ней въ ссорѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это дарите мнѣ вы, глупенькій Гарри; я васъ должна благодарить. Что за милый пони! Мнѣ хотѣлось бы поцѣловать васъ за него. Я быстро отступилъ назадъ, но Сквайръ услыхалъ ея слова.

— Впередъ, милостивый государь, закричалъ онъ, божась сердито.—Вы, кажется, бѣжите отъ поцѣлуя, а въ васъ еще кровь Белтамовъ. Впередъ, юноша. Цѣлуй ее, заключи ее въ объятія или преклони предъ ней колѣно. Веди себя по крайней мѣрѣ какъ слѣдуетъ мущинѣ. Ну, скорѣе: видишь она ждетъ тебя.

— Я приготовила вамъ письмо, Гарри, въ которомъ объяснила вамъ, о! мнѣ было такъ жаль что я обидѣла васъ, прошептала мнѣ Джепетъ, когда я подошелъ снова къ пони;— и мнѣ бы не хотѣлось поцѣловаться съ вами при всѣхъ, лучше когда-нибудь въ другой разъ; а теперь пожмемте другъ другу руку.

— Подергайте лучше пони за гриву, сказалъ я;—это выйдетъ все то же. Смотрите, вотъ я подергалъ его, а теперь вы подергайте.

Джепетъ машинально послѣдовала моему примѣру. Она сдѣлала притомъ гримасу и пропищала:—Я готова выдернуть ему всю гриву.

— Съ животными нельзя обращаться такъ какъ вы обращаетесь съ вашими куклами, сказалъ я.

Она побѣжала къ сквайру и отказалась отъ пони. Лицо сквайра изъ веселаго стало мрачно.

— Молодой человѣкъ, обратился онъ ко мнѣ;—не выказывайте себя съ плохой стороны въ порядочномъ обществѣ, или же, ей Богу, вы не долго будете носить Белтамскій гербъ на вашихъ луговицахъ. Вспомните что эта молодая дѣвица происходитъ *съ обыкъ стороны* изъ благородныхъ семействъ.

— Она воображаетъ что уже годится въ невѣсты, сказалъ я уходя, сопровождаемый всеобщимъ, громкимъ смѣхомъ.

По смѣхъ этотъ не вознаградилъ меня за публичное поруганіе того кого я такъ любилъ. Я вышелъ изъ усадьбы, думая что пришло мнѣ время уходить отсюда. Оставаясь здѣсь долѣе, я навѣрное буду слышать какъ бранятъ моего отца. Не отправиться ли мнѣ странствовать по свѣту вмѣстѣ съ Кіоми, не уѣхать ли за море, не перебраться ли черезъ

Анды, или не поступить ли мнѣ въ прусскую армію и слушать въ ней разказы солдатъ о Великомъ Фридрихѣ? Я бродилъ вплоть до сумерекъ, по Кіоминой степи, какъ вдругъ меня нагналъ верхомъ на лошади одинъ изъ нашихъ грумовъ, говоря что сквайръ проситъ меня сѣсть на лошадь и возвратиться на ней какъ можно скорѣе домой. Двое другихъ малыхъ и кучеръ искали меня по всей окрестности, и сквайръ, повидимому, былъ въ сильной тревогѣ. Я поѣхалъ домой, подобно раненому воину, гордому своею побѣдой, но которому никто еще не перевязалъ кровавыя раны; и чѣмъ сильнѣе разыгрывалась во мнѣ гордость, тѣмъ болѣе болѣло у меня сердце. Дома я нашелъ дѣда огорченнаго и говорившаго мнѣ что вторично потерять меня убило бы его; онъ просилъ меня забыть его суровость, называя меня своимъ маленькимъ Гарри, своимъ наслѣдникомъ, своимъ храбрымъ мальчикомъ; и все-таки я былъ увѣренъ что упомяни я только при немъ о моемъ отцѣ, онъ опять готовъ былъ высказать что-нибудь подобное замѣчанію о Белтамскомъ гербѣ.

— Ты малый огневой, какъ я вижу, сказалъ онъ, возвратясь въ нормальное состояніе духа:—за это и люблю тебя; это въ тебѣ кровь Белтамовъ. Надо имѣть свою собственную волю. Выбрось изъ себя дурную кровь. Выпей-ка за мое здоровье, Гарри. Въ тебѣ по крайней мѣрѣ три четверти Белтамской крови, и я увижу тебя Белтамомъ съ головы до ногъ, прежде чѣмъ умру. Старинная кровь всегда возьметъ свое, кляпусь честью. Старше нашего рода нѣтъ во всей нашей сторонѣ. Чортъ бы побралъ всю эту примѣсь чужой крови. Мой отецъ не позволялъ, сколько могъ, выходить своимъ дочерямъ замужъ. Ваше здоровье, молодой сквайръ Белтамъ! Гарри Лепель Белтамъ, вѣдь не дурно, а? Посмотримъ, какъ говорятъ въ комедіи. Возьми мое имя и брось Ричмонда, — или бросимъ тутъ пока этотъ разговоръ; потолкуемъ объ этомъ послѣ когда-нибудь.

Такимъ образомъ онъ пытался выразить свою ненависть къ моему отцу, не оскорбляя меня; а я хладнокровно наблюдалъ за нимъ, думая въ то же время, что еслибы въ эту минуту явился предо мною мой отецъ въ лохмотьяхъ нищаго и махнулъ бы мнѣ однимъ пальцемъ, приказывая идти вслѣдъ за нимъ, то я бы не колеблясь пошелъ, хотя бы весь Риверсли, во всей своей роскоши, умолялъ меня остаться.

ГЛАВА IX.

Вечеръ въ обществѣ капитана Белстедъ.

Сонъ о моемъ отцѣ, лежащемъ подобно восковой фигурѣ въ постели, внушилъ мнѣ мысль о смерти. Я былъ боленъ, самъ не сознавая этого, и воображалъ что отчаяніе овладѣвшее мною у подножія лѣстницы, при мысли что я никакъ не могу добраться до своей комнаты и спокойно улечься тамъ въ постель, казалось мнѣ признакомъ близкой смерти. Тетя Дороти цѣлую недѣлю ухаживала за мной; кромѣ нея да моихъ собакъ, никто не входилъ въ мою комнату. Я смутно чувствовалъ только два желанія: вопервыхъ, не видать сквайра, а вовторыхъ, чтобы она разказала мнѣ что-нибудь о любви моей матери къ моему отцу. Разъ она задумчиво проговорила:

— Гарри, у тебя сердце твоей матери.

Я отвѣчалъ: Нѣтъ, моего отца.

Вслѣдствіе этого, между нами завязался разговоръ, самый отрадный который я имѣлъ съ кѣмъ-либо съ тѣхъ поръ какъ былъ разлученъ съ отцомъ, хотя она говорила робко и сообщила мнѣ очень немногое. Но для меня этого было достаточно, въ то время какъ я лежалъ въ этомъ узенькомъ мірѣ, смотря на морды моихъ собакъ, на красные листья вьющагося растенія у окна и на сосны въ далекой степи, и держа ея руку въ своей. У моего отца было много недостатковъ, говорила она, но онъ былъ ожесточенъ и обманутъ людьми и ему на долю пало тяжелое горе; затѣмъ она все отвѣчала: да, и да, и да, голосомъ какого-то удаляющагося духа, на всѣ мои разпросы о его достоинствахъ. Но это освѣжило и успокоило душу мою, какъ роса освѣжаетъ, за неимѣніемъ дождя, засохшую землю, и я скоро выздоровѣлъ.

Когда я опять возвратился въ нашъ домашній кругъ, то замѣтилъ что недѣля проведенная мною въ уединеніи одарила меня странною способностью: я научился разгадывать всѣхъ людей, какъ бы видя ихъ насквозь. Смотря на сквайра, я говорилъ самъ себѣ: „У моего отца были свои недостатки, но его ожесточили люди“, и вслѣдъ за этимъ я все прощалъ старику. Его ненависть къ моему отцу казалась мнѣ капризомъ, и въ оправданіе этого предположенія, я сталъ замѣчать всѣ его нелогичные поступки и слова, невольно улы-

боясь при мысли о его суровомъ, взбалмашномъ характерѣ и о моемъ великодушіи. Онъ замѣтилъ мою улыбку и по-своему объяснилъ ее себѣ:

— Что ты усмѣхаешься, Гарри? Вѣрно опять поймалъ меня на грѣшкѣ противъ грамматики, что?

Кто могъ бы обижаться его раздражительными нападками, читая всѣ мысли его, какъ я?

Я видѣлъ насквозь мою тетушку; она находилась въ безпрестанномъ страхѣ что я возобновлю нашъ прежній разговоръ. Я такъ и видѣлъ какъ мысли ея все старались убѣгать отъ меня какъ пугливыя птицы. Также вѣрно угадывалъ я мысли прочихъ попадавшихся мнѣ на глаза людей. Фермеръ Экерти въ изумленіи сознался что мысли его дѣйствительно занималъ крикетъ въ ту минуту какъ я сдѣлалъ это предположеніе.

— Главною моею мыслью, проходившею точно нагруженный возъ по моей головѣ, была въ эту минуту уборка хлѣба, мастеръ Гарри; но признаюсь, я въ то же время подумывалъ и о крикетѣ, нечего грѣха таить.

Горничная моей тетушки, Девисъ, была чрезвычайно поражена когда я вдругъ открылъ тайну ея любви; безполезно было бы ей запираться, ибо я видѣлъ какъ она оказывала нѣжное вниманіе лакею леди Ильчестеръ.

Старикъ Сьюисъ сказалъ съ важностью: „Видно вы побывали у колдуновъ, мастеръ Гарри,“ а другіе были увѣрены что я научился этому дару у Цыганъ жившихъ на приходскомъ лугу.

Служанки наши оказывали мнѣ сначала нѣкоторое недовѣріе, но скоро я замѣтилъ что онѣ столько же готовы были вѣрить какъ и не вѣрить мнѣ. Съ моимъ послѣднимъ наставникомъ, преподобнымъ Симономъ Гартомъ, я былъ не довольно близокъ для того чтобы доказать и ему на дѣлѣ мой необыкновенный даръ; но я выпрашивалъ у него разные бантики и клалъ на его столъ тепличные цвѣты отъ имени тетушки, имѣя удовольствіе видѣть какъ онъ краснѣлъ при этомъ. Онъ постоянно хвалилъ мои латинскія упражненія и давалъ мнѣ отличныя отмѣтки; но я не нуждался въ похвалахъ не относившихся къ моимъ природнымъ способностямъ. Теперь отецъ мой думаетъ обо мнѣ! Это было не трудно вообразить себѣ, но увѣренность въ этомъ еще болѣе убѣдила меня въ моей проницательности.

— Почемъ вы все это знаете? Какъ это можно отгадать

о чемъ другіе думаютъ? говорила Дженетъ Ильчестеръ, голова которой была такъ же открыта предо мной какъ моя шляпа. Она притворялась что боялась меня болѣе чѣмъ это было въ самомъ дѣлѣ.

— А теперь вы думаете что льстите мнѣ говоря это? сказалъ я.

Она тревожно взглянула на меня.

— А теперь вы спрашиваете себя: что̀ вы умѣете дѣлать лучше меня?

— Продолжайте, проговорила она.

Я остановился. Она обвинила меня въ томъ что вотъ я запнулся. Я не отрицалъ ея обвиненія.

— Ну, отгадывайте, отгадывайте дальше, сказала она, — видите, вы не можете!

Мой отвѣтъ поразилъ ее:

— Вы теперь думаете что вы леди происходящая съ обѣихъ сторонъ изъ благородныхъ семействъ.

Сначала она никакъ не хотѣла согласиться со мной.

— Нѣтъ, Гарри, я вовсе не объ этомъ думала, увѣряю васъ; я думала о томъ какъ вы умны.

— Да потомъ, но не сначала.

— Нѣтъ, Гарри, вы въ самомъ дѣлѣ очень умны. Я бы желала быть вполовину настолько умною. Подумайте-ка только, вѣдь что-нибудь да значитъ знать все что̀ думаютъ другіе. Я тоже всегда знаю о чемъ думаетъ мой пони, но это дѣло другое; я узнаю это по его ушамъ. А что̀ до того что я леди, то разумѣется я знаю что я леди, да и вы также, то-есть вы также джентльменъ, хочу я сказать. Я вотъ о чемъ думала, я скажу вамъ теперь то о чемъ я въ самомъ дѣлѣ думала: я желала бы чтобы вашъ отецъ жилъ гдѣ-нибудь недалеко отъ насъ и чтобы мы съ нимъ были дружны. Я не могу слышать когда сквайръ такъ говоритъ объ.... А вы никакъ не хуже меня ни въ чемъ, а даже гораздо лучше. Не отталкивайте же меня, Гарри.

Я самымъ кротчайшимъ способомъ оттолкнулъ ее отъ себя, не подозрѣвая что она прочла мои чувства такъ же хорошо какъ я прочелъ ея мысли. Съ тѣхъ поръ Дженетъ не переставала говорить со мной о моемъ отцѣ, и мы съ ней постоянно были вмѣстѣ. Сквайръ поймалъ меня разъ на улыбкѣ, въ ту минуту какъ онъ восторженно расхваливалъ свой планъ обвѣнчать насъ современемъ; но планъ этотъ не ка-

зался мнѣ болѣе ненавистнымъ. Мнѣ казалось что если я уже долженъ жениться когда-нибудь, то ужъ лучше будетъ имѣть жену слушающую съ удовольствіемъ мои разказы и готовую странствовать со мной по всему міру, отыскивая того кого я такъ любилъ, какъ мнѣ это обѣщала Дженетъ. Я заставилъ ее поклясться мнѣ не выдавать нашей тайны: она не должна была разказывать брату своему Чарли о чемъ мы говорили.

— О, я ни за что̀ не скажу ему, увѣряла она, и сейчасъ же выболтала ему все.

Чарли, возвратясь домой на зимнія вакаціи, брякнулъ разъ за столомъ при сквайрѣ:

— Итакъ, Гарри Ричмондъ, вы самый умный человѣкъ въ мірѣ. Дженетъ, такъ та говоритъ что послѣ васъ умнѣе всѣхъ на свѣтѣ отецъ вашъ, хотя она, кажется, и не видывала его никогда.

— Что̀? Эй, что̀ тамъ говорятъ! закричалъ сквайръ.

— Чарли говоритъ о моемъ отцѣ, отвѣчалъ я, готовясь встрѣтить грозу.

Всѣ мы встали. По лицу сквайра можно было подумать что его сейчасъ хватитъ ударъ.

— Прочь изъ-за моего стола! произнесъ онъ послѣ страшнаго усилія, въ продолженіе котораго онъ не могъ выговорить ни слова.

Рука его была протянута ко мнѣ. Я приготовился уйти.

— Нѣтъ, нѣтъ, не ты! Вонъ тотъ негодяй! крикнулъ онъ, показывая рукой на Чарли.

Я хотѣлъ было вступиться за него, но мнѣ менѣе кого-либо слѣдовало дѣлать это.

— Вамъ вѣроятно пріятно слушать его, не такъ ли? замѣтилъ сквайръ.

Я готовъ уже былъ сказать: да, но тетушка, присутствіе духа которой всегда проявлялось когда было нужно, положила конецъ этой сценѣ, пододвинувъ сквайру графинъ съ виномъ и заговоривъ съ нимъ своимъ тихимъ голосомъ.

— Рылъ яму другому, а попалъ въ нее самъ. Попался таки въ просакъ, нечего говорить, сказалъ Чарли.

Онъ говорилъ правду, и я простилъ ему ради его откровенности. Онъ и Дженетъ гостили въ это время въ Риверсли. На слѣдующее утро они уѣхали, такъ какъ сквайръ не говорилъ болѣе съ Чарли, а я съ Дженетъ.

— Я вотъ что̀ скажу вамъ; насчетъ одного нѣтъ никакого

сомнѣнія, сказалъ мнѣ Чарли, — Дженетъ права; эти дѣвочки бываютъ иногда очень проницательны: вы умнѣйшій малый котораго я когда-либо встрѣчалъ. Я хотѣлъ было косвеннымъ образомъ подѣйствовать на сквайра, знаете, чтобы онъ доставилъ мнѣ черезъ годикъ или два мѣсто корнета въ драгунскомъ гвардейскомъ полку. Мнѣ казалось что сквайръ могъ бы сдѣлать это безъ всякаго ущерба для васъ; могъ бы назначить мнѣ также сотни двѣ въ годъ, хоть бы въ вознагражденіе за то что я остался съ носомъ. Потому что, клянусь честью, сквайръ поговаривалъ сдѣлать меня своимъ наслѣдникомъ,—по крайней мѣрѣ явно намекалъ на это,—прежде чѣмъ вы воротились; а скорѣе чѣмъ сдѣлаться пасторомъ, въ родѣ вашего преподобнаго Гарта, передающаго изюмъ, миндаль и сухарики на ломеранцевой водѣ вашей тетушкѣ, по обыкновенію всѣхъ преподобій выпадающихъ на долю Риверсли, я готовъ кажется выдать своего лучшаго друга. Но я въ полномъ смыслѣ подстрѣлилъ себя собственнымъ выстрѣломъ, какъ говорится въ газетахъ. Мнѣ таки придется быть пасторомъ; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Вы устроили все это однимъ поворотомъ руки, даже и не ударивъ; а я люблю ловкихъ бойцовъ. Я не сержусь когда меня ловко сшибаютъ съ ногъ.

Пять минутъ спустя послѣ этой рѣчи, я уже не могъ объяснить ему что виной его пораженія была не столько моя ловкость сколько моя простота. Изъ этого я понялъ что дѣтская простота есть самое острое оружіе и что она-то и есть крайняя утонченность ловкаго ума; и я сталъ изо всѣхъ силъ придерживаться ея. Я зашелъ такъ далеко что заставлялъ сквайра плясать на своемъ креслѣ отъ сдержаннаго бѣшенства и ревности, разказывая ему о Венеціи и другихъ городахъ континента, тогда какъ онъ зналъ что я посѣщалъ всѣ эти мѣста въ сопровожденіи моего отца. Но какъ ни бѣсился онъ при этомъ, какъ ни посылалъ весь континентъ къ чорту, уже изъ одного соперничества онъ готовъ былъ тогда исполнять все чего бы мнѣ ни вздумалось пожелать. Во все время моего дѣтства и отрочества та или другая изъ страстей моихъ была постоянно наготовѣ чтобы сбить меня съ прямаго пути; теперь я сталъ пріобрѣтать какое-то ложное направленіе, становясь въ дѣйствительности все болѣе похожимъ на то существо за которое меня считали прочіе люди, которыхъ я, въ свою очередь, презиралъ

въ душѣ какъ глупцовъ, какъ дѣлаютъ это мальчики сохранившіе еще въ себѣ долю чистосердечія которой уже лишены взрослые. Къ счастію для меня, тетушка написала мистеру Риппенджеру, прося у него адресъ отца маленькаго Госа Темпля, и затѣмъ пригласила моего школьнаго товарища на цѣлый мѣсяцъ въ Ривесрли. Темпль пріѣхалъ, и всѣ полюбили его; что касается до меня, то мой восторгъ не имѣлъ границъ. Несмотря на внутреннее чувство превосходства надъ нимъ, относительно моего дара проницательности и подозрѣніе что Темпль станетъ держать себя какъ настоящій школьникъ, я скоро сталъ предпочитать его образъ дѣйствій своему. Онъ признался что нашелъ сначала перемѣну во мнѣ. Отецъ его, повидимому, занимался съ нимъ латынью, такъ же усердно какъ мистеръ Гартъ со мной, и онъ усѣлся рядомъ со мной, слушая уроки моего наставника и началъ запинаться надъ Тацитомъ, бѣгло прочитавъ Цицерона. Я сталъ извиняться за него предъ мистеромъ Гартомъ, говоря что онъ вскорѣ покажетъ себя съ лучшей стороны. „Теперь я вижу опять моего прежняго милаго Ричи,“ сказалъ Темпль, лаская меня по плечу, и всѣ мои глупыя замашки разомъ отпали отъ меня. Мы бродили по окрестностямъ, болтая о былыхъ школьныхъ временахъ, разъѣзжали по сосѣдямъ; охотились и плясали, собираясь каждый день написать Геріоту чтобъ онъ пріѣхалъ къ намъ, вмѣсто чего, мы написали посланіе Джуліи Риппенджеръ, отправивъ вмѣстѣ съ нимъ другое, написанное совершенно въ иномъ духѣ, отцу ея. Для посланія Джуліи леди Ильчестеръ имѣла любезность нарисовать морское чудовище, Андромеду и Персея, въ видѣ бѣгущаго британскаго гусара. Посланіе показалось намъ на столько удачнымъ что мы разослали съ полдюжины подобныхъ по сосѣдству, а утромъ въ Валентиновъ день, отправились верхомъ, наблюдать за произведеннымъ ими впечатлѣніемъ; на дорогѣ мы встрѣтили почтальйона, вручившаго и мнѣ два посланія. Одно изъ нихъ, очевидно исходившее отъ Дженетъ, было вызывающимъ отвѣтомъ на мое посланіе къ ней, но открывъ другое, я почувствовалъ какъ сердце забилось во мнѣ. На верху его было разрисовано красками знамя Великобританіи; по сторонамъ его, окруженные лаврами, были изображены короли и королевы Англіи, со скипетрами въ рукахъ и въ срединѣ я прочелъ заглавныя буквы: A. F. G. R. R., въ вѣнкѣ голубыхъ

незабудокъ. Я не могъ сомнѣваться что посланіе это было отъ моего отца. Ѣдучи по открытому воздуху съ этимъ посланіемъ въ рукѣ, я готовъ былъ вообразить себѣ въ пылу своей радости что оно упало ко мнѣ съ неба.

— Онъ живъ, онъ будетъ со мной, онъ скоро будетъ со мной! закричалъ я Темплю.—О, еслибъ я могъ отвѣтить ему! Гдѣ онъ? Какъ его адресъ? Поскачемъ въ Лондонъ! Понимаешь ты Темпль? Письмо это отъ моего отца. Онъ знаетъ что я здѣсь. Я отыщу его, во что̀ бы то ни стало.

— Все это прекрасно, возразилъ Темпль, — но если онъ знаетъ гдѣ ты, а ты не знаешь гдѣ онъ, то какая польза въ томъ что ты отправишься разыскивать его. Если кто-нибудь хочетъ чтобъ его нашли, то лучше всего оставаться смирно на мѣстѣ.

Пораженный его проницательностью, я повернулъ по дорогѣ домой. Я еще до того предупредилъ Темпля, прося его избѣгать разговора о моемъ отцѣ въ Риверсли; но въ настоящую минуту, мысль что отецъ мой вскорѣ явится, какъ тогда на Дипвельской фермѣ, блестящій и радостный, унося меня, въ своемъ дорогомъ обществѣ, въ новую жизнь, наполняла все существо мое такимъ пылкимъ блаженствомъ что я перебросилъ за завтракомъ посланіе это черезъ столъ, тетушкѣ, смѣясь и говоря ей чтобъ она угадала отъ кого оно. Тетушка вспыхнула.

— Отъ миссъ Беннербриджъ? сказала она.

У насъ былъ гость. Сквайръ представилъ насъ другъ другу.

— Внукъ мой, Гарри Ричмондъ, капитанъ Вильямъ Белстедъ, съ фрегата *Полифемъ*, капитанъ Белстедъ, мистеръ Августусъ Темпль.

Чтобы поддержать разговоръ, Темпль спросилъ его,—вполнѣ ли снабженъ его корабль экипажемъ?

— Полный комплектъ, кромѣ одного матроса, отвѣчалъ капитанъ.

Я зналъ его по слухамъ, какъ брата сквайра Грегори Белстеда изъ Белстеда, извѣстнаго своимъ обожаніемъ моей тетушки и бывшаго предметомъ шутокъ всего графства.

— Итакъ, вы получили письмо на Валентиновъ день, обратился ко мнѣ капитанъ,—въ прошломъ году, мы въ этотъ самый день пристали къРіо, и я ожидалъ такого же посланія себѣ не хуже васъ, юношей. Соленая вода отлично сохраняетъ людей. Но я такъ и не дождался его! Вчера я сдалъ свой ко-

рабль въ Спитидѣ, и сегодня, въ Валентиновъ день, я снова здѣсь.

Мы съ Темплемъ устремили взгляды на крупнаго мущину съ бронзовой кожей и краснымъ, смѣющимся лицомъ, ожидающаго посланія на Валентиновъ день.

Тетушка тихонько отдала мнѣ назадъ письмо.

— Это вѣрно отъ какой-нибудь дамы, сказала она.

— Кому же нужны подобныя посланія, если они не отъ дамы? воскликнулъ капитанъ.

Сквайръ мигнулъ мнѣ, совѣтуя наблюдать за нашимъ гостемъ. Капитанъ Белстедъ кушалъ съ большимъ аппетитомъ. Это былъ настоящій морякъ, позаимствовавшійся какъ отъ старой такъ и отъ новой школы, и какъ я замѣтилъ, влюбленный въ тетушку, не хуже своего брата. Вскорѣ вошелъ Сьюисъ, неся пѣнистую бутыль стараго эля; капитанъ поговорилъ съ нимъ объ Ямайкѣ.

— Когда вы кончите вашъ дрянной чай, то хлебните нашего октябрьскаго элю; его варили еще задолго до того какъ вы были лейтенантомъ, капитанъ, сказалъ сквайръ.

— Благодарю васъ, возразилъ капитанъ, — я знакомъ съ этимъ элемъ; одна минута, и я съ удовольствіемъ примусь за него. Я желаю сохранить въ эту минуту всѣ свои способности въ полной ясности; не хочу дать поводъ предполагать что я говорилъ подъ вліяніемъ ольяняющихъ паровъ. Сьюисъ, подождите немного, прошу васъ. Тетушка встала было, собираясь уйти.

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣло должно быть ведено на-чисто; останьтесь, сказалъ сквайръ, желая нахмуриться, но вмѣсто того подмигивая ей. Тетушка силилась улыбнуться и опустилась на свое мѣсто, сидя на немъ какъ на иголкахъ.

— Миссъ Белтамъ, капитанъ поклонился ей и затѣмъ каждому изъ насъ, называя насъ по имени:—Сквайръ Белтамъ, мистеръ Гарри Ричмондъ, мистеръ Темпль; вчера я сдалъ свое судно, а пока капитанъ еще не сдавалъ своего судна, онъ самъ надъ собой не властенъ, вамъ это извѣстно. Если вы находите что поступки мои требуютъ поясненія, то размыслите хорошенько, прошу васъ, о жизни моряка. Три года плаванія въ каютѣ могутъ сравниться съ тѣмъ же количествомъ времени проведеннымъ въ гробу, могу васъ увѣрить въ этомъ; съ тою разницей что во все это время мы работаемъ изо всѣхъ силъ, думая все время какъ... гм...

— Да, онъ-таки тяжелую думу думаетъ, вставилъ свое слово сквайръ.

— Извините меня, думая какъ... словомъ, дума лежитъ въ головѣ какъ свинецъ въ морѣ. Сегодня третій, нѣтъ четвертый разъ, какъ слѣдуя своему первому внушенію долга, я являюсь въ Риверсли, съ цѣлью узнать рѣшеніе судьбы моей, не желая имѣть на своей совѣсти упрекъ что я пропустилъ хоть день, хоть минуту, ставъ разъ свободнымъ человѣкомъ на твердой землѣ въ Англіи. Братъ мой Грегъ и я, мы оба выросли въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Риверсли. Одной изъ риверслійскихъ красавицъ мы лишились! Другая осталась намъ, и мы оба пробовали наше счастіе; каждый изъ насъ дѣлалъ это открыто и честно, безъ всякихъ уловокъ, въ открытомъ морѣ, на верху палубы, въ глазахъ всего экипажа. Я могу сказать это про моего брата, могу сказать и про себя. На сторонѣ Грега болѣе преимуществъ, объ этомъ нечего и говорить; онъ постоянно находится въ пристани. Если онъ достигнетъ своей цѣли, то я скажу ему:—Да благословитъ тебя Богъ, другъ, тебѣ выпала на долю, прекраснѣйшая, очаровательнѣйшая и лучшая женщина изъ всего христіанскаго и остальнаго міра! На моей сторонѣ немногое, но это немногое мое достояніе: хотя бы возможность успѣха и казалась не болѣе какъ въ монетку, въ груди женщины всегда живетъ состраданіе къ бѣднымъ грѣшникамъ. Миссъ Белтамъ, я ввѣряюсь вашей добротѣ. Если мнѣ суждено остаться холостякомъ, а вамъ дѣвицей, тогда свершится воля небесъ! Если вы будете женой другаго, кто бы онъ ни былъ, плодъ вашего союза будетъ моимъ наслѣдникомъ, все равно какого бы пола онъ ни былъ. Но если вы согласны принадлежать недостойному, подобному мнѣ, то сердце мое и рука моя у вашихъ ногъ, сударыня, и я не теряя времени спѣшу сообщить вамъ это. Этими словами заключилъ капитанъ Белстедъ рѣчь свою. Взоры всѣхъ были обращены на тетушку. Сквайръ велѣлъ ей отвѣчать самой; онъ предоставлялъ ей поступать въ этомъ случаѣ какъ ей было угодно.

Она сказала съ прелестью, заставившею меня пожалѣть отъ души бѣднаго капитана:

— Я вполнѣ чувствую всю честь оказываемую мнѣ вами, капитанъ Белстедъ, но я не намѣрена выходить замужъ.

Капитанъ всталъ и глубоко поклонившись, проговорилъ:

— Я останусь всегда вашимъ вѣрнымъ слугой, сударыня.

Тетушка вышла изъ комнаты.

— Теперь подавайте сюда бутыль, Сьюисъ, сказалъ капитанъ.

Мало-по-малу, дно большой бутыли стало обнаруживаться. Капитанъ выпилъ послѣднюю каплю.

Сквайръ спросилъ его находитъ ли онъ въ этомъ утѣшеніе.

Капитанъ глубоко вздохнулъ и сказалъ:

- Это по крайней мѣрѣ начало.

— Ну, это начало было бы похоже на конецъ, еслибы на вашемъ мѣстѣ былъ любой изъ нашихъ сосѣдей. Я скажу вамъ вотъ что, еслибы въ любовныхъ дѣлахъ побѣда оставалась всегда за самымъ крѣпкимъ желудкомъ, то вы бы одержали навѣрное верхъ надъ цѣлой половиной нашего мужскаго населенія, Вильямъ. А это, право чертовски хорошая проба металла изъ котораго сдѣланъ человѣкъ, говорю я вамъ. Что намѣрены вы дѣлать сегодня?

— Я намѣренъ напиться пьянъ.

— Ну что же, вы могли бы выбрать что-нибудь и похуже. Такъ оставайтесь здѣсь, Вильямъ, и употребите на это мой старый портеръ. Завтра утромъ, никто и не заикнется объ этомъ, обѣщаю вамъ, а ночью вы будете видѣть славные сны.

Капитанъ отъ души поблагодарилъ его, но отказался отъ его приглашенія, говоря что предпочитаетъ выказать себя скотиной въ другомъ мѣстѣ, а не здѣсь.

Сквайръ напрасно навязывалъ ему свое гостепріимство, обѣщая за всѣхъ насъ держать дѣло въ тайнѣ относительно тетушки, и предлагая ему услуги Сьюиса и еще одного изъ лакеевъ, которые доведутъ его до постели.

— Вы очень добры, сквайръ, сказалъ капитанъ, — но чувство долга удерживаетъ меня. Я обязанъ сообщить немедленно моему брату что берегъ открытъ для него.

— Ну такъ падайте осторожнѣе и головой впередъ, сказалъ сквайръ, пожимая ему руку.—Лѣтъ сорокъ тому назадъ, одинъ джентльменъ, да еще баронетъ къ тому же, ударился объ полъ затылкомъ, да такъ послѣ того и не оправился.

— О, пускай кто хочетъ плыветъ задомъ напередъ! возразилъ, кивая ему головой, капитанъ,—нѣтъ, нѣтъ, меня никогда не втягиваютъ въ пристань за хвостъ, даю вамъ слово, а затѣмъ прощайте, сквайръ.

— Надѣюсь, между нами не будетъ недоразумѣній изъ-за этой глупой, сердечной исторіи, Вильямъ?

— Клянусь честью, съ моей стороны ни малѣйшаго.

Темпль и я проводили его изъ дому, привлеченные его манерами и его своеобразностію. Онъ предложилъ намъ вскочить съ нимъ рядомъ въ его телѣжку. Мы были свидѣтелями встрѣчи между имъ и братомъ его, маленькимъ, гнусливымъ человѣчкомъ, похожимъ на капитана, какъ высохшій орѣхъ похожъ на свѣжій.

— Что̀ все та же удача, Вильямъ? сказалъ сквайръ Грегори.

— Никакой перемѣны въ вѣтрѣ, Грегъ, отвѣчалъ капитанъ.

Они стали затѣмъ трясти другъ другу руки, точно будто бы трясли вдвоемъ коверъ.

— Эти молодые джентльмены могутъ торжественно заявить тебѣ, Грегъ, что я не употреблялъ никакихъ несправедливыхъ уловокъ, сказалъ капитанъ.—Не было ни шептаній въ корридорѣ, ни свиданій въ саду, ни писемъ. Я высказался прямо, мужественно, другъ. А теперь, Грегъ, какъ обстоятъ дѣла нашего погреба? Наши молодые друзья останутся съ нами до вечера и вмѣстѣ съ нами совершатъ плаваніе. Теперь половина двѣнадцатаго. Вѣдь ты обѣдаешь въ то же время какъ и прежде, разумѣется? Итакъ, часъ маневровъ нашихъ—четыре часа пополудни. Пойдемъ, Грегъ, осмотримъ-ка вдоемъ съ тобой нашъ погребъ. Полторы дюжинки легкаго, да полдюжинки стараго—этого будетъ довольно чтобы успокоить и меня, и тебя, и всѣхъ насъ. А вы, молодые джентльмены, возьмите пока ваши ружья или удочки, но чтобы въ четыре часа быть готовымъ на мѣстѣ, не то вы не узнаете Билля Бенстеда.

Темпль былъ просто очарованъ имъ. Онъ увѣрялъ что одно время серіозно думалъ самъ поступить во флотъ, и восторгъ внушаемый ему капитаномъ внушилъ ему вѣроятно въ свою очередь знаніе его характера, потому что онъ уговорилъ меня послать въ Риверсли за нашими вечерними костюмами, и когда мы явились къ обѣду облеченные въ нихъ, то заслужили одобреніе капитана, объявившаго намъ что мы джентльмены знающіе какъ надо одѣться при подобномъ случаѣ. Сквайръ Грегори сказалъ при этомъ что случай этотъ повторяется слишкомъ часто въ его жизни, для того чтобы служить поводомъ къ перемѣнѣ одежды.

— Однако я замѣчаю, Грегъ, что ты надѣлъ черный галстукъ вмѣсто краснаго, сказалъ капитанъ.

— О, это чистая случайность! отвѣчалъ сквайръ Грегори.

— Случайность! На свѣтѣ не бываетъ случайностей. Если я выйду изъ дому вливъ въ себя полдюжины бутылочекъ, и за-

тѣмъ упаду головой въ прудъ, то развѣ скажутъ что это я случайно утонулъ? Если шквалъ разобьетъ мой корабль, то развѣ онъ будетъ тогда случайною массой балокъ, мачтъ и стараго желѣза? Если женщина откажетъ мнѣ, то развѣ это случайность? Каждое несчастіе имѣетъ свою причину: или слишкомъ много грузу, или не довольно предусмотрительности, или слишкомъ мало смѣлости. Эхъ! Вотъ если меня заберутъ, въ военное время, въ плѣнъ въ непріятельскую гавань, такъ это еще можно будетъ назвать случайностью. Мистеръ Гарри Ричмондъ, мистеръ Темпль, я пользуюсь случайнымъ счастіемъ выпить за ваше здоровье стаканъ грога. Именительный: hic, haec, hoc.

Сквайръ Грегори, не безъ гордости, продолжалъ склонять дальше. Звательный падежъ смутилъ его однако.

— Вмѣсто звательнаго поставимъ бордо, съ важностью произнесъ капитанъ; — тѣмъ скорѣе что его-таки довольно на твоемъ столѣ, Грегъ. Творительный: hoc, hâc, hoc; это похоже на то, какъ будто какой-нибудь джентльменъ уже ничего и выговорить не можетъ кромѣ названія своего вина. Итакъ, бросимъ это склоненіе и откупоримъ-ка лучше шампанскаго; его, надѣюсь, нечего склонять. Славный народъ были эти Римляне! И они тоже славно дрались на своихъ судахъ. Я хочу предложить тебѣ вопросъ, Грегъ? Религія этихъ собакъ, язычниковъ, позволяла имъ божиться и клясться. Собственный жизненный опытъ убѣдилъ меня что никогда нѣтъ человѣческой возможности не брякнуть какой-нибудь божбы или клятвы. Что ты на это скажешь?

Сквайръ Грегори возразилъ:

— За обѣдомъ пьютъ, а не думаютъ, Вильямъ.

Капитанъ согласился съ нимъ.

— Такъ какъ мы не на кораблѣ теперь, то я пользуюсь случаемъ выпить за ваше здоровье, капитанъ, обратился Темпль къ капитану, лицо котораго сіяло; онъ поклонился, осушилъ свой стаканъ и сказалъ:

— Такъ какъ мы не на кораблѣ теперь! Я полюбилъ васъ.

Темпль поблагодарилъ его за эти лестныя слова.

— Тутъ нѣтъ никакой лести, другъ. Вы видите меня въ минуту слабости и имѣете настолько проницательности что догадываетесь что я на дѣлѣ лучше чѣмъ кажусь. Вы обѣщаете питать ко мнѣ уваженіе, разъ случится вамъ быть со мной

на палубѣ моего корабля. Вы славный малый! Правду я говорю, мистеръ Гарри?

— Темпль мой дорогой другъ, отвѣчалъ я.

— А онъ бы не былъ имъ, не будь онъ славный малый! Отлично! Вотъ такъ-то, въ немногихъ словахъ можно многое высказать. Клянусь Юпитеромъ! У васъ великолѣпный слогъ!

— А самъ Гарри, великолѣпный малый! воскликнулъ Темпль.

Мы всѣ выпили за здоровье другъ друга. Глаза капитана пристально разглядывали меня.

— Мальчикъ этотъ могъ бы быть твоимъ или моимъ сыномъ, Грегъ, вдругъ произнесъ онъ внезапно прервавшимся хриплымъ голосомъ.

Они забыли о присутствіи Темпля и меня, и говорили между собою, воображая что говорятъ шепотомъ. Капитанъ увѣрялъ своего брата что сквайръ Белтамъ предоставилъ ему всѣ преимущества, какъ бы держа балансъ. Сквайръ Грегори сомнѣвался въ этомъ, поливал изъ своего стакана, держа его у самаго носа и угрюмо настаивая на своемъ мнѣніи. Тогда капитанъ замѣтилъ что разъ сомнѣваясь въ этомъ, онъ въ правѣ дѣйствовать хитростью, хотя онъ, капитанъ, не имѣя на этотъ счетъ сомнѣній, не имѣетъ на это и права.

— Я воображаю что убѣгаю съ ней каждый вечеръ, сказалъ сквайръ Грегори, — но изъ этого ничего не выходитъ кромѣ пустыхъ бутылокъ.

— Ухаживай за ней, задавай ей серенады, говорилъ капитанъ,—обступи гавань со всѣхъ сторонъ, осаждай крѣпость. Я бы отдалъ цѣлый годъ службы за твои преимущества, Грегъ. Стоитъ ей сказать полслова, и твои лошади должны быть у воротъ.

— Прошло время увозить ее, вздохнулъ сквайръ Грегори.

— Можно добиться ея руки смѣлымъ поступкомъ, братъ Грегъ.

— О, Господи, нѣтъ. Прошло время увозить ее.

— Гмъ! Должно-быть страсть-то твоя поостыла, повыдохлась, Грегъ, какъ мнѣ сдается.

— Нѣтъ, не то. Я вотъ что скажу тебѣ, Вильямъ. Она все не можетъ забыть того человѣка. Нѣтъ, увезти ее нельзя.

— Послѣ того какъ онъ бросилъ ее ради ея сестры? Неправда, Грегъ, неправда. Это ты подлилъ немножко. Она просто лукается замужества—это часто бываетъ въ ея лѣта, говорятъ. Гдѣ тотъ человѣкъ?

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1871 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ въ 1871 году стоить въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, **тринадцать рублей пятьдесятъ коп.**, съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **пятнадцать рублей.**

Желающіе могутъ подписываться также и на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., а съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, 3 р. 40 k., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 4 р.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства Германскаго Почтоваго Союза—16 р.; въ Бельгію, Нидерланды и Швейцарію—17 р.; въ Данію—18 р. 50 k.; въ Англію, Францію, Испанію, Португалію и Швецію—20 р.; въ Италію—24 руб. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1871 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1871 годъ, съ казенными объявленіями и воскресными прибавленіями: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, **двѣнадцать рублей сер.**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой въ другіе города **пятнадцать рублей сер.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.